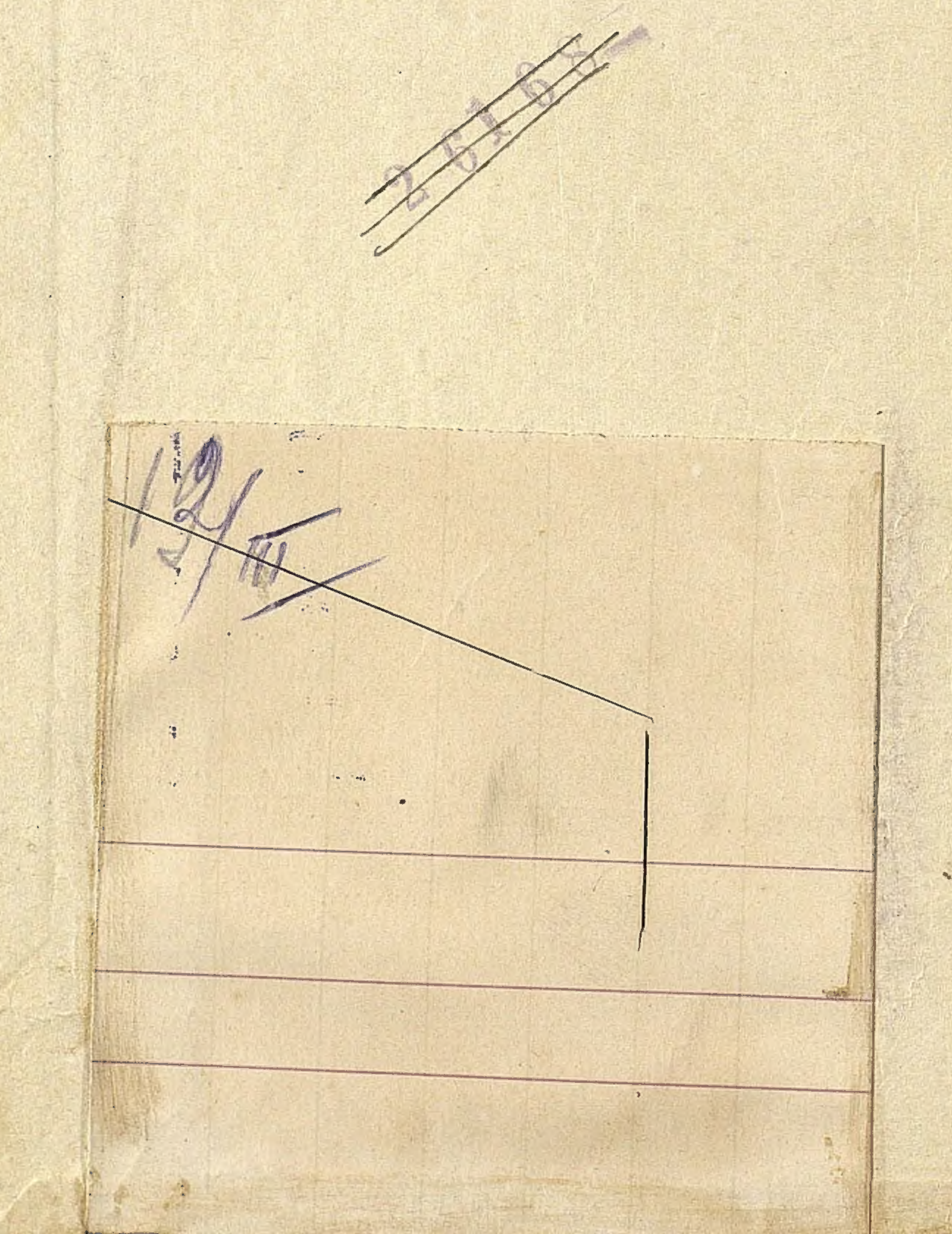

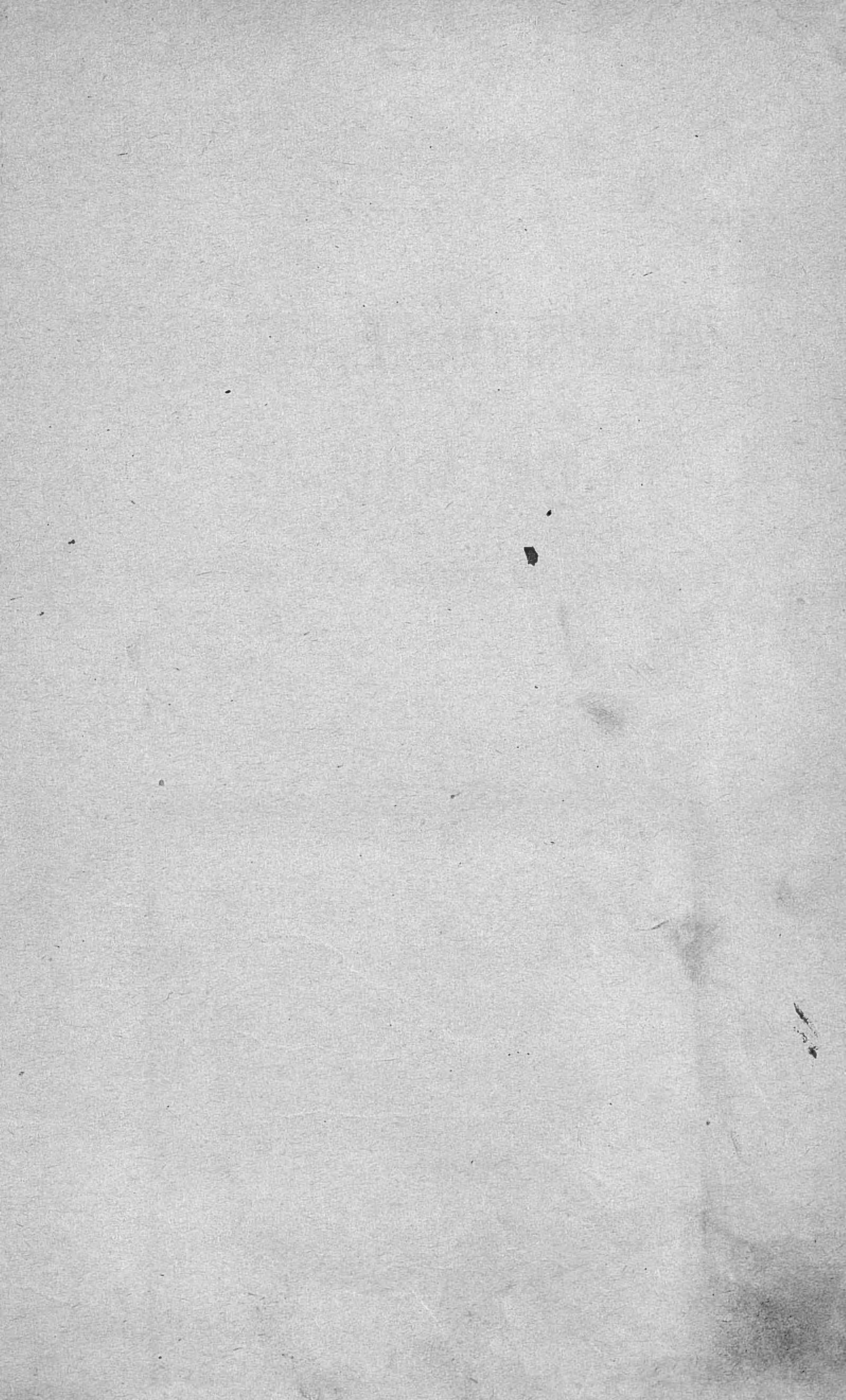

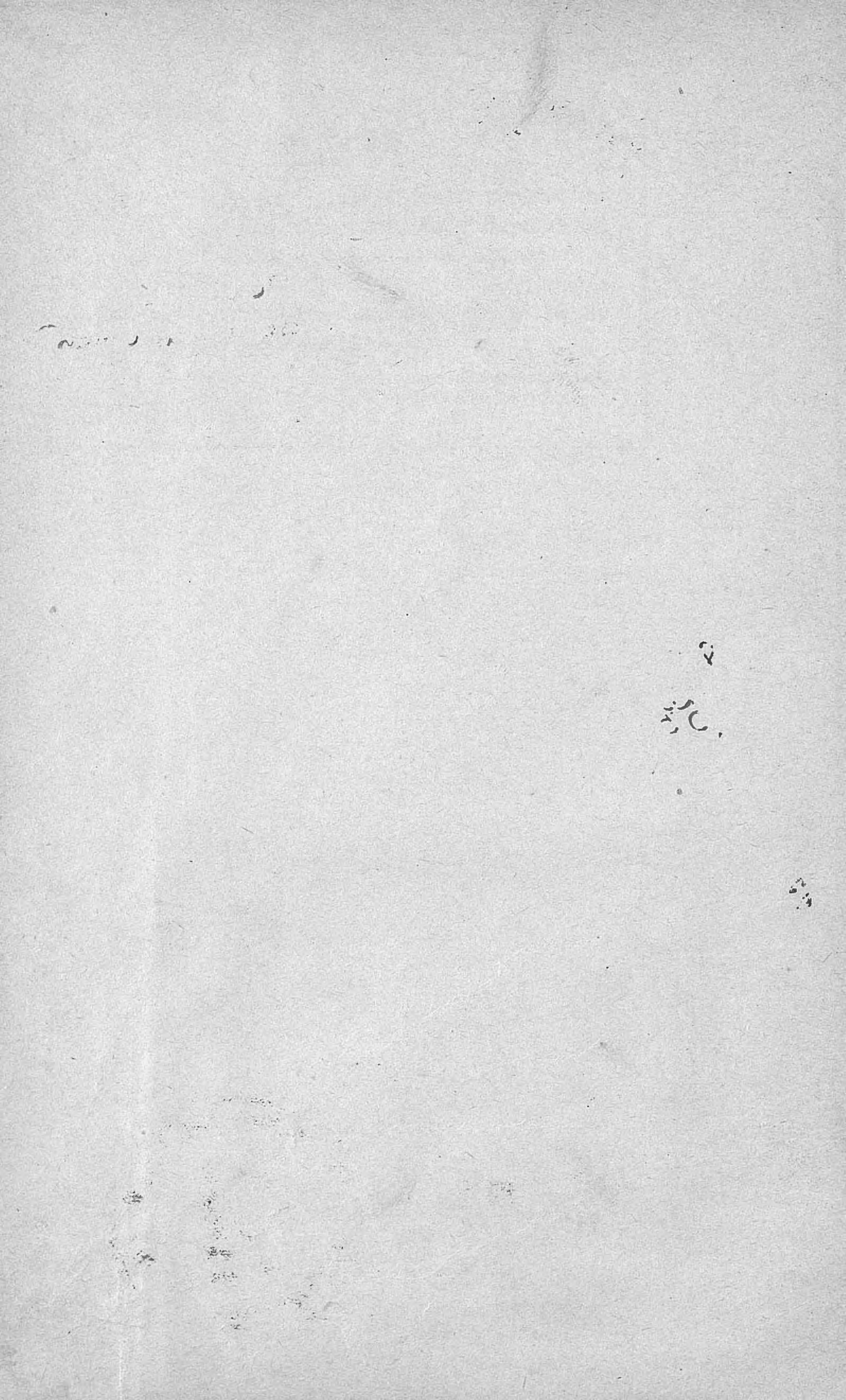

Валентинъ Витчевскій.

ТОРГОВАЯ, ТАМОЖЕННАЯ и ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССІИ

со временъ Петра Великаго до нашихъ дней.

Переводъ съ нѣмецкаго
А. В. Брауде

подъ редакціей Ю. Д. Филипова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Д. А. Казицына и Ю. Д. Филипова
1909.

Типографія товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Раздѣлъ десятый. Прошлое и будущее. Стр. 273—362.

Раздѣлъ первый.

До XIX столѣтія.

I.

Нѣсколько замѣчаній о торговлѣ и промышленности Россіи въ древнѣйшее время.

ГЛАВА I.

О торговыхъ сношеніяхъ Россіи въ древнѣйшее время.

Первыя извѣстія о внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ славянскихъ и другихъ народностей и племенъ, нѣкогда населявшихъ огромную равнину между Балтійскимъ и Чернымъ моремъ, теряются въ глубокой древности. Товарообмѣнъ между Европою и Востокомъ уже въ отдаленнѣйшіе вѣка совершался по Черному и Каспійскому морю, а также по великимъ рѣчнымъ системамъ, прорѣзывающимъ современную Россію. Болѣе сильныя экономически европейскія страны уже рано оцѣнили преимущества торговаго оборота съ «русскими»—для краткости мы употребляемъ это коллективное обозначеніе и для древнѣйшихъ временъ. Достовѣрно, что уже въ VI вѣкѣ оживленный торговый путь велъ изъ страны варяговъ въ Грецію; достовѣрно также, что приблизительно около того же времени многочисленные продукты Востока перевозились транзитомъ черезъ русскія области къ побережью Балтійскаго моря. Кіевъ и Новгородъ, расположенные на главномъ торговомъ пути, обязаны были своимъ расцвѣтомъ и богатствомъ въ XI и XII вѣкѣ своимъ широкимъ торговымъ сношеніямъ съ юго-востокомъ и сѣверо-западомъ. Когда Кіевъ потерялъ свое торговое значеніе подъ смертельными ударами татарскаго владычества, Новгородъ еще болѣе выросъ благодаря своимъ оживленнымъ сношеніямъ съ Ганзейскими городами [1]). Рядомъ съ Новгородомъ важное значеніе въ торговлѣ съ Ригой и Литвой и далѣе съ Западной Европой пріобрѣлъ въ XIII вѣкѣ Псковъ. Эти города въ своихъ собственныхъ интересахъ старались содѣйствовать возможно прочному развитію торговли путемъ освобожденія ея отъ стѣсняющихъ товарообмѣнъ препятствій и обез-

---

[1]) *Winkler*, Die deutsche Hansa in Russland (Berlin 1886).—*Riesenkampff*, Der deutsche Hof zu Nowgorod (Dorpat 1854).

печенія безопасности торговыхъ путей. Это измѣнилось, однако, съ подчиненіемъ вольныхъ городовъ Новгорода (въ 1478 г.) и Пскова власти московскихъ великихъ князей, съ суровой послѣдовательностью уничтожившихъ предоставленныя здѣсь иностраннымъ купцамъ привилегіи и гарантіи.

Въ XVI вѣкѣ внѣшняя торговля Россіи сдѣлала бы, при нормальныхъ условіяхъ, значительный шагъ впередъ, если бы хозяйственная жизнь подвластныхъ московскимъ царямъ областей не находилась еще на самой первобытной ступени развитія. Открытіе морского пути черезъ Бѣлое море къ устью Двины (1554 г.), гдѣ возникъ (1584 г.) городъ, впослѣдствіи—въ 1637 г.—названный Архангельскомъ, создало оживленныя торговыя сношенія съ Англіей. Далѣе, Ивану IV (1533—1584) удалось овладѣть въ 1558 г. Нарвою, и такимъ образомъ русская торговля получила то, къ чему она давно уже стремилась—портъ на Балтійскомъ морѣ; Нарву пришлось, впрочемъ, вскорѣ—въ 1581 г.—вновь передать Швеціи.

Несомнѣнно прочныхъ успѣховъ Иванъ IV достигъ, однако, покореніемъ Астрахани, обезпечившимъ ему господство надъ побережьемъ Каспійскаго моря. Важнѣйшая торговая артерія Россіи—Волга—сдѣлалась благодаря этому отъ верховья до устья на всемъ пути русской рѣкою. Астрахань же послужила важнымъ опорнымъ пунктомъ для расширенія торговыхъ сношеній въ глубь Азіи. Ко второй половинѣ XVI вѣка относится, наконецъ, покореніе Сибири и присоединеніе ея къ Московскому царству.

Этими благопріятными для торговли условіями тогдашняя Русь воспользовалась, однако, лишь въ весьма ограниченной мѣрѣ, такъ какъ и страна и населеніе были подавлены господствомъ московской деспотіи. Нѣкоторыя выгоды извлекли изъ усиленія московского царства только иностранцы, умѣвшіе настойчиво и самоотверженно бороться съ настроеніемъ и произволомъ русскихъ властителей. Такъ, англичанамъ удалось получить настолько важныя торговыя привилегіи, что ради нихъ можно было мириться съ очень многимъ въ порядкахъ тогдашней Руси. Въ 1555 г. имъ было предоставлено право безпошлиннаго ввоза товаровъ и полная свобода торговли внутри страны, а также покровительство ихъ транзитной торговлѣ въ Азію. Дарованное англійскимъ товарамъ освобожденіе отъ всякаго рода сборовъ — неслыханное до тѣхъ поръ благопріятствованіе торговлѣ отдѣльной націи—было, безъ сомнѣнія, весьма важной привилегіей, но надежды создатъ правильную транзитную торговлю отъ Архангельска осуществились лишь въ весьма незначительной мѣрѣ.

Англичанамъ нелегко было достигнуть и утвердить за собою такія исключительныя торговыя преимущества. Московскіе цари, покровительствуя англійскимъ купцамъ, руководились при этомъ весьма своекорыстными побужденіями. Въ качествѣ возмѣщенія они требовали не только привилегій для русской торговли въ Англіи, но и разнаго рода другія дружескія услуги, вплоть до политическихъ

союзовъ противъ враговъ Россіи, поляковъ и шведовъ. Если англійское правительство отклоняло такія домогательства, то положеніе англійскихъ купцовъ въ Россіи становилось критическимъ, пока имъ не удавалось вновь пріобрѣсти благосклонность разгнѣваннаго властителя. Такъ въ 1574 г. были конфискованы въ пользу царской казны всѣ товары въ складахъ англійской торговой компаніи въ Вологдѣ, служившей однимъ изъ важныхъ этапныхъ пунктовъ на пути между Бѣлымъ моремъ и Москвой. Независимо отъ сего англичане лишились таможенной свободы, и должны были впредь платить, по крайней мѣрѣ, половину торговыхъ сборовъ, взимавшихся съ другихъ націй.

Въ оправданіе этой перемѣны приводилось то соображеніе, что англичане будто бы вступили въ соглашеніе съ врагами царя, вмѣсто того, чтобы помочь ему. Не безъ основанія упрекали также англійскихъ купцовъ въ томъ, что они злоупотребляли таможенной свободой и ввозили подъ англійскимъ флагомъ продукты и другихъ націй.

При преемникѣ Ивана Грозного, Θеодорѣ Іоановичѣ (1584—1598) англичанамъ была вновь предоставлена свобода отъ таможенныхъ сборовъ, но они должны были обязаться строго воздерживаться отъ какихъ бы то ни было злоупотребленій своими привилегіями. Предоставленныя англичанамъ преимущества по производству торговли въ устьѣ Двины вызвали со стороны другихъ націй энергичные протесты, причемъ дѣло не обходилось безъ довольно таки некрасивыхъ интригъ при московскомъ дворѣ: онѣ возбудили, напр., сильное недовольство въ *русскихъ* купцахъ, которые считали себя обиженными и, дѣйствительно, терпѣли большіе убытки отъ англійскихъ привилегій [1]).

Въ XVII вѣкѣ въ торговой политикѣ московскихъ царей намѣчается перемѣна, свидѣтельствующая о томъ, что правительство какъ бы проникается нѣкоторымъ сознаніемъ важности въ таможенной политикѣ твердыхъ принциповъ. Царская власть стремится къ національзаціи крупной торговли путемъ послѣдовательнаго вытѣсне-

---

[1]) О торговыхъ сношеніяхъ Россіи въ древнѣйшее время: *Тенгоборскій*, О производительныхъ силахъ Россіи (Москва 1854—1858; на русск. и франц. яз.). *Костомаровъ*, Очеркъ торговли московскаго государства въ 16 и 17 столѣтіяхъ (Спб. 1862). *Семеновъ*, Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской внѣшней торговлѣ и промышленности съ половины 17 столѣтія по 1858 г. (Спб., 1859). Далѣе, на нѣмецкомъ языкѣ: *Storch*, Historisch-statistisches Gemälde des Russischen Reichs (Leipzig. 1803). Для торговой и таможенной политики въ 19 ст. наиболѣе употребительные источники: *Покровскій*, Собраніе извѣстій по исторіи и статистикѣ внѣшней торговли Россіи, т. I (изд. тамож. департ. министерства финансовъ, Спб., 1902). *Лодыженскій*, Исторія русскаго таможеннаго тарифа (Спб. 1886). *Менделѣевъ*, Обзоръ фабрично-заводской промышленности и торговли Россіи, введеніе къ изд. м-ствомъ фин. сборнику по поводу всемірной выставки 1893 г. въ Чикаго (Спб. 1893). *Тимирязевъ*, Обзоръ системы русскаго таможеннаго тарифа (въ томъ же оффиціальномъ изданіи, стр. 141—184). *Менделѣевъ*, Толковый тарифъ (2 т. Спб. 1891).

нія иностранныхъ купцовъ и поддержки отечественныхъ торговцевъ, къ устраненію произвольно взимавшихся многочисленныхъ внутреннихъ сборовъ съ торговли и, наконецъ, къ уничтоженію въ таможенномъ дѣлѣ системы откуповъ, т. е. отдачи подлежащихъ взиманію таможенныхъ сборовъ въ аренду частнымъ предпринимателямъ.

Особыя заслуги въ этомъ отношеніи принадлежатъ второму царю изъ дома Романовыхъ, Алексѣю Михайловичу (1645—1676). Внявъ настойчивымъ жалобамъ русскихъ купцовъ о предпочтеніи, оказываемомъ иностранцамъ, онъ окончательно отмѣнилъ (въ 1649 г.) привилегіи, которыми пользовались англичане въ теченіе почти цѣлаго столѣтія въ разнообразныхъ формахъ. Изданный въ 1667 г. Ново-торговый уставъ опредѣляетъ, далѣе, что иностранцы могутъ производить торговлю въ предѣлахъ государства лишь съ особаго на то разрѣшенія; при этомъ они были обложены дополнительными сборами, которые мотивировались тѣмъ, что иностранцы свободны отъ другихъ налоговъ и личныхъ податей, обременяющихъ собственныхъ подданныхъ.

Новоторговый уставъ 1667 г., на содержаніи котораго мы не будемъ здѣсь останавливаться, считается первымъ русскимъ таможеннымъ тарифомъ, хотя онъ такъ и не назывался. Уставъ былъ болѣе либераленъ, чѣмъ можно было бы ожидать, соображаясь съ съ тогдашними обстоятельствами. Правительство отнюдь не было заинтересовано въ подавленіи товарообмѣна съ заграницей; напротивъ того, въ видахъ усиленія притока въ страну благороднаго металла, значеніе котораго тогда уже весьма правильно оцѣнивалось, оно должно было стремиться къ возможной поддержкѣ экспорта. Съ другой стороны, въ виду низкаго культурнаго уровня населенія, не было основаній опасаться настолько значительнаго усиленія ввоза иностранныхъ продуктовъ, чтобы это могло неблагопріятно отразиться на торговомъ балансѣ. Торговое сословіе не было болѣе или менѣе серьезно заинтересовано въ закрытіи границъ, широкая же масса населенія не могла идти въ разсчетъ ни какъ производитель предметовъ вывоза, ни какъ потребитель иностранныхъ продуктовъ.

Русскіе историки передаютъ, что въ то время сербъ Крижаничъ усиленно пропагандировалъ въ Россіи своего рода меркантильную систему одностороняго покровительства національнымъ торговымъ интересамъ путемъ подавленія какой бы то ни было иностранной конкурренціи)[1]. Его проекты стѣсненія ввоза мануфактурныхъ товаровъ не были, правда, одобрены царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, но въ послѣдней четверти XVII вѣка уже обнаруживаются явные признаки того, что политика меркантилизма, охватившая передовыя національныя государства западной Европы, проникла и далѣе на Востокъ, въ Московское царство. Упрочиться

---

[1]) *Лодыженскій*, стр. 43 и 39.

на Руси это меркантилистическое движенiе могло, однако, лишь послѣ того, какъ Петру Великому удалось прорубить «окно въ Европу» [1]).

ГЛАВА II.

Зачатки промышленной дѣятельности.—Петръ Великiй (1682—1725).—Торговыя монополiи и меркантилизмъ.

Зачатки промышленной дѣятельности на Руси можно бы прослѣдить и въ отдаленнѣйшемъ прошломъ славянскихъ племенъ; старые лѣтописцы утверждаютъ, что русскiе были весьма искусны въ дубленiи кожъ, ковкѣ желѣза и выплавкѣ мѣди, обработкѣ золота и серебра, а также въ изготовленiи оружiя и тканьѣ холста. Слѣды нѣкоторой промышленной дѣятельности встрѣчаются, какъ извѣстно, у всѣхъ народовъ на зарѣ ихъ исторической жизни, причемъ мы интересуемся ими не только, какъ таковыми, съ точки зрѣнiя историка, но и въ виду связи отдѣльныхъ рядовъ фактовъ этой категорiи съ послѣдующимъ хозяйственно-политическимъ развитiемъ, для котораго они нерѣдко служатъ первоначальнымъ источникомъ.

Различные моменты развитiя русскихъ промысловъ не представляютъ, однако, послѣдовательнаго ряда ступеней; даже въ XVII вѣкѣ и, пожалуй, вплоть до начала XIX столѣтiя мы не видимъ еще постепеннаго роста и прогрессивнаго развитiя промышленности. Все, что мы здѣсь находимъ, это—зачатки нацiональнаго промышленнаго труда, медленно развивающiеся и затѣмъ опять какъ бы замирающiе или же заимствованные извнѣ ростки, посаженные волею абсолютизма на нерѣдко мало пригодную для ихъ развитiя почву. Не всѣ эти зачатки глохнутъ,—нѣкоторыя вѣтви промысловой дѣятельности достигаютъ даже съ теченiемъ времени значительнаго развитiя; но по сравненiю со всею совокупностью дремлющихъ въ народѣ производительныхъ силъ это все же явленiя относительно весьма малозначительныя. Политическiя, соцiальныя и культурныя условiя великокняжеской, а затѣмъ и царской Руси мало благопрiятствовали тому расцвѣту промышленности, какого достигла западноевропейская индустрiя въ городскомъ ремеслѣ. Правда, уже въ XV вѣкѣ многократно привлекались изъ за-границы дѣятельныя силы, чтобы насадить въ странѣ высшiя формы ремесленнаго труда. Эти спецiалисты безъ сомнѣнiя приносили—каждый въ своей области—извѣстную пользу, но они не могли создать школы уже вслѣдствiе единичности ихъ силъ, а затѣмъ потому, что въ теченiе долгаго времени отсутствовали всякiя условiя для широкаго распространенiя промышленныхъ знанiй.

---

[1]) Cp. Brückner, Iwan Possoschkow, Ideen und Zustände im Russlan zur Zeit Peters des Grossen (Leipzig 1878) u Peter de Grosse (Leipzig 1879

Старой Московіи до-петровскаго времени приходилось тратить всѣ свои силы на созданіе національнаго организма въ тяжелой борьбѣ съ враждебными теченіями и экономическими препятствіями. Городскія поселенія—«городовъ» въ западно-европейскомъ смыслѣ слова еще не существовало—встрѣчались лишь въ весьма небольшомъ количествѣ, жители городовъ не представляли законченнаго единства съ ясно выраженными промышленными тенденціями, средняго сословія, какъ носителя промышленной жизни, еще не было, движимый капиталъ выступаетъ на сцену лишь въ значительно позднѣйшую эпоху. Промышленность имѣла въ старой Россіи еще совершенно кустарный характеръ; она существовала главнымъ образомъ внѣ городовъ, какъ крестьянскій семейный промыселъ [1]..

При *Петрѣ Великомъ* (1682—1725) торговля и—поскольку здѣсь примѣнимъ этотъ терминъ—промышленность сдѣлали значительный шагъ впередъ. Это движеніе впередъ не слѣдуетъ, однако, переоцѣнивать; оно обусловливалось не столько естественнымъ расширеніемъ экономическихъ отношеній, сколько настойчивыми усиліями правительства. Внѣшняя торговля по прежнему сохранила свой по преимуществу пассивный характеръ и вызывалась, главнымъ образомъ, потребностями сосѣднихъ народовъ. Русскій купецъ не обладалъ ни достаточной предпріимчивостью, ни достаточной интеллигентностью, чтобы заводить новыя торговыя сношенія съ иностранными государствами. Поскольку вывозъ русскихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ не оставался въ рукахъ иностранцевъ, внѣшнюю торговлю вело само правительство. Ибо уже задолго до Петра I торговля получила ярко выраженный фискальный характеръ. Правительство сосредоточивало въ своихъ рукахъ то тотъ, то другой изъ болѣе важныхъ предметовъ торговли; продажа этихъ такъ называемыхъ казенныхъ товаровъ составляла монополію государства, которое такимъ образомъ сдѣлалось самымъ крупнымъ торговцемъ, хотя экспортъ монополизированныхъ товаровъ нерѣдко отдавался на откупъ отдѣльнымъ купцамъ или компаніямъ за опредѣленную откупную цѣну. Къ казеннымъ товарамъ принадлежали, напримѣръ, пенька, льняное сѣмя, сало, воскъ, деготь, поташъ, икра и т. д. На особыхъ монопольныхъ основаніяхъ являлись также объектами фискальной торговли соль, водка и табакъ [1]).

Петръ Великій не только удержалъ эту развившуюся при его предшественникахъ систему государственныхъ торговыхъ монополій, но въ началѣ даже расширилъ ее увеличеніемъ числа монополизированныхъ продуктовъ. Частныя лица могли подвозить соотвѣт-

---

[1]) Въ 1724 г. городское населеніе составляло 3, въ 1796 г. лишь 4% всего населенія (*Милюковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, лейпц. изд. 1898 г., т. I стр. 65.). О городахъ и классахъ городского населенія см. также: *Leroy—Beaulieu*, Das Reich des Zaren (перев. съ франц. Berlin 1884, стр. 230—267; *Brückner*, Die Europäisierung Russlands, Gotha 1888.

[2]) *Stieda*, Peter der Grosse als Merkantilist. Russische Revue т. IV стр. 228 сл.

ственные товары только къ опредѣленнымъ рѣчнымъ пристанямъ, гдѣ они переходили въ руки уполномоченныхъ государствомъ получателей. Петръ отказался, впрочемъ, отъ этой монопольной торговли, когда убѣдился, что фискальные интересы страдаютъ отъ такой государственной регламентаціи. Монополія была сохранена только для двухъ продуктовъ [1]).

Съ точки зрѣнія торговаго баланса пассивный характеръ внѣшней торговли былъ для Россіи весьма выгоденъ, такъ какъ этимъ обусловливалось значительное превышеніе вывоза надъ ввозомъ [2]). Это увеличивало запасъ благороднаго металла въ странѣ и служило къ удовлетворенію потребности государства въ монетѣ и металлѣ. Усиленію металлическаго запаса должно было служить также, рядомъ съ указаннымъ направленіемъ торговой политики, покровительство отечественной горнопромышленности [3]). Въ этомъ отношеніи Петръ явился послѣдователемъ меркантилистическаго ученія объ обогащеніи собственной страны, но не вслѣдствіе болѣе глубокаго пониманія взаимной связи хозяйствнно-политическихъ явленій, а только потому, что эта система была наиболѣе пригодна для цѣлей и плановъ царя.

Господствовавшій въ Западной Европѣ въ началѣ XVIII вѣка меркантилизмъ выросъ изъ потребностей эпохи, готовившейся сбросить съ себя скорлупу натуральнаго хозяйства; онъ благопріятствовалъ стремленію къ внутренней консолидаціи, хозяйственному укрѣпленію и политическому вліянію. Все это вполнѣ соотвѣтствовало собственнымъ намѣреніямъ Петра, хотя по своему развитію его имперія не выдерживала, конечно, самаго отдаленнаго сравненія съ Западной Европою. Разсматривая мѣропріятія правленія Петра, мы можемъ признать его меркантилистомъ въ томъ смыслѣ 1) что онъ стремился къ возможному ограниченію вывоза сырья, даже сельскохозяйственныхъ продуктовъ, чтобы не лишать населеніе матеріала для обработки и предметовъ пропитанія; 2) что онъ старался затруднить ввозъ, особенно мануфактурнаго товара, такъ какъ опасался, что разсчеты съ заграницею могутъ уменьшить запасъ металла въ странѣ; 3) что онъ разсчитывалъ поднять отечественную промышленность выдачею премій и ссудъ, припискою къ фабрикамъ рабочихъ силъ и т. д., словомъ путемъ цѣлаго ряда искусственныхъ, частью прямо «азіатскихъ» средствъ; 4) что онъ всецѣло склонялся къ ходячимъ воззрѣніямъ меркантилистовъ о важности сохраненія и увеличенія въ странѣ запаса благородныхъ

---

[1]) *Покровскій*, стр. 23.

[2]) *Покровскій*, стр. 23.

[3]) Къ концу царствованія Петра I (1726 г.) цѣнность вывоза изъ портовъ Архангельска и Петербурга достигала 2,6 мил. руб. серебр., а ввоза—1,5 мил. (*Покровскій*, стр. 24). Эти цифры должны быть признаны не столь незначительными, если принять во вниманіе тогдашнюю покупательную силу денегъ. (*Милюковъ*, стр. 95 слл.).

[4]) О соотвѣтственныхъ мѣропріятіяхъ см. *Ordega*, Die Gewerbepolitik Russlands von Peter I bis Katharina II Tübingen 1885, стр. 14, 25 сл.

металловъ и монеты; 5) что, наконецъ, всѣ свои силы онъ направилъ на созданіе національнаго флота.

Но какою либо шаблонною программою меркантилизма Петръ руководился въ своей политикѣ также мало, какъ и другія правительства. Различіе въ политикѣ отдѣльныхъ государствъ обусловливалось тѣмъ, что они различно составляли свои мерантилистическіе рецепты, примѣняли средства болѣе или менѣе рѣшительныя и стремились къ большему или меньшему воздѣйствію на ту или иную часть экономическаго организма націи. Петръ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ шелъ въ извѣстной мѣрѣ своимъ собственнымъ путемъ, —не столько въ виду своеобразныхъ особенностей страны, сколько изъ страстнаго стремленія къ усиленію ея политическаго могущества. Послѣднее должны были обезпечить ему войско и флотъ, для созданія и поддержанія которыхъ финансовыя силы были доведены до крайней степени напряженія.

Лодыженскій и другіе авторы ставятъ Петру въ заслугу, что онъ не былъ слѣпымъ приверженцемъ меркантилистической теоріи. Онъ де, напр., отнюдь не увлекался излишнимъ поощреніемъ вывоза русскихъ фабрикатовъ и соблюдалъ мѣру при удаленіи иностранныхъ продуктовъ съ внутренняго рынка; и эта сдержанность вызывалась будто бы стремленімъ какъ можно болѣе приспособиться къ экономическимъ условіямъ государства. Но такой взглядъ основанъ на совершенно превратномъ пониманіи характера и политики такого лишь въ опредѣленныхъ направленіяхъ просвѣщеннаго деспота, какимъ былъ Петръ Великій. Если руководителей другихъ государствъ той же эпохи можно упрекнуть въ томъ, что свою государственную власть они слишкомъ настойчиво пускали въ ходъ для достиженія нерѣдко одностороннихъ хозяйственныхъ цѣлей, то для Петра экономическія цѣли являлись лишь фундаментомъ, на которомъ долженъ былъ быть воздвигнутъ храмъ его политическаго могущества. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Милюковъ, «побудительной причиной всѣхъ новшествъ въ области государственнаго хозяйства» являлось для Петра учрежденіе постояннаго войска и созданіе флота по образцу другихъ государствъ. Въ словахъ одного изъ Петровскихъ указовъ—«деньги это артерія войны»—выражено главное содержаніе царскаго меркантилизма, въ афоризмѣ же—«полиція есть душа гражданственности и всякаго добраго порядка» заключается секретъ успѣховъ западноевропейской меркантилистической торговой системы. Государственное принужденіе служило средствомъ хозяйственно-политическихъ мѣропріятій, направленныхъ къ поддержанію и улучшенію финансовъ [1].

---

[1] О меркантилизмѣ Петра см., кромѣ названныхъ трудовъ *Stieda* и *Brückner'a*, также *Schulze Gävernitz*, Volkswirtschaftliche Studien aus Russland, Leipzig 1899, стр. 9—18.

ГЛАВА III.

Торговая и промышленная политика Петра Великаго.

Расточаемыя, какъ уже упомянуто, нѣкоторыми изслѣдователями похвалы *торговой политикѣ* Петра Великаго за то, что она не являлась педантическимъ воспроизведеніемъ принциповъ меркантилизма, еще болѣе теряютъ въ цѣнѣ, когда мы узнаемъ, что въ послѣдніе годы своей жизни царь всецѣло перешелъ на путь протекціонизма. Въ извѣстной мѣрѣ фритредерскій новоторговый уставъ 1667 г. (ср. выше стр. 4) Петръ замѣнилъ изданнымъ въ 1724 г. *таможеннымъ тарифомъ*, согласно которому пошлина возрастала соотвѣтственно размѣрамъ внутренняго производства. Если послѣднее составляло четвертую часть ввоза какого либо продукта, пошлина исчислялась въ размѣрѣ одной четвертой части стоимости соотвѣтственнаго товара. Если производство относилось къ импорту какъ 1 : 3, пошлина составляла треть цѣны. На этомъ своеобразномъ принципѣ былъ построенъ новый таможенный тарифъ. Онъ примѣнялся сперва только въ портахъ, впослѣдствіи также на польской границѣ; для Риги и другихъ портовъ Балтійскаго моря остались въ силѣ существовавшіе тамъ мѣстные тарифы.

Характеризовавшія меркантилизмъ грубо своекорыстныя отношенія государствъ другъ къ другу въ области торговой политики удобно совмѣщались, однако, съ стремленіемъ ихъ къ дружественному сближенію тамъ, гдѣ только на этой почвѣ могла быть достигнута извѣстная коммерческая выгода, а такая сфера была несомнѣнно, ибо если съ одной стороны весьма ревниво и недоброжелательно относились къ ввозу иностранныхъ продуктовъ, то съ другой стороны стремились къ возможно болѣе широкому вывозу предметовъ собственнаго производства. Не чужды были эти стремленія и Петру Великому, поскольку онъ старался проложить путь внѣшней торговлѣ Россіи путемъ заключенія торговыхъ трактатовъ съ иностранными государствами. Сюда относится уже торговый договоръ съ Польшей 1686 г., открывшій подданнымъ обоихъ государствъ взаимный доступъ на территоріи ихъ и опредѣлившій условія взаимнаго ихъ товарообмѣна. Въ 1689 г. былъ затѣмъ заключенъ договоръ съ Пруссіей и десять лѣтъ спустя съ Даніей. Въ 1713 г. состоялось соглашеніе съ Любекомъ, предшествовавшее такимъ же конвенціямъ съ Данцигомъ и Гамбургомъ. Далѣе послѣдовали трактаты съ Мекленбургомъ, Франціей, Голландіей, Англіей. Въ 1723 г. всѣмъ купцамъ была дозволена торговля съ Бреславлемъ. Ништадскій миръ повлекъ за собою установленіе болѣе тѣсныхъ сношеній Россіи съ Швеціей. Царь посылалъ также, какъ передаютъ источники, консуловъ для представительства русскихъ интересовъ во Францію, Испанію, Португалію и т. д.

Торговые трактаты той эпохи представляли, однако, мало общаго съ торговыми договорами новаго времени. Они имѣли цѣлью создать нѣкоторое взаимное согласіе въ предѣлахъ системы корыстной

замкнутости; цѣнность ихъ заключалась не столько въ положительныхъ условіяхъ покровительства товарообмѣну, сколько въ обѣщаніяхъ воздерживаться отъ враждебнаго притѣсненія торговаго оборота. Въ частности Россія не извлекла изъ этихъ соглашеній существенной матеріальной пользы, такъ какъ они оказались выгодными болѣе для ввоза, чѣмъ для вывоза. Къ концу царствованія Петра вывозъ, правда, значительно превышалъ ввозъ (ср. выше стр. 7 прим. ***), но послѣдній вообще развился болѣе или менѣе только при Петрѣ [1]). Когда сознательный протекціонизмъ пустилъ корни въ Россіи, относительныя цифры роста ввоза и вывоза, во всякомъ случаѣ, измѣнились. Въ теченіе XVIII вѣка вывозъ дѣлалъ весьма замѣтные успѣхи, ввозъ же возрасталъ гораздо медленнѣе.

Завѣтною мечтою Петра было расширить границы государства до открытаго моря. Въ какой мѣрѣ ему удалось разрѣшить эту задачу,—объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія. Но для торговли открылась весьма значительная будущность, когда Петръ проникъ къ Балтійскому морю; рядомъ съ отдаленнымъ Архангельскомъ Россія стала располагать отнынѣ двумя другими важными портами—Петербургомъ и Ригою. Основаніе Петербурга (1703 г.) дало торговлѣ другое направленіе; исключительныя привилегіи и благопріятное положеніе обусловили расцвѣтъ новой столицы, въ то время какъ слава Архангельска все меркла. Такъ хотѣлъ царь; но въ этомъ случаѣ хозяйственные интересы шли рука объ руку съ политическими цѣлями.

Промышленная политика Петра Великаго вполнѣ соотвѣтствовала его торговой политикѣ—какъ по своей цѣли, такъ и по средствамъ. Усердно покровительствуемое царемъ болѣе широкое распространеніе промышленной дѣятельности имѣло важнѣйшею своею цѣлью удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей государства, и главнѣйшимъ средствомъ къ тому служили указы и предписанія. Въ области индустріи не все, конечно,—начиная съ учрежденія промышленныхъ предпріятій, ихъ оборудованія и эксплоатаціи путемъ полученія сырого матеріала, рабочихъ силъ и т. д. вплоть до сбыта готоваго фабриката—могло быть предписано свыше, но фактически почва для новыхъ индустріальныхъ предпріятій и самый ихъ характеръ всецѣло создавались волею царя. А для того, чтобы велѣнія царя получали безпрекословное осуществленіе, была учреждена *мануфактуръ-коллегія*, которая должна была имѣть попеченіе о соотвѣтственной бюрократической регламентаціи и надзорѣ. Въ этомъ излишествѣ государственнаго принужденія и полицейскаго попечительства приверженность Петра къ меркантилистическимъ утопіямъ о благоденствіи народовъ подъ опекою правительства

---

[1]) „Въ договорахъ съ торговыми государствами Россія выговаривала, правда, равныя права для обѣихъ сторонъ, но на русской сторонѣ не было никого, кто могъ бы использовать эти привилегіи... При существовавшихъ условіяхъ торговымъ консуламъ, назначеннымъ Петромъ въ другія государства, долго нечего было дѣлать“. (*Милюковъ*, т. I, стр. 89).

сказалась не менѣе явственно, чѣмъ въ его торговомъ протекціонизмѣ. Петръ былъ сыномъ своего времени. При тѣхъ условіяхъ промышленнаго развитія, какія были въ Россіи, индустріальналная политика царя и не могла бы привести къ какимъ либо результатамъ безъ приспособленія къ ходячимъ теоріямъ.

Одною ихъ заботъ, не оставлявшей Петра во все время его царствованія, было снабженіе арміи и флота всѣмъ для нихъ необходимымъ. Политическая мудрость подсказала ему стремленіе къ независимости въ этомъ отношеніи отъ иностранныхъ поставщиковъ — ганзейскихъ городовъ, Голландіи и Англіи. Этой цѣли служило учрежденіе и поощреніе селитренныхъ заводовъ, изготовлявшихъ порохъ, заводовъ оружейныхъ и для литья пушечныхъ ядеръ, а также фабрикъ для производства грубыхъ суконъ и паруснаго полотна. [1]) Затѣмъ и народнохозяйственные интересы нашли себѣ признаніе въ устройствѣ фабрикъ для производства предметовъ, до тѣхъ поръ ввозившихся изъ-за-границы. Но спросъ на продукты болѣе широкаго жизненнаго комфорта былъ ограниченъ чрезвычайно узкимъ кругомъ. Данныя объ импортѣ за 1726 г. отмѣчаютъ прежде всего текстильные товары и красильныя вещества, затѣмъ колоніальные товары, главнымъ же образомъ сахаръ и напитки.

Усвоенная Петромъ «система покровительства промышленности» проявлялась сперва спорадически, въ силу условій момента или домогательствъ удачливыхъ рыцарей наживы. Лишь впослѣдствіи отдѣльныя предписанія были нормированы общимъ образомъ [2]). Къ концу царствованія, Петръ вознамѣрился помочь и *ремеслу*, учрежденіемъ цеховъ, въ связи съ сословной организаціей городовъ (указъ 15 декабря 1720 г.). Эти цехи никогда не пріобрѣли, впрочемъ, въ Россіи замѣтнаго значенія; кромѣ Балтійскихъ провинцій, гдѣ нѣмецкое населеніе успѣшно развивало свою хозяйственную дѣятельность, цехи остались искусственно взрощеннымъ тепличнымъ учрежденіемъ.

Къ концу царствованія Петра Великаго въ Россіи насчитывалось свыше 200 фабрикъ. Такъ какъ число такихъ предпріятій въ допетровское время было незначительно, то, казалось бы, дѣятельность царя, направленная на насажденіе фабричной промышленности, должна быть признана имѣвшею значительный успѣхъ. Но приведенная цифра не свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ движеніи впередъ, ибо послѣднее въ дѣйствительности было гораздо менѣе значительнымъ, чѣмъ можно было ожидать. Оффиціальное разслѣдованіе 1730 г. установило, что многія фабрики являлись только ширмою, за которою мануфактуры пользовались предоставленными имъ привилегіями. Хотя сенатъ призналъ эти мнимыя фабрики «недѣйствительными», но тѣмъ не менѣе было рѣшено сохранить за ними ихъ права и даже обнадежить ихъ дальнѣйшими привилегіями на случай, еслибы

---

[1]) Подробнѣе см. *Ordega,* стр. 38—44.
[2]) *Ordega,* стр. 52—79.

онѣ захотѣли превратиться въ «дѣйствительныя» фабричныя предпріятія [1]). Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ смерти великаго царя-преобразователя изъ существовавшихъ тогда, числомъ около 300, фабричныхъ предпріятій оказались возникшими только 22 еще при жизни Петра. Такимъ образомъ, то, что было создано волею царя, нерѣдко поспѣшно и безъ соображенія съ внутренними потребностями народа и отсутствіемъ необходимыхъ элементовъ производства, просуществовало не долго.

Созданное при Петрѣ промышленное развитіе представляло собою нѣчто искуственное, извнѣ заимствованное и механически пересаженное на еще не подготовленную русскую почву. Петра нерѣдко упрекали въ томъ, что онъ направлялъ экономическое развитіе страны на ложный путь, насаждая и выращивая въ тепличной обстановкѣ капиталистическое крупное производство, вмѣсто того, чтобы обратить свое вниманіе на развитіе «національной» формы производства – кустарной индустріи. *Туганъ-Барановскій* [1]) справедливо признаетъ этотъ упрекъ незаслуженнымъ. Новая крупная индустрія не могла вырасти на основѣ семейно-кустарныхъ промысловъ сельскаго крестьянскаго населенія. Она требовала концентраціи капитала, которую ей могли дать только государство или разбогатѣвшіе торговцы; она нуждалась въ техническихъ силахъ, каторыя въ предѣлахъ государства можно было получить лишь въ весьма ограниченномъ количествѣ; въ отношеніи рабочаго матеріала, способовъ производства и сбыта она должна была считаться съ совершенно иными отношеніями, чѣмъ кустарь, который примитивнѣйшимъ ручнымъ способомъ изготовлялъ простые и дешевые продукты народнаго потребленія. Словомъ, въ Россіи отсутствовали всѣ условія, необходимыя для превращенія этого мелко-ремесленнаго производства въ фабричную индустрію. Экономическому прогрессу въ промышленности путь нужно было пролагать оттуда, гдѣ могли быть найдены творческіе элементы. Это и произошло, благодаря энергичной инициативѣ, всестороннему содѣйствію и широкому матеріальному участію царскаго правительства.

Новыя формы производства были, такимъ образомъ, заимствованы съ Запада въ готовомъ видѣ и поставлены рядомъ съ національнымъ во всѣхъ отношеніяхъ отсталымъ промысломъ. То обстоятельство, что выросшая на чужой почвѣ крупная индустрія оказалась неспособной примѣниться къ своеобразнымъ условіямъ новой среды, — было виною тѣхъ, кто ее насадилъ, но неспособность эта осталась ей присущей, какъ постоянный моментъ ея слабости; домашне-кустарное производство, напротивъ того, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ своего развитія, выросло изъ своихъ прими-

---

[1]) Милюковъ, т. I. с. 68.

[2]) Русская фабрика (Спб. 1898). На нѣмецк. яз. въ «Sozialgechichtliche Forschungen» (Ergänzungshefte) и въ изд. Minzes (Berlin 1900). Здѣсь цитируется нѣмецкое изданіе. Стр. 11 и др.

тивныхъ формъ и явило такую жизнеспособность, что смогло съ успѣхомъ конкуррировать съ покровительствуемымъ капитализмомъ. Какъ мы увидимъ ниже, силы русской кустарной промышленности, какъ и нѣмецкаго ремесла, еще выросли въ борьбѣ съ надвигающимся крупнымъ производствомъ.

Сдѣланными указаніями мы, ворочемъ, забѣжали впередъ эволюціи, которую изучаемъ. Ко времени Петра противоположность фабрики и кустаря еще едва только намѣчалась. Возникавшія то здѣсь, то тамъ фабрики имѣли прежде всего цѣлью создатъ національную индустріальную основу для господствовавшаго надъ всѣми остальными интересами царскаго милитаризма, возможно лучше снабжать его всѣмъ необходимымъ, претворять въ дѣйствительность высоко заносившіеся политическіе планы деспотическаго реформатора. Отъ остраго взгляда такого царя, какъ Петръ Великій, просвѣщеннаго притомъ постояннымъ соприкосновеніемъ съ Западомъ, не могло, конечно, ускользнуть, что порохъ и пушки сами по себѣ еще не составляютъ силы государства; но въ своей хозяйственной политикѣ—какъ торговой, такъ и промышленной—Петръ до конца жизни оставался сыномъ своей эпохи, которой идея индивидуальной свободы была чужда. И это основное направленіе приняло въ варварской странѣ, составлявшей тогда для Европы «Дальній Востокъ», такія грубыя формы, что «народъ» представлялъ собою исключительно только вынужденное къ долготерпѣнію и предназначенное для эксплоатаціи орудіе въ рукахъ царскаго деспотизма. Успѣхи Петровской политики частью имѣли тотъ самый источникъ, который въ свое время придалъ такой чрезвычайный блескъ меркантилизму—«злоупотребленіе властью», по выраженію Шмоллера. Мы отнюдь не отрицаемъ, однако, что необузданная энергія Петра послужила на пользу развитію государства,—она пробудила въ странѣ духъ предпріимчивости, расшевелила внутреннія производительныя силы, содѣйствовала развитію торговли и оборота.

ГЛАВА IV.

Отступленія отъ Петровской системы.—Торговая и таможенная политика преемниковъ Петра.

Недовольство промышленной и таможенной политикой Петра Великаго проявилось тотчасъ же послѣ его смерти съ такою силою, что уже вскорѣ оказалось необходимымъ проломить брешь въ его системѣ. Противъ мелочной регламентаціи промышленной дѣятельности возстали заинтересованные круги и достигли нѣкоторыхъ облегченій; таможенный тарифъ 1724 года уже при Екатеринѣ I (1725—1727) вызвалъ жалобы со стороны жившихъ въ Петербургѣ иностранныхъ купцовъ (англійскихъ, гол-

ландскихъ и гамбургскихъ), такъ какъ этотъ тарифъ грозилъ затормазить всю внѣшнюю торговлю. По поводу этихъ жалобъ сенатъ долженъ былъ высказаться, полезенъ или вреденъ торговлѣ новый тарифъ, и отвѣтъ его гласилъ, что, въ виду слабаго развитія отечественнаго производства, представляется нецѣлесообразнымъ закрывать доступъ иностраннымъ продуктамъ. Главнымъ аргументомъ противъ закрытія границы служила явная невозможность борьбы съ контрабандою. Пограничный надзоръ былъ до крайности несовершененъ, а гдѣ онъ осуществлялся — тамъ господствовали обманъ и злоупотребленія. Таможенные чиновники пріобрѣли славу наиболѣе продажныхъ, и народъ правильно оцѣнилъ положеніе дѣла приговоромъ: «таможня вымощена золотомъ» [1].

Уже въ 1726 и 1727 г. тарифныя ставки по цѣлому ряду статей были понижены. Мотивы къ таможенному тарифу 1731 г. слѣдующимъ образомъ выясняютъ недостатки таможенной политики Петра. При установленіи тарифа 1724 г., читаемъ мы здѣсь, имѣлось въ виду посредствомъ устраненія иностранныхъ товаровъ двинуть впередъ отечественное производство. Но этимъ путемъ достигли немногаго: хотя русскія фабрики и производили нѣкоторые продукты, но послѣдніе по качеству не выдерживали сравненія съ иностранными фабрикатами. Многіе продукты, притомъ, вообще не производятся въ Россіи. Представляется поэтому правильнымъ установить нижеслѣдующую пошлину: для продуктовъ, которые вырабатываются въ Россіи, въ размѣрѣ 20%, а для всѣхъ остальныхъ въ размѣрѣ 10% съ ихъ стоимости. Покровительственная таможенная система Петра была, такимъ образомъ, оставлена.

Поворотъ длился впрочемъ, недолго. Уже въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны (1741—1761) корыстолюбіе вліятельныхъ фаворитовъ вновь ухватилось, подъ флагомъ патріотизма, за петровскіе рецепты; въ послѣднихъ копировалась при этомъ самая буква, а не духъ ихъ. Государственныя монополіи, отъ которыхъ Петръ отказался, какъ отъ финансовыхъ источниковъ, тормозящихъ прогрессъ, вновь расцвѣли въ рукахъ отдѣльныхъ счастливцевъ, а *тарифъ 1757 г.* явился не исправленнымъ, а усиленнымъ изданіемъ тарифа 1724 г. Но къ этому времени относится и весьма благодѣтельная мѣра. Чрезвычайно обременявшіе торговлю внутреннія пошлины и сборы, подъ семнадцатью различными наименованіями, были всѣ безъ остатка отмѣнены манифестомъ 20 сентября 1753 г.; для покрытія же недобора въ доходахъ со всѣхъ статей ввоза и вывоза былъ введенъ дополнительный тринадцати-процентный сборъ. Народъ ликовалъ—конечно, только по поводу первой части этого манифеста. «Со времени Ништатскаго мира ни одно событіе не приводило населенія въ такой восторгъ» [2].

Торговополитическія связи съ иностранными государствами, установлявшіяся уже Петромъ Великимъ, то здѣсь, то тамъ отъ

---

[1]) *Лодыженскій*, стр. 74.
[2]) *Лодыженскій*, стр. 88.

времени до времени укрѣплялись и дополнялись при его преемникахъ и преемницахъ [1]).

Была сдѣлана попытка установить правильный товарообмѣнъ съ Франціей и Италіей, въ Испанію были даже зафрахтованы три корабля съ русскими товарами, какъ это проектировалъ уже Петръ. Довести, однако, дѣло до активной торговли русскіе купцы не сумѣли. Во всѣхъ внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ Россіи давала себя чувствовать рука Англіи; даже южноевропейскимъ торговцамъ приходилось обращаться съ требованіемъ русскихъ товаровъ къ англійскимъ фирмамъ. Заключенный въ 1724 г. торговый договоръ съ Англіей долженъ быть признанъ сравнительно цѣлесообразнымъ. Онъ обезпечивалъ подданнымъ и торговымъ судамъ обоихъ контрагентовъ свободное плаваніе и наибольшее благопріятствованіе въ сферѣ торговли. Для большей части товаровъ были установлены обѣими сторонами одинаковыя таможенныя пошлины. Въ случаѣ возникновенія войны Россіи или Англіи съ какимъ либо третьимъ государствомъ, не участвующая въ войнѣ сторона могла безпрепятственно продолжать свою торговлю съ воюющими державами. На случай же войны между самими договарившимися государствами подданнымъ и судамъ противника долженъ былъ быть предоставленъ, по крайней мѣрѣ, годовой срокъ для ликвидаціи дѣлъ. Въ 1742 г. этотъ договоръ былъ возобновленъ на 15 лѣтъ.

Въ 1726 г. аналогичный договоръ былъ заключенъ съ Пруссіей и въ 1743 г. продолженъ на 18 лѣтъ. Послѣ вызваннаго войною 1757 г. перерыва этихъ торговыхъ отношеній послѣднія возобновились, какъ только къ тому представилась возможность.

На Востокѣ Россія стремилась къ расширенію сферы своего вліянія частью силою оружія, частью путемъ мирныхъ соглашеній. Персія и Турція, Средняя Азія и Китай постоянно имѣлись въ виду, чтобы въ благопріятный моментъ вырвать что либо у этихъ странъ въ пользу Россіи.

II.

На исходѣ 18 вѣка.

ГЛАВА V.

Эпоха имп. Екатерины II (1762—1796 г.).—Фритредерскія тенденціи въ таможенныхъ тарифахъ съ 1767 по 1782 г.—Либеральная промышленная политика и оцѣнка ея.

Петръ Великій, какъ мы видѣли, почти насильно привилъ Россіи, до тѣхъ поръ еще совершенно первобытной, опредѣленныя хозяйственно-политическія начала Запада. Если эта «европеизація»

[1]) Въ теченіе 37 лѣтъ, съ 1725 по 1762 г., тридцать два года царствовали три императрицы: Екатерина I съ 1725 по 1727 г., Анна Ивановна съ 1730 по 1740 г. и Елизавета Петровна съ 1741 до 1761 г.

и не была вполнѣ приспособлена къ условіямъ русскаго народнаго хозяйства, то все же было установлено, по крайней мѣрѣ, духовное соприкосновеніе съ культурно и экономически болѣе прогрессивными странами, выбранными въ качествѣ образца для подражанія. Западно-европейскія теченія и идеи легче, чѣмъ прежде, находили себѣ почву и распространеніе въ Россіи. Тонкій слой болѣе или менѣе просвѣщенныхъ элементовъ, покрывшій къ тому времени толщу темной народной массы, обнаруживалъ тенденцію усматривать въ чужестранныхъ образцахъ масштабъ для оцѣнки отечественныхъ явленій и подвергать послѣднія соотвѣтственной критикѣ.

Въ особенности въ послѣдней четверти 18 вѣка воспріимчивость къ «духу времени» сдѣлалась въ Россіи необыкновенно интенсивной. Петровскими реформами высшіе общественные круги выведены были изъ безнадежной ограниченности ихъ кругозора. Если современники Петра Великаго не сумѣли тотчасъ же проникнуться экономическими идеями Запада, то слѣдующія поколѣнія сдѣлали въ этомъ отношеніи большія успѣхи. Имъ помогло и то обстоятельство, что на тронъ вступила императрица, сама одухотворенная идеями просвѣщенія и прогресса; то была *Екатерина II* (1762—1796 г.), «философъ на тронѣ».

Источникомъ философскихъ и экономическихъ идей Екатерины II была господствовавшая тогда французская школа; императрица заявила себя ревностною сторонницей свѣтскихъ гуманитарныхъ идеаловъ Вольтера и Дидро и усвоила экономическое ученіе Кенэ и другихъ физіократовъ. Если меркантилисты усматривали спасеніе подвластной массы въ государственномъ принужденіи, то, по ученію физіократовъ, гармонія экономической жизни создается свободою индивида въ сферѣ хозяйственныхъ начинаній. Индивидуалистическое ученіе о естественномъ правѣ проложило путь теоріи свободной торговли. По Кобдену свободной торговли требуютъ «Богъ и природа»; Екатерина II хотѣла внести и свою лепту въ исполненіе этого требованія. Абстрактныя идеи претерпѣвали, впрочемъ, при перенесеніи ихъ на почву дѣйствительности, весьма существенныя измѣненія. Хотя Екатерина II придерживалась взгляда, что «торговля уходитъ оттуда, гдѣ ее угнетаютъ, и приходитъ туда, гдѣ не мѣшаютъ ея спокойному развитію», однако она была очень далека отъ того, чтобы открыть границы имперіи для безпрепятственной свободной торговлѣ.

Какъ бы то ни было *таможенный тарифъ 1 марта 1767 г.* представляетъ собою по сравненію съ тарификаціонной политикой 1757 г., рѣшительный шагъ по пути къ «свободной торговлѣ». Въ секретныхъ предуказаніяхъ, которыми должна была руководиться комиссія для выработки тарифныхъ ставокъ, намѣчаются, между прочимъ, слѣдующія начала: 1. продукты, которые не могутъ производиться въ Россіи, но представляются необходимыми, должны оставаться свободными отъ обложенія или же съ нихъ должны взиматься лишь совершенно незначительныя пошлины; 2. товары, производство которыхъ внутри государства еще не начиналось,

должны оставаться свободными отъ обложенія, въ видахъ поощренія земледѣлія и мануфактуры; 3. продукты, внутреннее производство которыхъ представляется неудовлетворительнымъ въ качественномъ или количественномъ отношеніи, должны быть обложены въ размѣрѣ приблизительно 12% ихъ стоимости; 4. съ продуктовъ, ввозъ которыхъ могъ бы затруднить конкурренцію русскимъ фабрикатамъ, пошлина должна составлять 3% ихъ стоимости, причемъ въ мотивахъ указывается, что такая пошлина должна быть достаточна для поощренія производителей, и что, въ противномъ случаѣ, производствъ не слѣдуетъ заводить; [1]) 5. наконецъ, высокими ввозными пошлинами должны быть обложены предметы, служащіе потребностямъ роскоши, — по тогдашнимъ понятіямъ [2]).

Этотъ таможенный тарифъ, выработка котораго началась тотчасъ же по вступленіи на престолъ имп. Екатерина II, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ носитъ еще явные слѣды Петровскаго меркантилизма. Поворотъ къ болѣе либеральному пониманію торгово-политическихъ задачъ совершился лишь постепенно и обнаружился яснѣе только въ *таможенномъ тарифѣ 1782 г.* Послѣдній отмѣнилъ, прежде всего, сохранявшіяся еще вывозныя пошлины и запрещенія импорта и во многихъ случаяхъ уменьшилъ тарифныя ставки.

Неизмѣримо болѣе важнымъ, чѣмъ облегченія, данныя внѣшней торговлѣ, было освобожденіе какъ внутренней торговли, такъ и промышленности отъ многочисленныхъ тягостныхъ ограниченій, являвшихся частью пережитками изъ эпохи Петровскаго правительственнаго гнета, частью отпрысками той произвольной и корыстной системы правленія, которая господствовала до Екатерины II. Новая императрица тотчасъ же по вступленіи на престолъ объявила отмѣненными всѣ монополіи частнаго и государственнаго характера въ области торговли и индустріи. Впослѣдствіи она торжественно провозгласила, что занятіе промыслами свободно для всякаго, и подтвердила свое стремленіе къ созданію свободной внутренней конкурренціи отмѣною учрежденной Петромъ Великимъ мануфактуръ-коллегіи. «Регламентъ мануфактуръ-коллегіи, — гласитъ соотвѣтственный указъ, былъ изданъ въ такое время, когда для распространенія полезныхъ ремеслъ и фабрикъ собственная выгода казалась недостаточно заманчивой; тогда правительству приходилось, путемъ поощренія предпринимателей, бороться съ существующими предразсудками. Но въ настоящее время всѣмъ подданнымъ предоставлена неограниченная свобода въ ихъ торговой и промышленной дѣятельности. Они не стѣснены ни необходимостью испрошенія концессій ни надзоромъ надъ ихъ промыслами; лучшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ къ развитію промысловъ является теперь собственная выгода». Въ виду этого, Екатерина «подтверждаетъ», что «частныя» фабрики и мануфактуры не должны быть разсматри-

---

[1]) *Покровскій I*, стр. XXVII; *Лодыженскій*, стр. 115.
[2]) *Лодыженскій*, стр. 109—118.

ваемы иначе, какъ частная собственность, которою каждый распоряжается по своему усмотрѣнію, не испрашивая на то разрѣшенія власти» [1]).

Изъ этихъ указаній слѣдуетъ придти къ заключенію, что свобода хозяйственной дѣятельности и раскрѣпощеніе частной предпріимчивости являлись краеугольнымъ камнемъ въ системѣ идей императрицы. Если прибавить къ этому, что основнымъ источникомъ всякаго внутренняго производства она считала сельское хозяйство и отмѣнила запрещеніе вывоза хлѣба, индустрію же считала заслуживающей исключительной поддержки лишь въ опредѣленныхъ предѣлахъ, что машины, она считала не безусловно и не при всѣхъ обстоятельствахъ полезными, такъ какъ онѣ отнимаютъ работу у рабочаго и мелкихъ производителей и, наконецъ, что она возставала противъ роскоши и всякихъ монополистическихъ привилегій,—то мы будемъ имѣть всѣ тѣ взгляды императрицы, которые дѣлаютъ ее послѣдовательницею физіократическихъ принциповъ. При этомъ слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что либерализмъ императрицы былъ весьма сомнительнаго свойства. Онъ обнаруживался только въ сочиненіяхъ императрицы, реально же осуществлялся лишь постольку, поскольку это оказывалось совмѣстнымъ съ политическими и фискальными интересами. Если, напримѣръ, какъ уже упомянуто выше, введены были нѣкоторыя облегченія для ввозной торговли, то въ основѣ этой мѣры лежало намѣреніе удешевить сырье для внутренней индустріи; если, далѣе, императрица особо оттѣняла важность мелкаго производства вообще и въ особенности ремесленнаго труда по сравненію съ крупной индустріей, то и здѣсь рѣшающее значеніе имѣли весьма реальныя соображенія.

«Сельская промышленность» сдѣлала въ теченіе XVIII вѣка поразительные успѣхи, частью въ формѣ помѣщичьихъ промышленныхъ предпріятій, частью въ видѣ самостоятельнаго семейнаго (кустарнаго) производства. Помѣстное дворянство было весьма заинтересовано въ возможно широкомъ распространеніи расцвѣтавшаго промышленнаго производства среди крѣпостныхъ крестьянъ, ибо съ этимъ, какъ мы это сейчасъ увидимъ, были тѣсно связаны его собственныя матеріальныя выгоды, и оно, какъ преобладающій при дворѣ общественный классъ, сумѣло использовать въ своихъ узкосословныхъ интересахъ хозяйственно-политическія теченія эпохи и идеалистическія наклонности императрицы. Тѣ изъ крѣпостныхъ крестьянъ, которые вмѣсто того, чтобы отбывать барщину, занимались какимъ либо промысломъ и платили своимъ владѣльцамъ соотвѣтственный доходности промысла оброкъ, были для помѣщиковъ

---

[1]) Одинъ изъ первыхъ указовъ Екатерины II предписывалъ взыскать обратно всѣ суммы, выданныя на устройство промышленныхъ предпріятій, и установилъ въ то же время раздачу частнымъ лицамъ государственныхъ земель для обработки. За этимъ послѣдовали многія другія финансово-политическія мѣропріятія. Ср. *Куломзинъ,* Государственные доходы и расходы при Екатеринѣ II съ 1762 по 1769 г. Русск. Вѣстн. 1869 г., т. 11, стр. 108—151.

особенно выгодны. Отсюда и ревностная защита помѣщиками предоставленія большей свободы промышленной дѣятельности крестьянъ. Они правильно уяснили себѣ, что въ ихъ рукахъ находится главный рычагъ національной индустріи: человѣческая рабочая сила.

Фактически русская промышленность развивалась въ теченіе всего XVIII столѣтія, главнымъ образомъ, на плечахъ крѣпостного крестьянства. И это почти одинаково примѣнимо какъ къ старымъ формамъ побочныхъ сельскохозяйственныхъ промысловъ и кустарнаго производства, такъ и къ новымъ фабричнымъ организаціямъ,—и здѣсь, и тамъ важнѣйшимъ факторомъ производства былъ крѣпостной трудъ. Создать прикрѣпленную къ фабрикѣ принудительнымъ трудомъ рабочую массу—долго составляло одну изъ серьезныхъ заботъ государства, пока постепенно не выросъ классъ свободныхъ наемныхъ рабочихъ. Но пока эти свободныя рабочія силы отсутствовали, именно несвободное населеніе должно было доставлять матеріалъ для принудительныхъ фабрикъ дворянства и государства, а равно не дворянскихъ владѣльцевъ (поссессіонныя фабрики).

Промышленная политика имп. Екатерины II существенно содѣйствовала тому, что фабрики потеряли характеръ принудительныхъ рабочихъ домовъ, путемъ ограниченія предоставленныхъ прежде не помѣщичьимъ фабрикамъ привилегій въ отношеніи покупки крѣпостныхъ. Это не смягчило, впрочемъ, суровости крѣпостн.го права; отнюдь не преслѣдовалось при этомъ и улучшеніе положенія фабричныхъ рабочихъ, но съ точки зрѣнія объективной хозяйственной политики это все же было прогрессомъ. Въ организованной Петромъ системѣ государственной опеки надъ промышленностью могла быть пробита брешь, такъ какъ экономическія отношенія не требовали уже такого же энергичнаго, какъ прежде, веденія промышленности на помочахъ; отъ этой системы пришлось отказаться въ пользу принципа болѣе свободной самодѣятельности, такъ какъ политически-сословныя вліянія настойчиво указывали на необходимость новаго порядка [1]).

ГЛАВА VI.

Перемѣна торговой политики (1793—1796 г.).—Изъ эпохи царствованія имп. Павла I (1796—1801 г.).—На порогѣ новаго столѣтія.

Къ концу царствованія (примѣрно съ 1793 г.) Екатерина II во всякомъ случаѣ совершенно отказалась отъ *фритредерскихъ меч-*

---

[1]) Объ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ къ урегулированію вопроса о промышленныхъ рабочихъ до 1762 г. см. *Ordega* стр. 69, 107 сл. Детальныя указанія о русской промышленности въ 18 вѣкѣ, возникновеніи дворянскихъ фабрикъ и ихъ классовой противоположности предпріятіямъ купеческимъ, о борьбѣ между фабрикантами и крестьянскимъ ремесломъ и т. д. см. основательный трудъ *Тугана Барановскаго*, Русская фабрика (см. выше, стр. 12 прим. **). Хозяйственно-историческое развитіе трактуетъ также *Schulze-Gävernitz*, стр., 20—51.

таній, которыя прежде оказывали нѣкоторое вліяніе на ея хозяйственно-политическія мѣропріятія. Внутри государства равноправность общественныхъ классовъ оставалась совершенно призрачной, не смотря на декретированную свободу промысловъ и отмѣну монопольныхъ ограниченій. Но и въ отношеніяхъ Россіи къ иностраннымъ государствамъ чуждой зависти совмѣстной дѣятельности для достиженія согласія между народами не наблюдалось. Напротивъ того, къ концу XVIII столѣтія, когда міръ былъ потрясенъ катастрофами Наполеоновскаго времени, Россія съ ея политическими интересами и честолюбивыми стремленіями стояла въ центрѣ международныхъ интригъ. Кромѣ того, противъ космополитической теоріи свободной торговли начала уже обнаруживаться реакція здороваго національнаго эгоизма. Если въ Соед. Штатахъ Сѣв. Америки Гамильтонъ и впослѣдствіи въ Германіи Фридрихъ Листъ съ неопровержимой убѣдительностью доказали несостоятельность вѣры во всеобщую гармонію интересовъ въ сферѣ мірового хозяйства, то именно въ Россіи, значительно отставшей отъ другихъ государствъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи, указанныя идеи должны были найти сочувственный откликъ.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что «система національнаго покровительства» была сознательно воспринята въ Россіи уже въ эпоху Екатерины II. Но въ высшей степени неудовлетворительное финансовое положеніе государства давало поводъ къ пересмотру таможенной политики, и съ тѣмъ вмѣстѣ измѣнились ея руководящіе принципы.

Непосредственный толчокъ къ болѣе рѣшительному повороту въ сторону протекціонизма данъ былъ, правда, политическимъ разрывомъ съ Франціей, но тарифныя приложенія къ манифесту 8 апрѣля 1793 г. не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что ввозъ иностранныхъ фабрикатовъ вообще долженъ былъ быть ограниченъ. Эта тенденція проявилась также *въ таможенномъ тарифѣ 14 сентября 1795 г.*, и если новый тарифъ практическаго примѣненія не нашелъ, то не по винѣ императрицы,—смерть положила конецъ всѣмъ ея разсчетамъ.

Новый таможенный тарифъ долженъ былъ вступить въ силу 1 января 1797 г. Императоръ *Павелъ*, вступившій на престолъ въ ноябрѣ 1796 г., отмѣнилъ однако таможенный тарифъ своей предшественницы и вернулся къ прежнему тарифу.

Безсистемность и деспотизмъ, которые новый императоръ обнаруживалъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, проявлялись и въ его отношеніи къ иностранной торговлѣ. Не смотря на выраженное имъ намѣреніе покровительствовать послѣдней, онъ въ дѣйствительности причинялъ торговлѣ невознаградимый ущербъ своими конфликтами съ иностранными государствами. Гамбургъ, Данія, Франція, Англія,—всѣ отъ времени до времени испытывали на себѣ послѣдствія этого своеобразнаго режима [1]).

---

[1]) Въ мартѣ 1799 г.—мы бѣгло отмѣтимъ лишь нѣкоторые изъ актовъ

Особенно враждебно Павелъ относился, какъ извѣстно, къ Англіи. Его политика вызвала теченіе, поведшее въ торгово-политическомъ отношеніи къ отмѣнѣ всѣхъ ограничительныхъ мѣропріятій противъ Франціи и къ тѣмъ болѣе упорному преслѣдованію англійской торговли. Въ концѣ концовъ, чтобы нанести ударъ морской торговлѣ Англіи, было издано распоряженіе, что товары могутъ быть вывозимы изъ русскихъ портовъ не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія. Такой приказъ былъ изданъ 10 марта 1801 г. На слѣдующій день императора Павла не стало.

На порогѣ новаго столѣтія бросимъ еще разъ бѣглый взглядъ на эволюцію русскаго народнаго хозяйства со времени Петра Великаго. Государство прежнихъ московскихъ царей стало болѣе близкимъ западно-европейскому континенту не только вслѣдствіе расширенія его границъ до Балтійскаго моря и заимствованія многихъ соціальныхъ учрежденій и порядковъ, но и по своей хозяйственно-политической организаціи. Но вызванныя этимъ сближеніемъ съ Западомъ глубокія измѣненія встрѣтили упорное противодѣйствіе, такъ какъ въ народѣ совершенно отсутствовали элементы, необходимые для плодотворнаго расцвѣта этого реформаторскаго труда. Не было ни культурной городской жизни, ни сознательнаго и трудолюбиваго средняго сословія, ни свободнаго и политически развитого дворянства. Проложить путь прогрессу выпало на долю самодержавнаго деспотизма, въ союзѣ съ всевластною бюрократіею. Деспотизмъ старался выполнить эту задачу по мѣрѣ своего—нерѣдко весьма ограниченнаго—разумѣнія при помощи варварскихъ средствъ, заимствованныхъ изъ жестокаго и темнаго прошлаго, руководясь убѣжденіемъ, что не власть создана для народа, а народъ для власти.

Политическія сношенія съ Западной Европой породили, однако, духовную связь, а затѣмъ и нѣкоторые принципы матеріальнаго покровительства благосостоянію націи. Послѣднее разсматривалось не какъ самоцѣль, но все же какъ дѣйствительное средство къ болѣе полному удовлетворенію быстро возраставшихъ потребностей государства. Для того, чтобы достать все необходимое для арміи и флота, а затѣмъ для придворной жизни и государственнаго хозяйства, должно было быть улучшено финансовое положеніе. Для усиленія финансовъ была приведена въ движеніе торговая и таможенная политика, внутренняя же промышленная политика неизмѣнно приспособлялась къ государственнымъ мѣропріятіямъ, направленнымъ то на покровительство, то на ограниченіе внѣшней торговли.

Тотъ способъ и тѣ мѣры, которыми абсолютизмъ воздѣйствовалъ на экономическую жизнь въ указанномъ основномъ направленіи,

---

произвола—были арестованы всѣ находящіяся въ русскихъ портахъ суда гамбургскихъ купцовъ, такъ какъ Павелъ заподозрилъ жителей Гамбурга въ тайныхъ симпатіяхъ къ французскимъ революціонерамъ. На томъ же основаніи осенью того же года былъ закрытъ доступъ въ русскіе порты датскимъ торговымъ судамъ. Оба распоряженія были, однако, очень скоро отмѣнены.

существенно различны, однако, въ началѣ и къ концу XVIII столѣтія. Меркантилистическимъ стремленіямъ Петра Великаго могутъ быть противопоставлены физіократическія воззрѣнія Екатерины II. Иностранная терминологія едва ли доказывала больше того, что экономическія идеи, господствовавшія въ соотвѣтственнную эпоху на Западѣ, сохраняли нѣкоторую зародышевую жизнеспособность и на отдаленномъ Востокѣ. Вообще же онѣ являлись чисто теоретическимъ моментомъ въ системѣ практической хозяйственной политики, приспособлявшейся къ измѣнчивымъ потребностямъ собственной страны, какъ ихъ понимала господствовавшая власть. Какъ при Петрѣ, такъ и при Екатеринѣ II предполагалось само собою очевиднымъ, что все народное хозяйство представляетъ собою только dominium regis и что экономическія силы должны подчиниться политическимъ стремленіямъ. Деспотическія же мѣропріятія къ исполненію царской воли соотвѣтствовали духу времени.

Задачею Петра было сдѣлать суровую, дѣвственую еще экономическую почву вообще воспріимчивой къ высшимъ формамъ *индустріальнаго производста*. Екатерина продолжала это дѣло культивированія дальнѣйшимъ попеченіемъ о пробудившихся внутреннихъ производительныхъ силахъ страны. Часть созданныхъ Петромъ искусственныхъ подпорокъ могла быть убрана Екатериною, и этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ водворенію свободнаго наемнаго труда. «Крѣпостная» фабрика пока еще сохранялась, однако, въ обѣихъ важнѣйшихъ ея формахъ (фабрики помѣщичьи и посессіонныя).

Мракъ, окутывавшій Россію въ теченіе XVIII вѣка, становится, однако, менѣе густымъ, если мы вспомнимъ, что и другимъ государствамъ, въ частности Пруссіи, приходилось переживать тяжелыя политическія и финансовыя осложненія, разнаго рода торгово-политическія и таможенныя замѣшательства и многочисленныя уклоненія отъ правильнаго пути въ сферѣ покровительства промышленности прежде, чѣмъ насталъ свѣтъ. Въ частности заслуживаетъ упоминанія, что и прусская экономическая политика при Великомъ Курфюрстѣ и его преемникахъ искала въ меркантилизмѣ опоры для поощренія производительныхъ силъ. Путь этотъ указалъ Кольберъ, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что торговая политика являлась у него средствомъ къ достиженію основной цѣли—развитія внутренней промышленной дѣятельности. Чтобы обезпечить индустріи дешевый матеріалъ и низкую рабочую плату, запрещали вывозъ сырья, въ частности хлѣба и шерсти, оставляя, съ другой стороны, ввозъ сырыхъ продуктовъ безпошлиннымъ. Для того же, чтобы оградить внутренній рынокъ сбыта отъ иностранной конкурренціи прибѣгали къ запрещеніямъ ввоза и высокимъ ввознымъ пошлинамъ. Меркантилизмъ Гогенцоллерновъ XVIII вѣка исполнилъ свою задачу: промышленная дѣятельность, совершенно задавленная во время предшествовавшихъ войнъ, явно расцвѣла.

Тогда и въ Пруссіи настало время, когда промышленность

перестала нуждаться въ тѣхъ средствахъ защиты и покровительства, которыя оказывались ей въ ея младенческомъ состояніи, и когда подъ вліяніемъ физіократическимъ идей всеобщее признаніе получилъ принципъ: «только сельское хозяйство создаетъ цѣнности». Традиціонныя представленія о преимуществахъ мануфактуры были отброшены, и основнымъ принципомъ хозяйственной жизни сдѣлалось положеніе laisser faire, laisser passer. Теоретическія идеи и въ Пруссіи не переносились, конечно, въ практику цѣликомъ и съ безусловной послѣдовательностью. Направленіе торговой политики нерѣдко обусловливалось политическими мотивами. Наступившій новый вѣкъ былъ сначала какъ въ Пруссіи, такъ и въ Россіи мало благопріятенъ для дальнѣйшаго развитія тѣхъ началъ и тенденцій, которыя выработалъ его предшественникъ—восемнадцатый вѣкъ.

Раздѣлъ второй.

Изъ времени царствованія имп. Александра I.

(1801—1825 г.).

I.

Общія замѣчанія.

ГЛАВА VII.

Предварительныя замѣчанія.—Вспомогательныя средства экономическаго прогресса въ первой четверти 19 вѣка: укрѣпленіе государственнаго кредита; внутреннія реформы; улучшеніе финансоваго положенія; вольные наемные рабочіе.

Хозяйственное развитіе Россіи въ первую четверть XIX вѣка,— время царствованія имп. Александра I (съ 1801 по 1825 г.)— могло бы сдѣлать значительные успѣхи и безъ особаго воздѣйствія сверху, если бы не исключительной важности политическія событія, потрясшія государство въ самомъ его основаніи. Какимъ бы грубымъ въ своихъ общихъ очертаніяхъ и безпомощнымъ въ деталяхъ не казался тогдашній хозяйственный организмъ націи внѣшнему міру—внутри государства обнаруживалось въ концѣ XVIII вѣка броженіе, обѣщавшее здоровое поступательное движеніе впередъ. Почти насильственныя реформы Петра Великаго въ началѣ и Екатерины II въ концѣ вѣка замѣтно всколыхнули экономическую жизнь въ разнообразныхъ направленіяхъ и вывели массу населенія изъ состоянія тупого равнодушія. Теченія, казавшіяся прежде безконечно чуждыми Россіи, сдѣлались теперь болѣе близкими по крайней мѣрѣ для высшаго слоя русскаго общества, и въ сонномъ дотолѣ царствѣ первобытнаго мышленія стали замѣ-

чаться проблески живой мысли, но движеніе слабо коснулось широкихъ массъ населенія — собственно народа, состояніе котораго по прежнему осталось подавленнымъ и безотраднымъ. Эволюція въ низшихъ слояхъ соціальнаго организма предполагала, какъ необходимое предварительное условіе, духовную революцію въ высшихъ общественныхъ слояхъ, которая бы сдѣлала ихъ способными къ разрѣшенію широкихъ задачъ. Лучи свѣта во всякомъ случаѣ коснулись тогдашняго общества и въ немъ зародилась та умственная жизнь, безъ которой немыслимъ былъ никакой прогрессъ.

Превращеніе умственнаго движенія въ практическую дѣятельность зависѣло, однако, отъ ряда предварительныхъ условій, отсутствіе которыхъ должно было обезсилить и самую настойчивую иниціативу. Но именно то обстоятельство, что экономической политикѣ не приходилось теперь, какъ наперврыхъ порахъ, «безпочвенно» стремиться къ поставленной напередъ цѣли, открывало для пробуждающагося національнаго производства благопріятныя перспективы.

Изъ какихъ же элементовъ складывается въ началѣ XIX вѣка способная къ прогрессивному развитію организація народнаго хозяйства? Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо прежде всего разсмотрѣть тѣ мѣропріятія къ консолидаціи хозяйственно-политическихъ отношеній, начало которымъ было положено при Екатеринѣ II и которыя давали новому режиму надежные устои для дальнѣйшаго преуспѣянія. Здѣсь мы ограничимся указаніемъ главнѣйшихъ изъ этимъ мѣропріятій. Въ финансово-политической области имѣло важное значеніе, что при Екатеринѣ II *государственному кредиту* былъ открытъ доступъ на международный денежный рынокъ. Затѣмъ, введенное Екатериною II *новое мѣстное управленіе*, обнаруживавшее тенденцію впервые осуществить отдѣленіе юстиціи отъ управленія, придало государственнымъ учрежденіямъ болѣе упорядоченный видъ и положило начало пробужденію мѣстнаго самоуправленія. Уже одна связанная съ этою реформой необходимость создать городскіе центры для новыхъ территоріальныхъ организацій—цѣлый рядъ сельскихъ поселеній былъ повышенъ въ рангъ городовъ—оказалась впослѣдствіи полезнымъ стимуломъ къ соціальному разслоенію и экономической концентраціи. Система государственнаго управленія оставляла еще, правда, желать безконечно многаго и послѣ осуществленія екатерининскихъ реформъ; но неуклюжій, спаянный чисто механически территоріальный колоссъ, какимъ представлялась петровская Россія былъ благодаря этой реорганизаціи настолько сформированъ, что тотчасъ по вступленіи на престолъ имп. Александра I оказалось возможнымъ дальнѣйшее преобразованіе центральнаго управленія съ тѣмъ распредѣленіемъ функцій между высшими государственными учрежденіями, которое сохранилось до настоящаго времени (манифестъ 8 сентября 1802 года).

Изъ числа внутреннихъ реформъ упомянемъ, далѣе, *введеніе ассигнацій* и основаніе обоихъ *ассигнаціонныхъ банковъ*, — мѣропріятія вполнѣ разумныя, которыя только вслѣдствіе неумѣлаго

веденія дѣла сдѣлались тяжелой обузой для правительства. Впрочемъ, вслѣдствіе концентраціи денежнаго капитала сдѣлался уже въ это время возможнымъ и частный кредитъ, хотя при незначительномъ предложеніи капитала и большомъ рискѣ, обусловленномъ несовершенствомъ правового состоянія, размѣръ роста былъ ненормально высокъ. Тѣмъ не менѣе сконцентрированный въ частныхъ рукахъ капиталъ послужилъ важною опорой для расширенія крупнаго производства, особенно послѣ того, какъ Екатерина II значительно ограничила выдачу изъ государственныхъ средствъ денежныхъ субсидій фабрикантамъ и другія предоставлявшіяся имъ прежде привилегіи.

Быть можетъ еще болѣе важнымъ для индустріи, чѣмъ капиталистическій факторъ, было *образованіе свободнаго рабочаго класса* рядомъ съ принудительнымъ крѣпостнымъ трудомъ. Фабриканты, которые въ особенности въ первой половинѣ XVIII вѣка не переставали жаловаться на недостатокъ рабочихъ рукъ, получили благодаря этому возможность пополнить этотъ недостатокъ путемъ вольнаго найма. Въ началѣ XIX вѣка уже около половины всѣхъ фабричныхъ рабочихъ не принадлежали болѣе—судя по имѣющимся даннымъ—къ числу принудительно «приписанныхъ» къ фабрикамъ. Вольнонаемный же трудъ былъ однимъ изъ факторовъ, содѣйствовавшихъ расширенію менѣе значительныхъ предпріятій, которыя развивались безъ государственной поддержки и были расчитаны на удовлетвореніе потребности широкихъ круговъ населенія въ дешевыхъ простыхъ фабрикатахъ [1]).

ГЛАВА VIII.

Промышленность.—Зависимость ея отъ торговли.—Торговля и торговая политика.—Ввозъ и вывозъ.

Національная *промышленность* значительно окрѣпла подъ вліяніемъ новыхъ содѣйствовавшихъ ея развитію факторовъ. Промышленная дѣятельность, являвшаяся первоначально только побочнымъ заработкомъ для замкнутаго семейнаго хозяйства, стала принимать форму *кустарной промышленности*. Органическое развитіе въ сторону самостоятельнаго мелкаго производства, нерѣдко совершавшееся этимъ путемъ въ Западной Европѣ, составляло, впрочемъ, въ Россіи скорѣе исключеніе нежели общее правило. Мелкая промышлен-

---

[1]) См. *Туганъ Барановскій*, стр. 52, 89 и мн. др. Тотъ же авторъ указываетъ, что уже увеличеніе городского населенія съ 328000 (въ 1724 г.) до 1300000 (въ 1796 г.) должно было облегчить фабрикантамъ привлеченіе наемныхъ рабочихъ. Но важнѣе всего была замѣна отбывавшейся крѣпостными крестьянами барщины оброкомъ. Эти оброчные крестьяне составляли главный контингентъ вольнонаемныхъ рабочихъ. Число такъ наз. фабрикъ возросло за время царствованія Екатерины II съ 500 до 2000 (*Милюковъ*, стр. 70).

ность, даже въ національной формѣ кустарнаго промысла, развилась лишь, опираясь на крупную индустрію или въ связи съ импульсами, исходившими изъ этого источника. Къ этому вопросу мы еще вернемся впослѣдствіи.

Но собственно *фабрика* или капиталистическая мануфактура, признаваемая приверженцами старыхъ традицій растеніемъ экзотическимъ, справившись съ недугами своего младенческаго возраста, могла постепенно основаться на болѣе прочномъ фундаментѣ въ русской хозяйственной жизни. Она могла уже отчасти отказаться отъ бюрократическихъ подпорокъ, такъ какъ къ ней стали приливать частные капиталы и свободныя рабочія руки. И прежде всего она научилась цѣнить, какъ важно для нея «пойти въ народъ»,—другими словами производить предметы массоваго потребленія вмѣсто того, чтобы постоянно высматривать себѣ казенные заказы.

Но возможность производить сама по себѣ еще не гарантировала успѣха. Производящій долженъ имѣть въ виду рынокъ сбыта соотвѣтствующей емкости. Процвѣтаніе промышленности существенно зависѣло такимъ образомъ отъ развитія покупательной способности широкихъ массъ населенія. Это, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, необходимо было вытѣснить съ внутренняго рынка, при наличности таковаго, господствовавшіе на немъ иностранные продукты.

Дѣйствительную помощь могла оказать здѣсь *торговля*. Вывозная торговля доставляла въ страну деньги и давала продавцамъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ возможность покупать фабрикаты. На долю же ввозной торговли выпадала важная задача доставлять еще не добывавшіеся внутри государства сырье и полуфабрикаты. Въ этомъ смыслѣ торговля была весьма желанною союзницею фабрикантовъ; но тѣмъ ревностнѣе боролись съ нею, когда она грозила внутреннему производству иностранной конкурренціей. Что этого не случилось—зависѣло отъ воли правительства, которое сумѣло въ этомъ отношеніи широко использовать свою власть.

Внѣшняя торговля должна была бы значительно развиться и независимо отъ указанной связи съ индустріальными интересами уже въ теченіе XVIII вѣка, такъ какъ почти всѣ разсмотрѣнные нами моменты развитія русскаго хозяйства прямо или косвенно служили интересамъ этой внѣшней торговли. Расширеніе границъ имперіи, установленіе сношеній съ иностранными государствами, усиленіе въ средѣ послѣднихъ политическаго вліянія Россіи, мѣры къ привлеченію въ страну изъ-за границы благороднаго металла и монеты, улучшеніе денежной системы и кредитнаго дѣла,—все это содѣйствовало расширенію товарообмѣна съ иностранными государствами. Рядомъ съ этимъ существовали, впрочемъ, и серьезныя препятствія какъ для вывоза, такъ въ особенности для ввоза. Порядокъ, при которомъ торговый оборотъ долженъ былъ нести на себѣ послѣдствія политическихъ ошибокъ и дипломатія пользовалась торговой и таможенной политикой какъ вспомогательнымъ орудіемъ для достиженія ея спеціальныхъ цѣлей,— служилъ постоянной угрозой для международныхъ торговыхъ сношеній. Но независимо отъ политиче-

скихъ соображеній, торговая политика и сама по себѣ отнюдь не всегда относилась съ должною заботливостью къ внѣшней торговлѣ; она то ограничивала вывозъ изъ Россіи сырья и предметовъ продовольствія въ интересахъ внутренняго производства, то изъ тѣхъ же соображеній стѣсняла ввозъ фабрикатовъ, руководилась то таможенно-покровительственной, то фискальной точкой зрѣнія, а по большей части—одновременно и той и другой. При всемъ однако непостоянствѣ торговой политики, нерѣдко дѣлавшей неожиданные скачки отъ одного направленія къ другому, въ ней неизмѣнно сказывается одна и таже тенденція — сохранить «благопріятный» *торговый балансъ*. Цифрами стоимости вывоза уже во времена Петра В. интересовались съ точки зрѣнія результата, котораго можно было ожидать отъ мѣропріятій, направленныхъ на привлеченіе изъ-за границы металла и монеты. Торговый балансъ являлся и для Екатерины II критеріемъ выгодъ и потерь государства.

Надежнымъ масштабомъ торговый балансъ въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно, служить не можетъ; но нельзя не признать, что при элементарности товарообмѣна того времени балансовыя цифры имѣли неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ въ позднѣйшіе періоды. Какъ бы то ни было, заботы о балансѣ являлись своего рода уздою въ тенденціи къ совершенному закрытію границы. Суровость запретительной таможенной политики смягчалась изъ опасенія, что она ухудшитъ балансъ. Запретительная система, естественно, касалась прежде всего ввоза, но положеніе «кто хочетъ брать—тотъ долженъ давать» не было совершенно чуждо даже государственнымъ дѣятелямъ петровской эпохи. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что почти враждебное временами отношеніе къ интересамъ внѣшней торговли шло рука объ руку съ настойчивыми усиліями пріобрѣсти благосклонность крупныхъ торговыхъ державъ. Въ теченіе всего XVIII столѣтія торговая политика Россіи имѣетъ соотвѣтственно этому двойственный характеръ: она сурово непріязненна и въ то же время предупредительно дружелюбна. Въ первыя десятилѣтія XIX вѣка въ этомъ отношеніи немногое измѣнилось; отдѣльныя черты стали другими, но общій характеръ оставался прежнимъ.

Не смотря на двойственность торговой политики, внѣшняя торговля могла бы сдѣлать къ началу XIX вѣка болѣе значительные успѣхи, если бы естественныя условія болѣе благопріятствовали оживленному товарообмѣну. Но здѣсь рѣзко обнаружилась *отсталость внутренней хозяйственной организаціи*. Изолированность мѣстныхъ рынковъ, караванообразное передвиженіе товаровъ и преобладаніе ярмарочной торговли,—таковы тѣ типичныя черты, которыми характеризуется внутренняя торговля Россіи вплоть до середины XIX вѣка. Размѣры же и характеръ внѣшней торговли существенно зависѣли отъ этихъ первобытныхъ формъ торговли [1]).

---

[1]) По этому поводу можно было бы сказать многое, но мы ограничимся слѣд. указаніями. Отсутствіе связи между мѣстными центрами продажи продуктовъ внутренняго производства мѣшало равномѣрному установленію цѣнъ и отдавало производителя произволу эксплоататора скуп-

Тѣмъ не менѣе *вывозъ* дѣлалъ вплоть до начала XIX вѣка замѣтные успѣхи, такъ какъ значительно опередившія Россію государства Зап. Европы нуждались въ дешевомъ русскомъ сырьѣ. Возросъ также и ввозъ, такъ какъ расширилась потребность въ товарахъ для потребительныхъ и промышленныхъ цѣлей, но онъ оставался въ зависимости отъ таможенно-политическихъ мѣропріятій, свидѣтельствовавшихъ по общему правилу не столько объ экономической разсудительности, сколько о всемогуществѣ абсолютной власти.

Изъ числа *предметовъ ввоза* первое мѣсто занимали въ 1802 г. хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые товары, стоимость ввоза которыхъ достигла приблизительно 18,7 мил. руб. *). Затѣмъ слѣдуютъ колоніальные и т. п. товары (сахаръ 6,7 мил. руб.; чай 2,2; вино и водка 3,5; кофе 1,3 мил. руб.), къ которымъ присоединяются красильныя вещества, соль и разные сырые матеріалы, въ томъ числѣ хлопокъ-сырецъ на 1,4 мил. руб. Внутренняя текстильная индустрія находилась тогда еще въ предварительной стадіи своего впослѣдствіи блестящаго развитія: ввозъ *хлопка* былъ сравнительно незначителенъ, хотя весь сырой матеріалъ приходилось ввозить изъ за границы, между тѣмъ какъ ввозъ хлопчатобумажныхъ *фабрикатовъ* по стоимости своей составлялъ въ шесть разъ большую сумму (включая хлопчато-бумажную пряжу, какъ полуфабрикатъ). Ввоза сырой шерсти вообще не было, изъ чего можно заключить, что фабрики обходились внутреннею шерстью; но подвозъ шерстяныхъ *фабрикатовъ* былъ настолько значителенъ, что и здѣсь констатировалась зависимость потребленія отъ за-границы. Какъ бы то ни было, общія условія развитія текстильной индустріи складывались настолько благопріятно, что она могла разсчитывать въ новомъ столѣтіи на значительныя успѣхи.

Цыфры вывоза за 1802 г. отводятъ первое мѣсто хлѣбу, но въ дѣйствительности, если принять во вниманіе болѣе значительные промежутки времени, главными предметами экспорта слѣдуетъ признать ленъ, пеньку и сало. Русское зерно не играло еще тогда такой роли въ обезпеченіи хлѣбомъ Зап. Европы.

Въ XVII вѣкѣ изъ Россіи экспортировалось преимущественно то зерно, которое скупалось для этой цѣли правительствомъ. Но при этомъ тщательно слѣдили за тѣмъ, чтобы вывозъ не удорожалъ хлѣба внутри государства. При увеличеніи хлѣбныхъ цѣнъ экспортъ пріостанавливался.

Въ XVIII вѣкѣ политика правительства въ области хлѣбной торговли была менѣе стѣснена, такъ какъ въ это время значительно расширилась площадь культуры хлѣбовъ, но тѣмъ не менѣе эк-

---

щика; недостаточная концентрація рынка затрудняла сбытъ и замедляла оборотъ. Неудовлетворительное состояніе путей сообщенія и недостаточность средствъ транспорта удорожали доставку товаровъ и чрезвычайно удлиняли время обращенія капитала; при этихъ условіяхъ ярмарочная торговля процвѣтала, но могла служить лишь ограниченной поддержкой для внѣшней торговли продуктами массового потребленія (хлѣбъ, скотъ).

*) Рубль принятъ здѣсь всюду по его теперешней стоимости=$^1/_{15}$ имперіала. Всѣ цифры по Покровскому (стр. 3, прим.).

спортъ всѣхъ четырехъ важнѣйшихъ злаковъ оставался обложеннымъ высокою пошлиной. Значительно болѣе умѣренная вывозная пошлина на хлѣбъ была установлена въ двадцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія; безпошлинный же экспортъ ржи, пшеницы, овса и ячменя также и черезъ сухопутную границу былъ впервые допущенъ таможеннымъ тарифомъ 1865 года *).

Вплоть до 1865 г. русская таможенная политика неблагопріятно относилась, впрочемъ, къ вывозу не только хлѣба, но и конопли, льна, пеньки и пакли. Во всѣхъ таможенныхъ тарифахъ съ 1797 до 1850 г. экспортъ этихъ продуктовъ былъ обложенъ высокими пошлинами. Въ этомъ еще разъ проявляется двойственность русской торговой политики. Внѣшней торговлѣ хотѣли предоставить широкій просторъ, но въ то же время основные ея статьи обременялись тяжелыми фискальными поборами.

Ленъ культивировался въ Россіи уже въ древнѣйшія времена; онъ игралъ значительную роль въ торговыхъ сношеніяхъ Пскова и Новгорода съ Ганзой. Правительство издавна удѣляло льняной торговлѣ особое вниманіе, и тѣмъ или инымъ способомъ извлекало изъ нея фискальную выгоду. Въ XVII вѣкѣ льняная торговля была признана государственной монополіей и стала отдаваться въ откупъ. Въ то же время торговля льномъ должна была служить государственнымъ интересамъ еще и въ другомъ направленіи. Чтобы поднять значеніе Архангельска на Бѣломъ морѣ, Новгороду и Пскову приказано было отправлять туда свой ленъ, что задавило оживленный экспортъ черезъ Нарву. Усиленная регламентація Петра В. принесла льняной торговлѣ и индустріи больше вреда, нежели пользы. Монополія льняной торговли была, правда, отмѣнена Екатериной II, но таможенная политика ея совершенно связала экспортъ. То же самое случилось и съ коноплей, употреблявшейся въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и обработкахъ (пенька, конопляное масло, отбросы какъ кормъ для скота). Если, тѣмъ не менѣе, стоимость вывоза льна и пеньки достигала, какъ мы видѣли, значительныхъ размѣровъ, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что на эти продукты существовалъ за границей большой спросъ, котораго не могли подавить всѣ стѣсненія экспорта.

ГЛАВА IX.

Императоръ Александръ I. (1801—1825 г.).

Когда *императоръ Александръ I* принялъ въ мартѣ 1801 г. наслѣдство послѣ своего внезапно умершаго предшественника, онъ сталъ лицомъ къ лицу съ цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ политическихъ и экономическихъ затрудненій. Тѣмъ заманчивѣе была задача—распутать всѣ эти сложныя отношенія и возстановить нормальное теченіе государственной жизни. Для этого прежде всего необходимо было

*) Сопоставленіе вывозныхъ пошлинъ на продукты сельскаго хозяйства за время съ 1724 по 1865 г. у Покровскаго, стр. 3 слл.

избѣгнуть внѣшнихъ столкновеній. Непрерывныя потрясенія предыдущаго столѣтія разрушили немало подававшихъ надежду на дальнѣйшее развитіе побѣговъ, но народное хозяйство восприняло тѣмъ не менѣе и многія здоровыя начала. Если государственные финансы были расшатаны неразсчетливымъ управленіемъ, то все-таки они имѣли подъ собою гораздо болѣе твердую почву, чѣмъ въ какую бы то ни было изъ предыдущихъ эпохъ, такъ что бережливостью и благоразуміемъ можно было съ теченіемъ времени привести ихъ въ сносное состояніе. Въ промышленной жизни появились свѣжіе побѣги, нуждавшіеся лишь въ покоѣ и бережномъ отношеніи для своего могучаго расцвѣта. Общество почувствовало себя возродившимся къ новой жизни и было полно надеждъ и довѣрія къ молодому императору. И Александръ I, казалось, былъ созданъ для высокихъ помысловъ и великихъ дѣлъ. Случилось, однако, иное. Эпоха стала бурной какъ море, и у кормчихъ не хватило силъ. На кого падала большая вина въ томъ, что по истеченіи первыхъ двадцати пяти лѣтъ новаго вѣка, ко времени смерти императора, государственный корабль несся по вѣтру, вмѣсто того, чтобы твердо держаться курса—на тяжелыя условія или недостаточную умѣлость руководителей—объ этомъ судить трудно.

Свои мирныя намѣренія императоръ проявилъ прежде всего во внѣшнихъ дѣлахъ. Онъ искалъ и нашелъ путь къ соглашенію съ Англіей и даже съ Наполеономъ заключилъ мирный договоръ, который, однако, просуществовалъ лишь нѣсколько лѣтъ. Уже съ 1805 г. начались ужасы войны, достигшіе своего апогея въ отечественной войнѣ 1812 г. при отраженіи французскаго нашествія. Послѣдовавшіе затѣмъ походы въ Германію и Францію, споры и недоразумѣнія между державами, собравшимися на конгрессъ съ цѣлью возстановленія нарушеннаго европейскаго равновѣсія, борьба съ разгоравшимся освободительнымъ движеніемъ въ Европѣ, польскій вопросъ—сдѣлали вторую половину царствованія Александра I эпохой нервнаго напряженія и тягостнаго гнета.

Внутри государства первые годы новаго царствованія, смѣнившаго тяжелый деспотизмъ Павла I, явились эпохою значительнаго подъема духа и возрожденія общества, эпохою великодушныхъ плановъ и просвѣщенныхъ замысловъ. Свѣжимъ, живительнымъ духомъ повѣяло во всѣхъ сферахъ общественной жизни, и самъ царь былъ одушевленъ серьезнымъ стремленіемъ пойти навстрѣчу охватившей всѣхъ жаждѣ къ освобожденію изъ ненавистныхъ оковъ тяжелаго прошлаго и къ реорганизаціи государственнаго строя на прочныхъ основаніяхъ. Многія сумасбродныя распоряженія Павла I были отмѣнены, снова дозволены были поѣздки за границу и ввозъ книгъ, смягченъ надзоръ за печатью, предоставлена нѣкоторая свобода совѣсти сектантамъ; былъ даже поставленъ на очередь вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости *).

---

*) Подробности см. у Schiemann'a, Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I (Berlin 1904) т. I.

Изъ возвышенныхъ проектовъ императора немногое однако претворилось въ жизнь. Мѣропріятія, направленныя на широкую реформу всего государственнаго управленія, встрѣтили упорное противодѣйствіе со стороны высшей бюрократіи, а предположенное облегченіе участи крѣпостныхъ вызвало опозицію матеріально заинтересованнаго дворянства. Къ тому же реформаторскіе планы должны были все дальше отступать на задній планъ, по мѣрѣ того какъ надвигалась война Россіи съ Франціей. Вовлеченная въ международныя интриги и конфликты, Россія вынуждена была содержать огромное готовое къ бою войско, что вызвало крайнее напряженіе финансовыхъ силъ. Къ концу царствованія Александра I внутренняя политическая жизнь характеризуется подавленностью и недовольствомъ. Это было, быть можетъ, послѣдствіемъ не столько экономическаго гнета, сколько общаго направленія, постепенно принятаго государственною и общественною жизнью. Императоръ самъ склонился къ ретроградным, мистическимъ воззрѣніямъ извѣрившагося пессимизма и подпалъ подъ вліяніе фаворитовъ въ родѣ Аракчеева, государственная система которыхъ перешла въ исторію подъ нелестнымъ наименованіемъ «аракчеевщины».

II.

Торговая и таможенная политика съ 1801 по 1822 г. (Первый періодъ).

А. Либеральное теченіе, запретительная система и колебанія въ сторону болѣе умѣренной покровительственной таможенной политики.

ГЛАВА X.

Надежды на установленіе либеральной торговой системы.—Смѣлые планы поднятія транзитной торговли.—Время войны.—Принципъ свободной торговли и таможенная политика.

Экстравагантныя торговополитическія мѣропріятія Павла I нашли себѣ, какъ мы видѣли, рѣзкое выраженіе въ извѣстномъ запрещеніи вывоза въ мартѣ 1801 г., осуществленію котораго помѣшала внезапная смерть императора. Его преемникъ тотчасъ же отмѣнилъ этотъ сумасбродный актъ, мотивируя отмѣну тѣмъ, что производство торговли должно быть «свободнымъ и безпрепятственнымъ». Это звучало многообѣщающе. Надеждѣ на установленіе болѣе либеральной торговой системы дальнѣйшую пищу далъ манифестъ 2 апрѣля 1801 г. Въ немъ указывалось, что сельское хозяйство неизбѣжно оскудѣетъ, если ему не будетъ открыта широкая возможность вывоза. Торговлѣ должны быть поэтому открыты всѣ пути *).

И какъ бы въ подкрѣпленіе этого намѣренія были отмѣнены не

*) *Лодыженскій*, стр. 159.

только запрещеніе вывоза изъ портовъ, но вслѣдъ затѣмъ и состоявшееся въ 1800 и 1801 г. воспрещеніе ввоза стеклянныхъ и стальныхъ издѣлій, инструментовъ, разнаго рода тканей и т. д.

Казалось, наступалъ *поворотъ въ таможенной политикѣ*, совершенно порывавшій всякія связи съ прошлымъ. Но послѣдовавшія затѣмъ государственныя мѣропріятія оправдали ожиданія современниковъ лишь въ незначительной мѣрѣ. Нарождавшіяся теоріи о благахъ свободной торговли находили въ практикѣ только ограниченное примѣненіе. Тѣмъ не менѣе, и самъ имп. Александръ I и наиболѣе видные изъ его совѣтниковъ, несомнѣнно, находились подъ вліяніемъ новыхъ идей.

Первымъ руководителемъ учрежденнаго въ 1809 г. одновременно съ другими министерства торговли былъ назначенъ гр. Румянцевъ, государственный дѣятель, близкій сердцу государя, охотно ставившаго себѣ самыя широкія задачи. Если государь признавалъ торговлю «важнѣйшимъ источникомъ достатка и богатства», то тотъ же взглядъ выраженъ и въ программѣ его министра въ слѣдующихъ трехъ основныхъ положеніяхъ: 1. Ввозъ слѣдуетъ ограничивать лишь постольку, поскольку это необходимо въ интересахъ внутренняго производства. 2. Вывозная торговля должна быть покровительствуема путемъ устраненія всякаго рода препятствій и изысканія новыхъ рынковъ сбыта. 3. Возможное покровительство должно быть оказываемо и транзитной торговлѣ.

Имп. Александръ, какъ и гр. Румянцевъ, были исполнены сознанія важности задачи—ввести Россію въ сферу международныхъ торговыхъ отношеній другихъ государствъ. Незначительность русскаго спроса на западно-европейскія произведенія и ограниченность статей русскаго вывоза, естественно, приводили къ стремленію, нерѣдко проявлявшемуся уже и ранѣе,—сдѣлать Россію посредникомъ въ транзитной торговлѣ другихъ, обладающихъ болѣе широкимъ производствомъ и болѣе значительною потребительной способностью государствъ, чтобы хоть изъ транзита извлечь какія либо выгоды. На первый планъ выступали въ этихъ проектахъ Сибирь, Китай, центральная Азія и Индія. Въ предѣлахъ же государства должны были быть устроены на всѣхъ омывающихъ его водахъ торговые порты, какъ опорные пункты имѣющаго развиться товарообмѣна.

Въ особенности правительство было озабочено оживленіемъ южнорусской торговли, для развитія которой не хватало самыхъ необходимыхъ условій. Съ этою цѣлью портамъ Чернаго и Азовскаго морей были предоставлены таможенныя и иныя льготы и созданы условія для возникновенія транзитной торговли въ Одессѣ, Таганрогѣ и Ѳеодосіи (впослѣдствіи также въ Ригѣ, Петербургѣ и Архангельскѣ) [1]. Въ особенности изъ Одессы предполагалось сдѣлать

[1]) Въ то время существовалъ только одинъ транзитный путь черезъ Ригу въ Польшу, Литву и Курляндію. Внѣ этихъ предѣловъ опредѣленія тарифа 1797 о транзитной торговлѣ оставались безъ примѣненія, такъ какъ они не давали указаній относительно складочныхъ мѣстъ и направленія торговыхъ путей (Истор. м-ва фин. I, стр. 128).

центръ широкаго торговаго оборота. Новый торговый центръ долженъ былъ посредничать въ торговлѣ не только со всѣмъ юго-востокомъ Европы, но и съ Азіей, въ частности съ Индіей. Области центральной Азіи, еще только отчасти объединенныя въ государственныя образованія, должны были стать доступными русскимъ купцамъ и снабдиться соотвѣтственными торговыми центрами. Съ Японіей и Китаемъ торговыя сношенія были завязаны при помощи посланныхъ туда торгово-дипломатическихъ миссій. Даже негостепріимное побережье Сѣв. Ледовитаго океана было вовлечено въ планъ меркантильныхъ начинаній. Торговыя компаніи должны были основать факторіи у устій сибирскихъ рѣкъ и на Ледовитомъ океанѣ, чтобы развить тамъ промышленную жизнь [1]).

Торговополитическая программа Румянцева задавалась широкими—можно сказать,—міровыми задачами. Она сосредоточиваетъ свое вниманіе на торговыхъ путяхъ, которые нѣкогда, благодаря торговой предпріимчивости иностранцевъ, обѣщали стать важными артеріями мирового оборота. Транзитная торговля предшествовавшихъ эпохъ была скована бюрократическими запретами, татарскимъ хищничествомъ и фискальными поборами, пока оба великихъ реформатора на тронѣ, Петръ В. и Екатерина II не предоставили ей нѣкотораго простора. Теперь гр. Румянцевъ задался цѣлью проложить транзитной торговлѣ широкое русло, но какъ этотъ, такъ и много другихъ его смѣлыхъ проектовъ остались на бумагѣ и только весьма немногіе, выйдя изъ стадіи первоначальныхъ попытокъ, получили реальное осуществленіе. Уже во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣятельности министерства торговли за 1805 г. гр. Румянцевъ, отмѣчая вліяніе войны между коалиціей, въ которой участвовала Россія, и Франціей, указывалъ, «что торговля, безотлучная сопутница тишины и изобилія, среди военныхъ ополченій изнеможетъ въ силахъ».

Начиная съ 1806 г. «пути торговые уже всецѣло опредѣляемы были обстоятельствами военными». Движеніе французской арміи въ среднюю Европу противъ Пруссіи и блокада нѣмецкихъ вольныхъ городовъ Англіей отодвинули театръ войны на сѣверъ; для

[1]) Румянцевъ снарядилъ особую экспедицію для изслѣдованія торговыхъ путей изъ Россіи въ Кабулъ. Оренбургъ и Астрахань должны были стать важными этапными пунктами на торговомъ пути въ Хиву и Бухару. Въ отношеніи Индіи предполагалось, что иностранные товары „ни откуда не могутъ быть доставлены туда скорѣе и дешевле, чѣмъ транзитомъ черезъ Россію“ (изъ „Журнала департамента торговли“ отъ 1811 г.). Транзитная торговля Одессы, которой предстояло конкуррировать съ обычнымъ въ то время торговымъ путемъ въ Персію и Индію черезъ Константинополь и Малую Азію, была регламентирована высоч. указомъ 1804 г. Одесса дѣйствительно значительно выросла, благодаря транзитной торговлѣ, и это имѣло благотворное значеніе для всего юга Россіи. Оживленію южнорусскаго порта, наряду съ Салониками, способствовала въ особенности французская континентальная система (*Мюллеръ*, Транзитная торговля Россіи въ 19 вѣкѣ. „Русск. Экон. Обозр“. за 1903 г., кн. 5 и 6).

товарообмѣна съ Россіей возникли серьезныя препятствія, еще усиленныя запрещеніемъ вывоза хлѣба изъ Россіи.

Еще съ большимъ ущербомъ для экономическихъ интересовъ Россіи было связано присоединеніе ея, послѣ заключенія въ 1807 г. Тильзитскаго мира, къ направленной противъ Англіи континентальной системѣ. Борьбу съ англійской торговлей Россія вела съ непреклонной суровостью; по мнѣнію императора, это должно было «приблизить миръ въ Европѣ». Въ силу указа 28 окт. 1807 г. на всѣ находящіяся въ русскихъ портахъ суда и имущество англичанъ въ Россіи былъ наложенъ арестъ. Въ слѣдующемъ 1808 г. русскимъ судамъ, находившимся въ Англіи, было приказано немедленно вернуться обратно безъ груза и ввозъ въ Россію какихъ бы то ни было англійскихъ товаровъ былъ воспрещенъ. Но такъ какъ товары англійскаго происхожденія проникали все-таки въ Россію на нейтральныхъ судахъ, то въ 1809 г. было установлено, что нейтральность груза должна быть доказана корабельщикомъ судна передъ «комиссіей нейтральнаго мореплаванія» въ Петербургѣ или Архангельскѣ.

Такого рода мѣропріятія, направленныя на закрытіе русской границы въ отношеніи важнѣйшаго для тогдашней Россіи торговаго государства, довольно плохо согласовались, конечно, съ ученіемъ Адама Смита, которому, какъ увѣряло правительство, оно хотѣло слѣдовать. Но уже ранѣе, когда военныя событія еще не прервали мирнаго развитія торговаго оборота, превознесенный теоретически принципъ свободной торговли, получилъ въ примѣненіи къ конкретнымъ условіямъ такое истолкованіе, которое лишь въ весьма слабой степени соотвѣтствовало ученію великаго англійскаго экономиста. Такъ, при выработкѣ новаго, болѣе соотвѣтствующаго духу времени, таможеннаго тарифа, къ которой приступлено было вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Александра I, было найдено, что идеи, подобныя ученію Адама Смита, хотя и заслуживаютъ безусловнаго уваженія, но просто перенести ихъ въ Россію, не считаясь съ особенностями русской торговли,—значило бы нанести послѣдней смертельный ударъ.

Изготовленный въ октябрѣ 1804 г. таможенный тарифъ остановился поэтому—уже для того одного, чтобы не порвать со всякой исторической традиціей—на полу-пути: тарифъ сохранилъ таможенныя пошлины въ размѣрѣ до 20% со стоимости импортируемыхъ товаровъ, въ то время какъ до тѣхъ поръ ставки достигали 100% и даже болѣе. Но и эти сравнительно либеральныя предположенія вызвали въ тарифномъ комитетѣ, когда дѣло дошло до окончательнаго рѣшенія, настолько серьезныя сомнѣнія, что уменьшенныя тарифныя ставки были пока одобрены только для ограниченнаго числа особо указанныхъ предметовъ ввоза (указъ 17 марта 1805 г.).

Умѣренное направленіе торжествовало притомъ недолго. Тяжелыя тучи заволокли горизонтъ и побудили правительство вернуться къ прежнимъ высокимъ таможеннымъ ставкамъ. Кокетничаніе съ

фритредерскими теоріями было оставлено; все отступило на заднiй планъ передъ нависшей военной грозой [1]).

ГЛАВА XI.

Возвратъ къ системѣ усиленнаго таможеннаго обложенія. — Положеніе 1810 г. о нейтральной торговлѣ.—Перемѣна курса въ торговополитическихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ государствамъ.—Послѣдствія запретительной системы.—Переходъ къ болѣе умѣренной покровительственной политикѣ.—Тарифы 1816 и 1819 гг.

Вызванное присоединеніемъ Россіи къ континентальной системѣ закрытіе границы для англійскихъ продуктовъ грозило собственной торговлѣ. Вывозъ пріостановился, и продукты внутренняго производства были обезцѣнены; импортъ, хотя и продолжался, несмотря на неблагопріятныя условія, но въ морскихъ портахъ былъ до крайности обремененъ формальностями, связанными съ надзоромъ комиссій нейтральнаго мореплаванія, торговый балансъ складывался въ высшей степени неблагопріятно, а курсъ вексельный и ассигнаціонный выказывалъ тенденцію къ неудержимому паденію. Какой нибудь исходъ былъ необходимъ. Правительство расчитывало наиболѣе тягостныя экономическія затрудненія побѣдить путемъ таможенно-политическихъ мѣропріятій. Для поддержанія экспорта вывозныя пошлины были частью отмѣнены, напр., для хлѣба и желѣза, но частью и повышены, (напр., для льна, пеньки, соли, льняного сѣмени и т. д.) изъ фискальныхъ соображеній, причемъ предполагалось, что относительно этихъ продуктовъ Россія можетъ не опасаться конкурренціи на иностранныхъ рынкахъ. Въ то же время былъ до крайности ограниченъ импортъ. Тѣ продукты, безъ которыхъ считали возможнымъ обойтись совсѣмъ, какъ напр., многіе предметы роскоши, или которые полагали возможнымъ производить внутри государства, безпощадно исключались изъ числа дозволенныхъ къ ввозу. Остальные же предметы импорта за исключеніемъ необходимыхъ сырыхъ матеріаловъ, подлежавшихъ безпошлинному пропуску, были обложены высокою пошлиною. Весьма существенное стѣсненіе для импорта представляло также распоряженіе о томъ, чтобы на протяженіи всей границы отъ Мемеля до Дуная (до 150 нѣмецкихъ миль) ввозъ допускался только чрезъ три впускныхъ таможенныхъ пункта—Полангенъ близъ Мемеля, Радзивилловъ близъ Бродъ и Дубоссары на Днѣстрѣ, а на морѣ—чрезъ порты Архангельскъ, Петербургъ, Ревель, Рига, Либава, Одесса, Ѳеодосія и Таганрогъ.

[1]) *Лодыженскій* (стр. 161 сл.), опираясь на авторитетъ историка Богдановича, изображаетъ дѣло такимъ образомъ, что имп. Александръ долженъ былъ отказаться отъ своихъ либеральныхъ торговополитическихъ идей главнымъ образомъ подъ давленіемъ суровыхъ политическихъ требованій Наполеона, боровшагося тогда вмѣстѣ съ Россіей противъ Англіи. Въ оффиціальной исторіи министерства финансовъ объ этомъ не упоминается.

*

Таковы основныя черты «Положенія о нейтральной торговлѣ» 1810 г. Предназначенное сперва на одинъ только (1811) годъ, оно оставалось въ силѣ до 1815 г.—съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями, которыя были вызваны перемѣною въ политическихъ отношеніяхъ. Новые таможенно - политическіе принципы, сводившіеся по отношенію къ ввозу къ почти запретительной системѣ, но въ то же время создавшіе исключительный законъ для торговли съ нейтральными государствами, послужили однимъ изъ существенныхъ поводовъ къ окончательному разрыву между Россіей и Наполеономъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ войнѣ 1812 г. Положеніе 1810 года дозволило, между прочимъ, ввозъ продуктовъ британскихъ колоній на нейтральныхъ студахъ. Это повело къ тому, что въ самое короткое время въ русскихъ портахъ сосредоточилось до 200 англійскихъ судовъ для нагрузки русскимъ сырьемъ. По точному смыслу Тильзитскаго договора Россія должна была бы воспретить этимъ судамъ пребываніе въ ея водахъ; канцлеръ гр. Румянцевъ и имѣлъ въ виду издать соотвѣтственное распоряженіе, но этому воспротивилось большинтво другихъ государственныхъ дѣятелей, доказывавшихъ, что, жертвуя своими важнѣйшими экономическими интересами въ угоду диктаторскимъ требованіямъ Наполеона, Россія призналась бы въ собственномъ безсиліи. Суровость новой таможенной системы отзывалась, впрочемъ, на Франціи тѣмъ чувствительнѣе, что импортъ именно французскихъ товаровъ былъ обложенъ особенно высокими пошлинами. Вслѣдствіе указанныхъ таможеннополитическихъ отношеній и безъ того натянутыя отношенія Россіи къ республикѣ еще болѣе обострились.

Таможенная политика, установившаяся съ 1810 г., послужила прологомъ къ войнѣ, будучи въ то же время боевою мѣрою въ другомъ смыслѣ. Она должна была служить для подавленія внутренняго врага—крайняго истощенія народнаго хозяйства, выражавшагося въ небывало высокихъ бюджетныхъ дефицитахъ, огромномъ количествѣ обезцѣненныхъ бумажныхъ денегъ, плохомъ вексельномъ курсѣ и неблагопріятныхъ торговыхъ балансахъ. Новыя таможенныя мѣропріятія разсматривались какъ средство къ ослабленію *политическихъ* противниковъ государства *за-границею* и укрѣпленію *экономическихъ* элементовъ *внутри государства.* Согласно выработанной Сперанскимъ въ 1810 г. программѣ мѣропріятій для борьбы съ тяжелымъ финансовымъ положеніемъ, возвратъ къ суровому протекціонизму, имѣвшему въ то время скорѣе запретительный, чѣмъ покровительственный характеръ, являлся необходимымъ предварительнымъ условіемъ какого бы то ни было экономическаго улучшенія. Принципы свободной торговли и въ предшествующій періодъ 1801—1809 г. имѣли въ Россія только умѣренный успѣхъ, теперь же реальная политика, къ которой правительство вынуждено было прибѣгнуть вслѣдствіе крайне неудовлетворительнаго экономическаго состоянія государства, изгнала послѣдніе остатки фритредерства. Однако, только на время. Само правительство истолковывало такъ свою политику. Изданный при опубликованіи положенія 1810 г. манифестъ ясно давалъ понять,

что по мнѣнію законодателя декретированная имъ запретительная система окажется необходимою только въ видѣ временной, преходящей мѣры. Поэтому новый таможенный тарифъ и былъ, какъ уже упомянуто, объявленъ дѣйствительнымъ сперва на одинъ только (1811) годъ.

Окончательный разрывъ съ Франціей естественно долженъ былъ повлечь за собою и полную перемѣну курса торговой политики. Столь настойчивая прежде борьба съ англійской торговлей была оставлена. Заключенный съ Англіей мирный договоръ 6 (18) іюня 1812 г. заключалъ въ себѣ также условіе о наибольшемъ взаимномъ благопріятствованіи. Не дожидаясь ратификаціи договора, было повелѣно особымъ манифестомъ немедленно открыть всѣ порты для англійскаго флага; всѣ установленныя въ силу континентальной системы репрессіи были поспѣшно отмѣнены.

Одновременно съ тѣмъ правительство стремится къ установленію торгово-договорныхъ отношеній и съ другими государствами— Швеціей, Испаніей, Турціей, Персіей, Даніей. Это сближеніе вызывалось сознаніемъ, что для торговли необходимъ усиленный притокъ свѣжихъ силъ, чтобы ослабить вліяніе продолжительнаго военнаго времени [1]).

Для торговли была бы, надо думать, полезнѣе отмѣна запрещеній ввоза и высокихъ таможенныхъ ставокъ, но на это правительство не могло рѣшиться въ суровую годину войны. Министръ финансовъ гр. Гурьевъ имѣлъ правда въ виду уже въ 1813 г. отмѣнить запрещеніе ввоза для цѣлаго ряда продуктовъ, но встрѣтилъ со стороны своихъ коллегъ такое противодѣйствіе, что императоръ отклонилъ его предложеніе. Гр. Румянцевъ и другіе противники смягченія суровой запретительной системы считались приэтомъ съ распространеннымъ въ широкихъ кругахъ населенія теченіемъ, усматривавшимъ въ изгнаніи изъ Россіи иностранныхъ продуктовъ, въ видахъ покровительства отечественному производству, своего рода долгъ живого національнаго самосознанія. Борьба съ вторгшейся въ Россію непріятельской арміей обострила національное чувство въ такой мѣрѣ, что общество склонно было къ отрицанію всего иноземнаго, даже въ сферѣ товарообмѣна [2]) Нельзя,

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь, что внѣшняя торговля *Пруссіи* не извлекла никакихъ выгодъ изъ либеральнаго движенія въ Россіи. Хотя контрабанда въ Россію, благодаря дѣятельному участію польскихъ евреевъ, и процвѣтала, но прусская индустрія, на которой и безъ того тяжело отражалась война, сильно страдала отъ русской запретительной системы; въ частности фабриканты полотна и суконъ не переставали осаждать короля Фридриха-Вильгельма своими жалобами. Но всѣ представленія въ Петербургѣ оставались безрезультатными и даже въ началѣ 1813 г., когда царь нуждался въ союзѣ съ Пруссіей, онъ давалъ королю на его представленія относительно запретительной системы уклончивые отвѣты. Единственное, чего удалось достигнуть, это отмѣны преимуществъ для саксонскаго сукна въ Польшѣ (*Zimmermann*, Geschichte der preussisch-deutshen Handelspolitik 1892, стр. 14).

[2]) Существованіе такого шовинистическаго теченія *Лодыженскій* подтверждаетъ ссылками на литературу того времени (стр. 169 слл.).

впрочемъ, не замѣтить, что «народное движеніе» ревностно провоцировалось тѣми, кто былъ заинтересованъ въ закрытіи границъ для иностранныхъ фабрикатовъ. Сюда относились прежде всего производители и продавцы такихъ товаровъ, на которые существовалъ значительный спросъ при отсутствіи въ то же время на внутреннемъ рынкѣ соотвѣтственныхъ запасовъ. Спекуляція, не стѣсняемая никакой иностранной конкурренціей, подымала цѣны на эти предметы до неслыханной, можно сказать, безстыдной высоты [1]).

Несмотря на недовольство «антинаціональнымъ» духомъ, который вновь стали обнаруживать вліятельныя сферы тотчасъ по окончаніи войны, проявляется замѣтная тенденція къ *болѣе умѣренной покровительственной таможенной политикѣ*. Тарифъ и положеніе 1810 г. ни въ малѣйшей мѣрѣ не дали того, чего отъ нихъ ожидали. Главнѣйшая цѣль этихъ узаконеній имѣла, какъ извѣстно, финансовый характеръ. Посредствомъ подавленія ввоза и покровительства вывозу имѣлось въ виду улучшить торговый балансъ и тѣмъ создать оплотъ противъ—казалось, неудержимаго—паденія курсовой стоимости ассигнаціоннаго рубля. Но разсчетъ оказался ошибочнымъ. Въ 1811 г. т. е. въ первый годъ по введеніи новаго торговаго положенія — курсъ бумажныхъ денегъ палъ такъ низко, какъ онъ еще никогда не падалъ. Можно было зато находить нѣкоторое утѣшеніе въ томъ вліяніи, которое запретительныя мѣропріятія оказали на отечественную индустрію. Въ виду почти полнаго исключенія иностранныхъ продуктовъ, послѣдняя сдѣлала значительные успѣхи. Но это «воспитательное» закрытіе границъ, какъ уже упомянуто, обходилось населенію весьма дорого. По удостовѣренію одного современника, 99% населенія должны были оплачивать огромныя надбавки къ товарнымъ цѣнамъ, въ пользу 1% спекуляторовъ, которые, разумѣется, умѣли извлекать выгоду изъ своего монопольнаго положенія. Внутреннее производство къ тому же не въ состояніи было удовлетворить всѣмъ потребностямъ рынка. Единственнымъ противовѣсомъ спекулятивному повышенію цѣнъ являлся контрабандный подвозъ, достигшій при запретительной системѣ небывалаго расцвѣта.

Запретительная торговая система была, такимъ образомъ, полезна только въ *одномъ* отношеніи,—она оживила внутреннюю промышленную дѣятельность. Этому противостояло однако то об-

---

[1]) Какъ доказалъ въ 1813 г. министръ финансовъ, запретительная система была связана съ значительнымъ матеріальнымъ ущербомъ для населенія. Такъ, Россія употребляла въ годъ до 50.000 аршинъ тонкаго сукна, которое продавалось на внутреннемъ рынкѣ по 40—45 руб. ассигн. за аршинъ. Но, если бы былъ допущенъ ввозъ сукна изъ-за границы, аршинъ сукна стоилъ бы, при таможенной пошлинѣ въ 5 руб. ассигн. (25% ad valorem), только 20 руб. Такимъ образомъ населеніе съэкономило бы 10 мил. руб., а казна получила бы, сверхъ того, $2^1/_2$ мил. въ видѣ пошлины. Такую же экономію для населенія и двухмилліонный доходъ фиску дало бы дозволеніе ввоза на прежнихъ условіяхъ простыхъ суконъ (*Лодыженскій*, стр. 171 слл.).

стоятельство, что население оплачивало промышленный расцвѣтъ тяжелыми жертвами, не будучи притомъ достаточно обезпечено въ удовлетвореніи всѣхъ запросовъ рынка, что недоборъ таможенныхъ пошлинъ наносилъ ущербъ фиску и что, наконецъ, въ финансовомъ отношеніи запретительная система не принесла перемѣны къ лучшему.

Важнѣйшимъ моментомъ, обусловившимъ перемѣну таможенной политики, слѣдуетъ признать видоизмѣнившіяся политическія отношенія державъ другъ къ другу. «По возстановленіи свободныхъ политическихъ и торговыхъ сношеній между Европейскими державами, разсудили Мы за благо, для пользы общественной, допустить нѣкоторыя перемѣны въ запретительной торговой системѣ». Такъ гласитъ манифестъ, объявлявшій о таможенномъ тарифѣ 1816 г. Реформа проводилась, однако, нерѣшительно. Императоръ Александръ I лично принималъ слишкомъ живое участіе въ пробужденіи національныхъ инстинктовъ, чтобы равнодушно относиться къ жалобамъ московскихъ промышленниковъ, но съ другой стороны онъ стоялъ слишкомъ близко къ современному ему политическому міру съ его высоко парившими проектами всеобщаго счастья, чтобы связать свою экономическую политику тенденціями національной исключительности. То было время Вѣнскаго конгресса и священнаго союза!

Тарифъ 31 марта 1816 г. принципіально отказался такимъ образомъ отъ запретительной системы, но не упустилъ изъ виду торгово-промышленныхъ и фискальныхъ интересовъ государства. Дозволивъ ввозъ нѣкоторыхъ до тѣхъ поръ запрещенныхъ товаровъ, онъ съ другой стороны сохранилъ воспрещеніе ввоза для цѣлаго ряда продуктовъ, напр., для товаровъ желѣзной и текстильной индустріи.

Болѣе умѣренное направленіе таможенной политики проявилось еще рѣзче въ *тарифѣ 1819 г.*, изданномъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ важныхъ политическихъ событій. Прежде чѣмъ перейти къ нему, представляется поэтому цѣлесообразнымъ бросить бѣглый взглядъ на таможенно-политическія отношенія въ сосѣдней Пруссіи [1]).

Б. Пруссія и Россія до 30-хъ годовъ.—Возвращеніе Россіи къ охранительной системѣ.

ГЛАВА XII.

Таможенно-политическая раздробленность Пруссіи—Германіи въ началѣ вѣка.—Фритредерскія тенденціи прусскаго таможеннаго закона 1818 г.—Параллелизмъ въ эволюціи Пруссіи и Россіи.

Въ Германіи таможенная политика находилась въ началѣ вѣка въ хаотическомъ состояніи. Въ предѣлахъ одной только прусской

---

[1]) Мы слѣдуемъ здѣсь главнымъ образомъ цитированному уже труду *Циммермана* (ср. стр. 37) и *Bernhardi*, Geschichte Russlands, 1877, т. III.

территоріи дѣйствовало болѣе 60 различныхъ таможенныхъ системъ и тарифовъ при такомъ же количествѣ таможенъ. Кромѣ того почти каждый городъ имѣлъ свою таможенную черту, вслѣдствіе чего оборотъ былъ крайне стѣсненъ надзоромъ. Въ однѣхъ провинціяхъ ввозъ чужихъ продуктовъ былъ дозволенъ, въ другихъ либо вовсе воспрещенъ, либо обложенъ высокими пошлинами. Въ довершеніе этого хозяйственно-политическаго хаоса внутри государства полагалось необходимымъ ставить всевозможныя преграды притоку индустріальныхъ продуктовъ изъ Англіи, промышленность которой сдѣлала по прекращеніи наполеоновскаго господства поразительно быстрые успѣхи.

Убѣжденіе въ томъ, что промышленная жизнь націи страдаетъ отъ старой системы запрещеній и опеки, утвердилось раньше всего въ Пруссіи. Король Фридрихъ Вильгельмъ III уже въ 1802 г. высказался въ этомъ смыслѣ. Во время послѣдовавшихъ затѣмъ войнъ условія мало благопріятствовали — какъ полагалъ ф. Штейнъ — коренной реформѣ таможеннаго дѣла. До поры до времени признано было поэтому цѣлесообразнымъ мириться съ той крайней запутанностью таможенныхъ отношеній, которую создали географическая раздробленность прусской государственной территоріи, произволъ въ дѣлѣ установленія таможенныхъ и акцизныхъ ставокъ и таможенно-хозяйстненныя мѣропріятія французскихъ завоевателей. Идеи Адама Смита овладѣли, однако, и въ Пруссіи — немногимъ раньше, чѣмъ въ Россіи—болѣе просвѣщенными умами, и въ прусскихъ офиціальныхъ заявленіяхъ мы встрѣчаемъ теоретическія размышленія о свободѣ торговли, поразительно совпадающія съ одновременными заявленіями русскаго правительства [1]). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: нѣмецкіе и русскіе авторы заимствовали свои идеи изъ тѣхъ же англійскихъ источниковъ, и иногда просто на-просто переводили Адама Смита.

Какъ и въ Россіи, тенденціи къ болѣе либеральной таможенной системѣ, которой руководители прусскаго государства оставались вѣрными въ теоріи, были задавлены реальными условіями дѣйствительности, континентальной системой и осложненіями военнаго времени. Когда наступили лучшія времена, «военные сборы» (Kriegsimpost), введенныя по фискальнымъ соображеніямъ, были отмѣнены (16 мая 1814 г.), но реформу таможеннаго дѣла вслѣдствіе несогласій и близорукости нѣмецкихъ государствъ и враждебнаго отношенія

---

[1]) Въ инструкціи провинціальнымъ управленіямъ отъ 26 дек. 1808 г. мы, между прочимъ, читаемъ: „рядомъ съ отсутствіемъ ограниченій въ производствѣ и обработкѣ продуктовъ легкость оборота и свобода торговли какъ внутри государства такъ и съ за-границею являются необходимымъ условіемъ процвѣтанія промышленности, ремеслъ и благосостоянія и въ то же время самымъ естественнымъ, дѣйствительнымъ и прочнымъ средствомъ къ достиженію этого процвѣтанія... Свобода торговли возбуждаетъ иниціативу торгующихъ лицъ... Нѣтъ необходимости покровительствовать торговлѣ, она не должна только быть стѣсняема». *Zimmermann*, стр. 4).

иностранныхъ державъ пришлось отсрочить. Рѣшительный поворотъ наступилъ лишь въ 1818 году.

Прусскій законъ 26 мая 1818 г. о таможенныхъ пошлинахъ и обложеніи потребленія иностранныхъ продуктовъ и о торговыхъ сношеніяхъ между провинціями опредѣляетъ, что всѣ чужіе продукты природы, искусства и индустріи могутъ быть ввозимы въ прусское государство, потребляемы въ немъ и перевозимы черезъ него, а всѣ внутренніе продукты могутъ быть вывозимы и что въ сношеніяхъ и торговыхъ договорахъ съ другими націями долженъ строго господствовать принципъ взаимности. Ввозъ чужихъ продуктовъ былъ обложенъ пошлиною въ $^1/_2$ талера и въ качествѣ добавочной пошлины налогомъ съ потребленія, который по общему правилу долженъ былъ составить 10% ad valorem. Таможенный тарифъ 1818 г. былъ фритредерскимъ. Если правительство признало нужнымъ сохранить обложеніе ввоза чужихъ фабрикатовъ и вывоза внутренняго фабричнаго сырья, то оно сдѣлало это съ соблюденіемъ значительной умѣренности въ ставкахъ и вообще больше для того, чтобы пощадить общественное мнѣніе и не слишкомъ обезкуражить фабрикантовъ. Въ основѣ тарифа 1818 г. лежала та мысль, что, освобождаясь отъ излишней защиты, внутренняя промышленность проникается большимъ довѣріемъ къ собственнымъ силамъ [1]).

Эта послѣдовательно проведенная таможенная система объединила всѣ прежнія опредѣленія. Ограждая фискальный интересъ, она въ то же время давала защиту и внутреннему производству, торговлѣ же предоставляла необходимую свободу, такъ какъ отмѣняла обременительныя внутреннія пошлины. Съ господствовавшей еще тогда во всѣхъ болѣе значительныхъ государствахъ запретительной системой Пруссія совершенно разсчиталась, такъ какъ границы для иностраннаго импорта, путемъ обложенія его умѣренными пошлинами, были ею открыты.

Таможенное дѣло было такимъ образомъ реформировано въ Пруссіи на основѣ прочныхъ народно-хозяйственныхъ принциповъ, но осуществленіе системы встрѣчало на практикѣ величайшія затрудненія вслѣдствіе раздробленности прусской государственной территоріи и разобщенности ея границъ. Правительства менѣе значительныхъ государствъ еще долго всѣми возможными средствами противодѣйствовали попыткамъ установить въ Германіи таможенное единство. Они находили болѣе выгоднымъ для себя, въ связи съ принадлежавшимъ имъ верховнымъ правомъ на свободный транзитъ иностранныхъ продуктовъ, пользоваться печальнымъ состояніемъ страны для широкой контрабандной торговли, весьма усердно культивировавшейся значительной частью населенія этихъ государствъ. Большая заслуга должна быть признана за Тюбингенскимъ профес-

[1]) „Изъ всѣхъ европейскихъ рынковъ одинъ только прусскій открылъ такимъ образомъ доступъ иностраннымъ товарамъ... и перешелъ отъ старой запретительной политики къ системѣ умѣренной свободы торговли“ (*Freymark*, Die Reform der preussischen Handels und Zollpolitik 1800 bis 1821. ena 1897, стр. 66, 97 слл.).

соромъ Фр. Листомъ, сумѣвшимъ утвердить въ общественномъ мнѣніи сознаніе вреда этой таможенной разобщенности и необходимости энергичной защиты національнаго труда. Но только въ 1833 г. удалось создать, на почвѣ таможеннаго объединенія, единую таможенную территорію въ 7719 кв. миль съ населеніемъ въ 23 мил. душъ [1]).

Дѣлая выше краткій обзоръ таможенной политики Пруссіи въ первыя десятилѣтія 19 вѣка, мы имѣли въ виду выяснить параллелизмъ русскаго и прусскаго законодательства въ сферѣ торговой политики. Великія теченія эпохи, назывались ли они меркантилизмомъ, физіократизмомъ или какъ нибудь иначе, всегда находили себѣ откликъ въ обоихъ этихъ государствахъ. Какъ ни различны были въ нихъ политическое развитіе и экономическія условія, цѣли и средства торговой политики обѣихъ странъ представлялись нерѣдко, если оставить въ сторонѣ частности, настолько аналогичными въ своемъ существѣ, что можно было бы допустить единство господствовавшей надъ ними воли. Это въ особенности примѣнимо къ тѣмъ двумъ десятилѣтіямъ, которыя выше разсмотрѣны нами въ отношеніи Россіи нѣсколько подробнѣе. Всѣ три фазиса русской таможенной политики за время съ 1801 по 1820 гг. не трудно прослѣдить и въ Пруссіи: въ началѣ вѣка — фритредерскія тенденціи, обнаруживающіяся до тѣхъ поръ, пока тяжелыя политическія условія не заставили отказаться отъ либеральной торговой системы; затѣмъ возвратъ къ худшимъ временамъ торговой вражды и таможенныхъ интригъ, — временамъ пагубнаго смѣшенія задачъ внѣшней и таможенной политики; наконецъ—торжество началъ дѣйствительно либеральной торговой политики. Прусское правительство впервые въ 1816 г. объявило о своемъ твердомъ намѣреніи замѣнить сложную систему переплетающихся таможенныхъ, транзитныхъ и торговыхъ сборовъ построенной на либеральныхъ началахъ таможенной системой, и осуществило это намѣреніе въ законѣ 26 мая 1818 года. Россія получила въ 1816 г. таможенный тарифъ, точно также направленный на предоставленіе торговлѣ большей свободы, и въ 1819 г. сдѣлала еще одинъ шагъ впередъ. Оба законодательства оставались, впрочемъ, существенно различными. Прусскій таможенный законъ 1818 г. санкціонируетъ умѣренную свободу торговли; русскіе тарифы 1816—1819 годовъ могутъ быть разсматриваемы въ лучшемъ случаѣ, какъ проявленіе болѣе умѣреннаго протекціонизма.

---

[1]) *Weber*, Der deutsche Zollverein. Geschichte seiner Entstehung und Entwickelung. Leipzig. 1871.

Глава XIII.

Вѣнскій конгрессъ и польскій вопросъ.—Торгово-политическія недоразумѣнія между Россіей и Пруссіей.—Основныя черты русскаго таможеннаго тарифа 1819 г.—Поворотъ. — Таможенный тарифъ 1829 г.—Пруссія и Россія въ 1834 г.

Вѣнскій конгрессъ сопровождался весьма важными послѣдствіями для экономическихъ отношеній Пруссіи и Россіи. Онъ вызвалъ торгово-политическое сближеніе между обоими государствами, но въ то же время положилъ начало длинному ряду разногласій, неоднократно принимавшихъ характеръ скрытой таможенной войны. Исходнымъ пунктомъ этихъ тягостныхъ конфликтовъ являлся *польскій вопросъ*.

Для выясненія дѣла считаемъ необходимымъ сдѣлать слѣдующія предварительныя замѣчанія. При второмъ раздѣлѣ Польши (1793) Прусія получила четыре объединенныя ею подъ названіемъ «Южная Пруссія» воеводства—Позенъ, Гнезенъ, Калишъ и Серадзъ, т. е. кромѣ нѣсколькихъ областей, доставшихся въ 1815 г. Россіи, и нѣсколькихъ округовъ, отнесенныхъ къ Бромбергскому бецирку, теперешній округъ *Позенъ*. Соединеніе этихъ областей съ Пруссіей имѣло для нихъ съ экономической точки зрѣнія огромное значеніе, такъ какъ въ 1793 г. все еще сохранялъ свою силу заключенный въ 1775 г. Фридрихомъ В. прусско-польскій торговый договоръ, чрезвычайно тяжело отражавшійся на всей Польшѣ и въ особенности на пограничныхъ ея провинціяхъ своими высокими транзитными пошлинами въ 12% и строгимъ запрещеніемъ импорта хлѣба [1]).

Новая провинція сдѣлала благодаря своему присоединенію къ Пруссіи значительные хозяйственные успѣхи; расцвѣту ея содѣйствовала уже отмѣна установленнаго упомянутымъ выше торговымъ договоромъ 1775 г. «хлѣбнаго таможеннаго загражденія» (указъ 30 января 1794 г.). Организаціонная работа была, однако, прервана послѣ Іенскаго пораженія. Тильзитскій миръ отнялъ у Пруссіи доставшіяся ей отъ Польши области и образовалъ изъ нихъ *герцогство Варшавское* (1807 г.). Послѣднее прекратило, однако, свое существованіе послѣ паденія Наполеона. По рѣшенію Вѣнскаго конгресса Позенскій округъ вновь былъ присоединенъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III къ Прусскому государству въ видѣ «Великаго герцогства Позенскаго» (патентъ объ инкорпораціи 13 мая 1815 г.). Сѣверная часть была отнесена къ Бромбергскому округу, а остальная часть образовала теперешній округъ Позенъ.

---

[1]) Dr. *Hampke*, Festschrift der Handelskammer zu Posen aus Anlass ihres 50 jährigen Bestehens. Teil I von Dr. *Scottmüller* (Posen 1901). Объ общемъ состояніи Пруссіи въ 18 вѣкѣ: *Schmoller*, Studien über die wirtschaftliche Politik Friedrichs des Grossen und Preussens überhaupt von 1680 bis 1786 (*Schmöllers* Jahrbuch f. Gesetsgebung etc VIII, 346 слл.).

Въ связи съ Вѣнскимъ конгрессомъ державы, принявшія участіе въ раздѣлѣ Польши—Россія Пруссія и Австрія, по настоянію польской дипломатіи, подписали соглашеніе (21 апр.—3 мая 1815 г.) о примѣненіи однообразныхъ хозяйственно-политическихъ началъ къ разъединеннымъ частямъ польскаго государства. Послѣднія должны были и впредь составить единую въ таможенно-политическомъ отношеніи область, въ которой всѣмъ продуктамъ сельскаго хозяйства и индустріи должно было быть предоставлено свободное и неограниченное обращеніе. При импортѣ въ какое либо изъ принявшихъ участіе въ раздѣлѣ государствъ эти продукты должны были облагаться ввозною пошлиною въ размѣрѣ не свыше 10% ad valorem [1])

Согласно этому вѣнскому соглашенію комиссары трехъ великихъ державъ собрались въ 1817 г. въ Варшавѣ для выработки болѣе подробныхъ опредѣленій. Переговоры очень затянулись,—по утвержденію Россіи, потому, что Австрія и еще болѣе Пруссія требовали привилегій для всего ихъ импорта не только въ Польшу, но и въ собственную Россію [2]). Какъ бы то ни было, послѣ этихъ, подчасъ весьма обострявшихся переговоровъ, русско-прусская конвенція была наконецъ подписана въ Петербургѣ 7—19 декабря 1818 г. Прибавленный императоромъ къ конвенціи параграфъ обѣщалъ также разрѣшить транзитъ суконъ въ Азію при оплатѣ прежней таможенной пошлиной.

Усилія польскихъ провинцій сохранить въ отношеніи трехъ великихъ державъ свою таможенно-политическую самостоятельность оказались безрезультатными въ томъ смыслѣ, что такое особое положеніе не было имъ предоставлено ни одною изъ державъ, въ томъ числѣ и Россіей, которая ввела польскія провинціи въ свою таможенную границу. Чтобы, однако, сдѣлать недѣйствительными низкія таможенныя ставки, предписанныя торговыми трактатами съ сосѣдними державами, Россія, по примѣру другихъ государствъ, устано-

---

[1]) Прусско-русская конвенція заключала въ ст. 22—30 такія опредѣленія о торговлѣ и судоходствѣ между польскими провинціями, что точное осуществленіе ихъ повело бы къ отдѣленію Позена отъ прусской монархіи... „Самымъ важнымъ для поляковъ было при этомъ во всякомъ случаѣ помѣшать включенію проектированнаго имп. Александромъ Царства Польскаго въ русскую таможенную границу и, далѣе, сохраненіе польскаго національнаго самосознанія и въ отошедшихъ къ Пруссіи и Австріи частяхъ Польши, а также въ Литвѣ. Въ Берлинѣ же явно разсчитывали создать, посредствомъ соглашенія, почву, опираясь на которую представлялось бы возможнымъ пробить брешь въ русской запретительной системѣ“ (*Zimmermann*, стр. 14).

[2]) *Ладыженскій*, стр. 180. По даннымъ, приведеннымъ у *Zimmerman'a* (стр. 16—22, 59—64) требованія Пруссіи были безусловно умѣренны, русскіе же ставили всевозможныя затрудненія. Пруссія выражала желаніе допустить польское судоходство на Мемелѣ, Вислѣ и Вартѣ на тѣхъ же условіяхъ, какъ и прусское, дозволить полякамъ наравнѣ съ собственными подданными торговлю въ остзейскихъ городахъ, и установить транзитную пошлину въ 2% ad valorem, взамѣнъ чего Россія прежде всего должна была дозволить транзитъ прусскихъ суконъ въ Азію.

вила рядомъ съ таможенными пошлинами еще внутренніе сборы или *налоги съ потребленія*, такъ что оба вида обложенія, взятые вмѣстѣ, обременяли ввозимые продукты въ томъ же приблизительно размѣрѣ, какъ прежніе пошлины [1]).

Непосредственнымъ результатомъ прусско-русской торговой конвенціи было то, что Россія должна была теперь согласовать свой *общій таможенный тарифъ 1816 г.* съ договорными соглашеніями, ибо въ противномъ случаѣ рядомъ съ польско-прусской пограничной чертой должна была бы быть установлена еще одна—между Россіей и Польшей. Эту таможенную проблему нелегко было разрѣшить, такъ какъ приходилось объединить самыя разнообразныя интересы. Новый общій тарифъ долженъ былъ открыть большую свободу русской внѣшней торговлѣ и въ то же время дать русской индустріи достаточную защиту со стороны иностранной конкурренціи; онъ долженъ былъ приспособиться къ соглашеніямъ съ обоими сосѣдними государствами, не нарушая въ то же время особыхъ интересовъ Россіи; онъ долженъ былъ гарантировать инкорпорированнымъ польскимъ провинціямъ исключительное положеніе на основѣ либеральныхъ принциповъ, но въ то же время сохранить для всей имперіи высокія покровительственныя пошлины. Такъ какъ въ силу соглашенія пошлины не должны были превышать 10% стоимости товара, то эта часть проблемы, какъ уже упомянуто, нашла себѣ разрѣшеніе въ томъ, что рядомъ съ таможенными пошлинами были установлены налоги съ потребленія. Для продуктовъ, импортъ которыхъ былъ вновь допущенъ, эти внутренніе налоги были, въ видахъ затрудненія ввоза, повышены до запретительной нормы (60%) Дѣйствіе конвенціоннаго тарифа было такимъ образомъ для имперіи, въ отношеніи къ Польшѣ, весьма ослаблено. Главную выгоду изъ тарифныхъ соглашеній извлекли только поляки, которые, благодаря чрезвычайной энергіи ихъ заступниковъ при русскомъ дворѣ, надолго сохранили благосклонность русскихъ монарховъ. Ихъ торговля съ имперіей была и въ другихъ отношеніяхъ поставлена въ особо благопріятныя условія (указъ 3 октября 1819 г.)

На указанныхъ основаніяхъ и былъ построенъ *таможенный тарифъ 20 ноября 1819 г.*, пріобрѣвшій своего рода извѣстность въ исторіи русской таможенной политики, такъ какъ, согласно оффиціальнымъ удостовѣреніямъ, это былъ самый низкій тарифъ, который Россія когда либо имѣла [2]). Согласно этимъ удостовѣреніямъ новый тарифъ допустилъ черезъ сухопутную границу ввозъ всѣхъ, за нѣкоторыми изъятіями, товаровъ. Но и для морской границы, не подлежавшей дѣйствію договора, запрещеніе ввоза, поскольку оно касалось массовыхъ продуктовъ, было, въ интересахъ индустріи,

---

[1]) Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Сборы. составляли: для сахара ввозная пошлина 40 коп. съ пуда, внутренній налогъ 3 р. 35 коп., всего 3 р. 75 к.; для стали таможенная пошлина $7^1/_2$, внутренній налогъ $17^1/_2$, всего 25 коп.; для литого желѣза 9 и 81, всего 90 коп. съ пуда (*Покровскій*, стр. 30).

[2]) *Покровскій*, стр. 30.

отмѣнено [1]). Въ общемъ оффиціальный министерскій трудъ характеризуетъ тарифъ 1819 г. какъ строго покровительственный, если смотрѣть на него съ нашей современной точки зрѣнія; съ точки же зрѣнія современниковъ, т. е. по сравненію съ положеніемъ 1810 г., новый тарифъ долженъ былъ казаться чрезвычайно фритредерскимъ. «Фритредерство» его сводилось, однако, главнымъ образомъ, къ установленной договоромъ отмѣнѣ запрещеній, касавшихся ввоза многихъ продуктовъ. Введенныя новымъ тарифомъ низкія таможенныя ставки (отъ 2 до 15% съ цѣнности товаровъ) относились по большей части къ сырымъ матеріаламъ, еще не добывавшимся тогда въ Россіи, или къ неграмоздкимъ цѣннымъ предметамъ, которые легко проникали въ Россію при томъ блестящемъ развитіи, которое получила контрабанда въ рукахъ польскихъ евреевъ [2]).

Тарифу 1819 г. ставили многое въ вину. По заявленію занявшаго въ апрѣлѣ 1823 г. постъ министра финансовъ гр. Канкрина, этотъ тарифъ, открывъ широкій просторъ для иностранной конкуренціи, прямо «убилъ» утвердившуюся было русскую индустрію. Въ видѣ фактическихъ доказательствъ приводится, что цѣнность ввоза, составлявшая въ 1814 — 1815 г. 25 мил. руб., возросла въ 1820—1825 г. до 55 мил., между тѣмъ какъ вывозъ увеличился за тотъ же промежутокъ времени только съ 49 до 54 мил. руб. Многія фабрики вынуждены были, будто бы, закрыться вслѣдствіе недостаточной таможенной защиты; число, напр., сахарныхъ заводовъ упало съ 51 до 29 [3]). Можно признать эти отдѣльныя проявленія регресса, но едва ли правильно возлагать всю отвѣтственность на мнимо «фритредерскій» тарифъ. Съ другой стороны, и русскіе авторы отмѣчаютъ, что индустрія не могла бы сдѣлать впослѣдствіи такихъ значительныхъ успѣховъ, если бы этому расцвѣту не предшествовалъ періодъ чрезвычайно оживленнаго товарообмѣна съ заграницей, пробудившаго въ населеніи новыя потребности.

Одно, во всякомъ слууаѣ, можно признать несомнѣннымъ: новый таможенный тарифъ 1819 г., выработанный въ силу вѣнскаго соглашенія, былъ въ Россіи въ высшей степени непопуляренъ. Уже при самомъ изданіи тарифа выдвинутъ былъ вопросъ о его возможно скорой отмѣнѣ. Космополитическія идеи о благахъ, которыя свободный товарообмѣнъ приноситъ государству, исчезли также быстро, какъ и возникли. Экономическій эгоизмъ, поддерживаемый рѣзко выраженнымъ національнымъ шовинизмомъ, вновь потребовалъ протекціонистскихъ жертвъ. Вліятельная при царскомъ дворѣ

---

[1]) Исторія м-ва финансовъ I, 141.

[2]) „Можно ли такой таможенный тарифъ, если принять во вниманіе налоги съ потребленія, назвать либеральнымъ?“ спрашиваетъ *Лодыженскій* (стр. 187). Далѣе, у *Zimmerman'a*, мы читаемъ: „хотя тарифныя ставки въ большинствѣ были очень высокія, тарифъ все же знаменовалъ нѣкоторое улучшеніе по сравненію съ прошлымъ, тѣмъ болѣе, что онъ значительно увеличилъ число пограничныхъ таможенныхъ учрежденій“.

[3]) *Тимирязевъ*, стр. 141—183.

партія приверженцевъ покровительственной политики во главѣ съ министромъ финансовъ Гурьевымъ не скрывала того, что она осуждаетъ не только сдѣланныя сосѣднимъ государствамъ уступки, но и вообще всякаго рода договорныя соглашенія. Къ ней присоединилась опытная во всякаго рода хитростяхъ партія представителей польскихъ интересовъ, настойчиво предъявлявшая нескончаемыя требованія, съ цѣлью помѣшать торгово-политическому единенію великихъ державъ. Партія эта стремилась къ экономическому возстановленію и обособленію стараго Царства Польскаго, какъ основѣ для національнаго возрожденія Польши, и одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ достиженію этой цѣли она видѣла въ возможномъ противодѣйствіи установленію согласія между Россіей и Пруссіей. Хотя съ теченіемъ времени польскіе политики, въ частности поскольку дѣло касалось Пруссіи, и убавили нѣсколько свои національныя притязанія, но обстоятельство это не помѣшало имъ проявить въ истолкованіи и примѣненіи торговаго договора прямо таки безпримѣрную нелояльность [1]).

Но и сама Россія не стѣснялась извлекать выгоды изъ односторонняго толкованія конвенціи [2]), причемъ очень скоро обнаружилось, что Россія намѣрена вернуться на путь болѣе строгой запретительной системы. По трактату 1818 г. Россія и Пруссія обязались измѣнять свои тарифы не иначе какъ съ обоюднаго согласія, и изъ Петербурга было сообщено, что подготовляется новый тарифъ. Болѣе детальныя указанія о предположенной реформѣ дало письмо имп. Александра къ королю Фридриху-Вильгельму отъ 15—27 февраля 1822 г. «Вотъ уже въ теченіе двухъ лѣтъ», писалъ императоръ, «какъ мы примѣняемъ конвенцію, которая урегулировала, согласно постановленіямъ Вѣнскаго конгресса, коммерческіе интересы нашихъ народовъ, и Я съ сожалѣніемъ признаюсь, что эта конвенція все время возбуждаетъ протесты всѣхъ административныхъ лицъ Россіи и Польши... Опытъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ уже породилъ справедливую тревогу... Чѣмъ долѣе примѣняется актъ 7/19 декабря, тѣмъ болѣе и въ Россіи, и въ Польшѣ земледѣліе и промышленность не только останавливаются въ своемъ развитіи, но даже приближаются къ неминуемому разоренію... Конвенція 7/19 декабря 1818 г. является примѣненіемъ началъ принятыхъ Вѣнскимъ конгрессомъ,—началъ мудрыхъ и благодѣтельныхъ, если бы они были всѣми примѣнены на дѣлѣ, но

---

[1]) Такъ, лѣтомъ 1871 г. польское правительство просто стало игнорировать конвенцію. Въ Берлинъ было сообщено, что въ видахъ сокращенія расходовъ упраздняются 15 пограничныхъ таможенъ, въ томъ числѣ самыя важныя. Затѣмъ былъ запрещенъ ввозъ черезъ сухопутную границу колоніальныхъ товаровъ и спиртныхъ напитковъ. Прусскіе министры выразили крайнее неудовольствіе, но ничего не достигли своими жалобами. Имъ былъ предъявленъ, такъ сказать, встрѣчный счетъ, въ которомъ были перечислены всѣ польскія претензіи (*Zimmerman*, стр. 67).

[2]) Такъ она утверждала, что ввозъ прусскихъ суконъ въ Китай можетъ быть допущенъ только черезъ посредство русскихъ купцовъ. О другихъ репрессаліяхъ противъ тогда еще цвѣтущаго экспорта сукна изъ Позена см. *Hampke*, стр. 41.

послѣдствія ихъ могутъ быть только гибельны, если ихъ соблюдаетъ лишь одно государство, тогда какъ остальныя слѣдуютъ противоположнымъ основаніямъ. Англія осталась при запретительной системѣ; Австрія не измѣнила принципа охраны отъ конкуренціи иностранной промышленности; Франція приняла съ этой же цѣлью строгія предосторожности, и, если Я могу привести Вашему Величеству Вашъ собственный примѣръ, Пруссія не замедлила послѣдовать законодательству всей остальной Европы. По мѣрѣ того, какъ распространяется запретительная система охраны, страны, которыя свои законоположенія о торговлѣ основали на началахъ Вѣнскаго конгресса, несутъ жертвы съ каждымъ годомъ все большія. Такимъ образомъ Мои государства — Россія и Польша — сдѣлались обширнымъ складомъ всѣхъ заграничныхъ мануфактурныхъ издѣлій; они видятъ не только, какъ падаетъ, благодаря этому чрезмѣрному ввозу, ихъ промышленность, но и какъ всѣ заграничные порты, одинъ за другимъ, закрываются для продуктовъ ихъ почвы. Земледѣліе безъ сбыта и промышленность безъ поощренія не могутъ болѣе держаться, монета уходитъ, фирмы, наиболѣе солидныя, поколебались, и народное богатство не замедлитъ почувствовать слѣдствія гибели благосостоянія частныхъ лицъ» [1]). Подъ конецъ сообщается, что правительство намѣрено защитить индустрію новымъ тарифомъ. Отъ Пруссіи ожидаютъ, что своей предупредительностью она сдѣлаетъ возможнымъ эти мѣропріятія еще до открытія новой новигаціи.

Въ Берлинѣ не сомнѣвались, что было бы совершенно напрасно требовать безусловнаго соблюденія договора, но хотѣли, чтобы реорганизація тарифа исходила, по крайней мѣрѣ, не отъ одной Россіи. Король въ своемъ отвѣтномъ письмѣ предложилъ совмѣстное обсужденіе вопроса. Письмо осталось безъ отвѣта. 13 апрѣля 1822 г. было сообщено въ Берлинъ, что Россія признала нужнымъ вести съ 12 марта новый таможенный тарифъ [2]).

Оффиціальная исторія министерства финансовъ даетъ только краткія указанія *о таможенномъ тарифѣ 12 марта 1822 г.*, изданномъ, какъ мы видѣли, съ нарушеніемъ договорныхъ обязательствъ. При тарификаціи ввоза исходили изъ того: 1) что иностранные сырые и пищевые продукты, на производство которыхъ внутри страны разсчитывать нѣтъ основаній, но безъ которыхъ страна обойтись не можетъ, остаются свободными отъ обложенія; 2) что необходимые или полезные товары, производство которыхъ внутри страны представляется съ теченіемъ времени, возможнымъ, должны быть обложены низкими пошлинами; 3) что, напротивъ того, предметы роскоши, не необходимые мануфактурные товары, а равно такіе продукты, которые при интенсивномъ покровительствѣ могли бы быть производимы внутри страны и въ данное время, должны быть обложены высокими пошлинами; 4) что, наконецъ, ввозъ предметовъ, которые могли бы составить конкуренцію отечественной индустріи, долженъ быть воспрещенъ.

---

[1]) Исторія м-ва финансовъ I, стр. 143.
[2]) *Zimmermann*, стр. 70.

Этотъ таможенный тарифъ явно воспроизводилъ черты прежнихъ запретительныхъ тарифовъ. Онъ запретилъ вывозъ 21 и ввозъ 301 продуктовъ, въ томъ числѣ льняныхъ и болѣе дорогихъ хлопчатобумажныхъ тканей, мѣдныхъ издѣлій, желѣза при морскомъ импортѣ, стекла, фаянса и т. д. [1]). Особое вниманіе удѣлили и на этотъ разъ *Польшѣ*. Для своихъ иностранныхъ границъ она сохранила тарифъ 1819 года; таможенный надзоръ на русско-польской границѣ былъ въ виду этого значительно усиленъ; введено было также требованіе свидѣтельствъ о происхожденіи товара.

Въ оборотѣ между Россіей и Польшей сырые продукты должны были обращаться безпошлинно; польскіе фабрикаты облагались при ввозѣ въ имперію пошлиною въ размѣрѣ отъ 1 до 3% въ зависимости отъ того, были ли они изготовлены изъ отечественнаго или иностраннаго сырья (указъ 1 августа 1822 г.).

Въ Пруссіи этотъ новый таможенный законъ вызвалъ сильное неудовольствіе, причемъ отрицательно квалифицировался не только самый тарифъ по существу, но и способъ его введенія. Хотя для прусскихъ товаровъ въ теченіе одного года должны были оставаться въ силѣ прежнія условія ввоза (по трактату 1818 г.), но онъ подвергся нормировкѣ, и былъ пріуроченъ къ опредѣленнымъ пограничнымъ пунктамъ [2]). Въ Пруссіи рѣшились сперва считать торговый договоръ, въ виду этихъ обстоятельствъ, отмѣненнымъ и принять мѣры къ охранѣ прусскихъ интересовъ. Но затѣмъ взяли верхъ соображенія о неудобствѣ оффиціальнаго разрыва съ Россіей. Дальнѣйшее обсужденіе вопроса привело къ изданію кабинетскаго указа 22 мая 1822 г., которымъ торговый договоръ объявленъ былъ потерявшимъ силу, а предложенная Россіей годичная отсрочка отклоненной. Пруссія обнаруживала теперь рѣшимость прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ, подготовляла установленіе высокихъ пошлинъ на русско-польскіе сельскохозяйственные продукты и грозила репрессаліями. Въ то же время устно и письменно, путемъ дипломатическихъ нотъ и личнаго воздѣйствія на царя, было сдѣлано все возможное, чтобы побудить русское правительство отказаться отъ его способа дѣйствій.

Въ Россіи отнеслись къ этому весьма холодно, отрицали противудоговорность новаго тарифа и нарушеніе имъ прусскихъ торговыхъ интересовъ, медлили и обходили рѣшительное выясненіе дѣла и на жалобы отвѣчали встрѣчными жалобами. Когда же прусское правительство проявило, наконецъ, серьезное намѣреніе прибѣгнуть къ репрессаліямъ, Россія какъ бы пошла навстрѣчу предъявленнымъ требованіямъ и возбудила новые переговоры о

---

[1]) *Matthäi*, Die wirtschaftlichen Hilfsquellen Russlands. Dresden 1885, т. II, стр. 303.

[2]) Ввозъ былъ ограниченъ для прусскихъ льняныхъ тканей 500 пуд., шерстяныхъ тканей 7000 пуд., кожевеннаго товара 1 мил. руб., для транзита суконъ въ Китай былъ установленъ максимумъ въ 600000 арш. Въ Варшавѣ правительство также поспѣшило установить максимальные предѣлы для подвоза изъ Пруссіи (*Zimmermann*, стр. 70).

4

взаимныхъ уступкахъ, въ смыслѣ соблюденія условій вѣнскаго соглашенія. Переговоры, которые едва ли задуманы были серьезно, протекали безрезультатно, такъ какъ о дѣйствительныхъ уступкахъ собственно не было и рѣчи. Въ то же время въ Польшѣ усердно воздвигалась запретительная система: такъ, не говоря уже о другихъ репрессивныхъ мѣрахъ, русско-польскій пограничный оборотъ предполагалось реформировать такимъ образомъ, что ввозъ иностранныхъ продуктовъ въ Россію черезъ Польшу становился фактически невозможнымъ.

Нѣкоторую склонность къ уступкамъ Россія обнаружила лишь тогда, когда Пруссія перешла отъ словъ къ дѣлу и обложила высокими пошлинами важнѣйшіе объекты русской торговли, (указъ 10 апрѣля 1823 г.). Такъ какъ бумажные протесты и угрозы репрессаліями на Пруссію не оказывали никакого дѣйствія, то приступлено было къ новымъ переговорамъ. Но и эти послѣдніе тянулись въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, пока, послѣ ряда безплодныхъ переговоровъ, многократно прерывавшихся и вновь возобновляемыхъ, не былъ подписанъ *новый торговый договоръ* 27 февраля— 11 марта 1825 г.; Россія допустила транзитъ нѣсколькихъ опредѣленныхъ сортовъ суконъ въ Китай и учредила требуемыя Пруссіей таможни [1]).

Таможенный тарифъ 1822 г. вполнѣ оправдалъ, какъ это заявляется оффиціально, возлагавшіяся на него надежды. Подъ вліяніемъ уменьшенія таможенныхъ ставокъ въ 1819 г. торговый балансъ Россіи впервые въ 19 вѣкѣ сдѣлался пассивнымъ, теперь же это измѣнилось. Ввозъ падаетъ съ 208 милл. руб. въ 1821 г. до 156,5 мил. руб. въ 1822 г., и годъ кончается активнымъ торговымъ балансомъ въ 31,7 мил. Въ 1825 г. балансъ достигъ уже 53,3 мил. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ обстоятель-

---

[1]) Договоръ напечатанъ у *Zimmermann'a*, прил. X, стр. 462—467. О ходѣ переговоровъ см., кромѣ Zimmermann'a, (стр. 59—88), *Krökel*, Das preussisch—deutsche Zollsystem in seiner historischen Entwicklung seit 1818 (Conrad's Jahrb. f. Nat. 1881, VII Suppl. Heft). Соотвѣтственные акты опубликованы проф. *Мартенсомъ* въ его Recueil des traités. Оффиціальное русское изложеніе возлагаетъ всю отвѣтственность за обостреніе таможенно-политическихъ отношеній между Россіей и Пруссіей исключительно на эту послѣднюю. Пруссія-де, руководимая склонными къ интригамъ государственными дѣятелями, вела фальшивую игру. Документы, приведенные у Zimmermann'a, не оправдываютъ этого упрека. Напротивъ того, Пруссія, чтобы не давать повода для новыхъ нарушеній со стороны своихъ русско-польскихъ противниковъ и оставаться всецѣло на почвѣ права, съ буквальной точностью исполняла постановленія вѣнской конвенціи.—Въ другомъ оффиціальномъ русскомъ источникѣ (*Тимирязевъ*, см. прим. на 3 стр.) указывается, что перемѣна въ русской таможенной политикѣ 20-хъ годовъ была вызвана повышеніемъ прусскихъ ввозныхъ пошлинъ на русское сырье. *Лодыженскій* нѣсколько разъ повторяетъ, что Пруссія своимъ коварнымъ, недобросовѣстнымъ и корыстнымъ способомъ дѣйствій въ періодъ времени съ 1801 по 1822 г. помѣшала установленію нормальныхъ торговыхъ сношеній съ ея восточными сосѣдями, Россіей и Польшей.—Мы не будемъ здѣсь останавливаться на оцѣнкѣ этихъ разногласій, имѣющихъ только историческій интересъ.

ствахъ въ Россіи были весьма довольны результатами таможенно-политической реформы. Но не такъ обстояло дѣло въ Пруссіи. Послѣ долголѣтней борьбы она достигла наконецъ соглашенія, обезпечившаго ей скромныя выгоды. Но и послѣднія оказались эфемерными. Уже при проведеніи договора 1818 г. возникли нѣкоторыя недоразумѣнія, впослѣдствіи же нелояльное отношеніе къ договору стало предметомъ постоянныхъ жалобъ [1].

Когда въ 1823 г. министра финансовъ Гурьева, обнаруживавшаго явно враждебное отношеніе къ какимъ бы то ни было, даже самымъ незначительнымъ, уступкамъ въ пользу прусской торговли, замѣнилъ *Канкринъ*, въ Берлинѣ возникли надежды на перемѣну курса русской таможенной политики. Но они оказались тщетными; все осталось по-старому, даже и по вступленіи въ 1825 г. на престолъ новаго императора. Сбытъ въ Россію становился все болѣе затруднительнымъ, причемъ отъ сокращенія торговаго оборота особенно страдали восточныя провинціи Пруссіи. При такомъ положеніи дѣлъ въ прусскомъ министерствѣ предположено было въ 1830 г. не возобновлять соглашенія съ Россіей и завязать новые переговоры. Но въ рѣшительный моментъ, когда уже истекалъ срокъ договора и Россія предложила (въ 1834 г.) продолжить соглашеніе на годъ, Пруссія согласилась и отправила въ Петербургъ своихъ представителей для переговоровъ о новомъ договорѣ, высказавъ притомъ надежду, что на этотъ разъ Россія проявитъ большую склонность къ уступкамъ.

ГЛАВА XIV.

Охранительная система.—Торговля съ Востокомъ.

Таможенная политика Россіи вновь вернулась, ко времени смерти имп. Александра I (1825 г.), къ системѣ запрещеній, оставленной всего лишь нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ съ 1819 по 1822 г. произошелъ почти небывалый по своей рѣшительности таможенно-политическій переворотъ. Тарифъ 1819 г., построенный, по крайней мѣрѣ теоретически, на фритредерскихъ международно-договорныхъ основаніяхъ, былъ замѣненъ тарифомъ 1822 г., воспретившимъ ввозъ 300 и вывозъ 21 продуктовъ. Мы назвали бы такую таможенную политику *охранительной*, какъ занимающей среднее мѣсто между усиленнымъ покровительствомъ и запретительной системой. Понятіе покровительственной системы не покрываетъ таможенной политики, безусловно исключающей изъ сферы внѣшняго торговаго оборота значительное число предметовъ, понятіе же «запретительная система» представляется намъ непри-

---

[1]) „Таможенныя притѣсненія со стороны русско-польскихъ чиновниковъ были неисчислимы, и посланникъ въ Петербургѣ едва могъ справиться со всѣми поступавшими къ нему жалобами. *Zimmermann*, стр. 84.

мѣнимымъ въ данномъ случаѣ потому, что закрытіе международнаго товарообмѣна вовсе не входило въ намѣренія законодателя. Послѣдній имѣлъ въ виду охранить народное хозяйство отъ чрезмѣрнаго импорта и въ то же время предупредить ущербъ фискальнымъ интересамъ, который могъ произойти отъ уменьшенія таможеннаго дохода, какъ послѣдствія низкой тарификаціи; посредствомъ охранительной системы законодатель хотѣлъ дать толчекъ отечественному производству, во многихъ отношеніяхъ еще совершенно не развитому,—толчекъ, который при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могъ бы имѣть значеніе мѣры воспитательной. Охранительную политику можно сравнить съ запретительной, покровительственная же политика методически стремится къ созданію самостоятельной промышленности.

Весь двадцатипятилѣтній періодъ царствованія Александра I имѣетъ въ отношеніи таможенной политики — какъ утверждаетъ историкъ русскаго таможеннаго тарифа Лодыженскій—ту особенность, что политическія отношенія Россіи къ отдѣльнымъ европейскимъ державамъ оказывали тогда сильнѣйшее вліяніе на постановку таможеннаго дѣла. Таможенная политика находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ политическихъ соображеній, обусловливавшихъ то дружественное сближеніе, то рѣзкій разрывъ съ тѣмъ или другимъ государствомъ,—въ зависимости отъ того, признавала ли Россія нужнымъ дѣлать уступки своимъ союзникамъ по оружію, или, наоборотъ, стремилась нанести возможный ущербъ торговлѣ своихъ противниковъ [1].

Что непостоянство политическихъ отношеній къ разнымъ государствамъ оказывало вліяніе на то или иное рѣшеніе вопроса: таможенная борьба или торговыя соглашенія? — видно изъ предыдущаго изложенія. Неправильно было бы, однако, на основаніи торгово-политическихъ отношеній Россіи дѣлать обратный выводъ о ея политическихъ отношеніяхъ. Такъ въ хозяйственныхъ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи рѣдко наблюдалось искреннее и безкорыстное стремленіе къ дружественному сближенію, между тѣмъ политически эти два государства часто шли рука объ руку.

Въ заключеніе сдѣланнаго нами обзора торговой политики Александра I мы должны еще остановиться на *торговлѣ съ Азіей*, расширеніе коммерческихъ сношеній съ которой, какъ уже упомянуто выше, весьма озабочивало императора [2]. Широкіе проекты по этому предмету осуществились, правда, лишь въ весьма незначительной мѣрѣ. Военныя заботы оттѣснили на задній планъ всѣ мирные начинанія; къ тому же разстройство денежнаго обращенія диктовало строгія мѣры противъ импорта; меркантильные интересы Россіи на Востокѣ никогда, однако, не упускались изъ виду совершенно. Такъ какъ неупорядоченность караванной и пограничной торговли въ Азіи и на Кавказѣ причиняла крайнія неудобства,

[1] *Лодыженскій*, стр. 149 сл.
[2] Ср. гл. X.

то сдѣлавшіеся совершенно непримѣнимыми таможенные тарифы (1754 и 1777 г.г.) для Астраханской и Оренбургской областей были замѣнены вновь изданнымъ единымъ таможеннымъ уставомъ (30 мая 1817 г.), который долженъ былъ примѣняться во всей Азіи (за исключеніемъ Кяхты). Важность русско-азіатской торговли мотивировалась слѣдующимъ образомъ. На западѣ Россія граничитъ съ государствами, значительно опередившими ее въ промышленномъ отношеніи, и поэтому она можетъ сбывать продукты своей промышленности только на востокъ; но развитіе торговыхъ сношеній съ Азіей важно и въ политическомъ отношеніи уже потому, что такимъ путемъ дикія азіатскія племена пріучаются къ миру и сближаются съ Россіей. Въ этихъ видахъ азіатскій уставъ былъ составленъ такимъ образомъ, чтобы онъ «всемѣрно поощрялъ азіатскую торговлю» прежде всего «освобожденіемъ ея отъ всѣхъ сбивчивыхъ подробностей въ правилахъ и отъ стѣснительныхъ наблюденій», особенно непріятныхъ азіатамъ, которые къ нимъ не привыкли. Правительство избѣгало вводить въ уставъ «новые обряды, чего азіаты наиболѣе страшатся». Соотвѣтственно этому ввозъ сырья былъ признанъ свободнымъ, полуфабрикаты были обложены ввозною пошлиною въ размѣрѣ до 2%, дешевые фабрикаты до 20% и предметы роскоши до 25%. Съ отпускныхъ товаровъ взималась пошлина въ размѣрѣ 1%. Въ Азіи были учреждены два таможенныхъ округа (Оренбургъ и Астрахань).

На *Кавказѣ*, въ виду особенностей страны, было сохранено мѣстное административное устройство. Но мысль о великомъ міровомъ торговомъ пути не была оставлена. Исходя изъ этой мысли указъ 8 октября 1821 г. предоставляетъ Закавказью рядъ важныхъ привилегій въ таможенно-политическомъ, налоговомъ и имущественно-правовомъ отношеніи. Кавказъ съ Тифилсомъ, какъ его средоточіемъ, долженъ былъ образовать для товарообмѣна своего рода резервуаръ, въ который стекались бы европейскіе продукты изъ Одессы и изъ портовъ Средиземнаго моря для дальнѣйшаго транспорта въ Персію и Центральную Азію. Всѣ лица, производившія торговлю въ Закавказьѣ, какъ русскіе, такъ и иностранцы, были въ 1821 г. освобождены на 10 лѣтъ отъ уплаты пошлинъ и налоговъ. Товары, импортируемые изъ Персіи, оплачивались пошлиною въ размѣрѣ не свыше 5% ad valorem [1].

Благопріятныя условія побудили армянскихъ купцовъ на Кавказѣ усиленно заняться транзитными сдѣлками. Вскорѣ развилась, благодаря этому, оживленная торговля всякаго рода мануфактурными и галантерейными товарами, на основѣ вновь установившихся сообщеній между Европой и Персіей.—Для значительной части продуктовъ исходнымъ пунктомъ транзитныхъ поставокъ являлся Лейпцигъ. Полезными посредниками въ этой торговлѣ были предпріимчивые еврейскіе торговцы м. Броды. Они не только передавали

[1]) *Покровскій*, стр. 30.

купленные армянами въ Лейпцигѣ via Броды товары на отходившіе изъ Одессы къ портамъ Чернаго моря корабли, но сверхъ того выступали въ качествѣ поручителей предъ иностранными фирмами по товарному кредиту, которымъ пользовались восточные купцы. Торговый путь изъ портовъ Чернаго моря шелъ черезъ Тифлисъ въ персидскій Тавризъ и другіе торговые города. Хотя транспортные расходы были весьма значительны, однако сдѣлки эти приносили, повидимому, значительные барыши [1]).

Условія транзитной торговли были санкціонированы въ 1821 г. на десять лѣтъ, но русское министерство финансовъ уже очень скоро начало тормозить этотъ оборотъ. Гр. Канкринъ, занявшій въ 1824 г. постъ министра финансовъ, со свойственной ему близорукостью, относился къ Закавказскому транзиту крайне неблагосклонно, и сдѣлалъ все, чтобы задавить этотъ развившійся было товарообмѣнъ [2]).

Раздѣлъ третій.

Царствованіе императора Николая I. (1825—1855 г.).

I.

Министръ финансовъ гр. Канкринъ.

(1823—1844 г.).

ГЛАВА XV.

Личность Канкрина.—Отношеніе его къ торговлѣ и индустріи.

Финансовое хозяйство Россіи сдѣлало при Николаѣ I существенные успѣхи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но въ общемъ и теперь еще было далеко не удовлетворительно. Во второй четверти истекшаго столѣтія въ Россіи было, однако, не мало людей, которые думали, что имперскіе финансы окончательно порвали со своимъ печальнымъ прошлымъ и идутъ навстрѣчу блестящему будущему. На первый взглядъ мнѣніе это казалось обоснованнымъ. Экономическое развитіе замѣтно прогрессировало, потребности Россіи въ кредитѣ могли удовлетворяться на болѣе благопріятныхъ условіяхъ,

---

[1]) Все это, слѣдуя статьѣ: «Транзитная торговля Россіи въ XIX столѣтіи», помѣщенной въ Русскомъ Экономическомъ Обозрѣніи» за 1903 г., кн. 5 и 6.

[2]) Дальнѣйшее развитіе законодательства о закавказской транзитной торговлѣ на столько интересно для Западной Европы, что ему будетъ посвящена отдѣльная глава (ср. гл. 19).

чѣмъ прежде, и денежная система была построена на новыхъ, болѣе твердыхъ началахъ. Но внѣшніе фасады зданія были болѣе внушительны, чѣмъ внутреннее его устройство. Экономическое состояніе страдало той же непрочностью, что и видимо сильная внѣшняя политика. И хозяйство, и политика обнаружили свою слабость въ Крымскую кампанію 1853—1856 г.

Финансы Россіи счастливымъ образомъ находились при Николаѣ въ теченіе цѣлыхъ 21 года (1823—1844) въ рукахъ одного государственнаго дѣятеля, который стоялъ на цѣлую голову выше своихъ сотрудниковъ, такъ какъ умѣлъ согласовать свою практическую дѣятельность съ теоретическими указаніями науки [1]).

Министръ финансовъ *Канкринъ* (1823—1844), отецъ котораго переселился въ Россію въ 1783 г. изъ Брейтенбаха въ Дармштадтѣ, получилъ образованіе въ Марбургскомъ и Гиссенскомъ университетахъ. Онъ состоялъ уже въ званіи правительственнаго совѣтника въ княжествѣ Ангальтъ, когда, по приглашенію отца, направился въ Россію. Въ началѣ счастье ему здѣсь мало благопріятствовало. Способности Канкрина были однако замѣчены Вице-Канцлеромъ графомъ И. А. Остерманомъ, которому онъ представилъ записку объ улучшеніи овцеводства въ Россіи. При содѣйствіи Остермана Канкринъ былъ опредѣленъ въ 1800 году помощникомъ своего отца по управленію старорусскимъ солянымъ заводомъ, а въ 1803 году перемѣщенъ въ Экспедицію государственнаго хозяйства М-ва Вн. Д. совѣтникомъ по отдѣленію соляныхъ дѣлъ. Въ 1809 году послѣдовало новое его назначеніе инспекторомъ иностранныхъ колоній С.-Петербургской губерніи. Состоя въ этой должности Канкринъ написалъ двѣ работы: брошюру «О военномъ искусствѣ» и проектъ «О средствахъ продовольствія большихъ армій». Работы эти выдвинули Канкрина на новое служебное поприще. Въ 1811 году онъ былъ переведенъ въ Военный Департаментъ помощникомъ генералъ-провіантмейстера, въ 1812 году назначенъ генералъ-интендантомъ первой западной арміи, а въ 1813 году сдѣланъ генералъ-интендантомъ всей дѣйствующей арміи. Съ наступленіемъ мирнаго времени Канкринъ занялся двумя литературными работами. Первой изъ нихъ было обширное сочиненіе «О военной экономіи во время мира и

---

[1]) Изученіе финансовъ и финансовой политики не входитъ въ программу нашего труда. Лучшіе источники въ этой области: *Бліохъ*, Финансы Россіи XIX столѣтія, 1882; *Кашкаровъ*, Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія (1892—1901 г.г.). Спб. 1903, а также Денежное обращеніе въ Россіи (1898); *Сабуровъ*, Матеріалы къ исторіи русскихъ финансовъ съ 1866 до 1897 г., Спб. 1899; *Кауфманъ*, Статистика русскихъ государственныхъ финансовъ съ 1862 по 1884 г. (1886); *Бржескій*, Государственные долги Россіи (1884). Изъ новѣйшихъ источниковъ: Исторія министерства финансовъ, а также *Мигулинъ*, Русскій государственный кредитъ съ 1769 по 1899 г. Опытъ историко-критическаго обзора (3 тома, Харьковъ 1899—1903).—На нѣмецкомъ языкѣ: *Wagner*, Die russische Papierwährung, 1868; *Brückner*, Finanzgeschichtliche Studien, Kupfergeldkrisen, 1861; *Goldmann*, Das Russische Papiergeld, 1866; *Meyer*, Münzwesen Russlands, 1893.

войны и объ отношенiи ея къ военнымъ дѣйствiямъ». Вторая работа касалась вопроса объ освобожденiи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Значенiе этой работы опредѣляется тѣмъ, что въ ней впервые была выдвинута мысль объ освобожденiи крестьянъ съ землею. Въ 1820 году Канкринъ былъ уволенъ отъ должности генералъ-интенданта, причемъ ему было повелѣно состоять по армiи и присутствовать въ Совѣтѣ Военнаго М-ва, а въ 1821 году онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта по департаменту государственной экономiи. Въ томъ же году вышло въ свѣтъ сочиненiе Канкрина подъ заглавiемъ «Всемiрное богатство, нацiональное богатство и государственное хозяйство». Появленiе этого труда послужило какъ бы предвѣстiемъ близкаго перехода Канкрина къ руководящей дѣятельности по финансовому управленiю. Министромъ финансовъ онъ былъ назначенъ въ 1823 году [1]).

Въ ряду руководителей русскими финансами гр. Канкринъ долженъ быть признанъ однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ. Во многихъ областяхъ государственнаго хозяйства остались прочные слѣды его министерской дѣятельности, обнимающей слишкомъ два десятилѣтiя (1823—1844 г.) Успѣхи Канкрина могли бы быть еще значительнѣе, если бы намѣренiя его не встрѣчали трудно преодолимыхъ препятствiй во внутреннихъ экономическихъ условiяхъ страны и въ военныхъ предпрiятiяхъ. При Канкринѣ совершилась та реорганизацiя денежной системы, основы которой сохранились въ Россiи до перехода ея въ новѣйшее уже время къ золотой валютѣ. Уничтоженiе ассигнацiоннаго хозяйства и возстановленiе металлической валюты должно быть признано крупной заслугой Канкрина, несмотря на нѣкоторые не вполнѣ благопрiятные результаты этихъ мѣропрiятiй. Предпринятое Канкринымъ упорядоченiе финансовъ было благодѣтельно для всего народнаго хозяйства, содѣйствовало внѣшней торговлѣ, укрѣпило довѣрiе къ русскому государственному кредиту, но само по себѣ не могло создать замѣтнаго прогресса, на пути котораго стояли значительныя препятствiя. Главнѣйшей своей задачей Канкринъ считалъ экономическiй подъемъ государства и полагалъ, что вѣрнѣе всего онъ достигнетъ этой цѣли перенесенiемъ частнохозяйственныхъ началъ въ дѣло государственнаго управленiя. Что такая механическая точка зрѣнiя должна была привести къ неудачнымъ мѣропрiятiямъ—ясно само собою. Либерализмъ въ сферѣ таможенной политики Канкринъ отвергъ весьма рѣшительно. Многiе ставятъ ему это въ особую заслугу [2]).

---

[1]) Всѣ историки русскихъ финансовъ подробно останавливаются на эпохѣ гр. Канкрина, напр., *Блiохъ*, *Мигулинъ*, т. I, стр. 88—163. На нѣмецкомъ языкѣ, кромѣ *Goldmann'a*, и теперь еще заслуживаютъ вниманiя: Alfred *Schmidt*, Das russische Geldwesen während der Finanzverwaltung des Grafen Cancrin von 1823 bis 1844. (Petersburg, 1875). „Краткiй обзоръ“ дѣятельности Канкрина изданъ министерствомъ финансовъ въ 1880 г.; подробная бiографiя издана внукомъ Канкрина, *Божеряновымъ*.

[2]) Исторiя министерства финансовъ I, стр. 199.

Отдавая должное полезной дѣятельности Канкрина, не слѣдуетъ, однако, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые авторы, ставить его слишкомъ высоко, какъ финансоваго политика. Ни какъ теоретикъ, ни какъ практикъ, онъ не обнаружилъ выдающихся способностей. Въ положительныхъ познаніяхъ, поскольку они сказались въ его теоретическихъ трудахъ, обнаруживаются пробѣлы, которые даже для тогдашняго времени должны быть признаны поразительными; въ практическомъ же осуществленіи своей финансовой политики Канкринъ проявлялъ нерѣдко поверхностное пониманіе даже тамъ, гдѣ требовалось болѣе глубокое проникновеніе въ существо дѣла. Теорія и практика часто находились у него въ рѣзкомъ противорѣчіи. Мы находимъ, напр., у Канкрина довольно правильныя разсужденія о вредѣ государственныхъ займовъ, которые онъ признавалъ «извинительными» только въ случаяхъ самой крайней необходимости и только для несомнѣнно производительнаго употребленія, а на практикѣ ему оставалось лишь содѣйствовать тому, чтобы продолжительная и связанная съ многочисленными жертвами борьба Россіи въ Персіи и Турціи, въ Польшѣ и на Кавказѣ разбила въ прахъ всѣ его финансово-теоретическія построенія. Канкринъ-теоретикъ считалъ необходимымъ займы для непроизводительныхъ цѣлей, неизбѣжные въ эпохи тяжелой нужды, заключать заграницей, чтобы не отвлекать собственные капиталы страны отъ продуктивнаго употребленія; но иностранные денежные рынки многократно уклонялись отъ предоставленія Россіи необходимаго кредита, и Канкринъ-практикъ, несмотря на несомнѣнно значительный престижъ, которымъ онъ пользовался за границею, часто оказывался вынужденнымъ обращаться къ внутреннимъ источникамъ. Теоретически Канкринъ признавалъ, что займы не консолидированные, совершаемые, такъ сказать, по мѣрѣ надобности, въ корнѣ разстраиваютъ все финансовое хозяйство, и тѣмъ не менѣе онъ многократно къ нимъ прибѣгалъ и въ разнообразныхъ формахъ громоздилъ ихъ другъ на друга. Канкрину принадлежитъ замѣчаніе: «совѣтовать государству обратиться къ бумажнымъ деньгамъ — это все равно, что рекомендовать юношѣ посѣщеніе игорнаго дома»; но онъ самъ пошелъ по этому пути и создалъ, въ видѣ кредитныхъ билетовъ, бумажныя деньги, которыя въ теченіе цѣлаго полустолѣтія замѣняли въ Россіи «полноцѣнную монету».

Канкринъ избѣжалъ нѣкоторыхъ тяжелыхъ ошибокъ своего предшественника Гурьева, достигшаго незаслуженной высоты на бюрократической лѣстницѣ, но и самъ нерѣдко шелъ по ошибочному пути. Да едва ли это и могло быть иначе у государственнаго дѣятеля, который не умѣлъ теоретически ясно отграничить государственный кредитъ отъ частнаго, который не зналъ различія между бумажными деньгами и денежными суррогатами, признавалъ банки учрежденіями вредными, призванными главнымъ образомъ къ снабженію государства скрытыми займами, и краеугольный камень финансовой мудрости усматривалъ въ тщательномъ сокрытіи госу-

дарственныхъ кредитныхъ операцій отъ глазъ непосвященной толпы [1]).

Графу Канкрину ставили въ упрекъ, что онъ не обнаруживалъ достаточнаго пониманія *потребностей торговли и индустріи*, такъ какъ вниманіе его было направлено главнымъ образомъ на пополненіе государственной казны. Въ такой общей формѣ упрекъ во всякомъ случаѣ несправедливъ. Таможенная и торговая политика Канкрина, на которой мы еще остановимся болѣе подробно (глава 17), опредѣлялась не только фискальными, но и покровительственными интересами; она проложила лучшіе и болѣе широкіе пути внѣшней торговлѣ и содѣйствовала упроченію и развитію индустріальнаго производства. Изданный предшественникомъ Канкрина Гурьевымъ таможенный тарифъ 1822 г., ознаменовавшій собою возвратъ къ усиленнымъ таможеннымъ ставкамъ, былъ, правда, сохраненъ за все время управленія министерствомъ Канкрина, несмотря на цѣлый рядъ пересмотровъ тарифа; но высокое обложеніе все же было меньшимъ зломъ, чѣмъ прежнія запрещенія ввоза и вывоза. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что экономическій прогрессъ тормозился многочисленными неблагопріятными внѣшними условіями. Къ этому присоединялась еще незрѣлость всего государственнаго организма. «О нормальномъ развитіи торговли и промышленной дѣятельности не могло быть рѣчи, пока существовало крѣпостное право и весь государственный организмъ покоился на бюрократическихъ началахъ, пока не было гласности, правосудіе не давало достаточной защиты ни лицу, ни имуществу, и во всѣхъ отрасляхъ центральнаго, а въ особенности мѣстнаго управленія господствовалъ полный произволъ» [2]).

Въ области индустріи Канкрину принадлежатъ нѣкоторыя мѣры содѣйствія отечественному производству; такъ, напримѣръ, онъ можетъ быть названъ «основателемъ» русской сахарной промышленности въ томъ смыслѣ, что установленная таможеннымъ тарифомъ 1826 г. высокая ввозная пошлина на иностранный сахаръ послужила импульсомъ къ развитію внутренней сахарной промышленности. Обычную прежде систему поощренія путемъ раздачи субсидій Канкринъ отвергъ, дабы не «усыплять», какъ онъ выражался, частной предпріимчивости капиталистовъ. Послѣднихъ, по мнѣнію Канкрина, слѣдуетъ поощрять совѣтомъ и полезными указаніями. На вновь учрежденный мануфактурный совѣтъ съ его провинціальными отдѣлами (законъ 11 іюня 1828 г.) была возложена обязанность имѣть надзоръ за индустріей и обращать ея вниманіе

---

[1]) Какъ свидѣтельствуетъ біографъ Канкрина, Божеряновъ, Канкринъ охотно повторялъ, что „какъ только начинаются разговоры о кредитѣ, послѣдній ухудшается, — все равно, идетъ ли рѣчь о государственномъ или частномъ кредитѣ. Гласность, по мнѣнію Канкрина, полезна для государственнаго кредита, когда финансы находятся въ хорошемъ порядкѣ, а пока этого нѣтъ – раскрытіе истины только дѣлаетъ публику недовѣрчивой (*Мигулинъ*, т. I, стр. 93).

[2]) *Мигулинъ*, т. I, стр. 92.

на техническія усовершенствованія; заграничные агенты министерства должны были помогать въ этомъ отношеніи совѣту путемъ присылки коллекцій товарныхъ образцовъ и моделей машинъ; устройство промышленныхъ выставокъ въ Петербургѣ и Москвѣ, учрежденіе петербургскаго технологическаго института (въ 1828 г.), «разсадника полезныхъ знаній», отмѣна обременительныхъ формальностей при открытіи промышленныхъ учрежденій и разныя другія мѣры призваны были возбудить въ населеніи промышленную предпріимчивость.

Глава XVI.

Начало желѣзнодорожнаго строительства (1835—1855 г.).

Ко времени управленія Канкрина министерствомъ финансовъ относится также появленіе въ Россіи желѣзныхъ дорогъ. Уставъ акціонернаго общества, вызвавшагося построить, въ видѣ опыта, первую желѣзнодорожную линію между Петербургомъ и лѣтними резиденціями Царскимъ Селомъ и Павловскомъ, былъ утвержденъ 21 марта 1836 г. Къ принципіальнымъ противникамъ новаго средства сообщенія принадлежалъ, наряду съ другими сановниками, и министръ финансовъ. По мнѣнію Канкрина, отъ желѣзныхъ дорогъ нельзя было ожидать для страны ничего кромѣ вреда. Онъ разсуждалъ такъ: желѣзныя дороги убьютъ извозный промыселъ и вызовутъ такимъ образомъ недовольство въ народныхъ массахъ, онѣ разрушатъ въ населеніи его привязанность къ мѣсту осѣдлости и причинятъ этимъ всякаго рода соціальныя и моральныя неустройства, онѣ уничтожатъ лѣсныя богатства, такъ какъ Россія не имѣетъ собственнаго угля (!) и т. д. Въ виду этихъ и другихъ соображеній Канкринъ вооружился противъ этой новой и, къ счастью, повидимому, недолговѣчной «модной» затѣи. Если государство располагаетъ тѣми огромными капиталами, которые необходимы для постройки желѣзныхъ дорогъ, оно можетъ съ несравненно большею пользой употребить ихъ непосредственно на содѣйствіе сельскому хозяйству [1].

Нѣкоторое оправданіе для своего пессимизма Канкринъ могъ усмотрѣть въ томъ обстоятельствѣ, что Россіи, подобно другимъ государствамъ, пришлось оплатить необыкновенно высокой цѣной тотъ опытъ, который она вынесла изъ первыхъ желѣзнодорожныхъ соору-

---

[1] Необходимо, впрочемъ, отмѣтить, что въ это же приблизительно время и западно-европейскіе государственные дѣятели, напр. Тьеръ, относились къ новому изобрѣтенію весьма пренебрежительно, не ожидая отъ него никакой существенной пользы. Въ руководствахъ по желѣзнодорожному дѣлу приводится немало свидѣтельствующихъ объ этомъ сужденій и надо признать, что въ оцѣнкѣ желѣзныхъ дорогъ нѣкоторыя не русскія знаменитости не уступили россійскимъ въ близорукости, что отчасти и понятно въ виду новизны самаго дѣла.

женій. Первымъ болѣе значительнымъ рельсовымъ путемъ, начатымъ постройкой еще при Канкринѣ и, слѣдуетъ замѣтить, вопреки его протестамъ, была желѣзная дорога между Петербургомъ и Москвою, построенная по высочайшему повелѣнію на государственный счетъ. На эту дорогу было израсходовано съ 1842 по 1849 г., включая и проценты по займамъ, 131 мил. руб., такъ что верста обошлась въ 217.573 руб.

Въ первомъ періодѣ своего развитія (съ 1835 до 1856 г., т. е. до окончанія крымской кампаніи) желѣзнодорожное дѣло дало мало удовлетворительные результаты; неблагопріятные моменты явно пересиливали благопріятные. Главною причиной этого было разстроенное финансовое положеніе государства. За время съ 1853 по 1856 г. бюджетные дефициты составили 796,7 милл. руб., а чрезвычайные расходы потребовали въ 1855 и 1856 гг.. 394,7 милл. [1]).

Но какъ бы ни были значительны жертвы, съ которыми была связана для страны постройка рельсовыхъ путей, съ точки зрѣнія народнаго хозяйства должно быть признано успѣхомъ высокой важности, что Россія рѣшилась перейти отъ состоянія полнаго бездорожія непосредственно, почти безъ переходныхъ ступеней, къ паровому транспорту.

До эпохи желѣзныхъ дорогъ оборотъ совершался, внѣ немногихъ «главныхъ и побочныхъ трактовъ», лѣтомъ по нешоссированнымъ дорогамъ или водою на баркахъ, лодкахъ и плотахъ, а зимою— саннымъ путемъ, по безконечнымъ снѣжнымъ равнинамъ. Извѣстное изрѣченіе «Россія перескочила черезъ періодъ шоссе» въ существѣ правильно. Но то, что на первый взглядъ могло казаться полезнымъ сокращеніемъ пути, пройденнаго другими государствами въ дѣлѣ постепеннаго развитія средствъ сообщенія, впослѣдствіи весьма тяжело отразилось на экономическихъ результатахъ введенія желѣзныхъ путей. Прорѣзывающимъ имперію большимъ желѣзнодорожнымъ линіямъ не доставало приспособленныхъ и хорошо содержимыхъ подъѣздныхъ путей, которые могли бы служить для подвоза къ желѣзнымъ дорогамъ продуктовъ внутренняго производства. Вслѣдствіе этого недостатка многія важныя въ экономическомъ отношеніи области, удаленныя отъ желѣзнодорожныхъ станцій, и по настоящій день оказываются отрѣзанными отъ обслуживаемыхъ рельсовыми путями рынковъ сбыта. Изысканіе средствъ для борьбы съ вытекающимъ отсюда зломъ составляетъ теперь одну изъ труднѣйшихъ задачъ Совѣщанія, призваннаго выяснить нужды сельскаго хозяйства.

Въ періодъ, предшествовавшій желѣзнодорожному строительству, «бездорожье» тяготѣло надъ экономической жизнью страны, конечно, еще сильнѣе, чѣмъ въ настоящее время. При Петрѣ Великомъ о систематическомъ развитіи сѣти путей сообщенія не могло быть и рѣчи, хотя уже въ то время существовали нѣкоторыя учрежденія

---

[1]) *Бліохъ*, Финансы Россіи, т. II, стр. 20—28.

съ соотвѣтственными функціями (земскіе комиссары, канцелярія перспективныхъ путей и др.)[1])

Только послѣ изгнанія французовъ (въ 1812 г.) была предпринята постройка перваго шоссе, между Петербургомъ и Москвой (680 верстъ), закончившаяся, однако, послѣ безконечныхъ проволочекъ, только 17 лѣтъ спустя, стало быть къ тому времени, когда уже зарождалась мысль о проведеніи желѣзныхъ дорогъ. Въ теченіе 50 лѣтъ, до 1867 г., было построено до 7000 верстъ шоссейныхъ дорогъ и израсходовано на нихъ 186 мил. руб., изъ которыхъ, однако, на собственно строительныя работы пошло только 98 мил. Главной причиной этой отсталости являлось отсутствіе денежныхъ средствъ; многочисленныя жалобы вызывали также ненадежность и недобросовѣстность иностранныхъ, по большей части французскихъ, предпринимателей.[2])

Въ 60-хъ годахъ управленіе путей сообщенія, средства и вниманіе котораго всецѣло поглощались желѣзнодорожнымъ строительствомъ, не проявляло болѣе сколько нибудь серьезнаго интереса къ расширенію «сухопутныхъ трактовъ», т. е. государственныхъ нерельсовыхъ путей. Въ матеріалахъ комитета министровъ мы читаемъ: «за поколѣніемъ, начавшимъ въ 1817 г. постройку шоссейныхъ дорогъ, послѣдовало другое, не придававшее шоссе существеннаго значенія».[3])

О средствахъ сообщенія при Александрѣ I тотъ же оффиціальный источникъ даетъ слѣдующія указанія. «Торговля и промышленность испытывали затрудненія, которыя въ значительной мѣрѣ обусловливались неудовлетворительнымъ состояніемъ путей сообщенія. Можно даже сказать, что главной причиной тогдашнихъ голодовокъ являлась невозможность скоро и дешево перевозить значительныя массы хлѣба изъ одного пункта имперіи въ другой. Крайне неудовлетворительное состояніе дорогъ не было тайной для правительства, особенно при Александрѣ I, который самъ часто и много ѣздилъ. Передъ такими поѣздками императора полиція, правда, старательно приводила дороги въ порядокъ; день и ночь шла лихорадочная работа, и лучшія, по большей части поставленныя землевладѣльцами, лошади запрягались въ коляску императора. Но отъ остраго взгляда государя все же не могло ускользнуть, въ какомъ плохомъ состояніи находились дороги. Еще менѣе, конечно, это могло оставаться неизвѣстнымъ для лицъ, стоявшихъ во главѣ дорожнаго управленія. Такъ, въ 1814 г. главно-управляющій дорогами сообщалъ комитету министровъ, что дороги даже въ окрестностяхъ Петербурга находятся въ жалкомъ состояніи; слѣдуетъ опасаться, писалъ онъ, что если незамедлительно

[1]) *Георгіевскій,* Историческій очеркъ развитія путей сообщенія въ 19 вѣкѣ. Спб. 1893, стр. 3.

[2]) Историч. очеркъ дѣятельности комитета министровъ съ 1802 по 1902 г., т. I, стр. 506—516.

[3]) Ibid., т. III, гл. 2, стр. 156.

не будутъ ассигнованы необходимыя средства, дорога, соединяющая объ столицы—Петербургъ и Москву, придетъ въ совершенно негодное состояніе [1]).

Отнюдь не въ лучшемъ положеніи находились *водные пути.* Петру Великому ставили въ заслугу его усиленные заботы о развитіи судоходства, но въ отношеніи улучшенія внутреннихъ водныхъ путей его труды ограничились главнымъ образомъ устройствомъ Вышневолоцкаго и Ладожскаго каналовъ, а равно нѣсколькихъ водныхъ путей въ окрестностяхъ вновь основанной столицы [2]).

Изъ многочисленныхъ жалобъ по поводу недостаточности этихъ средствъ сообщенія въ началѣ 19 вѣка видно, что они даже въ отдаленной мѣрѣ не удовлетворяли своему назначенію. Во всякомъ случаѣ водными путями правительство интересовалось. Оно не перестало ими интересоваться и тогда, когда сухопутныя дороги, вслѣдствіе конкурренціи рельсовыхъ путей, были, можно сказать, совершенно забыты. Богатство страны естественными водными путями и тѣсная прикосновенность ихъ къ массовому транспорту сельскохозяйственныхъ продуктовъ прочно обезпечивали рѣчнымъ сообщеніямъ благосклонное отношеніе правительства. Но программа работъ по устройству каналовъ и исправленію рѣкъ оставалась, однако, за недостаткомъ средствъ, въ очень узкихъ границахъ. Въ серединѣ истекшаго столѣтія общее протяженіе каналовъ составляло 580 верстъ при 6.000 в. естественныхъ водныхъ путей, на которыхъ были устроены искусственныя сооруженія, въ то время какъ общая длина рѣкъ достигала 80.000 верстъ; изъ этого числа 40.000 в. признавались судоходными и 10000 в. сплавными [3]).

Всѣ эти моменты благопріятствовали идеѣ сооруженія рельсовыхъ путей. Топографическія особенности Европейской Россіи съ ея огромными равнинами, безъ какихъ либо значительныхъ возвышенностей, естественно наталкивали на мысль, что дорожное дѣло должно быть упорядочено не путемъ устройства дорогихъ шоссейныхъ сооруженій, а непосредственнымъ переходомъ къ паровому транспорту, уже испытанному и распространившемуся въ Зап. Европѣ. Водные пути казались менѣе отвѣчающими запросамъ оборота уже потому, что въ теченіе болѣе полугода они покрыты льдомъ. Притомъ теченіе рѣкъ не всегда соотвѣтствуетъ направленіямъ сбыта въ сферѣ крупной торговли; главная артерія—Волга—и та впадаетъ въ закрытое море. Далѣе, рѣдкость населенія и сравнительно незначительное число болѣе крупныхъ городскихъ центровъ, казалось, настоятельно требовали возможнаго приближенія отдѣльныхъ частей имперіи другъ къ другу посредствомъ усовершенствованныхъ путей сообщенія. Наконецъ, значительность раз-

---

[1]) Т. 1, стр. 506.

[2]) *Гершельманъ,* Историческій очеркъ внутреннихъ водныхъ путей. Спб. 1892—Исчерпывающій матеріалъ даетъ „Краткій историческій очеркъ водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній и торговыхъ портовъ въ Россіи". Спб. 1900.

[3]) Георгіевскій, стр. 21.

стояній между главными областями производства и сбыта и самый характеръ важнѣйшихъ продуктовъ страны, громоздкихъ и трудно транспортируемыхъ, указывали на необходимость озаботиться устройствомъ именно желѣзныхъ дорогъ, обезпечивающихъ быстроту и дешевизну перевозокъ.

Но Россія находилась въ особо затруднительномъ положеніи, такъ какъ трудность полученія капиталовъ и матеріаловъ, необходимыхъ для устройства дорогъ, претенціозность предпринимателей и спекулянтовъ, нерѣдко проталкивавшихся къ самому трону со своими наглыми вожделѣніями, недостатокъ дѣльныхъ техниковъ и надежныхъ чиновниковъ, какъ и вообще добросовѣстныхъ работниковъ, незрѣлость, наконецъ, всей публичной жизни,—все это громоздило столько затрудненій, какъ нигдѣ. Однако убѣжденіе, что снабженіе огромныхъ территорій, почти еще совершенно не имѣвшихъ дорогъ, современными путями сообщенія послужило бы къ удовлетворенію одной изъ настоятельныхъ потребностей экономической жизни, пустило настолько глубокіе корни, что всѣ эти затрудненія не могли казаться непреоборимыми. Министръ государственныхъ имуществъ, вѣдавшій также земледѣліе, уже въ 1847 г. указывалъ въ одной изъ своихъ докладныхъ записокъ, что въ интересахъ земледѣлія и хлѣбной торговли было бы необходимо «побороть тѣ трудности, которыя вызываются значительностью разстояній, и создать скорую и возможно дешевую доставку хлѣбныхъ грузовъ къ портамъ».

Спѣшное проведеніе главныхъ линій отъ центровъ государственнаго управленія къ югу и западу государства вызывалось, однако, еще болѣе чѣмъ экономическими потребностями, соображеніями стратегическими. Находившіеся еще въ стадіи предварительной подготовки проекты и работы были, правда, прерваны Крымской войной, но въ то же время обнаружившіяся тогда совершенная несостоятельность режима и неустройство экономической жизни распространили въ обществѣ взглядъ, что главнымъ рычагомъ національнаго возрожденія должна послужить широкая организація современныхъ средствъ сообщенія [1]).

Съ того момента, какъ австріецъ Францъ ф. Герстнеръ построилъ первый пригородный рельсовый путь (въ 1835 г.) до мо-

[1]) Въ архивныхъ матеріалахъ м-ва финансовъ („Наша желѣзнодор. политика и т. д.“) находимъ слѣдующія откровенныя указанія. „Обнаружившіеся во время Крымской компаніи недочеты государственнаго хозяйства были настолько обширны и очевидны, что поселили въ тогдашнемъ обществѣ сильное недовольство дѣятельностью государственныхъ органовъ. Послѣдніе общественное мнѣніе дѣлало отвѣтственными за тяжелый урокъ, который Россія получила отъ своихъ политическихъ противниковъ. Это теченіе заключало въ себѣ начало реакціи противъ господствовавшей до тѣхъ поръ системы подчиненія всѣхъ почти функцій общественной и политической жизни строгой государственной регламентаціи. Какъ всякое такого рода движеніе оно вначалѣ не было чуждо нѣкоторой односторонности, находившей свое выраженіе въ повальномъ осужденіи всего строя государственныхъ учрежденій Николаевской эпохи“.

мента смерти имп. Николая I (въ 1855 г.) было сооружено всего 979 верстъ желѣзнаго пути. Въ существѣ дѣло сводилось здѣсь къ двумъ важнымъ линіямъ (Варшаво-Вѣнской съ вѣткою въ Ловичъ—308 в. и Николаевской, между Петербургомъ и Москвою,—604 в.), которыя были построены и эксплоатировались государствомъ. Что сооруженіе желѣзныхъ дорогъ подвигалось въ первые 20 лѣтъ сравнительно медленно, это зависѣло отъ отмѣченныхъ уже выше неблагопріятныхъ условій. Въ своей совокупности они вмѣщаются слѣдующей формулой: чѣмъ больше подлежащія преодолѣнію разстоянія, тѣмъ значительнѣе строительные расходы; чѣмъ вообще неудовлетворительнѣе состояніе дорогъ, тѣмъ менѣе доходны дорого стоющія средства сообщенія; чѣмъ ниже степень развитія народнаго хозяйства, тѣмъ затруднительнѣе собрать необходимые капиталы. Вытекающія отсюда трудности какъ при первоначальномъ устройствѣ, такъ и при послѣдующей эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ, можно расчленить въ разныхъ направленіяхъ. Такъ, недостатокъ удобныхъ торговыхъ путей изъ центральныхъ пунктовъ государства къ мѣстамъ вывоза тормозилъ также развитіе портовъ, а это въ свою очередь, неблагопріятно отражалось на желѣзнодорожномъ грузообмѣнѣ. По оффиціальному донесенію министра путей сообщенія въ 1822 г. только два порта (Рига и Одесса) находились въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ состояніи. Но и позднѣе, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, работы по улучшенію портовъ оставляли желать очень многаго [1]). Далѣе, трудности, которыя приходилось преодолѣвать при полученіи необходимыхъ капиталовъ, обусловили нѣкоторыя особенности въ дѣлѣ сооруженія русскихъ желѣзныхъ дорогъ, впослѣдствіи оказавшіяся весьма неудобными. Сюда относится выборъ направленія пути, при которомъ нерѣдко отдавалось предпочтеніе болѣе длинному пути только потому, что такимъ образомъ обходились нѣкоторыя строительныя трудности пути кратчайшаго. Сюда относится также господствовавшее въ прежнее время примѣненіе въ желѣзнодорожныхъ сооруженіяхъ лѣсныхъ матеріаловъ; обиліе лѣсовъ и дешевизна лѣсныхъ матеріаловъ при слабомъ въ то время развитіи отечественной горнозаводской промышленности обусловливали особое предпочтеніе древесныхъ матеріаловъ, неизбѣжное затѣмъ вздорожаніе которыхъ было связано впослѣдствіи съ тѣмъ большими расходами для желѣзнодорожныхъ предпріятій. Вообще же зависимость послѣднихъ отъ конъюнктуръ денежныхъ рынковъ и отъ внутренне-политическаго состоянія страны имѣло рѣшающее вліяніе на темпъ и размѣры желѣзнодорожнаго строительства [2]).

Такимъ то образомъ случилось, что первыя желѣзныя дороги Россіи были въ гораздо большей степени весьма притязательными нахлѣб-

---

[1]) Болѣе детальныя указанія о портовыхъ сооруженіяхъ до 1898 г. даетъ изданный м-вомъ пут. сообщенія «Краткій историческій очеркъ и т. д.» (см. стр. 66, прим.).

[2]) «Наша желѣзнодорожная политика etc». т. IV. стр. 306.

никами государственной казны, чѣмъ источниками ея доходовъ. Онѣ оказались неблагодарными и несамостоятельными созданіями государственной воли, которой онѣ были обязаны своимъ возникновеніемъ и своими привилегіями.

II.

Торговая и таможенная политика съ 1822 до 1850 г.

(Второй періодъ).

ГЛАВА XVII.

Торговая политика Канкрина.—Шестикратный пересмотръ тарифовъ съ 1825 по 1841 г. и его результаты.—Оппозиція противъ системы усиленнаго покровительства.—Таможенный тарифъ 1850 г.—Устраненіе особаго положенія Польши.

Таможенная политика Россіи во второй четверти XIX вѣка являетъ въ общемъ черты единообразнаго и равномѣрнаго развитія. Этотъ второй періодъ торгово-политической эволюціи начинается таможеннымъ тарифомъ 1822 г. и длится 27 лѣтъ, до 1850 г. Онъ охватываетъ такимъ образомъ почти все царствованіе Николая I (1825 — 1855 г.) и цѣликомъ время, когда управленіе министерствомъ финансовъ находилось въ рукахъ прославленнаго гр. Канкрина (1823—1844). Обоимъ этимъ дѣятелямъ торговая политика и обязана своей сравнительной послѣдовательностью въ этотъ разсматриваемый второй періодъ. Это относится прежде всего къ Канкрину [1]).

Совершившійся въ 1822 г. поворотъ въ дѣлѣ таможеннаго обложенія международнаго товарообмѣна относится еще ко времени, предшествующему вступленію Канкрина въ управленіе министерствомъ финансовъ. Но Канкринъ съ самаго начала не оставлялъ сомнѣнія въ томъ, что онъ вполнѣ одобряетъ обнаружившійся въ 1822 г. отколъ отъ либеральныхъ тенденцій, нашедшихъ свое выраженіе въ тарифахъ 1816 и 1819 г. Представляется даже весьма правдоподобнымъ, что въ значительной мѣрѣ подъ *его* вліяніемъ и произошла самая перемѣна, такъ какъ лучшій его трудъ «Міровое богатство, народное богатство и государственное хозяйство» появился въ 1821 г. и обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Этотъ трудъ является какъ бы продолженіемъ знаменитаго «Богатства народовъ» Ад. Смита, у котораго Канкринъ заимствовалъ многія разсужденія, но фритредерскіе выводы котораго отвергъ. Анализируя космополитическія идеи Ад. Смита, Канкринъ подвергаетъ такой умѣлой критикѣ теорію

---

[1]) О Канкринѣ ср. гл. 15.

свободной торговли, какъ будто бы онъ имѣлъ передъ собою «Ученіе о народномъ хозяйствѣ» проф. Густава Шмоллера [1]).

Какъ homo literatus Канкринъ не былъ приверженцемъ запретительной системы, но протекціонистомъ чистѣйшей воды. Крайности таможеннаго тарифа 1822 г., имѣвшія характеръ прямыхъ запрещеній, онъ признавалъ излишними, хотя въ основномъ своемъ направленіи этотъ тарифъ соотвѣтствовалъ его взглядамъ. Подъ руководствомъ Канкрина русская таможенная политика постепенно перешла отъ системы, которую мы назвали охранительной, къ системѣ защиты протекціонистскихъ и фискальныхъ интересовъ. Система «охраненія», т. е. препятствованіе ввозу изъ-за границы, не считающееся съ народно-хозяйственными потребностями собственной страны, мало по малу была оставлена; таможенная политика перестала служить орудіемъ въ политическихъ передрягахъ эпохи, приспособляясь къ дѣйствительнымъ нуждамъ народнаго хозяйства. Если, несмотря на это, сохранилось много суроваго и даже невыносимаго въ таможенныхъ условіяхъ, то это обусловливалось уже фискализмомъ, болѣе чѣмъ когда либо стремившимся къ превращенію таможеннаго дѣла въ дойную корову.

Именно въ виду стремленія Канкрина къ тому, чтобы протекціонистскіе интересы шли рука объ руку съ фискальными, система охранительная, какъ разновидность системы запретительной, не могла возбуждать симпатій Канкрина. По его мнѣнію, запрещеніе ввоза такихъ продуктовъ, которые внутри государства не производятся или производятся, но уступаютъ иностраннымъ въ качествѣ, вредитъ торговлѣ, уменьшаетъ таможенный доходъ, поощряетъ контрабанду и въ извѣстной мѣрѣ обусловливаетъ даже вывозъ отечественныхъ продуктовъ. «Безъ товарообмѣна торговля чахнетъ»,— писалъ Канкринъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ тотчасъ по принятіи министерскаго портфеля. «Совершенно вѣрно»,—замѣчаетъ по этому поводу на поляхъ рукописи императоръ. «Стѣсненіе ввоза и протекціонизмъ», писалъ Канкринъ, обозрѣвая первыя 10 лѣтъ своей министерской дѣятельности, «безъ сомнѣнія, вызываютъ противъ себя много возраженій, но существуютъ государства, которыя безъ нихъ обойтись не могутъ, уже по фискальнымъ соображеніямъ». Къ этимъ государствамъ слѣдовало, по мнѣнію Канкрина, отнести и Россію.

Предпринятые Канкринымъ за время своего управленія министерствомъ финансовъ шесть пересмотровъ таможеннаго тарифа (въ 1825, 1830, 1831, 1836, 1838 и 1841 г.) содѣйствовали улучшенію

---

[1]) Въ книгѣ встрѣчается, правда, немало и очень рискованныхъ положеній, отъ которыхъ Канкринъ никогда не могъ освободиться. Двадцать лѣтъ спустя, уже находясь отставкѣ, Канкринъ изложилъ въ своей книгѣ «Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften» (Stuttgart, 1845) окончательные итоги своего государственнаго опыта» (такъ характеризуетъ этотъ трудъ «Исторія м-ва финансовъ»). Нѣкоторыя изъ изложенныхъ здѣсь мыслей не дѣлаютъ чести ученому аппарату бывшаго министра финансовъ.

торговаго баланса и пополненію казеннаго сундука. Многія запрещенія ввоза были отмѣнены, но вновь допущенные къ ввозу продукты обложены были высокими пошлинами; нѣкоторыя тарифныя ставки были, въ видахъ оживленія импорта, понижены, другія же повышены, такъ какъ предполагалось, что соотвѣтственные продукты въ состояніи вынести и болѣе высокое обложеніе. Таможенная политика должна была служить одновременно интересамъ внѣшней торговли и фиска. Если эти интересы не согласовались, предпочтеніе отдавалось по общему правилу соображеніямъ фискальнымъ. Такъ, къ концу 1831 г. были повышены многія таможенныя ставки, но въ то же время всѣ вообще ввозныя пошлины были увеличены на $12^1/_2$%. Это повышеніе должно было быть временнымъ, но оставалось въ силѣ при всѣхъ послѣдующихъ пересмотрахъ тарифа и въ 1841 г. прямо введено въ тарифъ [1]). Объясняется это тѣмъ, что въ 30-хъ годахъ внѣшнія осложненія и внутреннія смуты (возстаніе Польши) потребовали отъ государства колоссальныхъ денежныхъ расходовъ, для пополненія которыхъ министру финансовъ приходилось прибѣгать ко всѣмъ источникамъ, какіе только были въ его распоряженіи.

Результаты этой таможенной политики были въ общемъ благопріятны. Таможенный доходъ возросъ при Канкринѣ (съ 1823 по 1844 г.) на 250%, съ 11 до 26 мил. руб. Далѣе, промышленность сдѣлала, подъ защитою высокихъ таможенныхъ пошлинъ, весьма замѣтные успѣхи. Хлопчатобумажная индустрія занимала въ 1825 г. на 484 фабрикахъ 47.000 рабочихъ, а въ 1850 г. на 536 фабрикахъ 110.000 рабочихъ. Суконное производство насчитывало въ 1825 г. на 324 фабрикахъ 64000 рабочихъ, а въ 1850 г. на 633 фабрикахъ 98.000 рабочихъ. Такой же прогрессъ обнаружили и нѣкоторыя другія отрасли промышленности. Сравнительно благопріятно развивался также и торговый балансъ Россіи. Въ 20-хъ годахъ средній годовой вывозъ (53 мил. руб.) превышалъ ввозъ (51 мил. руб.) приблизительно на 2 мил. руб.; въ ближайшее десятилѣтіе превышеніе составило 13 мил. руб. (вывозъ 65, ввозъ 52 мил. руб.); наконецъ, въ 40-хъ годахъ (если оставить въ сторонѣ 1847 г., когда вслѣдствіе исключительнаго неурожая въ Зап. Европѣ вывозъ русскаго хлѣба достигъ огромныхъ размѣровъ) разница въ пользу Россіи составила 10 мил. руб. (вывозъ 80, ввозъ 70 мил. руб. [2]).

Въ одномъ изъ оффиціальныхъ изданій министерства финансовъ мы находимъ, впрочемъ, сѣтованіе, что указанные результаты экономической политики Канкрина представляются незначительными по сравненію съ потраченными на нихъ усиліями [3]). Не смотря де на всѣ таможенныя ограниченія, притокъ иностранныхъ продуктовъ за время съ 1825 по 1850 г. удвоился, а по нѣкоторымъ статьямъ

---

[1]) *Лодыженскій*, стр. 212.

[2]) Всѣ цифры по *Тимирязеву*, стр. 145.—Многія данныя заимствованы также у *Гулишамбарова.* Результаты торговли и промышленности при Николаѣ I. Спб. 1896.

[3]) *Покровскій*, стр. XXX.

*

даже учетверился. Иностранцы, по прежнему, продолжали господствовать въ сферѣ внѣшней торговли. Такъ, только 14% судовъ, на которыхъ производилась въ 30-хъ годахъ внѣшняя торговля России, принадлежали русскимъ. Но и эти русскія суда подвергались за границею всякаго рода притѣсненіямъ. Въ 30-хъ годахъ, напримѣръ, въ Англію и Соед. Штаты могли ввозиться на русскихъ судахъ только *русскіе* продукты. Независимо отъ сего, прибывавшія сюда изъ Россіи торговыя суда, даже въ томъ случаѣ, когда они приходили съ русскимъ грузомъ, облагались болѣе высокими пошлинами и сборами, чѣмъ суда другихъ націй. Особые дополнительные сборы взимались съ русскихъ судовъ также въ Испаніи, Италіи, Нидерландахъ и другихъ государствахъ; исключеніе составляли только Швеція, Норвегія и Ганзейскіе города.

Послѣ оставленія Канкринымъ поста министра финансовъ (1844 г.), возникшая уже за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ *оппозиція противъ системы высокихъ таможенныхъ пошлинъ пріобрѣла значительную силу.* Въ вліятельныхъ кругахъ русскаго общества идеи западно-европейскаго фритредерства встрѣчали большое сочувствіе. Параллельно съ симъ, измѣненіе въ соотношеніи экономическихъ силъ, вызванное появленіемъ на міровомъ рынкѣ заатлантической конкурренціи, вынуждало Россію подвергнуть коренному пересмотру ея экономическую политику; наконецъ, проникновеніе англійской торговли въ Восточную Азію вызывало опасеніе, что Россія можетъ оказаться вытѣсненной съ азіятскихъ рынковъ. Новыя идеи, однако, только постепенно пролагали себѣ путь.

Уже въ 1844 г. англійскій посолъ въ Петербургѣ возбудилъ вопросъ объ отмѣнѣ вывозныхъ пошлинъ для нѣкоторыхъ русскихъ сырыхъ продуктовъ, которые могли бы найти въ Великобританіи хорошій сбытъ, особенно если бы былъ облегченъ ввозъ англійскихъ фабрикатовъ. Около того же времени императору была подана однимъ вліятельнымъ лицомъ *записка,* въ которой доказывалось, какъ сильно отстаетъ Россія на міровомъ рынкѣ отъ заокеанскихъ странъ вслѣдствіе дороговизны ея продуктовъ. Комитетъ, которому императоръ поручилъ обсужденіе записки, высказался за коренной пересмотръ таможеннаго тарифа въ смыслѣ уменьшенія всѣхъ слишкомъ высокихъ тарифныхъ ставокъ. Новый министръ финансовъ *Врончeнко* [1]) отнесся къ этому, изъ фискальныхъ соображеній, весьма сдержанно, такъ что потребовалось вмѣшательство императора, чтобы проложить путь законодательной реформѣ. Прежде всего были отмѣнены многія вывозныя пошлины и уменьшены пошлины на необходимое для внутренней индустріи сырье (высоч. утв. мнѣніе госуд. совѣта отъ 1 іюня 1846 г.).

За первымъ шагомъ *къ отмѣнѣ высокихъ таможенныхъ*

---

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что для оправданія строго покровительственной политики Вронченко приложилъ къ своей запискѣ извлеченіе изъ «Національной системы» Фр. Листа.

пошлинъ должны были вскорѣ послѣдовать дальнѣйшія мѣропріятія въ томъ же направленіи. При этомъ руководились, правда, не столько желаніемъ доставить иностраннымъ фабрикатамъ болѣе широкій сбытъ на русскихъ рынкахъ, сколько тѣмъ соображеніемъ, что болѣе либеральная таможенная система можетъ оказаться полезной экспорту русскихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и облегчить имъ борьбу съ продуктами заокеанскихъ конкуррентовъ. Кромѣ того, признанная необходимою отмѣна внутренней таможенной границы съ Польшею требовала новой организаціи таможеннаго дѣла. Выработанный соотвѣтственно сему Тенгоборскимъ проектъ тарифа послѣ многократнаго его обсужденія, къ которому были привлечены также представители торговли и промышленности, *былъ утвержденъ 13 октября 1850 г.*

Новый таможенный тарифъ, вступившій въ силу съ 1851 г., несомнѣнно былъ болѣе прогрессивнымъ и либеральнымъ, чѣмъ прежніе тарифы. Такъ, изъ 89 продуктовъ, ввозъ которыхъ былъ воспрещенъ по тарифу 1841 г., запрещеніе было сохранено только для 25, въ томъ числѣ, правда, для желѣза въ морскомъ импортѣ, чая, сахара-рафинада, спиртныхъ напитковъ и нѣкоторыхъ другихъ немаловажныхъ товаровъ; ввозныя пошлины были понижены по 622 статьямъ, измѣнены въ 37 и сохранены безъ измѣненія въ 292 случаяхъ; запрещенія вывоза были отмѣнены почти всѣ, а вывозныя пошлины частью отмѣнены, частью сдѣланы болѣе умѣренными для 151 продукта (изъ 179 продуктовъ по тарифу 1841 г.). Въ общемъ стремленіе было направлено къ тому, чтобы, съ одной стороны, облегчить ввозъ продуктовъ, полезныхъ для развитія внутренней индустріи (сырье, химическіе продукты и т. д.), поскольку это не было связано съ ущербомъ для казны и внутренней добычи сырья, а съ другой—содѣйствовать импорту товаровъ, усиленное потребленіе которыхъ сопровождается увеличеніемъ таможеннаго дохода (колоніальные товары).

Новый таможенный тарифъ положилъ также конецъ *особому положенію Царства Польскаго* въ таможенно-политическомъ отношеніи. Мы видѣли уже выше, какія исключительныя торгово-политическія преимущества были предоставлены раздѣленнымъ между тремя великими державами польскимъ областямъ въ силу постановленій Вѣнскаго конгресса. Россія въ частности удѣляла самое широкое вниманіе экономическимъ интересамъ Польши, сохранивъ для Царства умѣренный конвенціонный тарифъ 1819 г., несмотря на то, что Имперія вернулась уже къ запретительной системѣ (1822 г.). Съ тѣхъ поръ Польша была отдѣлена отъ Россіи внутренней таможенной границей.

Порядокъ торговыхъ отношеній между Имперіей и Царствомъ сводился въ существенныхъ чертахъ къ слѣдующему. Сырые матеріалы внутренняго производства могли ввозиться изъ каждой части государства въ другую безъ оплаты таможенной пошлиной; фабрикаты, изготовленные въ Россіи или Польшѣ изъ собственнаго сырья,

оплачивались ввозной пошлиной въ размѣрѣ 1%, а въ случаѣ употребленія иностраннаго сырья—въ размѣрѣ 3% стоимости продукта, исключая сахара-рафинада и нѣкоторыхъ текстильныхъ товаровъ, которые, въ видахъ предупрежденія конкурренціи польской индустріи съ центрально-русскимъ промышленнымъ райономъ, оплачивались при ввозѣ въ Имперію пошлиною до 25%.

Этотъ порядокъ обезпечилъ польской индустріи значительныя преимущества: изъ Имперіи въ Польшу ввозились главнымъ образомъ сырые продукты и жизненные припасы, изъ Польши же сбывались внутрь Имперіи индустріальные продукты и притомъ въ весьма значительныхъ количествахъ [1].

Пока рѣчь шла о политическихъ и національныхъ уступкахъ Польшѣ, русскіе промышленники съ ними мирились; но когда польскіе текстильные товары начали все въ большихъ размѣрахъ проникать въ Россію, вытѣсняя русскіе фабрикаты съ ихъ исконныхъ рынковъ, то это вызвало среди русскихъ фабрикантовъ сильное недовольство и они стали домогаться защиты противъ опасной конкурренціи польской индустріи, требуя обложенія польскихъ суконъ по тарифу, который примѣнялся къ иностраннымъ продуктамъ. Русское правительство, стремясь къ постепенному слiянiю польскихъ провинцій съ остальной Имперіей, естественно не было склонно удовлетворить такое требованіе, но въ то же время оно не могло не видѣть, что обще-имперскіе интересы страдали отъ исключительнаго положенія польскихъ провинцій, такъ какъ поляки не только пользовались, но и злоупотребляли своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Первоначальное намѣреніе было—создать въ Польшѣ крупную текстильную индустрію, которая давала бы возможность обходиться безъ ввоза полотна изъ Силезіи и суконъ изъ Познани, и это, сверхъ ожиданія, вполнѣ удалось, но затѣмъ польская фабрика, вооруженная всѣми приспособленіями современной техники, стала тѣснить старую русскую мануфактуру. И это достигалось не только путемъ открытой борьбы, но и при помощи пріемовъ конкурренціи недобросовѣстной,—такимъ, напримѣръ, способомъ, что полуфабрикаты иностранной шерстяной индустріи, а также готовые уже товары ввозились съ весьма низкой таможенной оплатой въ Польшу

[1]) Въ періодъ времени съ 1825 по 1829 годъ изъ Царства ввозилось въ Имперію въ среднемъ на 7,8 мил. руб. разныхъ продуктовъ, въ томъ числѣ только на 0,6 мил. сырья и жизненныхъ припасовъ. Россія же экспортировала за то же время въ Польшу на 6,1 мил. руб., изъ которыхъ на фабрикаты приходилось только около 2 мил. Съ теченіемъ времени это различіе въ экспортѣ сырья и фабрикатовъ черезъ внутреннюю таможенную границу сгладилось, но все же до самой отмѣны русско-польской таможенной черты Польша оставалась преимущественно поставщикомъ фабрикатовъ, а Россія—жизненныхъ припасовъ и сырья. (*Тимирязевъ*, стр. 147).

и отсюда сбывались въ Россію въ качествѣ польскихъ продуктовъ [1]).

Во время польскаго возстанія (1831 г.) ввозъ изъ Польши въ Имперію былъ временно воспрещенъ, и русскіе промышленники вновь стали прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы на возможно продолжительное время подавить польскую конкурренцію. Всего пріятнѣе было бы для нихъ, конечно, запрещеніе ввоза навсегда; но такъ какъ это оказалось невозможнымъ, то ограничились обложеніемъ продуктовъ польской промышленности болѣе высокими ввозными пошлинами, (указъ 13 ноября 1834 г.). Послѣ, однако, подавленія возстанія не только экономическія, но и политическія соображенія говорили за уничтоженіе таможенно-политической самостоятельности польскихъ провинцій. Сами поляки ничего не имѣли противъ этого, такъ какъ отмѣну таможенной границы съ Россіей они считали для себя безусловно выгодной. Что же касается русскаго правительства, то оно расчитывало, путемъ установленія таможеннаго единства, тѣснѣе сблизить польскія провинціи съ Имперіей, причемъ имѣлось въ виду также, посредствомъ экономическаго усиленія индифферентной буржуазіи, создать противовѣсъ неблагонадежному и неспокойному землевладѣльческому польскому дворянству.

Таможенное объединеніе встрѣчало разныя трудности. Необходимо было считаться и съ различіемъ условій производства по сю и по ту сторону внутренней таможенной границы, и съ возможнымъ уменьшеніемъ таможеннаго дохода. Чтобы примирить эти противорѣчія, прибѣгли къ дифференцированію таможеннаго тарифа. Единственно важная для Польши западная сухопутная граница получила болѣе низкія таможенныя ставки, чѣмъ морская граница; при этомъ спеціально была принята во вниманіе потребность Польши въ сырьѣ и предметахъ непосредственнаго потребленія. Таможенный тарифъ 13 октября 1850 г. установилъ поэтому на западной сухопутной границѣ умѣренныя дифференціальныя пошлины для колоніальныхъ товаровъ, сельдей и т. д., пряжи и желѣза, инструментовъ, текстильныхъ фабрикатовъ и пр.

ГЛАВА XVIII.

Торгово-политическія отношенія между Россіей и Пруссіей (1836—1850 г.).— Торговыя отношенія къ другимъ государствамъ.

Отъ Польши мы должны обратиться къ сосѣдней *Пруссіи*. Спѣшимъ оговориться, что и въ нѣкоторой хотя бы только степени

---

[1]) Такъ утверждаетъ *Лодыженскій*, стр. 218. Какимъ путемъ польская суконная индустрія задушила постепенно познанскую,—выясняетъ *Натрке*, стр. 46 и др.: «Въ выборѣ средствъ русское правительство не было разборчиво. Чрезвычайно выгодными условіями поселенія въ Россіи и при помощи многочисленныхъ разъѣздныхъ агентовъ оно старалось привлечь въ Россію какъ можно больше суконодѣловъ изъ Познани и такимъ образомъ положить основаніе собственному фабричному персоналу. При чрезвычайно печальныхъ условіяхъ жизни на родинѣ, многіе прусскіе мастера, естественно, охотно слѣдовали этому призыву (стр. 45).

ясный обзоръ торгово и таможенно-политическихъ отношеній Пруссіи къ Имперіи вообще и къ обособленнымъ въ таможенномъ отношеніи польскимъ провинціямъ въ частности мы за разсматриваемый періодъ дать здѣсь не можемъ. Это потребовало бы спеціальнаго изслѣдованія, но и тогда многое осталось бы невразумительнымъ и непонятнымъ,—такъ путанно и утомительно-тягуче шло тогда выясненіе взаимныхъ отношеній между Берлиномъ и Петербургомъ. Веденные съ обѣихъ сторонъ съ большой дипломатической тонкостью переговоры о взаимности въ вопросахъ судоходства, мѣропріятіяхъ для совмѣстной борьбы съ контрабандой, отмѣнѣ вывозныхъ пошлинъ, урегулированіи пограничнаго оборота и облегченіи транзитной торговли. — все это и во время Канкрина не удалось объединить въ цѣлостное договорное отношеніе.

Подписанный въ 1825 г. договоръ, былъ по мнѣнію прусскаго министерства, настолько невыгоденъ для Пруссіи и такъ мало соблюдался съ русско-польской стороны, что въ Берлинѣ, какъ было указано уже выше, склонны были отъ него отказаться. Происходившіе въ 1836 г. *переговоры о возобновленіи договора 1825 года оказались безрезультатными* вслѣдствіе упорнаго нежеланія Россіи предоставить Пруссіи какія бы то ни было особыя преимущества, даже если бы она съ своей стороны удовлетворила русскія требованія (уменьшеніе прусскихъ транзитныхъ пошлинъ, облегченіе транзита сырой шерсти и заключеніе таможенной картели). Королевскимъ указомъ 7 сентября 1836 г. было объявлено поэтому о прекращеніи дѣйствія договора 1825 г. [1]).

Иниціатива новыхъ переговоровъ исходила (1840 г.) отъ Россіи чтобы, какъ сообщалъ министръ финансовъ гр. Канкринъ, административнымъ путемъ провести взаимныя облегченія въ сферѣ торговаго оборота. Изъ записки прусскаго министра ф. Альвенслебена видно, что *желанія Пруссіи* сводились тогда къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) уменьшеніе русскихъ пошлинъ для шелковыхъ, шерстянныхъ, хлопчатобумажныхъ, полотняныхъ, стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій; 2) дозволеніе тремъ главнымъ русскимъ таможнямъ экспедировать всѣ невоспрещенные товары; 3) предоставленіе того же права главнымъ польскимъ таможнямъ въ отношеніи товаровъ, отправляемыхъ въ Россію; 4) облегченіе таможенныхъ формальностей и устройство новыхъ таможенъ; 5) уравненіе прусскаго флага съ отечественнымъ въ Россіи и Финляндіи; 6) допущеніе парового судоходства между Штетиномъ и Петербургомъ, до тѣхъ поръ запрещеннаго въ интересахъ привилегированнаго пароходства Петербургъ — Любекъ. Въ отношеніи Царства Польскаго прусское правительство требовало равнымъ образомъ: 1) уменьшенія пошлинъ; 2) расширенія полномочій главныхъ таможенъ; 3) неограниченной свободы транзита черезъ Польшу; 4) облегченій для пограничнаго оборота; 5) покровительства ярмарочному обороту; 6) освобожденія рѣчного судоходства отъ установленнаго въ 1838 г. особаго сбора.

---

[1]) Zimmermann, стр. 142, также 138—145, 229—245, 387.

Россія не выказала намѣренія подвергнуть перечисленные пункты серьезному обсужденію, и обнаружила склонность сдѣлать лишь второстепенныя уступки, такъ что Пруссія отчаялась достигнуть какого либо результата. Опять пошли переговоры и совѣщанія, дипломатическія ноты и интриги. Вѣнскій договоръ съ его обременительными для Россіи опредѣленіями русскіе дипломаты хотѣли просто напросто похоронить и стремились только къ русско-прусской пограничной конвенціи, безъ которой дѣло регулированія пограничнаго оборота представлялось имъ невозможнымъ. Пруссія, наоборотъ, цѣпко держалась основныхъ началъ вѣнскаго договора и отказывалась отъ возстановленія старой пограничной конвенціи, пока Россія оставалась глуха къ прусскимъ жалобамъ.

Въ 1842 г. Россія неожиданно обратилась къ Пруссіи съ нотой, озаглавленной «Concessions définitives accordées par la Russie à la Prusse», въ которой русское правительство, по выраженію канцлера Нессельроде, по доброй волѣ и по дружбѣ выражало готовность исполнить нѣкоторыя, впрочемъ маловажныя, требованія Пруссіи. Въ Берлинѣ не могли не усмотрѣть въ этихъ уступкахъ,—съ точки зрѣнія желательнаго для Пруссіи торговаго объединенія — своего рода дара данайцевъ, но все же Пруссіи пришлось возобновить на 12 лѣтъ соглашеніе объ упорядоченіи пограничнаго оборота (20 мая 1844 г.). Россія, очевидно, достигла того, чего хотѣла, отъ дальнѣйшихъ же переговоровъ по торговымъ вопросамъ она уклонилась [1]).

Новая тревога охватила руководящія сферы въ Берлинѣ въ серединѣ 40-хъ годовъ, когда обнаружилось намѣреніе Россіи *замѣнить болѣе умѣренный польскій таможенный тарифъ общеимперскимъ.* Когда впослѣдствіи тарифная реформа, распространенная и на Польшу, получила, какъ уже указано было выше, прочныя очертанія, Пруссія заявила противъ нея протестъ, который, однако, былъ отклоненъ въ рѣзкой формѣ «une fois pour toutes». Не смотря на это прусское правительство сочло себя обязаннымъ использовать охватывавшее тогдашнюю Россію теченіе противъ прежней запретительной системы. По порученію прусскаго министра ф. Каница была изготовлена записка, детально освѣщавшая весь вредъ культивируемой до тѣхъ поръ Россіей системы запрещеній [2]).

Въ Берлинѣ однако скоро убѣдились, что надежды на улучшеніе условій прусской торговли, опиравшіяся на происшедшій въ общественномъ мнѣніи Россіи поворотъ, были тщетны. Ибо съ введеніемъ болѣе либеральнаго таможеннаго тарифа 13 октября 1850 г. была отмѣнена также внутренняя русско-польская таможенная гра-

---

[1]) Zimmermann, стр. 238.

[2]) Составленная экономистомъ ф. Реденомъ записка, въ которой, между прочимъ, Канкринъ изображался виновникомъ разоренія Россіи, была въ сентябрѣ 1846 года передана царю, но никакихъ замѣтныхъ результатовъ не имѣла (*Zimmermann*, стр. 239).

ница, причемъ русскія тарифныя ставки, хотя частью и смягченныя, получили силу для прусско-польской границы [1]).

Въ царствованіе Николая I Россія стремилась къ расширенію своихъ *торговыхъ сношеній съ другими государствами* мирнымъ путемъ, посредствомъ заключенія договоровъ о торговлѣ и судоходствѣ. Эти договоры основывались по большей части на принципѣ наибольшаго благопріятствованія, къ которому—и это характерный признакъ времени — Россія всюду, гдѣ только оказывалось возможнымъ, присоединяла требованіе о предоставленіи русскому коммерческому флагу равныхъ правъ съ флагомъ договаривающагося государства. Такіе договоры были заключены въ 1828 г. съ *Швеціей* (возобновленъ въ 1835 и 1838 г.), въ 1838 г. съ *Соединенными Штатами* и въ 1842 г. съ *Англіей*. Въ видахъ созданія почвы для скорѣйшаго заключенія дальнѣйшихъ торговыхъ договоровъ въ 1845 г. было издано распоряженіе, въ силу котораго ластовый сборъ съ судовъ тѣхъ государствъ, которыя не предоставляли русской торговлѣ правъ наибольшаго благопріятствованія и равноправія съ собственнымъ флагомъ, былъ повышенъ на 50%. Такимъ то образомъ были заключены договоры съ королевствомъ обѣихъ Сицилій, Сардиніей, *Нидерландами, Франціей, Турціей, Австріей, Бельгіей, Греціей и Португаліей.*

Продолжались также начатыя при Александрѣ I мѣропріятія къ содѣйствію русской внѣшней торговлѣ на рынкахъ *Востока и Азіи*. Такъ, вмѣстѣ съ мирнымъ договоромъ съ *Персіей*, закончившимъ 10 февраля 1828 г. русско-персидскую войну, былъ заключенъ *договоръ о торговлѣ* подданныхъ обоихъ государствъ. Пошлина со стоимости продуктовъ была установлена въ 5%, русскимъ купцамъ разрѣшено устройство факторій въ Персіи, учреждены русскія консульства въ персидскихъ городахъ и т. д. Особыя старанія прилагались также къ развитію торговыхъ сношеній съ *Китаемъ*. Путемъ законодательныхъ мѣропріятій стремились поддержать и поднять ввозъ чая черезъ Кяхту. Въ видахъ сохраненія за Россіей монополіи по снабженію Европы чаемъ, подвозъ кантонскаго чая болѣе дешевымъ морскимъ путемъ былъ подавляемъ строжайшими распоряженіями, по крайней мѣрѣ въ отношеніи русской территоріи. И когда Англія по Нанкинскому договору (1842 г.) получила отъ Китая особыя торговыя преимущества, Россія усугубила

---

[1]) О вліяніи новаго, имѣвшаго силу и для Польши, таможеннаго тарифа на нѣмецкую торговлю отчетъ Познанской торговой палаты за 1852 г. даетъ такія указанія: „Выгодъ для вывозной торговли въ Польшу новый тарифъ не принесъ, а потому онъ не оказалъ пользы и провинціи Познань, выгоды же, которыхъ отъ него ожидали, достались только на долю Польши, въ которую долженъ усилиться притокъ нашихъ денегъ, такъ какъ покровительствуемымъ оказывается только вывозъ продуктовъ не необходимыхъ“. Мотивы этого своеобразнаго мнѣнія у *Hatrke*, стр. 62 и сл.

свои усилія къ сохраненію китайскихъ рынковъ за русской торговлей. За текстильныя издѣлія выдавалась даже одно время экспортная премія при вывозѣ ихъ въ Китай (указъ 20 іюля 1845 г.). Заключенный *съ Китаемъ торговый договоръ* въ Кульджѣ (21 іюля 1852 г.) открылъ для русскаго товарообмѣна два новыхъ торговыхъ пункта (Кульджа и Чугучакъ), и отъ этого ожидали исключительныхъ выгодъ въ смыслѣ шансовъ на дальнѣйшее развитіе торговли съ Китаемъ.

Рядомъ съ этимъ покровительствомъ торговлѣ примѣнялись, впрочемъ, отъ времени до времени принципы, несовмѣстимые съ интересами русскаго экспорта. Мы имѣемъ въ виду, въ частности, мѣропріятія касательно закавказской транзитной торговли.

ГЛАВА XIX.

Закавказская транзитная торговля [1]).

Въ 1821 г. былъ временно, на десять лѣтъ, дозволенъ свободный подвозъ всѣхъ европейскихъ товаровъ въ Закавказье, чтобы привлечь сюда купцовъ и капиталистовъ и такимъ образомъ положить начало развитію здѣсь торговли и промысловъ. Но когда подъ вліяніемъ этихъ благопріятныхъ условій дѣйствительно стала развиваться оживленная транзитная торговля (между прочимъ отъ Лейпцига черезъ Броды, Одессу, Тифлисъ въ Персію), то министръ финансовъ Канкринъ ополчился противъ этого нарождающагося свободнаго товарообмѣна (1828 г.). По его мнѣнію, безпрепятственный подвозъ иностранныхъ продуктовъ вредилъ русской индустріи. Онъ хотѣлъ поэтому, если не вовсе воспретить, то, по крайней-мѣрѣ, затруднить транзитную торговлю [2]).

Хотя проекты Канкрина не встрѣтили въ то время сочувствія въ государственномъ совѣтѣ, который счелъ необходимымъ сначала выждать, какъ сложится дальнѣйшее развитіе меркантильныхъ и политическихъ отношеній по окончаніи русско-персидской войны, однако по истеченіи льготнаго десятилѣтняго срока (1831 г.) послѣдовало высоч. повелѣніе о новомъ устройствѣ Закавказской транзит-

---

[1]) О первоначальной стадіи этого торгово-политическаго вопроса ср. выше, глава XIV, стр. 51 и сл.

[2]) Въ своемъ представленіи государственному совѣту Канкринъ признавалъ особенно вредной торговлю между Лейпцигомъ и Закавказьемъ черезъ Одессу. «Какъ вредна эта транзитная торговля, видно изъ того, что старанія министерства финансовъ организовать въ Тифлисѣ большой складъ русскихъ текстильныхъ товаровъ не встрѣтили сочувствія у русскихъ фабрикантовъ, такъ какъ они боялись иностранной конкурренціи. Если, поэтому, не поддержать купечества, то русскіе товары все болѣе и болѣе будутъ вытѣсняться изъ торговли съ Персіей» (*Мюллеръ*. Транзитная торговля etc.).

ной торговли соотвѣтственно измѣнившимся обстоятельствамъ. При той позиціи, которую занялъ Канкринъ въ отношеніи этого вопроса, характеръ предположенной реформы не могъ вызывать сомнѣній: таможенно-политическія нововведенія на Кавказѣ совершенно подавили расцвѣтшую было здѣсь транзитную торговлю. Неблагопріятныя послѣдствія этой близорукой политики не заставили себя долго ждать; транзитная торговля Европы съ Персіей обратилась къ конкуррирующей турецкой линіи черезъ Трапезундъ-Эрзерумъ; въ теченіе немногихъ лѣтъ русскій транзитный путь почти заглохъ. Русскіе мануфактуристы, въ интересахъ которыхъ предполагалось необходимымъ освободить транзитный путь отъ иностранныхъ продуктовъ, оказались совершенно не въ состояніи поддержать своими товарами установившіяся торговыя отношенія, опытные же въ этой сферѣ армянскіе торговцы предпочли перенести свою посредническую дѣятельность на новый путь сбыта, обильно снабжавшійся англійскимъ золотомъ. Словомъ, новый порядокъ оказался невыгоднымъ для Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Представители русскихъ интересовъ на Кавказѣ приложили всѣ усилія, чтобы побудить правительство отказаться отъ своей разорительной политики въ отношеніи закавказской транзитной торговли. Ихъ настойчивыя представленія заставили наконецъ импер. Николая I передать вопросъ на разсмотрѣніе особому комитету. Но и здѣсь вліяніе министра финансовъ одержало верхъ.

Канкринъ не могъ, конечно, отвергать статистически установленнаго факта быстраго упадка закавказской транзитной торговли за время съ 1831 по 1834 г., но возражалъ противъ этого, что здѣсь существуетъ конфликтъ между особыми интересами южно-русскихъ торговцевъ и общими интересами русской текстильной индустріи, который не можетъ быть разрѣшенъ отдачею предпочтенія первымъ. Какъ это ни странно, но законодательныя инстанціи и на этотъ разъ примкнули къ министру финансовъ, и, издавъ нѣсколько распоряженій, направленныхъ на содѣйствіе русской торговлѣ съ Азіятской Турціей и Персіей, совершенно успокоили свою совѣсть. Но фактъ оставался фактомъ: вслѣдствіе близорукой политики министерства финансовъ русскія мануфактурныя издѣлія вытѣснялись съ персидскихъ и другихъ азіатскихъ рынковъ европейскими текстильными товарами, проникавшими туда все въ большихъ массахъ. Мало того, западно-европейскіе продукты начали успѣшно проникать черезъ Азію въ Закавказье и сосѣднія русскія области. Это происходило слѣдующимъ образомъ. Англійскіе фабриканты, выяснивъ вкусы персидскихъ потребителей, стали посылать въ Персію, наряду съ готовыми продуктами, также и полуфабрикаты, напр. ткани, которыя только на мѣстѣ подвергались печатанію и окраскѣ по туземнымъ образцамъ. Эти англо-персидскіе продукты проникали затѣмъ въ огромныхъ количествахъ и въ Россію въ качествѣ «персидскихъ» издѣлій, оплачиваемые ввозной пошлиной (5% со стоимости), установленной для импорта изъ Азіи, и это совершенно не-

зависимо отъ контрабанды, которая въ виду недостаточной охраны русско-персидской границы приняла огромные размѣры [1]).

Декретированная Петербургомъ неблагопріятная для европейскихъ транзитныхъ товаровъ таможенная политика не могла, конечно, лишить идею товарообмѣна съ азіятскими и, прежде всего, персидскими рынками со стороны Чернаго моря сухимъ путемъ ея жизненности. Въ виду доступности Чернаго моря для судовъ всѣхъ націй, идея эта слишкомъ была близка, чтобы отъ нея можно было отказаться безъ борьбы, когда русскіе фабриканты достигли, въ видахъ подавленія иностранной конкурренціи, высокихъ, почти запретительныхъ пошлинъ для иностраннаго подвоза. Притомъ, опытъ двадцатыхъ годовъ (1821—1831) оказался, какъ мы уже видѣли, настолько удовлетворительнымъ въ чисто меркантильномъ смыслѣ, что уже изъ-за одного этого старые проекты закавказской транзитной торговли могли затихнуть, но не погибнуть. Вопросъ объ отношеніи къ иностраннымъ транзитнымъ товарамъ на Кавказѣ не переставалъ поэтому обсуждаться и въ теченіе всей второй половины истекшаго столѣтія.

Удаленіе отъ дѣлъ Канкрина, обнаруживавшаго во всѣхъ рѣшительно торгово-политическихъ вопросахъ поразительную недальновидность, побудило приверженцевъ экономическаго оживленія Кавказа на почвѣ поощренія торговыхъ сношеній съ Востокомъ къ возобновленію болѣе либеральной политики въ отношеніи транзитной торговли [2]). И *указъ 14 декабря 1846 г.* на самомъ дѣлѣ предоставилъ Закавказской торговлѣ рядъ облегченій. Для портовъ Чернаго моря былъ изданъ новый, болѣе умѣренный таможенный тарифъ; для европейскихъ товаровъ былъ обезпеченъ безпошлинный пропускъ въ Персію черезъ Тифлисъ и Нахичевань; для русскихъ мануфактурныхъ издѣлій установлены преміи и другія облегченія сбыта. Но нѣсколькими указами и министерскими распоряженіями нельзя было направить товарообмѣнъ въ прежнее русло, тѣмъ болѣе, что путь черезъ Трапезундъ-Эрзерумъ имѣлъ несомнѣнныя

---

[1]) Ввозъ «персидской мануфактуры» въ Россію возросъ съ 2 мил. руб. въ 1832 г. до 7 мил. въ 1842 г. Что касается контрабанднаго подвоза, то достаточно указать на оффиціальную оцѣнку, согласно которой въ 1843 г. изъ одного только Тавриза было тайно провезено почти на милліонъ руб. товаровъ европейскаго происхожденія. Министръ финансовъ Канкринъ призналъ, къ концу своего управленія министерствомъ, что торговля въ Закавказьѣ заглохла подъ вліяніемъ цѣлаго ряда неблагопріятныхъ моментовъ. Что главнымъ изъ этихъ моментовъ, было закрытіе транзитнаго пути,—этого Канкринъ, конечно, признать не пожелалъ.

[2]) По мнѣнію гр. Канкрина, нашедшему себѣ неоднократное выраженіе въ его литературныхъ трудахъ, «между націями, какъ и между отдѣльными лицами, богатство одной стороны может быть пріобрѣтено только за счетъ другой». Торговую прибыль онъ разсматривалъ поэтому какъ узаконенное ограбленіе, а международную торговлю—какъ переходъ части національнаго достоянія изъ однѣхъ рукъ въ другія. «Міровое богатство есть нѣчто ограниченное; каждому народу достается изъ этого запаса столько, сколько онъ въ состояніи присвоить себѣ путемъ насилія или обмана».

преимущества передъ путемъ черезъ Кавказскій хребетъ. Впослѣдствіи министру финансовъ Рейтерну удалось въ извѣстной степени компенсировать менѣе благопріятныя условія русскаго торговаго пути по сравненію съ таковыми турецко-азіятскаго; достигнуто было это посредствомъ упрощенія таможенныхъ формальностей, улучшенія дорогъ и другихъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію транспорта. То обстоятельство, что въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ товарообмѣнъ съ Персіей черезъ Турцію уменьшился на половину, а транзитная торговля стала вновь развиваться, (ср. гл. 40) должно быть по справедливости отнесено именно на счетъ усилій названнаго министра финансовъ.

III.

Финансовое и общее положеніе въ серединѣ XIX вѣка.

ГЛАВА XX.

Валютная реформа Канкрина (1839—1841 г.). — Крушеніе металлической валюты (1858 г.). — Неблагопріятное состояніе финансовъ на рубежѣ второй половины прошлаго вѣка.

Въ заключеніе обзора эпохи имп. Николая I (1825—1855 г.), за которою слѣдуетъ уже новѣйшая эпоха экономической жизни Россіи, мы должны еще бросить бѣглый взглядъ на финансовое состояніе Россіи за это время. Это намъ тѣмъ болѣе необходимо, что развитіе національныхъ производительныхъ силъ въ Россіи всегда испытывало на себѣ вліяніе финансоваго состоянія государства. По справедливости нельзя также обойти молчаніемъ ту роль, которую съигралъ министръ финансовъ Канкринъ, какъ реорганизаторъ государственныхъ финансовъ [1].

Канкринымъ были упразднены, послѣ семидесятилѣтняго почти существованія, ассигнаціонныя деньги, и серебряный рубль возстановленъ въ своемъ значеніи монетной единицы и законнаго платежнаго средства. Этотъ трудный переходъ отъ неустойчивыхъ валютныхъ отношеній къ упорядоченной денежной системѣ Канкринъ осуществилъ весьма успѣшно, но значительная часть заслуги въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ личному вмѣшательству императора.

Проекты и планы наиболѣе цѣлесообразнаго осуществленія реформы и подготовительныя къ ней мѣропріятія заняли первые 15 лѣтъ министерской карьеры Канкрина. Тому хаотическому состоянію, въ

---

[1]) О валютной реформѣ Канкрина ср., кромѣ указанныхъ на стр. 55 источниковъ, еще: *Судейкинъ*, Возстановленіе металлическаго обращенія въ Россіи въ 1839—1843 г., Москва 1891; *Гурьевъ*, Денежное обращеніе Россіи въ 19 вѣкѣ, Спб. 1903, стр. 75—146; *Кашкаровъ*, Денежное обращеніе въ Россіи, т. I, стр. 15—70; *Мигулинъ*, I, стр. 137 и др.

которомъ находилось денежное дѣло до 1839 г., могъ быть положенъ конецъ только замѣною конкуррирующихъ валютъ одной—серебрянымъ рублемъ. И это удалось осуществить. Манифестъ 1 іюля 1839 г. построилъ денежную систему на слѣдующихъ главныхъ началахъ: *серебряный рубль* объявленъ главнымъ платежнымъ средствомъ, постояннымъ мѣриломъ цѣнностей и монетной единицей, *ассигнаціи* же были сохранены только въ качествѣ вспомогательныхъ денежныхъ знаковъ съ разъ навсегда установленнымъ и неизмѣннымъ курсомъ на серебро, причемъ серебряный рубль признанъ равнымъ 3½ рублямъ ассигнаціями. На деталяхъ этой реформы, результатомъ которой было также введеніе въ обращеніе кредитныхъ билетовъ (бумажныхъ рублей), мы не можемъ здѣсь останавливаться.

Въ окончательномъ результатѣ *реформа 1839—1841 г.* дала такимъ образомъ государству единую монетную систему и денежное обращеніе на твердой металлической основѣ. Что реформа осуществилась сравнительно легко, обусловливалось наличностью благопріятствовавшихъ условій,—реформа не могла бы пройти такъ гладко, еслибы предварительно не накопился въ каналахъ обращенія достаточный запасъ звонкой монеты.

Въ періодъ времени съ 1814 по 1834 г. въ Россію ввезено монетнаго металла на 522 мил. руб. Далѣе, стоимость русскаго экспорта превысила за время съ 1824 по 1838 г. стоимость импорта на 119 мил. руб. Если прибавить къ этому, что добыча золота въ Россіи въ двадцатыхъ годахъ значительно возросла, а чеканка серебряной и золотой монеты производилась весьма дѣятельно,—то мы и будемъ имѣть тотъ рядъ моментовъ, которые создали почву для улучшенія монетнаго дѣла.

Для устойчивости металлической валюты важно было, конечно, чтобы выпуски кредитныхъ билетовъ которые имѣли значеніе суррогата серебряной монеты и въ качествѣ таковаго обезпечивались опредѣленнымъ металлическимъ запасомъ, строго сообразовывались съ нормою покрытія. Между тѣмъ казна дѣлала постоянныя позаимствованія изъ металлическаго запаса, возмѣщая таковыя ворохами «государственныхъ бумагъ», т.-е. долговыхъ обязательствъ. У Мигулина читаемъ: «Въ 1853 г. казна не имѣла уже въ размѣнномъ фондѣ ни одного рубля, который бы ей принадлежалъ. Мало того: выпущенные сверхъ нормы (170,2 мил. руб.). кредитные билеты не покрывались болѣе полнымъ рублемъ, даже если отнести къ покрытію переданныя фонду цѣнныя бумаги» [1]).

Такъ какъ съ самаго начала размѣнъ бумажныхъ денегъ на звонкую монету встрѣчалъ нѣкоторыя затрудненія, то уже очень скоро образовался лажъ на металлъ. Положеніе стало еще серьезнѣе, когда въ 1848 г. волны охватившихъ Западъ революціонныхъ движеній проникли въ Россію въ видѣ всякаго рода волновавшихъ умы слуховъ, и это вызвало усиленный размѣнъ кредитныхъ билетовъ

---

[1]) *Мигулинъ*, I, стр. 182.

съ сопровождавшимъ таковой постояннымъ возростаніемъ лажа, особенно на юго-западѣ. Съ этимъ послѣднимъ явленіемъ финансовое управленіе оказалось вынужденнымъ вступить въ борьбу путемъ временнаго воспрещенія вывоза металлической монеты, воздѣйствія на вексельные курсы и другихъ мѣропріятій.

Тогдашнее правительство находило своей финансовой политикѣ поддержку въ довѣріи, которымъ пользовалась руководимая имп. Николаемъ I на строго-консервативныхъ началахъ Россія со стороны потрясенныхъ революціоннымъ броженіемъ западно-европейскихъ государствъ. Въ годы, предшествовавшіе крымской кампаніи (1853 г.), національное чувство въ Россіи было настолько повышено, что общество замѣчало неустройства лишь у западно-европейскихъ сосѣдей. Въ разсчетѣ на прочность металлической валюты, русскіе надѣялись справиться даже съ тяжелыми потрясеніями, хотя экономическій барометръ отнюдь не показывалъ «ясной погоды». И на самомъ дѣлѣ, валютная политика съумѣла обезпечить бѣлому металлу его новую роль только на полтора десятка лѣтъ. Опоры серебрянаго трона, съ самаго начала слишкомъ слабыя, не выдержали натиска военной бури 1853—1856 г. Все шло хорошо только до тѣхъ поръ, пока былъ обезпеченъ размѣнъ кредитныхъ билетовъ на серебро. Для этого былъ необходимъ достаточно внушительный размѣнный фондъ; но вмѣсто того, чтобы всѣми мѣрами поддерживать его на должной высотѣ, съ этимъ фондомъ предпринимались весьма рискованныя операціи.

Когда затѣмъ въ 1853—1856 г., для покрытія военныхъ издержекъ, кредитные билеты были выпущены въ количествѣ, превысившемъ всякіе разумные предѣлы, и къ этому присоединились еще другіе неблагопріятные моменты—*крушеніе металлической валюты* сдѣлалось неизбѣжнымъ. 16 мая 1858 г. размѣнъ кредитныхъ билетовъ былъ пріостановленъ.

Къ тому времени, когда такимъ образомъ пала старательно проведенная Канкринымъ реформа, онъ давно уже не находился болѣе у кормила правленія. Канкринъ оставилъ свой постъ 1 мая 1844 г., послѣ того, какъ—по словамъ его біографа Божерянова—отказался доставать все новыя и новыя средства для войны съ кавказскими горцами. Финансовое состояніе подвергалось послѣ ухода Канкрина многимъ тяжкимъ нареканіямъ; внутреннее экономическое положеніе, и прежде всего постройка первыхъ желѣзныхъ дорогъ, потребовавшая огромныхъ средствъ, довели государственныя средства до крайняго напряженія. 1848 годъ былъ однимъ изъ худшихъ за все время царствованія имп. Николая. «Неурожай хлѣбовъ и сѣна въ наиболѣе плодородныхъ губерніяхъ Россіи, значительная смертность отъ холеры, опустошительные пожары, уничтожавшіе цѣлыя деревни, — все это пошатнуло благосостояніе крестьянъ и довело тысячи семействъ до нищеты»[1]).

---

[1]) Вѣстн. Фин. 1903, стр. 13.

Эти немногія строки офиціальнаго органа министерства финансовъ рисуютъ поистинѣ безотрадную картину конца Николаевской эпохи. Государство, потрясенное внѣшними войнами и истощенное экономически, не потеряло, однако, своего внѣшняго престижа. Это, впрочемъ, нерѣдко наблюдалось въ исторіи Россіи. На ея внѣшнемъ могуществѣ какъ бы не отражается вовсе внутреннее недомоганіе, быть можетъ, потому, что организмъ Имперіи обладаетъ, какъ показалъ опытъ, исключительной приспособляемостью. Нѣсколько лѣтъ мирнаго развитія много разъ залечивали въ Россіи тяжелыя раны, особенно въ случаѣ живительно дѣйствующихъ на экономическую жизнь урожаевъ. На состояніе финансовъ рѣшающее вліяніе оказывали всегда итоги внѣшней торговли, въ свою очередь опредѣлявшіеся экспортомъ хлѣба, т. е. результатами урожая. Тяжелыя раны, причиняемыя войною, во многихъ случаяхъ, благодаря хорошимъ урожаямъ, залечивались въ поразительно короткое время,—при томъ условіи, конечно, если на мирный трудъ не обрушивалось какихъ либо иныхъ бѣдствій. Но это условіе нерѣдко не оказывалось въ наличности. Именно это и имѣло мѣсто послѣ 1848 года, но едва только обнаружились въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ первые признаки экономическаго подъема, какъ страна была вновь потрясена бѣдствіями войны. Въ 1853 г. началась Крымская кампанія.

Раздѣлъ четвертый

Тенденціи промышленнаго развитія въ первую половину XIX вѣка.

ГЛАВА XXI.

Естественныя условія прогресса.—Слабыя стороны промышленности и индустріальная политика.—Направленіе эволюціи и успѣхи капитализма.—Патріархальная мануфактура.

Въ началѣ XIX столѣтія промышленная дѣятельность въ Россіи имѣла уже довольно продолжительную исторію. Если даже относить возникновеніе крупныхъ индустріальныхъ предпріятій не далѣе, какъ ко времени царствованія Петра В., то и въ такомъ случаѣ періодъ существованія въ Россіи западно-европейскихъ формъ производства охватывалъ бы уже цѣлое столѣтіе. За такой продолжительный промежутокъ времени промышленное развитіе даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ должно бы сдѣлать по крайней мѣрѣ количественные успѣхи, такъ какъ потребность въ индустріальныхъ продуктахъ, разъ она пробудилась, не могла болѣе оставаться неудовлетворенной, а, напротивъ того, должна была все болѣе и болѣе

расширяться соотвѣтственно матеріальному и соціальному росту населенія. А чтобы, далѣе, спросу соотвѣтствовало и нѣкоторое предложеніе отечественныхъ продуктовъ,—объ этомъ въ теченіе всего столѣтія усиленно заботились русскіе правители, начиная съ Петра Великаго.

Въ нѣкоторыхъ направленіяхъ развитіе промышленности пошло, правда, по такому пути, который не вполнѣ соотвѣтствовалъ ни народно-хозяйственнымъ, ни государственнымъ потребностямъ. Но насажденіе промышленности на чуждой ей почвѣ никогда не достается даромъ. Такъ, и русской промышленности XVIII вѣка не удалось избѣжать критическихъ положеній, подчасъ совершенно расшатывавшихъ уже завоеванныя позиціи. Кромѣ того и государственныя мѣропріятія, направленныя на поощреніе промышленности, иногда оказывались неудачными и не только не содѣйствовали ея развитію, но еще тормозили его. Препятствія такого рода не могутъ однако остановить надолго экономическій ростъ, для котораго имѣются на лицо всѣ остальныя условія. Къ этимъ условіямъ относится наличность не только спроса на индустріальные продукты, но и всѣхъ необходимыхъ факторовъ производства. Но въ этомъ послѣднемъ отношеніи положеніе, какъ мы видѣли уже выше, во многомъ оказывалось далеко не удовлетворительнымъ.

Рабочая сила, этотъ важнѣйшій активный факторъ производства, хотя и имѣлся, повидимому, въ неограниченномъ количествѣ, но въ дѣйствительности былъ трудно доступенъ для индустріи, такъ какъ рабство прикрѣпляло рабочихъ къ землѣ и сельскохозяйственному труду. Необходимые для индустріи *сырые продукты* могли бы быть добываемы въ изобиліи. Господство натуральнаго хозяйства ограничивало, однако, добычу сырья для сбыта весьма тѣсными предѣлами. Наконецъ, третій необходимый факторъ производства, *капиталъ*, при той низкой ступени промышленнаго развитія, на которой находилась тогдашняя Россія, быть достаточно обильнымъ уже по тому одному, что капиталъ представляетъ вѣдь собою не что иное, какъ результатъ предшествующаго труда («скопленный трудъ», по терминологіи Родбертуса). Въ качествѣ момента, затруднявшаго развитіе промышленности, присоединялось еще и то, что связующія звенья промышленной дѣятельности въ видѣ техническихъ познаній, интеллигентныхъ рабочихъ силъ, вспомогательныхъ индустріальныхъ средствъ и т. д. почти отсутствовали внутри государства. Въ этомъ, какъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ приходилось поэтому широко пользоваться содѣйствіемъ другихъ націй.

Въ теченіе всего XVIII вѣка индустріи приходилось бороться съ трудностями, вытекавшими изъ указанныхъ выше неблагопріятныхъ условій. Индустріальная политика государства, начиная съ Петра Великаго и вплоть до Александра I, направлена была на постепенное освобожденіе промышленности отъ наиболѣе грубыхъ изъ разъѣдавшихъ ее пороковъ, обусловленныхъ общей отсталостью народнаго хозяйства. Игнорируя многіе другіе интересы, правительство, путемъ выдачи субсидій и ссудъ изъ государственныхъ средствъ, до извѣстной степени смягчало остроту безденежья, ко-

торое ощущали нуждавшіеся въ капиталахъ фабриканты; чрезвычайными льготами и привилегіями, а при случаѣ и казенными заказами оно старалось обезпечить покровительствуемымъ предпріятіямъ также и возможно широкій сбытъ. Заурядъ приходилось, далѣе, правительству хвататься за рѣшительную таможенную политику, чтобы по возможности возбудить духъ предпріимчивости у русскихъ промышленниковъ и освободить промышленность отъ иностранной конкурренціи какъ на рынкахъ, гдѣ она пріобрѣтала свое сырье, такъ и на рынкахъ сбыта ея продуктовъ [1]). Наконецъ, множество указовъ XVIII и начала XIX вѣка свидѣтельствуютъ о продажѣ и припискѣ крѣпостныхъ къ фабрикамъ, — этой суровой мѣрѣ, которою пользовалось правительство, чтобы предоставить въ распоряженіе индустріи необходимую ей человѣческую рабочую силу.

Если при всемъ томъ индустрія вплоть до первой четверти XIX вѣка получила лишь весьма умѣренное распространеніе, то вина въ этомъ падаетъ на условія преисполненнаго тревогою времени. «Паралитическое состояніе капиталистической энергіи» (по выраженію проф. В. Зомбарта) вслѣдствіе расходованія денежныхъ капиталовъ на внѣ-хозяйственныя непроизводительныя цѣли явно играло при этомъ весьма важную роль. Не совсѣмъ незначительная концентрація денежнаго капитала безъ сомнѣнія имѣла мѣсто въ Россіи въ теченіе XVIII вѣка, но это важное условіе капиталистическаго производства не было надлежащимъ образомъ использовано, такъ какъ государство тѣмъ или инымъ путемъ обращало собранные капиталы на свои непроизводительныя затраты. Та матеріальная помощь, которая оказывалась крупной индустріи, представляла собою въ концѣ концовъ только крохи, которыми можно было укрѣпить отдѣльныя предпріятія, но которыми даже въ отдаленной мѣрѣ нельзя

[1]) Какимъ образомъ таможенная политика съ ея запретительными мѣропріятіями достигала возможнаго ограниченія иностраннаго импорта,— объ этомъ имѣется достаточно указаній въ разныхъ мѣстахъ этого труда. Здѣсь для иллюстраціи пріемовъ таможенно политическаго поощренія промышленности, которые практиковало русское правительство, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ области ограниченій экспорта. Однимъ изъ важныхъ предметовъ вывоза изъ Россіи уже во второй половинѣ 18 вѣка были тонкія кожи (юфть). Чтобы обезпечить этой отрасли промышленности дешевое сырье, со временъ Петра В. былъ воспрещенъ вывозъ необработанной кожи. Исключеніе было допущено только въ 1800 г. для портовъ Виндавы и Либавы, такъ какъ въ Курляндіи было много скота, но не было кожевенныхъ заводовъ. Въ первыя десятилѣтія 19 вѣка вывозъ постепенно былъ дозволенъ и изъ другихъ экспортныхъ пунктовъ и притомъ небезпошлинный (Покровскій, стр. 183). Изъ тѣхъ же соображеній вывозъ пеньки и льна оставался обложеннымъ до 1865 г., и притомъ до 1841 г. чрезвычайно высокой пошлиной. Съ 1797 по 1816 г. дозволялся вывозъ только нѣсколькихъ сортовъ сырой шерсти; по таможенному тарифу 1816 г. для шерсти всѣхъ сортовъ установлены очень высокія вывозныя пошлины (*Покровскій*, стр. 291). Вв интересахъ Уральской желѣзной промышленности ввозъ желѣза и чугуна долго оставался вообще воспрещеннымъ, и даже тарифъ 1819 г., съ „его небывало либеральными" тенденціями, обложилъ эти продукты такой высокой ввозной пошлиной, что на практикѣ это было почти равносильно запрещенію ввоза.

было обезпечить прочнаго существованія національной индустріи. Для этого нужно было бы усиленное покровительство общимъ культурнымъ интересамъ народныхъ массъ, но таковаго не было и не могло быть, такъ какъ политическіе замыслы и военныя цѣли государства отодвигали на задній планъ всѣ другія задачи.

Крупная индустрія была привита къ совершенно не созрѣвшему хозяйственному организму, въ которомъ она могла пустить только слабые корни, такъ какъ у почвы способность воспріятія была крайне ограничена. Ничтожному меньшинству давались привилегіи, которыя для огромной массы собственно народа являлись тяжкимъ бременемъ. И это понятно, ибо государственное покровительство промышленности вызывалось прежде всего фискальными соображеніями. Не только Петръ Великій, но и всѣ его преемники, какъ XVII, такъ и значительной части XIX вѣка, руководились въ своихъ заботахъ о промышленномъ развитіи отнюдь не безкорыстными побужденіями. Государственное хозяйство нуждалось въ индустріи, и потому таковая должна была «развиваться»; и такъ какъ сначала промышленность не обладала еще достаточными силами, то необходима была поддержка со стороны государства. Такъ дѣло шло до XIX вѣка. Но внѣшніе импульсы производительныхъ силъ съ теченіемъ времени ослабѣваютъ. Это и проявилось въ первой четверти XIX вѣка. Индустріи пришлось мобилизовать новыя силы. Первая половина истекшаго столѣтія и представляетъ въ сферѣ индустріальнаго производства такой процессъ кореннаго преобразованія.

Направленіе промышленной эволюціи было предрѣшено общимъ состояніемъ государства. Начавшаяся уже въ XVIII вѣкѣ борьба за освобожденіе должна была продолжаться и быть доведена до конца. Индустрія должна была эмансипироваться отъ государственной регламентаціи и фискальныхъ подачекъ, отъ дворянскихъ привилегій и принудительно крѣпостного труда. Основной чертой новаго фазиса развитія является *побѣдоносное вторженіе капитализма* какъ въ крупное индустріальное, такъ и въ мелкое крестьянское производство.

Распространеніе капитализма предполагаетъ концентрацію капиталовъ въ денежной формѣ и освобожденіе капиталистической энергіи. Мы упоминали уже выше, что благодаря крупной торговлѣ, главнымъ центромъ которой была Москва, московское купечество сосредоточило въ своихъ рукахъ значительные капиталы. Здѣсь имѣлся такимъ образомъ могущественный капиталистическій рычагъ для новыхъ формъ производства. Въ Россіи, какъ и въ другихъ государствахъ, первые сильные импульсы къ развитію крупной индустріи исходили отъ торговаго капитала.

Эта первоначальная индустрія, какъ и крупная торговля Москвы имѣла въ общемъ совершенно патріархальный характеръ; она не была разсчитана ни на интенсификацію производительности труда, ни исключительно на прибыль съ капитала; по своей основной формѣ она представляла то, что мы технически называемъ мануфактурой. Мануфактура была производствомъ крупнымъ, такъ какъ она характеризовалась, на подобіе фабрики, массовымъ про-

изводствомъ товаровъ: по сравненію съ современной фабрикой ее можно разсматривать какъ предшественницу послѣдней, такъ какъ организація производства была здѣсь менѣе совершенна и господствующую роль игралъ ручной трудъ. Московскіе мануфактуристы прежняго времени, какъ и купечество той эпохи, были «широкими» натурами, — ихъ щедрость и легкомысліе, неразсчетливость и самодурство увѣковѣчены въ русской литературѣ въ цѣломъ рядѣ весьма своеобразныхъ типовъ. Къ рабочимъ мануфактура относилась сравнительно хорошо,—если и не въ смыслѣ достаточной заработной платы, то по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что въ тѣхъ требованіяхъ, которыя она предъявляла къ труду своихъ рабочихъ, она не упускала изъ виду и интересовъ этихъ послѣднихъ, такъ напримѣръ, на лѣтніе мѣсяцы производство прекращалось, чтобы дать рабочимъ возможность посвятить это время полевымъ работамъ,— фактъ, который, впрочемъ, объяснялся больше необходимостью, нежели благорасположеніемъ. Но такъ какъ въ первоначальной своей стадіи мануфактура почти вовсе не встрѣчала конкурренціи, которая бы грозила ея обезпеченному сбыту, то положеніе фабрикантовъ было весьма благопріятное. Ихъ предпріятія давали имъ и безъ особыхъ усилій очень значительныя прибыли; притомъ не было тогда такой интенсивной склонности къ накопленію богатства; грубо матеріальное «пользованіе жизнью», совершенно вытѣсняло какія бы то ни было идеальныя стремленія. Капиталистическій духъ, разрушившій пережитыя формы производства и превратившій мануфактуру въ фабрику, пустилъ въ Россіи корни лишь въ XIX столѣтіи. Противъ національнаго торговаго капитала, преобладавшаго въ Москвѣ, выступилъ въ Лодзи промышленный западно-европейскій капиталъ. На западѣ промышленная техника, съ водвореніемъ машиннаго производства и укорененіемъ свободы въ сферѣ промышленной дѣятельности сдѣлала колоссальные успѣхи; между тѣмъ въ центральной Россіи «патріархальная» мануфактура съ ея отсталой техникой еще во второй половинѣ истекшаго столѣтія была въ полномъ цвѣту. Преобразованіе ея совершилось подъ вліяніемъ капитала и энергіи иностранныхъ предпринимателей.

ГЛАВА XXII.

Историческая роль капитала. — Вліяніе его на реорганизацію промышленности.

Совершившееся въ Россіи въ первой половинѣ истекшаго столѣтія преобразованіе *экономической жизни подъ вліяніемъ капитализма* разсматривается группою русскихъ теоретиковъ-экономистовъ какъ злой рокъ, грубо вторгшійся извнѣ въ старыя національныя формы производства и разрушившій послѣднія ко вреду всего народнаго хозяйства. Мы должны въ нѣсколькихъ словахъ остановиться на этомъ нѣкогда вліятельномъ хозяйственнополитическомъ

теченіи, идеи котораго отчасти исповѣдуются еще и въ настоящее время [1]).

Николай—онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ ограниченность производительныхъ силъ общества до освобожденія крестьянъ (1861 г.). Потребности огромной массы самостоятельныхъ хозяйственныхъ единицъ удовлетворялись тогда непосредственно самими производителями, хотя нѣкоторое количество излишнихъ продуктовъ поступало на рынокъ. Орудія производства хотя и были незначительны и ограниченны, но зато принадлежали по большей части самимъ производителямъ. Но тутъ вторгся всемогущій капитализмъ, сконцентрировалъ разсѣянныя незначительныя средства производства и сдѣлался такимъ образомъ основнымъ рычагомъ современной индустріи. Капитализмъ началъ свое побѣдное шествіе въ сферѣ производства самыхъ необходимыхъ предметовъ потребленія,—продуктовъ питанія и одежды, и притомъ тамъ, гдѣ имѣлся уже для эксплоатаціи человѣческій матеріалъ: въ Московскомъ раіонѣ [2]). Капитализмъ «заставилъ перенести первый ткацкій станокъ изъ крестьянской избы на фабрику», и замѣнилъ затѣмъ ручные станки механическими; завладѣвъ всѣмъ внутреннимъ рынкомъ, онъ лишилъ крестьянъ ихъ зимняго заработка и принудилъ ихъ покупать то, что они прежде производили сами. Для того, чтобы покупать, крестьянину нужны были деньги, и онъ долженъ былъ продавать больше, чѣмъ прежде,—тѣмъ болѣе, что налоги и арендные платежи росли. Капитализмъ же, эксплоатируя крестьянъ, накоплялъ деньги. «Народное горе приносило капиталистамъ золотые плоды». Потребленіе хлѣба народомъ уменьшалось, особенно съ тѣхъ поръ какъ желѣзныя дороги и банки, стало быть денежное хозяйство, стали вовлекать все большее количество продуктовъ въ водоворотъ товарообмѣна. Послѣдствіемъ этого было то, что цѣны на необходимѣйшіе предметы возросли, продукты были отняты отъ ихъ производителей, условія народнаго питанія ухудшились и т. д. Кредитъ сыгралъ роль специфическаго механизма, при посредствѣ котораго была осуществлена концентрація капитала и ниспроверженіе прежняго экономическаго строя. Государство всей своей экономической по-

---

[1]) Воззрѣнія народничества многократно освѣщались и подвергались критикѣ и въ нѣмецкой литературѣ, такъ что мы можемъ быть краткими. Ср. *Николай-онъ*, Очерки хозяйства Россіи въ пореформенное время (нѣм. пер. Полонскаго. Мюнхенъ 1899); *Thimkowitsch*, Die socialökonomischen Lehren der Narodniki (1897, также въ Conrads Jahrb); *Issajew*, Gegenwart und Zukunft der russischen Volkswirtschaft (Preuss Jahrb. 1896, H. 2 и 3); Ср. также *Issajew*, Sosialpolitische Essays (Stuttgart 1892). *Плехановъ*, Наши разногласія (1885); *Вл. Ильинъ*, Развитіе капитализма въ Россіи, Спб., 1899; *В. В.*, Наши направленія, 1899.

[2]) „Въ окрестностяхъ Москвы крестьяне уже за сто лѣтъ передъ тѣмъ ознакомились съ искусствомъ пряденія и тканья; оставалось такимъ образомъ только использовать уже готовый матеріалъ. И капитализмъ началъ захватывать въ свои руки прежде всего производство такихъ продуктовъ которые могли разсчитывать на широкій кругъ потребителей. Его представители не имѣли надобности ломать себѣ голову надъ изобрѣтеніями. Послѣднія уже давно были сдѣланы (въ Зап. Европѣ), надо было только использовать ихъ“. (*Николай—онъ*, стр. 458).

литикой поощряло эту разрушительную эволюцію, «вмѣсто того, чтобы направить всѣ силы на развитіе производительности труда производителей и сохраненіе за ними орудій производства»... «Отдѣленіе обрабатывающей промышленности отъ земледѣлія, орудій производства отъ рабочаго, капитализація ремеслъ, появленіе избытка въ общественномъ рабочемъ времени—таковы основные элементы упадка народнаго благосостоянія, отчужденія все возрастающей части продуктовъ земли, сокращенія народнаго потребленія».

Что капитализмъ успѣшно осуществилъ въ Россіи свою историческую миссію, — этого авторъ не отрицаетъ. Расширеніе производства и товарообмѣна, къ которому стремился капитализмъ, было необходимымъ послѣдствіемъ перехода къ денежному хозяйству, основнымъ предположеніемъ экономическаго прогресса. Безъ обобществленія труда, завоеваній и концентраціи капитала русская промышленность никогда не могла бы достигнуть ея современнаго уровня. Капитализмъ положилъ конецъ натурально хозяйственному расщепленію на мелкія и мельчайшія экономическія единицы, мѣсто которыхъ заняли болѣе значительныя хозяйственныя организаціи съ расширенными рынками сбыта; онъ вытѣснилъ формы индивидуальной зависимости работниковъ и создалъ почву для новыхъ соціальныхъ разслоеній, онъ увеличилъ число промышленныхъ пунктовъ производства и направилъ индустрію въ городскія поселенія, сдѣлавшіяся благодаря этому передовыми постами культурнаго роста страны.

Притомъ отнюдь не доказано, чтобы проникновеніе современныхъ капиталистическихъ формъ хозяйства въ сферу традиціоннаго сельскохозяйственнаго промысла въ какомъ бы то ни было отношеніи обусловило упадокъ русскаго сельскаго хозяйства. Изображаемая народниками «сельская идиллія» въ дѣйствительности не представляла собою ровно ничего привлекательнаго. Если съ одной стороны утверждаютъ, что капиталистическое раздѣленіе труда ускорило пролетаризацію крестьянства, то съ другой стороны этому можно противопоставить тотъ фактъ, что индустріализація была весьма цѣлесообразнымъ средствомъ защиты противъ безработицы и что уходъ съ земли верхняго слоя крестьянства содѣйствовалъ необходимому соціальному дифференцированію населенія.

Чтобы показать, сколь несостоятельны запутанныя идеи народниковъ, едва ли необходимъ весь тотъ арсеналъ доказательствъ, который выдвинуть противъ нихъ въ литературѣ вопроса. Факты экономической дѣйствительности полностью опровергаютъ народническую идеологію. Передъ этими фактами не можетъ устоять и народническая «догма», будто бы «общинное землевладѣніе представляетъ собою надежный оплотъ противъ вторженія капитала въ сельскохозяйственное производство [1]).

---

[1]) *Ильинъ*, passim, въ частн. стр. 242 слл.—*Исаевъ* приходитъ къ тому весьма доказательно обоснованному имъ выводу, что юридико-экономическій строй до освобожденія крестьянъ не заключалъ въ себѣ никакихъ условій для реорганизаціи русскаго народнаго хозяйства на какихъ либо

Послѣ сдѣланныхъ общихъ замѣчаній отросительно участія *капитализма* въ дѣлѣ разрушенія стараго хозяйственнаго строя, мы должны обсудить роль его въ качествѣ *преобразователя промышленности* первыхъ десятилѣтій прошлаго вѣка. Въ какихъ бы формахъ ни выступало тогда индустріальное производство: въ формѣ ли современной фабрики по образцу западно-европейской или въ формѣ фабричнообразной мануфактуры традиціоннаго національнаго быта или, наконецъ, въ формѣ мелкаго крестьянскаго промысла въ его разнообразныхъ проявленіяхъ,—повсюду оно нуждалось въ болѣе свободномъ трудѣ. Подобно тому какъ въ Германіи свобода промышленности разрушила всѣ стѣснявшія германское ремесло цеховыя перегородки, такъ и въ Россіи отмѣна потерявшихъ значеніе привилегій и развитіе дѣйствовавшаго хозяйственнаго права должны были проложить путь свободной конкурренціи, а вмѣстѣ съ нею и техническому прогрессу. Капитализмъ оказался въ этомъ отношеніи весьма дѣятельнымъ пособникомъ. Если онъ и не могъ съ самаго начала завоевать для всѣхъ вообще работниковъ гарантированную закономъ индивидуальную свободу, то онъ сумѣлъ по крайней мѣрѣ для цѣлей крупной промышленности создать кадръ свободныхъ, вольнонаемныхъ рабочихъ.

Фабричная индустрія Россіи представляла въ началѣ вѣка своеобразное смѣшеніе крестьянско-феодальной организаціи съ купеческо-капиталистическими, частью привилегированными образованіями. Центромъ тяжести дворянской, такъ наз. *помѣщичьей* фабрики являлось крѣпостное право, такъ какъ она всецѣло опиралось на принадлежавшее дворянству неограниченное право распоряженія крѣпостной рабочей силой. Рядомъ съ тѣмъ издавна существовали фабрики, которыя принадлежали лицамъ не дворянскаго сословія, но были надѣлены правительствомъ разными привилегіями, въ частности въ отношеніи покупки и пользованія «приписанными къ фабрикѣ» крѣпостными, такъ какъ безъ такихъ государственныхъ привилегій успѣшность предпріятій была бы весьма сомнительна. Для этихъ такъ наз. *поссессіонныхъ* фабрикъ государственная поддержка была необходима до тѣхъ поръ, пока привлеченіе вольныхъ рабочихъ было связано съ величайшими трудностями, но сдѣлалась излишней и съ теченіемъ времени даже прямо обременительной, когда оказалось уже возможнымъ имѣть фабричныхъ рабочихъ, не прибѣгая къ принудительному труду. Фабричныя предпріятія въ рукахъ не дворянъ съ самаго начала и чѣмъ дальше, тѣмъ явственнѣе развивали тенденціи капиталистическаго производства и прогрессивно крѣпли по мѣрѣ того, какъ имъ удавалось освобождаться отъ старыхъ, пережившихъ себя, методовъ труда.

Дальнѣйшее развитіе повело съ естественною неизбѣжностью къ тому, что дворянскія вотчинныя предпріятія, опиравшіяся, главнымъ образомъ на дешевый или почти даровой крѣпостной трудъ, посте-

---

новыхъ, еще неизвѣстныхъ западу началахъ. Даже ссылка на принадлежность крестьянамъ-производителямъ орудій производства, т. е. обрабатываемой ими земли, должна быть признана лишенной всякаго реальнаго значенія. До 1861 г. крестьяне не были вѣдь собственниками земли.

пенно вымерли, въ то время какъ фабрики, организованныя на болѣе коммерческихъ началахъ, сумѣли успѣшно преобразоваться въ современнаго типа предпріятія, между прочимъ путемъ отказа отъ принудительнаго труда, монопольныхъ преимуществъ и государственныхъ подачекъ. Хотя, какъ уже упомянуто выше, вольные рабочіе, происходившіе изъ крѣпостного состоянія, уже въ началѣ вѣка составляли среди фабричныхъ рабочихъ весьма замѣтный контингентъ, процессъ преобразованія длился вплоть до пятидесятыхъ годовъ. Совмѣстная работа свободныхъ рабочихъ и приписанныхъ къ фабрикѣ или къ руднику крѣпостныхъ порождала значительныя осложненія и нерѣдко даже кровавые конфликты, между прочимъ вслѣдствіе болѣе высокой оплаты болѣе продуктивнаго труда вольно-наемныхъ рабочихъ. «Владѣльцы поссессіонныхъ фабрикъ постоянно сталкивались съ враждебнымъ отношеніемъ ихъ рабочихъ, которыхъ они не могли отпустить, и эта вражда при первомъ удобномъ случаѣ переходила въ открытое сопротивленіе и безпорядки. *Право* на принудительный трудъ превратилось поэтому для фабрикантовъ въ *тягость*, отъ которой они старались освободиться» [1]).

Въ 1839 г. министръ финансовъ Канкринъ внесъ въ государственный совѣтъ проектъ постепенной ликвидаціи поссессіонныхъ фабрикъ. Государственный совѣтъ нашелъ, что тѣ основанія, въ силу которыхъ государство уступало часть своего достоянія частнымъ лицамъ и допускало косвенныя изъятія изъ коренного закона о правѣ владѣнія крѣпостными, болѣе не существуютъ. Такъ какъ «духъ фабричной индустріи» уже достаточно распространенъ и число свободныхъ рабочихъ быстро возрастаетъ, то, разсуждалъ онъ, для фабрикантовъ было бы выгоднѣе пользоваться трудомъ вольнонаемныхъ рабочихъ вмѣсто крѣпостныхъ и приписанныхъ. Соотвѣтственно сему законъ 18 іюня 1840 г. стремится облегчить ликвидацію поссессіоннаго владѣнія путемъ установленія особаго порядка обращенія его въ частную собственность и перевода подлежащихъ освобожденію рабочихъ въ сословіе мѣщанъ или категорію государственныхъ крестьянъ. Законъ не обязалъ, однако, владѣльцевъ фабрикъ отказаться отъ принудительнаго труда, а только далъ имъ на это право. Это повело къ тому, что процессъ освобожденія поссессіонныхъ рабочихъ затянулся въ нѣкоторыхъ случаяхъ до общаго освобожденія крестьянъ, хотя большинство фабрикантовъ давно склонно было отказаться отъ привилегіи, ставившей предпріятія въ зависимость отъ рабочихъ силъ, ни въ малѣйшей мѣрѣ не приспособленныхъ къ высшимъ техническимъ требованіямъ, которыя ставило машинное производство. Капиталистическая эволюція должна была освободить фабрику отъ связи съ отсталыми силами и обезпечить ей большую производительность путемъ индивидуалистическаго порядка труда [2]).

---

[1]) *Туганъ Барановскій*, стр. 145.

[2]) Существо и развитіе русской фабричной индустріи подробно выяснено у *Туганъ-Барановскаго*, Русская фабрика, стр. 63—318, на которао мы уже неоднократно ссылались. Ср. также *Schulze-Gävernitz* Volkswirtschaftliche Studien, стр. 3—52.

Но для безпрепятственнаго своего развитія индустріальное производство должно было, еще въ одномъ отношеніи потерять свой государственный отпечатокъ. Изъ поставщицы необходимыхъ для государства предметовъ, что въ XVIII столѣтіи составляло главное назначеніе фабрики, она должна была обратиться въ служанку массового народнаго потребленія. Что эта эмансипація промышленности отъ непосредственной связи съ государствомъ избрала своимъ отправнымъ пунктомъ текстильную индустрію и вызвала въ частности блестящій расцвѣтъ хлопчатобумажной промышленности и, далѣе, что, подъ вліяніемъ этого фактора, важнѣйшими центрами вновь развившейся индустріи сдѣлались московскій промышленный раіонъ и Привислинскія губерніи,—въ равной мѣрѣ соотвѣтствовало какъ національнымъ потребностямъ, такъ и сложившимся условіямъ международныхъ индустріальныхъ отношеній [1]).

ГЛАВА XXIII.

Упадокъ желѣзодѣлательной промышленности и расцвѣтъ хлопчатобумажной.

Для новой промышленной эры въ Россіи чрезвычайно характеренъ тотъ фактъ, что своимъ расцвѣтомъ она обязана была не *желѣзодѣлательной промышленности*, хотя послѣдняя существовала на Уралѣ уже свыше цѣлаго столѣтія и въ свое время играла замѣтную роль на міровомъ рынкѣ [2]). Въ первой половинѣ XVIII вѣка Россія стояла въ чугунно-плавильномъ дѣлѣ далеко впереди Англіи и сохраняла свое господствующее положеніе до начала XIX вѣка. Но затѣмъ наступило полувѣковое затишье, которымъ другія государства, и прежде всего Англія, воспользовались для того, чтобы низвести русское производство до $^1/_{20}$ части міровой добычи. Подъемъ этой упавшей отрасли производства произошелъ лишь въ семидесятыхъ годахъ, послѣ того какъ освобожденіе крестьянъ и развитіе желѣзнодорожнаго дѣла вызвали глубокое измѣненіе во всемъ экономическомъ строѣ государства. Но новый расцвѣтъ желѣзной индустріи исходилъ уже не изъ Урала, а изъ южно-промышленнаго раіона.

Если бы осуществляемое въ разнообразныхъ видахъ и въ весьма широкомъ масштабѣ государственное попеченіе само по себѣ было достаточно для того, чтобы вызвать къ жизни и довести до цвѣтущаго состоянія какую либо отрасль промышленности, то производство

---

[1]) Подробн. у *Schulze-Gavärnitz,* стр. 53—70.

[2]) Въ Россіи знаютъ не только годъ, но и день, когда на Уралѣ было добыто первое желѣзо. Въ одномъ изъ докладовъ, читанныхъ въ петербургскомъ „Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ“ по поводу 200 лѣтняго юбилея добычи желѣза въ Россіи, указывалось, что въ первый разъ уральская руда подверглась обработкѣ въ доменной печи 11 декабря 1700 г. и 15 декабря былъ добытъ впервые чугунъ (ср. Вѣстн. торг. и промышл., 1902 г. № 191).

чугуна въ Россіи, послѣ столь успѣшныхъ первыхъ шаговъ его въ XVIII вѣкѣ, не могло бы впасть въ летаргію, отъ которой оно сумѣло оправиться лишь спустя полъ-вѣка при совершенно измѣнившихся условіяхъ. Производство чугуна на Уралѣ не сдѣлало въ теченіе всей первой половины XIX вѣка никакихъ успѣховъ, причемъ вывозъ желѣза изъ Россіи падалъ прогрессивно. Русская желѣзная промышленность сильно отстала отъ западно-европейской, такъ какъ она не сумѣла своевременно освободиться отъ старыхъ своихъ недочетовъ, что дѣлало для нея невозможною конкуренцію съ Западомъ, подвигавшимся впередъ гигантскими шагами. Неподвижность была въ этомъ случаѣ равносильна явному регрессу.

Непродуктивность уральскихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ обусловливалась приверженностью ихъ къ техникѣ производства, отсталость которой бросалась въ глаза тѣмъ рѣзче, что около того же времени горно-заводская промышленность Запада, благодаря цѣлому ряду коренныхъ усовершенствованій, развила небывалую до тѣхъ поръ дѣятельность. *Причины* этой отсталости коренились въ печальномъ наслѣдіи прошлаго: употребленіи несвободныхъ рабочихъ силъ, отбывавшихъ свой «каторжный» трудъ по принужденію и потому относившихся къ нему съ отвращеніемъ, и натурально-хозяйственной организаціи производства, препятствовавшей уменьшенію издержекъ производства путемъ техническихъ улучшеній.

Послѣдствіями же происходившаго отсюда застоя въ производительности горныхъ заводовъ были: неизмѣнность высокаго уровня издержекъ производства чугуна и потеря прежнихъ рынковъ сбыта въ борьбѣ съ иностранными конкурентами. Почему уральское чугунолитейное производство не могло уже въ XIX столѣтіи идти рядомъ съ западно-европейскимъ,—это еще яснѣе усматривается изъ нижеслѣдующаго сопоставленія: въ Западной Европѣ, въ частности въ Англіи—свободный вольнонаемный трудъ съ примѣненіемъ машинъ и каменнаго угля, на Уралѣ—главнымъ образомъ принудительный трудъ приписанныхъ къ заводамъ крѣпостныхъ (поссессіонныхъ) крестьянъ при отсталой техникѣ и древесномъ топливѣ; въ Западной Европѣ—свободная конкурренція между заводами и вслѣдствіе этого стремленіе къ удешевленію производства и расширенію сбыта, на Уралѣ—суженіе капиталистической инициативы путемъ удаленія иностранной конкурренціи и монополистическое покровительство немногимъ отечественнымъ желѣзодѣлательнымъ заводамъ.

Иллюстрируемъ сказанное нѣсколькими цифрами. Въ то время, какъ въ Западной Европѣ цѣна чугуна упала въ періодъ времени съ 1825 по 1850 г. на 20%, а въ Англіи на 60%, цѣна русскаго желѣза въ Петербургѣ оставалась неизмѣнной (въ среднемъ 1 р. 30 к. за пудъ). По вычисленіямъ Тенгоборскаго [1]), издержки производства простыхъ сортовъ желѣза на уральскихъ заводахъ были значительно ниже, чѣмъ въ Силезіи и Австріи, но на нижегородской ярмаркѣ, имѣвшей рѣшающее значеніе на образованіе цѣнъ, желѣзо стоило вдвое и втрое дороже, чѣмъ на мѣстѣ, т. е. на Уралѣ. Эко-

---

[1]) Etudes sur les forces productives (1858) II, стр. 490—494.

номическая отсталость государства обнаруживалась так. обр. и въ недостаткѣ средствъ сообщенія и высокихъ издержкахъ транспорта.

Новая эпоха въ Россіи, приблизительно съ 1825 по 1850 г., должна была для упроченія жизнеспособной крупной индустріи въ современномъ значеніи этого слова создать два жизненныхъ для нея условія въ качествѣ основныхъ элементовъ промышленнаго прогресса: *свободныхъ рабочихъ и свободный трудъ*, другими словами, жизненнымъ для промышленности вопросомъ являлись: 1) отмѣна принудительнаго труда, а впослѣдствіи и крѣпостного права, и замѣна его свободнымъ вольнонаемнымъ трудомъ, и 2) освобожденіе отъ государственной опеки въ видѣ привилегій и казенныхъ заказовъ, а также бюрократической регламентаціи и фискальныхъ ограниченій производства, дабы послѣднее могло сообразовываться со спросомъ и пробудилась индустріальная конкурренція. Желѣзодѣлательная промышленность была далека отъ того, чтобы въ качествѣ образцовой идти во главѣ нарождавшейся эволюціи. Мы упоминали уже, какія трудности встрѣчала постепенная ликвидація старыхъ поссессіонныхъ фабрикъ; для уральскихъ же заводовъ реорганизація была связана съ совершенно исключительными затрудненіями; притомъ такія индустріальныя предпріятія какъ уральскія, въ виду ихъ размѣровъ и зависимости отъ государственныхъ властей, труднѣе поддавались «перестройкѣ», чѣмъ отрасли промышленности, которыя развились, не зная традиціонныхъ путъ. Словомъ, образцовое, если позволительно такъ выразиться, индустріальное производство выросло и развилось прежде всего въ *хлопчатобумажной промышленности*.

Что именно въ хлопчатобумажной промышленности особенно ярко проявились типичныя черты новой индустріальной эпохи,— для этого имѣлись, конечно, свои достаточныя основанія. Хлопчатобумажная мануфактура обратилась съ своими издѣліями къ широкимъ кругамъ населенія и двигалась поэтому съ самаго начала по менѣе проторенному пути. Такъ какъ ея основатели и представители принадлежали преимущественно къ непривилегированнымъ предпринимателямъ, не пользовавшимся преимуществами въ отношеніи эксплоатаціи крѣпостного труда, то свободный вольно-наемный трудъ сталъ здѣсь преобладать раньше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой отрасли промышленности. Но важнѣйшимъ моментомъ для расцвѣта русской хлопчатобумажной промышленности явились общія условія міроваго хозяйства, открывшія въ этой сферѣ индустріи, вслѣдствіе значительнаго примѣненія машинъ, широкій просторъ вліянію капитала [1].

Капиталистическая эволюція и въ другихъ государствахъ захватила прежде всего текстильную индустрію. Въ Россіи же были на лицо еще и нѣкоторыя особыя обстоятельства, способствовавшія тому, что во власти капитализма оказалось сперва хлопчатобумажное ткачество, а затѣмъ и пряденіе. Не послѣднюю роль съиграла при этомъ зависимость хлопчато-бумажной индустріи отъ иностраннаго сырья и матеріаловъ производства. Капиталы и иниціатива иностранныхъ

---

[1]) *Туганъ Барановскій*, стр. 75.

предпринимателей могли именно въ этой области разсчитывать на богатую жатву, и разсчетъ этотъ на самомъ дѣлѣ вполнѣ оправдался. Хлопокъ создалъ прочную связь между промышленнымъ развитіемъ Россіи и міровой индустріей. Ему Россія обязана уничтоженіемъ крѣпостной фабрики, переходомъ къ современной крупной индустріи, распространеніемъ въ народѣ промышленной техники и возникновеніемъ самостоятельной крестьянской мелкой промышленности.

ГЛАВА XXIV.

О домашней индустріи. (Фабрика, мануфактура и кустарь.—Эволюція кустаря въ борьбѣ съ капиталистической фабрикой. — Вторженіе капитализма въ домашнюю индустрію).

Въ русской экономической литературѣ мы находимъ слѣдующую трехчленную схему рязвитія русской промышленной жизни: 1) *мелкое товарное производство*, 2) *капиталистическая мануфактура* и 3) *фабрика*. До сихъ поръ мы имѣли въ виду главнымъ образомъ мануфактуру и фабрику, такъ какъ въ нихъ наиболѣе ясно проявляется въ разсматриваемую эпоху процессъ промышленно-капиталистической эволюціи. Замѣтимъ, впрочемъ, что между фабрикой и мануфактурой и тогда уже не существовало ни точнаго различія, ни общепризнанной градаціи.

Названія фабрика и мануфактура и теперь еще употребляются въ Россіи въ качествѣ равнозначащихъ и равноправныхъ, и притомъ на оффиціальномъ языкѣ въ болѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ въ практической жизни. Проф. Зомбартъ понимаетъ подъ мануфактурой такое общественное крупное производство, въ которомъ существенныя части производственнаго процесса исполняются при помощи ручного труда *). Рѣшающими такимъ образомъ являются для него [1]) слѣдующіе моменты: крупные размѣры производства (предпріятія, въ которыхъ функція руководительства уже спеціализована), общественность (въ противоположность индивидуальнымъ предпріятіямъ) и ручной способъ производства (безъ широкаго примѣненія машинъ и пара, какъ на фабрикѣ). Отличительные признаки мануфактуры и фабрики установлены здѣсь въ общемъ съ достаточной полнотой. Во всякомъ случаѣ мануфактуру нельзя разсматривать, какъ подчиненную по отношенію къ фабрикѣ форму производства или какъ предварительную ступень фабричной индустріи,—какъ полагаютъ Марксъ и др. Обѣ формы крупнаго производства вполнѣ совмѣстимы и могутъ развиваться рядомъ.

Въ *Россіи* крупныя предпріятія съ примѣненіемъ ручного труда, соотвѣтственно процессу производства въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, сохраняли свое преобладаніе гораздо дольше и прочнѣе чѣмъ въ другихъ государствахъ, уже по той простой причинѣ, что машины были дороги и ихъ трудно было доставать, че-

---

[1]) *Sombart*, Der moderne Kapitalismus. 1902, t. I, стр. 38.

ловѣческая же рабочая сила, напротивъ того, была дешева и неискусна. Этотъ послѣдній моментъ игралъ существенную роль въ числѣ факторовъ, противодѣйствовавшихъ установленію машиннаго производства, которое предполагаетъ извѣстную «ручную выучку». Въ Россіи и теперь еще крупная мануфактура, несмотря на всѣ индустріальные успѣхи, такъ широко распространена, что «мануфактурный періодъ» отнюдь нельзя признать здѣсь законченнымъ. Мануфактура до сихъ поръ еще конкуррируетъ съ фабрикой и еще очень долго будетъ существовать наряду съ ней. Эта, быть можетъ, исключительная, жизнеспособность усиливается еще нѣкоторыми побочными обстоятельствами и прежде всего недостаточнымъ развитіемъ и распространеніемъ русскаго машиностроенія Недостаточно завести экономизирующія трудъ машины и приспособить необходимый для обслуживанія ихъ персоналъ,—надо еще имѣть по близости ремонтныя мастерскія и склады запасныхъ частей на случай необходимости той или иной замѣны въ механизмахъ. Безъ этихъ вспомогательныхъ предпріятій фабрики, расположенныя внѣ значительныхъ промышленныхъ центровъ, могутъ легко оказаться въ совершенно безпомощномъ положеніи.

Русское законодательство не устанавливаетъ понятія фабрики, полагая въ основу обложенія чисто внѣшній признакъ,—предпріятія, пользующіяся машинами съ механическими двигателями или занимающія болѣе 16 рабочихъ, причисляются къ фабрикамъ. Этотъ признакъ различія между фабрикой и ремесломъ, внесенный въ законъ о промысловомъ обложеніи, усвоенъ и во всѣхъ статистическихъ изысканіяхъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ,—къ несомнѣнному вреду для русской промышленной статистики, которая, поскольку она вообще существуетъ, именно въ силу этого малоудовлетворительнаго разграниченія даетъ весьма сомнительные результаты [1]).

Мелкое производство прежняго времени можно бы, въ противоположность крупнымъ предпріятіямъ, опредѣлить, какъ товарное производство на сбытъ при примитивной техникѣ и съ примѣненіемъ лишь въ видѣ исключенія вольнонаемныхъ рабочихъ и торговаго капитала. Подъ «мелкимъ производствомъ» нѣмецкая терминология разумѣетъ на первомъ планѣ всегда ремесло, въ Россіи же при употребленіи этого термина имѣется въ виду преимущественно національная форма домашней индустріи, именно *кустарное производство*, такъ какъ ремесло, какъ производство на заказъ въ собственномъ заведеніи самостоятельнаго ремесленника, было представлено въ Россіи, особенно сто лѣтъ тому назадъ, крайне слабо. То обстоятельство, что кустарный трудъ организованъ въ видѣ семейнаго предпріятія и своимъ продуктамъ ищетъ сбыта на рынкѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ, представляется намъ далеко не столь

---

[1]) Краткаго и яснаго опредѣленія фабрики не даютъ, какъ извѣстно и другія законодательства.

характернымъ, какъ то, что онъ производится крестьянскимъ населеніемъ рядомъ съ трудомъ земледѣльческимъ [1]).

Какую же эволюцію пережило мелкое производство тогдашней организаціи труда въ Россіи, т. е. производство *кустарное*, въ періодъ, который характеризуется возникновеніемъ и усиленіемъ капиталистической фабрики? На исторіи кустаря въ еще болѣе ранніе періоды намъ нѣтъ надобности останавливаться,—она не представляетъ для насъ сколько-нибудь существеннаго интереса. Эволюція русскаго кустаря пріобрѣтаетъ таковой лишь съ того момента, когда въ сферу кустарнаго труда начинаютъ вторгаться фабричныя предпріятія. Въ Россіи это въ широкихъ размѣрахъ произошло лишь въ теченіи XIX вѣка. Конкурренція разрушила и здѣсь патріархальную неподвижность и создала новыя формы организаціи труда, — отнюдь не въ ущербъ кустарному производству, какъ полагаютъ нѣкоторые авторы.

Помѣщичье домашнее хозяйство, въ избыткѣ питавшееся крѣпостнымъ трудомъ, нуждалось въ сбытѣ тѣхъ продуктовъ, которые превышали потребности собственнаго хозяйства. Сбытъ и денежныя прибыли естественно влекли за собою развитіе правильныхъ побочныхъ промысловъ, особенно по мѣрѣ того, какъ возрастала потребность хозяйства въ деньгахъ. На ряду съ этимъ всегда существовали избыточныя рабочія силы, искавшія себѣ скромнаго заработка въ разныхъ промыслахъ въ деревнѣ или городскихъ поселеніяхъ. И въ другихъ государствахъ мелкое производство такимъ же образомъ выросло изъ домашняго производства для удовлетворенія потребностей собственнаго хозяйства. Такъ напр. въ Германіи, сельское населеніе уже съ конца среднихъ вѣковъ нерѣдко оказывалось вынужденнымъ, въ виду его постояннаго прироста, искать дополнительныхъ источниковъ дохода въ побочныхъ промысловыхъ занятіяхъ [2]).

Если такимъ образомъ происхожденіе русскаго кустаря и нѣмецкой домашней индустріи, оставляя въ сторонѣ ремесло, представляется въ существенныхъ чертахъ однороднымъ, то впослѣдствіи эти хозяйственныя образованія развивались, однако, различными путями. Въ Россіи жизненныя для домашней индустріи условія и теперь еще складываются несравненно болѣе благопріятно—или если угодно: неблагопріятно—чѣмъ въ Зап. Европѣ. Географическія и климатическія условія Россіи издавна дѣлали здѣсь побочные

---

[1]) Замѣчательно, что даже засѣдавшій въ Петербургѣ въ 1902 г. кустарный съѣздъ не сумѣлъ выработать точнаго опредѣленія специфически русской домашней промышленности. т. е. кустарной. Для нашихъ цѣлей вопросъ терминологіи не имѣетъ существеннаго значенія.

[2]) *Sombart* показываетъ, какую значительную роль сельская домашняя индустрія играла въ промышленной жизни Германіи еще въ серединѣ 19 вѣка. Та часть прироста сельскаго населенія, для которой не оказывалось въ наличности незанятыхъ земель и которая не могла уже прибѣгнуть къ сокращенію своихъ жизненныхъ потребностей, должна была, при незначительности той части населенія, которая поглощалась тогда городами, и недостаточномъ развитіи сельскохозяйственной техники, искать приложенія для своихъ силъ въ промышленной дѣятельности (*Sombart*, т. II, стр. 131 сл.).

промыслы безусловно необходимыми для земледѣльческаго крестьянскаго населенія, такъ какъ въ противномъ случаѣ значительная часть года пропадала бы у крестьянъ даромъ [1]). Далѣе, соціальныя и экономическія условія способствуютъ сохраненію кустарной промышленностью нѣкоторыхъ ея основныхъ традиціонныхъ чертъ.

Въ докапиталистической стадіи, которая для кустаря окончилась не болѣе чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, эта зависимость отъ времени и окружающей среды проявлялась гораздо рѣзче, чѣмъ впослѣдствіи. Только незначительной части домашнихъ промысловъ удалось «доразвиться» до ремесленной или даже фабричной организаціи труда. Тотъ матеріальный, техническій и соціальный ростъ, которымъ характеризуются старѣйшія отрасли домашней индустріи въ Германіи, не выпалъ на долю русскаго кустаря. По крайней мѣрѣ, для него было исключеніемъ то, что тамъ составляло общее правило. И въ этомъ была не его вина. При ограниченности числа городскихъ центровъ съ ихъ многообразными стимулами къ промышленной дѣятельности было весьма мало простора для перехода домашнихъ промышленниковъ въ категорію самостоятельныхъ ремесленниковъ, а крѣпостная «сельская индустрія» не имѣла ни средствъ, ни дорогъ для промышленнаго усовершенствованія. Съ другой стороны незначительность городскихъ промышленныхъ предпріятій и изолированность сельскихъ рынковъ сбыта и впослѣдствіи обезпечивали кустарю, какъ децентрализованному мелкому производителю, «кусокъ хлѣба». Такъ было прежде, такъ оно остается и теперь.

Эволюція, измѣнившая характеръ русской промышленности въ первую половину XIX вѣка, не могла не коснуться и кустаря. Тѣ самыя силы, которыя помогли развитію крупной промышленности, въ нѣкоторой мѣрѣ оказались полезными и для части мелкаго производства. Этими факторами были: свобода труда и вторженіе капитала. И если у кустаря причина и слѣдствіе и не были въ этомъ отношеніи въ непосредственной взаимной связи, то все же выгода сказалась обходнымъ путемъ, черезъ посредство фабрики. Ибо созданіе контингента свободныхъ вольнонаемныхъ рабочихъ, къ которому фабрика стремилась въ своихъ собственныхъ интересахъ, пошло впослѣдствіи на пользу и домашней индустріи, а капиталистическое производство проложило себѣ путь не только на фабрику, но и въ кустарную избу. Число самостоятельныхъ хозяйствующихъ субъектовъ въ деревнѣ возросло, и въ рукахъ крѣпостныхъ кустарей скопились, въ видѣ остатка отъ заработковъ, денежныя средства, при помощи которыхъ можно было пріобрѣсти, рядомъ съ экономическими благами, наиболѣе цѣнное благо личной свободы путемъ выкупа. Изъ переходной эпохи домашняя индустрія вынесла такимъ образомъ нѣсколько большую самостоятельность и нѣкоторый капиталистическій оттѣнокъ.

---

[1]) «Организація домашней промышленности въ Россіи» (труды петербургскаго кустарнаго съѣзда 1902 г. № 7). Ср. также *Кленовъ*, Данныя о положеніи кустарной промышленности въ г. Тулѣ. (1904) Та же тема разрабатывается во многихъ другихъ источникахъ.

Если теперь поставить вопросъ, какъ сложились отношенія кустаря къ фабрикѣ, поскольку ихъ взаимные интересы находились въ противорѣчіи то слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что первоначально домашняя индустрія видимо одолѣвала предпріятія фабричнаго характера. Это не было, конечно, явленіемъ всеобщимъ, а обусловливалось скорѣе особыми условіями производства въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности; но фактъ несомнѣненъ, что домашняя индустрія прогрессировала рядомъ и вмѣстѣ съ фабричной. Нетрудно понять и причины этого факта.

Фабрики, насажденныя въ Россіи ПетромъВ. въ началѣ XVIII вѣка, имѣли, какъ справедливо указываетъ Шульце-Геверницъ, колоніальный характеръ. Своимъ возникновеніемъ они обязаны прежде всего потребности государства въ отечественныхъ продуктахъ для надобностей арміи и флота и въ этомъ отношеніи могли служить тормазомъ скорѣе импорту изъ за границы, чѣмъ промышленной инициативѣ русскихъ предпринимателей. Но и тѣ продукты русскихъ фабрикъ, которые предназначались для непосредственнаго потребленія гражданскаго населенія, еще долго находили потребителей только въ узкомъ кругу высшихъ слоевъ общества. Подобно тому какъ крупныя промышленныя предпріятія, устроенныя по западно-европейскимъ образцамъ, являлись какъ бы инороднымъ тѣломъ въ экономическомъ организмѣ націи, такъ и ихъ продуктамъ недоставало «демократичности», способности распространятся въ народѣ. Поглощенія примитивныхъ мелкихъ промышленныхъ предпріятій можно было бы ожидать прежде всего въ текстильнй индустріи; но именно здѣсь техническія усовершенствованія перешли вмѣстѣ съ ткацкимъ станкомъ, «перенесеннымъ съ фабрики въ кустарную избу», изъ крупнаго производства въ мелкое.

Такимъ образомъ многія предпріятія кустарнаго характера возникали первоначально въ качествѣ придатка къ сосѣднимъ фабрикамъ, и нерѣдко подъ непосредственнымъ вліяніемъ послѣднихъ. Туганъ-Барановскій указываетъ между прочимъ на то, что крупныя *бумагопрядильныя фабрики*, возникшія въ центральной Россіи въ концѣ 18 вѣка при содѣйствіи иностранныхъ капиталовъ, нерѣдко вызывали къ жизни въ ближайшихъ окрестностяхъ домашнія вспомогательныя предпріятія, раздавая пряжу и ткацкіе станки болѣе способнымъ рабочимъ, изучившимъ свое дѣло по большей части на тѣхъ же фабрикахъ. Такимъ образомъ фабрика являлась не только работодательницей, но и непосредственной основательницей болѣе мелкихъ предпріятій Работавшіе на дому рабочіе нерѣдко дѣлались съ теченіемъ времени самостоятельными, пріобрѣтали сырой матеріалъ за собственный счетъ, производили на свой рискъ и искали сбыта для своихъ продуктовъ.

Эволюція шла здѣсь такимъ образомъ отъ индустріальнаго наемнаго труда къ самостоятельному кустарю-предпринимателю, который, въ свою очередь, пользовался трудомъ наемныхъ рабочихъ Временами домашнее пряденіе, казалось, грозило даже серьезной конкуренціей крупному капиталистическому производству. И это подтверждается весьма важными данными.

За время съ 1837 по 1857 г. производство хлопчатобумажныхъ тканей увеличилось въ Россіи, судя по ввозу хлопка и пряжи, болѣе нежели втрое, между тѣмъ число рабочихъ, занятыхъ на крупныхъ ткацкихъ фабрикахъ, уменьшилось за тотъ же періодъ времени почти на 20%. Объяснить это какъ результатъ вытѣсненія человѣческаго труда машиннымъ—нельзя, такъ какъ въ эту эпоху, машинный способъ производства не достигъ еще такого преобладанія. Приходится поэтому допустить, что производство раздробилось, что большое количество ткацкихъ станковъ перекочевало съ фабрикъ въ кустарныя избы.

Аналогичный процессъ имѣлъ мѣсто и въ *полотняномъ производствѣ*. Форма домашней индустріи, такъ сказать, съ подряда (Hauslohnsystem), достигла здѣсь такого развитія, что процессъ производства совершался исключительно въ избахъ отдѣльныхъ домашнихъ производителей. Предприниматели, «мастерки», иногда вообще не имѣли собственныхъ фабричныхъ помѣщеній, а раздавали пряжу крестьянамъ и передавали полотно въ красильныя и апретурныя заведенія. Характерно слѣдующее «объявленіе», сдѣланное въ 1830 г. фабрикантамъ московскимъ отдѣленіемъ мануфактурнаго совѣта [1]).

Это перенесеніе въ деревню процессовъ производства, по первоначальному своему происхожденію крупнопромышленныхъ, составляетъ характерный моментъ разсматриваемой эпохи. Въ особенности послѣ пожара Москвы во время французскаго вторженія (1812 г.), уничтожившаго надолго мѣстныя фабричныя предпріятія, домашняя система производства замѣтно распространилась въ русской деревнѣ. Фабриканты, которые первоначально относились къ кустарю покровительственно, очень скоро стали тяготиться конкуренціей мелкихъ предпріятій и приложили всѣ старанія къ тому, чтобы вооружить правительство «противъ деревни». Еще въ серединѣ вѣка выставляется требованіе строгихъ мѣръ противъ мелкихъ предпріятій, такъ какъ они отнимаютъ хлѣбъ у фабрикъ, хотя изготовляютъ продукты плохого качества; но крестьянское населеніе предпочитало домашніе кустарные товары, въ виду ихъ поразительной дешевизны. Такимъ образомъ промысловый трудъ крѣпостныхъ крестьянъ фабрика подавить не могла. Свобода труда, о которой мы уже нѣсколько разъ упоминали, сводилась вѣдь до 1861 г. отнюдь не къ свободѣ рабочаго, а только къ возможности

---

[1]) Взято у *Туганъ-Барановскаго*, который иллюстрируетъ эволюцію отъ крупнаго производства къ мелкому многочисленными примѣрами (стр. 25—294).

«Хотя нѣкоторые капиталисты понесли убытки, строенія ихъ опустѣли и многія заведенія ослабли, но зато навыкъ и искусство, пріобрѣтенныя на нихъ, не только не погибли въ народѣ, а, напротивъ, болѣе распространились; смышленные мастеровые, оставивъ упадшія фабрики, водворили промышленность по селеніямъ, устроивъ собственныя мастерскія и увеличивъ оныя своими домашними... Такъ единожды водворившаяся промышленность никогда не погибаетъ въ народѣ, несмотря на упадокъ нѣкоторыхъ фабрикъ».

заниматься побочнымъ промышленнымъ трудомъ и этотъ трудъ находилъ поддержку со стороны помѣщиковъ, которые извлекали изъ него свои выгоды [1]).

Тотъ фактъ, что въ прежнее время кустарь не только успѣшно конкурировалъ съ фабричными предпріятіями, но при случаѣ даже расширялъ поле своей дѣятельности за счетъ этихъ послѣднихъ, разсматривается русскими народниками, какъ знаменательный симптомъ мистической творческой силы, которая будто бы присуща исконнымъ русскимъ формамъ производства. Ошибочность этой доктрины доказывалась многократно [2]). Не говоря уже о томъ, что домашняя индустрія, при наличности опредѣленныхъ условій организуется на товарищескихъ началахъ, что только далѣе, домашнее индустріальное заведеніе теряетъ свой «чистый» характеръ вслѣдствіе привлеченія, рядомъ съ членами семьи и товарищей, также и наемныхъ рабочихъ,—не говоря обо всемъ этомъ, капиталистическіе интересы уже рано завладѣваютъ кустаремъ и притомъ въ не меньшей мѣрѣ, чѣмъ всѣми другими формами индустріальнаго производства. «Самобытные» устои, на которыхъ будто бы покоилось нѣкогда кустарное производство, какъ оказывается, находятъ себѣ опору въ чуждой имъ почвѣ. Кустарь уже на первыхъ порахъ своего развитія нуждался—вмѣсто того, чтобы сбывать свои продукты непосредственно потребителю—въ посредникѣ, скупщикѣ и продавцѣ его продуктовъ. Эти капиталистическія величины вторгались въ домашне-индустріальную организацію производства и использовали свое превосходство надъ производителемъ совершенно такъ же, какъ это дѣлаютъ теперь торговцы съ неимѣющими капиталовъ, мелкими промышленниками. Безъ такихъ посредниковъ домашняя индустрія во многихъ случаяхъ вообще не могла бы существовать.

Сельскій кустарь, естественно, можетъ сохранить свой характеръ самостоятельнаго производителя лишь до тѣхъ поръ, пока онъ имѣетъ возможность сбывать весь результатъ своего труда тутъ же на мѣстѣ или въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Какъ только мѣстное потребленіе не можетъ уже поглотить весь запасъ, возникаетъ необходимость превратить предпріятіе въ неразсчитанное уже на строго опредѣленный рынокъ сбыта. Этимъ кустарь вступаетъ на путь эволюціи, которая народникамъ представляется «роковой». Торговый капиталъ завладѣваетъ продуктами домашней индустріи и снабжаетъ ими рынки, не участвуя самъ въ процессѣ производства.

Обусловленное всей указанной выше эволюціей *господство капитализма надъ домашней индустріей* разрушило прежнее экономическое равенство ея участниковъ, но въ то же время путемъ разслоенія послѣднихъ содѣйствовало тому, что выдвинулись наиболѣе приспособленные и энергичные элементы. Изъ ихъ среды вышелъ типъ крѣпостного фабриканта, который продолжая платить ежегод-

---

[1]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 264—273.
[2]) *Исаевъ* (Preussische Jahrbücher, 1896, H. 2 и 3), стр. 396—400.

ный оброкъ своему «барину», въ то же время распоряжался тысячами собственныхъ рабочихъ [1]).

«Процвѣтаніе» кустарной промышленности относится къ періоду, когда фабричное производство входило въ силу, вытѣсненіе же человѣческаго труда машиннымъ еще только начиналось. Три-четыре десятилѣтія (1825—1861 г.) длится затѣмъ періодъ мирнаго существованія крупнаго производства и домашней индустріи, которыя взаимно пополняя другъ друга въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не сталкивались въ сферѣ сбыта. «Расцвѣтъ» былъ впрочемъ, болѣе количественный нежели качественный. Домашняя индустрія завладѣла кое-какими новыми отраслями производства, сдѣлала также нѣкоторые техническіе успѣхи, но въ общемъ лишь незначительно поднялась надъ тѣмъ невысокимъ уровнемъ, на которомъ она находилась въ прошломъ. Неуклоннаго роста въ смыслѣ усовершенствованія продуктовъ не наблюдалось, и такъ оно осталось и впослѣдствіи. Вторженіе машиннаго труда вдохнуло въ фабрику живой духъ, домашнюю же индустрію въ значительной мѣрѣ обезсилило. Сильнѣйшей позиціей кустаря была текстильная индустрія, и именно здѣсь всего раньше и наиболѣе глубоко отразился тотъ переворотъ, который былъ вызванъ примѣненіемъ механической двигательной силы. Новая техника разрыхлила почву для новыхъ промышленныхъ формъ; но она же нанесла послѣдній ударъ той хозяйственной организаціи, которая покоилась на ручномъ трудѣ. Крупно-капиталистическая фабричная форма производства съ ея усовершенствованной техникой должна была одержать верхъ надъ тою частью кустарной индустріи, которая работала на тѣ же рынки, что и фабрика. Къ этой темѣ мы вернемся еще впослѣдствіи.

---

[1]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 115 слл.—Въ качествѣ характернаго примѣра постепеннаго движенія впередъ по промышленно-капиталистической лѣстницѣ русская литература многократно останавливается на Саввѣ Морозовѣ. Послѣдній былъ до 1820 г., когда онъ выкупился на волю, крѣпостнымъ крестьяниномъ, затѣмъ послѣдовательно пастухомъ, возчикомъ, рабочимъ и домашнимъ ткачемъ, затѣмъ владѣльцемъ небольшого заведенія, мастеркомъ, наконецъ фабрикантомъ. Послѣ его смерти (въ 1862 г.) остались двѣ фабрики, изъ которыхъ въ 1890 г. выросло четыре предпріятія его наслѣдниковъ, занимавшія 39.000 рабочихъ при производствѣ въ 35 милл. руб. (*Ильинъ*, стр. 429 и др.).

Раздѣлъ пятый.

На порогѣ новой эры.

I.

Финансовое положеніе и финансовая политика.

ГЛАВА XXV.

Новая эра экономическихъ проблемъ послѣ Крымской войны.—Рейтернъ, министръ финансовъ съ 1862 г.—Улучшеніе экономическаго состоянія къ концу шестидесятыхъ годовъ.—Желѣзнодорожное дѣло.

Императоръ Николай I скоропостижно умеръ во время самой Крымской компаніи, и 19 февраля 1855 г. на престолъ вступилъ императоръ *Александръ II.* Его первымъ желаніемъ было—возможно скорѣе положить конецъ кровопролитной войнѣ. Но лишь въ Мартѣ 1856 г. Парижскій трактатъ формально закончилъ войну.

Финансовыя средства государства были истощены, народное хозяйство находилось въ угнетенномъ состояніи, во всемъ чувствовалось смятеніе и растерянность. Послѣ страшнаго напряженія національнаго организма разразился въ ближайшіе годы экономическій кризисъ [1]. Но рядомъ съ поддающимися учету послѣдствіями войны обнаруживались еще многіе другіе тяжелые ея результаты, которыхъ нельзя выразить въ цифрахъ. Почти цѣлый милліонъ людей былъ оторванъ отъ ихъ мирнаго труда, и все остальное населеніе стонало подъ тяжестью матеріальныхъ невзгодъ, вызванныхъ войною.

И все же, просматривая литературные источники того времени, нельзя не замѣтить того «весенняго» настроенія, которыми были проникнуты тогда болѣе сознательные круги русскаго общества. Несмотря на едва только пережитые тяжкіе удары, во всемъ давали

[1]) Русская фабричная индустрія, въ особенности въ центральномъ мануфактурномъ раіонѣ, пережила, какъ это нерѣдко утверждаютъ, въ 1855 и 1856 г. «золотое время». Промышленный кризисъ разразился лишь въ 1858—1859 г. Это какъ бы противорѣчитъ нашему указанію объ экономическомъ упадкѣ, но частичное оживленіе опредѣленныхъ отраслей промышленности послѣ предшествовавшаго продолжительнаго періода подавленности не характеризуетъ общаго экономическаго положенія, особенно въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ въ то время вообще было только нѣсколько сотъ тысячъ фабричныхъ рабочихъ. Пользу отъ этого мнимо „золотого времени“ извлекло только незначительное меньшинство промышленниковъ, оказавшихся въ томъ счастливомъ положеніи, что они могли покрыть наиболѣе настоятельныя потребности рынка въ предметахъ первой необходимости Націи въ цѣломъ этотъ такъ называемый „разцвѣтъ“ ничего не принесъ.

себя знать, исполненныя розовыхъ надеждъ вѣянія; они обусловливались увѣренностью въ томъ, что суровое и безотрадное время навсегда отошло въ прошлое, и что отнынѣ начнется новая, либеральная эра, проникнутая живымъ сознаніемъ настоятельной необходимости коренныхъ преобразованій страны. У стѣнъ Севастополя была разгромлена, какъ выражались тогда, «система»; обновленіе—въ духѣ прогрессивныхъ требованій вѣка—выразилось въ рядѣ коренныхъ внутреннихъ реформъ эпохи 1856—1877 г. Литература конца 50-хъ годовъ еще усиленнѣе, чѣмъ когда либо прежде, разрабатываетъ вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права; отсюда должно было исходитъ «моральное возрожденіе» націи [1]).

Возвѣщенное манифестомъ 19 февраля 1861 г, освобожденіе крестьянъ и съ большой энергіей совершавшаяся постройка желѣзнодорожныхъ путей знаменуютъ новую эру хозяйственныхъ проблемъ. Послѣ хроническаго разстройства государственныхъ финансовъ, которое было создано внѣшними военными осложненіями первой половины 19 вѣка, казна должна была нести теперь огромныя матеріальныя жертвы для цѣлаго ряда внутреннихъ экономическихъ задачъ первостепенной важности: за непроизводительными по большей части расходами на поддержаніе внѣшняго могущества имперіи послѣдовали теперь огромные расходы на производительныя мирныя цѣли,—на укрѣпленіе и поднятіе экономическаго благосостоянія страны.

На порогѣ новой—столь знаменательной для развитія производительныхъ силъ націи—эры, краеугольными камнями которой должны были послужить отмѣна рабства и широкое развитіе желѣзнодорожной сѣти, оказывалась вдвойнѣ тяжелой забота о текущихъ потребностяхъ государственной казны. Ибо при каждомъ проектѣ какой бы то ни было полезной реформы прежде всего возникалъ вопросъ о денежныхъ средствахъ. Для успѣшнаго разрѣшенія этой задачи во главѣ финансоваго управленія былъ необходимъ государственный дѣятель, который могъ бы обнять все народное хозяйство какъ единое цѣлое и умѣлъ бы стать выше текущихъ потребностей момента и злободневныхъ заботъ. Эта трудная задача выпала на долю *министра финансовъ Рейтерна* (1862—1878 г.).

Но финансовая политика Рейтерна не оказалась на высотѣ требованій этой сложной задачи. Инсценированный имъ въ началѣ его министерской карьеры проектъ оздоровленія финансовъ потерпѣлъ фіаско; финансовое положеніе, и безъ того разстроенное, грозило теперь сдѣлаться совершенно безнадежнымъ. Рейтернъ самъ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ, но по требованію императора остался временно на своемъ посту и имѣлъ даже то удовлетвореніе, что къ концу шестидесятыхъ годовъ обнаружилось улучшеніе экономическаго состоянія страны. Причины, вызвавшія этотъ поворотъ къ лучшему,

---

[1]) О теченіяхъ и настроеніи шестидесятыхъ годовъ ср. стр. 127 сл. о вліяніи освобожденія крестьянъ на индустріальное производство и о связи между эмансипаціей и протекціонизмомъ ср. гл. 42 и 43.

коренились въ общихъ условіяхъ и не находились въ непосредственной связи съ какими либо опредѣленными отдѣльными моментами. Освобожденіе крестьянъ, расширеніе рельсовой сѣти и нѣкоторыя другія мѣропріятія,—все это подготовило общій подъемъ и придало экономическому организму внѣшній видъ особаго благополучія.

Посмотримъ теперь, какъ развивалось въ Россіи послѣ крымской компаніи (1855—1856 г.) *желѣзнодорожное дѣло*. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра II начинается новый періодъ желѣзнодорожнаго строительства, который можно въ общемъ охарактеризовать какъ періодъ предпринимательской горячки. Въ указѣ 26 января 1857 г. выражена Высоч. воля о томъ, что «настоятельная народная потребность» должна быть удовлетворена и что для ускоренія постройки желѣзныхъ дорогъ необходимо привлечь частную предпріимчивость какъ отечественную, такъ и иностранную. Въ вліятельныхъ сферахъ не сомнѣвались, что внутри государства невозможно будетъ собрать огромные капиталы, необходимые для осуществленія широко задуманной сѣти желѣзныхъ дорогъ—особенно послѣ чрезвычайнаго напряженія экономическихъ силъ, вызваннаго только-что законченной войной; для всѣхъ было ясно, что придется прежде всего прибѣгнуть къ содѣйствію иностраннаго капитала, усиленное привлеченіе котораго въ это время дѣйствительно и начинается.

Правительство разсчитывало этимъ путемъ всего легче преодолѣть финансовыя затрудненія, но въ дѣйствительности концессіонная политика оказалась связанной съ большими финансовыми жертвами. Оно должно было покрывать дефициты казенныхъ дорогъ, давать ссуды частнымъ дорогамъ, размѣщать выпускаемые ими займы, покрывать недоборы въ дивидендѣ и, наконецъ, брать на себя отвѣтственность за проценты по желѣзнодорожнымъ займамъ.

Когда выяснилось, что всѣ эти обязательства грозятъ сдѣлаться совершенно непосильными для государства, признано было цѣлесообразнымъ отчудить частнымъ компаніямъ тѣ линіи, которыя оставались еще собственностью государства. Это давало возможность продолжать на вырученныя средства постройку новыхъ линій. Ко времени оставленія министромъ финансовъ Рейтерномъ его поста въ 1878 г.) вся желѣзнодорожная сѣть съ общимъ протяженіемъ— не считая узкоколейной вѣтви въ 57 верстъ—въ 20416 верстъ находилась въ рукахъ частныхъ компаній.

Рейтернъ достигъ того, что въ теченіе 16 лѣтъ его управленія финансами (1862—1878 г.) было построено свыше 18000 верстъ желѣзнодорожнаго пути; въ 1862 г. эксплоатировалось 1954, а въ 1878 г.—20473 версты. Русско-турецкая война 1877—1878 г. показала, однако, что достигнутыхъ результатовъ въ дѣлѣ желѣзнодорожнаго строительства было еще весьма недостаточно, даже съ точки зрѣнія самыхъ скромныхъ требованій. Министру финансовъ *Бунге* (1881—1886 г.) пришлось поэтому мириться съ тѣмъ, что несмотря на значительные бюджетные дефициты весьма энергично продолжа-

лась постройка специально стратегичеткихъ линій, причемъ не останавливались ни предъ какими денежными жертвами. Преемникъ Бунге, *Вышнеградскій* (1887—1892 г.) изъ финансовыхъ соображеній относился весьма сдержано къ желѣзнодорожному строительству; за время его управленія министерствомъ общее протяженіе сѣти возросло съ 25.505 до 29.147 верстъ. Возобновленіе «желѣзнодорожной горячки» относится уже ко времени преемника Вышнеградскаго—*Витте*.

ГЛАВА XXVI.

Экономическій кризисъ 1875—1877 г.—Неудачная финансовая мѣра Рейтерна (1876 г.)—Въ ожиданіи войны.—Взиманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ (1877 г.).

Мы должны теперь еще разъ вернуться къ *экономическому положенію* государства. Министру финансовъ Рейтерну не удалось упрочить то улучшеніе финансоваго хозяйства, которое обнаружилось въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Уже въ серединѣ семидесятыхъ годовъ, еще до того, какъ разразилась война, наступилъ поворотъ къ худшему. Напомнимъ здѣсь, что первая половина семидесятыхъ годовъ была въ Германіи періодомъ грюндерства послѣ побѣдоносной войны и что за чрезвычайнымъ оживленіемъ послѣдовалъ въ серединѣ десятилѣтія глубокій экономическій кризисъ. При отмѣченномъ уже нами пораллелизмѣ между общими финансово-экономическими явленіями и финансово-политической эволюціей Россіи—естественно, что экономическій кризисъ на западноевропейскихъ рынкахъ коснулся и Россіи. Это подавленное состояніе получило, конечно, на русской почвѣ соотвѣтственный «національный» отпечатокъ.

Собравшіяся на политическомъ горизонтѣ тучи (обострившіяся отношенія между Германіей и Франціей, возстаніе въ Герцеговинѣ) въ связи съ экономическими бѣдствіями (неурожаи, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ на міровомъ рынкѣ) вызвали въ 1875 г. замѣшательство на русскомъ вексельномъ рынкѣ, такъ какъ реализація новыхъ желѣзнодорожныхъ облигацій встрѣчала заграницей затрудненія, а торговый балансъ ухудшился вслѣдствіе заминки въ экспортѣ хлѣба при неуменьшившемся ввозѣ иностранныхъ продуктовъ. Вексельный курсъ началъ колебаться, такъ что угрожала опасность связаннаго съ тяжелыми послѣдствіями кризиса въ случаѣ непринятія энергичныхъ мѣръ. Рейтернъ, разсчитывая на значительность своего металлическаго фонда, полагалъ возможнымъ для покрытія спроса на золото размѣнивать кредитные билеты или траты по курсу дня. (Указъ 26 января 1876 г.). Инкассированные кредитные билеты предполагалось подвергать уничтоженію, чтобы вызвать повышеніе курса.

Эта финансовая операція оказалась столь же неудачной, какъ и операція 1862—1863 г. Какъ тогда, такъ и теперь спекуляція не замедлила воспользоваться случаемъ вырвать изъ рукъ государственнаго банка его золотой запасъ. Для этой цѣли образовался даже иностранный синдикатъ, совершившій «кампанію» при энергичномъ содѣйствіи нѣкоторыхъ весьма вліятельныхъ русскихъ банковъ. Въ видахъ завоеванія русскаго золота былъ употребленъ слѣдующій методъ. Русскія цѣнныя бумаги закладывались государственному банку; за полученные кредитные билеты покупались золотыя траты на иностранные мѣста, а добытое такимъ образомъ золото вновь шло на пріобрѣтеніе русскихъ государственныхъ фондовъ и залога ихъ государственному банку. Государственный банкъ, правда, не безъ борьбы выпускалъ золото изъ своихъ рукъ, стараясь парализовать спекуляцію повышеніемъ размѣра процентовъ по заложеннымъ цѣннымъ бумагамъ (до $9^1/_2\%$), а затѣмъ и путемъ отказовъ въ дальнѣйшей выдачѣ ссудъ и вытѣсненія заложенныхъ бумагъ, но этимъ только усилилъ начавшуюся уже панику, не обезпечивъ въ то же время свой золотой запасъ отъ захвата хищниками-спекулянтами. Это было тѣмъ менѣе возможно, что государственному банку приходилось расходовать золото не только для поддержанія вексельнаго курса, но и для покупокъ выброшенныхъ на русскій рынокъ, въ частности Англіей, государственныхъ бумагъ, такъ какъ иначе послѣднимъ грозило сильное обезцѣненіе.

Для государственнаго банка и для казначейства 1876-й годъ былъ, во всякомъ случаѣ, не менѣе бѣдственнымъ, чѣмъ былъ бы годъ сплошныхъ военныхъ пораженій, причемъ и самая цѣль всей операціи—укрѣпленіе курса—не была достигнута въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Такъ какъ финансово-политическія событія выходятъ за предѣлы нашей темы, то мы ограничимся однимъ только фактомъ для иллюстраціи значительности ущерба, причиненнаго разсматриваемой финансовой мѣрой. Въ фондѣ для покрытія находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ находилось къ началу 1876 года $224,_4$ мил. руб. драгоцѣннаго металла и только на $1,_8$ мил. руб. цѣнныхъ бумагъ. Къ концу года золота и серебра имѣлось уже въ наличности только на 149 мил. руб., пріобрѣтенныя же государственныя цѣнности обременяли портфель на $31^1/_2$ мил. руб. Золотой запасъ потерялъ 80 мил. руб.

Какъ ни тяжело отразилось на состояніи финансовъ это «пораженіе», однако еще большія бѣдствія готовило Россіи вооруженное вмѣшательство ея въ балканскія дѣла. Если бы опасность войны, вызванной политическими осложненіями и казавшейся неизбѣжной, не породила на международномъ денежномъ рынкѣ недовѣрія къ устойчивости русскаго государственнаго кредита, финансовый кризисъ 1876 г., безъ сомнѣнія, не сопровождался бы такими тяжелыми послѣдствіями.

Не трудно ex post facto подвергать критикѣ образъ дѣйствій руководителя финансовъ; но въ данный моментъ тотъ якорь спасенія, за который ухватился Рейтернъ, явился только—вполнѣ со-

отвѣтствовавшей долгу министра финансовъ—попыткой противодѣйствовать финансовой неурядицѣ; попыткой, которая не удалась потому, что возбужденное состоянie русскаго общества, требовавшаго войны, неизбѣжно должно было въ конецъ разстроить финансы государства. Рейтернъ ясно видѣлъ, что война совершенно задавитъ еще едва только появлявшiеся ростки упорядоченнаго финансоваго положенiя и потребуетъ отъ государства новыхъ огромныхъ денежныхъ жертвъ. Вызванный въ октябрѣ 1876 г. къ императору въ Ливадiю для объясненiй по вопросу объ изысканiи необходимыхъ для войны денежныхъ средствъ, Рейтернъ, чтобы сложить съ себя отвѣтственность, просилъ объ отставкѣ. Въ поданной по этому случаю запискѣ онъ категорически заявилъ, что Россiя не въ состоянiи въ данное время вести войну. Результаты, достигнутые послѣ стольких трудовъ и съ такими значительными жертвами въ теченiе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, неминуемо будутъ потеряны, если Россiя будетъ вовлечена въ войну. Государству опять потребуется двадцать лѣтъ для того, чтобы вернуть потерянное. «Подавленное состоянiе государства, всеобщее обнищанiе, застой въ торговлѣ и промышленности,—всѣ эти неизбѣжныя послѣдствiя войны могли бы создать особо благопрiятную почву для революцiонной пропаганды, уже безъ того распространенной, и омрачить блестящее начало настоящаго царствованiя» [1]).

Рейтернъ, которому пришлось остаться на своемъ посту до окончанiя войны, и впослѣдствiи, когда уже приступлено было къ мобилизацiи армiи, пытался предотвратить роковое рѣшенiе. Когда это ему не удалось, онъ старался создать хоть нѣкоторый оплотъ для русскаго государственнаго кредита путемъ *взиманiя таможенныхъ пошлинъ въ золотой валютѣ*. (высоч. утвержд. 10 ноября 1876 г. положенiе финансоваго комитета [2]). Этимъ путемъ было обозпечено привлеченiе значительнаго количества золота и вмѣстѣ съ тѣмъ аккуратная оплата процентовъ по внѣшнимъ займамъ, не говоря уже о томъ, что повышенiе всѣхъ таможенныхъ ставокъ почти на 33% должно было улучшить торговый балансъ, стѣснивъ импортъ. Хотя это взиманiе пошлинъ золотомъ, вступившее въ силу съ 1 января 1877 г., первоначально было введено только съ цѣлью облегчить стѣсненное положенiе государственной казны, но послѣдствiя показали, что эта мѣра, первоначально не оцѣненная по достоинству, послужила краеугольнымъ камнемъ для будущаго разрѣшенiя валютной проблемы. Введенiе оплаты пошлинъ золотомъ явилось первымъ оффицiальнымъ признанiемъ золотого рубля преимущественной разсчетной единицей по сравненiю съ законной тогда монетной единицей—серебрянымъ рублемъ. Этимъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ переходу къ золотой валютѣ, который былъ равносиленъ признанiю, что война съ ея огромными жертвами должна была

---

[1]) *Блiохъ*, II, стр. 226,

[2]) О золотой пошлинѣ см. также гл. 29.

уничтожить послѣднюю надежду на уравненіе бумажнаго рубля съ металлическимъ [1]).

II.

Торговая и таможенная политика съ 1850 до 1877 года.

(Третій періодъ).

ГЛАВА XXVII.

Эпоха болѣе умѣреннаго протекціонизма. (1850—1867 г.).

Таможенный тарифъ 1850 г. проложилъ путь къ болѣе умѣренному протекціонизму. Таже тенденція сохранилась и впослѣдствіи, нашла отчетливое выраженіе въ таможенномъ тарифѣ 1868 г. и удержалась съ нѣкоторыми уклоненіями до 1877 г. (введеніе золотой пошлины!). Первые годы дѣйствія таможеннаго тарифа—съ 1850 г. до Крымской кампаніи—не представили достаточно благопріятныхъ условій для нормальнаго развитія торговой политики. Внѣшнія осложненія вызывали исключительныя мѣропріятія. Блокада морскихъ портовъ непріятельскимъ флотомъ во время Крымской войны вызвала въ 1854 г. рядъ тарифныхъ облегченій для импорта черезъ сухопутную границу; независимо отъ сего во второй половинѣ 1855 г. пришлось временно воспретить вывозъ грубаго сукна, хлѣба и мяса. Послѣ заключенія мира признано было необходимымъ подвергнуть тарифъ общему пересмотру, результатомъ чего явился *таможенный тарифъ 25 мая 1857 г.*

Тарифъ частью отмѣнилъ сохранившіяся еще запрещенія ввоза (для 7 продуктовъ изъ 19), уменьшилъ по 380 статьямъ тарифныя ставки и упростилъ классификацію предметовъ импорта. Общее направленіе новаго тарифа дано было основными принципами 1850 г., правильность которыхъ подтвердилась на опытѣ. Индустрія, которая прежде всецѣло опиралась на систематическое устраненіе иностранной конкурренціи, оказалась съ 1851 г., въ своихъ собственныхъ интересахъ, вынужденной принять мѣры къ удешевленію производства путемъ болѣе экономнаго веденія дѣла и техническихъ улучшеній, чтобы устоять въ борьбѣ съ иностраннымъ импортомъ. И это ей поразительно хорошо удалось, ибо—какъ указываютъ мотивы министерства къ проекту новаго тарифа—ни одна отрасль промышленности не потерпѣла ущерба, а нѣкоторыя даже развились, въ частности хлопчатобумажная индустрія, за которую всего

---

[1]) Подтвержденіемъ этого взгляда можетъ служить сдѣланное Рейтерномъ въ 1877 г., но отклоненное комитетомъ финансовъ предложеніе о дозволеніи заключать сдѣлки въ золотой валютѣ по курсу дня.

болѣе опасались. Новая система не причинила ущерба и фиску, такъ какъ смягченіе режима запрещеній отнюдь не уменьшило таможеннаго дохода. Немаловажное преимущество усматривали, наконецъ, и въ томъ, что въ отношеніи многихъ продуктовъ контрабанда оказывалась уже теперь недостаточно выгодной [1]).

Въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія (1857—1867 г.) прежнее высокое таможенное обложеніе было еще смягчено путемъ частичныхъ измѣненій тарифа. Такъ, между прочимъ, было отмѣнено относившееся къ 1822 г. запрещеніе ввоза чая черезъ европейскую границу и существенно сглажено различіе между сухопутной и морской границей. Но наобольшее значеніе для позднѣйшаго расцвѣта всей русской индустріи имѣло постепенное уменьшеніе пошлинъ на желѣзо и покровительство машиностроительнымъ предпріятіямъ путемъ разрѣшенія имъ безпошлиннаго полученія желѣза, машинныхъ частей и принадлежностей (законъ 8 мая 1861 г.) и облеченія ввоза отдѣльныхъ частей сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій (законъ 25 декабря 1861 г.).

Фискальные интересы не упускались, впрочемъ, изъ виду и въ этомъ періодѣ болѣе умѣреннаго протекціонизма. Когда съ отмѣною такъ называемой зундской пошлины Россіи пришлось въ 1857 г. выплатить Даніи около 7 мил. руб., то этотъ расходъ былъ переложенъ на внѣшнюю торговлю путемъ установленія *5 процентной надбавки къ пошлинамъ* на предметы ввоза и вывоза, кромѣ сахара (законъ 14 марта 1858 г.). Точно также въ 1861 г. была декретирована *5% надбавка ко всѣмъ пошлинамъ* для увеличенія средствъ государственнаго казначейства. Наконецъ, фискальныя главнымъ образомъ соображенія вызвали *пересмотръ тарифа въ 1867 г.* Министръ финансовъ Рейтернъ указывалъ въ своихъ мотивахъ къ проекту, что хотя промышленность и развивается достаточно благопріятно, но поступленіе таможеннаго дохода не возрастаетъ. Этому слѣдуетъ—де помочь путемъ повышенія пошлинъ на такіе товары, которые въ состояніи вынести болѣе значительное обложеніе [2]).

Въ *вопросѣ о пошлинѣ на желѣзо* представители обоихъ на-

---

[1]) Подавленіе весьма дѣятельной контрабанды черезъ русскія границы признавалось въ теченіе всей первой половины истекшаго столѣтія задачею столь исключительной важности, что отъ цѣлесообразнаго разрѣшенія ея существенно зависѣлъ весь строй торгово-политическихъ отношеній Россіи къ сосѣднимъ государствамъ. «Контрабанда, не смотря на непрестанную борьбу съ нею, процвѣтала, вредила нормальной торговлѣ, внушала иностраннымъ торговцамъ недовѣріе къ русскимъ фирмамъ, деморализовала торговцевъ, какъ и должностныхъ лицъ». Канкринъ сообщалъ однажды государю: «Основнымъ условіемъ всякой запретительной системы является то, чтобы контрабанда подавлялась, поскольку это только возможно, въ противномъ случаѣ закрытіе границы теряетъ свою цѣль и становится тягостью». Канкринъ считалъ поэтому подавленіе контрабандной торговли одною изъ важнѣйшихъ задачъ министерства финансовъ (Исторія м-ва финансовъ, I, стр. 337).

[2]) *Лодыженскій*, стр. 270.

правленій экономической политики—«фритредеры» и «протекціонисты» столкнулись наиболѣе рѣзко. Эта долголѣтняя таможенно-политическая борьба за важнѣйшую позицію таможеннаго тарифа можетъ служить къ выясненію не только воззрѣній самихъ заинтересованныхъ группъ, но и измѣнчиваго отношенія правительства къ протекціонизму. Мы остановимся поэтому вкратцѣ на исторіи таможеннаго обложенія желѣза въ XIX вѣкѣ.

ГЛАВА XXVIII.

Развитіе пошлины на чугунъ въ XIX вѣкѣ.

Доступъ *иностранному желѣзу* былъ закрытъ уже въ началѣ XVIII вѣка (1718 г.). Затѣмъ ввозъ былъ допущенъ (въ 1724 г.) съ оплатою высокой пошлины ($37^1/_2$% со стоимости), но таможенныя ставки послѣ того нѣсколько разъ были повышены, пока въ 1797 г. вопросъ не былъ опять разрѣшенъ категорическимъ запрещеніемъ ввоза. Это произошло въ то время, когда Россія могла гордиться избыткомъ желѣза и по тогдашнимъ понятіямъ блестящимъ экспортомъ этого продукта.

Либеральныя тенденціи тарифовъ 1816 и 1819 г. не принесли никакихъ выгодъ желѣзной торговлѣ. Ввозъ былъ въ 1816 г. безусловно воспрещенъ, а въ 1819 г. дозволенъ только черезъ сухопутную границу при оплатѣ высокой пошлиной; нѣкоторыя облегченія были допущены для стали.

Дѣйствительное облегченіе импорта желѣза далъ только тарифъ вступившій въ силу 1 января 1851 г., хотя ввозъ *моремъ* оставался и теперь запрещеннымъ, съ исключеніемъ въ пользу листового желѣза. Тенгоборскій выступилъ въ защиту освобожденія также и морской границы, указывая, что индустрія начинаетъ расправлять свои члены и испытываетъ значительный желѣзный голодъ: но своей цѣли онъ достигъ только въ тарифѣ 1857 г. Запрещеніе ввоза было отмѣнено и пошлина установлена одинаковая для морского и сухопутнаго импорта въ размѣрѣ 15 коп. съ пуда. Но это относилось только къ чугуну; для различныхъ же сортовъ желѣза пошлина составляла 30—70 коп. съ пуда.

Облегченіе доступа иностранному желѣзу по тарифу 1851 г., собственно само собою понятное въ виду настоятельныхъ потребностей индустріи и торговли (начиналась уже постройка желѣзныхъ дорогъ) мотивировалось слѣдующимъ образомъ. Въ отношеніи потребленія желѣза—въ то время 6 фунтовъ на человѣка!—Россія занимаетъ послѣднее мѣсто между европейскими государствами, хотя широкое предложеніе желѣза является основнымъ условіемъ развитія всякой производительности; внутреннее производство чугуна не можетъ быть усилено, такъ какъ оно основано на древесномъ топливѣ; концентрація 80% всѣхъ чугуноплавильныхъ заведеній на

Уралѣ обременяетъ потребителей огромными издержками транспорта: изъ 56 мил. жителей Европейской Россіи 44 мил. платятъ за желѣзо на 50% дороже мѣстныхъ цѣнъ на Уралѣ, въ розничной же торговлѣ цѣна нерѣдко превышаетъ уральскую въ 2½ раза.— Импортъ желѣза морскимъ путемъ былъ такимъ образомъ дозволенъ, на югѣ, впрочемъ, только для Одессы, чтобы не нанести ущерба зарождавшейся южнорусской горнопромышленности.

Эти мѣры были, однако, отнюдь не достаточны для удовлетворенія все возраставшаго спроса на желѣзо. Два года спустя (въ 1859 г.) пошлина на чугунъ была поэтому уменьшена до 5¼ копѣйки, т. е. на одну треть; пошлины на полосовое, листовое и сортовое желѣзо превышали теперь, несмотря на нѣкоторое уменьшеніе, въ 7—14 разъ пошлину на необработанное желѣзо.

Но важнѣе еще, чѣмъ уменьшеніе пошлины на желѣзо, была льгота, предоставленная въ 1859 г. нѣкоторымъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ, затѣмъ (мнѣніе государственнаго совѣта отъ 8 мая 1861 г.) также машинностроительнымъ заводамъ, работающимъ при помощи паровыхъ или гидравлическихъ двигателей, въ отношеніи безпошлиннаго ввоза чугуна, желѣза не въ дѣлѣ и машинныхъ частей. Подъ вліяніемъ этой частичной «свободы» машинностроительные и т. п. заводы стали рости какъ грибы послѣ дождя; въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 1867 до 1870 г.) число предпріятій, обрабатывающихъ чугунъ, возросло съ 65 до 164. Это естественно вызвало замѣтное недовольство отечественныхъ горнопромышленниковъ, но, однако, льготы, хотя и въ значительно сокращенномъ видѣ, оставались пока что въ силѣ.

Тарифъ 1868 г. отнесся къ иностранному чугуну благосклонно въ томъ отношеніи, что сохранилъ безпошлинный привозъ сырого матеріала для обрабатывающей желѣзной индустріи, установленный для послѣдней за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и затѣмъ нѣсколько уменьшилъ пошлину на чугунъ, именно до 5 коп. съ пуда для сухопутнаго и морского импорта, вмѣсто взимавшихся съ 1862 г. 5½ коп.

Введеніе въ 1877 г. золотой пошлины (см. выше, стр. 106) ничего не измѣнило въ этомъ отношеніи,—не считая, конечно, несравненно болѣе сильнаго обложенія всѣхъ импортируемыхъ товаровъ вслѣдствіе оплаты пошлинъ золотомъ; но начавшійся такимъ образомъ поворотъ къ болѣе строгому протекціонизму уже очень скоро вновь выдвинулъ на очередь вопросъ: *допустимъ ли вообще безпошлинный ввозъ металла въ какомъ бы то ни было видѣ?*

Въ сферѣ русской желѣзодѣлательной промышленности обнаруживалось большое недовольство; представители ея жаловались, что они не могутъ конкуррировать съ иностранными предпріятіями вслѣдствіе слишкомъ низкихъ таможенныхъ ставокъ, а владѣльцы чугуноплавильныхъ заводовъ агитировали противъ безпошлиннаго импорта иностраннаго чугуна, допущеннаго въ интересахъ фабрикъ и механическихъ заводовъ. Государственный совѣтъ, на обсужденіе котораго вопросъ поступилъ въ началѣ 1878 г., призналъ дѣло еще не до-

статочно выясненнымъ. Учрежденная при министерствѣ финансовъ специальная комиссія устанавила прежде всего тотъ важный фактъ, что на постройку машинъ, сельскохозяйственныхъ и другихъ орудій всякаго рода, въ интересахъ коей пошлина была уменьшена, употребляется только одна пятая часть всего безпошлинно ввозимаго желѣза. Однако, комиссія высказала мнѣнія, что оздоровленіе русской желѣзодѣлательной промышленности вообще достижимо не путемъ покровительственныхъ пошлинъ, а прежде всего путемъ расширенія сѣти сообщеній и замѣны древеснаго топлива каменнымъ углемъ. Въ окончательномъ выводѣ комиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) никакая пошлина, никакія преміи и правительственныя субсидіи не могутъ развить доменное производство настолько, чтобы оно легко и постоянно покрывало внутренній спросъ, такъ какъ современное положеніе этого производства обусловлено многообразными другими причинами, которыя не могутъ быть устранены однимъ только измѣненіемъ таможеннаго тарифа; 2) русское производство, работая преимущественно древеснымъ углемъ, не можетъ, даже при высокомъ обложенія желѣза, удовлетворить всѣ разнообразныя потребности фабричной индустріи, для которой возможность получать матеріалъ по надлежащей цѣнѣ является однимъ изъ главныхъ условій существованія и процвѣтанія; 3) удовлетвореніе этой потребности сдѣлается возможнымъ только путемъ развитія внутренняго доменнаго производства желѣза на каменноугольномъ топливѣ. Комиссія признаетъ въ виду этого настоятельно необходимымъ допущеніе *безпошлиннаго ввоза* желѣза. Въ то же время она высказалась и за отмѣну сбора въ 1½ коп. съ пуда желѣза, который взимался съ владѣльцевъ частныхъ и арендаторовъ казенныхъ рудниковъ. На будущее время съ этихъ послѣднихъ предположено было взимать по 1¼ коп. съ пуда въ качествѣ платы за пользованіе казенными лѣсами и землями впредь до рѣшенія вопроса о продажѣ таковыхъ [1]).

Эти весьма либеральныя заключенія комиссіи были оставлены, однако, безъ вниманія подъ вліяніемъ общаго поворота въ таможенной политикѣ. Отказаться отъ взиманія пошлинъ съ желѣза и горныхъ сборовъ было признано невозможнымъ изъ фискальныхъ соображеній, и *указомъ 3 іюня 1880 г.* была отмѣнена предоставленная промышленникамъ ограниченная таможенная свобода въ отношеніи желѣза. Пошлина на чугунъ въ 5 коп. съ пуда была пока сохранена, но уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя была декретирована надбавка въ 10%, а при пересмотрѣ тарифа въ 1882 г. пошлина была еще повышена съ 5½ до 6 коп. съ пуда.

Усиливавшееся протекціонистское теченіе вызвало въ ближайшее десятилѣтіе, до заключенія русско-германскаго торговаго договора, постепенное повышеніе пошлинъ на желѣзо. Достигнутые

---

[1]) Цитируемъ нашъ собственный трудъ. („Schriften des Vereins für Sozialpolitik" XLIX, стр. 382).

успѣхи ободрили горнопромышленниковъ къ предъявленію дальнѣйшихъ требованій, причемъ обнаружившіяся тогда националистическія тенденціи сослужили имъ хорошую службу. Центромъ этой крайне энергичной агитаціи явились съѣзды горнопромышленниковъ, а центромъ противодѣйствія этому теченію сдѣлалось русское техническое общество. Уже въ январѣ 1884 г. при министерствѣ финансовъ была образована новая спеціальная комиссія, съ привлеченіемъ представителей заинтересованныхъ отраслей промышленности, для разсмотрѣнія вопроса о пошлинѣ на желѣзо. Теперь всякому было ясно, что о либеральныхъ таможенныхъ принципахъ и о расширеніи свободы импорта, не могло быть рѣчи, а единственно лишь о борьбѣ съ преувеличеніями индустріальной политики интересовъ. Аргументы той и другой стороны можно представить въ слѣдующей схемѣ.

Приверженцы повышенія пошлины на желѣзо ссылались на фискальныя соображенія и интересы національнаго труда. Въ первомъ отношеніи они указывали на уменьшеніе таможеннаго дохода, который вызывается тѣмъ, что вмѣсто высоко обложенныхъ желѣзныхъ полуфабрикатовъ импортируется въ значительномъ количествѣ чугунъ, оплачиваемый только 6 коп. золотомъ съ пуда. Это наноситъ ущербъ и національному труду, ибо рабочая плата составляетъ въ пудѣ желѣза, вырабатываемаго заводами, пользующимися иностраннымъ чугуномъ, только около 11%, остальные же 89% достаются иностраннымъ заводамъ и иностраннымъ рабочимъ. Единственное сомнѣніе, которое могло бы возникнуть, заключается въ томъ, не окажется ли вредоноснымъ вздорожаніе импорта для отечественной индустріи, которая не можетъ пока обойтись безъ иностраннаго чугуна. Но и на этотъ вопросъ надо отвѣтить отрицательно: ибо если бы даже фабрики и оказались вынужденными въ ближайшее время покрывать часть своей потребности въ сырьѣ иностраннымъ импортомъ, то это не имѣло бы существеннаго значенія, такъ какъ желѣзная индустрія поставлена въ исключительно благопріятное положеніе въ виду очень высокихъ пошлинъ на желѣзныя издѣлія.

Противники этого воззрѣнія исходили изъ пониманія покровительственной пошлины какъ временной воспитательной мѣры въ отношеніи отечественной индустріи. Необходимо прежде всего выяснить, при какихъ условіяхъ возможно производство желѣза изъ отечественной руды съ употребленіемъ въ дѣло русскаго каменнаго угля? При этомъ оказывается, что необходимыя благопріятныя предварительныя условія для развитія доменной индустріи имѣются только въ южномъ районѣ. Уралъ надо исключить, такъ какъ онъ осужденъ на употребленіе древеснаго угля, пользованіе которымъ ограничено во времени вслѣдствіе постепеннаго уничтоженія лѣсныхъ богатствъ, слишкомъ дорого вслѣдствіе все увеличивающейся отдаленности эксплоатируемыхъ лѣсныхъ площадей и съ народнохозяйственной точки зрѣнія не раціонально, Польша же, за неимѣніемъ собственнаго кокса, едва ли когда либо будетъ въ состояніи успѣшно конкурировать съ сосѣдней Силезіей. Что ка-

сается южной промышленности, то она никогда не будетъ въ состоянiи одна снабжать въ достаточной мѣрѣ всю огромную имперiю дешевымъ и доброкачественнымъ желѣзомъ. Нѣкоторыя части Россiи въ экономическомъ отношенiи болѣе близки горнопромышленнымъ центрамъ Западной Европы, чѣмъ южнорусскимъ, и поэтому всегда оставались бы въ зависимости отъ заграничнаго производства, даже если бы стоимость производства въ южнорусскомъ районѣ понизилась до того уровня, какого она уже достигла въ Англiи и Шотландiи. Къ этимъ зависящимъ отъ границы районамъ относитси побережье Балтiйскаго моря, куда желѣзо можетъ быть доставлено изъ Англiи при фяахтѣ въ 5—6 коп. съ пуда, въ то время, какъ подвозъ изъ южной Россiи не могъ бы обойтись дешевле 30—35 к. съ пуда. Установленiе пошлины въ 25—35 коп. съ единственной цѣлью дать возможность уральскому и южнорусскому желѣзу конкуррировать съ иностраннымъ на отдаленнѣйшихъ рынкахъ имперiи, означало бы въ сущности только возмѣщенiе издержекъ транспорта. Единственно правильнымъ критерiемъ для выясненiя размѣра покровительственной пошлины было бы отношенiе издержекъ производства въ Россiи и за-границей. Можно ариѳметически установить въ Россiи линiю, на которой цѣны (стоимость производства и транспорта) англiйскаго и шотландскаго чугуна равны цѣнамъ южнорусскимъ. Въ Москвѣ, расположенной приблизительно на этой линiи, южнорусское желѣзо и теперь (т. е. въ 1883 г.) можетъ съ успѣхомъ конкурировать съ иностраннымъ. Такимъ образомъ только южнорусское доменное производство могло бы притязать на правительственную поддержку. Введенiе же повышеннаго таможеннаго обложенiя иностраннаго желѣза для всѣхъ границъ нельзя признать обоснованнымъ. Цѣны какъ на иностранное, такъ и на отечественное желѣзо возросли бы во всемъ государствѣ, такъ какъ при необходимости получать значительную часть столь необходимаго продукта изъ-за границы цѣны на русское желѣзо будутъ опредѣляться соотвѣтственно цѣнамъ на иностранное желѣзо до тѣхъ поръ, пока внутреннее производство не окажется въ состоянiи покрывать весь спросъ. Увеличенiе цѣны желѣза повлечетъ за собою вздорожанiе всѣхъ предметовъ, въ которые оно входитъ въ качествѣ сырого продукта; это съ одной стороны повело бы къ усиленiю импорта готовыхъ металлическихъ издѣлiй изъ-за границы, а съ другой— сократило бы внутреннее ихъ потребленiе. Наконецъ, увеличенiе пошлины отчасти обезсилило бы защиту, которою до сихъ поръ пользовалась металлическая индустрiя, и сдѣлало бы необходимымъ увеличенiе пошлины и для этихъ издѣлiй.

Рѣшенiе *министра финансовъ Бунге* склонилось на сторону приверженцевъ усиленнаго обложеннiя, причемъ указывалось, что постепенное расширенiе сферы сбыта для отечественнаго чугуна удовлетворяетъ важному экономичессому интересу: тѣ предпрiятiя въ пограничныхъ областяхъ, которыя вынуждены теперь пользоваться иностраннымъ чугуномъ, могли бы, если не иначе, съ теченiемъ времени переселится къ мѣстамъ добычи русскихъ желѣзныхъ

рудъ. *Указомъ 16 іюня 1884 г.* пошлина на чугунъ установлена въ слѣдующихъ размѣрахъ: отъ 1 іюля 1884 г. до 1 марта 1885 г. 9 копѣекъ, затѣмъ до 1 марта 1886 г. 12 коп. и, наконецъ, съ этого дня 15 копѣекъ золотомъ съ пуда. Въ то же время было опредѣлено, что эта пошлина не должна быть измѣняема въ теченіе ближайшихъ двѣнадцати лѣтъ.

Это произошло въ 1894 г. Уже въ слѣдующемъ году вопросъ о пошлинѣ на желѣзо былъ опять подвергнутъ обсужденію, въ виду послѣдовавшаго на имя министра финансовъ приказа «сообразить и возможно скорѣе провести мѣропріятія, необходимыя для защиты желѣзной индустріи противъ конкуренціи предпріятій иностраннаго характера, обрабатывающихъ на окраинахъ иностранный чугунъ иностраннымъ углемъ и при помощи иностранныхъ рабочихъ». Это указаніе вызывало въ средѣ русскихъ промышленниковъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ изъ нихъ, которые были заинтересованны въ каменноугольной и чугуноплавильной промышленности, живѣйшее одобреніе и самую энергичную поддержку. Дальнѣйшіе шаги сводились собственно къ отвѣту на слѣдующіе вопросы:

> Должны ли мы назначить такую высокую ввозную пошлину, чтобы иностранный сырой матеріалъ, пока еще для насъ необходимый, могъ доходить до насъ только съ тяжелой таможенной доплатой, чтобы такимъ образомъ создать косвенную премію для отечественной добычи чугуна и побудить ее къ возможно интенсивному напряженію силъ? Должны ли мы путемъ таможенно-политическихъ мѣръ удорожить сырой матеріалъ, обработка котораго занимаетъ цѣлый рядъ отраслей промышленности,—съ опасностью, что значительно увеличится стоимость производства во всѣхъ предпріятіяхъ, обрабатывающихъ желѣзо, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастутъ и цѣны на всѣ желѣзныя издѣлія? Слѣдуетъ ли намъ въ извѣстной мѣрѣ задавить находящіяся въ состояніи полнаго расцвѣта индустріальныя предпріятія, обрабатывающія на Западной окраинѣ сырье иностраннаго происхожденія, прекращая къ нимъ подвозъ высокими таможенными пошлинами, чтобы такимъ образомъ побудить капиталъ, промышленную предпріимчивость и интеллигенцію къ болѣе широкой организаціи русскихъ предпріятій для добычи сырья?

Отвѣтъ на всѣ эти вопросы послѣдовалъ утвердительный, и такимъ образомъ принципіальная сторона проблемы была рѣшена; рѣчь могла еще идти только о томъ, до какой высоты должна быть доведена новая таможенная ставка. Министерство финансовъ установило въ этомъ отношеніи слѣдующіе отправные пункты: желѣзо изъ русской руды должно быть въ состояніи конкурировать съ желѣзомъ, выработаннымъ хотя и въ Россіи, но изъ иностранной руды, и притомъ въ такой мѣрѣ, чтобы уральскіе заводы могли съ выгодою посылать свои продукты на рынки Москвы и Петербурга. Польскіе заводы должны, въ интересахъ русской желѣзной индустріи, быть обложены выше прибалтійскихъ, такъ какъ они находятся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нѣмецкими заводами. Другими словами: *дифференцированіе импорта* моремъ и черезъ западную сухопутную границу. Соотвѣтственно этому *указъ 21 апрѣля 1887 г.* опредѣляетъ, что чугунъ подлежитъ оплатѣ при ввозѣ мо-

ремъ 25 коп., а черезъ сухопутную границу 30 коп. золотомъ съ пуда. Далѣе этотъ законъ содержитъ—въ виду недавняго опыта лишеннаго, впрочемъ, значенія—указаніе, что эти надбавки не должны быть измѣняемы до 1 января 1898 г. *Надбавка въ 20%* увеличила эти ставки, начиная съ 20 августа 1890 г., до 36 resp. 30 к. золотомъ. Общій пересмотръ тарифа въ 1891 г. санкціонировалъ эту временную надбавку, причемъ ставки были округлены до 35 и 30 коп.

Конвенціонный тарифъ, созданный русско-германскимъ торговымъ договоромъ отъ 29 января 1894 г., отмѣнилъ различіе между сухопутнымъ и морскимъ импортомъ и установилъ для желѣза единую пошлину въ 30 к. золотомъ (45 к. кредитныхъ). *Новый общій тарифъ* 1903 г., при выработкѣ котораго имѣлись въ виду предстоящіе переговоры о возобновленіи торговой конвенціи, сохранилъ эту ставку безъ измѣненія.

Въ связи съ изложеннымъ мы должны еще здѣсь вкратцѣ остановиться на *таможенно-политическихъ отношеніяхъ между Россіей и Финляндіей* по вопросу объ обложеніи желѣза. Въ силу закона 20 декабря 1858 г. чугунъ и желѣзо финляндскаго происхожденія могли безпошлинно ввозиться въ Россію въ неограниченномъ количествѣ. Въ 1883 г. свободный импортъ былъ ограниченъ 75.000 пудовъ болѣе тонкихъ сортовъ желѣза въ годъ. Въ 1885 г. безпошлинный ввозъ былъ нормированъ для необработаннаго чугуна и желѣза (болванки) цифрою 400.000 пудовъ въ годъ, полосовое и сортовое желѣзо, а равно и сталь должны были допускаться въ Россію въ количествѣ не свыше 400.000 пудовъ въ годъ при оплатѣ пошлиною въ 15 копѣекъ съ пуда; все, что ввозилось сверхъ этого количества, оплачивалось при импортѣ наравнѣ съ иностранными продуктами.

Новыя опредѣленія 20 мая 1897 г. ограничили безпошлинный ввозъ чугуна изъ Финляндіи $1^1/_2$ мил. пуд., увеличили льготную пошлину для стали и желѣза (см. выше) съ 15 до 30 коп. и обложили тонкіе сорта желѣза и стали пошлиною въ 60 коп. съ пуда.

Какъ *высоко обложенъ* импортъ чугуна въ Россію по сравненію съ другими государствами,—видно изъ подсчета, произведеннаго русскимъ таможеннымъ департаментомъ. По этому разсчету, русская пошлина на желѣзо превышаетъ въ 3,6 раза сѣверо-американскую, въ 5 разъ французскую и въ 5,8 разъ нѣмецкую. Авторъ этого оффиціальнаго разсчета прибавляетъ: «Такимъ образомъ Россія рѣзко выдѣляется даже среди тѣхъ государствъ, которыя придерживаются покровительственной политики».

Пошлина съ пуда чугуна составляетъ въ кредитныхъ копѣйкахъ по курсу 1 рубль—$^1/_{15}$ имперіала: въ Россіи 45, Испаніи и Швейцаріи 12,6, въ Соединенныхъ Штатахъ 12,5, Австро-Венгріи 10,2, Франціи 9; Германіи 7,8, Италіи 6, Португаліи 2 коп., въ Турціи 80% со стоимости; Великобританія, Бельгія, Голландія, Данія, Норвегія, Швеція и Румынія допускаютъ импортъ необработаннаго желѣза безпошлинно [1]).

[1]) *Покровскій*, стр. 232.

ГЛАВА XXIX.

Фритредеры и протекціонисты.—Таможенный тарифъ 3 іюня 1868 г.—Введеніе золотой пошлины (1877 г.).

Тенденціи, которыми было проникнуто тарифное движеніе въ пятидесятыхъ и вплоть до конца шестидесятыхъ годовъ, отражаютъ программу тогдашнихъ «фритредеровъ»; въ дѣйствительности послѣдніе были—правда, умѣренными, если угодно даже достаточно энергичными—протекціонистами. Стремленіе посредствомъ болѣе либеральной таможенной системы открыть внѣшней торговлѣ новые и болѣе широкіе пути занимаетъ въ русской экономической литературѣ того времени только второстепенное мѣсто. Отнюдь не проявляли тогда также склонности рисковать, изъ чисто теоретическихъ соображеній, обезсиленіемъ отечественной индустріи путемъ особаго покровительства импорту иностранныхъ фабрикатовъ. Напротивъ того, національный эгоизмъ является въ то время руководящимъ моментомъ для *всѣхъ* партій. Но всѣ были проникнуты сознаніемъ, что облегченія въ сферѣ ввоза сырья и полуфабрикатовъ могутъ принести только пользу и самой внутренней промышленности. Какъ справедливо замѣчаетъ одинъ весьма свѣдущій въ этой сферѣ изслѣдователь, въ Россіи склонялись къ принципамъ, господствовавшимъ тогда въ Зап. Европѣ, потому что «хотѣли внести свою лепту въ дѣло осуществленія всеобщаго культурнаго идеала—ничѣмъ не ограниченнаго оборота по всѣмъ направленіямъ и отовсюду,—поскольку это было возможно безъ ущерба для собственной выгоды». [1]) Это вѣрно, но первое мѣсто занимала все же «собственная выгода». Тѣ, кто пропагандировали необходимость принципіально отказаться отъ системы запрещеній, потому и имѣли успѣхъ, что сумѣли доказать полезность перемѣны въ области таможенной политики для самой тогдашней Россіи.

Послѣ окончанія крымской войны (1856 г.), такъ ужасно потрясшей страну и въ экономическомъ отношеніи, и съ вступленіемъ на престолъ императора Александра II,—государя, исполненнаго либеральныхъ и гуманныхъ идей и дававшаго право питать самыя свѣтлыя надежды,—наступали, казалось, лучшіе дни для приверженцевъ реформъ. Приготовленія къ освобожденію крестьянъ и затѣмъ само освобожденіе революціонизировали сердца и умы руководящихъ дѣятелей. Основные принципы народнаго хозяйства въ ихъ примѣненіи къ нуждамъ собственной страны были подвергнуты строгому пересмотру, вызвавшему весьма оживленную литературную полемику. Подъ покровительствомъ экономической политики Канкрина въ Россіи выросла, какъ извѣстно, промышленность, нуждавшаяся

---

[1]) *Stieda*, Russische Zollpolitik, Schmollers Jahrbuch, N. F. 7, Jahrg. 9 S. 185.

въ защитѣ противъ конкурренціи не только Западной Европы, но и индустріи Царства Польскаго, освобожденной отъ болѣе стѣснительныхъ таможенныхъ запретовъ. Торговыя сношенія и условія оборота тѣснѣе сблизили также восточную Европу съ западной и внесли въ Россію новыя идеи и новые практическіе пріемы дѣятельности.

Отмѣна крѣпостнаго права, прежде всего, выдвинула на первый планъ интересы огромной массы потребителей, экономическому благосостоянію которой до тѣхъ поръ удѣлялось весьма мало вліянія. Передъ дѣятелями, отвѣтственными за экономическое процвѣтаніе населенія, естественно вставалъ вопросъ, достаточно ли считается столь сурово проводимый протекціонизмъ съ потребностями многомилліонной массы, которая въ виду своего численнаго превосходства составляла тогда еще въ большей мѣрѣ чѣмъ теперь собственно русскій народъ. Одинъ изъ литературныхъ борцовъ за уменьшеніе покровительственныхъ пошлинъ (Ушинскій) вычислилъ, что за время съ 1822 до 1854 г. дѣйствовавшая тогда покровительственная система облагала все населеніе Россіи ежегоднымъ налогомъ въ 1 р. 65 коп. съ человѣка или 10 р. съ семьи. Этотъ налогъ падалъ, правда, до тѣхъ поръ только на очень немногочисленный высшій слой населенія, такъ какъ крѣпостной крестьянинъ не употреблялъ индустріальныхъ продуктовъ, и нельзя было напередъ разсчитывать, чтобы только-что освобожденный отъ рабства «мужикъ» сразу сдѣлался потребителемъ фабричныхъ издѣлій.

Но лучшая часть общества все же хотѣла и надѣялась, что новая, свободная эра должна пробудить и развить производительныя силы и потребительную способность низшихъ сословій. Въ интересахъ послѣднихъ было особенно необходимо удешевленіе жизненныхъ припасовъ, а также облегченіе ввоза фабрикатовъ и сырья. Противъ высказывавшихся опасеній, что ослабленіе таможенной защиты можетъ нанести тяжелый ударъ отечественной индустріи, выставляли то соображеніе, что съ 1850 г., т. е. со времени вступленія на путь болѣе умѣреннаго протекціонизма, въ общемъ вовсе не обнаружилось упадка промышленности. Отдѣльнымъ отраслямъ индустріи и промышленнымъ предпріятіямъ, особенно болѣе мелкимъ, обремененнымъ значительными накладными расходами, грозилъ, правда, почти неминуемый упадокъ въ борьбѣ съ надвигающейся обостренной конкуренціей, но это не вызывало особенныхъ сожалѣній: о «тепличныхъ» предпріятіяхъ государству нѣтъ надобности заботиться.

По мнѣнію протекціонистовъ, государство должно было, напротивъ того, непоколебимо придерживаться принциповъ покровительства индустріи именно въ интересахъ низшихъ классовъ сельскаго населенія. Фабрика — говорили они — въ самыхъ разнообразныхъ формахъ даетъ крестьянину хлѣбъ, обезпечиваетъ ему занятіе и заработокъ въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ вынужденной безработицы, она воспитываетъ искусныхъ промышленниковъ и распространяетъ полезныя знанія. Для крестьянина совершенно безразлично, высоко

или низко обложены иностранные продукты, которые для него во всякомъ случаѣ являются и еще надолго останутся недосягаемой роскошью. Крестьянину нуженъ хлѣбъ, и это даетъ ему національная индустрія. Принципіальные протекціонисты ссылались, далѣе, и на обязанность государства путемъ цѣлесообразной таможенной политики оказывать и въ будущемъ посильную защиту вызванной къ жизни съ такими огромными жертвами индустріи въ виду тѣхъ трудностей, которыя создаютъ для нея недостатокъ рабочихъ рукъ, кредита и путей сообщенія, а также господство бюрократіи въ судѣ и администраціи.

Такъ складывалась экономическая борьба между протекціонистами и «фритредерами». Интеллигенція, какъ носительница либеральныхъ идей того времени, сумѣла обосновать правильность своихъ экономическихъ воззрѣній богатымъ фактическимъ матеріаломъ изъ исторіи развитія промышленности; и она одержала верхъ и на практикѣ, когда тарифъ 1857 г. былъ подвергнутъ пересмотру въ 1867 и 1868 гг. [1]).

Таможенный тарифъ 3 іюня 1868 г., вступившій въ силу 1 января 1869 г., отмѣнилъ таможенную пошлину по 16 статьямъ, уменьшилъ тарифныя ставки въ 152 случаяхъ и увеличилъ ихъ для 35 продуктовъ. Въ тарифѣ 1868 г. умѣренно-покровительственная политика 1850—1877 гг. достигла своего «зенита»; за этимъ періодомъ слѣдуетъ уже время болѣе усиленнаго обложенія, начало которому было положено закономъ о взиманіи пошлинъ золотомъ (1877 г.). Крайніе протекціонисты утверждаютъ, что Россія въ этотъ періодъ «фритредерства» игнорировала важнѣйшіе интересы своей хозяйственной жизни. На эту ошибочную таможенную политику падаетъ, между прочимъ, вина и въ томъ, что Россія не начала энергично эксплоатировать свои естественныя богатства уже въ семидесятыхъ годахъ; слѣдовало именно высокими таможенными ставками возможно болѣе стѣснить ввозъ желѣза и угля, вмѣсто того, чтобы покровительствовать ему [2]). Этотъ взглядъ не выдерживаетъ, однако, критики.

Именно Россія даетъ множество доказательствъ того, что наличность цѣнныхъ естественныхъ богатствъ и устраненіе иностранной конкуренціи еще не достаточны, чтобы создать жизнеспособную промышленность. Ввозъ, напримѣръ, желѣза въ теченіе слишкомъ полустолѣтія былъ либо вовсе воспрещенъ, либо обложенъ почти запретительными пошлинами, и тѣмъ не менѣе производство чугуна не сдѣлало никакихъ успѣховъ. Съ другой стороны, тарифная

---

[1]) Изложенный взглядъ нѣсколько уклоняется отъ воззрѣнія Туганъ-Барановскаго. Въ его болѣе широкомъ изложеніи яснѣе выступаютъ детали вопроса. Ср. интересныя соображенія его въ гл. «Общество и литература въ ихъ отношеніи къ фабрикѣ», стр. 319—368 и 589—626. О развитіи промышленности за время съ 1856 до 1877 г. ср. также подходящія главы въ этомъ трудѣ.

[2]) *Менделѣевъ*, Разумный таможенный тарифъ, т. I, стр. 4 и др. *Тимирязевъ*, Промышленность и торговля Россіи, стр. 14.

политика, направлявшая индустрію на производство готовыхъ фабрикатовъ изъ иностраннаго сырья и полуфабрикатовъ, болѣе содѣйствовала распространенію въ Россіи промышленнаго труда, чѣмъ многія другія мѣропріятія. У одного весьма компетентнаго автора читаемъ по этому поводу: [1])

«При отмѣнѣ крѣпостного права Россія имѣла очень высокій таможенный тарифъ. Этотъ тарифъ хотя и является болѣе умѣреннымъ по сравненію съ Канкриновскими запретительными пошлинами двадцатыхъ годовъ, но никогда не могъ бы вызвать реорганизацію экономическаго строя,—жизненный вопросъ для Россіи послѣ Крымской войны и освобожденія крестьянъ.

При тогдашнихъ пошлинахъ на чугунъ и желѣзо, всякаго рода машины, хлопокъ и т. д. не были бы возможны ни постройка желѣзнодорожной сѣти, ни развитіе текстильной и сахарной промышленности, ни переходъ къ болѣе интенсивной сельскохозяйственной культурѣ... Переходъ къ болѣе либеральной политикѣ былъ не теоретическимъ экспериментомъ, а практическимъ удовлетвореніемъ настоятельныхъ потребностей государства». [2])

Нельзя, однако, отрицать, что въ первое время послѣ отмѣны крѣпостного права и вплоть до середины семидесятыхъ годовъ промышленность и торговля могли только медленно развиваться. Точно также слѣдуетъ согласиться, что основныя тенденціи таможенной политики не создавали непосредственныхъ стимуловъ къ поднятію добывающей промышленности. Хотя таможенныя ставки и въ это время были достаточно высоки для того, чтобы затруднить доступъ иностраннымъ фатрикатамъ, но все же широкое допущеніе иностранныхъ вспомогательныхъ матеріаловъ побуждало промышленность искать своей опоры преимущественно въ этихъ послѣднихъ. Изъ за границы получали собственно все, что было необходимо для созданія готовыхъ издѣлій, довольствуясь переработкой и отдѣлкой иностранныхъ матеріаловъ.

Большое недовольство вызывало, далѣе, то обстоятельство, что обрабатывающая индустрія сосредоточилась преимущественно въ западныхъ пограничныхъ губерніяхъ, такъ какъ тамъ она была ближе къ своимъ иностраннымъ источникамъ сырья, чѣмъ въ губерніяхъ внутреннихъ. Усиленный спросъ на иностранные матеріалы для производства не могъ, далѣе, остаться безъ вліянія и на торговый балансъ. Это въ свою очередь ухудшало платежный балансъ и государственные финансы. Болѣе широкое допущеніе импорта придало активному до тѣхъ поръ торговому балансу пассивный характеръ, и этого не предотвратило даже то обстоятельство, что именно въ то время экспортъ изъ Россіи былъ весьма интенсивный, въ виду высокихъ

---

[1]) *Шванебахъ*, стр. 117 (см. прим. на стр. 139).

[2]) *Бушенъ*, авторъ изслѣдованія по вопросамъ желѣзнодорожнаго хозяйства, замѣчаетъ спеціально по поводу покровительства ввозу желѣза: «Россія никогда не была бы въ состояніи безъ этого ввоза достигнуть въ теченіе 15 лѣтъ того, что теперь является фундаментомъ ея дальнѣйшаго промышленнаго развитія, т. е. создать машиностроеніе и выстроить желѣзнодорожную сѣть въ слишкомъ 20000 верстъ.

хлѣбныхъ цѣнъ на мировомъ рынкѣ. Движеніе торговаго баланса видно изъ нижеслѣдующей таблицы. [1])

Въ среднемъ за время.	Вывозъ.	Ввозъ.	Вывозъ меньше (—) или больше (+) ввоза.
съ 1866 до 1870 г.	317,3	317,7	— 0,4 мил. руб.
» 1871 » 1875 г.	470,6	565,7	— 95,1 » »
» 1876 » 1880 г.	527,3	517,7	+ 9,6 » »
» 1881 » 1885 г.	550,0	494,3	+ 55,7 » »
» 1886 » 1890 г.	630,9	392,3	+ 238,6 » »
» 1891 » 1895 г.	621,4	463,4	+ 158,0 » »
» 1896 » 1900 г.	698,1	607,3	+ 90,8 » »

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить слѣдующій немаловажный фактъ. Неблагопріятный торговый балансъ не отражался вовсе на курсѣ бумажныхъ денегъ. Курсъ даже повышался и достигъ высшаго своего уровня въ 1875 г.,—годъ съ исключительно неблагопріятнымъ балансомъ. Еще въ одномъ отношеніи основныя теоретическія положенія экономической науки, казалось, совершенно не оправдывались русской практикой. Несмотря на явно неблагопріятное положеніе баланса, обнаруживался весьма значительный притокъ иностраннаго золота въ Россію; по крайней мѣрѣ, металлическій фондъ государственнаго банка возросъ за время 1871—1875 г. съ 143 до 231 мил. руб., такъ что финансовые политики серьезно признавали возможнымъ вновь выдвинуть на очередь вопросъ о возстановленіи металлической валюты. Чѣмъ же объясняется это странное явленіе? Объясненіе дастъ *политика займовъ*, какъ они совершались Россіей въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ. За время съ 1860 до 1875 г. было заключено за-границею займовъ на полный милліардъ рублей, причемъ съ конца шестидесятыхъ годовъ не было ни одного года, въ которомъ не былъ бы реализованъ новый значительный металлическій заемъ. Эти займы предназначались главнымъ образомъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, въ виду чего они шли на пополненіе «желѣзнодорожнаго фонда», но въ то же время они имѣли цѣлью: служить къ улучшенію торговаго баланса, держать на высокомъ уровнѣ вексельный курсъ и увеличивать металлическій запасъ государственнаго банка. Неудовлетворительность торговаго баланса, несомнѣнно сильно пассивнаго, прикрывалась искусственно привлеченнымъ въ Россію золотымъ потокомъ, составлявшимся изъ иностранныхъ займовъ и капиталовъ, помѣщавшихся въ русскія индустріальныя предпріятія. Пока продолжался этотъ притокъ занятаго золота считали себя богатыми и строили смѣлые валютные планы. Но когда съ приближеніемъ восточной войны иностранные денежные рынки сжались и попытки заключенія новыхъ займовъ оказались неуспѣшными (1876 г.),—наступило тягостное отрезвленіе.

---

[1]) Ср. также таблицу на стр. 135.

Чтобы хоть въ нѣкоторой степени поддержать курсъ бумажнаго рубля пришлось пожертвовать значительной частью золотого запаса. Для уплаты процентовъ по внѣшнимъ займамъ государственный банкъ долженъ былъ въ короткое время израсходовать 50 мил. руб. золотомъ. Съ того момента, какъ прекратился притокъ иностраннаго капитала, дѣла приняли весьма печальный оборотъ; столь старательно накопленному золоту грозила крайняя опасность. Такъ какъ искусственные подпорки рухнули, то обратились къ давно испытанному средству, къ улучшенію государственныхъ финансовъ: большой вывозъ, какъ можно меньшій ввозъ. Соотвѣтственная тому и таможенная политика должна была служить финансовымъ цѣлямъ.

Предвѣстникомъ подготовляемаго за кулисами таможенно-политическаго переворота явилось распоряженіе 1 января 1877 г. объ *оплатѣ таможенныхъ пошлинъ золотомъ.* Таможенное обложеніе импортируемыхъ товаровъ было такимъ образомъ повышено на 25%, а если принять во вниманіе тогдашній курсъ бумажнаго рубля—даже на 33%. Къ концу 1876 г. русскій бумажный рубль стоилъ около 2,45 нѣм. мар., золотой же рубль составлялъ 3,24 марки; въ октябрѣ 1877 бумажный рубль упалъ до 1,90 мар. Кромѣ того, война съ Турціей поглощала огромныя суммы; бюджетъ на 1877 г. былъ исчисленъ съ дефицитомъ въ 465½ мил. руб При такомъ опасномъ состояніи финансовъ было съ русской точки зрѣнія актомъ необходимой финансово-политической предусмотрительности—создать въ видѣ золотой пошлины такой источникъ для покрытія процентовъ по внѣшнимъ займамъ который не зависѣлъ бы отъ не поддающихся учету колебаній кредитныхъ денегъ.

Вліяніе этой таможенно-политической перемѣны обнаружилось весьма скоро: ввозъ постепенно сократился и торговый балансъ вновь сдѣлался активнымъ. Съ 1877 г. только 1880 и 1881 г. имѣли пассивный баллансъ, и то потому, что вслѣдствіе неурожаевъ сократился экспортъ хлѣба. Въ 1881 г. таможенныя ставки были увеличены на 10%, а управленіе финансами министра Вышнеградскаго (1887—1892 г.) завершило, какъ мы видимъ ниже, этотъ поворотъ въ таможенной политикѣ.

ГЛАВА XXX.

О торговомъ оборотѣ между Россіей и Германіей.—Внѣшнія торговыя отношенія.

Въ Германіи возлагали большія надежды на таможенный тарифъ 1868 г., въ которомъ должна была отразиться политика Рейтерна. Но въ концѣ концовъ и въ этомъ тарифѣ не обнаружилось перемѣны въ *системы* таможеннаго законодательства и вступленія на путь широкихъ облегченій импорта. Прежніе тарифы устанавляли болѣе низкія пошлины для ввоза черезъ сухопутную границу, чѣмъ для морскаго импорта, и такимъ образомъ создавали благопріят-

ныя условія для ввоза нѣмецкихъ продуктовъ сухимъ путемъ [1]. Можно было бы, вѣроятно, достигнуть сохраненія и на будущее время этой благопріятной для Германіи дифференціальной пошлины, если бы были сдѣланы соотвѣтственныя усилія. Но, повидимому, нѣмецкое правительство воздержалось отъ этого въ интересахъ германскихъ торговыхъ портовъ. Записка нѣмецкаго торговаго съѣзда, останавливаясь на этомъ вопросѣ, чрезвычайно сдержанно констатируетъ только, что относительно привилегій сухопутнаго импорта взгляды и пожеланія раздѣлились.

Нѣмецкій торговый съѣздъ уже, впрочемъ, въ 1864 г. выработалъ записку по поводу заключенія торговаго и таможеннаго договора государствъ германскаго таможеннаго союза съ Россіей, причемъ были высказаны многочисленныя жалобы на безконечныя таможенныя притѣсненія и препятствія торговому обороту. Такъ какъ незадолго передъ тѣмъ былъ заключенъ торговый договоръ между Пруссіей и Франціей, то съѣздъ выражалъ надежду, что удастся достигнуть соглашенія и съ Россіей, вызываемаго настоятельнѣйшими потребностями торговли. Записка была и осталась совершенно безрезультатнымъ, бумажнымъ протестомъ.

О затрудненіяхъ русско-германскаго торговаго оборота много разъ заходила рѣчь и въ палатѣ депутатовъ и въ рейхстагѣ, 25 января 1867 г. прусское правительство было интерпеллировано по вопросу о томъ, что оно намѣрено предпринять «чтобы достигнуть такого урегулированія пограничнаго оборота съ Польшей и другими частями Русской имперіи, которое соотвѣтствовало бы существующимъ международнымъ обязательствамъ, интересамъ великаго герцогства Позенскаго и обѣихъ сосѣднихъ провинцій, а равно и требованіямъ времени,—или же добиться прекращенія созданныхъ въ новѣйшее время препятствій для торговаго оборота и другихъ притѣсненій для подданныхъ германскихъ государствъ.

Министръ-президентъ гр. Бисмаркъ, возражая на интерпелляцію, поставилъ, между прочимъ, вопросъ—какимъ же собственно способомъ Пруссія могла бы вызвать перемѣну въ таможенной политикѣ Россіи? Но при этомъ онъ призналъ, что пограничный оборотъ съ Россіей уже въ теченіе цѣлаго полустолѣтія нельзя признать нормальнымъ.

Лѣтъ двѣнадцать спустя, по случаю установленія въ Россіи золотой пошлины, Бисмаркъ коснулся въ рейхстагѣ также и вопроса о реторсіонныхъ пошлинахъ въ отношеніи русскаго импорта, такъ какъ на его взглядъ это было бы единственнымъ средствомъ достигнуть какихъ либо уступокъ со стороны Россіи. Эти парламентскія разсужденія, какъ извѣстно, не повели ни къ какимъ положительнымъ мѣрамъ.

---

[1]) Это покровительство германскому импорту вызывалось, впрочемъ—какъ утверждаютъ исключительно враждебнымъ отношеніемъ къ Англіи и ея импортной торговлѣ. *Beutner* Materialen zum Abschlusse eines Handelsvertrages mit Russland. Berlin. 1861.

«Внѣшняя экономическая политика» Россіи, т. е. совокупность мѣропріятій для содѣйствія внѣшней торговлѣ и мореплаванію, въ третьей четверти 19 столѣтія (1851—1876) была направлена на созданіе благопріятныхъ условій для національнаго труда путемъ расширенія сферы сбыта и установленія новыхъ торговыхъ сношеній. Соотвѣтственно этому были заключены со многими государствами договоры, которые, однако, по крайней мѣрѣ поскольку дѣло касалось европейскихъ государствъ, регулировали только внѣшнія формы торговаго оборота и мореплаванія. Конвенція *съ Франціей*, заключенная въ 1857 г., не предоставляла русскимъ судамъ равныхъ правъ съ французскими, и потому при пересмотрѣ соглашенія въ 1874 г. Россія выговорила равноправіе въ этомъ отношеніи обоихъ государствъ. Сборы, взимавшіеся *Даніей* за проходъ судовъ черезъ Зундскій проливъ и оба Бельта, были выкуплены (1857 г.). Съ *Бельгіей и Германскимъ таможеннымъ союзомъ* были заключены договоры о правахъ торговли и интересахъ мореплаванія; такія же соглашенія состоялись и съ нѣкоторыми другими государствами.

Что касается торговли въ *Азіи* и съ Азіей, то въ сферѣ и торговой политики и таможеннаго законодательства прилагались всѣ усилія къ возможному ея расширенію. Особое вниманіе удѣлялось таможенно политическимъ отношеніямъ къ *Китаю*. Здѣсь удержались еще старыя правила и ограниченія, тормозившія дѣятельность русскихъ купцовъ. Такъ, потребовалось Высочайше утвержденное постановленіе сибирскаго комитета отъ 1 августа 1855 г., чтобы была дозволена торговля на наличный разсчетъ вмѣсто обмѣна товарами по строго предписаннымъ цѣнамъ. Айгунскій договоръ 16 мая 1858 г., обезпечившій за Россіей обладаніе лѣвымъ берегомъ Амура, установилъ нѣкоторыя новыя преимущества и для русской торговли. Соглашеніе, подписанное въ Пекинѣ 20 ноября 1862 г., установило право русскихъ купцовъ безпошлинно производить торговлю въ пятидесяти верстной чертѣ на всемъ поряженіи Китайской границы и по всей Монголіи, взамѣнъ чего Россія предоставила таможенную свободу всѣмъ китайскимъ товарамъ, кромѣ чая.

Раздѣлъ шестой.

Экономическая и торговая политика съ 1881 до 1893 года.

1. Министры финансовъ Бунге (1881 — 1887 г.) и Вышнеградскій (1887—1893 г.).

ГЛАВА XXXI.

Политика и хозяйство.—Бунге и Вышнеградскій.—Состояніе государственнаго бюджета.—«Система Вышнеградскаго».

Послѣ трагической смерти императора Александра II (1 марта 1881 г.) въ Россіи настало время, мало благопріятное для борьбы съ финансовымъ неустройствомъ и для заботъ о поднятіи подавленныхъ хо-

зяйственныхъ элементовъ, такъ какъ вниманіе правительства было въ высокой степени поглощено вопросами внутренней политики. Главной заботой правительства была тогда борьба съ нигилизмомъ, усиленіе авторитета государства и церкви, обезпеченіе господства «русской идеи» и православія надъ элементами «инородческими» въ національномъ и церковномъ отношеніи. Этотъ лихорадочный, веденный съ напряженіемъ всѣхъ государственныхъ силъ, трудъ умиротворенія и ассимиляціи простирался, въ разныхъ формахъ, но одушевляемый опредѣленной единой тенденціей, на всю имперію, отъ границъ Китая до побережья Балтійскаго моря. Возникло такимъ образомъ множество политическихъ «вопросовъ», немедленнаго разрѣшенія которыхъ требовали окрѣпшія старорусскія партіи въ сознаніи своей—вновь вернувшейся къ нимъ—руководящей роли.

Мы должны упомянуть объ этомъ, такъ какъ національная политика никогда почти не оказывала такого сильнаго вліянія на экономическую жизнь, какъ въ первую половину восьмидесятыхъ годовъ. Идея, что Россія какъ «изолированное» государство сможетъ сама удовлетворить всѣ свои потребности, вновь, казалось, дѣлалась догматомъ вѣры. Національзмъ усиленно возставалъ противъ «чужеземной» индустріи въ пограничныхъ областяхъ, и правительство старалось противодѣйствовать вторженію иностраннаго капитала и использованію нѣмецкихъ рабочихъ и интеллигентныхъ силъ въ фабричной промышленности.

Но политическія теченія и националистическія тенденціи не могли, однако, скрыть той горькой истины, что послѣ войны, разрушившей столь старательно созданный Рейтерномъ порядокъ въ управленіи финансами,—послѣдніе находились въ крайне разстроенномъ состояніи. Только строго обдуманная, систематическая и осторожная финансовая политика могла залѣчить эти раны. Въ маѣ 1881 г. во главѣ финансоваго управленія былъ поставленъ Николай *Бунге* [1]).

Неоспоримыя заслуги пріобрѣлъ Бунге своимъ неизмѣннымъ стремленіемъ къ поднятію экономическаго благосостоянія населенія,—прежде всего крестьянскаго. Отмѣна подушной подати, мѣры къ окончательному выкупу государственными крестьянами ихъ земель, реформа земельнаго обложенія, учрежденіе крестьянскаго земельнаго и дворянскаго банка, — все это частью содѣйствовало уничтоженію старыхъ тормазовъ экономическаго прогресса, частью создало для того новыя благопріятныя условія. Менѣе успѣшна была борьба Бунге съ бѣдствіями тогдашняго бумажно-денежнаго хозяйства и старанія его привести бюджетъ къ равновѣсію.

Бунге не достигъ и въ отдаленной мѣрѣ того, чего можно было ожидать отъ него и что онъ самъ поставилъ себѣ цѣлью въ началѣ своей министерской карьеры. Онъ самъ признавалъ это, когда

---

[1]) О личности Бунге ср. *Картавцевъ*, Николай Бунге (Вѣстн. Евр. 1897 г., кн. 5).

оставлялъ свой постъ. Для нѣкоторыхъ изъ его начинаній еще не созрѣло время, другіе его проекты суждено было осуществить только его преемникамъ — на началахъ, положенныхъ Бунге за сравнительно короткое время его министерской дѣятельности. Что въ иныхъ отношеніяхъ силы Бунге оказались недостаточными, — въ этомъ отчасти слѣдуетъ винить и тѣ препятствія, которыя онъ встрѣчалъ на своемъ пути. «Доктринеръ» Бунге, быть можетъ, и по всему своему характеру былъ мало пригоденъ для борьбы за упроченіе финансоваго порядка съ тою фрондою, традиціонные пріемы и хозяйничаніе которой этотъ порядокъ разрушалъ. Въ недостаткѣ доброй воли и честныхъ стремленій водворить порядокъ Бунге во всякомъ случаѣ нельзя винить. Правда, такимъ закоренѣлымъ грѣшникамъ, какъ пріобрѣвшіе столь печальную извѣстность руководители частныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, слѣдовало противопоставить не такую энергію, какую Бунге въ состояніи былъ проявить.

Въ концѣ 1886 г. Бунге долженъ былъ уйти, потому что—какъ говорили тогда—онъ сдѣлался «невозможнымъ» вслѣдствіе общаго недовольства его неумѣлой финансовой политикой. Всѣ экономическія затрудненія и финансовыя неудачи, неурожаи и промышленный кризисъ, плохой вексельный курсъ и невыгодные государственные займы, дефициты и разстройство валюты,—въ концѣ концовъ были поставлены въ вину академической учености министра финансовъ, который, въ увлеченіи безплодными теоріями, не сумѣлъ оплодотворить національную экономическую почву.

Указомъ 1 января 1887 г. руководство министерствомъ финансовъ было поручено *Вышнеградскому*. Условія, при которыхъ Вышнеградскій начиналъ свою дѣятельность, были сравнительно благопріятны, во всякомъ случаѣ неизмѣримо лучше, чѣмъ въ 1881 г., къ началу дѣятельности Бунге. Послѣдній засталъ государственное хозяйство еще совершенно не оправившимся отъ ударовъ турецкой войны, разстроенные финансы, почти совершенно непригодную налоговую систему, и общее состояніе народа, въ высокой мѣрѣ потрясенное внутреннимъ броженіемъ. Протекшія съ тѣхъ поръ шесть лѣтъ многое сгладили и улучшили. Обнаруживались уже благодѣтельныя послѣдствія процесса оздоровленія, начатаго Бунге съ такими непреклонными усиліями. Бюджетное равновѣсіе хотя и не было возстановлено, но государственное хозяйство было поставлено, по крайней мѣрѣ, на лучшій путь. Вѣдь Бунге сумѣлъ — при ежегодныхъ огромныхъ дефицитахъ! — скопить свободную наличность свыше 260 мил. руб.

Къ этому присоединились обильные урожаи 1887—1889 г., благопріятныя послѣдствія которыхъ усугубились еще неурожаями въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ, такъ какъ экспортъ хлѣба принялъ вслѣдствіе этого огромные размѣры и — какъ это всегда бываетъ въ Россіи при такихъ обстоятельствахъ—далъ сильный толчокъ впередъ всей торговлѣ и обороту, торговому балансу и налоговымъ поступленіямъ.

Упадокъ доходности капитала въ Западной Европѣ, обусловленный сильнымъ ростомъ свободныхъ капиталовъ, и обильное предложенiе исключительно дешеваго кредита на международномъ рынкѣ также явились полезными вспомогательными факторами при кредитныхъ операцiяхъ новаго министра финансовъ. Послѣднiй нашелъ такимъ образомъ уже подготовленную почву и сравнительно благопрiятныя условiя для начала своей дѣятельности.

За все время управленiя финансами Бунге не прекращались бюджетные дефициты, Вышнеградскiй же съ перваго (1887) года достигъ въ этомъ отношенiи блестящихъ результатовъ. Если сравнить бюджеты обоихъ этихъ министровъ, то становится понятнымъ, почему близорукiе современники такъ цѣнили финансово-политическую изобрѣтательность Вышнеградскаго и такъ критически относились къ дѣятельности Бунге. Эти бюджеты видны изъ нижеслѣдующей таблицы (въ миллiонныхъ рублей).

Обыкновенный бюджетъ.

Обыкновенные доходы больше (+) или меньше (—) расходовъ.

ГОДЪ.	Предположено по смѣтѣ.	Дѣйствительныя поступленiя	Обыкновенные доходы больше (+) или меньше (—), чѣмъ па смѣтѣ.
(Бунге) 1882—1886 г.			
за все время	—53,8	—121,2	— 26,6
въ среднемъ.........	—10,7	— 24,2	— 5,3
(Вышнеградскiй) 1887 — 1891 г.			
за все время	—28,2	+236,8	+181,2
въ среднемъ.........	— 5,6	+ 47,3	+ 36,2
1892 г..............	— 25,1	+ 65,6	+ 83,6

Смѣтныя предположенiя за оба пятилѣтiя 1882—1886 г. и 1887—1891 г. еще поддаются сравненiю, но какая же огромная разница въ исполненiи бюджетовъ! У *Бунге*, исключая 1882 г., дефициты, съ 1883 г. прогрессивно возрастающiе, такъ что въ среднемъ дефицитъ достигаетъ 24,2 мил. руб. У Вышнеградскаго же дѣйствительныя поступленiя превышаютъ скромныя предположенiя на 265 мил. руб. (236,8+28,3). Въ результатѣ: ежегодное превышенiе доходовъ надъ расходами въ 47,3 мил. руб. Наконецъ, результаты

бюджетной политики Вышнеградскаго особенно характерно обнаруживаются въ цифрахъ уклоненій, т. е. на сколько обыкновенные доходы за каждый бюджетный годъ оказались ниже предположенныхъ по смѣтѣ (у Бунге 26,6 мил. руб.!) или же превысили ихъ (у Вышнеградскаго на 181,2 мил. руб.!).

Но средства и другія орудія этой финансовой политики, при помощи которыхъ были достигнуты блестящіе бюджетные результаты всецѣло заимствовались изъ арсенала самаго упорнаго и закоренѣлаго фискализма. Вся совокупность хозяйственно-политическихъ мѣропріятій Вышнеградскаго служила его «золотой политикѣ», стремленію накопить возможно большій запасъ желтаго металла. Эта «система Вышнеградскаго» въ большей или меньшей мѣрѣ господствовала во всѣхъ отрасляхъ государственнаго финансоваго хозяйства. Такъ какъ этотъ золотой фондъ приходилось привлечь главнымъ образомъ изъ за-границы, то были приведены въ движеніе всевозможные рычаги, чтобы усилить притокъ въ Россію иностраннаго золота. Въ качествѣ важнѣйшихъ предварительныхъ условій этого золотого потока были необходомы благопріятный торговый балансъ и скопленіе въ рукахъ фиска достаточной свободной наличности. Соотвѣтственно этому и велось финансовое хозяйство. Улучшенію баланса служило *стѣсненіе импорта* путемъ увеличенія таможенныхъ ставокъ и *поощреніе вывоза*, съ каковою цѣлью культивировался своего рода экспортный фанатизмъ. Если ростъ товарнаго экспорта вызывалъ соотвѣтственныя приплаты со стороны иностранныхъ государствъ, *то конверсія государственнаго долга* должна была уменьшить ту «дань», которую Россія выплачивала за-границу въ качествѣ должника. *Увеличеніе доходовъ государства* достигалось главнымъ образомъ повышеніемъ налоговъ и *сокращеніемъ бюджетныхъ расходовъ*. Указанныя начала проводили неуклонно и ни съ чѣмъ не считаясь, и къ этому сводилась— «система Вышнеградскаго» [1]).

ГЛАВА XXXII.

«Золотая политика» и внѣшняя торговля.

Въ Россіи были писатели-экономисты—въ новѣйшее время таковыхъ, повидимому, не имѣется — старавшіеся, чтобы поддержать реноме и заслуги Вышнеградскаго, доказать, что упадокъ крестьянскаго хозяйства не находился ни въ какой внутренней связи съ погоней за золотомъ міровового рынка. Но нельзя, въ виду имѣющихся несомнѣнныхъ доказательствъ, отрицать, что аграрный кризисъ вто-

[1]) Что касается деталей «экономической политики Вышнеградскаго, то мы можемъ здѣсь нѣсколько подробнѣе остановиться только на внѣшней торговлѣ, тѣсно связанной со всей торговой политикой. — Ср. *Шванебахъ*, денежная реформа и народное хозяйство, Спб 1901. — *Бехтѣевъ*, экономическіе результаты послѣднихъ 40 лѣтъ и мѣры къ поднятію сельскаго хозяйства, Спб. 1902. — *Головинъ*, финансовая политика Россіи и задачи будущаго. Нѣмецкій переводъ *Колосовскаго, Лейпцигъ* 1900.

рой половины восьмидесятыхъ годовъ—такъ называемый «упадокъ центра»—вызвалъ состояніе тяжелой острой нужды, въ значительной мѣрѣ обусловленной слишкомъ напряженнымъ экспортомъ хлѣба. Столь же мало подлежитъ сомнѣнію и послѣдовательное воздѣйствіе на торговый балансъ съ цѣлью привлечанія иностраннаго золота.

Но и самый искуссный финансистъ не можетъ побороть той аксіомы, что драгоцѣнный металлъ долженъ быть возмѣщенъ заграницѣ товарами или долговыми обрзательствами. Вышнеградскій не былъ склоненъ къ легкомысленному увеличенію внѣшней задолженности государства, и это совершенно понятно. Печальный опытъ его предшественниковъ уже показалъ, съ какими опасными послѣдствіями связаны займы заключаемые исключительно съ цѣлью создать запасъ металла. Вышнеградскій поступалъ поэтому вполнѣ согласно съ обстоятельствами, основывая свою золотую политику на исконныхъ устояхъ народнаго хозяйства, т. е. напрягая производство хлѣба и поощряя его экспортъ. Но и въ осуществленіи *правильныхъ* принциповъ не слѣдуетъ выходить изъ опредѣленныхъ границъ.

Возрастаніе цѣнности экспорта при Вышнеградскомъ иллюстрируется слѣдующими цифрами, причемъ исключенъ 1892 годъ, когда экспортъ хлѣба былъ временно воспрещенъ.

	Вывозъ	Ввозъ	Превышеніе
	въ милліонахъ	рублей	кредитныхъ.
Бунге 1882—1886 г.			
за все время	2870,0	2540,3	329,7
въ среднемъ	574,0	508,0	65,9
Вышнегродскій 1886 -1891 г.			
за все время	3553,0	2016,3	1536,5
въ среднемъ	710,6	403,3	307,3

Ростъ средняго превышенія экспорта за оба пятилѣтія—Бунге и Вышнеградскаго (65,9 и 307,3 мил. руб.) иллюстрируетъ степень его интенсивности. Львиная доля этого вывоза падаетъ на хлѣбъ, средній годовой экспортъ котораго возросъ съ 312 мил. пуд. въ 1882—1886 г. до 441 мил. пуд. въ 1887—1891 г. другими словами это значитъ: вмѣсто 15% чистаго уражая (т. е. за исключеніемъ новаго посѣва) при Вышнеградскомъ вывозилось 22%. Съ точки зрѣнія погони за иностраннымъ золотомъ, такой форсированный экспортъ могъ представляться явленіемъ весьма благопріятнымъ, но для народнаго благосостоянія въ Россіи это представляло прямую опасность. Тотъ хлѣбъ, который Россія вывозила за-границу при постоянно падавшихъ цѣнахъ и стало быть все съ меньшею выгодою, представлялъ собою не излишекъ, свободный за удовлетвореніемъ уже народной потребности, а существенную часть необходимаго для самаго народа жизненнаго продукта. [1]).

[1]) Въ своемъ родѣ знаменитымъ въ литературѣ сдѣлалось замѣчаніе Вышнеградскаго, высказанное имъ будто бы осенью 1891 г., когда вслѣдствіе неурожая опасались отлива золота: „Мы не будемъ питаться, но будемъ вывозить“. Ученый секретарь комитета финансовъ *Гурьевъ* въ

Непосредственнаго принужденія къ экспорту хлѣба, конечно, не существовало, но косвенное принужденіе—въ видѣ соотвѣтственной организаціи налоговъ и желѣзнодорожныхъ тарифовъ—несомнѣнно форсировало отливъ хлѣба за-границу. Это были, впрочемъ, только акцесорные моменты, коренной причиной была нищета крестьянскаго населенія. Такъ какъ обнищаніе сельскаго, населенія возростало въ теченіе продолжительнаго времени, то было бы несправедливо возлагать всю ответственность за это на тогдашняго министра финансовъ; но что бѣдствіе, котораго до тѣхъ поръ, несмотря на многіе угрожающіе симптомы, упорно не хотѣли видѣть, именно при Вышнеградскомъ обнаружилось въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ,—не было простой случайностью. Ослабленный и истощенный хозяйственный организмъ центральной Россіи не былъ болѣе въ состояніи долго выносить тѣ тягости, которыя на него вновь возлагались. Колоссальный ростъ экспорта хлѣба, обезцѣненнаго на міровомъ рынкѣ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ господства „системы" Вышнеградскаго былъ уже самымъ крайнимъ напряженіемъ силъ, за которымъ неминуемо долженъ былъ послѣдовать тѣмъ болѣе разрушительный упадокъ. На верхахъ финансоваго управленія мало замѣчали народную нужду, напрягая всѣ силы на привлеченіе и удержаніе иностраннаго золота, въ то время какъ самые устои народнаго благосостоянія обнаруживали замѣтное—чтобы не сказать опасное сотряссеніе.

Вышнеградскій, безъ сомнѣнія, не былъ тѣмъ, что можно было бы назвать анти-аграріемъ, но столь же мало его можно признать покровителемъ сельскаго хозяйства. Все, что онъ сдѣлалъ для поддержанія земледѣльческаго промысла: устройство элеваторовъ, удешевленные желѣзнодорожные тарифы по направленію къ экспортнымъ центрамъ, банковыя ссуды подъ хлѣбъ, назначеніе хлѣбныхъ инспекторовъ въ видахъ борьбы съ фальсификаціей хлѣба, покровительство сельскохозяйственному винокуренію и установленіе премій для экспорта спирта,—все это находилось подъ знакомъ экономической политики, направленной на достиженіе возможно болѣе активнаго баланса въ видахъ привлеченія въ Россію золота. Оставленное въ пренебреженіи земледѣліе и игнорируемое сельское хозяйство выдали этой «системѣ» въ 1891 г. такой аттестатъ, хуже котораго едва ли и удобомыслимъ.

Усилія Вышнеградскаго упрочить болѣе благопріятный торговый балансъ были бы въ самомъ полномъ значеніи этого слова односто-

---

своемъ трудѣ „Реформа денежнаго обращенія" (спб. 1897, стр. 526) нѣсколько поясняетъ эту своеобразную теорію: „Недоѣданіе, удовлетвореніе потребности въ пищѣ не до полной сытости можно допустить. Но несмотря на то народонаселеніе возрастаетъ въ Россіи быстрѣе, чемъ въ другихъ государствахъ, хлѣба добывается больше, чѣмъ прежде. Вывозъ не имѣетъ ничего общаго съ народнымъ питаніемъ; и если бы экспортъ былъ закрытъ, то „сытости" все же не было бы: по этой простой причинѣ, что народъ не обладаетъ достаточной покупательной способностью, чтобы увеличивать свое потребленіе хлѣба". (*Шванебахъ*, стр. 23).

ронними, еслибы рядомъ съ форсированіемъ экспорта онъ не стремился бы въ то же время къ *ограниченію ввоза*. Стоимость импорта, составлявшая въ 1882—1886 г. въ среднемъ 508 мил. руб., упала въ 1887—1891 г. до 403 мил. руб.

Усердные почитатели Вышнеградскаго нерѣдко ставили ему въ заслугу его живое пониманіе нуждъ отечественной индустріи, требовавшей тогда особой защиты; но черезъ всѣ декретированные имъ таможеннотарифныя нововведенія красной нитью проходитъ собственно одинъ только лейтмотивъ: какъ можно болѣе сократить импортъ.

Таможенная политика въ равной мѣрѣ стѣсняла тогда доступъ какъ издѣлій текстильной индустріи, такъ и сырья, и полуфабрикатовъ (хлопчатая бумага, пряжа); необходимые для индустріи матеріалы (желѣзо, уголь) щадились таможенными тарифами такъ же мало, какъ и основные элементы сельскаго хозяйства (сельскохозяйственныя машины и орудія, удобрительные матеріалы); селедка и кирпичный чай неимущей части населенія облагались съ тѣмъ же усердіемъ, какъ южные фрукты и вина болѣе состоятельныхъ классовъ. Тотъ фактъ, что въ 1890 г. вдругъ были повышены на 20% всѣ вообще таможенныя ставки, достаточно ясно иллюстрируетъ воззрѣнія Вышнеградскаго въ сферѣ вопросовъ протекціонизма. Министръ финансовъ и не скрывалъ, что главная его цѣль—это сокращеніе импорта. Его таможенная политика находилась подъ диктатурою золотой политики. Это вызывало нѣкоторыя весьма забавныя противорѣчія. Высокій курсъ рубля сокращалъ экспортъ и благопріятствовалъ ввозу, поэтому слѣдовало держать его на возможно низкомъ уровнѣ. Съ другой стороны, оживленный импортъ увеличивалъ поступленіе пошлинъ, взимавшихся золотомъ. Вышнеградскій проектировалъ поэтому установленіе подвижной таможенной скалы, при которой онъ имѣлъ бы возможность увеличивать или уменьшать таможенныя ставки на 20—30% въ зависимости отъ колебаній курса. Государственный совѣтъ, впрочемъ, этотъ проектъ отклонилъ [1].

Таможенная политика Вышнеградскаго, руководимая исключительно фискальными соображеніями, могла такимъ образомъ принести плоды, только по внѣшности прекрасные, по внутреннему же своему значенію весьма сомнительной цѣнности. Такимъ результатомъ, видимо благопріятнымъ какъ для промышленности, такъ и для фиска, было повышеніе таможенныхъ поступленій, несмотря на сокращеніе ввоза. Но въ дѣйствительности это простое устраненіе иностранной конкурренціи отнюдь не являлось, конечно, средствомъ къ здоровому развитію внутренней промышленности.

Благопріятнымъ симптомомъ экономическаго роста могло казаться и то обстоятельство, что *товарный балансъ* показывалъ

---

[1]) *Мигулинъ, II*, стр. 513.— *Шванебахъ*, стр. 123, приводитъ нѣсколько поучительныхъ примѣровъ, какъ въ коммиссіи по выработкѣ таможеннаго тарифа 1891 г. устанавливались таможенныя пошлины, вопреки мнѣнію представителей заинтересованныхъ отраслей промышленности, заявлявшихъ что такія высокія пошлины для нихъ не желательны.

значительное превышеніе стоимости русскаго экспорта; ибо, если не вникнуть при этомъ въ подробности балансовыхъ отношеній, слѣдовало предположить, что это преобладаніе русскаго товарнаго экспорта надъ импортомъ должно быть оплачено иностранными государствами главнымъ образомъ золотомъ. Но мы уже видѣли, что экспортъ хлѣба въ извѣстной мѣрѣ «выжимался» изъ народнаго хозяйства, и какъ мало поводовъ имѣли производители хлѣба быть довольными этимъ избыткомъ экспорта,—видно изъ слѣдующихъ цифръ, иллюстрирующихъ все прогрессирующее несоотвѣтствіе между вывозомъ и вырученными за него суммами [1].

	1881 г. (Бунге).	1886 г. (Вышнеградскій).	1894 г. (Витте).
Экспортъ хлѣба .	202,8	278,5	617,2 мил. пуд.
Вырученная за него сумма .	242,3	233,3	369,4 мил. руб.
Средняя цѣна за пудъ хлѣба . .	119,4	83,7	59,3 коп.

Производительныя силы страны не извлекли никакой выгоды изъ усиленнаго экспорта. Превышеніе вывоза надъ ввозомъ не приносило даже въ страну соотвѣтственнаго количества иностраннаго золота. Вышнеградскому приходилось при этихъ условіяхъ принимать мѣры не только къ улучшенію торговаго баланса, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ обезпеченію тѣхъ металлическихъ выгодъ, которыхъ ждали отъ форсированнаго вывоза. Это удалось ему только отчасти; и здѣсь дала себя знать обычная для Россіи система: слишкомъ много бюрократической выдумки, слишкомъ мало естественнаго развитія.

II.

Торговая и таможенная политика съ 1877 до 1890 г.

(Четвертый періодъ.)

ГЛАВА XXXIII.

Возвратъ къ протекціонизму.—Увеличеніе таможенныхъ ставокъ съ 1881 до 1890 г.—Пошлины на желѣзо.—Таможенный доходъ, торговый балансъ, индустрія.

Взиманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ (съ 1877 г.) послужило началомъ *поворота къ протекціонизму*. Система усиленнаго покровительства, господствующая съ тѣхъ поръ въ Россіи, съ особою силой проявилась послѣ происшедшей въ первые мѣсяцы 1881 г. перемѣны какъ на тронѣ, такъ и въ управленіи министерствомъ финансовъ: имп. *Александръ III* вступилъ на престолъ 1 марта

---

[1]) По оффиціальнымъ даннымъ таможеннаго департамента Ср. *Бехтѣевъ*, стр. 11.

*

1881 г., а 6 мая того же года министромъ финансовъ былъ назначенъ *Бунге.* Установившуюся при новомъ императорѣ таможенно-политическую систему министръ финансовъ Витте охарактеризовалъ впослѣдствіи въ одной изъ своихъ записокъ къ государственной росписи (за 1895 г.) слѣдующимъ образомъ.

> „Съ того времени, какъ Россія въ своей культурной жизни приблизилась къ Западу, намѣренія и мѣропріятія правительства были направлены на то, чтобы создать и развить отечественную промышленность путемъ покровительственныхъ пошлинъ. Этотъ вопросъ издавна и повсюду вызывалъ разногласія не только между практиками, но и среди ученыхъ. Подъ вліяніемъ приверженцевъ то одного, то другого направленія способъ дѣйствій правительства оставался нерѣшительнымъ до вступленія на престолъ имп. Александра III. Но Александръ III былъ убѣжденнымъ защитникомъ національной промышленности и за все время своего правленія съ неоставлявшей сомнѣній рѣшительностью проводилъ систему таможеннаго покровительства“.

Финансовая политика Бунге велась въ общемъ весьма осмотрительно и осторожно. Пополненіе государственной казны должно было идти, по его мнѣнію, отчасти и за счетъ высшихъ классовъ населенія. Но именно поэтому Бунге признавалъ необходимымъ болѣе интенсивное таможенное обложеніе, исходя изъ той точки зрѣнія что вздорожаніе предметовъ импорта падаетъ почти исключительно на болѣе состоятельныхъ потребителей. То, само собою напрашивающееся, соображеніе, что увеличеніе пошлинъ отражается и на цѣнахъ продуктовъ внутренняго производства, было, повидимому, оставлено при этомъ безъ вниманія.

Проекты пересмотра всего таможеннаго тарифа въ протекціонистскомъ направленіи *Бунге* первоначально отконялъ на томъ основаніи, что такія коренныя ломки нерѣдко вызываютъ неблагопріятныя послѣдствія и осложненія. Къ разрѣшенію такой трудной проблемы слѣдуетъ приступить лишь послѣ тщательнаго опроса заинтересованныхъ круговъ. Этотъ отказъ отъ общаго увеличенія пошлинъ представлялся правильнымъ уже потому одному, что лишь за годъ передъ тѣмъ (въ 1880 г.) предшественникъ Бунге *Абаза* увеличилъ на 10% таможенныя пошлины на всѣ продукты импорта кромѣ соли, чтобы такимъ образомъ покрыть уменьшеніе государственнаго дохода, вызваннаго отмѣною соляного акциза.

Тѣмъ не менѣе Бунге—изъ соображеній покровительственныхъ, фискальныхъ и налоговой политики — уже въ 1882 г. нашелъ возможнымъ усилить обложеніе цѣлаго ряда предметовъ ввоза, причемъ особое вниманіе было удѣлено химическимъ и красильнымъ прудуктамъ. Въ качествѣ вспомогательныхъ продуктовъ другихъ отраслей промышленности они до тѣхъ поръ оплачивались весьма невысокой пошлиной. Но когда вся русская промышленность оказалась огражденной высокой таможенной стѣной, возникла мысль дать и этимъ производствамъ возможность самостоятельнаго развитія въ Россіи. При этомъ имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, сода и сѣрная кислота.

Въ 1885 г. послѣдовало *новое повышеніе* значительнаго числа *таможенныхъ ставокъ*, большая часть ввозныхъ пошлинъ были повышены на 20°/₀. Мотивировалось это повышеніе слѣдующимъ образомъ. Паденіе хлѣбныхъ цѣнъ на мiровомъ рынкѣ и увеличеніе ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ во Франціи и въ Германіи неблагопріятно отражаются на русскомъ экспортѣ. Такъ какъ русская таможенная политика должна придерживаться того основного начала, что ввозъ долженъ оплачиваться вывозомъ, то необходимо безъ замедленія принять мѣры къ ограниченію импорта. «Исключительно для самозащиты, а не въ видѣ репрессалій, ибо послѣднія нерѣдко связаны съ ущербомъ для того, кто къ нимъ прибѣгаетъ».

Пять лѣтъ спустя (въ 1890 г.)—Бунге тѣмъ временемъ былъ замѣненъ Вышнеградскимъ—вновь послѣдовало *общее повышеніе тарифныхъ ставокъ* на 20°/₀. Надбавка коснулась почти всѣхъ продуктовъ, импортируемыхъ черезъ европейскую границу, но въ видѣ временной только мѣры (до 1 іюля 1891 г.), такъ какъ подготовлялся общій пересмотръ таможеннаго тарифа. При этомъ было указано, что «наступившее измѣненіе въ отношеніи цѣны золотого рубля къ бумажному, при взиманіи пошлины золотомъ, ослабило ту защиту, которую таможенный тарифъ долженъ дать производительнымъ силамъ страны». Дѣйствительно, кредитный рубль достигъ тогда небывалой до тѣхъ поръ высоты—въ августѣ 1890 г. золотой рубль цѣнился въ 129 коп. бумажныхъ, противъ 170—180 коп. въ предшествующіе годы,—но этимъ повышеніемъ бумажныя деньги были обязаны главнымъ образомъ, искусственному повышенію курса, благодаря финансовой тактикѣ Вышнеградскаго.

Въ промежутокъ времени между 1877 и 1890 г. многократно издавались распоряженія, касавшіяся отдѣльныхъ предметовъ импорта или группъ товаровъ. Такъ для покрытія расходовъ турецкой войны была установлена въ декабрѣ 1878 г. для европейской границы ввозная пошлина въ 40 коп. съ пуда сырого хлопка, ввозившагося съ 1863 г. безпошлинно, а въ 1881 г. введена такая же пошлина для необработаннаго джута. При Вышнеградскомъ не прекращались требованія объ увеличеніи той или иной тарифной ставки въ виду того, что лучшій курсъ рубля уменьшилъ таможенную защиту; уменьшеніе ставокъ вслѣдствіе паденія курса не было предпринято ни разу. Если фискальные интересы въ связи съ особенно настойчивой агитаціей опредѣленныхъ протекціонистскихъ круговъ предопредѣлили рядъ повышеній отдѣльныхъ тарифныхъ ставокъ, а также суммарныя процентныя надбавки, то *пошлины на желѣзо* вызывали значительныя принципіальныя разногласія.

Борьба за протекціонизмъ никогда не велась въ Россіи такъ энергично и никогда противоположность интересовъ не проявлялась такъ рѣзко, какъ во вторую половину восьмидесятыхъ годовъ при рѣшеніи вопроса о высотѣ пошлины на желѣзо. Размѣръ этой пошлины долженъ былъ служить показателемъ того, до какихъ предѣловъ правительство склонно распространить провозглашенный имъ принципъ защиты національнаго труда; эта пошлина являлась так-

же краеугольнымъ камнемъ всей таможенной политики и всего таможеннаго тарифа, который предстояло теперь переработать на основѣ какого либо единаго принципа; она должна была, наконецъ, указать путь къ примиренію противорѣчащихся интересовъ отдѣльныхъ отраслей промышленности.

Проблема, которую приходилось рѣшать, сводилась къ созданію крупной желѣзной индустріи, которая была бы въ состояніи удовлетворить внутренній спросъ на желѣзо и желѣзныя издѣлія, въ особенности на сельскохозяйственныя орудія и машины, для надобностей желѣзныхъ дорогъ и другихъ отраслей промышленности. Главнымъ препятствіемъ къ достиженію этой цѣли являлось—недостатокъ собственнаго чугуна и угля. Сообразно этому въ пятидесятыхъ годахъ старались по возможности облегчить ввозъ иностраннаго чугуна и, поскольку дѣло шло о болѣе сложныхъ машинахъ или частяхъ ихъ, поощрялся импортъ и таковыхъ [1]).

И въ дѣйствительности былъ достигнутъ результатъ, къ которому стремились. Желѣзная индустрія сдѣлала въ шестидесятыхъ годахъ значительные успѣхи,—правда, болѣе количественные, нежели качественные. Для изготовленія полуфабрикатовъ пользовались преимущественно заграничнымъ сырьемъ, и многочисленныя вновь основанныя машинностроительныя предпріятія ограничивались главнымъ образомъ несложными работами и составленіемъ полученныхъ изъ-за границы машинныхъ частей. Такъ какъ они находились въ сильной зависимости отъ за-границы въ отношеніи матеріаловъ производства и топлива, то они естественно сосредоточились преимущественно въ пограничныхъ губерніяхъ. Обо всемъ этомъ мы уже упоминали. Когда въ семидесятыхъ годахъ вновь одержало верхъ протекціонистское направленіе, указанное положеніе желѣзной индустріи вызывало крайнее недовольство, тѣмъ болѣе, что находившіяся тогда въ періодѣ развитія южно-русская горнопромышленность никоимъ образомъ не могла конкурировать съ иностраннымъ чугуномъ.

И хотя уже въ 1879 г. правительственная коммисія пришла къ заключенію, что русская желѣзная индустрія страдаетъ не отъ недостаточности покровительственныхъ пошлинъ, а отъ неудовлетворительнаго состоянія техники производства, но протекціонистское теченіе было въ то время уже настолько сильно, что это мнѣніе коммисіи было оставлено безъ вниманія [2]).

Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ законодательство защитила всѣ отрасли желѣзной индустріи высокими таможенными ставками. Оно главнымъ образомъ хотѣло поощрить производство чугуна въ Южной Россіи, но въ тоже время, вытѣсненіемъ заграничнаго сырья подняло стоимость всего фабрикаціоннаго процесса въ производствѣ желѣза и ослабило таможенную защиту для полуфабрикатовъ и готовыхъ издѣлій, такъ что въ видахъ равномѣрности должны были быть соотвѣтственно обложены и дальнѣйшія стадіи обработки желѣза; а такъ какъ, несмотря на подавленное состояніе

---

[1]) Подр. о развитіи желѣзныхъ пошлинъ ср. гл. 28.

[2]) Ср. выше, стр. 111.

цѣнъ, Англія и Швеція продолжали сбывать свое желѣзо въ Россію, то Вышнеградскій прибѣгнулъ (въ 1887 г.) къ новымъ дифференцированнымъ повышеніямъ пошлинъ, тарификаціи фрахтовъ и тому подобнымъ мѣрамъ для подавленія иностранной конкуренціи. Пошлины на желѣзо послужили такимъ образомъ пробнымъ камнемъ для пригодности покровительственной политики.

Необходимо сдѣлать еще слѣдующія указанія. Несмотря на постепенное пониженіе пошлинъ на желѣзо внутреннее производство чугуна сдѣлало въ пятидесятыхъ годахъ замѣтные успѣхи,—съ 13,9 мил. пуд. въ 1850 г. оно взросло до 19,2 мил. пуд. въ 1859 г. Этотъ ростъ былъ значичительно больше, чѣмъ за все предшествовавшее полустолѣтіе съ 1806 до 1850 г. Въ изданномъ Покровскимъ сборникѣ матеріаловъ министерства финансовъ мы находимъ по поводу этого обстоятельства слѣдующее указаніе: «Необходимо отмѣтить, что этотъ сравнительно быстрый ростъ желѣзнаго производства совпалъ съ переходомъ отъ запретительной системы къ протекціонизму, причемъ одновременно съ тѣмъ ввозъ желѣза въ Россію возросъ съ $^1/_2$ мил. пуд. (въ 1850 г.) до 5 мил. пуд. (въ 1860 г.)». Смыслъ этого указанія ясенъ. Факты подтвердили его справедливость.

Какъ видно изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи оффиціальныхъ источниковъ, правительство было весьма довольно *результатами* осуществленнаго въ 1877—1890 г. перехода къ рѣзко выраженной покровительственной политикѣ. Среднiй годовой размѣръ *таможеннаго дохода* повысился

съ 42,3 мил. руб. кред. (въ 1879—1871 г.)
до 57,2 „ „ „ (въ 1872—1875 г.)

далѣе, послѣ введенія золотой пошлины

съ 60,6 мил. руб. зол. (въ 1878—1880 г.)
до 80,2 „ „ „ (въ 1888—1890 г.)

Съ особымъ удовлетвореніемъ было встрѣчено то обстоятельство, что *торговый балансъ* явно измѣнялся въ пользу Россіи. Для большей наглядности мы приводимъ ниже статистическія данныя внѣшней торговли въ теченіе всего столѣтія, въ среднихъ цифрахъ по пятилѣтіямъ (въ милліонахъ рублей:) [1]).

Пятилѣтіе.	Вывозъ.	Ввозъ.	Пятилѣтіе.	Вывозъ.	Ввозъ.
1801—1805	75,1	52,8	1851—1855	133,2	130,0
1806—1808	43,2	31,8	1856—1860	225,6	250,9
1812—1815	62,0	39,1	1861—1865	225,8	206,7
1816—1820	91,7	70,0	1866—1870	317,3	317,7
1821—1825	82,4	72,2	1871—1875	470,6	565,7
1826—1830	85,7	79,7	1876—1880	527,3	517,7
1831—1835	94,3	81,0	1881—1885	550,0	494,3
1836—1840	118,4	101,1	1886—1890	630,9	392,3
1841—1845	132,3	119,9	1891—1895	621,4	463,4
1846—1850	151,7	131,5	1896-1900	698,1	607,3

[1]) *Покровскій*, стр. 34.—Для 1808—1811 г. оффиціальныхъ данныхъ не имѣется.

Эти ряды цифръ повидимому подтверждаютъ заботы отвѣтственныхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей второй половины семидесятыхъ годовъ. До пятидеситыхъ годовъ экспортъ значительно превышаетъ ввозъ. Затѣмъ слѣдуетъ постепенное уменьшеніе вывоза, и въ пятилѣтіе 1871—1875 г., послужившее рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ, стоимость экспорта упала значительно ниже стоимости ввоза. Взиманіе пошлинъ золотомъ съ 1877 г. значительно сокращаетъ ввозъ и съ этого времени балансъ постоянно и замѣтно улучшается. Что этому существенно содѣйствовала новая таможенная политика,—не подлежитъ сомнѣнію. Но оказали вліяніе и нѣкоторые другіе моменты, и отнюдь не маловажную роль съиграла вся экономическая политика министра Вышнеградскаго, въ значительной мѣрѣ проникнутая экспортнымъ фанатизмомъ [1]).

Чтобы иллюстрировать, какъ энергично проводилась перемѣна курса въ направленіи строгаго протекціонизма, мы сопоставимъ *таможенныя ставки* на нѣкоторые предметы желѣзной индустріи въ 1868 и 1894 г., т. е. того тарифа (1868 г.), который крайніе протекціонисты признаютъ своего рода таможенно политическимъ затмѣніемъ, и замѣнившаго его генеральнаго тарифа 1891 г., въ которомъ были объединены всѣ непрекращавшіяся частичныя повышенія ставокъ за время съ 1877 до 1890 г. Пошлина составляла съ пуда [2]).

	Тарифъ. 1868 г.	1891 г.	
для чугуна	5 коп.	45—52½	коп.
„ ковкихъ сортовъ желѣза	20—25 „	90—150	„
„ рельсы	20 „	90	„
„ машинъ для индустріальныхъ цѣлей (кромѣ мѣдныхъ)	30 „	250	„
„ паровыхъ машинъ	75 „	300	„

Русско-Германскій торговый договоръ сравнительно незначительно уменьшилъ тарифныя ставки 1891 г., такъ какъ уменьшеніе коснулось главнымъ образомъ тѣхъ надбавокъ, которыя были введены въ тарифъ 1891 г. для того, чтобы впослѣдствіи можно было сдѣлать уступки именно за счетъ этимъ надбавокъ.

Въ отношеніи укрѣпленія индустріи новой таможенный эрѣ восьмидесятяхъ годовъ также приписывали многія заслуги. Указываютъ, напримѣръ, что годовая производительность перерабатывающей индустріи увеличилась съ 1877 г. (годъ введенія залотой пошлины) до 1890 г. (годъ общаго пересмотра тарифа) болѣе нежели на 100%. Въ другомъ источникѣ (бюджетъ на 1900 г.) указывается, что среднее годовое увеличеніе производства составляло (въ милліонахъ рублей);

въ 1877—1887 г.	въ 1888—1892 г.	въ 1893—1897 г.
26,1	41,6	161,2

---

[1]) Ср. гл. 32,

[2]) Покровскій, стр. 33.

«Это была начальная эпоха нашего экономическаго возрожденія»—пишетъ одинъ изъ представителей русскаго министерства финансовъ.

Характерной чертой этого періода, начавшагося въ 1877 г. введеніемъ золотой пошлины, но достигшаго своего полнаго развитія лишь въ восьмидесятыхъ годахъ, является стремленіе къ постепенному распространенію таможенной защиты, касавшейся первоначально главнымъ образомъ фабрикатовъ, на дальнѣйшія, низшія стадіи индустріальнаго производства, на полуфабрикаты и затѣмъ на тѣ сырые продукты, которые могли быть добываемы въ самой Россіи. Усиленная защита обрабатывающей индустріи послужила для капитала и предпринимателей стимуломъ къ развитію промышленной дѣятельности, направленной главнымъ образомъ на обработку иностранныхъ матеріаловъ. Когда затѣмъ защита была распространена на сырье и полуфабрикаты, то индустрія, для которой это было связано съ вздорожаніемъ матеріаловъ производства, быть можетъ и находила это для себя неудобнымъ, но въ виду созданныхъ для нея чрезвычайно благопріятныхъ условій все же съ своей стороны выказала готовность содѣйствовать росту предварительныхъ индустріальныхъ стадій, въ особенности возможно широкой эксплоатаціи естественныхъ богатствъ страны. Такъ, въ текстильной индустріи ткачество поощрялось сперва возможностью доставать сравнительно дешевую иностранную пряжу, затѣмъ прядильная промышленность—облегченіемъ ввоза сырой шерти и хлопчатой бумаги,— но только до тѣхъ поръ, пока въ интересахъ внутренней хлопчатобумажной индустріи и овцеводства не было признано нужнымъ затруднить ввозъ изъ-за границы этихъ сырыхъ продуктовъ. Аналогичными таможеннополитическими соображеніями былъ вызванъ и рядъ другихъ мѣропріятій, напр., установленіе вывозныхъ пошлинъ на фосфориты, чтобы развить въ сферѣ химической индустріи производство суперфосфатовъ, и на шлаки польскихъ чугунно-литейныхъ заводовъ, чтобы обезпечить дешевымъ матеріаломъ доменное производство [1].

Такъ усиливалось постепенно таможенное покровительство, первоначальные сравнительно слабые зачатки котораго были заложены тарифомъ 1868 г. Какъ старательно возводилась эта таможенная стѣна,—можно видѣть изъ сопоставленія любой изъ тарифныхъ ставокъ въ началѣ и къ концу періода [2]. Изъ тѣхъ продуктовъ, которые по тарифу 1868 г., ввозились безпошлинно, 42 постепенно были обложены. На многіе предметы ввоза пошлина постепенно возросла вдвое. Но въ виду многократныхъ частичныхъ измѣненій весь таможенный тарифъ получилъ слишкомъ пестрый негармоническій характеръ. Представлялось настоятельно необходимымъ подвергнуть его коренной переработкѣ, чтобы придать ему больше един-

---

[1] *Тимирязевъ*, стр. 165; *Менделѣевъ*, I, стр. 96 сл.

[2] О ростѣ пошлинъ на желѣзо за время съ 1868 по 1891 г. ср. выше, стр. 110.

ства и однообразія. Этой главнымъ образомъ цѣли долженъ былъ служить пересмотръ тарифа, завершившійся изданіемъ новаго тарифа, утвержденнаго 11 іюня 1891 г.

ГЛАВА XXXIV.

Таможенный тарифъ 11 іюня 1891 г.—Отдѣльныя таможеннополитическія мѣропріятія.—Политика торговыхъ договоровъ.—Русско-французская торговая конвенція 1893 г.

Новый таможенный тарифъ вступилъ въ силу 1 іюля 1891 г. Подготовительныя къ нему работы были закончены въ теченіе 4 лѣтъ съ необычной для Россіи старательностью. Тарифъ, выработанный на основѣ собраннаго спеціально съ этой цѣлью весьма обширнаго матеріала, долженъ былъ «доставить возможно равномѣрную защиту всѣмъ нуждающимся въ защитѣ отраслямъ промышленной дѣятельности, и притомъ во всѣхъ стадіяхъ производства, начиная съ добычи сырья и превращенія его въ полуфабрикаты до окончательной переработки послѣднихъ въ самыя дорогія издѣлія [1]). Таможеннополитическое покровительство должно было такимъ образомъ въ извѣстной мѣрѣ охватить и процессы окончательной, болѣе тонкой переработки и отдѣлки отдѣльныхъ фабрикатовъ, къ каковой цѣли современная тарифная техника стремится, какъ извѣстно, во всѣхъ государствахъ съ высоко развитыми покровительственными пошлинами.

Русскіе оффиціальные органы того времени настойчиво опровергали утвержденіе, будто при выработкѣ тарифа 1891 г. руководились и фискальными интересами. То соображеніе, что увеличеніе пошлинъ должно было удорожить, а потому и сократить потребленіе главнѣйшихъ объектовъ, обложенныхъ фискальными пошлинами, напр. колоніальныхъ товаровъ и многихъ предметовъ роскоши, заставляло, конечно, воздерживаться отъ дальнѣйшаго ихъ обложенія. Утвержденіе, что для очень многихъ продуктовъ пошлины были сдѣланы болѣе умѣренными, слѣдуетъ признать не совсѣмъ точнымъ [2]). Такое уменьшеніе пошлинъ имѣло мѣсто только въ единичныхъ случаяхъ и по особымъ основаніямъ. Если имѣть ввиду декретированную 16 августа 1890 г. суммарную надбавку въ 20%, то пересмотрѣнный тарифъ, дѣйствительно, можно признать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе умѣреннымъ, но это сокращеніе коснулось именно только надбавокъ, съ самаго начала признанныхъ временными.

Въ заинтересованныхъ и свѣдущихъ кругахъ тарифъ 11 іюня 1891 г. признавали своего рода образцовымъ твореніемъ государственнаго попечительства о національномъ трудѣ въ протекціонистскомъ на-

---

[1]) *Тимирязевъ*, стр. 183.
[2]) Вѣстн. финансовъ, 1891 г., № 25.

правленіи. Господствовало убѣжденіе, что удалось создать самодовлѣющее народное хозяйство, такъ что Россія можетъ въ качествѣ сторонняго наблюдателя съ полнымъ спокойствіемъ слѣдить за все обострявшейся въ Зап. Европѣ борьбою по вопросу о наиболѣе цѣлесообразномъ направленіи международной тогровой политики. Ибо предполагалось само собою понятнымъ, что если бы Россіи пришлось начать эру торговыхъ соглашеній съ другими государствами, то она все же сохранитъ свою таможенную автономію, но потребовала въ то же время примѣненія къ ней общаго принципа наибольшаго благопріятствованія. Министръ финансовъ Вышнеградскій, въ то время главный руководитель и таможенной политики, опасался только того, чтобы курсъ бумажныхъ денегъ, съ которымъ онъ за время своей министерской дѣятельности велъ самую ожесточенную борьбу, не поднялся бы слишкомъ высоко, что имѣло бы своимъ послѣдствіемъ ослабленіе таможенной защиты и облегченіе ввоза. Вышнеградскій предложилъ поэтому государственному совѣту внести въ тарифъ оговорку, въ силу которой тарифныя ставки могли бы приспособляться къ колебаніямъ курса бумажнаго рубля. Государственный совѣтъ, однако, отклонилъ этотъ проектъ установленія подвижной тарифной скалы, указавъ притомъ, что трудность или возможность конкурировать съ иностранными продуктами отнюдь не обусловливается исключительно колебаніями курса. Но если бы такое колебаніе и сдѣлало необходимымъ соотвѣтственное вмѣшательство, то представляется болѣе цѣлесообразнымъ принимать по мѣрѣ надобности необходимыя мѣропріятія [1]. *Отдѣльныя таможенополитическія мѣропріятія*, послѣдовавшія за общимъ пересмотромъ тарифа, свидѣтельствуютъ, что фискальные интересы отнюдь не упускались изъ виду и теперь рядомъ съ соображеніями покровительственными. Такъ *увеличеніе пошлины на хлопчатую бумагу* и дифференцированіе ея (1 р. 40 коп. для морской и 1 р. 55 коп. для сухопутной границы) мотивировалось тѣмъ, что внутреннее хлопчатобумажное производство постепенно вытѣсняетъ иностранное сырье—обстоятельство, съ русской точки зрѣнія, несомнѣнно, благопріятное, но—такъ прямо указываютъ мотивы—вслѣдствіе этого уменьшается таможенный доходъ. Поэтому должно было быть усилено обложеніе иностраннаго хлопка, который такимъ образомъ оказывался отвѣтственнымъ за то, что ввозъ его уменьшался!

Торговые договоры, заключенные Россіей до 1893 г., еще не обнаруживаютъ приближающагося новаго направленія договорной политики. Договоры съ Китаемъ 1881 г.), Кореей (1884 и 1888 г.), Испаніей (1885 и 1887 г.) и Румыніей (1887 г.) имѣютъ тотъ же характеръ, что и прежнія соглашенія. Испанія и Португалія объявили, впрочемъ, въ 1891 г. отказъ отъ существующихъ договоровъ, и новаго соглашенія сразу не удалось достигнуть.

До тѣхъ поръ содержаніе торговыхъ договоровъ сводилось глав-

---

[1]) Исторія м-ва финансовъ, т. II, стр. 214.

нымъ образомъ къ наибольшему благопріятствованію и равноправію русскаго флага и фрахтовъ съ флагомъ договаривавшихся государствъ, теперь же въ договоры начинаютъ вводиться уступки въ тарифныхъ ставкахъ для отдѣльныхъ предметовъ ввоза. Впервые этотъ новый принципъ былъ примѣненъ къ конвенціи съ Франціей, послужившей дополненіемъ договора о торговлѣ и мореплаваніи 1874 года.

Русско-французская торговая конвенція 1893 г.

Когда лѣтомъ 1892 г. правительство республики обратилось къ русскому правительству съ запросомъ—не склонно ли оно, въ видахъ оживленія торговаго оборота между обоими государствами, заключить торговую конвенцію, основанную на взаимныхъ уступкахъ, Россія выразила свое согласіе. Эта готовность вызывалась сознаніемъ, что въ виду новаго направленія западно европейской торговой политики система единаго тарифа и общаго наибольшаго благопріятствованія не можетъ быть болѣе удержана. Установленіемъ конвенціонныхъ ставокъ, которыя возможно менѣе уклонялись отъ общаго таможеннаго тарифа 1891 г., Россія стремилась къ созданію *двойственнаго тарифа*, при помощи котораго она разсчитывала достигнуть принятыхъ другими государствами минимальныхъ тарифовъ. Уступки, сдѣланныя французской республикѣ, должны были послужить образцомъ для дальнѣйшихъ торговыхъ договоровъ. Практика, какъ извѣстно, сложилась иначе.

Франція предоставила Россіи право наибольшаго благопріятствованія уже при введеніи тамъ двойственнаго тарифа (1 февраля 1892 г.). Въ качествѣ существенной уступки присоединилось теперь значительное уменьшеніе пошлины на русскія минеральныя масла, въ видахъ распространенія которыхъ во Франціи послѣдняя приняла еще другія обязательства. *Россія* умѣрила пошлины для многихъ продуктовъ, но выбрала ихъ весьма осторожно, чтобы не умалить существенно покровительственный характеръ тарифа 1891 г.

Одновременно съ тѣмъ было предписано, чтобы созданный соглашеніемъ съ Франціей конвенціонный тарифъ примѣнялся ко всѣмъ европейскимъ государствамъ (кромѣ Германіи, Австро-Венгріи и Португаліи), изъ внѣ-европейскихъ же государствъ этотъ тарифъ былъ предоставленъ только Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ и Перу. Конвенціоннымъ тарифомъ пользовались такимъ образомъ всѣ государства, предоставившія Россіи наибольшаго право благопріятствованія и минимальный тарифъ.

Раздѣлъ седьмой.

Торговая и таможенная политика съ 1894 до 1904 г.

Русско-германскій торговый договоръ 1894 г.

ГЛАВА XXXV.

А. Предварительные переговоры.—В. Таможенная война.—С. Русско-германскій торговый договоръ 1894 г.—Отношеніе къ договору правительства, министра финансовъ и государственнаго совѣта.—Д. Общественное мнѣніе въ Россіи по вопросу о договорѣ.

А. Предварительные переговоры.

Переговоры между Германской имперіей и Австро-Венгріей привели въ маѣ 1891 г. къ предварительному принципіальному соглашенію. Въ томъ же году были доведены до благопріятнаго конца и переговоры съ Италіей, Бельгіей и Швейцаріей. Договоры Германіи съ Австріей, Бельгіей и Италіей были подписаны 6 декабря 1891 г. и нѣсколько дней спустя представлены рейхстагу. Въ январѣ 1892 г. въ рейхстагѣ обсуждался уже и договоръ съ Швейцаріей. Начальный моментъ торговополитическихъ переговоровъ съ Россіей трудно установить въ точности. Первое предложеніе приступить къ переговорамъ о торговомъ сношеніи исходило, повидимому, отъ Россіи, зимою 1890—1891 г.

Въ ноябрѣ 1891 г. Берлину уже во всякомъ случаѣ было сдѣлано соотвѣтственное предложеніе. Россія выражала желаніе получить тѣ же уступки, которыя были сдѣланы названнымъ договорнымъ государствамъ, и съ своей стороны выражала готовность фиксировать свой тарифъ относительно цѣлаго ряда продуктовъ, которые будутъ указаны соглашеніемъ, но не находило возможнымъ уменьшить существующія ввозныя пошлины. Со стороны Германіи послѣдовалъ отвѣтъ, что на такихъ началахъ соглашеніе невозможно. Предоставляя Россіи пользованіе своимъ конвенціоннымъ тарифомъ, Германія должна во всякомъ случаѣ получить болѣе широкія таможенполитическія уступки [1]).

Когда торговые договоры, уже заключенные Германской имперіей, вступили въ силу (1 февраля 1892 г.), Россія оказалась въ очень неудобномъ положеніи. Ея хлѣбъ оплачивался при ввозѣ въ Германію

---

[1]) *Fischert.* Fünf Jahre deutscher Handelspolitik (1890—1894), Leipzig 1898, стр. 221—231.

по прежнему, общему тарифу, въ то время какъ конкуренты Россіи на хлѣбномъ рынкѣ могли пользоваться уменьшенными договорными ставками. Уже лѣтомъ 1892 г. Россія вновь возбудила переговоры и въ ноябрѣ того же года выразила готовность отмѣнить по крайней мѣрѣ дифференціальныя пошлины на хлопчатую бумагу, уголь, и желѣзо, которые при ввозѣ черезъ сухопутную границу были обложены, въ ущербъ германскому ввозу, выше чѣмъ при ввозѣ моремъ. Имперское правительство, по выслушаніи представителей сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, признало русскія предложенія недостаточными, и отклонило также выраженное Россіей въ іюлѣ 1893 г. желаніе, чтобы ей временно (до конца 1893 г.) было предоставлено пользованіе конвенціоннымъ тарифомъ, взамѣнъ чего Россія предлагала тѣ же маловажныя уступки, которыя незадолго передъ тѣмъ были сдѣланы ею Франціи [1]). Но именно уменьшеніе нѣмецкихъ пошкинъ на хлѣбъ представляло для Россіи такую исключительную важность, что за эту уступку Германія должна была получить по меньшей мѣрѣ соотвѣтственное облегченіе ввоза продуктовъ нѣмецкой промышленности.

B. Таможенная война.

Еще въ то время какъ длились переговоры, Россія подготовила и соотвѣтственное орудіе для борьбы въ видѣ двойственнаго тарифа. Когда попытки придти къ соглашенію оказались неудачными, Россія не замедлила прибѣгнуть къ этому средству таможеннополитической войны. Закономъ $^{1}/_{13}$ іюня 1893 г. была создана, рядомъ съ существующими общими тарифными ставками, вторая серія максимальныхъ ставокъ, превышавшихъ нормальныя на 20—30%. Оффиціальный русскій «Правительственный вѣстникъ» мотивировалъ необходимость этого паралельнаго таможеннаго тарифа тѣмъ, что онъ долженъ служить для борьбы противъ непріязненнаго и несправедливаго отношенія нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствъ къ ввозу продуктовъ русскаго сельскаго хозяйства. Русское правительство стремится только къ установленію экономическаго равновѣсія въ международной торговлѣ, и сообразно съ этимъ русскія максимальныя ставки выработаны въ точномъ соотвѣтствіи съ той дифференціальной пошлиной, которою обложены въ нѣкоторыхъ государствахъ важнѣйшіе предметы русскаго вывоза. Какъ далеко русское правительство отъ агрессивныхъ тенденцій въ таможеннополитической области, видно изъ уменьшенія важныхъ таможенныхъ ставокъ по соглашенію съ Франціей, состоявшемуся $^{5}/_{17}$ іюня.

Кромѣ того. вѣсовой сборъ съ судовъ, прибывающихъ изъ Германіи, былъ увеличенъ въ 20 разъ (съ 5 коп. до 1 руб. съ вѣса въ 2 тонны), а съ 1 августа нов. ст. установлена *боевая пошлина* въ видѣ 50% надбавки къ пошлинамъ съ германскаго ввоза,

---

[1]) О русско-французскомъ торговомъ договорѣ ср. гл. 34.

причемъ эта мѣра мотивировалась, какъ вызванная необходимостью пополнить пробѣлъ въ таможенномъ законодательствѣ.

Тогда и Германія съ своей стороны увеличила для русскаго ввоза на 50% всѣ ставки общаго германскаго таможеннаго тарифа. Въ мотивахъ указывалось, что нѣмецкая боевая пошлина направлена противъ русскаго максимальнаго тарифа, который закрылъ Россію для германскаго ввоза. Пострадаетъ при таможенной войнѣ Россія, сильно заинтересованная въ вывозѣ въ Германію, послѣдняя же, какъ показалъ опытъ 1891—1892 г., когда вывозъ хлѣба изъ Россіи былъ запрещенъ, отнюдь не находится въ такомъ положеніи, чтобы она была вынуждена покрывать потребность въ ввозномъ зернѣ исключительно ввозомъ изъ Россіи [1].

За долгіе мѣсяцы безплодныхъ переговоровъ въ русскомъ обществѣ или, по крайней мѣрѣ, въ публицистическихъ кругахъ успѣло выросги весьма интенсивное враждебное чувство къ Германіи. Органы печати вродѣ «Свѣта», «Гражданина», «Биржевыя Вѣдомости» и т. д. выражали свою радость по поводу того, что нить уже порвана, и высказывали надежду, что война будетъ стойко доведена до конца. Въ отношеніи экономическихъ результатовъ таможенной войны они, повидимому, не сомнѣвались, что они скоро окажутся невыносимыми для Германіи, такъ какъ она не можетъ покрыть своей потребности въ хлѣбѣ безъ подвоза изъ Россіи. Въ доказательство этихъ печальныхъ для Германіи предсказаній, они ссылались на пес-

---

[1]) Эта точка зрѣнія детально обоснована въ объяснительной запискѣ, предложенной рейхстагу при торговомъ договорѣ (Протоколы рейхстага, II сессія 1893—1894 гг., № 190, стр. 4 сл.). Тамъ указывается, что цѣна на вывозимый изъ Россіи хлѣбъ зависитъ отъ состоянія мірового рынка и отъ цѣнъ, устанавливаемыхъ на хлѣбной биржѣ для предметовъ міровой торговли. Участіе Россіи въ импортѣ хлѣба въ Германію уменьшилось съ 1892 г. главнымъ образомъ потому, что значительно увеличилась производительность сельскаго хозяйства въ другихъ экспортирующихъ хлѣбъ государствахъ, въ то время какъ въ Россіи неурожаи въ началѣ девяностыхъ годовъ вызвали запрещеніе экспорта хлѣба и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенное вытѣсненіе подвоза изъ Россіи. «Когда Россія удалилась съ поля борьбы и пріостановила свой хлѣбный вывозъ, конкурирующія государства тотчасъ же заняли ея мѣсто. Послѣдствіемъ было то, что, несмотря на изсякновеніе русскаго вывоза, міровой рынокъ не испытывалъ недостатка въ хлѣбѣ. Это съ несомнѣнностью доказало, что міровой хлѣбный рынокъ въ состояніи, и независимо отъ участія Россіи, покрыть потребность въ хлѣбѣ европейскихъ государствъ и въ частности Германіи». Это, конечно, отнюдь не значитъ, что таможенная война не была связана съ ущербомъ для экономическихъ интересовъ Германіи. Напротивъ того, въ концѣ записки категорически указывается, что торговля и индустрія «придаютъ величайшее значеніе тому, чтобы возможно скорѣе освободиться отъ тѣхъ путъ, которыя наложены на нихъ вызванною Россіей таможенной войной». На это указаніе ссылается русскій оффиціальный источникъ въ доказательство того, что «начатая Германіей таможенная война раскрыла всѣ неблагопріятныя послѣдствія раздора между обоими государствами и яснѣе обнаружила значеніе его для торговли, промышленности и торговаго мореплаванія Германіи». (Исторія м-ва финансовъ, т. II, стр. 232).

симистическій тонъ нѣмецкой свободомыслящей печати. Что же касается временнаго закрытія для Россіи германскаго рынка, то они утѣшали себя надеждою, что Россія тѣмъ временемъ сумѣетъ пополнить свои хлѣбные запасы, истощенные предшествовавшими неурожайными годами. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространялись слухи— какъ это произошло и въ 1902 и 1903 г.—что русскіе промышленные центры намѣрены прекратить коммерческія сношенія съ Германіей, что Варшава и Лодзь уже установили связи съ Англіей, Даніей и другими государствами, чтобы навсегда устранить нѣмецкую торговлю.

Раздавались, однако, и серьезные, разсудительные голоса (напр., въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1893 кн. VIII и «Вѣстникѣ Европы»), предостерегавшіе отъ шовинистическихъ преувеличеній и опасныхъ въ экономическомъ отношеніи заблужденій. Они указывали, что утвержденіе, будто Германія не можетъ существовать безъ русскаго хлѣба, совершенно не доказано: національное высокомѣріе, сводящееся къ извѣстной формулѣ «шапками закидаемъ»,—которою русскіе казаки хвасталить нѣкогда передъ врагами—можетъ повести къ очень плачевнымъ результатамъ.

Само *правительство* отнюдь не относилось такъ легко къ нарушенію нормальнаго сбыта. Были изданы временныя правила о выдачѣ изъ государственнаго банка ссудъ подъ залогъ хлѣба, арендаторамъ государственныхъ земель разрѣшено вносить арендную плату зерномъ вмѣсто денегъ, интендантство производило усиленную закупку ржи, въ видахъ поощренія экспорта хлѣба въ Румынію и Австрію былъ установленъ весьма низкій желѣзнодорожный тарифъ для хлѣбныхъ грузовъ и, наконецъ, назначена особая комиссія для выработки дальнѣйшихъ мѣропріятій къ поддержанію хлѣбныхъ цѣнъ и поддержкѣ сельскихъ хозяевъ.

Чтобы ознакомить общество съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла министерство финансовъ (департаментъ торговли и мануфактуръ) опубликовало рядъ данныхъ о вліяніи нѣмецкихъ хлѣбныхъ пошлинъ на русское сельское хозяйство. Въ этой статьѣ (отъ 10 августа 1893 г.) доказывается, что за десятилѣтіе 1881—1890 г. ставки германскаго тарифа превышали пошлины всѣхъ другихъ государствъ, кромѣ Испаніи и Португаліи. По общему германскому тарифу, т. е. безъ 50% надбавки, русскій хлѣбъ былъ обложенъ при ввозѣ въ Германію: пшеница и рожь 25,3 коп. золот. съ пуда, овесъ 20,2 и ячмень 11,4 коп. зол. Эта непомѣрно высокая пошлина составляла для пшеницы 44% и для ржи 60% средней продажной цѣны крестьянскаго хлѣба. При низкихъ хлѣбныхъ цѣнахъ 1888 года пошлина въ нѣкоторыхъ губерніяхъ даже превысила бы рыночную цѣну. Въ черноземной полосѣ пошлина составляла въ 1888—1890 г. въ среднемъ 50% мѣстной цѣны для пшеницы и 75% для ржи.

Правительство полагало, впрочемъ, что вызванное таможенной войной закрытіе нѣмецкой границы для русскаго хлѣба не оказало никакого давленія на хлѣбныя цѣны въ Россіи. Оффиціальное сопоста-

вленіе хлѣбныхъ цѣнъ на главныхъ рынкахъ Россіи въ 1893 г.— годъ таможенной войны—съ цѣнами 1887 и 1888 гг., приблизительно равныхъ по урожайности, приводитъ къ слѣдующимъ результатамъ: 1) цѣны на рожь хотя и пали по сравненію съ обоими предшествующими годами (1891 и 1892), такъ какъ урожай 1893 г. былъ несравненно выше, но держатся на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ въ 1887 и 1888 г., т. е. годы одинаковой урожайности; 2) цѣны на пшеницу пали, но не только въ Россіи, а и въ другихъ государствахъ, сильнѣе всего въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ финансовый кризисъ вынуждалъ къ усиленному вывозу; 3) повышеніе нѣмецкихъ хлѣбныхъ пошлинъ на 50% и закрытіе германскихъ рынковъ для русскаго хлѣба отнюдь не вызвали упадка хлѣбныхъ цѣнъ въ Россіи, что доказывается прежде всего цѣнами на рожь для которыхъ вывозъ ржи въ Германію долженъ бы имѣть рѣшающее значеніе.

Въ другой статьѣ департаментъ торговли и мануфактуры старался, далѣе, показать, что нѣмецкія хлѣбныя пошлины не оказали вліянія на *хлѣбный экспортъ*, настроеніе русскихъ хлѣбныхъ рынковъ и паденіе цѣнъ въ августѣ 1903 г. Всѣ явленія, подавшія поводъ къ опасеніямъ, должны быть признаны «нормальными» и объясняются подавленнымъ состояніемъ міроваго рынка.

Наконецъ, министерство финансовъ выступило съ оффиціальнымъ опроверженіемъ курсировавшихъ на иностранныхъ биржахъ слуховъ о стѣсненномъ положеніи государственнаго казначейства. Министерство удостовѣряло, что имѣющейся наличности совершенно достаточно для покрытія всѣхъ потребностей государства, что реализація бюджета развивается вполнѣ нормально, государственный банкъ снабженъ достаточными средствами и надобности въ займахъ не существуетъ и не предвидится въ ближайшемъ будущемъ.

Не смотря на это видимое спокойное настроеніе оффиціальныхъ круговъ, направленное, вѣроятно, болѣе на успокоеніе общества, нежели на дѣйствительный самообманъ, желаніе положить конецъ таможенной войнѣ заставило вновь начать переговоры. Большое вниманіе обратила на себя рѣчь русскаго министра финансовъ, произнесенная имъ въ концѣ августа 1893 г. по случаю нижегородской ярмарки, въ которой министръ указывалъ, между прочимъ, что «общественное мнѣніе въ Германіи и Россіи жаждетъ мира; надо надѣяться, что здравый разсудокъ одержитъ верхъ». И когда представители русскаго правительства отправились въ Берлинъ для участія въ таможенной конференціи, засѣданія которой начались 19 сентября (1 октября), органъ министерства финансовъ напутствовалъ ихъ самыми горячими пожеланіями успѣха въ предстоящихъ трудахъ, чтобы удалось достигнуть соглашенія «между двумя сосѣдними государствами, которыя въ силу своего географическаго положенія и взаимныхъ дружественно-сосѣдскихъ чувствъ были въ теченіе столѣтій связаны другъ съ другомъ дружественными торговыми отношеніями».

С. Русско-германскій торговый договоръ 1894 г.

16 марта 1894 г. рейхстагъ ратифицировалъ русско-германскій торговый договоръ, и 20 марта соглашеніе уже вступило въ силу [1]).

Взглядъ русскаго правительства на заключенную торговую конвенцію и предшествовавшіе ей переговоры изложенъ въ опубликованномъ подробномъ оффиціальномъ извѣщеніи [2]). Здѣсь предварительно указывается, что Россія, всегда придерживавшаяся системы единаго автономнаго тарифа, оказалась въ невыгодномъ положеніи по сравненію со своими конкурентами, вслѣдствіе заключенныхъ въ 1892 г. нѣкоторыми западно-европейскими государствами конвенціонныхъ тарифовъ. Она оказалась поэтому вынужденной отказаться отъ принципа тарифной автономіи. Первымъ послѣдствіемъ этой перемѣны явился созданный 1 (13) іюня 1893 г. двойственный тарифъ. Общій таможенный тарифъ долженъ былъ впредь примѣняться въ европейской торговлѣ къ государствамъ, предоставившимъ Россіи право наибольшаго благопріятствованія, товары же остальныхъ государствъ подлежали повышенному таможенному обложенію въ видѣ процентныхъ надбавокъ къ ставкамъ общаго таможеннаго тарифа. Когда переговоры съ Германской имперіей оказались безрезультатными, пришлось примѣнить и къ германскому ввозу повышенный тарифъ... Затѣмъ излагаются основныя черты договора, заключеннаго въ Берлинѣ.

Въ связи съ перечисленіемъ главнѣйшихъ опредѣленій договора правительство сообщаетъ, далѣе, слѣдующее: *министръ финансовъ*, предлагая договоръ государственному совѣту, объяснилъ: 1) что уступки, сдѣланныя Германіи по русскому конвенціонному тарифу, лишь въ незначительной мѣрѣ превышаютъ тѣ уменьшенія тарифныхъ ставокъ, которыя въ свое время были предложены при предварительномъ обсужденіи договора въ русской комиссіи; 2) что уменьшенія тарифа, на которыя согласилась Германія, въ общемъ касаются русскаго вывоза въ суммѣ 210 мил. руб. и сокращаютъ таможенные сборы съ русскихъ товаровъ на 6.200.000 руб., въ то время, какъ русскія уступки относятся только къ ввозу въ 49 мил. руб. и повлекутъ за собою уменьшеніе таможеннаго дохода не болѣе чѣмъ на 2.600.000 руб.: 3) что въ отношеніи финляндскаго тарифа Германіей принято къ свѣдѣнію, что русское прави-

---

[1]) Мы не будемъ останавливаться здѣсь на ходѣ переговоровъ въ таможенной конференціи и на обсужденіи договора въ комиссіи и собраніи рейхстага, а также на отношеніи къ договору разныхъ нѣмецкихъ партій, такъ какъ насъ интересуетъ прежде всего русская точка зрѣнія на этотъ вопросъ. Притомъ, на нѣмецкомъ языкѣ имѣется цѣлый рядъ детальныхъ трудовъ по исторіи договора (ср. *Tschert*, Fünf Jahre deutscher Handelspolitik; *Zimmermann*, Die Handelspolitik des deutschen Reichs vom Frankfurter Frieden bis zur Gegenwart, 2 Auflage; Walther *Lotz*, Die Handelspolitik des Deutschen Reichs unter Graf Caprivi und Fürst Hohenloe и мн. др.).

[2]) «Правит. Вѣстн.» отъ 23 марта (4 апрѣля) 1894 г.

тельство намѣрено за время дѣйствія договора постепенно и въ опредѣченные сроки повысить этотъ тарифъ на 75% разницы между его ставками и ставками русскаго тарифа.

Въ *государственномъ совѣтѣ* министръ финансовъ высказалъ, далѣе, слѣдующія соображенія. Торговыя сношенія между Россіей и Германіей въ теченіе всего столѣтія находились подъ вліяніемъ взаимныхъ политическихъ отношеній. Такъ какъ послѣднія были весьма дружественны, то и въ экономической сферѣ не было поводовъ къ конфликтамъ. Въ виду этого Россія, заключая торговые договоры съ другими государствами, не считала нужнымъ гарантировать себя особымъ соглашеніемъ и противъ Германіи; послѣдней и безъ формальнаго договора были предоставлены права наиболѣе благопріятствуемой державы... Перемѣна въ политическихъ и экономическихъ отношеніяхъ Россіи къ Германіи обнаружилась только съ 1878 приблизительно года. Происшедшая тогда перемѣна въ таможенной политикѣ Германіи хотя и коснулась въ равной мѣрѣ всѣхъ государствъ, но заключала въ себѣ особенно враждебную тенденцію по отношенію къ Россіи. Заключенные Германіей торговые договоры и обусловленные ими уменьшеніе ввозныхъ пошлинъ на хлѣбъ сдѣлали положеніе настолько натянутымъ, что какой нибудь выходъ былъ необходимъ. Въ интересахъ много-милліоннаго русскаго населенія, безъ различія націй, въ мирномъ трудѣ сожительствующихъ подъ защитою русскаго скипетра, правительство считало себя обязаннымъ какъ можно скорѣе уничтожить самую возможность серьезныхъ международныхъ осложненій.

Такія, въ общемъ, объясненія далъ къ договору министръ финансовъ. *Государственный совѣтъ* въ своемъ *мнѣніи* останавливается прежде всего на политической сторонѣ договора. Совѣтъ полагалъ, что договоръ послужитъ къ возстановленію добрососѣдскихъ отношеній между двумя государствами, въ теченіе многихъ лѣтъ поддерживавшими взаимную дружбу. Экономическія выгоды соглашенія государственный совѣтъ усматривалъ въ слѣдующемъ: въ упроченіи торговыхъ сношеній на 10 лѣтъ, въ облегченіи торговаго оборота и таможенной процедуры, гарантіи равнаго отношенія къ чужимъ и своимъ подданнымъ,—и все это при сохраненіи особыхъ правъ, соотвѣтствующихъ національнымъ интересамъ обоихъ договаривающихся государствъ. Такъ въ статьѣ 2, касающейся пріобрѣтенія недвижимой собственности остались неприкосновенными русскія узаконенія, ограничивающія переходъ сельской недвижимости въ руки иностранцевъ и евреевъ. Далѣе, по поводу статьи 13, устанавливающей равноправіе германскаго торговаго флота съ русскими судами, совѣтъ отмѣчаетъ, что притязаніе Германіи на предоставленіе ей также внутренняго и каботажнаго плаванія было отклонено иностранцамъ остается запрещеннымъ не только ближнее, но и дальнее каботажное плаваніе, т. е. плаваніе между портами разныхъ морей.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній государственный совѣтъ пришелъ къ убѣжденію, что торговый договоръ, новая гарантія евро-

пейскаго міра, желателенъ въ политическомъ отношеніи, а съ экономической точки зрѣнія выгоденъ ,такъ какъ онъ не создаетъ никакихъ препятствій для внутренней индустріи, для сельскаго же хозяйства онъ долженъ оказаться весьма благопріятнымъ. Мнѣніе государственнаго совѣта было Высочайше утверждено 3 марта.

Офиціальный органъ русскаго министерства финансовъ съ своей стороны отнесся къ соглашенію съ безграничнымъ, можно сказать, сочувствіемъ, причемъ отмѣчена особая важность того, что теперь вновь возстановлены нормальныя отношенія сельскаго хозяйства къ міровому рынку. Долголѣтнюю гарантію сбыта русскаго хлѣба въ Германію, самый выгодный изъ сосѣднихъ хлѣбныхъ рынковъ, слѣдуетъ цѣнить тѣмъ выше, что въ послѣднее время другія импортирующія хлѣбъ государства, каковы Франція и Италія, пошли еще дальше по пути увеличенія своихъ хлѣбныхъ пошлинъ. Немаловажное значеніе имѣютъ, далѣе: обезпеченіе желѣзнодорожныхъ тарифовъ для транзитной торговли изъ Россіи, таможенная свобода для важныхъ продуктовъ русскаго экспорта (ленъ, пенька, шерсть, щетина, масляныя выжимки и т. д.) на общую сумму до 65 мил. руб. и фиксація пошлинъ для многихъ предметовъ (гречиха, лѣсные матеріалы, масляныя сѣмена, лошади и т. д.) въ общей суммѣ до 25½ мил. руб., а также облегченіе экспорта керосина [1]). Съ другой стороны русскія уступки сдѣланы съ такимъ разсчетомъ, что ни на одну изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности не наложено слишкомъ большихъ жертвъ. По сравненію съ русскимъ таможеннымъ тарифомъ 1891 г. уменьшеніе пошлинъ составляетъ: отъ 17 до 10% для необработаннаго желѣза, 18% для желѣзныхъ издѣлій и желѣзныхъ машинъ, 10% для мѣдныхъ издѣлій и машинъ, 20% для кожевенныхъ товаровъ, 17% для писчей бумаги, 12 — 30% для шерстяныхъ матерій, 17 — 20% для глиняныхъ и фаянсовыхъ издѣлій.

Отношеніе общественнаго мнѣнія къ договору.

Въ настроеніи русскаго общественнаго мнѣнія уже до того, какъ былъ подписанъ русско-германскій договоръ, обнаружилась замѣтная перемѣна. Хотя въ общемъ въ Россіи отнюдь не признавали права Германіи требовать соотвѣтственнаго уменьшенія тарифныхъ ставокъ взамѣнъ предоставленнаго Россіи права пользоваться германскимъ конвенціоннымъ тарифомъ, то уже неудовольствіе на затяжку

---

[1]) Русскіе экспорты керосина (замѣчаетъ офиціальный органъ) выигрываютъ отъ оплаты керосина не по вѣсу, а по объему 6 коп. метал. или 9 коп. кред. съ пуда. Въ то же время русскому керосину облегчается возможность конкуренціи съ американскимъ, который до сихъ поръ могъ продаваться на 6 коп. метал. дешевле русскаго именно потому, что пошлина взималась по вѣсу. Эта уступка имѣетъ существенное значеніе такъ какъ Германія является весьма важнымъ рынкомъ для сбыта керосина (до 43 мил. пуд. въ годъ), въ снабженіи котораго Россія до сихъ поръ принимала лишь весьма незначительное участіе (именно менѣе 3 мил. пуд.

предварительныхъ переговоровъ, длившихся многіе мѣсяцы, доказывало достаточно, что продолженіе таможенной войны ощущалось въ высшей степени тягостно. Многочисленныя изъявленія благодарности и симпатіи, выраженныя русскому министру финансовъ послѣ заключенія договора, могутъ служить показателемъ того, что въ благоразумныхъ кругахъ общества договоръ разсматривали съ русской точки зрѣнія, какъ спасительный актъ». Тѣ самыя газеты, которыя прежде усиленно призывали къ борьбѣ «Гражданинъ», «Новое Время», превратились теперь въ глашатаевъ мира. Онѣ были довольны не только самимъ миромъ, но и его условіями. «Новое Время» старалось доказать, что въ среднемъ доходность десятины ржи, пшеницы и овса увеличилась благодаря новымъ пошлинамъ, при средней урожайности, почти на 5 руб., а при хорошихъ урожаяхъ и въ наиболѣе плодородныхъ районахъ едва ли не 50%. Уступки же, сдѣланныя Россіей въ пользу импорта германскихъ индустріальныхъ издѣлій, отнюдь не даютъ повода къ опасеніямъ. Особое значеніе придавалось статьѣ 19 договора, устанавливающей, какъ извѣстно, равенство обоихъ государствъ въ отношеніи желѣзнодорожныхъ тарифовъ; въ этомъ усматривали для русскаго вывоза гарантію противъ произвольныхъ тарифныхъ мѣръ со стороны нѣмецкихъ дорогъ.

Но договоръ цѣнили и съ высшей точки зрѣнія. Указывали, что, нормируя свои торговыя отношенія къ иностраннымъ рынкамъ сбыта, Россія получаетъ возможность и время преобразовать и организовать свою внутреннюю экономическую политику (монетное и кредитное дѣло, биржи и средства сообщенія) сообразно съ требованіями времени и потребностями міроваго рынка, и такимъ образомъ лучше вооружиться для мирной борьбы съ крупными торговыми государствами Запада. Въ патріотическомъ увлеченіи не останавливались, однако, и на этомъ. Нѣкоторые органы печати указывали на крупное *политическое* значеніе новаго торговаго договора. Онъ является залогомъ мира, въ то время какъ таможенная война представляла опасность и даже являлась прямымъ преддверіемъ явно враждебныхъ дѣйствій. На оцѣнкѣ договора отражались при этомъ, конечно, и индивидуальныя симпатіи и антипатіи критиковъ. Одни находили, что чисто-дѣловое, экономическое содержаніе договора должно разсѣять опасенія союзной Франціи, что симпатіи Россіи могутъ склониться на другую сторону, а нѣкоторые авторы усматривали даже въ договорѣ грядущее entente cordiale между Россіей и Германіей. Вообще торговый договоръ разсматривался многими, какъ своего рода дополненіе къ тройственному союзу.

Раздавались, впрочемъ, и недовольные голоса. Уже съ самаго начала, какъ только открылись засѣданія Берлинской конференціи, обнаружилась «московская фронда». Узкій кругъ представителей русской шерстяной промышленности и овцеводства—представители, стало быть, интересовъ индустріи и сельскаго хозяйства—тщетно старались вызвать агитацію противъ уменьшенія тарифныхъ ставокъ. Московское биржевое купечество приняло въ столь же многословной,

какъ и безсодержательной резолюціи, выражавшей недовѣріе къ устойчивости русской таможенной политики, сторону протестующихъ. Но протестантамъ было указано изъ ихъ собственной среды, что претензіи ихъ совершенно безпочвенны и что въ частности указаніе ихъ на тотъ ущербъ, съ которымъ уменьшеніе пошлины на шерсть связано для отечественнаго овцеводства, лишено всякаго основанія, такъ какъ явный упадокъ русскаго овцеводства зависитъ не отъ измѣнившихся таможенныхъ отношеній, а отъ совершенно другихъ причинъ. Ироническое отношеніе къ „крокодиловымъ слезамъ его степенства" со стороны даже той печати, которая долго возставала противъ заключенія торговаго договора, являлось вѣрнымъ показателемъ того, какъ мало сочувствія встрѣчала въ обществѣ пропаганда противъ торговаго договора. Министръ финансовъ, правда, принялъ депутацію шерстяныхъ промышлениковъ и овцеводовъ и даже сдѣлалъ имъ нѣсколько успокоительныхъ завѣреній, но его литературные пажи истолковали ихъ въ смыслѣ совершенно отрицательнаго отношенія къ домогательствамъ депутатовъ.

ГЛАВА XXXVI.

Отмѣна дѣйствовавшаго въ Германіи запрещенія выдачи имперскимъ банкомъ ссудъ подъ русскія цѣнныя бумаги (1894 г.).—Отношеніе Россіи къ этой мѣрѣ.—Русскій министръ финансовъ и Берлинская биржа.— Вліяніе этого запрещенія на русскій государственный кредитъ.

Еще въ самый годъ заключенія договора со стороны Германіи послѣдовалъ—независимо отъ уступокъ, установленныхъ соглашеніемъ—актъ предупредительности, встрѣченный въ Россіи весьма сочувственно. Существовавшее съ 1887 г. *запрещеніе* выдавать изъ германскаго имперскаго банка и банка торговаго мореплаванія (Seehandlung) ссуды подъ залогъ русскихъ цѣнныхъ бумагъ было $^{14}/_{26}$ октября 1894 г. *отмѣнено*. Органъ русскаго министерства финансовъ [1]) указывая по этому поводу, что практическое значеніе этой мѣры не велико, такъ какъ русскія бумаги никогда не помѣщались въ названныя нѣмецкія кредитныя учрежденія въ значительномъ количествѣ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ отмѣтилъ однако, моральное значеніе этого акта дружелюбія:

> „Въ послѣднія недѣли на иностранныхъ биржахъ, въ особенности Парижской, производилась усиленная спекулятивная игра съ русскими фондами, которая была тѣмъ болѣе оскорбительна для русскаго національнаго чувства, что исходнымъ пунктомъ ея послужили событія, повергшія въ глубокую печаль весь русскій народъ, слившійся въ единодушной горячей молитвѣ за выздоровленіе возлюбленнаго и обожаемаго монарха. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, напр., Франція совершенно раздѣляетъ испытываемыя Россіей чувства и что биржевая спекуляція есть дѣло

---

1) „Торгово-промышленная Газета" отъ 15 окт. 1894 г.

группы корыстолюбивыхъ аферистовъ безъ роду и племени. Верховный глава германскаго народа счелъ именно этотъ моментъ особенно подходящимъ для изъявленія того, что германское правительство питаетъ полное довѣріе къ русскому государственному кредиту и, повелѣвъ вновь принимать русскія цѣнныя бумаги въ залогъ въ высшихъ германскихъ кредитныхъ установленіяхъ, положилъ тѣмъ моральный предѣлъ игрѣ, которая велась съ ними на нѣмецкихъ рынкахъ. Этотъ актъ высокаго чувства справедливости будетъ привѣтствованъ въ Россіи съ искренней симпатіей и благодѣтельно повліяетъ на укрѣпленіе все усиливающихся и основанныхъ съ обѣихъ сторонъ на стремленіи къ мирному экономическому развитію дружественныхъ отношеній между обоими народами".

Въ томъ же направленіи высказалась и вся остальная пресса. Допущеніе русскихъ цѣнныхъ бумагъ признавалось въ общемъ фактомъ мало существеннымъ, но тѣмъ большія похвалы раздавались по адресу германскаго императора, сумѣвшаго съ такимъ тактомъ и такъ умно выразить въ самыхъ разнообразныхъ формахъ свое сочувствіе къ Россіи въ эти дни смертельной болѣзни Императора Александра III. Отъ времени до времени высказывались, правда, опасенія, что теперь опять начнется усиленный приливъ въ Германію русскихъ бумагъ, до тѣхъ поръ помѣщавшихся во Франціи и на берлинской биржѣ они вновь сдѣлаются объектомъ необузданной спекуляціи. Хотя парижскіе биржевые игроки относились къ русскому кредитному рублю отнюдь не болѣе дружественно, чѣмъ ихъ берлинскіе коллеги, тѣмъ не менѣе—говорили русскія биржевыя газеты—разъ мы уже должны получать удары, то пусть они намъ достаются отъ нашихъ политическихъ друзей, а не отъ враждебныхъ къ намъ элементовъ. Встрѣчались, однако, и единичные голоса, сумѣвшіе серьезнѣе отнестись къ вопросу. Такъ, «Русская жизнь» указывала, что вслѣдствіе разсматриваемаго запрещенія, курсъ русскаго кредитнаго рубля упалъ до 50 коп. и русскія цѣнныя бумаги отливали обратно въ Россію въ огромныхъ калчиествахъ. Довѣріе иностранныхъ капиталистовъ къ русскимъ бумагамъ во всякомъ случаѣ несравненно важнѣе для курса бумажныхъ денегъ, чѣмъ торговый балансъ. Этотъ взглядъ раздѣлялъ и министръ финансовъ, указывавшій въ своей росписи доходовъ и расходовъ на 1888 годъ, что «при современномъ положеніи притокъ нашихъ бумагъ въ Россію имѣлъ своимъ послѣдствіемъ, что эти бумаги вмѣстѣ съ ввозомъ товаровъ изъ-за границы въ общемъ представили цѣнность, превысившую стоимость русскаго вывоза». Такъ какъ, въ 1887 г. вывозъ превысилъ ввозъ на 229 милл. руб., то изъ этихъ словъ министра финансовъ слѣдуетъ заключить, что въ Россію вернулось тогда цѣнныхъ бумагъ приблизительно на 230 милл. руб., которыми иностранныя государства и оплатили русскій экспортъ.

Слѣдуетъ еще упомянуть, что на отмѣну запрещенія Россія отвѣтила тѣмъ, что было предписано принимать при оплатѣ пошлинъ нѣмецкія марки по курсу 1000 марокъ=308 рублей золотомъ (т. е. совершенно такъ же какъ при золотой монетѣ), въ то время какъ раньше они цѣнились въ 302 р. зол.

Спекулятивная игра съ русскими кредитными билетами на *берлинской биржѣ* какъ разъ тогда (при регулированіи 31 октября 1894 г. ultimo) повела къ *биржевому краху*, весьма печально отразившемуся на спекулянтахъ. Вслѣдствіе принятыхъ министромъ финансовъ Витте мѣръ они оказались не въ состояніи выполнить принятыя на октябрь обязательства въ русскихъ рубляхъ за недостаткомъ матеріала для покрытія и оказались вынуждены обратиться къ русскому министру финансовъ съ просьбою о помощи при ликвидаціи ихъ сдѣлокъ. Поддержка была имъ оказана, но не безъ наложенія значительной приплаты на попавшихъ въ бѣду, какъ предупрежденіе на будущее время. Холодность, съ которою русская пресса отнеслась къ отмѣнѣ запрещенія принимать русскія цѣнности, становится, впрочемъ, понятной, если принять во вниманіе, какія стѣсненія русскій государственный кредитъ испытывалъ первоначально вслѣдствіе декретированнаго нѣмецкимъ правительствомъ «отлученія» русскихъ бумагъ и какъ успѣшно финансовое вѣдомство сумѣло въ концѣ концовъ побороть этотъ, казалось, опасный кризисъ. Походъ противъ русскихъ государственныхъ бумагъ, начатый Германіей въ 1887 г., совпалъ съ первымъ же годомъ дѣятельности новаго министра финансовъ Вышнеградскаго, важнѣйшей задачей котораго была коренная реорганизація государственнаго кредита. И враждебное отношеніе нѣмецкаго денежнаго рынка на каждомъ шагу тормозило его широкіе финансовые проекты. Хотя во Франціи образовался банковый синдикатъ для размѣщенія изгнанныхъ изъ Германіи русскихъ бумагъ, но интенсивное напряженіе французскихъ денежныхъ силъ не смогло помѣшать временному упадку русскихъ цѣнностей. Осуществленіе предположенной Вышнеградскимъ конверсіи государственныхъ займовъ, во всякомъ случаѣ, встрѣчало въ 1887 и 1888 г. существенныя затрудненія. Лишь къ концу 1888 г. на нѣмецкомъ фондовомъ рынкѣ вновь обнаруживается усиленный интересъ къ русскимъ цѣнностямъ.

Объ этихъ трудностяхъ министръ финансовъ Вышнеградскій далъ въ росписи на 1889 г. слѣдующія указанія:

> «Подъ давленіемъ враждебно настроенной къ намъ прессы, которую не могло разубѣдить даже противорѣчіе между очевидными фактами и ея утвержденіями, за-границею распространилось недовѣріе къ надежности нашихъ бумагъ. Это особенно сильно проявилось въ Германіи, гдѣ обезпокоенные невѣрными газетными извѣстіями владѣльцы нашихъ бумагъ, не смотря на то, что послѣднія были совершенно надежны, все же съ огромными потерями старались продавать ихъ. Но безсмысленная спекуляція, порожденіе современной биржи, продавала въ значительныхъ количествахъ даже такія бумаги, которыхъ она вовсе не имѣла въ своемъ распоряженіи, и тѣмъ усиливала смятеніе. Часть выброшенныхъ на рынокъ бумагъ перешла въ Голландію и особенно во Францію, гдѣ умѣли правильнѣе цѣнить наше экономическое и финансовое положеніе. Обширныя продажи совершались и въ Россію, гдѣ была принята весьма значительная часть нашихъ долговыхъ обязательствъ. Такое возвращеніе къ намъ нашихъ государственныхъ процентныхъ бумагъ въ существѣ могло быть для насъ только благопріятно. Но такъ какъ масса

> ставшихъ въ Россію цѣнностей вышла въ 1887 и первой четверти 1888 г. за предѣлы соотвѣтственнаго превышенія въ нашемъ торговомъ балансѣ, то цѣна бумажнаго рубля постоянно обнаруживала склонность къ паденію въ то время какъ металлическій рубль поднялся почти до двухъ рублей кредитныхъ. Только обнародованные въ мартѣ 1888 г. предварительныя кассовыя свѣдѣнія за 1887 годъ внесли нѣкоторое успокоеніе, которому, далѣе содѣйствовало то, что вслѣдствіе плохихъ видовъ на урожай въ Европѣ слѣдовало ожидать значительныхъ закупокъ хлѣба въ Россіи. Имѣло значеніе и то, что, запасъ русскихъ бумагъ въ рукахъ лицъ, охваченныхъ вымышленными опасеніями, сильно сократился. Словомъ, курсъ улучшился, вслѣдствіе чего игравшіе на пониженіе понесли значительныя потери; всего болѣе пострадали при этомъ мелкіе нѣмецкіе капиталисты которые были введены въ заблужденіе относительно нашего финансоваго положенія и теперь должны были понести за то наказаніе»

И когда первый заключенный Вышнеградскимъ значительный внѣшній заемъ, который долженъ былъ служить къ погашенію военнаго займа, совершеннаго въ Берлинѣ во время турецкой войны 1877—1878 г. на особо неблагопріятнымъ условіяхъ, былъ размѣщенъ почти всецѣло во Франціи, русскій министръ финансовъ воспользовался этимъ, чтобы вмѣстѣ съ благодарностью новымъ друзьямъ Россіи выразить упрекъ ея недругамъ:

> «Нѣтъ никакой надобности останавливаться на подробностяхъ веденной противъ насъ борьбы. Достаточно установить фактъ, что заемъ принесъ выгоду тѣмъ, кто былъ хорошаго мнѣнія о нашемъ финансовомъ положеніи, и потери тѣмъ, кто дѣйствовалъ въ противоположномъ направленіи».

Во всякомъ случаѣ Вышнеградскій довелъ до удовлетворительнаго конца свои проекты конверсіи, не смотря на ту враждебную кампанію, которая велась противъ русскихъ цѣнностей. Экономическая и прежде всего политическая цѣнность этого «перенесенія центра кредитныхъ операцій изъ Берлина въ Парижъ» одно время оживленно дебатировалось въ русской прессѣ, которая, впрочемъ, оставила эту тему, когда французскій денежный рынокъ оказался уже почти исчерпаннымъ. «Открытіе» новаго обильнаго капиталами рынка во всякомъ случаѣ имѣло для русскаго государственнаго кредита большое значеніе, совершенно независимо отъ того, какимъ путемъ оно было достигнуто; но не менѣе важно было и возстановленіе прежнихъ дружественныхъ отношеній съ Германіей. Это много разъ открыто признавало русское финансовое вѣдомство. Чѣмъ шире поле, тѣмъ обильнѣе жатва.

ГЛАВА XXXVII.

Ближайшіе результаты торговаго договора 1894 г.—Критическое отношеніе къ нему со стороны Германіи и Россіи.—Основная причина таможенныхъ конфликтовъ. — Индустріальное грюндерство ухудшаетъ торговый балансъ.

Жалобы на мнимо неблагопріятные результаты русско-германскаго торговаго договора 1894 г. начались уже собственно съ са-

маго появленія его на свѣтъ. Съ *нѣмецкой* стороны эти жалобы исходили главнымъ образомъ отъ тѣхъ заинтересованныхъ круговъ, которые прежде усердно агитировали противъ заключенія договора и теперь указывали, что практика подтверждаетъ высказанныя ими ранѣе опасенія. Другіе, первоначально относившіеся къ торговому договору благосклонно, стали потомъ относиться къ нему критически, такъ какъ они оказались обманутыми въ своихъ дѣловыхъ комбинаціяхъ и чрезмѣрныхъ ожиданіяхъ. Поскольку дѣло касалось *германскаго сельскаго хозяйства*, недовольство было небезосновательно, если оцѣнивать торговый договоръ прежде всего по его вліянію на сельскохозяйственный промыселъ въ связи съ общимъ положеніемъ аграрнаго вопроса. Ибо съ одной стороны усиленный подвозъ хлѣба создавалъ нѣкоторыя затрудненія для сбыта нѣмецкаго хлѣба, съ другой стороны сельскохозяйственный кризисъ тѣмъ временемъ еще разроссся и принялъ болѣе интенсивный характеръ. Представители сельскохозяйственныхъ классовъ естественно старались бороться съ этимъ зломъ всѣми средствами, которыя казались имъ цѣлесообразными; они не могли, конечно, отнестись одобрительно къ договору, который на ихъ взглядъ существенно содѣйствовалъ ухудшенію ихъ экономическаго положенія. Германское правительство неоднократно дѣлало полуофиціозныя заявленія противъ этихъ упрековъ, отвергая, между прочимъ, утвержденіе, что русское зерно вызвало паденіе хлѣбныхъ цѣнъ [1]).

Круги, непосредственно заинтересованные въ процвѣтаніи германскаго сельскаго хозяйства, имѣли такимъ образомъ достаточное основаніе жаловаться на неудовлетворительность договора, какъ необходимаго для нихъ рычага для укрѣпленія сельскохозяйственнаго промысла; но и вывозная промышленность не замедлила со своими жалобами на тотъ ущербъ, который наносили ихъ сбыту высокія русскія ввозныя пошлины. Въ общемъ, однако, нѣмецкая промышленность—по крайней мѣрѣ поскольку центральный союзъ германскихъ промышленниковъ являлся въ настоящемъ случаѣ дѣйствительнымъ представителемъ ея интересовъ—могла уже вскорѣ послѣ заключенія договора съ удовлетвореніемъ констатировать, что сбытъ въ Россію промышленныхъ продуктовъ, въ особенности желѣзной индустріи, развивается благопріятно. Но такъ какъ и въ прессѣ, и въ органахъ народнаго представительства не прекращались жалобы сельскихъ хозяевъ, что торговый договоръ съ Россіей, повредивъ сельскому хозяйству, въ то же время не принесъ никакой пользы промышленности, то для выясненія дѣйствительнаго положенія дѣла былъ произведенъ опросъ крупнѣйшихъ фирмъ, заинтересованныхъ въ вывозѣ въ Россію [2]). Результаты анкеты превзошли всѣ ожиданія. Въ отчетѣ мы находимъ по этому поводу слѣдующее указаніе:

---

[1]) Nordd. Allg. Zeitung отъ 1 апрѣля и 3 мая 1894 г.

[2]) *Bueck*, Der Zentralverband deutscher Industrieller 1876 bis 1901, т. I, стр. 494.

«Главную выгоду, которой можно было ожидать отъ договора, усматривали первоначально въ установленіи прочныхъ отношеній. Собранныя свѣдѣнія показали, однако, сверхъ того, что независимо отъ неоспоримой выгоды прочности и дѣловыя сношенія съ Россіей сложились благопріятно и что въ тѣхъ областяхъ, гдѣ такой благопріятный результатъ еще до сихъ поръ не обнаруженъ, есть полное основаніе ожидать, что съ теченіемъ времени Россія станетъ и для нихъ хорошимъ рынкомъ сбыта".

Правда, впослѣдствіи способъ дѣйствій русскихъ таможенныхъ учрежденій давалъ германской промышленности поводъ къ кое какимъ основательнымъ жалобамъ. Отъ времени до времени русское министерство финансовъ обнаруживало явное стремленіе толковать договоръ въ самомъ неблагопріятномъ для нѣмецкаго импорта смыслѣ, насколько это только было возможно безъ прямого нарушенія буквальнаго смысла договора. Въ извѣстіяхъ торговыхъ палатъ и въ органѣ германскаго торговаго съѣзда приведены весьма многочисленныя жалобы на порядокъ тарификаціи, таможенныя притѣсненія, затрудненія торговымъ агентомъ и т. д.

Въ *Россіи*, въ свою очередь, съ разныхъ сторонъ выражалось недовольство неблагопріятнымъ будто бы вліяніемъ договора въ сферѣ русско-нѣмецкаго товарообмѣна. Многіе, повидимому, ожидали, что вслѣдствіе договора русскій хлѣбъ тотчасъ же получитъ широкій и богато оплачиваемый сбытъ въ Германію, и естественно стали обнаруживать недовольство, когда ихъ ожиданія не оправдались. Оффиціальный органъ министерства финансовъ уже осенью 1894 г. выступилъ противъ этихъ недовольныхъ съ слѣдующей защитой договора:

Изъ торговой статистики о ввозѣ за два мѣсяца и вывозѣ за четыре мѣсяца нельзя вывести никакихъ заключеній о значеніи договора, заключеннаго на десятилѣтій промежутокъ времени. Хорошіе урожаи въ главнѣйшихъ сельскохозяйственныхъ странахъ неблагопріятно повліяли въ текущемъ (1894) году на хлѣбныя цѣны мірового рынка. Договоръ не могъ помочь въ этомъ направленіи, но онъ оказалъ то вліяніе, что съ апрѣля русскій экспортъ хлѣба въ Германію возрастаетъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Въ отношеніи ржи и овса Россія (какъ показываютъ цифры) уже вновь заняла свое прежнее положеніе, въ сферѣ же экспорта пшеницы ей наноситъ ущербъ значительно усилившаяся за послѣднее время конкуренція со стороны Аргентины. Торговый балансъ также склоняется вновь въ пользу Россіи. Что касается ввоза изъ Германіи, то во всякомъ случаѣ не обосновано утвержденіе, что теперь благодаря договору онъ значительно облегченъ. Усиленіе импорта изъ Германіи не можетъ повредить русской промышленности, такъ какъ онъ касается только такихъ предметовъ (коксъ, красильные матеріалы, сельскохозяйственныя машины и локомобили), которые внутри государства не производятся въ соотвѣтственномъ количествѣ и качествѣ. „Сбытъ въ Россію облегченъ только для такихъ товаровъ, въ которыхъ мы настоятельно нуждаемся и которые мы, если бы договоръ съ Германіей не существовалъ, во всякомъ случаѣ должны были бы ввозить изъ другихъ странъ (Англіи, Бельгіи) и притомъ несомнѣнно по болѣе высокимъ цѣнамъ, чѣмъ теперь, къ явному вреду для нашей промышленности".

Эти благодѣтельныя послѣдствія договора для Россіи уже очень скоро, впрочемъ, стали подвергаться сомнѣнію. По крайней мѣрѣ, уже осенью 1896 г. въ русскихъ полуоффиціальныхъ заявленіяхъ начинаютъ высказываться жалобы, что львиная доля матеріальныхъ выгодъ изъ договора выпала на долю Германіи. Это пытались подтвердить данными торговой статистики, но послѣдняя доказывала собственно прямо противоположное. Впрочемъ, относительно цѣнностей русско-германскаго торговаго баланса и нельзя будетъ придти къ соглашенію до тѣхъ поръ, пока статистика вывоза по ту и по сю сторону границы, вслѣдствіе различія въ ея организаціи и пріемахъ, даетъ совершенно различные результаты.

Впослѣдствіи (ноябрь 1901 г.) въ полуоффиціальной «Торгово-промышленной Газетѣ» была сдѣлана попытка точно вычислить матеріальныя выгоды, извлеченныя Германіей изъ уменьшенія русскихъ таможенныхъ ставокъ. Съ этой цѣлью исчислена «экономія въ пошлинахъ» для германскаго импорта въ Россію за 1899 г. по всѣмъ 107 тарифнымъ ставкамъ, уменьшеннымъ въ силу договора. «Выигрышъ» Германіи (точнѣе, собственно, недоборъ таможеннаго долода) выразился по этому подсчету въ цифрѣ 13,7 мил. руб. (около $29^1/_2$ мил. мар.). Изъ этой цифры нельзя, однако, вывести никакихъ заключеній. Ибо на другую чашу вѣсовъ должны были бы быть положены многіе милліоны, «выигранные» Россіей отъ того, что ея сельскохозяйственные продукты оплачивались соотвѣтственно пониженными пошлинами. Но мы не возьмемъ на себя труда подвести этотъ ариѳметическій балансъ.

Нѣкоторыя мѣропріятія прусскаго правительства, вызванныя особыми обстоятельствами (закрытіе для хлѣба нѣсколькихъ транзитныхъ складочныхъ мѣстъ, запрещеніе ввоза свѣжей свинины въ видахъ предохраненія мѣстнаго скота отъ зараженія и т. д.), внесли въ 1896 г. нѣкоторую дисгармонію въ торговыя сношенія между обоими сосѣдними государствами, до тѣхъ поръ въ общемъ дружественныя. Циркуляромъ по русскому таможенному вѣдомству отъ 22 августа 1896 г. было предписано подвергнуть новой тарификаціи рядъ продуктовъ, важныхъ для нѣмецкаго импорта (гидрометры, кошельки и т. п., перламутровыя пуговицы, бусы, бумажное бѣлье, принадлежности для ремонта судовъ и т. д.). Нѣмецкая промышленность (таможенный совѣтъ, центральный союзъ германскихъ промышленниковъ) находила эти тарифныя измѣненія несовмѣстимыми съ опредѣленіями торговаго договора; въ виду этого они обратились къ содѣйствію нѣмецкой дипломатіи. Конференціи изъ германскихъ и русскихъ делегатовъ удалось уладить конфликтъ. Постановленія конференціи, разрѣшившія наиболѣе важные спорные пункты, изложены въ протоколѣ, подписанномъ въ Берлинѣ 9 февраля 1897 г. Базисомъ соглашенія послужило то обстоятельство—которое германскимъ представителямъ не трудно было доказать—что соотвѣтственныя мѣропріятія Германіи не противорѣчили ни буквѣ, ни «духу» торговаго договора. Вмѣстѣ съ тѣмъ отпало и основаніе для принятыхъ русскимъ министромъ финансовъ «репрессалій».

Эти таможенно-политическіе конфликты, отъ времени до времени возникавшіе и въ послѣдующіе годы, въ общемъ вызывались, на нашъ взглядъ, главнымъ образомъ желаніемъ русскаго правительства противодѣйствовать ухудшенію торговаго баланса путемъ суроваго примѣненія тарифа и разнаго рода таможенныхъ затрудненій ввоза. Въ частности при перетарификаціи отдѣльныхъ продуктовъ вовсе не преслѣдовались какіе либо существенные таможенно-покровительственные или фискальные интересы; финансовая политика руководилась только стремленіемъ затруднить ввозъ. Со времени заключенія торговаго договора съ Германіей (1894 г.) ввозъ, дѣйствительно, чрезвычайно усилился (съ 1893 до 1898 г. на 100 мил. руб.), но это было слѣдствіемъ не торговаго договора, а промышленнаго грюндерства въ связи съ колоссально возросшимъ спросомъ на желѣзо для надобностей государственныхъ желѣзныхъ дорогъ. Внутренняя промышленность никоимъ образомъ не могла покрыть спросъ на машины и желѣзные полуфабрикаты, и даже при большей производительности не могла бы удовлетворить потребность вновь основанныхъ фабрикъ въ машинахъ новѣйшей конструкціи. Изъ указаннаго прироста стоимости ввоза въ годы грюндерства (100 мил. руб.) до 80% падаютъ на необработанные металлы и металлическія издѣлія [1]).

Годы.	Всего ввезено.	Въ томъ числѣ металлы и т. д.
	(въ милліонахъ рублей).	
1887	393,2	48,5
1890	416,1	67,7
1893	463,2	90,2
1898	562	171,8

Эти послѣднія и безъ торговаго договора и даже при значительно болѣе высокихъ тарифныхъ ставкахъ все равно выписывались бы въ это время изъ-за границы. Какъ только эта грюндерская горячка, подъ вліяніемъ промышленнаго кризиса, улеглась, ввозъ машинъ начинаетъ сокращаться, хотя торговый договоръ продолжалъ еще дѣйствовать [2]).

Русское правительство прекрасно понимало взаимную связь этихъ явленій. Оно сознавало и при случаѣ съ сожалѣніемъ высказывало, что чрезмѣрное увлеченіе индустріальнымъ грюндерствомъ

---

[1]) По вычисленіямъ *Шванебаха* (стр. 124), отношеніе ввоза этихъ продуктовъ къ общей стоимости импорта выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ:

[2]) Изъ опубликованныхъ таможеннымъ департаментомъ данныхъ о внѣшней торговлѣ Россіи въ 1903 г. видно, что въ теченіе этого года ввозъ машинъ желѣзныхъ и стальныхъ составилъ 3,9 мил. пуд. на сумму 34,8 мил. руб., въ то время какъ за трехлѣтіе 1900—1902., обнимающее и время наивысшаго развитія промышленнаго кризиса въ 1901 г., этотъ импортъ въ среднемъ составлялъ 5 мил. пуд. на сумму 44,2 мил. руб. Ввозъ спеціально сельскохозяйственныхъ орудій, напротивъ того, возросъ отъ 1901 до 1903 года съ 15,8 до 25,3 мил. руб.,—послѣдствіе хорошаго урожая 1902 года и повысившейся благодаря этому покупательной способности сельскаго населенія.

обычно сопровождается усиленнымъ импортомъ машинъ и такимъ образомъ косвенно ухудшаетъ торговый балансъ. То же самое, что наблюдалось въ девяностыхъ годахъ, подтвердилось и тридцатью годами ранѣе. Тогда, въ первую половину семидесятыхъ годовъ, промышленность также переживала періодъ «расцвѣта», чрезвычайно благопріятствовавшаго желѣзной и машиностроительной промышленности. Послѣдствіемъ этого явился настолько неблагопріятный товарный балансъ, что находившееся въ странѣ золото съ чрезвычайной быстротою отливало за границу. Поворотъ къ усиленному таможенному покровительству, началомъ котораго послужило взиманіе пошлинъ золотомъ (1877 г.), отклонилъ тогда эту опасную эволюцію въ другое русло. Когда въ серединѣ девяностыхъ годовъ промышленная политика государства опять вызвала «расцвѣтъ» промышленности съ его уже испытанными послѣдствіями, то въ виду уже очень высоко взвинченныхъ тарифныхъ ставокъ не оказалось въ распоряженіи, какъ въ то время, новыхъ таможенныхъ орудій борьбы,—напротивъ того, тарифная автономія была сужена политикою торговыхъ договоровъ. Правительство, естественно, было недовольно этимъ ходомъ дѣла, старалось вернуть себѣ отчасти потерянную полную свободу тарификаціи, дѣлало попытки при помощи упомянутыхъ выше «малыхъ» средствъ сократить импортъ въ видахъ улучшенія баланса, но въ то же время было настолько справедливо, чтобы не возлагать всю вину за слишкомъ изобильный ввозъ на торговый договоръ, который съ другой стороны такъ замѣтно усиливалъ вывозъ, второй основной моментъ благопріятнаго торговаго баланса. Съ такими смѣшанными чувствами шли на встрѣчу истеченію перваго русско-германскаго торговаго договора.

Раздѣлъ восьмой.

Торговая и таможенная политика съ 1894 г.

ГЛАВА XXXVIII.

Торговая и таможенная политика девяностыхъ годовъ.—Торговый и платежный балансъ.—Торговый балансъ какъ краеугольный камень экономической политики.—Продолженіе политики торговыхъ договоровъ со стороны Россіи.—Торговый договоръ съ Персіей (1903 г).

Торгово-политическая система девяностыхъ годовъ была продолженіемъ—во многихъ отношеніяхъ притомъ усовершенствованнымъ—торгово-политическаго курса, установившагося при Вышнеградскомъ *). Это и не могло быть иначе, такъ какъ протекціонист-

---

[1]) Къ „системѣ Вышнеградскаго“ ср. Гл. 31 стр. 139 и гл. 32.

скіе и фискальные интересы оказывали не менѣе сильное вліяніе чѣмъ прежде, а необходимость удержать благопріятный торговый балансъ озабочивала отвѣтственныхъ государственныхъ дѣятелей еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ Вышнеградскаго. Если до тѣхъ поръ активный балансъ являлся лишь опорою «золотой политики» Вышнеградскаго при подготовлявшейся имъ валютной реформѣ, то при проведеніи послѣдней и еще болѣе послѣ ея осуществленія онъ являлся необходимымъ орудіемъ защиты противъ притязаній заграницы на русскій золотой запасъ, вытекавшихъ изъ платежныхъ ея обязательствъ.

Когда Вышнеградскій принялъ портфель министра финансовъ (въ 1887 г.), *торговой балансъ* столь мало соотвѣтствовалъ широкимъ проектамъ новаго министра о привлеченіи иностраннаго золота, что онъ съ нѣкоторымъ фанатизмомъ поставилъ себѣ задачей расширить вывозъ до такихъ предѣловъ, чтобы онъ какъ можно болѣе превышалъ ввозъ. Ему удалось это осуществить. Но при Витте балансовыя цифры стали опять значительно ухудшаться. Среднее превышеніе вывоза надъ ввозомъ упало съ 238,6 мил. руб. (въ 1886—1890 г.) до 158,0 мил. руб. (1891—1895 г.) и затѣмъ до 90,8 мил. руб. (въ 1886—1900 г.)[1]).

При такомъ незначительномъ преобладаніи вывоза онъ не былъ достаточенъ даже для покрытія процентовъ по внѣшнимъ займамъ, не говоря уже о другихъ пассивныхъ статьяхъ платежнаго баланса. *Шванебахъ*[2]) даетъ слѣдующія цифровыя данныя о *платежномъ балансѣ* за время съ 1893 до 1898 г. Россіи было необходимо: 1) для уплаты процентовъ за границею 170 мил. руб.; 2) издержки русскихъ за границею во время поѣздокъ и въ другихъ формахъ—60 мил. руб.; 3) платежи по заказамъ военнаго и морскаго вѣдомства, согласно правительственнымъ смѣтамъ на 1888—1895 г., 16 мил. руб.; 4) отливающая за границу часть прибыли съ иностранныхъ капиталовъ, помѣщеннымъ въ русскія индустртальныя предпріятія,—по примѣрной оцѣнкѣ 12 мил. руб. Всего, такимъ образомъ, въ годъ 260 мил. руб. Такъ какъ Россія не могла подобно Англіи или Германіи покрывать дефицитъ своего торговаго баланса такъ называемымъ скрытымъ экспортомъ (прибыль отъ транспортныхъ морскихъ фрахтовъ, проценты на помѣщенные за границею капитали и т. д.), то она была вынуждена прибѣгнуть для уравненія баланса главнымъ образомъ къ расширенію вывозной торговли. Въ противномъ случаѣ ей пришлось бы для покрытія своихъ обязательствъ расходовать свое золото или же заключать новые внѣшніе займы[3]).

---

[1]) Ср. цифровыя данныя на стр. 120.

[2]) *Шванебахъ*, стр. 89—93.

[3]) Цифры, какъ мы убѣдились въ этомъ послѣ тщательнаго ихъ анализа, взяты повсюду *весьма низкія*. Пассиву противустоитъ, правда, активъ въ видѣ собственной добычи золота (приблизительно на 50 мил. руб. зол. въ годъ). Но тѣмъ не менѣе пассивъ платежнаго баланса составляетъ 200 мил. руб. ежегодно. Эту сумму—поскольку превышеніе вывоза надъ

Необходимость считаться съ *торговымъ балансомъ* предрѣшила направленіе *торговой политики* русскаго министра финансовъ въ девяностыхъ годахъ. Начатое съ 1887 г. возстановленіе металлической валюты не могло быть проведено съ прочнымъ успѣхомъ, если бы не была создана сильнымъ перевѣсомъ вывоза надъ ввозомъ опредѣленная гарантія противъ отлива заграницу золотого фонда, столь старательно скопленнаго Вышнеградскимъ. *Валютная реформа* была важнѣйшей и подававшей наибольшія надежды частью финансово-политическаго наслѣдства, полученнаго новымъ министромъ отъ его предшественника. Но для успѣха и прочности великой реформы были необходимы три условія: 1) достаточная устойчивость государственнаго кредита даже въ случаѣ предъявленія къ денежному рынку усиленнаго запроса; 2) удержаніе бюджетнаго равновѣсія, безъ необходимости постоянно обращаться къ чрезвычайнымъ рессурсамъ; 3) торговый балансъ, который покрывалъ бы возможно болѣе значительную часть обязательныхъ платежей за границу изъ избытка товарнаго вывоза. Печальный исходъ финансоваго режима Вышнеградскаго нѣсколько расшаталъ эти три основныхъ устоя валютной реформы. Укрѣпленіе ихъ и составило въ 1893—1895 г. подготовительную программу финансоваго управленія для осуществленія реформы. Преобладающее значеніе имѣли такимъ образомъ соображенія *финансовой политики. Торговая и таможенная политика* должны были бы подчиняться ей даже въ томъ случаѣ, если бы правительство вознамѣрилось, напр., вновь обратиться къ принципамъ фритредерства или если бы приверженность фиска къ таможенному доходу сдѣлалась менѣе интенсивной, чѣмъ какою она была на самомъ дѣлѣ.

Для министра финансовъ Витте разрѣшеніе финансово-полити-

ввозомъ оказывалось недостаточнымъ—приходилось изъ года въ годъ добывать посредствомъ новыхъ займовъ, продажи за границу государственныхъ фондовъ, привлеченія капиталовъ для промышленныхъ предпріятій и т. д. Таковъ платежный балансъ, который Россія имѣла до начала войны въ Восточной Азіи.—Русское министерство финансовъ собрало слѣдующія цифры о состояніи платежнаго баланса: въ 1888 году +125,4 мил. руб. зол., въ 1889 г.+50,0 мил. руб., въ 1890 г.+7,5 мил. руб. въ 1891 г.+92,9 мил. руб, и въ 1892 г.+171,4 мил. руб. (*Мигулинъ*, II, стр. 505). Съ тѣхъ поръ платежный балансъ, безъ сомнѣнія, сдѣлался еще менѣе благопріятнымъ вслѣдствіе усиленнаго импорта машинъ и проч. для промышленныхъ предпріятій и по другимъ причинамъ. Заслуживаютъ вниманія слѣдующія данныя о результатахъ платежнаго баланса за двадцатилѣтіе 1882—1902 г.:

съ 1882	до 1886 г.	—765	мил. руб.
» 1887	» 1891 г.	+207	» »
» 1892	» 1896 г.	—895	» »
» 1896	» 1901 г.	—1222	» »
	1902 г.	—150	» »

Такимъ образомъ Россія выплатила заграницу съ 1882 по 1902 годъ до 2½ милліардовъ, которые были собраны путемъ займовъ, притока иностранныхъ капиталовъ и т. д. и опять вернулись за границу (*Табурно*, стр. 108 сл.).

ческой проблемы должно было служить руководящимъ мотивомъ всей его экономической политики, и торговая политика является только одною стороною этой послѣдней. Витте не упускалъ изъ виду этой цѣли, обусловленной всею совокупностью обстоятельствъ этого момента. Возобновленіе и усиленное продолженіе операцій по конверсіи, энергичная и успѣшно проведенная борьба противъ спекуляцій съ русскими бумажными деньгами на иностранныхъ биржахъ, впослѣдствіи заключеніе торговыхъ договоровъ съ государствами, являвшимися важнѣйшими потребителями продуктовъ русскаго сельскаго хозяйства, далѣе реформа государственнаго банка и чрезвычайныя мѣры поощренія для частныхъ кредитныхъ установленій, усиленіе налоговъ, интенсивное расширеніе желѣзнодорожной сѣти, послѣдовательное покровительство индустріи съ широкимъ привлеченіемъ иностраннаго капитала, расширеніе вывоза при помощи старательно продуманной системы поощрительныхъ мѣропріятій, льготы для сельскаго хозяйства и хлѣбной торговли (напр. предоставленіе спеціальныхъ кредитовъ подъ залогъ хлѣба, постройка подъѣздныхъ путей и т. д.),—всѣ эти мѣры являлись лишь подготовительными для введенія золотой валюты.

Какъ послѣдовательно и энергично съ 1893 г. боролся министръ финансовъ съ спекуляціей на бумажныя деньги и колебаніями курса, и довелъ эту борьбу до благополучнаго конца—до соотвѣтственнаго отрезвленія всѣхъ игравшихъ на пониженіе на иностранныхъ биржахъ, какъ онъ затѣмъ фиксировалъ курсъ рубля на вполнѣ пріемлемомъ среднемъ уровнѣ и проложилъ золотой монетѣ путь во внутреннемъ денежномъ обращеніи, и, наконецъ, довелъ реформу до конца, не смотря на всѣ возникавшія сомнѣнія и независимо и даже вопреки волѣ законодательныхъ органовъ,—разсмотрѣть все это детально могла бы только исторія русской финансовой политики. Для нашей задачи важно только выяснить, что тѣнь отъ валютной реформы проведеніе которой являлось съ 1892 до 1896 г. фокусомъ всѣхъ экономическихъ мѣропріятій, должна была пасть на торговую политику—окольнымъ путемъ черезъ торговый балансъ.

Когда подготовлялась и обсуждалась валютная реформа, указанное выше неблагопріятное состояніе платежнаго баланса неизбѣжно должно было вызвать весьма серьезныя сомнѣнія. И въ государственномъ совѣтѣ и въ прессѣ всѣ нерѣшительные элементы, находившіе данный моментъ крайне неблагопріятнымъ для перехода къ золотой валютѣ, постоянно ссылались на неблагопріятныя для Россіи цифры баланса [1]). Они указывали, что для своей «дани» за границей въ видѣ процентовъ по займамъ и наличныхъ уплатъ Россіи требуется ежегодно, за вычетомъ внутренней добычи золота (до 50 мил. руб.), еще 200—250 мил. руб. зол. Для покрытія этой разницы могли бы служить только товарныя цѣнности (превышеніе вывоза надъ ввозомъ) или же долговыя обязательства (новые займы). Съ тѣхъ поръ какъ въ 1892 г. торговый балансъ принялъ

---

[1]) *Мигулинъ*, III, стр. 106 сл.

неблагопріятный для Россіи оборотъ, одного экспорта для указанной цѣли недостаточно. Фактически внѣшняя задолженность Россіи еще увеличилась, подъ вліяніемъ неблагопріятнаго баланса, за время съ 1892 до 1896 г. на 350 мил. руб., независимо отъ тѣхъ 200 мил. руб., которые вернулись въ Россію въ видѣ оплаты проданныхъ за границу русскихъ цѣнностей. Нѣтъ никакихъ основаній допустить, что балансъ могъ бы улучшиться въ близкомъ будущемъ. Напротивъ того, народное благосостояніе падаетъ, финансовое положеніе ухудшается, недоимки по государственнымъ сборамъ и задолженность возрастаютъ. Грозитъ поэтому весьма серьезная опасность, что золото исчезнетъ изъ оборота и изъ страны, ибо, не говоря уже о другихъ ухищреніяхъ золотоискателей, неблагопріятное состояніе баланса должно проложить путь отливу золота за границу.

Опровергая въ государственномъ совѣтѣ эти—весьма вѣскія, конечно—сомнѣнія въ осуществимости денежной реформы, министръ финансовъ удѣлилъ особое вниманіе вопросу о балансѣ. Витте доказывалъ, что за послѣдніе восемь лѣтъ (1888—1896) платежный балансъ складывался вовсе не такъ неблагопріятно, какъ это принято думать. Потребность Россіи въ золотѣ составила за этотъ періодъ времени 387 мил. руб. Изъ этой суммы 264 $^1/_2$ мил. были покрыты посредствомъ новыхъ металлическихъ займовъ и продажи за границу государственныхъ фондовъ, а остальные 122$^1/_2$ мил. руб. дали избытокъ вывоза и собственная добыча золота. Такъ какъ за эти восемь лѣтъ внутренняя золотопромышленность дала до 240 мил. руб. зол., то стало быть не болѣе половины этой суммы пошла на иностранные платежи, и значительная часть добытаго золота осталась въ Россіи. Этотъ расчетъ совершенно устраняетъ—по мнѣнію министра—опасность поглощенія золотого фонда внѣшними обязательствами Россіи. Но нельзя, конечно, отрицать, что торговому балансу и впредь должно быть удѣляемо серьезное вниманіе. Если товарный импортъ такъ значительно возросъ за послѣдніе годы въ ущербъ активности баланса, то это слѣдуетъ признать явленіемъ исключительнымъ, обусловленнымъ чрезвычайно интенсивной потребностью расцвѣтающей крупной индустріи въ усовершенствованныхъ машинахъ, а также огромными заказами за границею для надобностей желѣзныхъ дорогъ, военнаго и морского вѣдомства. Не смотря на то, товарный балансъ остается активнымъ и въ дальнѣйшемъ, несомнѣнно, будетъ еще улучшаться. «Если бы балансъ былъ пассивнымъ, а не активнымъ, каковымъ онъ является въ дѣйствительности, то я самъ призналъ бы неосторожнымъ осуществить денежную реформу при такихъ обстоятельствахъ [1])».

Надо думать, что въ эти свои объясненія министръ финансовъ внесъ нѣкоторый излишній оптимизмъ, чтобы обезсилить противодѣй-

---

[1]) Мигулинъ, III, ч. стр. 158.

ствіе проектированной имъ реформѣ. Ибо въ дѣйствительности изъ соображеній самого министра видно, что при тогдашнемъ (1896 г.) положеніи дѣлъ увеличеніе внѣшней задолженности являлось неизбѣжнымъ для того, чтобы, не жертвуя частью собственнаго золотого запаса, покрыть всѣ обязательства, обусловленныя неблагопріятнымъ платежнымъ балансомъ. Если изъ данныхъ самого Витте исключить займы, то Россіи пришлось бы не только отдать заграницу всю свою золотую добычу, но и сдѣлать еще значительныя наличныя приплаты. Отсюда само собою видно, какъ важенъ для Россіи *благопріятный торговый балансъ*. И въ дѣйствительности поддержаніе его сдѣлалось съ семидесятыхъ годовъ краеугольнымъ камнемъ всей экономической политики; оно имѣло рѣшающее значеніе какъ въ направленіи торговой и таможенной политики, такъ и въ сферѣ политики финансовой. Избытки экспорта должены въ значительной мѣрѣ покрывать проценты по внѣшнимъ займамъ, въ противномъ случаѣ не было другого пути, какъ для оплаты процентовъ и погашенія старыхъ займовъ прибѣгать къ новымъ долговымъ обязательствамъ,— все равно въ видѣ ли заключенія непосредственныхъ займовъ или продажи заграницу русскихъ государственныхъ фондовъ, или, наконецъ, привлеченія иностранныхъ капиталовъ («импортъ капиталовъ— это отсроченный экспортъ товаровъ»). «Дань заграницѣ» является, какъ справедливо замѣчаетъ Шванебахъ, Дамокловымъ мечомъ всего русскаго финансоваго хозяйства. Цѣлямъ этой дани должна служить также торговая и таможенная политика; поощряя вывозъ, сокращая ввозъ и пользуясь вообще всѣми возможными средствами, чтобы сдѣлать торговый балансъ возможно болѣе благопріятнымъ для Россіи.

Въ Западной Европѣ преобладаетъ представленіе, что Россія, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ, все усиливала свои ввозныя пошлины исключительно въ виду отсталости ея индустріи и для увеличенія таможеннаго дохода. Но это вѣрно только отчасти. Гораздо болѣе важную роль играли «высшіе интересы» финансовой политики. Протекціонизмъ служилъ со времени установленія золотой пошлины (1877 г.) той «золотой политикѣ», которая всѣми средствами старалась создать благопріятный для Россіи золотой балансъ. Взиманіе пошлинъ золотомъ, установленное непосредственно передъ турецкой войной, несомнѣнно явилось мѣрой фискальнаго характера, но значеніе ея при указанныхъ обстоятельствахъ вышло далеко за предѣлы ея ближайшей финансовой цѣли; золотая пошлина должна была служить преградою отливу золота заграницу [1]). Если бы не эта таможенно-политическая мѣра, Россія израсходовала бы тогда весь свой золотой запасъ, такъ какъ торговый балансъ ухудшился вслѣдствіе усиленнаго индустріальнаго импорта.

Усиленіе таможеннаго покровительства при Вышнеградскомъ во вторую половину восьмидесятыхъ годовъ въ значительной мѣрѣ обусловливалось стремленіемъ урегулировать обращеніе золота въ

---

[1]) Подробн. ср. гл. 29, стр. 121 и сл.

*

финансово-политическихъ интересахъ Россіи. У Вышнеградскаго это была уже цѣлая «система». Золотая политика должна была служить теперь еще болѣе высокимъ цѣлямъ; она должна была не только удержать въ странѣ уже имѣющійся запасъ драгоцѣннаго металла, но привлекать еще и новое золото. Съ этой именно цѣлью работали надъ урегулированіемъ баланса съ тою преувеличенною энергіей, печальныя послѣдствія которой мы указали уже выше (гл. 32, стр. 129). Съ односторонней точки зрѣнія Вышнеградскаго успѣхъ былъ достигнутъ блестящій. Торговый балансъ 1888—1890 гг. съ среднимъ превышеніемъ вывоза на 238,6 милл. руб. былъ достаточно значителенъ, чтобы покрыть всѣ внѣшнія обязательства государства (т. е. платежный балансъ) и кромѣ того давалъ еще сильный плюсъ, увеличивавшій внутренній золотой запасъ. Такъ какъ при этомъ и золото собственной добычи (отъ 30 до 50 милл. руб.) могло оставаться въ странѣ, а дѣло заключенія внѣшнихъ займовъ также подвигалось весьма энергично, то необходимый для валютной реформы золотой храмъ явно поднимался все выше.

Въ 1892 г. управленіе финансами принялъ на себя Витте. За 1891—1895 года торговый балансъ далъ въ среднемъ превышеніе вывоза надъ ввозомъ только на 158 милл. руб. въ годъ, такъ какъ неурожаи 1891 и 1892 г., сократили экспортъ, а грюндерская горячка усиливала импортъ машинъ и т. п., несмотря на всѣ таможенныя препятствія. При «нормальныхъ» условіяхъ Россіи пришлось бы такимъ образомъ опять выплатить заграницу часть накопленнаго съ такими трудами золота, если бы новые золотые займы государства и частныхъ желѣзныхъ дорогъ не приносили въ страну золото въ размѣрѣ, значительно превышавшемъ ихъ непосредственную потребность. Такимъ путемъ и оказалось возможнымъ ввести золотую валюту какъ разъ въ это критическое время (1896 г.), когда русскому золотому запасу грозили серьезныя затрудненія. Такъ какъ торговый балансъ не оправдывалъ возлагавшихся на него надеждъ, то прибѣгли къ крайнему средству—внѣшнимъ займамъ [1]).

Съ того момента, какъ валютная реформа была осуществлена, эта «борьба за золото» велась еще съ большимъ ожесточеніемъ. Теперь дѣло шло о томъ, чтобы во избѣжаніе опаснаго разстройства русскихъ государственныхъ финансовъ отражать атаки за-границы на русское золото. Избытокъ вывоза упалъ въ 1896—1900 гг. въ среднемъ до 90,8 милл. руб. при ежегодной потребности въ 200 приблизительно милліонахъ рублей для покрытія внѣшнихъ обязательствъ. Россія должна была такимъ образомъ частью расходовать собственное золото, частью добывать его посредствомъ новыхъ займовъ [2]).

---

[1]) Ср. данныя о состояніи баланса на стр. 120 и стр., 165 прим.

[2]) Мы не можемъ здѣсь вновь останавливаться на томъ, какъ сложилось *обращеніе золота* въ Россіи съ 1896 г. Что касается *торговаго баланса*, то съ 1901 г. замѣчается значительное улучшеніе вслѣдствіе болѣе благопріятныхъ урожаевъ (что усиливало экспортъ) и промышленнаго кризиса

На вопросѣ о торговомъ и платежномъ балансѣ мы остановились сравнительно подробно, такъ какъ въ этой сферѣ господствуетъ еще значительная неясность понятій [1]). Но внимательно прослѣдить русскую «золотую политику» необходимо еще потому, что безъ детальнаго знакомства съ нею было бы невозможно правильно оцѣнить эволюцію торговой и таможенной политики. На тотъ торгово-политическій курсъ, который установился въ Россіи, золотая политика оказала гораздо болѣе значительное вліяніе, нежели желаніе доставить промышленности болѣе интенсивную защиту. Только выяснивъ это взаимоотношеніе явленій, мы можемъ оцѣнить по достоинству смѣлыя предсказанія о предстоящемъ Россіи фритредерскомъ будущемъ и заявленія о томъ, что политика русскаго правительства собственно склоняется въ пользу принциповъ свободной торговли. Конечно, если бы Западная Европа уклонилась отъ своей теперешней таможенно-покровительственной политики, Россія также примкнула бы къ новому теченію, при условіи, чтобы это не затронуло ея торговаго баланса, другими словами—чтобы матеріальныя выгоды отъ отмѣны другими государствами ихъ аграрныхъ пошлинъ съ лихвою покрыли ея собственныя потери, связанныя съ открытіемъ границъ для ввоза. Съ такою оговоркою Россія, быть можетъ, охотно пошла бы по пути свободной торговли, которую она пока только охотно рекомендуетъ другимъ государствамъ. Но въ Россіи, какъ и въ Германіи, теорія неизбѣжно отступаетъ на задній планъ передъ суровыми требованіями реальной жизни. И эти реальныя отношенія у нашего восточнаго сосѣда въ сферѣ внѣшней торговли настолько непреоборимы, что руководящіе государственные дѣятели, даже если бы они лично сочувствовали фритредерскимъ принципамъ, все же въ своей практической политикѣ не могли бы избѣгнуть необходимости придерживаться самаго суроваго протекціонизма. Допустимъ даже, что во главѣ русскихъ финансовъ сталъ бы нѣмецкій дѣятель, воодушевленный принципами свободной торговли; и ему пришлось бы, въ сознаніи его тяжелой отвѣтственности, заботиться прежде всего о благопріятномъ торговомъ балансѣ, какъ краеугольномъ камнѣ здороваго финансоваго хозяйства. И такой геніальный реформаторъ не сумѣлъ бы охранить русскій золотой запасъ иначе, какъ соотвѣтственной таможенной политикой.

(уменьшеніе импорта машинъ). Опубликованныя таможеннымъ департаментомъ статистическія данныя о внѣшней торговлѣ по европейской границѣ показываютъ слѣдующее движеніе товарообмѣна:

Годъ:	1900	1901	1902	1903
	(въ милліонахъ рублей)			
Вывозъ	688,4	729,8	825,3	949,3
Ввозъ	572,1	532,9	527,1	601,5
Весь оборотъ	1260,5	1262,7	1352,4	1550,8
Превышеніе экспорта	116,3	196,8	298,2	347,8.

[1]) Ср. *Helffecrich* Marine—Rundschau, дек. 1904, стр. 1356 слл,

Иначе ему пришлось бы отказаться отъ золотой валюты, пожертвовать промышленностью и оставить внѣшніе займы неоплаченными,— другого исхода мы не видимъ. Кто не желаетъ «поворота» въ этомъ смыслѣ, неизбѣжно долженъ будетъ пойти по тому пути, который предуказанъ уже 30 лѣтъ тому назадъ русской торговой и таможенной политикѣ системою «золотой» политики.

При изложенныхъ обстоятельствахъ дальнѣйшее направленіе торговой политики въ девяностыхъ годахъ не могло собственно возбуждать сомнѣній; фактическое осуществленіе этой политики министромъ финансовъ Витте значительно отличается, однако, отъ пріемовъ его предшественниковъ. Уже допущенное по торговымъ договорамъ уменьшеніе и фиксація цѣлаго ряда таможенно-тарифныхъ ставокъ показывало, что понятіе о сущности торговаго баланса уступило мѣсто болѣе зрѣлому воззрѣнію. «Здоровый эгоизмъ», конечно, вызывалъ стремленіе извлечь изъ договора возможно большія экономическія выгоды, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать заслугой, что Россія впервые отказалась отъ своей таможенно-тарифной автономіи и въ интересахъ международнаго товарообмѣна въ извѣстной мѣрѣ приспособилась къ потребностямъ сосѣднихъ государствъ. Договоръ съ Германіей положилъ начало политикѣ торговыхъ договоровъ, и за этимъ первымъ шагомъ естественно послѣдовали и дальнѣйшіе въ томъ же направленіи. Тарифныя уступки, сдѣланныя въ пользу нѣмецкаго ввоза, приходилось распространять на другія государства, чтобы и у нихъ въ свою очередь получить права наибольшаго благопріятствованія.

Въ 1894 г. вступили въ силу еще два заключенные Россіей *торговые договоры*. Съ *Сербіей* давно уже велись переговоры, приведшіе уже въ октябрѣ 1893 г. къ соглашенію, формально ратифицированному, однако, лишь въ январѣ 1894 г. Предоставленное Россіи наибольшее благопріятствованіе охватило тѣ многочисленные уступки, которыя уже были сдѣланы Сербіей по договорамъ съ Германіей и Австро-Венгріей. Кромѣ того Сербія прибавила еще нѣкоторыя специальныя льготы, напр. для русскаго керосина, взамѣнъ чего получила льготы для своего экспорта сливъ и своей транзитной торговли. Договоръ съ *Австро-Венгріей* вступилъ въ силу 1 іюля 1894 г. Россіи былъ предоставленъ конвенціонный тарифъ, а Австро-Венгріи—тѣ тарифныя ставки, которыя были фиксированы договоромъ съ Германіей. Въ теченіе девяностыхъ годовъ Россія продолжала эту политику торговыхъ договоровъ. Такъ, относящійся еще къ 1782 г. «дружественный и торговый трактатъ» съ *Даніей* былъ замѣненъ въ 1895 г. договоромъ, созданнымъ по образцу соглашеній съ Германіей и Австро-Венгріей и предоставившій обоимъ договаривающимся государствамъ самое широкое право наибольшаго благопріятствованія во всемъ, что касается торговли и мореплаванія.

Послѣ продолжительныхъ двухлѣтнихъ переговоровъ была подписана въ 1896 г. и торговая конвенція съ Португаліей. Конвенція основана не на принципѣ общаго наибольшаго благопріятство-

ванія, а ограничиваетъ послѣднее нѣкоторыми опредѣленными товарами и условіями взаимнаго торговаго оборота. Португалія предоставила Россіи ставки своего конвенціоннаго тарифа по 39 статьямъ и уменьшила свои конвенціонныя ставки на 25—50% для цѣлаго ряда продуктовъ—льна, пеньки, кожи, лѣса, чая, свѣчей, минеральныхъ маслъ и т. д. Россія съ своей стороны предоставила Португаліи ставки своего конвенціоннаго тарифа для 16 продуктовъ и уменьшила пошлины на пробковое дерево во всѣхъ его видахъ. Въ Россіи это соглашеніе считается чрезвычайно выгоднымъ. Особенность этого соглашенія составляетъ условіе, что уступки обѣихъ сторонъ поставлены въ зависимость отъ непосредственнаго ввоза, хотя допускается при этомъ, чтобы продукты транзитомъ перевозились черезъ третьи государства или тамъ же и перегружались.

Заключенный въ 1895 г. договоръ о торговлѣ и мореплаваніи съ *Японіей* имѣетъ тотъ же характеръ, что и ратифицированный незадолго передъ тѣмъ англо-японскій договоръ. Положенный въ основу договора принципъ наибольшаго благопріятствованія нашелъ примѣненіе и въ соглашеніи съ султаномъ *Занзибара* (1896 г.), торговой конвенціи съ *Болгаріей* (1897 г.) и деклараціи съ *Сіамомъ* (1899 г.).

Плодомъ тонкой дипломатической работы явился, наконецъ, договоръ съ *Персіей*, вступившій въ силу $^1/_{14}$ февраля 1903 г. По дополнительнымъ опредѣленіямъ къ туркманчайскому мирному договору съ Персіей (1828 г.) была установлена ввозная пошлина въ 5% ad valorem со всѣхъ товаровъ русскаго происхожденія; на этой основѣ почти всѣ европейскія государства и Соединенные Штаты заключили съ теченіемъ времени договоры о наибольшемъ благопріятствованіи (Германская имперія по договору 11 іюня 1873 г.). Русско-персидское торговое соглашеніе замѣнило прежнія пошлины съ цѣны тремя различными тарифами, заключавшими въ себѣ весьма систематически обдуманныя льготы для русской торговли въ видѣ, напр., крайне низкой тарификаціи продуктовъ, наиболѣе важныхъ для русскаго ввоза въ Персію (простыя хлопчатобумажныя ткани, керосинъ, сахаръ) и высокаго обложенія чая, привозимаго главнымъ образомъ изъ Индіи. Такъ какъ русскому ввозу въ Персію и безъ того были обезпечены значительныя преимущества благодаря полному почти запрещенію транзита иностранныхъ товаровъ черезъ Кавказъ, то этотъ договоръ создалъ для Россіи такія торгово политическія льготы, которыя отнюдь не уравновѣшивались формальнымъ предоставленіемъ состороны Персіи равныхъ правъ и другимъ государствамъ [1]).

[1]) Объ исторіи вопроса о закавказской транзитной торговлѣ ср. гл. 14. стр. 53, гл. 19 и 41. О торговыхъ сношеніяхъ Персіи ср. Berichte üder Handel und Jndustrie, изд. герм. Reichsamt des Jnnern, т. II кн. 17; т. IV, кн. 13; т. VIII, стр. 9. Изъ обширной общей литературы укажемъ только: *Krahmer*, Die Beziehungen Russlands zu Persien («Russland in Asien» т. VI, Leipz. 1903). На русскомъ языкѣ: *Курмаковъ*, Торговые интересы Россіи на ближнемъ востокѣ (Спб. 1901); *Федоровъ*, Соперничество торговыхъ интересовъ на востокѣ, Спб. 1903, стр. 209—243.

Россія вступила, наконецъ, въ договорныя соглашенія со всѣми европейскими государствами, которыя съ своей стороны предоставили ей права наибольшаго благопріятствованія; исключеніе составляетъ только Румынія, гдѣ дѣйствовалъ общій для всѣхъ государствъ таможенный тарифъ. Далѣе, всѣ азіатскія государства заключили торгово-политическія соглашенія съ Россіей, на американскомъ же континентѣ связаны договорами съ Россіей только Соединенные Штаты и Перу [1]).

ГЛАВА XXXIX.

Таможенная политика съ 1694 г.—Китайскія пошлины отъ 21 іюля 1900 г.—Пошлина на хлопокъ какъ мѣра протекціонистская, фискальная и финансово-политическая.—Основныя направленія таможенной политики.

Въ *таможенно-политической* области за нервнымъ подъемомъ, характеризующимъ десятилѣтіе до заключенія торговыхъ договоровъ, наступило съ 1894 г. сравнительное затишье Руководитель таможенной политики, министръ финансовъ Витте не былъ приверженцемъ широкихъ мѣропріятій въ сферѣ хозяйственной политики, для которыхъ, притомъ, не было и повода въ виду недавняго общаго пересмотра таможеннаго тарифа. Важнѣе было приспособить общія опредѣленія тарифа къ опредѣленнымъ спеціальнымъ потребностямъ, и это совершалось двоякимъ способомъ, именно—путемъ допущенія такихъ изъятій, которыя могли быть полезны въ интересахъ развитія народныхъ производительныхъ силъ, и путемъ цѣлесообразнаго приноровленія мѣстныхъ особенностей къ обще-имперскому порядку. Изъятія должны были служить главнымъ образомъ интересамъ сельскаго хозяйства; объединеніе же осуществлялось путемъ отмѣны таможенно-политическихъ изъятій для окраинъ [2]).

Такою мѣрою, вызванною настоятельными потребностями сельскаго хозяйства, явилось допущеніе (въ 1898 г.) безпошлиннаго ввоза машинъ и орудій, которыя вовсе не производились въ Россіи или относительно которыхъ, въ виду ихъ сложного спеціальнаго характера, нельзя было ожидать, чтобы производство ихъ въ Россіи развилось въ ближайшемъ будущемъ. Былъ облегченъ также ввозъ такихъ сельско - хозяйственныхъ орудій, которыя представляли собою новыя изобрѣтенія или усовершенствованія. Далѣе, золотопромышленнымъ предпріятіямъ Сибири и Урала было предоставлено право безпошлиннаго полученія изъ-за границы машинъ и машинныхъ частей, въ видахъ поощренія техники производства этой важной отрасли промышленности. Въ интересахъ русскаго мореплаванія была

---

[1]) Всѣ данныя по изданному департаментомъ торговли м-ва финансовъ сборнику подъ редакціей *Покровскаго*, стр. 35, (см. стр. 3 прим.).

[2]) О таможенной политикѣ въ Финляндіи, на Кавказѣ и въ средней Азіи ср. гл. 41, относительно Восточной Азіи гл. 40.

отмѣнена ввозная пошлина на желѣзныя морскія суда, ледоколы, плавучіе доки и т. д. Всѣ эти единичныя льготы и отступленія отъ тарифа отнюдь не должны быть, однако, понимаемы въ томъ смыслѣ, будто-бы утвердилось сознаніе несовмѣстимости таможеннаго тарифа съ важными жизненными интересами націи [1]).

Въ отдѣльныхъ случаяхъ и по особымъ соображеніямъ смягчали на практикѣ суровыя требованія тарифа, но тѣмъ настойчивѣе осуществлялись его общія начала.

Въ общемъ духъ фискализма, стремленіе улучшить государственные финансы путемъ усиленнаго таможеннаго обложенія сохранилось въ министерствѣ финансовъ и въ девяностые годы. Такой характеръ имѣли въ частности *пошлины установленные по случаю китайской экспедиціи.*

Согласно высоч. повелѣнія отъ 21 іюля 1900 г. «въ виду чрезвычайныхъ расходовъ, которыхъ требуютъ событія на Дальнемъ Востокѣ (боксерское возстаніе, экспедиція въ Китай) и которые по большей части отливаютъ заграницу, должны быть увеличены пошлины съ отдѣльныхъ предметовъ общаго тарифа для торговли черезъ европейскую границу и изъ Финляндіи, причемъ тарифныя ставки, связанныя торговыми договорами, остаются въ силѣ». Увеличеніе тарифныхъ ставокъ составило 50% для цѣлаго ряда предметовъ ввоза, въ томъ числѣ южныхъ фруктовъ, болѣе дорогихъ овощей и сироповъ, напитковъ, а также табака, сельдей, муки и мн. др. Менѣе значительная группа продуктовъ была обложена выше прежняго на 30%, въ томъ числѣ кофе и лѣсные матеріалы. Рядъ ставокъ (жиры, масла, бѣлье, плетеныя издѣлія, часы, оружіе и т. д.) былъ увеличенъ на 20%. Наконецъ, для большого числа предметовъ ввоза пошлины были увеличены на 10%. Увеличеніе таможеннаго дохода отъ этихъ надбавокъ было исчислено въ 22 мил. руб., и значительная часть этой суммы должна была пасть на ввозъ изъ Германіи [2]).

«Китайскія пошлины» мотивировались тѣмъ соображеніемъ, что при настоящемъ положеніи денежнаго рынка было бы нецѣлесообразно прибѣгнуть для пополненія государственной казны къ внутреннимъ и тѣмъ менѣе—внѣшнимъ займамъ. Детальное изученіе вопроса выяснило необходимость усилить обложеніе такихъ продуктовъ, потребителями которыхъ являются преимущественно болѣе состоятельные классы населенія.

Общественное мнѣніе отнеслось къ новому усиленію обложенія съ наименьшимъ сочувствіемъ. Было ясно, что непосредственнымъ результатомъ этихъ таможенно-политическихъ мѣръ должно явиться значительное вздорожаніе очень многихъ общераспространенныхъ предметовъ потребленія. Изъ патріотическихъ соображеній были склонны

---

[1]) Deutsche Volksw. Korresp. отъ 20 дек. 1801 г.

[2]) Отдѣльныя повышенія ставокъ и участіе въ нихъ нѣмецкаго импорта указаны въ изд. имперскимъ м-вомъ внутр. дѣлъ „Nachrichten für Handel und Industrie" 1900 г. № 143 и 160.

признать государственную необходимость такого рода мѣропріятій, но сомнѣвались въ практическихъ фискальныхъ результатахъ усиленнаго обложенія ввоза. Указывали, что послѣдній сожмется подъ интенсивнымъ таможеннымъ давленіемъ; притомъ, «бойкотированіе» иностраннаго экспорта вызоветъ соотвѣтственныя репрессаліи. Отъ времени до времени высказывался, впрочемъ, и взглядъ, что новыя пошлины имѣютъ важное народно-хозяйственное значеніе,—въ томъ именно смыслѣ, что ихъ удобно будетъ использовать при предстоящемъ возобновленіи торговыхъ договоровъ съ нѣсколькими европейскими государствами, чтобы въ видѣ компенсаціи за ихъ отмѣну достигнуть болѣе благопріятныхъ для Россіи договорныхъ условій. Но такая предусмотрительность была здѣсь излишня уже потому одному, что созданіе новаго генеральнаго тарифа отъ 13 января 1903 г. и безъ того открывало достаточно широкую возможность введенія въ тарифъ такихъ объектовъ будущихъ таможенно-политическихъ уступокъ.

Надбавки къ пошлинамъ, установленныя въ 1900 г., коснулись и *хлопка*,—характерный признакъ постояннаго преобладанія финансово-политическихъ соображеній надъ таможенно-покровительственными. Исторія пошлины на хлопокъ представляетъ одинъ изъ поучительнѣйшихъ моментовъ русской таможенной политики,—на этомъ одномъ объектѣ обложенія въ пестрой смѣнѣ отражаются всѣ три тенденціи таможенной политики: финансово-политическая, фискальная и покровительственная; преобладаетъ, однако, всегда то соображеніе, что необходимо предупредить отягощеніе торговаго баланса стоимостью импортируемаго хлопка (до 100 мил. руб. въ годъ), даже если это грозитъ опасностью, что внутренняя ткацкая промышленность не всегда можетъ удовлетворить свою потребность въ сырьѣ.

Если оставить въ сторонѣ болѣе ранніе періоды, то *пошлина на хлопокъ* впервые появляется въ 1878 г., въ размѣрѣ 40 коп. съ пуда; не прошло и десяти лѣтъ, какъ эта пошлина возросла до 1 руб. зол. для морской и 1 р. 15 коп. для сухопутной границы. Пошлина продолжаетъ затѣмъ повышаться, пока русско-германскій торговый договоръ отмѣнилъ дифференцированіе пошлины и установилъ размѣръ ея въ 1 р. 40 к. Но уже въ томъ же году автономная таможенная ставка была увеличена со 140 до 210 коп. (мнѣніе государственнаго совѣта отъ 20 декабря 1894 г.), причемъ въ мотивахъ указывается, что цѣлью этой мѣры является покрытіе недобора въ таможенномъ доходѣ, вызваннаго отмѣною дифференціальной пошлины. Рядомъ съ этимъ приводятся, правда, и таможенно-покровительственныя соображенія (развитіе закаспійской культуры хлопка, упадокъ цѣнъ на хлопокъ въ Америкѣ и т. д.), что вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлся въ виду и соотвѣтственный коррективъ для торговаго баланса, — объ этомъ не было надобности и упоминать. Культура хлопка въ центральной Азіи и Закавказьи, правда, успѣшно развивалась съ конца восьмидесятыхъ годовъ, такъ что дальнѣйшую поддержку ея путемъ болѣе высокаго обложенія сырого матеріала,

импортируемаго изъ-за границы, можно было бы признать обоснованной, если бы можно было ожидать, что внутреннее производство сумѣетъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ покрыть весь спросъ. Но именно на это не было никакой надежды. Несмотря на многократныя увеличенія пошлины, импортъ постоянно возрасталъ, въ то время какъ Средняя Азія всегда оставалась поставщикомъ ненадежнымъ и весьма требовательнымъ.

Несмотря на увеличеніе пошлины въ 1894 г., хлопчатобумажная промышленность все же была вынуждена прибѣгать къ иностраннымъ источникамъ сырья; это не помѣшало, однако, тому, что при установленіи «китайскихъ» пошлинъ была увеличена и пошлина на хлопокъ съ 210 до 415 коп. зол. съ пуда (указъ 21 іюля 1900 г.). Надбавка въ 70 коп. съ пуда въ 1894 г. должна была при импортѣ въ $7^1/_2$ мил. пуд. увеличить таможенный доходъ почти на 5 мил. руб. Въ 1900 г. при ввозѣ до 10 мил. пуд. и увеличеніи пошлины болѣе чѣмъ на 2 рубля съ пуда таможенный доходъ долженъ былъ возрасти по крайней мѣрѣ на 20 мил. руб. Количество потребляемаго въ хлопчатобумажной промышленности хлопка и источники, откуда онъ привозился,—видны изъ слѣдующей таблицы [1]):

Источники привоза	1890 г.	1893 г.	1896 г.	1899 г.	1900 г.
	(въ милліонахъ пудовъ)				
Иностранный импортъ.	5,97	7,39	8,83	10,95	10,4
Центральная азія и Закавказье.	1,98	3,61	4,45	5,17	5,8
Всего.	8,32	11,39	13,68	16,12	16,3

Такимъ образомъ, иностранный импортъ въ 1900 г. все еще покрывалъ двѣ трети русскаго спроса на хлопокъ, а внутренняя добыча только одну треть. Въ теченіе десятилѣтія цифры значительно измѣняются, однако, въ пользу русскаго производства, увеличившагося съ 1,98 до 5,8 мил. пуд., въ то время какъ иностранный импортъ только удвоился. Еще рѣзче проявляется эта перемѣна въ *цифрахъ ввоза* (выше мы брали цифры фабричнаго потребленія хлопка) послѣднихъ годовъ. Но изъ колебаній цифръ видно въ то же время, какимъ ненадежнымъ поставщикомъ является именно Средняя Азія. За пятилѣтіе 1898—1902 г. подвозъ хзопка по мѣсту его происхожденія выразился въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1091 г.	1902 г.
	милліоны пудовъ				
Иностранный ввозъ	12,1	10,2	10,3	10,4	10,9
Средняя Азія.	5,2	3,6	5,2	6,7	5,9
Закавказье	0,7	0,6	1,2	3,9	3,9
Всего	18,0	14,4	16,7	21,0	20,7

---

[1]) „Матеріалы къ статистикѣ хлопчатобумажной промышленности въ Россіи". Общія цифры не всегда согласуются съ отдѣльными данными, такъ какъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ нельзя было выяснить происхожденіе переработаннаго ими сырья.

Таможенное обложеніе хлопка даетъ заслуживающую вниманія картину той многосторонности функцій, къ которой можетъ быть приспособлена цѣлесообразно направленная таможенная политика. Ибо: 1) высокія пошлины удорожаютъ необходимое сырье и такимъ образомъ даютъ хлопководамъ возможность въ свою очередь требовать высокихъ продажныхъ цѣнъ за хлопокъ (воспитательная аграрная пошлина!); 2) вздорожаніе сырья приводитъ къ тому, что и всѣ продукты перерабатывающей текстильной промышленности защищаются,благодаря повышенію соотвѣтственныхъ таможенныхъ ставокъ, противъ иностранной конкуренціи (промышленная покровительственная пошлина!); 3) увеличеніе ввозной пошлины на широко распространенный сырой продуктъ, ввозъ котораго изъ-за границы не можетъ быть свободно сокращаемъ, гарантируетъ государству значительный таможенный доходъ (фискальная пошлина!); 4) постепенное вытѣсненіе ввоза путемъ расширенія внутренней культуры хлопка улучшаетъ торговый балансъ съ каждымъ милліономъ пудовъ, на который сокращается ввозъ, приблизительно на 10 мил. руб. (финансово-политическая охранительная пошлина); вслѣдствіе общаго вздорожанія матеріала труда увеличиваются издержки производства, такъ что соотвѣтственно должны быть повышаемы и воспособленія, установленныя въ видахъ поощренія экспорта (на Востокъ) русскихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій (меркантильныя возвратныя пошлины!). Кто въ окончательномъ расчетѣ расплачивается за всѣ эти таможенныя варіаціи,—пусть читатель самъ догадается.

Возвратъ ввозныхъ пошлинъ, которыми было оплачено сырье, при вывозѣ хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ фабрикатовъ является, повидимому, необходимымъ условіемъ сбыта русскихъ издѣлій заграницу [1]).

О размѣрахъ, въ которыхъ производится этотъ возвратъ пошлинъ, въ нашемъ распоряженіи имѣются слѣдующія данныя. Въ 1899 г. изъ Россіи было экспортировано 477.000 пуд. хлопчатобумажныхъ тканей стоимостью въ 11,2 мил. руб.; изъ этого количества пошлина не была возвращена только за 57.000 пуд.=1,9 мил. руб. За весь остальной экспортъ была выплачена возвратная премія въ размѣрѣ отъ 3 р. 45 коп. до 4 р. 20 коп. съ пуда. По нашему вычисленію всего было «возвращено» такимъ образомъ около 725.000 руб. Такъ какъ преміи тѣмъ временемъ были повышены [2]),

---

[1]) Экспортныя воспособленія выдаются, кромѣ продуктовъ текстильиндустріи (хлопчатобумажныя и шерстяныя ткани, хлопчатобумажная пряжа), также еще нѣкоторымъ другимъ продуктамъ. Такими мѣрами стремятся, напр., вновь утвердить за русскими золотыми и серебряными позументами ихъ старый рынокъ въ Турціи, проложить путь за границу льнянымъ и пеньковымъ издѣліямъ (въ видѣ бонификаціи таможенныхъ ставокъ за использованныя машины, химическіе фабрикаты и другіе матеріалы) и т. д.

[2]) Съ 1 іюля 1904 г. вступилъ въ силу новый законъ о размѣрѣ экспортной преміи, въ силу коего для хлопчатобумажныхъ тканей и т. д. возвращается отъ 5 р. 45 коп. до 6 р. 25 коп.

то ежегодныя выплаты по разсматриваемой отрасли текстильной промышленности должны быть исчислены въ круглой суммѣ въ милліонъ рублей.

Какъ ни поучительно изложенное отношеніе правительства къ пошлинѣ на хлопокъ, какъ къ поддержкѣ промышленности, финансовъ и культуры хлопка,—съ хозяйственной стороны оно имѣетъ значеніе только чисто-механическаго стимула, если съ таможенно-политическими мѣропріятіями не идутъ рука объ руку и систематически продуманныя мѣры къ дѣйствительному подъему участвующихъ въ хлопчатобумажной промышленности производительныхъ силъ и развитію въ нихъ энергіи и самодѣятельности. Правительство, безъ сомнѣнія, всегда стремилось пробудить этотъ духъ инипіативы. Оно многократно указывало, что вздорожаніе въ Россіи иностраннаго хлопка, котораго слѣдуетъ ожидать вслѣдствіе увеличенія ввозной пошлины, должно служить къ достиженію важной цѣли,—оно должно ускорить замѣну иностраннаго сырья отечественнымъ; но оно признавало также, что до сихъ поръ эта цѣль достигалась лишь крайне недостаточно. Хотѣть—всегда легче, нежели осуществлять на практикѣ. Если не знать детально мѣстныхъ условій, то слѣдовало бы думать, что русская хлопчатобумажная промышленность должна дѣлать огромные успѣхи въ виду ея исключительно привилегированнаго положенія. Высокія таможенныя стѣны ограждаютъ ее отъ иностранной конкуренціи, и правительство прилагаетъ всѣ усилія къ возможно широкому развитію отечественной культуры хлопка. Но несмотря на эти таможенно-политическія мѣры попеченія и возможность пользоваться отечественнымъ сырьемъ, хлопчатобумажная промышленность все же очень далека отъ «цвѣтущаго состоянія». Быть можетъ, именно въ этихъ гарантіяхъ привилегированнаго производства заключается и причина слабости этой отрасли индустріи. Устраненіе иностранныхъ текстильныхъ издѣлій лишало русскую индустрію всякаго стимула къ удешевленію ея издержекъ производства и пріучило ее къ такимъ цѣнамъ, которыя неизбѣжно влекутъ за собою сокращеніе внутренняго потребленія. Съ другой стороны, поощреніе культуры хлопка въ Средней Азіи и Закавказьи путемъ усиленнаго таможеннаго обложенія иностраннаго сырья и обусловленныя тѣмъ высокія цѣны на внутреннемъ рынкѣ ведутъ къ тому, что владѣльцы плантацій нерадивы при посѣвѣ и уборкѣ, мало заботятся объ усовершенствованіи техническихъ пріемовъ производства, эксплоатируя въ то же время потребителей своего продукта. Къ этому присоединяются еще многообразныя затрудненія, связанныя съ доставкою хлопка изъ Средней Азіи, каковы, напр., неблагопріятныя климатическія условія, падежи верблюдовъ, не удовлетворительное состояніе и неумѣлая эксплоатація закаспійской желѣзной дороги. Тѣмъ не менѣе, существенные успѣхи отечественной культуры хлопка такъ же мало подлежатъ сомнѣнію, какъ и усиливающаяся производительность промышленности.

По оффиціальнымъ русскимъ даннымъ, число рабочихъ часовъ веретена составляло: въ 1890 г. 4866, въ 1894 г. 4.904, въ 1896 г.

4.992; вслѣдствіе проведенной въ 1897 г. законодательной нормировки рабочаго времени число это упало въ 1897 г. до 4.644, въ 1898 г. до 4.497 и въ 1899 г. до 4.503. Но несмотря на уменьшеніе числа рабочихъ часовъ каждаго веретена, производство пряжи возростало; оно составляло въ 1897 г. при 3.504 веретенахъ 12.117 пуд. и въ 1898 г. при 3.499 веретенахъ 12.645 пуд. Такимъ образомъ, параллельно съ уменьшеніемъ числа рабочихъ часовъ шло увеличеніе часовой производительности веретена. Послѣдняя составляла въ среднемъ:

въ 1890 г. . . . . . 0,0175 пряжи (№ 27/85).
въ 1899 г. . . . . . 0,0210 « » (№ 24/94).

Это увеличеніе слѣдуетъ объяснить главнымъ образомъ уменьшеніемъ средняго номера пряжи и измѣненіемъ механическаго оборудованія многихъ фабрикъ.

Несомнѣнно, потребуется еще много времени для устраненія всѣхъ трудностей и недостатковъ, препятствующихъ широкому развитію культуры хлопка и хлопчатобумажной промышленности; но путь къ расцвѣту предуказанъ уже такъ ясно и правительство оказываетъ ему столь энергичное содѣйствіе, что постепенно можно будетъ побороть и болѣе значительныя препятствія, нежели тѣ, которыя обнаруживаются въ настоящее время [1]).

Подъ руководствомъ министра финансовъ Витте торговая и таможенная политика девяностыхъ годовъ, какъ уже упомянуто, не обнаруживаетъ замѣчавшагося прежде отремленія къ быстрымъ, бьющимъ на эффектъ успѣхамъ. Ткалась та же нить—иначе оно и не могло быть,— но работа была болѣе тонкая и лучше приспособленная къ фактическому положенію дѣлъ. Со времени заключенія русско-германскаго торговаго договора въ таможенномъ тарифѣ были произведены только два существенныхъ измѣненія: новыя правила о ввозѣ чая черезъ сухопутную границу,—покровительственная мѣра, вызванная измѣнившимися условіями торгово-обмѣна,—и извѣстное повышеніе пошлинъ въ 1900 г. (включая и пошлину на хлопокъ), мотивировавшееся увеличеніемъ государственныхъ расходовъ во время экспедиціи въ Китай. Экспортная политика, далѣе, искала опоры въ экономическихъ условіяхъ производства. Вмѣсто господствовавшей при Вышнеградскомъ тенденціи искусственно расши-

---

1) Значительныя трудности представляетъ, между прочимъ, отсутствіе денежныхъ средствъ, необходимыхъ для обращенія подъ культуру хлопка настолько обширной площади, чтобы урожай могъ сдѣлать русскую промышленность независимою отъ иностраннаго сырья. Для этого надо бы расширить площадь посѣва приблизительно еще на 400000 десятинъ, въ то время какъ теперь культивируется около 220.000 детятинъ. Такъ какъ оросительныя работы въ центральной Азіи обходятся въ среднемъ не дешевле 100 рублей съ десятины, то потребовалось бы не менѣе 40 мил. руб. Откуда могутъ взяться такія огромныя суммы? (Ср. кн. *Масальскій*, хлопчатобумажный голодъ и мѣропріятія къ обезпеченію русской хлопчатобумажной промышленности отечественнымъ сырьемъ („Вѣстн. Фин." 1904 г., № 17 и 21).

рять хлѣбный вывозъ внѣ связи съ результатами урожаевъ и внутреннимъ спросомъ,—теперь тщательно взвѣшиваются условія производства и сбыта. Прежде хлѣбъ являлся единственно господствующимъ предметомъ вывоза, теперь прилагаются старанія специализировать и разнообразить экспортъ путемъ покровительства вывозу масла, яицъ, птицы, лѣса, сахара, хмѣля, и т. д. Само собою разумѣется, что активный торговый балансъ долженъ былъ оставаться руководящимъ мотивомъ внѣшней торговли, но его старались обезпечить не произвольными экспериментами надъ таможеннымъ тарифомъ и судорожнымъ подстрекательствомъ экспорта, а прежде всего усиленіемъ внутренней индустріи и проложеніемъ новыхъ путей для вывоза. Съ этою цѣлью былъ установленъ возвратъ пошлинъ на хлопокъ, сахарнаго акциза и налога на керосинъ, урегулирована торговля льномъ и пенькой, нормированъ тарифъ для экспорта керосина, данъ ходъ вывозу масла, хлѣбная торговля приспособлена къ требованіямъ міpoвого рынка путемъ цѣлаго ряда направленныхъ на поощреніе ея мѣръ, упрощены и удешевлены желѣзнодорожные тарифы, систематически развивался отечественный торговый флотъ, изслѣдовались иностранные рынки для сбыта (въ частности также на Востокѣ) и т. д.

ГЛАВА XL.

Торговая и таможенная политика Россіи на Востокѣ.—Начало и цѣли тяготѣнія на Востокъ.—Свободная торговля и покровительственная политика въ области Амура (18 8—1904 г.).—Таможенная свобода, вызванная войною (іюнь 1904 г.).—Открытыя двери въ Манчжурію какъ причина войны; закрытіе Манчжуріи какъ основной моментъ русской экономической политики.

Въ отношеніи къ Востоку вообще и въ частности къ азіатскимъ государствамъ русская торговая политика издавна руководилась соображеніями и цѣлями, отличными отъ тѣхъ, которыми опредѣлялось ея отношеніе къ Западной Европѣ. Относительно запада Россія уже съ двадцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія отказалась отъ того взгляда, что торговая политика должна служить орудіемъ въ рукахъ дипломатіи для достиженія ея политическихъ цѣлей; въ отношеніяхъ къ государствамъ Востока торговая политика и теперь еще нерѣдко играетъ служебную роль въ сферѣ комбинацій чисто политическихъ. Поучительнѣйшимъ примѣромъ того, какъ торговыя сношенія могутъ быть использованы для пріобрѣтенія политическаго вліянія въ сосѣднемъ государствѣ, является *Персія*, доведенная путемъ цѣлой системы торгово-политическихъ воздѣйствій до такой экономической зависимости отъ Россіи, что она имѣетъ рѣшающее значеніе и въ чисто политическихъ дѣлахъ Персіи. Какъ въ послѣдней, такъ и на всемъ Востокѣ меркантильные интересы Россіи тѣсно связаны съ широкими политическими видами на будущее. Торговля усиливаетъ по-

литическое вліяніе, а политика пролагаетъ новые пути русскому вывозу. Это въ равной мѣрѣ относится какъ къ Персіи, Китаю и мелкимъ средне-азіатскимъ государствамъ, такъ и къ Балканскому полуострову, къ Египту и Абиссиніи. Торговая политика, указывая цѣль политическому стремленію въ ширь, не всегда открыто выступаетъ, но она создаетъ такую экономическую опеку, которая при наличности благопріятныхъ условій могла бы быть превращена въ отношеніе политической зависимости. Ни для кого не тайна, что и знаменитый «міровой торговый путь» черезъ Сибирь обязанъ своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ видамъ на политическое вліяніе въ Китаѣ.

Но это не всегда было такъ. Изъ инстинктивнаго стремленія къ территоріальному расширенію государства только за послѣдніе приблизительно двадцать пять лѣтъ развивалась та имперіалистская экономическая политика, которая съ упорною настойчивостью стремится завоевать все новыя области или, по крайней мѣрѣ, прочно утвердиться на всемъ азіатскомъ континентѣ. Въ прежнее время Россія вела въ Азіи міровую политику, основные стимулы которой не вытекали изъ условій ея національной и экономической жизни. Теоретически старались характеризовать міровую политику такимъ образомъ что *основою* ея являлось расширеніе производительныхъ силъ націи за предѣлы доступныхъ имъ капиталистическихъ рынковъ, кореннымъ ея *признакомъ*—расширеніе національной экономической сферы, а *цѣлью* — пріобрѣтеніе колоній, зависимыхъ областей и сферъ вліянія. Въ этомъ смыслѣ міровая политика служитъ интересамъ ссуднаго и промышленнагс капитала, привлеченію и усиленію добычи сырыхъ матеріаловъ, сбыту собственныхъ индустріальныхъ продуктовъ, использованію избыточныхъ интеллигентныхъ силъ и энергіи для мирныхъ экономическихъ завоеваній чужестранныхъ хозяйственныхъ областей.

Но несоотвѣтствіе между тѣмъ, что предполагается, и тѣмъ, что существуетъ въ дѣйствительности, съ чрезвычайной рѣзкостью проявляется въ Россіи и по настоящій день. Россіи нѣтъ надобности направлять излишекъ экономическихъ силъ націи на отдаленныя, трудно достижимыя цѣли. Ей незачѣмъ искать необходимое для отечественной индустріи сырье въ отдаленныхъ и чуждыхъ ей по культурѣ странахъ и эксплоатировать естественныя богатства этихъ послѣднихъ, и трудно предвидѣть, чтобы во вновь пріобрѣтенныхъ территоріяхъ она нашла такіе рынки для сбыта своихъ индустріальныхъ продуктовъ, которые обѣщали бы скокько нибудь значитетьную выгоду. Россія сама располагаетъ богатѣйшими запасами желѣза и угля, какъ и другими сырыми и вспомогательными матеріалами для главнѣйшихъ отраслей промышленности, а съ другой стороны при болѣе благопріятныхъ и прежде всего болѣе дешевыхъ условіяхъ производства могъ бы еще безконечно расширяться внутреній сбытъ всякаго рода продуктовъ, если бы возросло благосостояніе народа и съ тѣмъ вмѣстѣ его покупательная способность. Кромѣ того въ Россіи совершенно отсутствуютъ основные элементы экстен-

сивной экономической политики; нѣтъ ни матеріальныхъ капиталистическихъ средствъ, ни факторовъ духовныхъ—научныхъ знаній, интеллигентности, выдержки и предпріимчивости. Словомъ, съ хозяйственно-политической точки зрѣнія русскія условія всего менѣе благопріятствуютъ такому расширенію экономической сферы вліянія.

Что справедливо для настоящаго времени, то еще въ большей мѣрѣ приложимо къ прошлому. Историческія событія, сопровождавшія постепенное усиленіе Россіи въ Азіи, отнюдь не даютъ основанія заключать объ избыткѣ энергіи, которая искала бы приложенія во-внѣ. Не обусловливалась эта тенденція къ расширенію и сильными національными теченіями, которыя отъ времени до времени обнаруживаются и у народовъ пассивныхъ. Славянскій народъ—если не смѣшивать его съ небольшой группой литературныхъ идеологовъ—никогда, ни въ прежнее время, ни при новѣйшихъ расширеніяхъ территоріи, не являлся иниціаторомъ этого тяготѣнія на Востокъ; онъ шелъ туда, куда находила нужнымъ вести его политика государства. Только расчетливая дѣятельность государственныхъ людей, иногда сталкивавшаяся съ уже совершившимися фактами, пользовалась обстоятельствами и, умѣло эксплоатируя существующія отношенія, создала все расширявшійся базисъ для ея міровой политики.

Въ начальныхъ стадіяхъ передвиженія русскихъ на Востокъ Азіи даже государственная власть только косвенно проявляла активную дѣятельность. Въ безхозяйной, неспокойной, пограничной полосѣ между русской территоріей и татарскими степями уже въ 16 вѣкѣ образовалось особое, «вольное» населеніе, составившееся изъ всякаго рода оторванныхъ отъ родной почвы и бѣглыхъ элементовъ,—полукочевое казачество. Кровавыя столкновенія съ независимыми сосѣдними племенами увлекали эти всегда воинственно-настроенныя вооруженныя полчища искателей приключеній все дальше въ глубь Азіи. Царская власть, въ то время объединявшая свои силы въ Москвѣ, первоначально только неохотно и медленно слѣдовала по пути, проложенному казацкими набѣгами. Но затѣмъ ей пришлось самой взять на себя борьбу въ степяхъ юго-западной Сибири, чтобы защитить границы государства отъ хищническихъ набѣговъ кочевниковъ. Борьба за покореніе и подчиненіе сѣверной и восточной части Сибири длилась цѣлое столѣтіе.

За покореніемъ Сибири послѣдовала продолжительная борьба для расширенія русскаго господства въ средней Азіи. Главнымъ мотивомъ являлось при этомъ стремленіе къ упроченію государства и болѣе цѣлесообразному урегулированію границъ. Но рядомъ съ военными и политическими стимулами съ теченіемъ времени начинаютъ играть все большую роль соображенія коммерческія, давшія новый сильный толчокъ стремленію къ территоріальному расширенію государства. Такъ какъ Россія, съ ея огромной территоріей и значительно превосходившая другія государства по количеству населенія, не нуждалась ни въ пріобрѣтеніи новыхъ земель, ни въ

увеличеніи своего народонаселенія для того, чтобы соперничать съ другими государствами во внѣшнемъ политическомъ могуществѣ, то расширеніе территоріи мотивировалось теперь торговыми интересами. Извѣстны обычныя заявленія о „выходѣ къ теплому морю" и т. п., при помощи которыхъ оперировала русская „мирная политика".

Это особое выдвиганіе на первый планъ торгово-политическихъ цѣлей объяснялось реальными причинами. Индустріальная и золотая политика восьмидесятыхъ годовъ, исходившая изъ Европейской Россіи, распространила свое дѣйствіе вплоть до самыхъ крайнихъ границъ имперіи на Востокѣ. Чтобы сдѣлать возможнымъ переходъ къ здоровымъ валютнымъ отношеніямъ, усердно старались, во-первыхъ, создать крупную національную промышленность и, во-вторыхъ, собрать достаточный запасъ драгоцѣннаго металла. *Покровительство промышленности и укрѣпленіе торговаго баланса* были тѣми средствами къ достиженію цѣли, которыя въ свою очередь воздѣйствовали на торговую и таможенную политику вплоть до береговъ Тихаго океана. Этимъ была предрѣшена и программа дѣйствій: не останавливаться ни передъ чѣмъ, что полезно для экспорта и что можетъ затруднить импортъ иностранныхъ продуктовъ, поскольку они не безусловно необходимы. При помощи „политики умиротворенія" старались поэтому проложить широкій путь вывозу русскихъ восточныхъ товаровъ (текстильныя и металлическія издѣлія, сахаръ, керосинъ и т. д.) и ограничить ввозъ путемъ послѣдовательнаго распространенія на азіятскія области покровительственныхъ таможенныхъ тарифовъ Европейской Россіи. Въ результатѣ получилась картина, значительно отличная отъ прежней.

До восьмидесятыхъ годовъ Россія придерживалась въ Азіи доброжелательной политики свободной торговли,—если можно такъ назвать постоянное колебаніе между покровительствомъ и стѣсненіемъ внѣшней торговли. Затѣмъ наступила перемѣна быстрая и радикальная въ отношеніи торговли *Центральной Азіи* и нѣсколько замедленная и постепенная на *Дальнемъ Востокѣ*. Но окончательный отказъ отъ фритредерскихъ тенденцій обнаружился по всей линіи. На этомъ намъ необходимо остановиться подробнѣе.

Таможенная политика на Дальнемъ Востокѣ первоначально имѣла дѣло исключительно съ торговыми отношеніями *къ Китаю*. Айгунскій договоръ съ Китаемъ (1858 г.) съ послѣдующими дополнительными трактатами (1858—1862 г.) обезпечилъ Россіи лѣвый берегъ Амура, но въ то же время создалъ весьма цѣнныя льготы для русско-китайской торговли [1]. Этими соглашеніями было отмѣнено большинство тѣхъ ограниченій, цѣлью которыхъ являлось урегулировать или точнѣе стѣснить русскую торговлю съ Китаемъ въ опредѣленномъ узко ограниченномъ направленіи. Чтобъ сразу

---

[1] Ср. выше, стр. 123—Исторія м-ва финансовъ I, стр. 549 слл., далѣе: *Krieger*, Die ersten hundert Iahre, russisch-chinesischer Politik, Berl. 1904, *Bülow*, Chinas handelspolitische Stellung zur Anssenwelt, Berl. 1904.

не устрашить таможенными мѣропріятіями Китайскихъ поставщиковъ на рынкахъ вновь пріобрѣтенныхъ территорій, Россія декретировала *таможенную свободу* для вновь образованнаго *Амурскаго генералъ-губернаторства*, которое простирается отъ Байкальскаго озера на востокъ до Тихаго океана и обнимаетъ Забайкалье, собственно Амурскую область и такъ-наз. Приморскую область. Такимъ образомъ для всего дальняго Востока былъ превозглашенъ принципъ открытыхъ дверей, и иностранныя государства очень скоро воспользовались этимъ для широкаго развитія своего ввоза въ Сибирь.

Свободный ввозъ иностранныхъ продуктовъ въ русскія владѣнія на Тихомъ океанѣ не могъ, конечно, не вызвать недовольства, какъ мѣра, нарушающая интересы русской торговли. Военный губернаторъ Владивостока заявилъ въ 1882 году, что открытые нынѣ двери должны быть закрыты для иностранцевъ по крайней мѣрѣ отчасти и на нѣкоторое время. Русское общество для содѣйствія торговлѣ и промышленности выразило около того же времени желаніе, чтобъ дальневосточныя части имперіи были сразу и всѣцѣло подчинены дѣйствію общаго русскаго таможеннаго тарифа. Другого взгляда придерживался Амурскій генералъ-губернаторъ. По его мнѣнію, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ таможенное обложеніе импортируемыхъ товаровъ могло-бы имѣть только *одинъ* результатъ — цѣны на товары соотвѣтствѣнно возростутъ и съ тѣмъ вмѣстѣ жизнь въ краѣ станетъ дороже. Въ интересахъ фиска онъ находилъ, поэтому, возможнымъ обложить пока только сахаръ и вина, т. е. оба продукта, надлежащая таможенная оплата которая могла-бы быть контролируема тѣми-же должностными лицами, которыя осуществляютъ въ этой области акцизный надзоръ. Министръ финансовъ Вышнеградскій присоединился къ этому мнѣнію, и 1 мая 1889 года былъ изданъ соотвѣтственный указъ.

Это былъ только первый шагъ по пути къ *полной отмѣнѣ свободы торговли*. Послѣдняя уже, будто-бы, исполнила свое главное назначеніе; экономическое развитіе—такъ разсуждали въ оффиціальныхъ сферахъ—сдѣлало въ краѣ такіе быстрые успѣхи, что таможенная свобода является уже излишней льготой для иностранцевъ сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ почти всю торговлю въ краѣ. Для усиленія отечественной торговли въ области Амура правительство приняло въ то же время рядъ мѣръ, оказавшихся весьма цѣлесообразными. Такъ, на Амурѣ было устроено правильное судоходство, и пароходы добровольнаго флота поддерживали прямыя сношенія между Владивостокомъ и портами Европейской Россіи. Министерство финансовъ командировало должностныхъ лицъ для изслѣдованія мѣстной торговли и на основаніи собранныхъ ими данныхъ былъ введенъ съ 1 января 1901 г. особый *таможенный тарифъ для Амурской области* (законъ 10 іюня 1900 г.). По силѣ этого закона общій таможенный тарифъ долженъ былъ примѣняться ко всѣмъ иностраннымъ товарамъ, которые ввозились въ портъ у устья Амура и къ югу отъ Амура водою или сухимъ путемъ. *Порты къ сѣверу отъ Амура* законъ оставляетъ, такимъ

образомъ, пока свободными, такъ какъ эта часть Приамурья представляла уже область совершенно не культурную, а расходы таможеннаго надзора превысили бы здѣсь доходъ отъ пошлинъ. Новый законъ не коснулся также острова Сахалина, занимавшаго во всѣхъ отношеніяхъ совершенно особое положеніе. Таможенный тарифъ не оставилъ, впрочемъ, безъ вниманія и особаго условія мѣстной жизни, сохранивъ и на будущее время таможенную свободу для машинъ, строительныхъ матеріаловъ и другихъ вспомогательныхъ продуктовъ промышленнаго производства, а также для наиболѣе необходимыхъ жизненныхъ припасовъ (хлѣбъ, мясо). Дальнѣйшее исключеніе составили продукты китайскаго происхожденія, кромѣ чая и риса; они могли ввозиться безпошлинно сухимъ путемъ. Прежняя *таможенная граница* между Европейской Россіей и Дальнимъ Востокомъ въ *Иркутскѣ*, естественно, была вслѣдствіе этого отмѣнена; ее замѣнили таможни въ портахъ Владивостокѣ и Николаевскѣ, къ которымъ постепенно присоединились затѣмъ еще другія второстепенныя таможни [1].

Русская националистическая пресса привѣтствовала тогда закрытіе вольныхъ портовъ къ югу отъ Амура какъ необходимое послѣдствіе послѣдовательнаго примѣненія принциповъ защиты національнаго труда на всемъ пространствѣ имперіи. Но это передвиженіе общихъ таможенныхъ границъ на востокъ вплоть до самаго океана создало множество затрудненій для тѣхъ, до тѣхъ поръ пользовавшихся таможенной свободой, мѣстностей, которыхъ коснулась эта мѣра. Не говоря уже о тотчасъ-же обнаружившихся трудностяхъ въ дѣлѣ обезпеченія окраинъ всѣмъ необходимымъ,—закрытіе дверей нанесло ущербъ торговлѣ Владивостока, потери которой были тѣмъ болѣе чувствительны, что одновременно съ этимъ вновь возникшіе Портъ-Артуръ и Дальній отвлекали къ себѣ ввозъ, въ виду ихъ привилегированнаго положенія въ качествѣ вольныхъ портовъ. Недовольство обнаруживалось на мѣстѣ съ такой настойчивостью, что министръ финансовъ Витте во время своей поѣздки на дальній Востокъ въ 1902 г. обѣщалъ на совѣщаніи съ представителями мѣстной торговли во Владивостокѣ употребить въ Петербургѣ всѣ усилія къ открытію вновь полузакрытыхъ дверей и къ проведенію другихъ мѣръ облегченія. Повели ли эти намѣренія къ какимъ-либо рѣшеніямъ компетентной центральной власти,—осталось не выясненнымъ. Война сдѣлала всякое дальнѣйшее обсужденіе вопроса излишнимъ, такъ какъ недостаточный подвозъ жизненныхъ припасовъ заставилъ *вновь вернуть на время Амурской области таможенную свободу*. Высочайшимъ указомъ былъ возвѣщенъ въ іюнѣ 1901 г. для всей территоріи амурскаго генералъ-губернаторства безпошлинный ввозъ моремъ и сухимъ путемъ всѣхъ товаровъ, кромѣ обло-

---

[1] Заслуживаетъ упоминанія, что послѣ оккупаціи Манчжуріи нѣкоторыя изъ этихъ таможенъ (Манчжурія, Пограничная) были учреждены не на русской, а на Китайской территоріи.

женныхъ въ самой Россіи акцизомъ; послѣдніе подле-жали оплатѣ въ размѣрѣ внутренняго акциза.

При другихъ условіяхъ этотъ указъ слѣдовало бы признать законодательнымъ актомъ высокой важности, такъ какъ онъ былъ бы равносиленъ заявленію, что таможенная политика склонна отказаться отъ строгаго проведенія таможенно-покровительственнаго имперіализма на Дальнемъ Востокѣ. Но, не смотря на признаніе Дальняго вольнымъ портомъ, такая перемѣна курса тѣмъ менѣе могла имѣться въ виду, что весьма настоятельные интересы требовали эволюціи въ прямо противоположномъ направленіи. Достаточно общеизвѣстно какъ Россія, съ окончаніемъ сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, заняла одно изъ первыхъ мѣстъ среди господствующихъ на Тихомъ океанѣ державъ, какъ она воспользовалась, далѣе, безпорядками въ Китаѣ и боксерскимъ возстаніемъ для расширенія сферъ своего вліянія въ восточной Азіи, какъ, наконецъ, занятіе Манчжуріи и продолженіе Китайской желѣзной дороги до Квантунскаго полуострова вызвали соперничество съ вновь народившейся великой державой— Японіей. Если-бы русское правительство рѣшительно и не двусмысленно заявило о своемъ намѣреніи открыть для иностранной торговли русскія владѣнія на Дальнемъ Востокѣ и прежде всего Манчжурію, Россія, быть можетъ, не была бы вовлечена въ войну съ Японіей. Какъ извѣстно, однимъ изъ важныхъ мотивовъ къ поднятію оружія послужили именно опасенія Японіи, что русская таможенная политика вытѣснитъ ее изъ манчжурскихъ рынковъ. Для всей Манчжуріи оставались еще, правда, въ силѣ китайскія таможенныя ставки съ обычными тамъ поборами и обременительными формальностями; но стремленіе фактическихъ властелиновъ въ странѣ явно было направлено на то, чтобы обезпечить русской торговлѣ въ Манчжуріи преобладающее, если не исключительное, господство. Этихъ попользновеній не могло скрыть и обращеніе вновь основаннаго города Дальняго въ вольный портъ.

Перенесеніе *порто-франко въ Дальній* послѣдовало въ силу того же указа 30 іюня 1899 г., который въ торжественной формѣ провозгласилъ основаніе этого города. «Имперія наша, обнимающая обширныя пространства Европы и Азіи, призвана Промысломъ Божіимъ къ тому, чтобы мирно сблизить другъ съ другомъ народы Запада и Востока. Въ стремленіи къ исполненію этой исторической задачи мы встрѣтили дружественное содѣйствіе со стороны Китайской имперіи, которая уступила въ наше пользованіе порты Даліанванъ и Портъ-Артуръ съ прилегающими областями и открыло великому сибирскому желѣзнодорожному пути выходъ къ Желтому морю. Благодаря этому мудрому рѣшенію правительства его величества богдыхана крайнія границы двухъ материковъ стараго свѣта будутъ вскорѣ соединены непрерывнымъ рельсовымъ путемъ, который предоставляетъ всѣмъ народамъ неисчислимыя преимущества удобныхъ сношеній и вводитъ новыя области въ оборотъ міровой торговли». Когда затѣмъ было повелѣно приступить къ созданію города «Дальняго», онъ былъ признанъ вольнымъ портомъ «на

все то время, на которое его территорія уступлена Китаемъ Россіи въ силу соглашенія 15 (27) марта». Этому «Санъ-Франциско Востока» построенному на самой крайней конечности Ліаутунгскаго полуострова, таможенная свобода должна была дать тѣ условія для развитія крупнаго центра международной торговли, которыхъ эта мѣстность по своимъ естественнымъ условіямъ не имѣла.

Не смотря на то, отъ ревнивыхъ взоровъ державъ, заинтересованныхъ въ манчжурской торговлѣ, не могло ускользнуть, какъ настойчиво Россія пользовалась всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы подготовить въ Манчжуріи почву для своей будущей торговой политики. Въ переговорахъ съ Китаемъ о постепенномъ очищеніи Манчжуріи торгово-полититескій моментъ никогда не упускался изъ виду. Такъ, по сообщеніямъ, которыя не были опровергнуты, Россія требовала, чтобы города были закрыты для иностранной торговли. Въ то же время правительство обѣщаніями значительныхъ выгодъ поощряло промышленниковъ Москвы и Лодзи широко снабжать своими товарами сѣверо-китайскіе рынки. Словомъ, Японія и Соединенные Штаты съ полнымъ основаніемъ опасались, что за упроченіемъ политической оккупаціи Манчжуріи тотчасъ же послѣдуютъ таможенно-политическія мѣропріятія для обезпеченія меркантильнаго преобладанія Россіи во вновь пріобрѣтенныхъ территоріяхъ. Завѣреніямъ русскаго правительства, что Манчжурія должна оставаться открытой для міровой торговли въ интересахъ вольнаго порта Дальняго и грузового движенія на восточно-китайской дорогѣ, три наиболѣе заинтересованныя державы (Англія, Соединенные Штаты и Японія) придавали очень мало вѣры. Всѣми возможными средствами они старались, напротивъ того, воспользоваться временемъ номинальнаго господства Китая въ Манчжуріи для упроченія своего торговаго вліянія. Торговые договоры, заключенные тремя названными державами съ Китаемъ, явно имѣли цѣлью превратить ихъ торгорлю въ Манчжуріи, до тѣхъ поръ здѣсь только терпимую въ освященную и укрѣпленную договорами. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ *торговый договоръ*, заключенный въ Шанхаѣ *Соединенными Штатами и Китаемъ* 8 октября 1903 г., послѣ переговоровъ продолжавшихся много мѣсяцевъ. По статьѣ 12 договора города Мукденъ и Антунгъ (на Ялу) въ Манчжуріи должны быть открыты для международной торговли послѣ ратификаціи соглашенія; въ обоихъ мѣстахъ должны быть выбраны соотвѣтственные участки для устройства иностранныхъ поселеній. Такимъ образомъ было создано серьезное препятствіе для предположеннаго Россіей закрытія манчжурскихъ городовъ для иностранной торговли. Война помѣшала исполненію договора, но все же это въ извѣстной мѣрѣ разрушало планы Россіи относительно манчжурской торговли. Предоставить на долго равныя права всѣмъ государствамъ Россія могла бы даже только въ Манчжуріи лишь цѣною потери въ экономическомъ отношеніи всѣй мѣстности къ востоку отъ Байкальскаго озера. Открытыя двери въ Манчжурію были бы равносильны постепенному вытѣсненію оттуда русскаго импорта, такъ какъ разница въ цѣнахъ рус-

скихъ и иностранныхъ продуктовъ на Дальнемъ Востокѣ была настолько значительна, что по подсчету заинтересованныхъ торговыхъ сферъ правительство должно было бы выплачивать въ видѣ возвратныхъ премій или въ другой формѣ до 50% стоимости всего русскаго экспорта, чтобы успѣшно конкурировать съ западными государствами. Еще хуже было то, что и вся огромная территорія отъ Байкальскаго озера до Тихаго океана, стало быть вся область Амура должна была бы быть потеряна какъ рынокъ для сбыта опредѣленныхъ продуктовъ русской промышленности, если-бы Манчжурія оставалась открытой для иностранной торговли, такъ какъ строгій таможенный надзоръ ко всей огромной русско-китайской границѣ былъ бы прямо невозможенъ при неупорядочности мѣстныхъ отношеній.

Быть можетъ, было ошибкой, что Россія въ возбужденное время китайскихъ безпорядковъ дѣйствовала слишкомъ поспѣшно и тотчасъ же направилс свой рельсовый путь на Портъ-Артуръ и Таліенванъ (Дальній). Но послѣ того, какъ многіе милліоны были затрачены на устройство удобнаго пути сообщенія къ Печилійскому заливу и созданіе новаго города на Квантунскомъ полуостровѣ, Россія не могла уже безъ борьбы отказаться отъ основныхъ устоевъ ея политическаго и экономическаго вліянія въ восточной Азіи. Открытыя двери въ Манчжурію должны были значительно ослабить разсчеты на постепенную руссификацію оккупированной территоріи. Успѣхи русской колонизаціи были тамъ и безъ того весьма незначительны. Привлеченные изъ отдаленной метрополіи піонеры русской торговли и промышленности не сумѣли твердо упрочиться въ новой обстановкѣ, вслѣдствіе подавляющей конкуренціи «желтыхъ». Если бы Россія къ тому еще предоставила въ неограниченное распоряженіе иностраннаго импорта свои гавани и дороги, то созданное съ такими усиліями преобладаніе ея въ Манчжуріи уже очень скоро неминуемо должно бы пасть. Хозяйственно-политическій русскій имперіализмъ, который стремится сдѣлать изъ таможенной политики дѣйствительное при всѣхъ обстоятельствахъ орудіе для національнаго развитія производства, почти совершенно не считаясь при этомъ съ мѣстными особенностями, долженъ былъ бы потерпѣть крушеніе послѣ тѣхъ огромныхъ жертвъ, которыя были принесены въ интересахъ расширенія русскаго вліянія въ восточной Азіи.

Война временно почти совершенно закрыла для иностраннаго ввоза какъ вольный портъ Дальній, такъ и защищенный таможенною стѣною Владивостокъ; она затруднила, далѣе, снабженіе Манчжуріи изъ Китая и сдѣлала почти невозможнымъ ввозъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ въ Амурское генералъ-губернаторство изъ русскихъ владѣній къ западу отъ Байкальскаго озера, вслѣдствіе загроможденія Сибирской дороги военными транспортами.

ГЛАВА XLI.

Изъ области таможенной политики на окраинахъ.—Проблема открытыхъ дверей въ среднюю Азію и разрѣшеніе ея закрытіемъ закавказскаго транзитнаго пути (1883 г.).—Россія и Финляндія.—Учрежденіе внутренней таможенной границы.—Финляндскій таможенный тарифъ 1812 г.—Успѣшное развитіе финляндской промышленности.—Уравнительныя пошлины для защиты русской промышленности (1885 г.).—«Привилегія Таммерфорса».—Финляндія въ русско-германскомъ торговомъ договорѣ 1894 г.—Пересмотръ русско-финляндскаго таможеннаго тарифа (1897 г.).

Отъ Дальняго Востока мы обращаемся къ *Средней Азіи*, гдѣ вопросъ объ открытыхъ дверяхъ также являлся въ свое время весьма спорнымъ. Но это уже давно миновало; болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ меркантильный эгоизмъ привелъ къ чрезвычайно простому разрѣшенію всѣхъ сомнѣній,—*закавказская транзитная торговля* была закрыта для иностранныхъ товаровъ [1]). Важнѣйшій и удобнѣйшій таможенный путь черезъ Россію въ Среднюю Азію, и прежде всего въ сѣверную Персію, представляли раньше для европейскихъ продуктовъ русскіе порты на восточномъ побережьи Чернаго моря, отъ которыхъ транзитная дорога вела черезъ Кавказъ либо сухимъ путемъ въ Персію и далѣе, или же перейдя хребетъ, къ Каспійскому морю, гдѣ продукты развозились по всѣмъ прилежащимъ азіятскимъ территоріямъ. Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго вѣка имѣлось въ виду открыть Кавказъ для міровой торговли съ Центральной Азіей. Установленная въ 1821 г. таможенная свобода (гл. 14) вызвала оживленный подвозъ европейскихъ товаровъ къ русскимъ черноморскимъ портамъ; товары шли отсюда транзитомъ черезъ Кавказъ въ Персію. Но въ націоналистическихъ кругахъ съ нетерпѣніемъ ждали конца установленнаго для этой безпошлинной транзитной торговли десятилѣтняго срока (1831 г.), чтобы по возможности ее ограничить. Практика показала, однако, что это приноситъ вредъ только самой Россіи, и вновь вернулись къ мысли о необходимости покровительствовать европейскому транзиту на Кавказѣ (въ 1846 г.) [2]). Но черезъ короткое сравнительно время опять стали разсматривать предоставленныя иностранной торговлѣ транзитныя льготы, какъ несовмѣстимыя съ интересами отечественнаго вывоза. Въ теченіе этого времени, такъ сказать, «открыли» Каспійское море и начали задумываться надъ тѣмъ, какъ бы использовать его для торговыхъ сношеній съ Азіей. Оказалось гораздо болѣе выгоднымъ перевозить товары, дошедшіе до какого-либо изъ черноморскихъ портовъ,

---

[1]) Исторія этого важнаго транзитнаго вопроса со времени его возникновенія до эпохи шестидесятыхъ годовъ уже изложена выше. Ср. гл. 14, стр. 57 и гл. 19, стр. 80—83.

[2]) Глава 19, стр.

кратчайшимъ путемъ сушею для дальнѣйшаго транспорта въ гавани Каспійскаго моря, вмѣсто того, чтобы перевозить ихъ труднымъ сухимъ путемъ до сухопутной границы Персіи; найдено было, далѣе, практичнымъ устроить новый транзитный путь отъ какого-либо Балтійскаго порта черезъ всю Россію до Астрахани и отсюда къ азіятскому побережью.

О томъ, что нужно было сдѣлать высказывались разнообразныя сужденія и сомнѣнія. Принципіально враждебное отношеніе противъ какого бы то ни было поощренія импорта европейскихъ фабрикатовъ на азіятскіе рынки было широко распространено въ обществѣ вплоть до наиболѣе вліятельныхъ его сферъ, и съ этимъ настроеніемъ вполнѣ гармонировало, напр., требованіе доказать цифрами, какія матеріальныя выгоды извлекъ русскій народъ отъ транзита иностранныхъ продуктовъ. То обстоятельство, что развитіе самой внутренней торговли нерѣдко имѣло своимъ исходнымъ пунктомъ именно эту иностранную транзитную торговлю, совершенно упускалось изъ виду.

Къ концу шестидесятыхъ годовъ безпошлинная транзитная торговля черезъ Закавказье нашла весьма опаснаго для нея противника, въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ кн. Горчакова, который въ поданной императору запискѣ ссылался на соображенія высшей политики. Онъ указывалъ на то, что начавшееся экономическое вліяніе Россіи въ Средней Азіи въ то же время влечетъ за собою и политическое преобладаніе. Важно поэтому по возможности устранить съ азіятскихъ рынковъ торговлю другихъ государствъ, прежде всего Англіи. Первоначально взгляды Горчакова не встрѣтили сочувствія. Ему было указано, что наплыву англійскихъ товаровъ слѣдуетъ противодѣйствовать не запретительными мѣропріятіями, а возможно широкимъ развитіемъ собственныхъ транзитныхъ путей, чтобы торговый оборотъ не подпалъ всецѣло подъ вліяніе Англіи. Но Горчакова трудно было убѣдить, и онъ не переставалъ въ теченіе многихъ лѣтъ при всякомъ удобномъ случаѣ агитировать противъ безпошлинной транзитной торговли. Этой агитаціи содѣйствовали также измѣненія въ общемъ положеніи вопроса о путяхъ и средствахъ оборота. На Кавказѣ началась постройка желѣзныхъ дорогъ и такимъ образомъ существенно облегченъ переходъ черезъ Кавказскій хребетъ, отдѣляющій Черное море отъ Каспійскаго. Противники европейскаго транзитнаго оборота могли поэтому ссылаться еще на то, что доступъ на азіятскіе рынки теперь для европейскихъ товаровъ еще легче и дешевле, чѣмъ прежде, конкуренція съ ними для русскаго импорта въ виду этого, еще болѣе затруднительна, такъ какъ онъ по прежнему долженъ пользоваться преимущественно воднымъ путемъ, внизъ по Волгѣ и черезъ Каспійское море.

Министръ финансовъ Бунге вновь выдвинулъ поэтому въ 1883 г. вопросъ о безпошлинной транзитной торговлѣ. Но онъ не хотѣлъ совершенно порвать съ прежней таможенной политикой, а предложилъ слѣдующую мѣру: закрыть для иностраннаго подвоза крат-

чайшій транзитный путь на *Баку*, т. е. къ открытому Каспійскому морю, путемъ подчиненія этого транзита общему русскому таможенному тарифу,[1]) сухой же путь къ *Джульфу* на персидской границѣ оставить по-прежнему въ извѣстной мѣрѣ открытымъ для транзитнаго оборота, взимая здѣсь лишь умѣренныя транзитныя пошлины, чтобы товарообмѣнъ не перешелъ всецѣло на конкуррирующую турецкую линію Трапезундъ-Эрзерумъ. Въ государственномъ совѣтѣ въ пользу предложенія Бунге высказалось только меньшинство. Но императоръ рѣшилъ въ пользу Бунгѣ (въ 1883 г.). Такимъ образомъ либеральныя условія ввоза были сразу отмѣнены, и транзитъ для иностранныхъ товаровъ почти совершенно закрытъ. Какъ свидѣтельствовалъ Витте въ своей росписи на 1895 г., «изданный во время торжества коронованія въ Москвѣ указъ 13 мая 1883 г. касательно запрещенія иностраннаго транзитнаго оборота черезъ Закавказье былъ первымъ яснымъ для всей Россіи признакомъ принятаго монархомъ направленія.» И это въ дѣйствительности служило доказательствомъ того, что русская таможенная политика стремится обезпечить сбытъ русскихъ продуктовъ и за предѣлами собственной страны, устраняя по пути русской промышленности всякую конкуренцію, Въ отношеніи средней Азіи и Персіи этотъ курсъ сохраненъ до настоящаго дня, и русско-персидскій торговый договоръ (см. выше стр. 167) явился, несмотря на его дипломатическій характеръ, новымъ звеномъ въ этой цѣпи покровительственныхъ мѣръ.

Надежды на обезпеченіе русскимъ продуктамъ преобладанія на персидскихъ рынкахъ путемъ отмѣна таможенной свободы для Закавказской транзитной торговли, оказались, однако, на первыхъ порахъ тщетными. Ошибочнымъ оказалось прежде всего предположеніе, что посредствомъ таможенныхъ ограниченій удастся вытѣснить продукты западно-европейскаго происхожденія съ азіятскихъ рынковъ. Торговый оборотъ началъ развиваться своимъ особымъ, самостоятельнымъ путемъ. Прорытіе Суэцкаго канала, удешевленіе морскихъ фрахтовъ и устройство правильнаго судоходства въ Персидскомъ заливѣ, таковы были тѣ средства, при помощи которыхъ Англія со свойственной ей настойчивой энергіей сумѣла создать новые пути ввоза въ Персію. Въ частности экспортъ [2]). русскихъ товаровъ въ Азію отнюдь не достигъ послѣ закрытія безпошлинной транзитной линіи черезъ Кавказъ, тѣхъ успѣховъ,

---

[1]) Исключеніе должно было быть сдѣлано только для сахара-рафинада, который подлежалъ оплатѣ удешевленною транзитною пошлиною въ 2 р. 20 коп. съ пуда, такъ какъ русская сахарная промышленность не была въ состояніи покрыть весь спросъ на сахаръ въ Азіи.

[2]) Лордъ Керзонъ, вице-король Индіи, въ своемъ извѣстномъ трудѣ о Персіи прямо указывалъ, что одною изъ главныхъ причинъ поразительнаго расцвѣта англійской торговли на Персидскомъ заливѣ послужила «политика русскаго правительства, закрывшая всѣмъ государствамъ доступъ въ Персію по міровому сѣверному пути и тѣмъ побудившая Англію улучшить и расширить пути для товарообмѣна съ юга.»

которыхъ ожидали отъ этой мѣры. Улучшеніе въ этомъ направленіи обнаружилось лишь тогда, когда русское правительство стало поощрять сбытъ отдѣльныхъ предметовъ экспорта путемъ выдачи экспортныхъ премій за вывезенный сахаръ (1886 г.) и текстильныя издѣлія (1892 г.) и многихъ другихъ мѣропріятій. Увеличенія экспорта, такимъ образомъ, было достигнуто главнымъ обрзомъ цѣною финансовыхъ жертвъ со стороны государства.

При соединеніи Великаго Княжества *Финляндіи* съ Россійской имперіей взаимныя таможенно-политическія отношенія между обѣими странами не были первоначально урегулированы. Хотя шведскій таможенной кордонъ на границѣ съ Россіей былъ отмѣненъ, такъ что товары изъ вновь пріобрѣтенныхъ областей получили безпрепятственный доступъ въ Россію (указъ 12 апрѣля 1808 г.), но тарифныя ставки Финляндіи, сохранившей свою собственную таможенную систему, оставались невыравненными съ обще-имперскими пошлинами. Какъ постоянный порядокъ это было, конечно, неудобно, такъ какъ не только финляндскіе продукты, но и многіе иностранные фабрикаты, которые ввозились въ Финляндію при сравнительно весьма низкихъ таможенныхъ пошлинахъ, проникали отсюда въ Россію. Вслѣдствіе этого была учреждена *внутренняя таможенная граница между Россіей и Финляндіей*. Затѣмъ Великое княжество выработало себѣ *собственный таможенный тарифъ* (20 марта 1812 г.), основныя начала котораго были предуказаны русскимъ министромъ финансовъ—какъ онъ это съ особымъ удовлетвореніемъ отмѣтилъ въ своемъ докладѣ императору—въ соотвѣтствіи съ принципами общаго русскаго тарифа.

Когда въ началѣ двадцатыхъ годовъ имперія опять вернулась къ прежней запретительной системѣ, то обнаружилось то неудобство, что несмотря на усиленный таможенный надзоръ иностранные товары все еще безъ труда проникали въ Россію транзитомъ черезъ Финляндію. Чтобы помѣшать этому, были болѣе строго регулированы торговыя отношенія къ Финляндіи (указъ правительствующаго сената отъ 23 января 1824 г.). Имѣлось въ виду сохранить безпошлинный ввозъ финляндскихъ продуктовъ при условіи представленія, въ случаѣ надобности, свидѣтельствъ объ ихъ происхожденіи, продукты же иностраннаго импорта должны были быть оплачиваемые полностію такими же пошлинами, какъ и на другихъ границахъ имперіи. Впослѣдствіи (въ 1835 г.) было также установлено, что иностранные продукты могутъ быть ввозимы изъ Финляндіи въ имперію только моремъ; при этомъ не возвращалась пошлина, оплаченная за этотъ транзитъ въ Финляндіи.

Эта таможенная политика, безъ сомнѣнія, была связана съ значительнымъ ущербомъ для Великаго княжества, такъ какъ мѣры, принятыя для сокращенія ввоза изъ Финляндіи, имѣли такой характеръ, что рядомъ съ иностранными товарами они вытѣсняли и промышленные продукты, изготовленные въ Финляндіи. Такъ какъ, съ другой стороны, Россія могла безпошлинно ввозить въ Финляндію не только свои собственные, но и иностранные продукты, то въ ре-

зультатѣ получился торговый балансъ, при которомъ вывозъ изъ Россіи въ Финляндію въ пять разъ превышалъ ввозъ оттуда.

Только въ 1858 г. были приняты нѣкоторыя мѣры къ облегченію финляндской торговли—число категорій финляндскихъ товаровъ, которые пропускались черезъ внутреннюю таможленную границу безпошлинно и безъ свидѣтельства о происхожденіи, было увеличено, и Финляндіи было предоставлено право въ свою очередь взимать пошлину съ опредѣленныхъ продуктовъ иностраннаго и русскаго происхожденія. Съ другой стороны, однако, финляндскій импортъ былъ ограниченъ опредѣленными количественными предѣлами. Русско финляндскія таможенно-политическія отношенія отнюдь не имѣли, впрочемъ, рѣшающаго значенія для экономическаго развитія Финляндіи. Въ самой себѣ, въ исключительно развитыхъ экономическихъ способностяхъ и трудолюбіи населенія и въ общихъ благопріятныхъ условіяхъ своей культурной и экономической жизни, Финляндія нашла почву, на которой смогла столь успѣшно расцвѣсть національная промышленность. Не послѣднюю роль играла и здѣсь въ этихъ успѣхахъ промышленности таможенная политика; но въФинляндіи она состояла въ томъ, чтобы создать возможно широкій доступъ для сырья, машинъ и другихъ вспомогательныхъ матеріаловъ индустріальнаго развитія; въ связи съ этой помощью извнѣ и оказалось возможнымъ успѣшное развитіе внутреннихъ производительныхъ силъ и національной индустріи.

Финляндскій таможенный тарифъ 1812 г. былъ строго протекціонисткимъ, и на этомъ же пути таможенная политика оставалась до начала сороковыхъ годовъ. Подъ вліяніемъ обнаружившагося тогда болѣе либеральнаго теченія промышленность сдѣлала замѣтные успѣхи. Вскорѣ внутренній рынокъ оказался для нея уже недостаточнымъ, она должна была искать внѣшнихъ потребителей своихъ продуктовъ и поэтому условія, необходимыя для расширенія экспорта въ Россію, пріобрѣли для финляндской промышленности большое значеніе.

Вторженіе финлядскихъ продуктовъ въ сферу интересовъ русской индустріи было для послѣдней тѣмъ неудобнѣе, что издержки производства въ Россіи вслѣдствіе дороговизны иностраннаго сырья, обусловленной высокими русскими таможенными пошлинами, были гораздо значительнѣе, чѣмъ въ Финляндіи, не говоря уже о другихъ условіяхъ, затруднявшихъ русской промышленности конкуренцію съ финляндской. Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Россіи былъ поэтому серьезно поставленъ вопросъ о томъ, чтобы совсѣмъ отмѣнить внутреннюю таможенную границу и распространить на Финляндію дѣйствіе общаго русскаго таможеннаго тарифа. *Такое* рѣшеніе вопроса, впрочемъ, принесло бы русскимъ фабрикантамъ мало пользы,—они хотѣли, напротивъ того, отдѣлить себя отъ Финляндіи еще болѣе высокой таможенной стѣной, чтобы по возможности совершенно устранить финляндскую конкуренцію. Министръ финансовъ *Бунге* весьма основательно опровергъ оба эти предложенія, но по его иниціативѣ пять важнѣйшихъ категорій продуктовъ (чу-

гунъ, желѣзо и сталь, бумажные фабрикаты, кожевенный товаръ, хлопчато-бумажныя издѣлія, фарфоръ и стекло) были съ 1 сентября 1885 г. обложены особыми *уравнительными пошлинами* въ видахъ защиты русской промышленности; вмѣстѣ съ тѣмъ были нормированы и пути вывоза этихъ товаровъ.

Уже нѣсколько лѣтъ спустя была опять учреждена по Высочайшему повелѣнію комиссія, чтобы *подготовить отмѣну особаго положенія Финляндіи въ таможенно-политическомъ отношеніи.* Формулированныя комиссіей предложенія были въ 1890 г. предложены министромъ финансовъ императору, но окончательное рѣшеніе не могло состояться, такъ какъ непреодолимымъ къ тому препятствіемъ являлась «привилегія Таммерфорса». Исторія этой привилегіи такова. Императоръ Александръ I даровалъ финляндскому городу Таммерфорсу право безпошлинно привозить ихъ заграницы до 1905 г. всѣ необходимые для промышленныхъ предпріятій сырые матеріалы, орудія и машины. Пока существовала эта привилегія, иностранные товары могли бы, послѣ уничтоженія таможенной границы между Россіей и Финляндіей, безпошлинно проникать черезъ Таммерфорсъ въ Великое княжество, а отсюда и въ остальныя части имперіи. Правительство неоднократно дѣлало попытки досрочно выкупить привилегію за опредѣленное вознагражденіе, но таммерфорскіе промышленники каждый разъ требовали полнаго возмѣщенія потери въ прибыляхъ, съ которою для нихъ была связана отмѣна привилегіи. Такъ какъ правительство на это не соглашалось, то возникла идея выдѣлить городъ Таммерфорсъ, въ качествѣ особой таможенной единицы и окружить его таможеннымъ кордономъ. Но такъ какъ тѣмъ временемъ начались переговоры съ нѣсколькими иностранными державами о заключеніи торговыхъ конвенцій, то финляндскій таможенный вопросъ оставался пока нерѣшеннымъ. Однако, мысль о введеніи единаго для всей имперіи таможеннаго тарифа путемъ повышенія ввозныхъ пошлинъ, взимавшихся Финляндіей съ иностраннаго импорта, до уровня русскихъ имперскихъ ставокъ не была оставлено.

Намѣреніе свое постепенно объединить Финляндію съ Россіей въ таможенномъ отношеніи, русское правительство ясно выразило и при заключеніи русско-германскаго торговаго договора 1894 г. Въ нотахъ, которыми обмѣнялись въ день заключенія договора, русскій посланникъ въ Берлинѣ гр. Шуваловъ и тогдашній германскій статсъ-секретарь ф. Маршалль, находимъ въ этомъ отношеніи слѣдующія указанія.

«Во время обмѣна мнѣній, который предшествовалъ берлинской конференціи о договорѣ, о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Германіей, Императорское русское правительство, твердо рѣшившее уравнить таможенный тарифъ Великаго княжества Финляндскаго съ таможеннымъ тарифомъ Имперіи, могло заявить, что оно намѣрено лишь постепенно повышать первый изъ этихъ тарифовъ, такъ что финляндскій тарифъ лишь къ концу 1905 года долженъ былъ быть уравненъ съ русскимъ.

Подтверждая нынѣ это свое рѣшеніе, Императорское русское

правительство желаетъ исключить въ этой области всякую неувѣренность, какъ опасную для развитія внѣшнихъ торговыхъ отношеній, и полагаетъ уже теперь возможнымъ установить главнѣйшіе сроки для постепеннаго повышенія финляндскаго тарифа.

Императорское русское правительство заявляетъ въ виду этого, что оно не намѣрено начать это повышеніе до 19—31 декабря 1898 г., съ этого времени финляндскій тарифъ можетъ быть повышенъ на 50% той разницы, которая въ то время будетъ существовать между ставками русскаго и финляндскаго тарифа; послѣ 18—31, декабря 1901 г. можетъ быть предпринято новое повышеніе на 25% указанной разницы; отъ 18—31 декабря 1903 г. Императорское русское правительство сохраняетъ за собою полную и неограниченную свободу въ отношеніи окончательнаго уравненія таможеннаго тарифа Великаго княжества Финляндскаго съ таможеннымъ тарифомъ Имперіи.

Но предшествующія соглашенія, опредѣляющія порядокъ постепеннаго повышенія финляндскаго тарифа, не ограничиваютъ компетентныя учрежденія Великаго княжества Финляндскаго въ ихъ правѣ вводить въ названный тарифъ частичныя измѣненія, поскольку таковыя обосновываются мѣстными потребностями торговли и промышленности.

При этомъ имѣется въ виду, что дѣйствіе договора о торговлѣ и мореплаванія, заключеннаго 29 января—10 февраля 1894 г. между Россіей и Германіей, вмѣстѣ съ опредѣленіями первой части заключительнаго протокола, образующаго составную часть договора, простирается на Великое княжество Финляндію во всемъ, что къ нему примѣнимо, и въ частности въ отношеніи соглашеній, содержащихся въ ст. 6, 9 и 13».

Русское правительство, такимъ образомъ, ничѣмъ не стѣснено въ своемъ правѣ распространить съ 1 января 1904 г. русскій таможенный тарифъ на Финляндію, и только «привилегія Таммерфорса» являлась до сихъ поръ (до конца 1905 года) препятствіемъ на этомъ пути.

Торговыя отношенія между Финляндіей и Имперіей были тѣмъ временемъ вновь урегулированы *закономъ 28 апрѣля 1897 г.* Такъ какъ Великое княжество еще сохраняло временно свою таможенно-политическую самостоятельность и собственный таможенный тарифъ для иностранныхъ государствъ, то и прежняя внутренняя таможенная граница должна была быть сохранена. Упомянутый законъ имѣлъ только цѣлью лучше приспособить внутреннія пошлины соотвѣтственно измѣнившимся обстоятельствамъ. Тотъ фактъ, что финляндскіе продукты проникали въ Россію все въ большихъ количествахъ и торговый балансъ оказался въ виду этого въ 1894 и 1895 г. неблагопріятнымъ для Россіи, послужилъ основаніемъ къ новому *пересмотру русско-финляндскаго таможеннаго тарифа въ 1897 г.* Списки финляндскихъ товаровъ, которые безпошлинно допускались въ Имперію на основаніи свидѣтельствъ объ ихъ финляндскомъ происхожденіи или безъ таковыхъ, были детально пересмотрѣны, причемъ многіе продукты, до тѣхъ поръ не подлежавшіе оплатѣ пошлиною, были обложены уравнительными пошлинами. Размѣры уравнительныхъ пошлинъ были измѣнены на основѣ показаній русскихъ и финляндскихъ фабрикъ, причемъ принято было во вни-

маніе различіе въ издержкахъ производства по сю и по ту сторону внутренней границы. Въ виду многообразія и особенностей различныхъ производствъ такое арифметическое уравненіе не всегда было достижимо, по этому въ такихъ случаяхъ прибѣгли къ такому исходу: уравнительная пошлина назначалась невысокая, но за то импортъ допущенныхъ товаровъ ограничивался опредѣленной ежегодной нормой.

Къ числу продуктовъ, прежде свободныхъ отъ обложенія, а теперь обложенныхъ, относились, между прочимъ, цикорій, свѣчи, выдѣланная кожа и кожевенныя издѣлія, мыла и т. д. Пошлина была повышена на желѣзо и сталь (15 до 20 коп. съ пуда), желѣзныя и стальныя издѣлія (съ 20 до 40 коп.) и на хлопчатобумажные фабрикаты, которые прежде были обложены 75 коп. съ пуда, а теперь пошлина составляла: для пряжи 2 р. 80 коп., бѣленныя и небѣленныя ткани 2 р. 95 коп., цвѣтныя и набивныя ткани 3 р. 10 коп. Это значительное повышеніе было вызвано прежде всего увеличеніемъ пошлины на хлопокъ по общему тарифу (съ 45 коп. въ 1885 г. до 2 р. 10 коп. съ пуда,) а также измѣненіемъ пошлинъ на машины и матеріалы, вслѣдствіе чего значительно возросли издержки производства русской ткацкой промышленности. Съ другой стороны доступъ изъ Финляндіи въ имперію былъ облегченъ для желѣзной руды и чугуна. Безпошлинный ввозъ желѣзной руды былъ обусловленъ до тѣхъ поръ особымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшеніемъ министерства, при чемъ для каждаго рудника было фиксировано количество продукта ежегодно подлежащаго импорту. Эти ограниченія были теперь въ значительной мѣрѣ отмѣнены; количество безпошлинно импортируемаго чугуна, добываемаго въ восточной Финляндіи изъ мѣстной руды и при древесномъ топливѣ, было увеличено съ 400000 до 1½ мил. пуд. Расширеніе вывоза желѣза въ Россію было жизненнымъ вопросомъ для населенія соотвѣтствующихъ частей Финляндіи, русскіе же заводы во всякомъ случаѣ не были въ состояніи удовлетворить весь внутренній спросъ на чугунъ. Эта мѣра соотвѣтствовала такимъ образомъ интересамъ обѣихъ частей имперіи.

Импортъ русскихъ товаровъ въ Финляндію оставался въ общемъ, какъ прежде, свободнымъ; исключеніе составили только напитки, сахаръ, табакъ и нѣкоторые другіе продукты [1]).
Выгодно для Финляндіи было то, что финляндскимъ торговымъ судамъ были предоставлены равныя права съ русскими въ отношеніи каботажнаго плаванія на Балтійскомъ морѣ и относительно торговыхъ сборовъ; въ свою очередь и русскія суда должны были пользоваться въ Финляндіи равными правами съ мѣстными. Въ Россіи

---

[1]) Особенно важнымъ былъ при этомъ *вопросъ о сахарѣ.* Финляндскіе рафинадные заводы работали главнымъ образомъ на иностранномъ сырьѣ; вслѣдствіе низкой пошлины на иностранный сахаръ, русскій сахаръ не могъ получить доступа въ Финляндію. Новыми таможенными ставками старались въ этомъ отношеніи создать уравненіе по возможности примиряющіе интересы русскихъ и финляндскихъ заводчиковъ Уменьшеніемъ внутренней пошлины хотѣли также облегчить доступъ въ Финляндію для русскихъ табачныхъ издѣлій.

усматривали въ этомъ цѣнную уступку, такъ какъ финляндскій торговый флотъ значительно превосходитъ русскій, и получилъ такимъ образомъ большую свободу передвиженія, каковую русскій коммерческій флотъ въ виду его отсталости не могъ бы использовать. (ср. русско-германскій торговый договоръ 1904 г.).

Раздѣлъ IX.

Тенденціи промышленнаго развитія во второй половинѣ 19 вѣка.

I.

Отъ освобожденія крестьянъ до русско-турецкой войны 1861—1877 г.

ГЛАВА XLII.

Государство и общество.—Мобилизація труда и капитала.—Европеизація и капитализмъ.

Періодъ времени между обѣими крупными войнами пятидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ (1856 и 1877 г.) составилъ эпоху въ хозяйственномъ и культурномъ развитіи Россіи, въ виду той коренной перестройки административныхъ и правовыхъ порядковъ страны, которая была осуществлена въ это время по планамъ либеральныхъ строителей. Крымская война такъ явственно выяснила передъ всѣмъ міромъ всѣ слабости и недочеты прежней экономической организаціи, что являлось уже требованіемъ самосохраненія приступить къ слишкомъ долго отсрочивавшемуся обновленію экономическихъ основъ государства. Обезпложенную національную почву необходимо было сдѣлать воспріимчивой къ новому развитію. Этой цѣли должны были служить отмѣна крѣпостного права, постройка желѣзнодорожной сѣти, радикальная реорганизація системы кредита и всѣ тѣ реформы шестидесятыхъ годовъ, которыя придали модернизированную форму управленію, юстиціи и соціальной жизни.

Интеллигенція, освобожденная отъ гнета регламентаціи въ сферѣ мысли, съ энтузіазмомъ воспользовалась возможностью принять по крайней мѣрѣ теоретическое, литературное участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ и упроченія народнаго благосостоянія страны. Спорные вопросы: свободная торговля или покровительство, промышленность или сельское хозяйство, крупная индустрія или кустарь,—вновь ожили въ этой публицистической борьбѣ и дебатировались въ

концѣ пятидесятыхъ годовъ съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ за 25 лѣтъ передъ тѣмъ [1]). Въ воззрѣніяхъ руководяшихъ круговъ общества обнаруживалась, однако, замѣтная перемѣна. Все расширяющееся капиталистическое производство пріобрѣтало все больше приверженцевъ, и это было совершенно естественно, такъ какъ мѣсто разрушавшихся старыхъ натурально хозяйственныхъ формъ производства могъ занять только капитализмъ, этотъ признанный представитель всякаго денежнаго хозяйства. Пророчества о томъ, что сельское хозяйство, какъ собственно «національный» промыселъ должно оскудѣть вслѣдствіе нормально расширающейся индустріализаціи, оказались столь же необоснованными, какъ и опасеніе, что свободный вольнонаемный трудъ повлечетъ за собою «бичъ пролетаріата». Младшее поколѣніе въ большинствѣ правильно уяснило себѣ, что фабричное производство и отмѣна принудительнаго труда являются важными предварительными условіями промышленнаго прогресса, и нашло въ этомъ отношеніи сильнѣйшую опору въ экономической политикѣ правительства.

Представляется съ перваго взгляда непонятнымъ, какъ правительство, при желѣзномъ николаевскомъ режимѣ второй четверти вѣка едва дерзавшее проявить какую бы то ни была самостоятельность рядомъ съ дикратурою самодержца, могло при его преемникѣ повести страну по пути новаго развитія въ духѣ современныхъ началъ. Но бюрократизмъ во всѣ времена обнаруживалъ, подъ давленіемъ внѣшнихъ условій, весьма значительную приспособляемость къ требованіямъ времени, особенно когда дѣло шло о его эгоистическихъ интересахъ, — что, впрочемъ, отнюдь не доказываетъ еще его творческихъ способностей. Притомъ интересы государства и его слугъ были слишкомъ тѣсно связаны съ успѣхами народнаго хозяйства, чтобы правительство могло равнодушно относиться къ упадку производительныхъ силъ страны, вызванному отсутствіемъ свѣта и воздуха. Несмотря на то, оно быть можетъ пошло бы опять по старому «Николаевскому» пути, если бы Крымская кампанія не вскрыла съ такою безпощадностью внутреннее разложеніе Россіи, показавъ на дѣлѣ, какъ справедливо замѣчаетъ *Бліохъ*,—что «основное условіе побѣды заключается отнюдь не въ превосходствѣ оружія,— окончательное рѣшеніе зависитъ въ борьбѣ прежде всего отъ духовныхъ и экономическихъ силъ государства, а равно отъ политической зрѣлости общественныхъ классовъ».

Въ холодную эпоху предшествовавшаго царствованія расцвѣлъ пропагандируемый славянофилами націонализмъ, весьма частый спутникъ политической реакціи, и благодаря ему широко было распространено воззрѣніе, что Россія можетъ идти своимъ самобытнымъ путемъ. Севастополь разрушилъ это самомнѣніе служившее основою отсталости. Пробудилось по этому стремленіе выйти изъ этой «блестящей изолированности» и организовать собственное хозяйственное развитіе по западно-европейскимъ образцамъ. Для этого были

---

[1]) О разногласіяхъ въ вопросахъ таможной политикѣ ср. гл. 29.

необходимы два условія: *мобилизація рабочей силы и мобилизація капитала. Первая* предполагала *освобожденіе крестьянъ, вторая* зависѣла отъ цѣлой системы мѣропріятій, направленныхъ на *использованіе иностраннаго капитала и оплодотвореніе внутреннихъ сбереженій.* Стремились, такимъ образомъ, къ *европеизаціи* въ хозяйственно-политической сферѣ, чтобы можно было слѣдовать по пути далеко опередившихъ Россію индустріальныхъ государствъ запада. Заводя въ Россіи необходимѣйшія орудія этой европеизаціи, каковы, напр., желѣзныя дороги, особенно для экспорта, торговые банки, акціонерныя общества, машинный трудъ и т. д., тѣмъ самымъ обезпечивали крупному капиталистическому производству безусловное преобладаніе въ народномъ хозяйствѣ, ибо всѣ эти средства къ развитію промышленности были въ то же время лучшими орудіями капитализма.

ГЛАВА XLIII.

Отмѣна крѣпостного права.—Экономическое значеніе желѣзныхъ дорогъ.—Организація банковаго дѣла.

Возвѣстившій *освобожденіе крестьянъ* манифестъ 19 февраля 1861 года глубоко преобразовалъ, по обще-принятому воззрѣнію, всю хозяйственную организацію страны и тѣмъ положилъ начало новой эрѣ экономическаго и соціальнаго развитія. Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что освободительный актъ, устранивъ главнѣйшее препятствіе для всякаго экономическаго и соціальнаго прогресса, открылъ свободный путь развитію подавленныхъ производительныхъ силъ націи. Но вызвать сразу переворотъ въ экономическомъ положеніи населенія, этотъ законъ не могъ уже по тому одному, что онъ не ворвался съ силою стихійнаго явленія въ ходъ историческихъ событій, а въ извѣстной мѣрѣ самъ явился результатомъ отношеній, все настоятельнѣе вызывавшихъ реорганизацію хозяйственнаго строя. Великодушное стремленіе къ быстрой и всесторонней отмѣнѣ рабства не умаляется въ своемъ значеніи оттого, что въ общемъ соціальномъ и экономическомъ состояніи Россіи того времени было много важныхъ моментовъ, дѣлавшихъ невозможными колебанія и нерѣшительность въ неотложномъ дѣлѣ освобожденія. «Во второй половинѣ 19. вѣка недостатки несвободнаго труда и рабства явно обнаружились. Необходимо было приступить къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, поощрять разныя отрасли промышленнаго производства, открыть новые источники государственнаго дохода. Всѣ эти настоятельные задачи плохо совмѣщались съ сохраненіемъ несвободнаго, а потому и малоцѣннаго и непроизводительнаго труда» [1]).

---

[1]) *Исаевъ*, Соціальнополитическіе очерки, (Штутгардтъ 1902), стр. 312.

Освободительнымъ актомъ 1861 г. законодатель открылъ крестьянскому труду путь къ свободѣ и въ то же время надѣленіемъ милліоновъ освобожденныхъ работниковъ землею далъ имъ возможность продолжать ихъ хозяйственный трудъ. Въ манифестѣ высказана увѣренность, что крѣпостные правильно поймутъ и съ благодарностью примутъ ту великую жертву, которую благородное дворянство принесло для улучшенія ихъ положенія... «Они поймутъ, что они... какъ передъ всѣмъ государствомъ, такъ передъ самими собою обязаны возмѣстить благодѣяніе новаго закона добросовѣстнымъ, благомыслящимъ и прилежнымъ примѣненіемъ данныхъ имъ законовъ...» Ожиданія, высказанныя въ манифестѣ, не сбылись, однако, въ теченіи ближайшихъ двадцати лѣтъ и по сей день осуществились лишь отчасти. Вина въ этомъ падаетъ какъ на «освободителей», такъ и на «освобожденныхъ». Земельный надѣлъ, на который возлагалось столько надеждъ, обезпечилъ крестьянамъ новое благосостояніе лишь въ весьма скудномъ размѣрѣ, а свобода труда была съ самаго начала умалена юридическимъ прикрѣпленіемъ крестьянина къ сельской общинѣ. «Міръ», общинная организація сохранила свою власть надъ землею и личностью крестьянина; общинное землевладѣніе ограничило свободу отдѣльныхъ членовъ общины такимъ множествомъ стѣснительныхъ опредѣленій, что можно было признать едва ли не сохранившимъ полную силу прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ [1]).

Новыхъ стимуловъ къ болѣе широкому развитію индустріальнаго производства законодательный актъ освобожденія, такимъ образомъ, первоначально не создалъ. Недочеты и слабости, присущія тогда русской промышленной жизни, не были уничтожены манифестомъ 19 февраля 1861 г., хотя условія для созданія новыхъ индустріальныхъ предпріятій имѣлись теперь въ большемъ обиліи чѣмъ прежде, ибо во первыхъ помѣщики, благодаря способу выкупа ихъ земель, получили въ свое распоряженіе значительныя денежныя средства, которыя могли бы быть цѣлесообразно использованы въ промышленныхъ предпріятіяхъ, и во-вторыхъ освобожденымъ отъ рабства крестьянамъ была теперь дана возможность выдѣлить изъ своей среды классъ промышленныхъ рабочихъ, другими словами: совершить то соціальное разслоеніе на разные профессіональные классы, которое должно было явиться неизбѣжнымъ послѣдствіемъ перехода къ капиталистическому хозяйству. Процессъ экономическаго развитія совершился, однако, отнюдь не по тому пути, который предполагался «нормальнымъ». Ни господамъ, ни рабамъ законодатель не могъ внушить трудовой энергіи, предпріимчивости и интеллигентности. Помѣщики по большей части весьма легкомысленно разстратили полученныя отъ государства выкупныя суммы, для прежнихъ же крѣпостныхъ свобода явилась какъ бы

[1]) Юридическую несвободу индивида въ предѣлахъ общины детально освѣщаютъ, между прочимъ: *Никольскій*, Земля, община и трудъ, (Спб. 1902), стр. 46 слл.—*Голубевъ*, Налогъ и народное хозяйство, (Русская Мысль 1893, кн. V).

*

Высочайше дарованнымъ правомъ на полупраздное существованіе въ предѣлахъ общинно-хозяйственной организаціи.

Фантастическія мечтанія націонализма, усматривавшаго въ самобытной стихійной силѣ «мужика» почву для будущаго экономическаго расцвѣта, мало помогали на практикѣ—народъ изъ своей собственной среды могъ въ лучшемъ случаѣ выдѣлить неорганизованную армію дешевыхъ рабочихъ рукъ, использованіе которыхъ въ процессѣ производства должно было быть предоставлено представителямъ промышленнаго капитализма. Но и съ этимъ руководительствомъ народомъ въ сферѣ производительнаго труда дѣло обстояло далеко неудовлетворительно. Хотя существовало уже сравнительно большое число промышленныхъ предпріятій, но они все же могли поглотить только ничтожную часть народныхъ рабочихъ силъ. Носителямъ торговаго капитала недоставало, далѣе, надлежащей интеллигентности и способности къ разрѣшенію великихъ экономическихъ проблемъ. Характернымъ признакомъ невольнаго преклоненія передъ «чужеземными культуртрегерами» является то обстоятельство, что въ тогдашней литературѣ представителями вновь нарождающагося буржуазнаго общества, піонерами прогресса, преимущественно выставлялись западно европейскіе пришельцы какой либо Шульце или Миллеръ. И эти послѣдніе въ дѣйствительности оказали немалыя услуги въ дѣлѣ проложенія путей для крупно-капиталистическаго производства.

Но для завершенія новаго порядка былъ необходимъ еще третій моментъ: *автократическая воля*, объединившая элементы труда и капитала въ одно производительное цѣлое. Въ отношеніи капиталистически-промышленнаго развитія это выразилось въ форсированномъ желѣзнодорожномъ строительствѣ и связанномъ съ этимъ широкомъ покровительствѣ всѣмъ предпріятіямъ внутренней желѣзодѣлательной индустріи. Экономическихъ успѣховъ полагали возможнымъ ждать только отъ крупной промышленности, а не отъ земледѣлія.

Аграрная политика государства, казалось, на долго исчерпала свои силы въ великомъ актѣ 1861 года. Судебная реформа, организація управленія и нѣкоторыя другія широко задуманныя реформы настолько поглотили всѣ силы бюрократіи, что она могла удѣлить только очень мало вниманія дѣлу содѣйствія только что освобожденному многомилліонному крестьянскому населенію при переходѣ къ совершенно новымъ условіямъ жизни: [1]) При такихъ обстоятельствахъ отмѣна крѣпостнаго права не могла сама по себѣ послужить основою оздоровленія хозяйственнаго организма націи; но въ общемъ

---

[1]) Даже такой сановный и авторитетный изслѣдователь аграрной политики, какъ тайный совѣтникъ Тернеръ, жалуется, что въ теченіе четверти столѣтія ничего не было сдѣлано для дальнѣйшаго развитія крестьянскаго законодательства. Въ этомъ онъ усматриваетъ одну изъ причинъ тѣхъ прискорбныхъ явленій, которыя обнаружились впослѣдствіи. *Тернеръ*, Государство и землевладѣніе (Спб. 1896, т. I, стр. 231).

потокѣ историческихъ событій она послужила гранью новой эпохи, положивъ начало *мобилизаціи труда.*

Въ литературѣ много разъ уже изображалось, какую неизмѣримую важность имѣла отмѣна крѣпостного права, т. е. введеніе свободнаго вольнонаемнаго труда, для всѣхъ областей экономической жизни. [1]) Но послѣдствія этой мобилизаціи труда начинаютъ замѣтно обнаруживаться лишь въ восьмидесятыхъ годахъ. Вліяніе ея не могло бы собственно никогда проявиться полностію, еслибы приблизительно въ то же время *желѣзныя дороги* не открыли для продуктовъ внутренней промышленности болѣе отдаленные рынки и не проложили бы пути крупной торговлѣ. Для новой Россіи, начавшей въ серединѣ минувшаго вѣка съ такой энергіей сбрасывать съ себя отсталыя формы натуральнаго хозяйства, желѣзнодорожная сѣть явилась жизненнымъ нервомъ всего народнаго хозяйства. Во всякомъ случаѣ только паръ открылъ для сельскаго хозяйства западно-европейскіе рынки, и это дало сельскимъ хозяевамъ возможность болѣе широко удовлетворять потребности своего хозяйства при помощи денежныхъ средствъ. Повышенная же покупательная способность сельскаго хозяйсва расширила сбытъ индустріальныхъ продуктовъ и укрѣпила промышленность. Главною заслугой желѣзныхъ дорогъ было, какъ замѣтилъ однажды въ комитетѣ министровъ покойный министръ финансовъ Бунге, «созданіе новыхъ цѣнностей.»

Въ дореформенную эпоху основнымъ устоемъ русскаго сельскаго хозяйства являлась не столько объемъ и производительность пашней, сколько число прикрѣпленныхъ къ ней крестьянскихъ душъ. При продажахъ земли безъ крестьянъ она цѣнилась чрезвычайно низко. Въ двадцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія десятина пахатной земли стоила въ многихъ плодородныхъ губерніяхъ менѣе полутора рублей серебромъ, и еще къ концу сороковыхъ годовъ цѣна десятины не превышала 7 рублей сер. [2]) Землевладѣльцы были поэтому менѣе заинтересованы въ увеличеніи производительности почвы, чѣмъ въ возможно энергичномъ использованіи крѣпостного труда. Экстенсивное хозяйство, веденное въ самомъ широкомъ маштабѣ и съ самыми ничтожными затратами на производство, давало такіе продукты, сбытъ которыхъ на отдаленные рынки былъ, до проведенія желѣзныхъ дорогъ, совершенно невозможенъ, а на ближайшихъ рынкахъ зависѣлъ отъ множества случайностей. Спросъ и предложеніе опредѣлялись единственно результатомъ урожая; такіе факторы въ установленіи цѣнъ, какъ земельная рента, рабочая плата, производственный капиталъ, вообще не принимались въ разсчетъ. Для колебаній хлѣбныхъ цѣнъ и вверхъ и внизъ не существовало почти никакихъ границъ. Въ то время, какъ въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, цѣны поднимались чрезмѣрно высоко, хлѣбъ на разстояніи нѣсколькихъ

---

[1]) *Schulze-Gävernitz*, стр. 1-51.

[2]) *Tengoborski*, Etudes sur les forces productives de la Russie, (Paris, 1858).

сотъ верстъ продавался по ничтожнымъ цѣнамъ. Невозможность покрыть усиленный спросъ въ одномъ мѣстѣ избыточнымъ урожаемъ другого обусловливалась не только отсутствіемъ путей сообщенія, но и недостаточнымъ вообще развитіемъ городской жизни по всей территоріи государства. [1])

Но и тамъ, гдѣ существовали проѣзжія дороги, оживленный товарообмѣнъ не былъ возможенъ, такъ какъ гужевые фрахты были слишкомъ высоки и привольны. При этихъ условіяхъ экспортъ хлѣба естественно, могъ развиваться лишь въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ. Независимо отъ издержекъ транспорта, вывозъ тормзился, также высокими таможенными пошлинами въ западной Европѣ, пока въ серединѣ столѣтія не произошла въ этомъ отношеніи перемѣна, которой Россія была обязана тѣмъ, что она одно время являлась «житницею» Европы.

Проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ хлѣбныхъ раіонахъ имѣло въ экономическомъ отношеніи послѣдствія, по своей важности немногимъ уступавшія тому перевороту, который былъ вызванъ крестьянской реформой: огромныя массы хлѣба стали стекаться къ морскимъ портамъ, усиленіе сбыта вызвало расширеніе культивируемой площади, внутреннія цѣны возросли, хлѣбная торговля приносила сельскимъ хозяевамъ денежныя средства, которыя они отчасти расходовали на улучшеніе сельскохозяйственной культуры, словомъ — народное хозяйство получило благодаря росту оборота много новыхъ стимуловъ къ дальнѣйшему развитію [2]).

Въ первую четверть вѣка (1836—1861 г.) постройка желѣзныхъ дорогъ подвигалась впередъ очень медленно; только при Александрѣ II, въ особенности за время съ 1868 до 1878 г. желѣзнодорожная сѣть развивается весьма энергично. Прогрессивный ростъ рельсовой сѣти по десятилѣтіямъ виденъ изъ слѣдующихъ цифръ. Въ распоряженіе товарообмѣна были предоставлены въ концѣ года:

1838	25 верстъ.	
1848	357 „	+ 232 в. прироста.
1858	1092 „	+ 735 „ „
1868	6342 „	+ 5250 „ „
1878	21.476 „	+ 15.134 „ „

[1]) По даннымъ Тенгоборскаго, одинъ городъ приходился въ сороковыхъ годахъ въ Австріи на $3^3/_4$ квадр. мили, въ Пруссіи на $5^1/_2$ кв. м , во Франціи на 7 кв. м , а въ Россіи только на 130 кв. м.

[2]) Зависимость экспорта четырехъ главныхъ хлѣбныхъ злаковъ отъ успѣховъ желѣзнодорожнаго строительства иллюстрируется слѣдующими данными (*Покровскій*, I, стр. 5):

	Средній экспортъ (въ тысячахъ пудовъ):	Длина желѣзнодорожной сѣти въ началѣ пятилѣтія:
1856—1860	69.254	982 верстъ.
1861—1865	74.904	1491 „
1866—1870	120.000	3484 „
1871—1875	181.250	9899 „
1876—1880	257.143	17.418 „

1888	28.626 верстъ.	+ 7150	в. прироста.
1898	43.803 „	+ 15.177	„ „
1899	48.495 „	+ 4692	„ „
1900	50.007 „	+ 1512	„ „
1901	53.064 „	+ 3057	„ „ [1])

Въ шестидесятыхъ годахъ, когда государство усиленно покровительствовало частнымъ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ, Россія переживала «желѣзнодорожную горячку» со всѣми признаками современнаго грюндерства. Въ числѣ лицъ, сумѣвшихъ пробраться до высоты самого трона, чтобы раздобыть «желѣзнодорожную концессію» и использовать ее со спекулятивными цѣлями, оказывались нерѣдко весьма мало достойные представители иностраннаго капитала; эти искатели концессій разсматривали ихъ какъ вѣрный источникъ большихъ барышей; что во главѣ грюндерскихъ компаній нерѣдко оказывались лица изъ высшей русской аристократіи,— показываетъ лишь, что жажда легкой наживы охватила тогда и эти высшіе круги общества [2]). Правительство въ теченіе цѣлыхъ двадцати пяти лѣтъ (1856—1880) не только допускало господство этой необузданной спекуляціи, но практически по мѣрѣ силъ содѣйствовало ей своей системой концессій, и гарантій, это объясняется не только желаніемъ оживить промышленность путемъ созданія желѣзнодорожной сѣти, но и стремленіемъ пробудить въ Россіи капиталистическіе инстинкты и привлечь иностранные капиталы. Желѣзнодорожное строительство пролагало путь *мобилизаціи капитала.*

Поощреніе неподвижныхъ русскихъ капиталистовъ къ болѣе энергичному проявленію предпріимчивости въ экономической сферѣ проявлялось, впрочемъ, въ то время еще въ другой формѣ,—именно путемъ *организаціи коммерческихъ банковъ.* Учрежденный согласно устава отъ 31 марта 1860 г. государственный банкъ явился преемникомъ—но съ расширенными функціями и частью совершенно новыми задачами—тѣхъ старыхъ государственныхъ кредитныхъ установленій, которыя въ теченіе цѣлаго столѣтія сосредоточивали въ своихъ рукахъ народныя сбереженія, чтобы

---

[1]) Цифры взяты изъ историко-статистическаго обзора развитія русскаго желѣзнодорожнаго дѣла, изданнаго министерствомъ путей сообщенія по случаю всемірной выставки въ Парижѣ.

[2]) Въ одномъ оффиціальномъ изданіи читаемъ: «Въ частныхъ коммерческихъ компаніяхъ нерѣдко участвовали тогда не только лица, находившіяся въ непосредственномъ отношеніи къ бюрократіи, но и государственные сановники на высшихъ ступеняхъ служебной іерархіи. Они участвовали какъ въ собраніи капиталовъ для коммерческихъ предпріятій, такъ и въ учрежденіи акціонерныхъ компаній; послѣднее вообще не считалось въ то время не соотвѣтственнымъ.» («Наша желѣзнодорожная политика» и т. д., стр. 87 слл.).—Въ 1868 г. министръ финансовъ Рейтернъ издалъ распоряженіе, чтобы отъ участія въ желѣзнодорожныхъ обществахъ были удалены всѣ лица, которыя по своему служебному положенію могли бы имѣть вліяніе на государственное управленіе или на опредѣленныя части его.

собранные такимъ образомъ весьма значительные капиталы частью отдавать подъ залогъ разныхъ имуществъ, частью отдавать въ ссуду государству, всегда нуждавшемуся въ такого рода воспособленіяхъ. На государственный банкъ была теперь возложена обязанность, кромѣ регулированія «денежнаго и банковаго дѣла», прежде всего содѣйствовать «оживленію торговли.» Этимъ былъ созданъ весьма дѣйствительный стимулъ къ учрежденію банковъ для движимаго капитала. [1]).

Глава XLIV.

Вліяніе освобожденія крестьянъ и желѣзнодорожнаго строительства на развитіе промышленности.—Иностранный капиталъ.—Капитализмъ и покровительственная политика.

Оба важнѣйшихъ средства содѣйствія экономическому прогрессу, *освобожденіе крестьянъ и желѣзныя дороги* вплоть до начала восьмидесятыхъ годовъ принесли не много пользы развитію промышленности. Освобожденныя рабочія силы первоначально избѣгали индустріи и обращались преимущественно къ излюбленному земледѣлію, въ то время какъ желѣзныя дороги, хотя и поглощали весьма охотно капиталы, освободившіеся за упраздненіемъ старыхъ кредитныхъ учрежденій, но въ экономическомъ отношеніи служили въ неизмѣримо большей степени сельскому хозяйству, нежели промышленности; ибо для сельскаго хозяйства, прежде всего, было важно вывозить хлѣбъ на міровой рынокъ, и это было существеннымъ назначеніемъ желѣзныхъ дорогъ; въ отношеніи же индустріи дороги могли пока что имѣть главнымъ образомъ только одну цѣль,— дать возникнуть желѣзодѣлательной промышленности, которая могла бы собственными силами удовлетворять потребность желѣзныхъ дорогъ въ разныхъ матеріалахъ. Но осуществленіе этой задачи зависѣло, не говоря уже о доброй волѣ потребителей, еще отъ цѣлаго ряда другихъ моментовъ. Къ этой темѣ мы еще вернемся.

Освободительный актъ 19 февраля 1861 г. явился тяжкимъ ударомъ для фабрикъ, пользовавшихся главнымъ образомъ крѣпостными рабочими; хотя старыя посессіонныя фабрики потеряли свое значеніе уже задолго до 1861 г., такъ какъ измѣнившаяся техника

---

[1]) Расширеніе банковаго дѣла видно изъ слѣдующихъ цифръ (*Брандтъ* II, стр. 23):

годъ	число банковъ	основной и запасный капиталъ,
1870	6	15,7 мил. рублей.
1880	33	95,3 » »
1887	32	119,4 » »
1895	34	175,5 » »
1900	41	280,0 » »

дѣлала необходимымъ свободный трудъ, но крестьянская реформа ускорила процессъ ихъ вымиранія, между тѣмъ какъ купеческія индустріальныя предпріятія московскаго раіона, занимавшія почти исключительно вольнонаемныхъ рабочихъ, именно теперь стали расцвѣтать. Такъ, казенные рудники на Уралѣ должны были, вслѣдствіе отмѣны крѣпостного права, сократить и частью даже совершенно пріостановить производство, такъ какъ крѣпостные, приписанные къ этимъ предпріятіямъ, безъ оглядки бѣжали отсюда. «Рабочихъ до такой степени тянуло отъ ненавистныхъ рудниковъ, что они распродавали по ничтожнымъ цѣнамъ или просто дарили свои земли, дома и огороды.» [1]) Производство чугуна въ Уральскомъ раіонѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ во всей Россіи значительно упало послѣ 1861 г. вслѣдствіе этого повальнаго бѣгства отъ индустріальныхъ предпріятій. Только по истеченіи 6—8 лѣтъ начинается постепенное обратное движеніе отъ сохи къ фабричнымъ центрамъ.

Всего лучше пережили освободительный кризисъ тѣ предпріятія фабричнаго характера, которыя явились побочными промыслами въ сельскомъ хозяйствѣ, какъ напр., винокуренные и захарные заводы, мукомольныя мельницы и т. д. Въ общемъ, то, что называли фабричной промышленностью, еще въ 1870 г. представляло собою чрезвычайно ничтожную величину. Эксплоатація отечественныхъ сырыхъ матеріаловъ (желѣза, угля, соли, золота) еще не обнаруживала признаковъ вліянія новаго времени. Только текстильная индустрія въ ея разнообразныхъ развѣтвленіяхъ являлась прочно обосновавшейся и достигшей значительнаго развитія отраслью національной промышленности [2]).

Мобилизація внутренняго капитала такъ же мало принесла непосредственной пользы индустріи, какъ и освобожденіе труда. Желѣзнодорожные грюндеры наложили свои руки прежде всего на тѣ частныя сбереженія, которыя мобилизовались вслѣдствіе реорганизаціи прежнихъ депозитныхъ и ссудныхъ казенъ, мѣсто которыхъ заняль, какъ извѣстно, въ 1860 г. государственный банкъ. Безцеремонность, съ которой совершалось это «привлеченіе» капиталовъ, достаточно иллюстрировать однимъ примѣромъ. Пріобрѣвшее печальную изѣстность въ исторіи русскаго желѣзнодорожнаго строительства «Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ» взяло на себя постройку рельсовыхъ путей по всей имперіи съ общимъ протяженіемъ въ 3.900 верстъ при расходной смѣтѣ въ 275 мил. руб. Когда предприниматели уже очень скоро оказались не въ состояніи

---

[1]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 371 слл.

[2]) Общій результатъ дѣятельности индустріи, перерабатывающей сырые матеріалы, составилъ въ 1870 г.: всего на 7853 фабрикахъ съ 356184 рабочими на 318 мил. руб. товаровъ. въ частности текстильныхъ издѣлій на 1876 фабрикахъ съ 239490 рабочими на 191 мил. руб. товаровъ. *Гулишамбаровъ*, Результаты торговли и промышленности при имп. Николаѣ I (Спб. 1896, стр 41 слл.) оцѣниваетъ уже для 1855 г. стоимость производства въ 160 мил. руб. при 460000 рабочихъ, но его цифры всѣми изслѣдователями признаются слишкомъ высокими.

выполнить этотъ грандіозный проектъ, имъ на помощь пришелъ «случай» въ образѣ ликвидаціи старыхъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій. (1858 г.). Путемъ широкой рекламы были привлечены хранившіеся здѣсь частные вклады, вынужденные искать другого помѣщенія. Концессіонерамъ удалось размѣстить уже реализованную часть акціонернаго капитала «Главнаго общества» (7,5 мил. руб.) на 12—14% выше номинальной цѣны и инсценировать повышательную тенденцію на биржѣ. [1])

Желѣзныя дороги строились до конца семидесятыхъ годовъ почти исключительно изъ иностраннаго, безпошлинно ввозимаго матеріала, общая стоимость котораго оцѣнивается въ милліардъ рублей. [2]) Мы не знаемъ ни одной страны, гдѣ металлургическая промышленность такъ медленно поспѣвала бы за успѣхами желѣзнодорожнаго строительства, какъ въ Россіи. Правда, уже при постройкѣ первой русской желѣзной дороги (Петербургъ—Царское село), разрѣшенной въ 1836 г., на предпринимателей была возложена обязанность пользоваться по крайней мѣрѣ чугуномъ внутренняго производства, если цѣна его не превыситъ цѣну иностраннаго чугуна болѣе, чѣмъ на 15%. Но такъ какъ это условіе не осуществилось, то остался невыполненнымъ и соотвѣственный пунктъ концессіи. Когда въ 1842 г. была начата постройка Николаевской дороги, было повелѣно высочайшимъ указомъ министру финансовъ, чтобы для надобностей этой дороги употреблялся исключительно русскій матеріалъ. Вслѣдствіе этого были наскоро устроены въ Петербургѣ—а не въ мѣстѣ нахожденія желѣзной руды и топлива—предпріятія для фабрикаціи стальныхъ рельсъ и т. п. Въ силу даннаго казною заказа въ теченіе пяти лѣтъ 1843—1848 г. должно было быть доставлено 5 мил. пуд. рельсъ. Соотвѣтственное общество получило въ 3 года за свои безуспѣшныя попытки весьма значительную сумму отъ казны, не поставивъ ни одного пуда рельсъ. Николаевская дорога въ концѣ концовъ выписала свои рельсы изъ-за границы [1])

Въ послѣдующія десятилѣтія, по мѣрѣ расширенія желѣзнодорожной сѣти, правительству неоднократно приходилось дѣлать такіе же неудачные опыты, но, тѣмъ, не менѣе его энергія въ достиженіи разъ поставленной цѣли не ослабѣвала. Въ серединѣ шестидесятыхъ

---

[1]) *Мигулинъ*, т. I, стр. 266, прямо заявляетъ и повидимому не безъ основанія, что мѣры въ отношеніи кредитныхъ учрежденій были приняты главнымъ образомъ съ цѣлью доставить «Главному обществу» возможность воспользоваться вытѣсненными изъ кассъ сбереженіями. Если такая цѣль имѣлась въ виду, то она во всякомъ случаѣ была достигнута весьма успѣшно.

[2]) *Антиповъ*, матеріалы коммиссіи для просмотра опредѣленій о ввозѣ металловъ. Спб. 1876, стр. 29 слл.

[3]) Ср. *Брандтъ*, Иностранные капиталы и ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны (издано по порученію министерства финансовъ, Спб. 1899-1901, 3 тома). Томъ, трактующій о русской металлургической промышленности, переработанъ на нѣмецкомъ языкѣ *Davidson*'омъ въ Zeitschrift für das Berg-Hütten-und Salinenwesen Preussens, Band XLIX, H. I, S. 114—176.

годовъ производство желѣзныхъ издѣлій находилось въ слѣдующемъ положеніи. Рельсы изготовлялись въ Россіи лишь въ весьма незначительномъ количествѣ; для снабженія желѣзныхъ дорогъ подвижнымъ составомъ имѣлось семь предпріятій, но изъ нихъ только *одно* изготовляло локомотивы, а остальныя—только вагоны. Какъ и прежде, желѣзныя дороги получали свои матеріалы главнымъ образомъ изъ за границы. Даже для уральской желѣзной дороги, прорѣзывающей мѣстность съ огромными залежами магнитнаго желѣзняка, изъ за границы ввозились не только рельсы, но и разнаго рода мелкіе желѣзные матеріалы, болты, винты и т. д. [1])

Несообразность того положенія, при которомъ государство оказывалось вынужденнымъ ежегодно выплачивать за границу много милліоновъ за желѣзно дорожные матеріалы, въ то время какъ въ самой Россіи имѣлось на лицо и только ждали своего пробужденія всѣ основные элементы, необходимые для развитія соотвѣтственной отрасли индустріи, — побудило министра финансовъ Рейтерна выработать программу соотвѣтственныхъ мѣропріятій, изложенную имъ въ особой запискѣ императору въ 1866 г. Импортъ желѣзнодорожныхъ матеріаловъ изъ-за границы и на будущее время отнюдь не исключался, но должны были быть приняты всѣ мѣры къ подъему внутренней металлургической промышленности, въ особенности производства рельсъ.

Императоръ отнесся къ этому важному вопросу съ полнымъ вниманіемъ и лично присутствовалъ въ засѣданіи комитета министровъ 17 февраля 1866 г. при обсужденіи предположенныхъ мѣропріятій.[2]) Въ теченіе ближайшихъ десяти лѣтъ правительство съ рѣдкой настойчивостью прилагало всѣ усилія къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ отчасти ослабить зависимость русскихъ желѣзныхъ дорогъ отъ заграничнаго импорта. Существующимъ предпріятіямъ для производства рельсовъ давались крупные казенные заказы по высокимъ цѣнамъ и съ выдачею авансовъ и премій; новыя предпріятія концессіонировались на самыхъ благопріятныхъ условіяхъ; на югѣ былъ также построенъ казенный чугунолитейный заводъ, который, однако, съ самаго начала оказался неработоспособнымъ и очень скоро былъ пріостановленъ.[3]) Дѣло не подвигалось впередъ. Изъ многочисленныхъ частныхъ предпринимателей, съ спекулятивными

---

[1]) Весь спросъ русскихъ дорогъ на разнаго рода матеріалы былъ покрытъ за время съ 1836 до 1865 г. слѣдующимъ образомъ: изъ-за границы было ввезено 20,9 мил. пуд. рельсъ, 485 локомотивовъ, 1140 пассажирскихъ вагоновъ, 4788 товарныхъ вагоновъ, 4069 платформъ; внутренніе же заводы поставили 2,5 мил. пуд. рельсъ, 187 локомотивовъ, 96 пассажирскихъ вагоновъ, 2191 товарный вагонъ и 824 платформы. Болѣе или менѣе замѣтно развивалось такимъ образомъ въ Россіи только постройка товарныхъ вагоновъ. При этомъ заводы пользовались, по большей части, иностранными матеріалами. Данное въ 1861 г. машиноделательнымъ заводамъ разрѣшеніе безпошлинно ввозить чугунъ и желѣзо обусловливалось существующимъ положеніемъ дѣла,

[2]) Наша желѣзнодорожная политика и т. д. т. IV, стр. 225—296.

[3]) Ibid., стр. 232.

цѣлями основывавшихъ соотвѣтственныя предпріятія, только двое достигли болѣе или менѣе благопріятныхъ результатовъ. Даже многообѣщавшіе желѣзодѣлательные заводы, построенные въ 1869 г. Поляковымъ, энергичнымъ строителемъ Куроко-Харьковско-Азовской желѣзной дороги, находились въ весьма плачевномъ состояніи, пока извѣстный Югесъ (Юзъ) не превратилъ ихъ въ семидесятыхъ годахъ въ англійское общество. За этимъ англичаниномъ комитетъ министровъ и впослѣдствіи признавалъ высокія заслуги, какъ это видно изъ слѣдующихъ замѣчаній въ неоднократно уже упоминавшемся нами историческомъ трудѣ комитета:

«Заводы Юза были на югѣ Росіи первымъ предпріятіемъ для эксплоатаціи угольныхъ залежей и переработки металловъ, которому удалось сразу стать на твердую почву.... Правительству никогда не приходилось раскаиваться въ предоставленныхъ ему исключительныхъ привилегіяхъ. Юзъ вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе, и ему одномупринадлежитъ честь, основанія на югѣ Россіи перваго чугуннаго завода съ минеральнымъ топливомъ и введенія здѣсь производства рельсовъ. Его не устрашили значительныя и нерѣдко неожиданныя препятствія, которыя возникали на его пути; онъ долженъ былъ, напримѣръ, провозить всѣ матеріалы и орудія изъ Англіи черезъ портъ Таганрогъ и затѣмъ на 100 верстъ далѣе по совершенно лишенной дорогъ мѣстности, долженъ былъ, кромѣ выписанныхъ изъ Англіи мастеровъ, привлекать русскихъ рабочихъ и устроить въ безлюдной степи необходимыя для нихъ помѣщенія... Но Юзъ превозмогъ всѣ трудности. Такимъ образомъ былъ сдѣланъ первый шагъ къ тому, чтобы изготовлять на югѣ рельсы исключительно изъ отечесгвеннаго матеріала.»

Всѣ усилія создать внутреннее производство рельсовъ имѣли, однако, вплоть до середины семидесятыхъ годовъ только весьма умѣренный успѣхъ (Югесъ только около этого времени началъ поставлять рельсы), такъ что русскій спросъ на рельсы и теперь на $^6/_7$ покрывался импортомъ изъ-за границы. Притомъ имѣвшіяся въ наличности предпріятія ограничивались почти исключительно переработкою рельсъ, изъятыхъ изъ употребленія за негодностью.

Хотя, такимъ образомъ, правительство не оставляло заботъ о поощреніи національной предпріимчивости и усиленно покровительствовало металлургической индустріи, но результаты этого поощренія проявились лишь долгое время спустя. Значительныя услуги оказалъ въ этомъ отношеніи *иностранный капиталъ*. Всѣ отрасли горной промышленности, машинная промышленность интенсивная эксплоатація нефтеносныхъ земель, даже издавна акклиматизировавшаяся въ Россіи текстильная промышленность обязаны своимъ развитіемъ иностранному капитализму, не говоря уже объ интеллектуальныхъ качествахъ его носителей [1]).

---

[1]) Въ одномъ изданномъ русскимъ министерствомъ финансовъ трудѣ мы читаемъ: «Историческія данныя показываютъ, сколько усилій употребило правительство въ теченіе семидесяти лѣтъ, чтобы насадить на югѣ Россіи чугунное производство. Всѣ эти усилія не увѣнчались успѣхомъ. Правительство охотно отказалось бы отъ этой неблагодарной задачи, еслибы впродолженіе 70 лѣтъ за дѣло взялись частныя лица. Еслибы не вмѣшались иностранцы съ ихъ капиталами и предпріимчивостью, не останавливаясь даже передъ рискомъ, югъ Россіи быть можетъ и теперь еще былъ бы погруженъ въ спячку.» (*Брандтъ*, II, стр. 349).

Нѣкоторые русскіе націоналистическіе круги, какъ извѣстно, не хотятъ мириться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что духовный и матеріальный капиталъ западно-европейскихъ предпринимателей, техниковъ и капиталистовъ былъ рѣшающимъ факторомъ въ быстромъ ростѣ русской крупной промышленности, хотя этотъ фактъ самъ по себѣ не представляетъ ничего унизительнаго для русскаго національнаго чувства и при томъ не можетъ быть аннулированъ простымъ отрицаніемъ. Безъ сомнѣнія, и высоко взвинченныя покровительственныя пошлины имѣли величайшее значеніе для развитія современной фабричной индустріи, но для того, чтобы промышленныя растенія могли вполнѣ разцвѣтать, необходимъ, кромѣ тепла въ оранжереѣ, опытный и искусный садоводъ. Что русское правительство очень хорошо умѣло цѣнить это,—показываютъ тѣ уже упомянутыя нами выше выраженія признательности, которыя юбилейное изданіе комитета министровъ высказываетъ англичанину Югесу, какъ «основателю южнорусской горной промышленности. Но приведенный здѣсь единичный случай лишь въ недостаточной мѣрѣ иллюстрируетъ фрактъ во всемъ его объемѣ.

Когда вновь стало обнаруживаться исходившее изъ Москвы недовольство вторженіемъ иностраннаго капитала въ народно-хозяйственный организмъ Россіи, министерство финансовъ предприняло разслѣдованіе о вліяніи этого иностраннаго капитала на экономическое состояніе страны. Результаты разслѣдованія опубликованы въ четырехъ частяхъ [1]). И нигдѣ мы не находимъ болѣе горячаго панегирика иностранному капиталу, какъ въ этомъ трудѣ. Только здѣсь проявилось съ очевидностью, какимъ могущественнымъ рычагомъ въ дѣлѣ индустріальнаго развитія Россіи послужилъ этотъ—столь часто поносимый—«западно-европейскій капитализмъ». «Безъ него югъ Россіи, быть можетъ, и теперь еще былъ бы погруженъ въ спячку». Къ этому вопросу мы еще вернемся ниже.

Въ 1899 г. на югѣ имѣлось 17 крупныхъ чугунныхъ заводовъ съ 29 уже работавшими и 12 еще строившимися доменными печами. Русскихъ заводовъ было въ томъ числѣ только три или четыре.

По вычисленію Бранта 45 иностранныхъ маталлургическихъ предпріятій и шахтъ на югѣ Россіи принесли въ страну не менѣе 300 мил. руб., которые по большей части тамъ же и остались, такъ какъ они пошли на пріобрѣтеніе земель и на постройки. Притомъ, иностранный капиталъ постоянно возрастаетъ, такъ какъ южнорусская промышленность, несмотря на застой послѣднихъ лѣтъ, въ отдѣльныхъ своихъ развѣтвленіяхъ прогрессируетъ. Въ индустріальномъ пробужденіи Россіи участвовали, главнымъ образомъ, бельгійцы, французы и англичане, текстильная же промышленность обязана своимъ расцвѣтомъ преимущественно нѣмцамъ. Это относится прежде всего къ *Польшѣ*. [2])

---

1) *Брандтъ*, Иностранные капиталы (см. прим. стр. 222)...

2) *Янжулъ*, Историческій очеркъ промышленнаго развитія въ Польшѣ, Москва 1887; Dr. Rosa *Luxemburg*, Die industrielle Enwickelung Polens (Leipsig 1889, стр. 3 слл.). *Брандтъ*, Иностранные капиталы и т. д., въ частности ч. 3: Мануфактурная промышленность въ Царствѣ Польскомъ.

Въ двадцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія начали осѣдать въ Польшѣ иммигранты, привлекаемые сюда предоставлявшимся имъ весьма важными привилегіями. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Польшу переселилось до 100.000 нѣмецкихъ семей, которыя въ теченіе двухъ десятилѣтіи превратили рядъ совершенно глухихъ мѣстностей въ цвѣтущіе промышленные центры, и частью основали также новыя поселенія. «Первоначально, когда паровая машина еще не была въ употребленіи и производство еще носило характеръ старой мануфактуры, капиталъ не игралъ никакой выдающейся роли, рѣшающее значеніе имѣли тогда выдержка, предпріимчивость и техническое умѣнье.» [1])

Недостававшій піонерамъ капиталъ возмѣщался кредитомъ, который имъ давали на умѣренныхъ условіяхъ изъ ихъ старой родины. Достигнутые такимъ образомъ чрезвычайные успѣхи привлекли сюда вскорѣ и крупныхъ капиталистовъ. Отправленная въ Польшу въ 1886 г. правительственная комиссія для ознакомленія съ этими, можно сказать, феноменальными экономическами явленіями, сообщала между прочимъ: »Эти иностранцы, вооруженные крупными капиталами и даже устраивающіе иногда для эксплоатаціи новыхъ предпріятій акціонерныя общества, успѣваютъ въ немного мѣсяцевъ пустить въ ходъ цѣлыя промышленныя организаціи, для устройства и постепеннаго развитія которыхъ внутри имперіи потребовались бы годы.» Очень скоро иностранные выходцы проникли и за предѣлы Польши въ самую Россію. Когда въ суконномъ производствѣ наступила послѣ расцвѣта 1823-1829 г. реакція вслѣдствіе польскаго возстанія, многіе предприниматели переселились уже въ собственно русскія области съ обученнымъ кадромъ мастеровъ и рабочихъ; производство суконъ въ Бѣлостокѣ и другихъ мѣстахъ сѣверо—западной окраинъ возникло тогда какъ отпрыскъ польской индустріи. Но вліяніе иностранныхъ поселеній въ Польшѣ проникло и въ старые центры національной русской мануфактуры,въ Москву и далѣе, гдѣ подъ вліяніемъ этого фактора традиціонные отсталые методы производства постепенно уступили мѣсто заимствованымъ изъ Западной Европы техническимъ усовершенствованіямъ и нововоденіямъ.

Для иллюстраціи расцвѣта крупной индустріи въ Царствѣ Польскомъ, вызваннаго иностранной предпріимчивостью, мы приведемъ только нѣсколько цифръ; болѣе детальное статистическое выясненіе явленія не возможно уже въ силу неудовлетворительности промышленной стастистики Россіи. Достаточно указать, въ теченіе 25 лѣтъ промышленное развитіе сдѣлало совершенно исключительные успѣхи, выразившіеся въ 1897 г. въ слѣдующихъ цифрахъ:

	вся Россія	Польша
число фабрикъ	39.029	4.221
стоимость производства въ мил. рублей	2.839	425
количество рабочихъ	2098202	247041.

[1]) *Брандтъ*, ч. 3 стр. 1 — 33.

Такимъ образомъ стоимость производства въ Польшѣ составила въ отчетномъ году почти $^1/_7$ общей суммы, число рабочихъ около $^1/_8$ и количество фабрикъ также приблизительно $^1/_8$ общей суммы. Если сравнить цифры польской промышленности съ цифрами не всей имперіи, а обоихъ важнѣйшихъ русскихъ промышленныхъ раіоновъ, то по стоимости производства Польша занимаетъ третье мѣсто (Московскій раіонъ 782, Петербурскій 436, Польша 425 мил. руб.). То же мѣсто Польша занимаетъ, если разложить стоимость производства на каждую душу населенія, между тѣмъ какъ по интенсивности, если принять во вниманіе территоріальные размѣры ея раіона, польская промышленность занимаетъ первое мѣсто. Все возрастающее значеніе польской индустріи проявляется особенно ярко въ сферѣ спеціально текстильной промышленности. 28% всего производства сосредоточено здѣсь на польскихъ фабрикахъ, и прогрессируетъ эта индустрія въ польшѣ быстрѣе, чѣмъ въ остальной Россіи.

Ростъ «иностранной» польской промышленности издавна вызывалъ завистливое отношеніе со стороны «національныхъ» предпринимателей внутренней Россіи. Ожесточенная борьба за первенство между Москвою и Лодзью длится по настоящій день. Компетентный авторъ замѣчаетъ по этому поводу слѣдущее: «Истиннымъ мотивомъ этой борьбы была энергичная конкурренція Польши, которая съ ея постоянными нововведеніями и техническими усовершенствованіями, съ ея организацiей сбыта на широкихъ началахъ и дешевыми цѣнами своихъ продуктовъ не давала покоя фабрикантамъ московская раіона. Но именно въ этой конкурренціи, которая должна была повести къ удешевленію товаровъ и уменьшенію предпринимательской прибыли, и состоитъ главная заслуга польской промышленности. Если русская текстильная индустрія достигла такого высокаго развитія, если она не уступаетъ ни одному изъ европейскихъ государствъ въ изготовленіи дешевыхъ мануфактурныхъ товаровъ для массоваго потребленія, то она въ высокой степени обязана этимъ конкуренціи польскихъ промышленныхъ областей, причемъ эти послѣднія не ограничиваются жалобами, а стараются удешевить свое производство путемъ техническихъ улучшеній и отказываясь отъ крупныхъ прибылей».

Такъ сурово осудить способъ дѣйствій великорусскихъ промышленниковъ авторъ оффиціальнаго изданія считаетъ себя тѣмъ болѣе въ правѣ, что на его взглядъ условія производства складываются въ Польшѣ отнюдь не болѣе благопріятно, чѣмъ во внутренней Россіи. Топливо обходится московскимъ фабрикантамъ дороже, но и эта сравнительная невыгода отпала съ того времени, какъ стали употреблять на топливо нефтяные остатки. Притомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что расходъ на топливо составляетъ только 3% издержекъ текстильнаго производства. Съ другой стороны, Москва имѣетъ преимущество передъ Лодзью въ отношеніи сырья и рабочей платы, составляющихъ 70 и $14^1/_2$% стоимости производства. То, что Лодзь быть можетъ, выигрываетъ, получая хлопокъ и сырую

шерсть изъ за границы, болѣе чѣмъ компенсируется тѣмъ, что Москва перерабатываетъ болѣе дешевое внутреннее сырье. Сверхъ того Москва платитъ значительно болѣе низкую рабочую плату, чѣмъ Лодзь, гдѣ трудовой факторъ качественно долженъ цѣнимъ выше, чѣмъ въ остальной имперіи.

Необходимо имѣть въ виду еще слѣдующее обстоятельство. Первоначально Москва имѣла огромное преимущество въ отношеніи сбыта: она издавна поддерживала торговыя сношенія съ Востокомъ, къ которому она и теперь пространственно ближе, чѣмъ производители западной окраины. Но рынки требуютъ заботливаго къ себѣ отношенія, каковаго и недоставало Москвѣ. Совершенно иначе отнеслись къ этому нѣмецко-польскіе промышленники, которые удѣляютъ особое вниманіе организаціи сбыта. Ихъ агенты и коммивояжеры проникали въ отдаленнѣйшіе уголки имперіи, изъѣздили Среднюю Азію, Турцію и Балканскія государства, попадали даже въ Испанію и Африку; они появляются на ярмаркахъ Нижняго Новгорода и Ирбита, какъ въ торговыхъ центрахъ Персіи и Малой Азіи, и имъ естественно сопутствуетъ коммерческій успѣхъ.

Вернемся къ нашей темѣ: *какіе моменты вызвали индустріальный прогрессъ* въ періодъ отъ отмѣны крѣпостного права до турецкой войны (1861—1877 г.)? Послѣ всего сказаннаго, мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ вкратцѣ: *покровительство западноевропейскому капитализму со стороны правительства.* Раскрѣпощенія до тѣхъ поръ связанныхъ рабочихъ и капиталистическихъ силъ было недостаточно, чтобы произвести переворотъ, а желѣзныя дороги хотя и оказали весьма цѣнную помощь въ дѣлѣ оживленія національной промышленности, но все же, несмотря на настойчивыя усилія государственной власти, не могли возрастить южно-русскую желѣзодѣлательную индустрію, пока иностранный капиталъ не счелъ для себя выгоднымъ взять въ свои руки желѣзную и каменноугольную промышленность южной Россіи. Но это въ широкихъ размѣрахъ произошло лишь въ восьмидесятыхъ годахъ, когда *таможенная политика* съ особымъ усердіемъ стала покровительствовать чугунному производству.

Таможенная политика Россіи, какъ мы уже видѣли выше,[1]) придерживалась въ періодъ времени 1850—1877г. умѣреннаго направленія. Въ числѣ причинъ, вызвавшихъ это «фритредерское» теченіе, не послѣднее мѣсто занимало то соображеніе, что облегченный импортъ сырья и полуфабрикатовъ при одновременномъ высокомъ обложеніи готовыхъ издѣлій должно побудить въ предпринимателяхъ стремленіе использовать разницу въ обложеніи, т. е. изготовлять въ Россіи индустріальные продукты изъ иностраннаго матеріала. Разсчетъ оказался правильнымъ, хотя это парализовало предпріимчивость русскаго капитала въ дѣлѣ эксплоатаціи естественныхъ богатствъ страны. Покровительство, которое оказывалось

---

[1]) См. гл. 27.

въ шестидесятыхъ годахъ заводамъ, перерабатывавшимъ иностранный чугунъ, вызвало значительное расширеніе этихъ предпріятій; число ихъ возросло за время отъ 1867 до 1870г. съ 65 до 164. Притомъ эти предпріятія естественно сосредоточились главнымъ образомъ въ пограничныхъ областяхъ. Привислинская область обязана расцвѣтомъ своей желѣзной индустріи указанному направленію промышленной политики и близости своей къ западной сухопутной границѣ.

Выплавки чугуна и изготовленіе желѣзныхъ фабрикатовъ изъ отечественнаго матеріала развилось, при указанныхъ обстоятельствахъ, въ польскомъ раіонѣ лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ, такъ что Польша первоначально не была въ состояніи использовать свои собственные запасы желѣзной руды и угля, но зато такъ наз. перерабатывающая промышленность развила широкую дѣятельность. На этой окраинѣ совершался процессъ *индустріализаціи*, вліяніе котораго вышло далеко за предѣлы привислинскихъ провинцій и отдѣльныхъ отраслей промышленности.

Еще одинъ моментъ оказался благопріятнымъ для расцвѣта питавшейся иностраннымъ капиталомъ польской индустріи. Въ 1851 г. отмѣнена *внутренняя таможенная граница между Россіей и Польшей*, и общій русскій таможенный тарифъ сталъ примѣняться къ иностранному импорту и черезъ польскую границу, но съ пониженными ставками, чтобы сдѣлать для Польши менѣе чувствительнымъ переходъ къ обще русскому таможенному тарифу. [1]) Эта отмѣна внутренней границы открыла польскимъ продуктамъ безпрепятственный доступъ на рынки внутренней Россіи и далѣе вплоть до самыхъ крайнихъ восточныхъ границъ имперіи и рынковъ сосѣднихъ азіятскихъ государствъ. [2]) Польско-нѣмецкіе представители желѣзной и текстильной индустріи не замедлили, къ крайнему недовольству ихъ московскихъ конкурентовъ, во всѣхъ отношеніяхъ использовать благопріятно сложившіяся для нихъ обстоятельства.

Представители московскаго раіона не переставали обращаться то съ ходатайствами, то съ настойчивыми требованіями о защитѣ «отечественной» промышленности противъ этого вторженія «паразитарной» индустріи окраинъ въ ихъ старыя области сбыта; *правительство* считалось съ этими жалобами только въ томъ смыслѣ, что назначало одну комиссію за другою для изслѣдованія условій производства и конкуренціи Москвы и Польши. Если сопоставить заключенія разныхъ комиссій, то трудно придти къ какому либо опредѣному выводу относительно того, которая изъ сторонъ должна быть признана правой. Одно только можно вывести изъ этихъ противорѣчивыхъ данныхъ, что въ Польшѣ промышленность замѣтно прогрессируетъ, въ то время какъ центрально русскій промышленный раіонъ съ трудомъ приспособляется къ новымъ условіямъ. Прави-

---

[1]) Ср. выше, стр. 43 и сл.

[2]) *Luxemburg*, стр. 5 сл. О конкуренціи между Москвою и Лодзью: *Schulze-gävernitz*, стр. 120 сл., и *Luxemburg*, стр. 36—41.

тельство и не могло тормозить процессъ развитія, непосредственно вызванный тогдашней политикой покровительства индустріи.

Представляется на первый взглядъ парадоксальнымъ, но несомнѣнно вытекаетъ изъ приведенныхъ выше фактовъ слѣдующее положеніе: въ нѣкоторой степени «фритредерское» направленіе таможенной политики въ періодъ 1855—1877 г. подготовило индустріализацію, характеризующую восьмидесятые годы. Безъ иностранцевъ еще нельзя было обойтись, такъ какъ иностранный матеріалъ являлся опорнымъ пунктомъ для роста русской промышленности; элементы индустріальнаго производства внутри государства, трудъ и капиталъ, хотя и были мобилизованы, но еще ждали того момента, когда русскіе предприниматели сумѣютъ привлекать ихъ къ болѣе широкой дѣятельности въ сферѣ національной индустріи. Путь шелъ здѣсь черезъ «свободную торговлю» къ покровительственной пошлинѣ.

2.

Индустріальная система 1877—1797 гг.

ГЛАВА XLV.

Общая характеристика промышленнаго расцвѣта въ восьмидесятыхъ годахъ. — Покровительственная политика, желѣзнодорожное строительство, горная промышленность.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ Россія пережила рядъ событій высокой важности. Послѣдніе годы царствованія императора Александра II характеризуются весьма напряженнымъ политическимъ и соціальнымъ броженіемъ, а въ хозяйственной жизни борются за преобладаніе многообразные, вновь выступающіе на историческую сцену элементы. Извѣстно, какъ быстро разсѣялись мечтанія о коренной внутренне-политической реорганизаціи государства послѣ потрясающей смерти императора. Но этотъ поворотъ отъ высоко заносящихся надеждъ къ суровой дѣйствительности едва коснулся общаго экономическаго положенія страны. Принципы суроваго абсолютизма, вновь получившіе преобладаніе послѣ вступленія на престолъ императора Александра III (1 марта 1881 г.), не создали серьезныхъ препятствій для концентраціи внутреннихъ *экономическихъ* силъ. Напротивъ того, — они послужили скорѣе къ болѣе интенсивному развитію производительныхъ силъ; правительство весьма энергично возрождало политику сильной власти, и это содѣйствовало тому, что вмѣсто праздныхъ политическихъ мечтаній и несбыточныхъ проектовъ соціальныхъ реформъ отрезвившееся общество могло обратиться къ разрѣшенію болѣе реальныхъ и обѣщавшихъ лучшій успѣхъ хозяйственныхъ проблемъ.

Еще важнѣе, чѣмъ установленіе прочнаго внутренняго порядка,

было окрѣпшее довѣріе хозяйственно-политическихъ факторовъ къ тому, что теперь имъ обезпеченъ продолжительный періодъ мирнаго труда. Въ дѣловомъ мірѣ окончаніе несчастной русско-турецкой войны въ 1878 г. вызвало чрезвычайное повышеніе бумагъ, оптимистически-смѣлыя надежды на будущее, и это повышенное настроеніе проявляется еще и въ ближайшіе годы [1]). Хотя съ тяжелыми финансовыми послѣдствіями войны сумѣли пока справиться лишь въ самой незначительной мѣрѣ, и колоссальные дефициты, несмотря на всѣ старанія, не исчезали изъ бюджетовъ, по крайней мѣрѣ до 1887 г.,—но все же въ обществѣ было распространено убѣжденіе, что въ народѣ скопленъ значительный запасъ свободныхъ капиталовъ. Россію считали богатой и стремились съ пользою эксплоатировать это богатство. Выпущенные во время войны въ огромномъ количествѣ кредитные билеты поддерживали въ сферѣ денежнаго обращенія эту иллюзію полной сытости,—упускали только изъ виду, что бумажные суррогаты представляютъ для хозяйственнаго организма націи весьма неудобоваримую и малопитательную пищу. Но и независимо отъ этого торговлѣ и обороту необходимо было собраться съ силами, чтобы вознаградить себя за предшествовавшій періодъ невольнаго затишья. Словомъ, съ чисто-внѣшней стороны экономическое положеніе представлялось обезпеченнымъ и богатымъ видами на будущее; естественно, и иностранные капиталисты не замедлили вновь направить свои капиталы въ Россію въ поискахъ выгоднаго ихъ помѣщенія. Въ самой Россіи также обнаружился болѣе усиленный, чѣмъ прежде, притокъ капиталовъ въ индустріальныя предпріятія.

Указанные, благопріятные для развитія промышленности, моменты въ концѣ концовъ могли, однако, только придать экономической дѣятельности преходящую временную окраску. Дефекты народнаго хозяйства за время до 1877 г., уже подробно указанные нами въ своемъ мѣстѣ, не были, конечно, устранены чрезвычайнымъ напряженіемъ силъ во время войны. Импульсивныя явленія дѣлового оживленія столь же мало могли существенно измѣнить общій строй народнаго хозяйства. Для достиженія дѣйствительно прочнаго успѣха нужны были другіе элементы; какіе именно и какимъ образомъ они вызвали индустріальный прогрессъ,—мы постараемся выяснить ниже.

Ни въ одной странѣ характеръ экономическихъ отношеній не зависитъ въ такой мѣрѣ отъ вліянія отдѣльныхъ лицъ, какъ въ Россіи. Въ особенности министръ финансовъ является въ каждый данный моментъ spiritus rector экономической политики правительства далеко за предѣлами тѣхъ функцій, которыя естественно приличествуютъ его компетенціи. Если онъ только обладаетъ соотвѣтственными его высокому званію познаніями и способностями, его субъективныя воззрѣнія въ такой значительной степени опредѣляютъ политику государства въ сферѣ экономической жизни,

[1]) О промышленномъ расцвѣтѣ непосредственно послѣ войны ср. гл. 50. стр. 262 и 263.

что господствующая здѣсь «система» по справедливости опредѣляется собственнымъ именемъ соотвѣтственнаго министра. Такъ, напр., выраженіе «система Вышнеградскаго» или «система Витте» обозначаетъ нѣчто гораздо большее, чѣмъ индивидуальныя особенности руководящаго государственнаго дѣятеля,—и такую роль министръ финансовъ издавна игралъ въ экономической жизни Россіи. «Система» знаменуетъ собою цѣлое направленіе, которое представляется настолько единымъ и замкнутымъ, насколько этого вообще можно ожидать отъ замкнутой въ себѣ личности съ сильной волей. Даже тамъ, гдѣ мы хотѣли бы дать болѣе широкую картину дѣйственныхъ элементовъ экономическаго развитія, мы вынуждены, по указанной причинѣ, удѣлить особое вниманіе личности министровъ.

Восьмидесятые годы были временемъ министровъ финансовъ *Бунге* (1881—1887 г.) и *Вышнеградскаго* (1887—1893 г.) [1]. Какъ ни различна была министерская дѣятельность обоихъ этихъ государственныхъ людей, но каждый изъ нихъ по-своему содѣйствовалъ индустріальному расцвѣту послѣдующей эпохи; оба они должны быть разсматриваемы, какъ непосредственные созидатели индустріальной эры девяностыхъ годовъ. Бунге, какъ и Вышнеградскій, усердно стремились по мѣрѣ силъ и разумѣнія цѣлесообразно организовать экономическое устроеніе государства. Оба вѣрили, что для этой цѣли необходимо особенно покровительствовать индустріи. Но средства, которыя употребляли тотъ и другой для достиженія этой цѣли, исходили изъ различныхъ экономическихъ максимъ. Оба направленія въ дѣлѣ покровительства матеріальному благосостоянію можно вкратцѣ иллюстрировать такъ: Бунге стремился прежде всего заложить болѣе прочный фундаментъ, а первой цѣлью Вышнеградскаго была болѣе богатая орнаментировка зданія. Бунге, нерѣдко сопутствуемый весьма неодобрительными толкованіями современныхъ критиковъ, настойчиво клалъ камень за камнемъ, чтобы создать прочную основу для государственнаго хозяйства, Вышнеградскій же, напротивъ того, стремился главнымъ образомъ къ импонирующему архитектоническому построенію цѣлаго, не заботясь о долговѣчности матеріальныхъ устоевъ зданія. Бунге въ своей финансовой политикѣ старался развить производительныя силы низшихъ классовъ населенія, отъ усиленія которыхъ онъ ожидалъ постепеннаго установленія равновѣсія въ бюджетѣ и возстановленія металлической валюты; Вышнеградскій полагалъ возможнымъ достигнуть въ этомъ отношеніи цѣли при помощи административныхъ мѣропріятій. Для него дѣло шло при этомъ «не столько объ экономической проблемѣ, сколько о задачѣ финансовой техники, для быстраго разрѣшенія которой онъ готовъ былъ принести какую угодно народно-хозяйственную жертву». [2]) Результаты первоначально оправдывали расчеты Вышнеградскаго, но за этимъ

---

[1]) Ср. разд. VI, гл. 31 сл.

[2]) *Шванебахъ*, Денежная реформа и народное хозяйство, стр. 15.

послѣдовали годы суровой нужды. Бунге думалъ главнымъ образомъ о посѣвѣ, для Вышнеградскаго на первомъ планѣ была жатва.

Собственно покровительство промышленности стояло на второмъ планѣ какъ для Бунге, такъ и для Вышнеградскаго. Въ восьмидесятыхъ годахъ, несмотря на нѣкоторое улучшеніе экономическаго положенія, вопросъ о финансовыхъ нуждахъ государства настолько преобладалъ, что не могло быть мѣста широко задуманной программѣ мѣръ поощренія индустріи. Но эти стоявшіе на первомъ планѣ фискальные интересы были тѣсно связаны съ мѣропріятіями, направленными на созданіе національной промышленности, каковы, напримѣръ, покровительственныя пошлины, привлеченіе иностранныхъ капиталовъ, расширеніе рельсовой сѣти и мн. др.; и уже по одному этому министръ финансовъ — каковы бы ни были вообще его воззрѣнія — не могъ не интересоваться развитіемъ индустріи. И въ дѣйствительности промышленность нашла весьма ревностныхъ покровителей въ лицѣ обоихъ министровъ восьмидесятыхъ годовъ. Ихъ поддержка не менѣе, чѣмъ благопріятныя естественныя условія, содѣйствовала тому, что въ серединѣ разсматриваемаго десятилѣтія индустрія вступила на путь развитія, по которому она съ постояннымъ успѣхомъ почти непрерывно шла впередъ вплоть до 1897 года.

Коренными устоями, на которыхъ покоился промышленный расцвѣтъ начала восьмидесятыхъ годовъ, были *покровительственная политика и желѣзнодорожное строительство*, а самымъ яркимъ проявленіемъ новаго индустріальнаго періода — колоссальный *ростъ южнорусской горной промышленности*. Эти три руководящихъ момента тѣсно связаны другъ съ другомъ. Центромъ тяжести таможеннаго покровительства являлись, главнымъ образомъ, пошлины на желѣзо, при помощи которыхъ русское производство чугуна должно было, наконецъ, быть доведено до такого уровня, чтобы оно могло покрывать потребности желѣзныхъ дорогъ. Самое расширеніе желѣзнодорожной сѣти отчасти имѣло также цѣлью не оставлять безъ заказовъ желѣзодѣлательныя предпріятія. [1])

По мнѣнію крайнихъ русскихъ протекціонистовъ, таможенная политика Россіи въ періодѣ 1850—1877 г. уклонилась отъ правильнаго пути, значительно умѣривъ прежнія, нерѣдко, почти запретительныя, тарифныя ставки. А 1876 годъ, въ которомъ министръ финансовъ Рейтернъ, въ виду предстоящей войны съ Турціей, установилъ взиманіе пошлинъ золотомъ, является въ глазахъ финансовыхъ историковъ той же школы моментомъ пробужденія правительства въ сообразной съ его долгомъ защитѣ интересовъ страны. [2])

---

[1]) Министръ финансовъ Бунге, мотивируя новую строительную программу на 1882 годъ, прямо указывалъ, что необходимо считаться съ положеніемъ металлургической промышленности. Эта послѣдняя—такъ изложено мнѣніе Бунге въ оффиціальныхъ источникахъ—въ семидесятыхъ годахъ всячески поощрялась правительствомъ, но съ 1877 г., съ прекращеніемъ казенныхъ заказовъ по случаю войны, испытываетъ значительныя затрудненія. Необходимо ежегодно строить по крайней мѣрѣ 1000—1200 верстъ.

[2]) О торговой политикѣ въ періодѣ 1850—1877 г. с. гл. 27 и 29, о побудительныхъ мотивахъ къ установленію золотой пошлины 1877 года ср. стр. 121 и сл.

Профессоръ Менделѣевъ, напримѣръ, жалуется, что за время съ 1850 до 1877 года таможенный тарифъ давалъ защиту отечественному производству лишь постольку, поскольку,— какъ это имѣло мѣсто при нѣкоторыхъ мануфактурныхъ товарахъ—уже до того была дастигнута нѣкоторая, болѣе или менѣе значительная, ступень развитія. Но совершенно непонятнымъ образомъ допускали безпошлинный импортъ даже такихъ сырыхъ продуктовъ, которые Россія могла съ избыткомъ добывать изъ собственныхъ нѣдръ. Только эта близорукость виною въ томъ, что фабрики на окраинахъ, такъ наз. перерабатывающія предпріятія, такъ пышно расцвѣли. Менделѣевъ высчитываетъ, что даже ограниченное допущеніе безпошлиннаго импорта чугуна за время съ 1868 до 1880 г. (ср. гл. 28) стоило странѣ свыше милліарда рублей. За эти уплаченныя загранинцѣ милліарды Россіи приходится ежегодно платить до 50 мил. руб. процентовъ,— сумма, израсходованіе которой на покровительство отечественной горной промышленности могло бы дать огромные результаты.[1])

Намъ нѣтъ надобности доказывать ошибочность сужденій знаменитаго русскаго ученаго послѣ того, что уже упомянуто нами выше объ основныхъ причинахъ установленія болѣе умѣренной таможенной политики (гл. 27), о безплодности усилій правительства создать металлургическую промышленность вплоть до восьмидесятыхъ годовъ (гл. 44) и о важности «фритредерской» эпохи для созданія обширной желѣзнодорожной сѣти. За этимъ періодомъ должна быть признана неоспоримая заслуга, что именно въ это время три основныхъ фактора производства—трудъ, капиталъ и матеріалъ для обработки—были объединены въ сферѣ зародившейся національной индустріи и въ нѣкоторой мѣрѣ подготовленъ сбытъ для самостоятельной металлургической промышленности южной Россіи.

Еслибы, впрочемъ, расцвѣтъ русской горной промышленности зависѣлъ единственно отъ государственнаго покровительства, то она должна была бы развиться уже за три десятилѣтія ранѣе. Но въ то время промышленность не достигла еще той зрѣлости, которая *теперь* гарантировала успѣхъ національной покровительственной политики. Безъ чрезвычайныхъ мѣръ поощренія со стороны государства дѣло не шло даже и теперь и въ интересахъ отечественной индустріи пришлось развить весьма широкую систему привилегій, субсидій, премій и т. д.

Такъ, много усилій и денегъ стоило насадить въ Россіи *производство стальныхъ рельсовъ*, которые употреблялись повсюду въ другихъ государствахъ. Въ 1876 г. было предписано, чтобы дороги пріобрѣтали, по крайней мѣрѣ, половину необходимыхъ имъ рельсовъ внутри государства, а другая половина, которую можно было вводить изъ заграницы, подлежала оплатѣ пошлиною въ общемъ порядкѣ. Всѣ необходимые матеріалы должны были впредь употребляться исключительно русскаго производства. Чтобы соотвѣтственно

[1]) *Менделѣевъ*, Толковый таможенный тарифъ, спб. (1891), т. I, стр. 83.

увеличить также производительность русскихъ заводовъ, послѣднимъ были обѣщаны многообразныя льготы. Заводамъ для производства стальныхъ рельсовъ были предоставлены на 12 лѣтній срокъ производственныя преміи: сперва 35, затѣмъ 30, 25 и 20 коп. за каждый пудъ стальныхъ рельсовъ. Далѣе, казна, чтобы обезпечить работу покровительствуемымъ заводамъ, давала значительные заказы на стальные рельсы, при чемъ обязанность постепенно пріобрѣтать эти рельсы была возложена на частныя желѣзнодорожныя кампаніи. Хотя полученіе премій было связано съ условіемъ, чтобы стальные рельсы изготовлялись изъ *русскаго* матеріала, но первоначально право на преміи было предоставлено и тѣмъ предпріятіямъ, которыя перерабатывали старые желѣзные рельсы иностраннаго происхожденія. Это вызвало новыя осложненія,—заводы для переработки рельсовъ пользовались дѣйствовавшими еще опредѣленіями о безпошлинномъ импортѣ чугуна и стального лома для индустріальныхъ цѣлей и базировали свои предпріятія исключительно на иностранномъ желѣзѣ, при чемъ они пользовались самой широкой поддержкой со стороны желѣзныхъ дорогъ. Самостоятельныя рельсопрокатныя предпріятія не могли выдержать этой конкурренціи, такъ какъ ихъ издержки производства были значительно выше.

Такая неудача промышленной политики, связанной съ огромными жертвами со стороны государства, вызвала даже въ нѣкоторыхъ оффиціальныхъ русскихъ кругахъ недовольство и пессимистическое настроеніе. Въ теченіе неполныхъ семи лѣтъ — со времени возникновенія производства стальныхъ рельсовъ до средины 1884 г.,— государство выплатило въ видѣ премій 14 мил. руб. По этому поводу одно оффиціальное изданіе замѣчаетъ:

> «Если принять во вниманіе, что рельсы изъ отечественнаго матеріала не составили даже одной четвертой части, рельсы же изъ иностраннаго матеріала составили три четверти всего количества изготовленныхъ въ Россіи рельсовъ, что, далѣе, въ видѣ премій было выплачено свыше 14 мил. руб.,—то нельзя не признать, что производство стальныхъ рельсовъ въ Россіи въ теченіе семи лѣтъ крайне мало содѣйствовало уничтоженію нашей зависимости въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ отъ внѣшнихъ рынковъ, и что семилѣтніе опыты къ внѣдренію въ Россіи производства стальныхъ рельсовъ были очень дороги» [1]).

Но неудачи отнюдь не сломили энергіи правительства. Противъ пассивнаго сопротивленія частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, объединившихся въ синдикатъ, и рельсовыхъ предпріятій, работавшихъ съ иностраннымъ чугуномъ, были поспѣшно приняты соотвѣтственныя мѣры: безпошлинный импортъ для индустріальныхъ цѣлей былъ отмѣненъ, и право на полученіе премій урегулировано такимъ образомъ, что заводы перерабатывающіе могли ими пользоваться лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Но самымъ рѣши-

[1]) «Производство стальныхъ рельсовъ». Спб. 1885, стр. 25.

тельнымъ средствомъ къ подчиненію желѣзной индустріи національно-хозяйственнымъ тенденціямъ правительства явилось таможенное обложеніе. При таможенныхъ ставкахъ въ 25 и 30 коп. золотомъ [1]) съ пуда чугуна пользованіе иностраннымъ матеріаломъ было невозможно. Точно также и всѣ предпріятія, которыя до тѣхъ поръ занимались изготовленіемъ какихъ бы то ни было желѣзнодорожныхъ матеріаловъ, были вынуждены, вслѣдствіе чрезвычайно высоко взвинченныхъ таможенныхъ ставокъ на всѣ иностранные продукты, получать всѣ необходимые имъ матеріалы изъ внутреннихъ источниковъ, если они не хотѣли просто пріостановить производство [2]).

Перемѣна, происшедшая въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ вслѣдствіе возвращенія правительства къ принципамъ суроваго протекціонизма, иллюстрируется между прочимъ тѣмъ фактомъ, что перерабатывающія предпріятія либо вовсе закрылись, либо совершенно измѣнили свой методъ производства. Новые рельсовые заводы, частью вызванные къ жизни владѣльцами прежнихъ предпріятій, хотя и продолжали возникать, но уже не на окраинахъ, а въ тѣхъ округахъ, гдѣ легко добывались желѣзная руда и уголь. Настойчивость [3]) правительства повела въ концѣ концовъ къ достиженію намѣченной цѣли. Покровительственная политика и желѣзныя дороги помогли русскому чугунному производству въ его почти безпримѣрномъ ростѣ. Только Соединенные Штаты шли въ опредѣленные періоды впередъ такими же гигантскими шагами, какъ Россія. По русскимъ источникамъ производство чугуна въ Россіи составляло [4]):

въ 1870 г.	. . . .	21,9	мил. пуд.
» 1880 »	. . . .	27,4	» »
» 1890 »	. . . .	56,5	» »
» 1895 »	. . .	88,6	» »
» 1900 »	. . . .	178,7	» »

Своими успѣхами чугунное производство обязано югу, а не Уралу. Происшедшую въ этомъ отношеніи перемѣну характеризуютъ слѣдующія цифры: въ 1875 г. изъ общаго количества чугуна было выплавлено на Уралѣ 72%, въ централь Россіи 14%, въ Польшѣ 8% и на югѣ только $2^1/_2$%; 1897 г. на Уралъ приходится 36%,

---

[1]) О пошлинахъ на чугунъ ср. гл. 28.

[2]) Съ 1884 до 1891 года пошлина на чугунъ была увеличена съ 9 до 35 коп. золотомъ, а пошлина на желѣзо и сталь съ 60 до 100 коп. Соотвѣтственно были повышены и пошлины на иностранный уголь и всѣ продукты металлической индустріи.

[3]) Типъ перерабатывающаго завода исчезаетъ. Изъ существовавшихъ въ 1898 г. 13 рельсопрокатныхъ предпріятій только Путиловскій заводъ еще работалъ съ иностраннымъ чугуномъ. Историч. обзоръ дѣят. комит. мин., IV, стр. 288.

[4]) Цифры, не согласующіяся точно съ оффиціальными данными, взяты у *Матвѣева,* Русское желѣзо въ 1901 г., изд. по порученію уральскихъ горнопромышленниковъ. Спб. 1902.

среднюю Россію 10$_0$/^{0}, Польшу 12%, и на одинъ только югъ 41%. [1]) Въ южной России добыча чугуна увеличилась въ теченіе полутора десятилѣтія (1885—1900) въ 25 разъ. Второе мѣсто занимаетъ здѣсь Польша. Въ 1890 г. южная Россія произвела почти вдвое больше чугуна (13 мил. пуд.), чѣмъ Царство Польское (7, 8 мил. пуд.) и вдвое меньше чѣмъ Уралъ (27, 7 мил. пуд.). Въ 1895 г. южный раіонъ далъ (33, 7 мил. пуд.) столько же, сколько Уралъ (33, 2 мил. пудъ.) и втрое больше нежели Польша (11, 6 мил. пуд.). Въ періодѣ времени съ 1890 по 1901 г. южнорусское производство превысило уральское почти вдвое и польскіе почти въ 5 разъ.

Въ виду наличности въ южной Росси важнѣйшихъ условій для производства чугуна и желѣза изъ мѣстной руды и при помощи отечественнаго же минеральнаго топлива слѣдуетъ удивляться только тому, что металлургическая промышленность развилась здѣсь сравнительно такъ поздно. Отъ вниманія правительства не могло ускользнуть, какую счастливую комбинацію условій представлялъ югъ имперіи, гдѣ въ Донецкомъ бассейнѣ огромныя залежи лучшихъ сортовъ угля тянутся на пространствѣ 19000 кв. верстъ, а въ непосредственномъ сосѣдствѣ, въ Екатеринославской губерніи, находятся прекраснаго качества желѣзныя руды, руды съ содержаніемъ желѣза до 67%, далѣе марганцовая руда, известковый камень, доломитъ и огнеупорная глина. Первыя попытки эксплоатаціи этихъ минеральныхъ сокровищъ дѣлались уже 100 лѣтъ тому назадъ но болѣе или менѣе замѣтныхъ успѣховъ не достигли ни государственныя, ни частныя предпріятія вплоть до середины восьмидесятыхъ годовъ.

Первый казенный заводъ для выплавки чугуна изъ богатыхъ залежей желѣзной руды былъ построенъ въ 1797 г., но, хотя не жалѣли средствъ на то, чтобы пустить въ ходъ чугуноплавильное дѣло на югѣ, по истеченіи цѣлыхъ 70 лѣтъ едва сумѣли сдѣлать хоть кое-какіе успѣхи[1]). Теперь взялись за дѣло съ другой стороны, выдавъ концессію на постройку желѣзной дороги черезъ южную Россію частнымъ предпринимателямъ подъ условіемъ, что они устроятъ желѣзный заводъ. И здѣсь пришлось, однако, ограничиться самыми умѣренными результатами, пока англичанинъ Югеса не создалъ въ знаменитой Юзовкѣ предпріятіе, давшее положительные успѣхи и послужившее образцомъ для основанныхъ затѣмъ въ 1887—1896 гг. предпріятій. [2]) Тѣмъ временемъ были открыты также богатѣйшія

---

[1]) *Покровскій* стр. 233.

[2]) ср. гл. 28.

[3]) Детальныя данныя объ этихъ неудачныхъ попыткахъ насажденія индустріи даетъ Рагозинъ, объѣздившій въ 1894 г. по порученію правительства южный раіонъ, для выясненія на мѣстѣ условій южнорусской горной промышленности: «*Рагозинъ*, желѣзо и уголь въ южной Россіи. (Спб. 1895). Рагозинъ, какъ и нѣкоторые другіе авторы, приписываетъ главную вину въ безуспѣшности сдѣланныхъ попытокъ до 1884 г. «слишкомъ фритредерской» таможенной политикѣ—взглядъ, на которомъ намъ приходилось уже останавливаться.

залежи въ кривомъ рогѣ, слава которыхъ очень скоро распространилась и за предѣлы Россіи и обусловила значительный притокъ иностраннаго капитала. Только благодаря капиталамъ и предпріимчивости иностранцевъ желѣзная промышленность южной Россіи была доведена до дѣйствительно цвѣтущаго состоянія; высокія покровительственныя пошлины и широкое желѣзнодорожное строительство содѣйствовали этому только косвенно, какъ средство для привлеченія истинно дѣятельныхъ элементовъ.

Подъ вліяніемъ поражающаго роста горной промышленности на югѣ имперіи существенно видоизмѣнился характеръ русской крупной индустріи. Центръ тяжести ея перемѣстился изъ окраинъ на югъ, гдѣ имѣлись рядомъ и уголь и желѣзо; желѣзная индустрія получила теперь перевѣсъ надъ текстильной; вмѣсто обработки иностраннаго сырья, напр. хлопка, важнѣйшей отраслью національной индустріи сдѣлалась эксплоатація внутреннихъ минеральныхъ богатствъ. Что піонерами этого исключительной важности труда явились по преимуществу иностранцы,—разматривалось какъ неизбѣжное зло. Въ этомъ отношеніи весьма характерно, что въ то самое время, какъ иностранный капиталъ встрѣчали весьма сочувственно, противъ представителей этого капитала была объявлена своего рода война. Въ томъ самомъ Высочайшемъ повелѣніи отъ 21 апрѣля 1887 г.- которымъ было утверждено повышеніе пошлинъ на желѣзо, предписывалось выработать мѣропріятія къ предупрежденію дальнѣйшаго развитія существующихъ и возникновенію въ западныхъ пограничныхъ областяхъ такихъ новыхъ чугунолитейныхъ и желѣзодѣлательныхъ предпріятій, которыя работаютъ съ чужимъ матеріаломъ и при помощи чужихъ рабочихъ рукъ. [1]) Это повелѣніе повлекло за собою суровыя мѣры противъ – по большей части нѣмецкихъ —техниковъ, мастеровъ и рабочихъ въ Привислинскомъ краѣ. Пышно расцвѣтавшій тогда національзмъ отразился такимъ образомъ и въ хозяйственной области, причемъ благоразумно щадился капиталъ, каковому приписывали, повидимому, космополитическій характеръ.

Сопоставляя все изложенное выше, мы приходимъ къ тому заключенію, что въ восьмидесятыхъ годахъ государственныя мѣропріятія (покровительственная политика, постройка желѣзныхъ дорогъ и т, д.), при содѣйствіи иностраннаго капитала, заложили въ лицѣ южнорусскаго чугуннаго производства, основу современной крупной индустріи въ томъ видѣ, въ какомъ мы наблюдаемъ ее въ Россіи въ настоящее время.

---

[1]) Объ оффиціальномъ признаніи заслугъ Югеса ср. выше, стр. 204.

ГЛАВА XLVI.

Были ли промышленныя предпріятія восьмидесятыхъ годовъ «тепличными»?—Ростъ промышленности съ 1877 до 1897 г.—Аграрный вопросъ и крупная индустрія.—Отмѣнна подушной подати, притокъ сельскихъ рабочихъ на фабрику, упадокъ сельскаго хозяйства.

Внѣшніе стимулы къ расширенію промышленнаго производства, о которыхъ была рѣчь въ предшествующей главѣ, не могли бы, конечно, привести къ такимъ значительнымъ результатамъ, какіе обнаружились въ дѣйствительности, еслибы русское народное хозяйство не заключало въ себѣ во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ широкихъ задатковъ для интенсивнаго развитія крупныхъ промышленныхъ предпріятій. Стеченіе самыхъ разнообразныхъ благопріятныхъ моментовъ содѣйствовало въ ту эпоху не только насажденію въ Россіи капиталистической промышленности, но и прогрессивному ея росту.

Прежде всего, спросъ на издѣлія металлургической промышленности чрезвычайно усилился вслѣдствіе сооруженія многочисленныхъ желѣзныхъ дорогъ, но удовлетворялся онъ преимущественно импортомъ изъ-за границы, хотя страна ежегодно теряла при этомъ многіе милліоны, которые могли бы достаться внутренней индустріи. Почва для мощнаго развитія индустріальнаго производства была подготавлена больше, чѣмъ когда бы то ни было прежде. Необходимые капиталы стекались въ Россію съ такою готовностью и въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ это до тѣхъ поръ еще никогда не наблюдалось. Состояніе денежныхъ рынковъ. казалось, едва ли не прямо толкало банки, биржи и публику къ широкому участію въ созданіи индустріальныхъ предпріятій. Словомъ, всѣ условія, необходимыя для объединенія отдѣльныхъ факторовъ въ полезномъ національномъ трудѣ, складывались чрезвычайно благопріятно.

При такихъ обстоятельствахъ «расцвѣтъ» промышленности лишь отчасти былъ результатомъ внѣшнихъ воздѣйствій. Мы особенно подчеркиваемъ этотъ фактъ вопреки весьма распространенному предразсудку объ искуственномъ, «тепличномъ» характерѣ русской промышленности. Необходимо бы относиться къ общеизвѣстнымъ фактамъ внимательнѣе, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлаютъ, къ сожалѣнію, многіе публицисты. Въ теченіе 10-15 лѣтъ Россія почти отказалась отъ импорта, выражавшагося во многихъ милліонахъ рублей. Спросъ на всѣ эти продукты, до т хъ поръ ввозившіеся изъ-за границы, не уменьшается, но долженъ теперь искать удовлетворенія на внутреннемъ рынкѣ. Обусловленная этимъ національзація важныхъ отраслей индустріальнаго производства не выгодна только иностранцамъ, лишившимся выгоднаго сбыта въ Россію. Хотя русскому потребителю приходится, вслѣдствіе подавленія иностранной конкуренціеи путемъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ, оплачивать соотвѣтственные продукты значительно дороже—что, впрочемъ, еще должно быть дказано въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ,—но на какомъ основаніи можно называть «экзотической» индустрію, которая работаетъ съ

болѣе значительными издержками производства и болѣе высокими продажными цѣнами, чѣмъ западно-европейская промышленность? Названіе «тепличный» было бы умѣстно лишь въ томъ случаѣ, еслибы при помощи цѣлой системы искусственныхъ мѣръ была создана крупная промышленность, для которой въ странѣ вообще не имѣлось бы всѣхъ необходимыхъ для ея существованія естественныхъ условій. Но этого отнюдь нельзя сказать объ огромномъ большинствѣ индустріальныхъ предпріятій восьмидесятыхъ годовъ. Даже еслибы условія производства и виды на сбытъ были менѣе благопріятны, страна съ такими данными и такимъ будущимъ, какъ тогдашняя Россія, не должна была бы болѣе медлить въ дѣлѣ энергичной эксплоатаціи своихъ естественныхъ богатствъ. Въ частности горная промышленность могла развиваться особенно естественно и спокойно, такъ какъ широкій сбытъ былъ для нея обезпеченъ на долго постояннымъ ростомъ желѣзнодорожной сѣти и основаніемъ новыхъ фабричныхъ предпріятій,—одна отрасль промышленности всегда поддерживаетъ другую!

Нельзя отрицать, что промышленность не могла тогда обойтись безъ усиленной таможенной защиты противъ иностранной конкуренціи; вѣрно также то, что подъ вліяніемъ искусственно поддерживаемой температуры она подвигалась въ своемъ развитіи быстрѣе, чѣмъ это было бы желательно, если принять во вниманіе ея внутреннія силы. Но важнѣйшимъ стимуломъ этого чрезвычайнаго индустріальнаго расцвѣта все же были не капиталистическія удобрительныя средства, а естественное плодородіе почвы, которое до тѣхъ поръ такъ умѣло эксплоатировалъ иностранный импортъ. Русская крупная промышленность, безъ сомнѣнія, проложила бы себѣ путь и безъ постояннаго государственнаго покровительства и безъ широкаго притока капиталистическихъ вспомогательныхъ средствъ, но только результаты проявились бы тогда не столь быстро и рѣзко. Болѣе медленное движеніе впередъ было бы даже, по всѣмъ вѣроятіямъ, полезнѣе съ точки зрѣнія большей устойчивости всего индустріальнаго зданія. Но и самый отважный капиталистическій зодчій не сумѣлъ бы «искусственно создать» то, что воздвигла русская промышленность съ середины восьмидесятыхъ годовъ, еслибы естественная почва для этого зданія не была уже достаточно упрочена. Допустить, что одно только внѣшнее государственное покровительство могло бы побудить капиталъ искать постояннаго помѣщенія тамъ, гдѣ не было бы увѣренности, что ожидаемые золотые плоды должны при данныхъ условіяхъ «естественно» созрѣть,—значило бы признать иностранный капиталъ слишкомъ неразумнымъ. Можно бы даже сказать, что когда началось усиленное предложеніе этой финансовой помощи извнѣ, «расцвѣтъ» уже былъ «данъ» въ лицѣ отдѣльныхъ уже осѣвшихъ капиталистическихъ предпріятій. Это нерѣдко наблюдается,—что международный капиталъ, чтобы выяснить сферу своей будущей дѣятельности, высылаетъ отдѣльные передовые отряды. За первымъ удачливымъ піонеромъ слѣдуютъ вскорѣ другіе, въ пестрой смѣнѣ, которая длится до тѣхъ поръ,

пока эти передовые бойцы вознаграждаются соотвѣтственно высокими дивидентами или въ другомъ мѣстѣ откроются виды на еще болѣе обильную жатву.

Не случайно, конечно, индустрія обратилась прежде всего къ эксплоатаціи скрытыхъ въ нѣдрахъ земли минеральныхъ богатствъ. Именно въ этой сферѣ ощущалась настоятельная потребность въ расширеніи отечественнаго производства, именно здѣсь можно было разсчитывать на самый быстрый и вѣрный успѣхъ. Желѣзо и уголь какъ важнѣйшія основы цѣлаго ряда другихъ отраслей промышленности, нефть какъ топливо и освѣтительный матеріалъ (мазутъ, керосинъ), затѣмъ текстильная индустрія для удовлетворенія одной изъ важнѣйшихъ жизненныхъ потребностей массы населенія, химическая промышленность какъ вспомогательная для многихъ другихъ производствъ,—открывали для энергичныхъ предпринимателей и смѣлаго грюндерства широкую арену для полезной дѣятельности и корыстной спекуляціи. Расходы по устройству мнимой «теплицы» пришлось нести иностранцамъ, поскольку они не предпочитали сами принять участіе въ этой «тепличной культурѣ».

Цифры говорятъ здѣсь краснорѣчивѣе словъ. Стоимость производства фабричной индустріи исчисляютъ въ слѣдующихъ цифрахъ [1]):

1877	541	милл. руб.
1887	802	„ „
1892	1010	„ „
1897	1816	„ „

Среднее годовое увеличеніе производства составляло такимъ образомъ въ милліонахъ рублей:

съ 1878 до 1887 г.	съ 1888 до 1892 г.	съ 1893 до 1897 г.
26,1	41,6	161,2.

Въ частности, развитіе *горнаго дѣла* (безъ Финляндіи) иллюстрируетъ слѣд. таблица:

	Размѣръ производства (въ милліонахъ пудовъ):					
	1877	1887	1892	1897	1898	1900
Каменный уголь	110	277	424	684	746	985
нефть	13	167	296	478	507	601
чугунъ	23	36	64	113	134	176
желѣзо	16	22	29	30	30	124 [2])
сталь	3	14	31	74	90	

[1]) Изъ росписи на 1901 г. При этомъ не приняты въ разсчетъ горнапромышленность, мукомольное дѣло и обложенныя акцизомъ отрасли производства. Болѣе детальныя цифры роста индустріи съ 1887 до 1897 г., см. стр. Тамъ же указаны тѣ сомнѣнія, которыя вызываетъ разсчетъ стоимости производства (гл. 49).

[2]) Цифры для 1900 г. взяты нами изъ „Статистич. таблицъ 1892—1900 г.“ (см. стр., 246 прим. 3). Ср. соотвѣтственныя статистич. данныя о производствѣ, гл. 49.

Несмотря на этотъ ростъ внутренняго производства оно не могло покрыть весь спросъ на руды и минеральное топливо, такъ что одновременно съ тѣмъ и иностранный импортъ въ Россію чугуна и каменнаго угля все возросталъ. Черезъ европейскую границу было ввезено (въ милліонахъ пудовъ):

	1877	1887	1892	1897	1898
каменный уголь и коксъ (переведенный на уголь)	95	100	108	166	196
чугунъ (желѣзо и сталь переведены на чугунъ)	25	14	10	36	38

«Деревенская нужда кормитъ фабрику»,—говоритъ русскій народъ. И въ дѣйствительности, все возрастающія трудности, которыя переживало сельское хозяйство, явились стимуломъ государственнаго покровительства крупной индустріи. Освободительный актъ 1861 г. хотя и нанесъ смертельный ударъ старой натурально-хойзяйственной Россіи, но не далъ сельскохозяйственному промыслу никакихъ новыхъ импульсовъ къ дальнѣйшему развитію.[1])

Несмотря на освобожденіе крестьянъ, пережитки рабства продолжали тяготѣть на крестьянскомъ населеніи въ формѣ подушной подати вплоть до восьмидесятыхъ годовъ. Въ силу положенія 19 февраля 1861 г. права и обязанности помѣщиковъ въ отношеніи подушной подати были, правда, отмѣнены и раскладка подати перешла къ общинѣ, но положеніе освобожденныхъ крестьянъ отъ этого отнюдь не стало лучше, быть можетъ, даже ухудшилось. Нѣкоторыя старыя опредѣленія паспортнаго устава, напр., разрѣшеніе помѣщика на оставленіе общины, были отмѣнены, но круговая порука и паспортная система оставались въ силѣ и связывали членовъ общины въ смыслѣ glebae adscriptio. Въ отношеніи взысканія недоимокъ сохранились старыя драконовскія мѣры принужденія,—общинныя власти могли отнять у недоимщика все имущество, имѣли право тѣлеснаго наказанія, безапелляціонной высылки въ Сибирь и отдачи въ принудительныя работы. Рабство было сломлено по формѣ, но по существу не прекратилось.

Подушная подать была притомъ лишь первымъ звеномъ въ цѣпи стѣсненій и тяготъ. Это призналъ и министръ финансовъ Бунге въ мотивахъ къ предложенному имъ государственному совѣту въ мартъ 1882 г. проекту отмѣны подушной подати. Министръ указываетъ, между прочимъ, слѣдующее:

> « Къ неизмѣримому обремененію одной части плательщиковъ податей подушной податью присоединяются еще пагубныя послѣдствія связанной съ тѣмъ системы круговой поруки. Отягощающіе плательщиковъ сборы, естественно, выплачиваются неаккуратно, такъ что на общинѣ накопляются болѣе или менѣе значительныя недоимки. Хотя и были изданы распоряженія, чтобы воспрепятствовать, покрайней мѣрѣ, продажѣ крестьянскаго скота для погашенія недоимокъ,

---

[1]) Объ отмѣнѣ крѣпостного права въ связи съ экономическимъ вопросомъ того времени, ср. гл. 44.

но все же невозможно совершенно предотвратить того, что сельскія власти стараются достигнуть покрытія недоимокъ посредствомъ продажи за безцѣнокъ крестьянскаго имущества. Налоговое переобремененіе совпадаетъ, такимъ образомъ, съ разореніемъ плательщиковъ податей.... Такого рода налоговая система должна, съ одной стороны, при помощи паспортныхъ ограниченій, прикрѣплять крестьянина къ землѣ, дабы онъ не могъ уклониться отъ уплаты податей, съ другой стороны, она вызываетъ стремленіе къ самовольному уходу, въ поискахъ лучшаго заработка. Но такое своеволіе, даже если оно не сопровождается никакимъ другимъ проступкомъ нерѣдко карается тюрьмою. Такъ изъ одного зла съ безпощадной, послѣдовательностью вытекаетъ другое, которое, въ свою очередь, порождаетъ новыя бѣдствія.» [1])

Формально-правовое положеніе крестьянства мало содѣйствовало тому, чтобы вмѣстѣ съ освободительнымъ актомъ была въ то же время создана опора для расширенія индустріальнаго труда, какъ это, безъ сомнѣнія, входило въ намѣренія законодателя [2]). Но мобилизація крестьянскаго труда, по крайней мѣрѣ, началась, и въ восьмидесятыхъ годахъ насталъ, наконецъ, моментъ, когда оказалось возможнымъ осуществить (въ 1882—1885 г.) *отмѣну подушной подати* для всѣхъ категорій крестьянъ, кромѣ сибирскихъ.

Больше, чѣмъ этотъ актъ налогового законодательства, содѣйствовалъ, однако, *приливу сельскихъ рабочихъ на фабрику* общій строй аграрныхъ отношеній. Освободительному закону ставили въ особую заслугу, что надѣленіе крѣпостныхъ землею должно предупредить возникновеніе безземельнаго пролетаріата. Но независимо отъ того, что освобожденіе 21 милліона крѣпостныхъ безъ одновременнаго земельнаго обезпеченія должно было бы вызвать соціальную и экономическую катастрофу,—уже очень скоро обнаружилось, что этотъ законный надѣлъ былъ весьма недостаточенъ для достиженія предположенной цѣли. Не прошло и десяти лѣтъ со времени отмѣны крѣпостного права, какъ уже начались жалобы на безземеліе и обнищаніе населенія, а вскорѣ затѣмъ и на упадокъ сельскаго хозяйства, и жалобы эти были такъ настойчивы, что по иниціативѣ министра Валуева была учреждена особая комиссія, чтобы выяснить развитіе земельныхъ отношеній послѣ отмѣны крѣпостнаго состоянія.

Выводы, къ которымъ пришла комиссія, оказались крайне неблагопріятными. Въ изданныхъ ею матеріалахъ комиссія констатируетъ, что не было никакого прогресса въ сельско-хозяйственной техникѣ, не было постояннаго кадра вольнонаемныхъ сельскихъ рабочихъ, огромное большинство хозяйствъ не снабжено въ достаточной мѣрѣ необходимымъ инвентаремъ. Было доказано, что частные землевладѣльцы переживали тяжелый кризисъ, что для нихъ не былъ организованъ легко доступный и соотвѣтствующій ихъ потребностямъ кредитъ, что правила, нормирующія и обезпе-

---

[1]) Исторія м-ва финансовъ, II, стр. 121. Ср. также *Conrads* Jahrbücher 1904, Juniheft, S. 744.

[2]) Ср. стр. 194.

чивающія исполненіе рабочихъ договоровъ, были крайне недостаточны, что, наконецъ, все расширяющіяся промышленныя предпріятія и желѣзныя дороги отвлекаютъ отъ сельскаго хозяйства лучшія рабочія силы. Рабочая плата въ южныхъ губерніяхъ была подвержена постояннымъ и очень значительнымъ колебаніямъ; она составляла то 30 копеекъ, то 3 рубля. Такой порядокъ былъ крайне невыгоденъ для крупныхъ землевладѣльцевъ. Незначительная часть послѣднихъ перешла къ вольнонаемному труду съ усовершенствованными машинами, но эти дорого стоющіе эксперименты очень рѣдко удавались за недостаткомъ опытности, выдержки и капитала. Хотя крестьянамъ и дана была возможность лучше, чѣмъ прежде, использовать свою рабочую силу и такимъ образомъ сдѣлать свой трудъ производительнѣе, но о хозяйственномъ преуспѣяніи и даже ростѣ благосостоянія въ общемъ не могло быть и рѣчи. Недоставало удобренія и меліорацій, луговъ и скота; обнаруживались печальныя послѣдствія общиннаго землевладѣнія и круговой поруки, раздробленія рабочаго инвентаря вслѣдствіе легкомысленныхъ семейныхъ раздѣловъ, алкоголизма и непосильнаго обремененія налогами; лѣса были отчасти вырублены; имѣнія часто переходили изъ рукъ въ руки, не находя постоянныхъ и прочныхъ владѣльцевъ; крестьянскіе надѣлы оказались уже тогда слишкомъ недостаточными, а выкупные платежи крайне обременительными. Жалобы вызывали также крайняя недостаточность воднаго и лѣснаго законодательства

И эти, установленныя оффиціальнымъ разслѣдованіемъ, данныя о нерѣдко почти безнадежномъ положеніи сельскаго населенія, очень скоро были подтверждены и дополнены изслѣдованіями отдѣльныхъ ученыхъ и сельскохозяйственныхъ органовъ самоуправленія [1]). Но

---

[1]) Проф. *Янсонъ* показалъ въ обратившей тогда на себя всеобщее вниманіе брошюрѣ «Опытъ статистическаго изслѣдованія о величинѣ крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ и налоговыхъ платежахъ» (1877 г.), что земельныя владѣнія освобожденныхъ крестьянъ въ большинствѣ случаевъ недостаточны для пропитанія ихъ владѣльцевъ, и это вело къ тому, что земля не могла покрывать государственныхъ налоговъ. Относительно земель внѣ черноземнаго района Янсонъ указываетъ, между прочимъ слѣдующее: «Не только земельные надѣлы, но и вообще вся обрабатываемая крестьянскимъ населеніемъ земля, за немногими исключеніями, даетъ крестьянамъ въ лучшемъ случаѣ возможность существовать, но уже никакъ не удовлетворять какія бы то ни было другія потребности крестьянскаго хозяйства, но очень часто земледѣльческій трудъ не въ состояніи даже обезпечить и самое пропитаніе земледѣльца. На тощей, требующей сильнаго удобренія, почвѣ были бы необходимы для поддержанія семьи по крайней мѣрѣ восемь десятинъ земли. Средніе надѣлы у бывшихъ государственныхъ крестьянъ не достигаютъ, однако, этой величины, а у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ они еще вдвое меньше... Понятно поэтому, что доходы съ земли не покрываютъ даже выкупныхъ платежей, не говоря уже о податяхъ. Все налоговое бремя падаетъ такимъ образомъ, на сторонніе заработки». (*Янсонъ*, стр. 34). Еще менѣе благопріятными оказались результаты для черноземной полосы. Въ то время какъ для пропитанія людей и скота былъ бы необходимъ надѣлъ по крайней мѣрѣ въ пять десятинъ, онъ въ дѣйствительности не достигаетъ и четырехъ

эта литература вопроса многократно свидѣтельствуетъ также, что въ средѣ угрожаемаго голодомъ крестьянства усиливается бѣгство отъ земли въ города и на фабрики. Движеніе, вызвавшее послѣ провозглашенія освободительнаго акта бѣгство промышленныхъ рабочихъ въ деревню [1]), получило теперь противоположную тенденцію—при все падающей заработной платѣ [2]). Положеніе фабричныхъ рабочихъ ухудшалось не только вслѣдствіе притока кочующихъ рабочихъ и другихъ временно или навсегда оторванныхъ отъ земли пролетаріевъ,—они должны были довольствоваться меньшей заработной платой и вслѣдствіе все расширявшагося въ то время примѣненія машиннаго труда. «Деревенская нужда кормитъ фабрику».

ГЛАВА XLVII.

Покровительство промышленности, хлѣбный экспортъ и золотая политика.—Индустріальная система какъ основа народнаго хозяйства.—Торговый балансъ и хлѣбный экспортъ.

Вторая половина восьмидесятыхъ годовъ характеризуется *экономической политикой*, руководители которой считали необходимымъ въ фискальныхъ и національныхъ интересахъ интенсивное пробужденіе производительныхъ силъ изъ ихъ пассивнаго состоянія и усматривали подходящее къ этому средство также въ *индустріальной системѣ*. *Перемѣна*, главнѣйшимъ дѣятелемъ которой былъ министръ финансовъ Вышнеградскій, исходила, съ одной стороны, изъ эволюціи *міровой хлѣбной торговли*, а съ другой стороны, изъ *финансовой политики*, стремившейся путемъ широкой системы государственныхъ мѣропріятій скопить возможно болѣе значительный *золотой запасъ*, какъ необходимое условіе для возстановленія металлической валюты. Указанная здѣсь связь между покровительствомъ индустріи, вывозомъ хлѣба и золотой политикой читатель уяснитъ себѣ, если мы

десятинъ, а часто оказывается значительно ниже этой средней нормы. Падающія на землю подати, не считая подушной, *Янсонъ* исчисляетъ въ 2,75—6,18 рублей съ десятины; несмотря на ихъ относительную незначительность, они при указанныхъ условіяхъ являются тяжелымъ бременемъ для крестьянства. Въ окончательномъ результатѣ Янсонъ приходитъ къ слѣдующему печальному выводу: «Если имѣть въ виду исключительно матеріальное обезпеченіе крестьянъ, то положеніе огромнаго большинства помѣщичьихъ крестьянъ въ черноземной полосѣ при господствѣ трехпольнаго хозяйства было бы въ общемъ лучше, если бы еще существовало крѣпостное право».

[1]) Ср. выше, стр. 200.

[2]) «Въ эпоху крѣпостного права заработная плата повышалась, послѣ его отмѣны она стала падать... Быстрый ростъ капитализма и разрушеніе старыхъ народныхъ устоевъ русскаго экономическаго строя неизбѣжно должны были это вызвать». (*Туганъ Барановскій*, стр. 153). Здѣсь же сравненіе заработной платы въ 1883 и 1896 г. (стр. 517).

разсмотримъ элементы «системы Вышнеградскаго» въ ихъ связи съ условіями міроваго рынка. [1])

Чѣмъ большіе размѣры и значеніе пріобрѣтала внѣшняя торговля Россіи вслѣдствіе проведенія новыхъ желѣзнодорожныхъ линіи и оживленія дѣловыхъ сношеній съ иностранными государствами, тѣмъ тяжелѣе отразилась на всемъ народномъ хозяйствѣ неблагопріятныя послѣдствія обезцѣненія бумажныхъ денегъ и валютныхъ колебаній. Вышнеградскій слишкомъ долго былъ свидѣтелемъ этого крайне неблагопріятнаго положенія дѣла, чтобы тотчасъ же по вступленіи въ управленіе финансами не приступить къ реформамъ, направленныхъ на излеченіе именно этого больного мѣста. Что при тогдашнихъ обстоятельствахъ надо было сдѣлать для проведенія монетной реформы,—не могло вызывать сомнѣнія. [2]) Необходимо было довести *курсъ рубля* до опредѣленнаго средняго размѣра и обезпечить *размѣнъ кредитныхъ билетовъ* на «звонкую монету» (вопросъ: на золото или серебро? умышленно оставляли пока открытымъ). Къ этой цѣли должны были быть приспособлены средства. Въ качествѣ положительной предварительной мѣры къ валютной реформѣ признавалось прежде всего необходимымъ *создать достаточный золотой запасъ*. Этой цѣли Вышнеградскій достигъ весьма успѣшно, но за то его операціи въ видахъ уничтоженія курсовыхъ колебаніи и удержанія курса рубля на предположенной средней линіи—оказались неудачными.

Золотая политика фактически, превратилась въ суровую деспотію надъ всей хозяйственной жизнью націи. Въ ея интересахъ *торговый балансъ* долженъ былъ быть доведенъ до той степени активности, какая только была достижима, дабы превышеніе товарнаго экспорта надъ импортомъ *привлекало въ страну*, въ видѣ платежей, *иностранное золото*. Для установленія активнаго торговаго баланса необходимо было «нормировать» вывозъ и ввозъ, причемъ первый подлежалъ усиленному поощренію, а импортъ—возможному сокращенію *Бюджетная и налоговая политика* играла при этомъ важную роль; она съ своей стороны должна была содѣйствовать собиранію средствъ для удовлетворенія золотого голода. Въ частности на *налоговую систему* возлагалась, въ интересахъ золотой политики, еще одна важная задача. Усиленная энергія въ дѣлѣ взиманія податей вызвала болѣе интенсивный притокъ крестьянскаго хлѣба на хлѣбные рынки. Это давало въ распоряженіе торговли огромныя массы дешеваго экспортнаго продукта. Расширеніе же хлѣбнаго экспорта усиливало активный характеръ тороваго баланса. Косвенно, такимъ образомъ, и налоговый прессъ нажимался все интенсивнѣе въ интересахъ золотой политики Вышнеградскаго [3]).

---

[1]) Основные элементы «системы Вышнеградскаго» мы пытались охарактеризовать уже выше. Ср. стр. 120, 121, 128 и 129.

[2]) Всѣ финансово-политическія соображенія и мѣропріятія, анализъ которыхъ не безусловно необходимъ для уясненія дальнѣйшихъ нашихъ выводовъ, нами пропущены.

[3]) *Головинъ*, Финансовая политика Россіи и задачи будущаго. Нѣм. пер. *Kolossowski* (Leipzig 1900, стр. 22).

Въ сферѣ *податной политики* Вышнеградскій предпочиталъ косвенные налоги, общій доходъ съ которыхъ возросъ со времени Бунге (1881—1886 г.) до Вышнеградскаго (1887—1892 г.) почти на 25%, именно съ 2196 до 2737 мил. руб. Прямые налоги, напротивъ того, упали за тотъ же періодъ времени съ 819 до 790 мил. руб., причемъ это уменьшеніе поступленій обусловивалось главнымъ главнымъ образомъ отмѣною подушной подати (съ 1 января 1878 г.). Можно было бы думать, что это въ нѣкоторой мѣрѣ ослабило налоговое бремя. Но это была одна только видимость; ибо взамѣнъ подушной подати было значительно повышено обложеніе предметовъ самаго широкаго потребленія (вино, керосинъ, табакъ, сахаръ, хлопокъ). Всѣ неблагопріятныя послѣдствія косвеннаго обложенія, которыя приписываются этой системѣ ея противниками—мы не принадлежимъ къ ихъ числу—проявились здѣсь въ полной мѣрѣ. Но Вышнеградскій хорошо понималъ, что цѣли своей—пополнить государственную казну, онъ достигнетъ лишь при этомъ условіи, если будутъ обложены предметы повседневнаго потребленія широкихъ массъ населенія, т. е. низшіе слои послѣдняго. Болѣе равномѣрное распредѣленіе налоговаго бремени съ привлеченіемъ высшихъ, частью еще совершенно свободныхъ отъ обложенія классовъ общества было бы возможно въ правильной формѣ только въ видѣ подоходнаго налога. Мысль объ этомъ способѣ обложенія хотя и возникала, но для осуществленія ея ничего не было сдѣлано, такъ какъ Россія располагала тогда еще въ гораздо меньшей мѣрѣ чѣмъ теперь тѣми элементарными условіями, которыя необходимы дло веденія подоходнаго налога.

Послѣ выхода Бунге въ отставку (въ 1886 г.) еще рѣзче проявляется односторонній фискализмъ. Съ лихорадочной поспѣшностью старался Вышнеградскій установить равновѣсіе въ бюджетѣ путемъ увеличенія налогодъ. У него не было поэтому ни времени, ни склонности сѣять, чтобы лишь гораздо позднѣе пожать плоды своихъ трудовъ. Вышнеградскій стремился къ быстрымъ и явнымъ матеріальнымъ успѣхамъ, а постепенно возродить подавленныя производительныя силы страны было бы возможно только при значительной выдержкѣ и съ большими денежными жертвами. Какой бы характеръ не имѣли новые косвенные налоги, которые возлагали на народное хозяйство, они все же главной своей тяжестью падали на земледѣльческое населеніе, которое едва ли не одно должно было нести всѣ экономическія послѣдствія системы. Такимъ образомъ сельское хозяйство сдѣлалось какъ бы дойною коровой, и Вышнеградскій съ такимъ усердіемъ выжималъ изъ него всѣ жизненные соки, что въ концѣ концовъ оно пало, совершенно обезсиленное. Податная политика и хлѣбный экспортъ были тѣсно связаны другъ съ другомъ, и то и другое служили «высшимъ» цѣлямъ.

Форсированіе хлѣбнаго экспорта должно было, такимъ образомъ какъ видно изъ предшествующаго изложенія—во первыхъ, увеличить финансовую платежеспособность крестьянскаго населенія въ отношеніи столь жаждующаго податныхъ поступленій фиска, а вовторыхъ, укрѣпить положеніе Россіи на внѣшнихъ товарныхъ и

денежныхъ рынкахъ. *Улучшеніе торговаго баланса* должно было служить опорою международнаго *платежнаго баланса*, чтобы при помощи послѣдняго облегчить *накопленіе золотого запаса.* Программа Вышнегородскаго, центромъ тяжести которой являлась «золотая политика», ставила себѣ цѣлью широкую мобилизацію *всѣхъ* работоспособныхъ *производительныхъ силъ*, ни въ малѣйшей мѣрѣ не считаясь съ тѣмъ, способны ли они вынести требуемые отъ нихъ напряженіе и жертвы. И это вновь приводитъ насъ къ *индустріальной системѣ*.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться здѣсь на тѣхъ *общихъ* задачахъ, которыя призвана выполнить *индустрія, какъ основа народнаго хозяйства.* Она должна была сдѣлать полезными всѣ богатства, заложенныя въ нѣдрахъ страны, удовлетворить внутренній спросъ на индустріальные продукты и тѣмъ уменьшить зависимость отъ за-границы и улучшить торговый балансъ; она должна была, далѣе, дать трудъ и заработокъ избыточному сельскому населенію и расширить внутренній рынокъ. *Какъ слуга золотой политики*, индустрія должна была *въ особенности* содѣйствовать привлеченію въ Россію иностраннаго золота въ формѣ промышленнаго капитала. Этотъ перекочевывающій съ запада на востокъ для индустріальныхъ цѣлей желтый металлъ былъ весьма цѣннымъ союзникомъ при подготовительныхъ работахъ къ проведенію валютной реформы и по настоящій день остается одним изъ устоевъ золотой валюты. Ко всѣмъ перечисленнымъ естественнымъ основаніямъ для исключительнаго покровительства крупной индустріи прибавилось еще, съ тѣхъ поръ какъ была намѣчена волютная реформа, стремленіе создать въ широкомъ привлеченіи иностраннаго капитала своего рода предохранительный клапанъ для золотого обращенія. Настойчивѣе, чѣмъ когда бы то ни было прежде руководящіе государственные дѣятели должны были испытывать въ этотъ рѣшительный моментъ финансово-политическаго оздоровленія страны сознаніе отвѣтственности за то, чтобы прочное сохраненіе золота въ Россіи было обставлено всѣми возможными гарантіями.

Покровительство промышленности сдѣлалось *государственной необходимостью;* реальныя отношенія требовали въ восьмидесятыхъ годахъ усиленнаго попеченія объ индустріальномъ производствѣ изъ соображеній народнохозяйственныхъ и финансово-политическихъ, національныхъ и фискальныхъ. Мы посвятили столько мѣста финансовымъ проектамъ и балансовымъ ухищреніямъ Вышнеградскаго, что можно было бы съ перваго взгляда придти къ такому заключенію: весь хозяйственно-политическій переворотъ, явно обнаружившійся въ Россіи къ концу восьмидесятыхъ годовъ, явился въ концѣ концовъ только результатомъ смѣлыхъ начинаній *одного* дѣятеля. Считаемъ поэтому необходимымъ категорически оговорить, что весь процессъ совершился подъ вліяніемъ *упадка хлѣбныхъ цѣнъ на міровомъ рынкѣ*, даннымъ въ хлѣбномъ экспортѣ испытаннымъ источникамъ народнаго благосостоянія стала грозить серьезная опасность вслѣдствіе все интенсивнѣе надвигавшейся конкуренціи

заатлантическаго хлѣба и обусловленнаго тѣмъ упадка хлѣбныхъ цѣнъ. Суженіе сбыта русскихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и уменьшеніе стоимости хлѣбнаго экспорта явно ухудшали торговый балансъ. Необходимо было поэтому озаботиться, чтобы русскій экспортъ могъ опереться на большее разнообразіе экспортируемыхъ продуктовъ и чтобы увеличилась доходность національнаго труда. Два «великихъ» средства имѣлись для этой цѣли: 1) желѣзныя дороги должны были дать хлѣбу возможность при болѣе благопріятныхъ условіяхъ бороться на міровомъ рынкѣ съ опасными заокеанскими соперниками и 2) необходимо было усиленное покровительство индустріальнымъ предпріятіямъ.

Правительство прибѣгло къ *обоимъ* средствамъ; но удовлетворительныхъ результатовъ оно достигло только при помощи *второго.* За десятилѣтіе 1887—1897 гг., характеризующееся несомнѣннымъ *расцвѣтомъ промышленности, торговый балансъ* значительно *ухудшился,* и *хлѣбный экспортъ* хотя и увеличился количественно, но значительно *потерялъ въ своей цѣнности.* Слѣдующія цифры подтвердятъ сказанное [1]).

Годы.	Общая стоимость вывоза и ввоза.			Вывозъ четырехъ важнѣйшихъ хлѣбныхъ злаковъ.		
	Вывозъ.	Ввозъ.	Вывозъ больше (+) или меньше (−) ввоза.	Размѣры вывоза.	Стоимость вывоза.	Средняя цѣна за пудъ.
	Въ милліонахъ рублей новой валюты 1 рубль=$^1/_{15}$ имперіала.			Въ мил. пудовъ.	Въ мил. рублей.	Въ копѣйкахъ.
1887	617,3	393,2	224,1	390,7	307,6	78,7
1888	784,0	390,7	393,3	546,5	441	80,7
1889	750,9	437,0	313,9	465,5	375,4	80,6
1890	693,4	416,1	277,3	416,7	338,4	81,2
1891	706,7	379,3	327,4	389,5	352,6	60,5
1887—1891 въ среднемъ	—	—	*307,2*	*441,8*	*363*	*76,3*
1893	599,2	463,5	135,7	404	296	73,2
1894	688,8	559,9	129,2	639,5	381,4	59,6
1895	689,1	538,5	150,6	574,7	306,3	53,3
1896	688,6	589,1	98,8	506,8	322,5	63,6
1897	704,2	508,5	195,7	488,9	353,6	72,3
1893—1897 въ среднемъ	—	—	*142,0*	*522,8*	*336,8*	*64,4*

[1]) Таблица составлена по оффиціальнымъ даннымъ таможеннаго департамента, въ обработкѣ *Шванебаха,* Денежная реформа и народное хозяйство, стр. 89 и 94. Это гарантируетъ нѣкоторое единство группировки

Нетрудно видѣть значеніе этихъ цифръ; оно выражается въ слѣдующихъ главныхъ результатахъ.

	Въ среднемъ за время съ 1887 до 1891 г.	съ 1893 до 1897 г.		
Общее превышеніе ввоза . . .	307,2	142,0	= — 165,2	мил. руб.
Размѣры хлѣбнаго экспорта . .	441,8	522,8	= + 81,0	» пуд.
Стоимость » » . .	363	336,8	= — 26,2	» руб.
Средняя цѣна пуда хлѣба . . .	76,3	64,4	= — 11,9	коп.

Итакъ: ухудшеніе торговаго баланса, увеличеніе хлѣбнаго экспорта и, несмотря на то, уменьшеніе стоимости вывезеннаго хлѣба вслѣдствіе упадка хлѣбныхъ цѣнъ.

Такова картина аграрныхъ отношеній, которую необходимо противопоставить промышленному расцвѣту въ тотъ же періодъ времени. Въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ еще нельзя было, конечно, предвидѣть, что дальнѣйшая эволюція до конца вѣка приметъ такой неблагопріятный характеръ, но уже тогда обнаруживались два угрожающихъ симптома: неблагопріятный торговый балансъ и упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ. Систематическая и разумная индустріальная политика могла уравновѣсить вытекавшій отсюда ущербъ для народнаго хозяйства. Но Вышнеградскій разрѣшилъ эту сложную проблему крайне поверхностно,—онъ всѣми мѣрами форсировалъ хлѣбный экспортъ, стараясь пополнить недостаточную стоимость вывоза все новыми массами обезцѣненнаго хлѣба. Вывозъ хлѣба составлялъ:

въ 1881—1885 гг. . . .	269,1	мил. пуд.	(100%).
» 1886—1890 » . . .	367,9	» »	(136%).
» 1891—1895 » . . .	377,5	» »	(140%).

Относительно хлѣбнаго экспорта слѣдуетъ еще замѣтить, что уже послѣ отмѣны крѣпостного права, въ особенности же во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ онъ принялъ такіе размѣры, какихъ онъ могъ достигнуть только при значительномъ напряженіи силъ сельскаго хозяйства. Изъ общаго результата урожая четырехъ главныхъ хлѣбныхъ злаковъ было вывезено въ среднемъ за время:

цифръ. Торгово-статистическія данныя значительно разнятся въ отдѣльныхъ оффиціальныхъ сборникахъ, въ зависимости отъ того, положены ли въ основу исчисленія вывозъ и ввозъ черезъ *всѣ* границы или же только торговля черезъ европейскую границу включая или исключая Финляндію и т. д. Еще большая разница обнаруживается при оцѣнкѣ товаровъ, въ особенности хлѣба. Тенденція товарообмѣна къ возрастанію или упадку‘ однако, всегда отражается въ цифрахъ, и это для насъ самое важное. Ср. *Покровскій*, стр. 34, и для хлѣба стр. 3—10; *Иващенковъ*, стр. 65, табл. 15; *Кашкаревъ*, стр. 161.—1892 годъ исключенъ изъ таблицы, такъ какъ въ теченіе этого года экспортъ хлѣба былъ временно воспрещенъ; въ 1892 году экспортъ выразился въ цифрѣ 475,6, а импортъ — 403,9 мил. руб., вывозъ превысилъ такимъ образомъ ввозъ на 71,7 мил. руб.

съ 1862 до 1866 гг. . . . . 4,6%.
» 1871 » 1875 » . . . . 9,1%.
» 1875 » 1879 » . . . . 14,3%.
» 1883 » 1888 » . . . . 13,6%.
» 1888 » 1893 » . . . . 14,1%.
» 1893 » 1897 » . . . . 15,7%.

Даже война 1877—1878 г. и неурожаи 1867, 1868 и 1871 гг. не пріостановили до—1880 г. роста хлѣбнаго экспорта. Но затѣмъ въ 1881—1885 г.—главнымъ образомъ, сталс быть, за то время, когда во главѣ управленія финансами стоялъ Бунге — наступаетъ нѣкоторое затишье, вновь смѣнившееся, какъ уже указано выше, при Вышнеградскомъ періодомъ усиленнаго (на 36%) экспорта [1]).

Меркантилистическая система Вышнеградскаго, сводившаяся къ скопленію возможно большого количества золота, развивалась всецѣло за счетъ сельскаго хозяйства. Но силъ послѣдняго хватило лишь на нѣсколько лѣтъ, Въ то время какъ индустрія, особо покровительствуемая и благодаря стеченію многихъ благопріятныхъ факторовъ, достигла замѣтныхъ успѣховъ, въ сферѣ сельскаго хозяйства центральной Россіи подготовлялась катастрофа. Голодные 1891 и 1892 годы съ ихъ разрушительными послѣдствіями явились тяжелой расплатой за тотъ односторонній и суровый фискализмъ, которымъ была проникнута финансовая политика восьмидесятыхъ годовъ. Ужасы голода сломили «систему». «Неурожай 1891 г. какъ набатъ возвѣстилъ всей Россіи неоспоримую, но печальную истину. Самые плодородные и самые значительные надѣлы не въ состояніи обезпечить даже пропитаніе крестьянъ черноземной полосы, и именно потому, что они ничего не имѣютъ кромѣ хлѣба, и этого послѣдняго, въ случаѣ неурожая, не могутъ купить» [2]).

Въ дѣлѣ увеличенія матеріальныхъ и финансовыхъ средствъ государства энергія Вышнеградскаго не останавливалась ни передъ какими препятствіями. Ему удалось вновь упорядочить бюджетъ, равновѣсіе котораго было до тѣхъ поръ нарушено. Онъ достигъ, далѣе, цѣли, которую опреслѣдовалъ съ желѣзной послѣдовательностью,—заложить прочную основу для введенія металлической валюты путемъ скопленія значительнаго золотого запаса. Но изъ за этихъ двухъ цѣлей у него оставались въ непростительномъ пренебреженіи сельскохозяйственныя производительныя силы страны. Погоня за золотомъ нанесла послѣній ударъ и безъ того упавшему сельскому хозяйству центральныхъ губерній. «Страстно преданный накопленію своего золота, Вышнеградскій не слѣдилъ за біеніемъ пульса страны, онъ не замѣчалъ, что пульсъ становится все слабѣе

---

[1]) *Покровскій*, I, стр. 7 слл.

[2]) Головинъ, стр. 81. ср. также Исаевъ, къ политикѣ русскаго министерства финансовъ съ середины восьмидесятыхъ годовъ. (Штутгардъ 1903 г.).

и слабѣе и выступали угрожающіе симптомы атрофіи. Онъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть, что блестящіе успѣхи его управленія были куплены цѣною чрезмѣрнаго напряженія» [1]).

ГЛАВА XLVIII.

Что дѣлать?—Упадокъ сельскаго хозяйства.—Министромъ финансовъ дѣлается Витте. Его личность и программа.—Послѣдствія «системы Витте».

Относительно 1891 года нерѣдко утверждали, что онъ имѣлъ для Россіи значеніе откровенія, такъ какъ онъ вскрылъ слабыя стороны хозяйственнаго организма страны. Надо было бы поэтому думать, что немедленное улучшеніе обнаруженнаго голодомъ бѣдственнаго положенія крестьянскаго населенія должно бы послужить главнѣйшей и настоятельнѣйшей задачей для всякаго руководящаго государственнаго дѣятеля,—а таковымъ, безъ сомнѣнія, являлся въ этомъ случаѣ министръ финансовъ. Но «откровеніе» встрѣтилось тогда, повидимому съ слишкомъ еще сильнымъ недовѣріемъ. Детальное и широкое изслѣдованіе причинъ аграрнаго кризиса было начато лишь 10 лѣтъ спустя по инициативѣ министра финансовъ Витте за годъ до оставленія имъ министерства финансовъ. И все же уже въ началѣ девяностыхъ годовъ не было недостатка въ весьма убѣдительныхъ доказательствахъ того, что въ «упадкѣ центра» обнаруживается опасный болѣзненный процессъ всей эволюціи народнаго хозяйства. Появившійся анонимно и принадлежащій очень извѣстному автору трудъ о болѣе глубокихъ причинахъ растройства хозяйственнаго организма націи вызвалъ цѣлый потокъ литературной полемики; руководящія же оффиціальныя сферы считали, повидимому, свой долгъ исполненнымъ, предложивъ автору—котораго упрекали въ пессимизмѣ—проявить его творческія способности на практикѣ, въ качествѣ руководителя аграрнымъ дѣломъ [2]).

30 августа 1892 г. *министромъ финансовъ былъ назначенъ Витте*, съ 15 февраля занимавшій уже постъ министра пу-

---

[1]) Швансбахъ стр. 28.

[2]) Въ 1894 г. было учреждено министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ, во главѣ котораго сталъ Ермоловъ, уже за годъ передъ тѣмъ назначенный управляющимъ такъ наз. министерствомъ государственныхъ имуществъ. Министромъ земледѣлія Ермоловъ состоитъ и въ настоящее время. Онъ проявилъ чрезвычайно энергичную дѣятельность, направленную на поднятіе русскаго земледѣлія и увеличеніе производительности государственныхъ имуществъ. Эта дѣятельность значительно тормозилась, однако, вслѣдствіе недостатка финансовыхъ средствъ. Разрѣшить собственными силами аграрный вопросъ—эту основную проблему всего русскаго народнаго хозяйства—онъ не могъ. Онъ ограничивался поэтому частичными реформами, которыя, безъ сомнѣнія, были полезны, но въ существѣ не измѣняли общаго положенія дѣла.

тей сообщенія. Витте—шведскаго происхожденія—по окончаніи своего академическаго образованія по физико-математическому факультету посвятилъ себя главнымъ образомъ желѣзнодорожному дѣлу, и выдѣлился въ этой области своими организаторскими дарованіями и чрезвычайною дѣятельностью. Объ этомъ могутъ свидѣтельствовать и его литературные труды («Русскіе порты и желѣзнодорожные тарифы», «Принципы грузовыхъ тарифовъ» и др.). Для характеристики хозяйственно-политическихъ воззрѣній Витте важно его сочиненіе «Національная экономія и Фридрихъ Листъ» (1889 г.). На Листа новый министръ финансовъ неоднократно ссылался и при практическомъ осуществленіи «защиты національнаго труда». Въ другихъ отношеніяхъ идеологическія воззрѣнія теоретика нерѣдко отступали у него на задній планъ передъ реально возможнымъ для министра. Характерно, напримѣръ, что Витте—теоретикъ ломалъ копья противъ распространенія промышленнаго капитализма въ Россіи, а Витте-министръ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ покровителей именно крупно-капиталистической индустріи. Въ одномъ изъ своихъ очерковъ въ Аксаковской «Руси» 1885 г. Витте рекомендуетъ умѣренно-покровительственную политику въ видахъ развитія національной промышленности наряду съ земледѣліемъ, но при этомъ настойчиво предостерегаетъ противъ перенесенія на русскую почву «печальныхъ ученій Запада». Чтобы предотвратить физическое и моральное вырожденіе населенія, индустріальная политика должна быть направлена такимъ образомъ, чтобы рабочій классъ оставался охраненнымъ отъ «промышленнаго рабства». Домашнюю промышленность, не отрывающую производителя отъ родной почвы, необходимо защитить отъ подавленія ея фабрикою; далѣе, промышленность, «разъ она уже должна существовать», должна стремиться перерабатывать русскіе сырые продукты и удовлетворять русскія потребности.

Вступивъ въ должность, Витте получилъ отъ своего предшественника наслѣдство, обремененное весьма значительными пассивами. Въ кладовыхъ казначейства хранился многомилліонный запасъ золота, но его нельзя было пока реализировать, такъ какъ это грозило бы опасностью тотчасъ же растерять то, что было пріобрѣтено съ такими трудами. Этотъ золотой запасъ могъ, однако, при бережномъ къ нему отношеніи, принести неоцѣнимую пользу въ будущемъ, если предварительно удастся побороть всѣ трудности текущаго момента и вновь поставленъ будетъ на очередь вопросъ о реформѣ валюты. Но время, было для этого крайне неблагопріятно, такъ какъ состояніе государственныхъ финансовъ, было тогда едва ли не критическое и необходимо было укрѣпить ихъ прежде, чѣмъ приступать къ дальнѣйшимъ реформамъ. Оба основныхъ устоя системы Вышнеградскаго, активный торговый балансъ и благопріятное состояніе бюджета, грозили рухнуть. Здѣсь необходимо было энергичное вмѣшательство, чтобы не остановиться на полпути къ лучшему будущему. Представлялось такимъ образомъ

настоятельной необходимостью вновь привести въ интенсивное движеніе застывающій финансовый аппаратъ. Ибо въ какомъ бы направленіи не пришлось разрѣшить проблему хозяйственнаго оздоровленія страны,—успѣхъ всегда зависѣлъ бы отъ состоянія государственныхъ финансовъ. При расшатанныхъ государственныхъ финансахъ нельзя было довести до «расцвѣта» ни одной отрасли народнаго хозяйства.

Притомъ еще раньше, чѣмъ спала завѣса съ надвигающагося аграрнаго кризиса, волею монарха было декретировано (17 марта 1891 г.) исполненіе гигантскаго проэкта Сибирскаго пути. Это колоссальное предпріятіе возлагало на новаго министра финансовъ задачу, разрѣшеніе которой требовало самаго крайняго напряженія его финансовыхъ дарованій.

Мы были бы несправедливы къ Витте, если бы мы допустили, что онъ не замѣчалъ слабости тѣхъ элементовъ, на которыхъ базировала его хозяйственно—политическая программа. Напротивъ того, онъ, вѣроятно, такъ хорошо сознавалъ недостаточную устойчивость экономическаго положенія, что именно поэтому счелъ себя вынужденнымъ—со смѣлостью единственно отвѣтственнаго строителя—укрѣпить ее цѣлою системою искусственныхъ подпорокъ. Склонностью къ сентиментальнымъ мудрствованіямъ Витте никогда не страдалъ. При трезвомъ отношеніи къ крушенію системы Вышнеградскаго онъ имѣлъ передъ собою два пути къ оздоровленію подавленнаго народно-хозяйственнаго организма націи. Онъ могъ стремиться либо къ діэтетическому леченію, либо къ искусственному повышенію жизнедѣятельности организма при помощи сильнодѣйствующихъ средствъ. Первый, безконечно утомительный и длинный путь, велъ бы въ существѣ къ тому, чтобы посредствомъ цѣлой упорядоченной системы соотвѣтственныхъ мѣропріятій тщательно и любовно выращивать всѣ экономическіе ростки національной производительности, какъ это нѣкогда было осуществлено въ Пруссіи реформами Штейнъ—Гарденберга. Но плоды такого культурнаго ухода могли бы созрѣть лишь въ теченіе многихъ десятилѣтій, и притомъ отчасти при условіи разрыва съ политическимъ прошлымъ страны и отказа отъ блеска внѣшняго могущества. Подходящимъ для такого рода скромнаго, чуждаго эффектовъ труда былъ бы такой дѣятель какъ Бунге, но никогда не могли принять такой программы министры въ родѣ Витте или Вышнеградскаго, стремившіеся къ быстрымъ и осязательнымъ результатамъ.

Оставалась такимъ образомъ открытой только вторая возможность—ввести въ слабый организмъ возбуждающія средства въ надеждѣ, что дѣйствіе ихъ будетъ достаточно сильнымъ для того, чтобы помочь имѣющимся въ организмѣ здоровымъ силамъ побѣдить всѣ болѣзненныя явленія. Необходимой предпосылкой такого рода программы дѣйствій являлась непоколебимая вѣра въ способность русскаго народа къ экономическому развитію даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Этою вѣрою Витте, какъ онъ это самъ многократно высказывалъ, обладалъ въ полной мѣрѣ, и рескриптъ

императора отъ 1 января 1903 г. на имя Витте по случаю его десятилѣтняго управленія финансами ставить ему въ заслугу, что дѣлу упорядоченія русскихъ финансовъ онъ посвятилъ себя съ настойчивой энергіей и твердой вѣрой въ экономическія силы русскаго государства.

Такимъ образомъ, Витте полагалъ возможнымъ справиться со всѣми трудностями путемъ искусственнаго повышенія благосостоянія народа при помощи мѣтопріятій, осуществлявшихся имъ весьма смѣло и съ исключительной щедростью. Рычагами для этого служили, какъ и у Вышнеградскаго, покровительство индустріи и безпрерывное расширеніе желѣзнодорожной сѣти. Крупная *индустрія* должна была обезпечить экономическую независимость отъ иностранцевъ, привлечь иностранные капиталы, улучшить торговой балансъ путемъ сокращенія импорта иностранныхъ продуктовъ, дать странѣ трудъ и заработокъ. Необходимымъ спутникомъ этой промышленной горячки была ни съ чѣмъ не считающаяся покровительственная политика. *Желѣзныя дороги*, далѣе, должны были поднять экономическое благосостояніе въ самыхъ отдаленныхъ областяхъ имперіи, дать новые импульсы внутреннему товарообмѣну и товарному экспорту, создать крупную желѣзодѣлательную индустрію, словомъ—онѣ должны были явиться піонерами экономическаго расцвѣта. Наконецъ, *государственная власть* которая не можетъ отказаться отъ руководительства столь неудержимымъ стремленіемъ впередъ, должна была въ своихъ собственныхъ интересахъ взять на себя роль вдохновительницы капиталистическаго прогресса: она должна была оказывать экономическую поддержку и давать казенные заказы, привлекать иностранный капиталъ, устраивать желѣзнодорожные займы и т. п.

Въ ущербъ другимъ культурнымъ задачамъ правительственной власти послѣдняя стала проявлять усиленную дѣятельность въ видахъ «индустріализаціи» государства и снабженія его путями сообщенія,—и эта программа отражалась на торговлѣ и индустріи, финансахъ и средствахъ сообщенія, колонизаціи и народномъ образованіи, а наконецъ, и въ политической области. Для осуществленія такихъ проектовъ, съ нѣкоторымъ хотя бы вѣроятіемъ успѣха, необходимы были три силы: бюрократическая централизація, доведенная до такихъ предѣловъ, въ какихъ она возможна только въ Россіи, исключительное личное вліяніе, какого можетъ достигнуть только русскій министръ финансовъ и, наконецъ, такая ни передъ чѣмъ не останавливающаяся энергія, какою обладалъ только Витте. Во всѣхъ трехъ направленіяхъ слишкомь натянутыя струны наконецъ ослабли Мы остановимся на этомъ вкратцѣ [1]).

---

[1]) Ср. «Россія наканунѣ 20 вѣка», (4 изд., Берлинъ 1901), стр. 92, «Самодержавіе и земство», (Штутгартъ 1903); «Политическая безпринципность господина Витте», (Берлинъ 1903); «Министръ финансовъ Витте и русскій государственный совѣтъ о финансовомъ положеніи Россіи», (Штутгартъ 1903), N. B... o, Zur Kritik der Kritik des Systems des russischen Finanzministers, (Berlin 1902); R o h r b a c h, Das Finanzsystem Witte, (Berlin 1902); S i b i r ä s e, Excellens Witte, (Berlin 1904); Б у т м и, — Итоги финан-

Когда Витте принялъ портфель финансовъ, въ государственномъ управленіи уже господствовали централистскіе принципы. Они поддерживались тѣмъ теченіемъ на верхахъ государственной жизни, которое явилось на смѣну либеральнымъ реформамъ шестидесятыхъ годовъ. Возрожденіе «сильной власти», какъ выражались приверженцы реакціи—повело за собою въ восьмидесятыхъ годахъ возстановленіе системы управленія съ ярко выраженнымъ бюрократическимъ характеромъ. Витте покровительствовалъ этой системѣ, такъ какъ отъ стремленія земскихъ людей къ самоуправленію онъ ожидалъ для своихъ проектовъ скорѣе прстиводѣйствія нежели сочувствія, и могъ ссылаться на то, что строго централизованное бюрократическое государство удовлетворительно управляло желѣзными дорогами и центральнымъ банкомъ съ его многообразными развѣтвленіями. По мнѣнію Витте, бюрократія дала въ сферѣ управленія по меньшей мѣрѣ столько же, сколько и «силы общества», и съ этой стороны не было, такимъ образомъ, препятствій къ тому, чтобы предоставить бюрократическому аппарату и торгово-промышленныя функціи, въ родѣ, напр., государственной продажи питей или руководства потерпѣвшими крушеніе промышленными предпріятіями.

Довѣріе министра не было, однако, оправдано. Низшіе, исполнительные органы бюрократіи не сумѣли справиться съ тѣми задачами, которыя возлагало на нихъ центральное правительство. Они должны были, конечно, охранять прежде всего интересы казны, но въ то же время не желали упускать и собственной выгоды, гдѣ это только оказывалось возможнымъ,—и въ результатѣ для безкорыстнаго служенія общему благу оставалось уже очень мало мѣста. Если даже допустить исключительный случай, когда личная иниціатива соотвѣтствовала бы какъ административнымъ полномочіямъ, такъ и культурной подготодкѣ низшаго чиновничества, то все же ихъ раздѣляла бы цѣлая пропасть въ виду ихъ отчужденности отъ условій мѣстной жизни; и заполнить эту пропасть было бы возможно только отказывшись отъ централистическихъ принциповъ въ управленіи. Въ будущемъ, повидимому, предположено поэтому болѣе широкое привлеченіе мѣстныхъ силъ, городскихъ и земскихъ.

Въ качествѣ второго устоя экспансивной экономической политики неомеркантилистическаго направленія мы указали матеріальное преобладаніе министерства финансовъ. Этотъ перевѣсъ одного вѣдомства надъ всѣми другими отраслями управленія обусловливался при Витте частью самымъ существомъ дѣла, частью личными причинами. Министръ финансовъ несетъ отвѣтственность за денежныя средства государства, безъ послѣднихъ нельзя осуществить ни одного полезнаго начинанія, и другимъ центральнымъ установленіямъ—кромѣ инстанцій, вѣдающихъ вооруженныя силы государства—тру-

---

соваго хозяйства съ 1892 до 1903 г., (Спб. 1904); Радцигъ. Русская финансовая политика съ 1887 г., (Спб. 1903); Гурко, Корни русскаго народнаго хозяйства, аграрно-экономическіе очерки, (Спб. 1902). Труды Головина, Исаева, Шванебаха, Бехтѣева уже упомянуты выше.

дно бороться съ руководителемъ финансовъ, въ виду отсутствія коллегіальной отвѣтственности кабинета. Министерству финансовъ дана такимъ образомъ возможность простирать свое вліяніе, а затѣмъ и свою политику на всѣ хозяйственныя дѣла имперіи и даже далеко за эти предѣлы. Въ министерствѣ финансовъ сплетаются всѣ нити экономическій жизни; даже сельское хозяйство находится, въ качествѣ «сельскохозяйственнаго» промысла, подъ присмотромъ финансоваго вѣдомства, при молчаливомъ попустительствѣ со стороны компетентныхъ лицъ; внутреннее управленіе, уже въ силу своей тѣсной связи съ экономическими вопросами, въ значительной мѣрѣ испытываетъ вліяніе финансоваго управленія; наконецъ, техническое образованіе, при энергичномъ содѣйствіи министра финансовъ Витте, все болѣе сосредоточивалось въ одномъ изъ отдѣловъ его министерства. При такой экстенсивной разносторонности не можетъ хватить силъ одного человѣка, какъ бы значителенъ и не былъ его административный талантъ [1]).

Наконецъ, въ третьихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что для системы чрезвычайно интенсивно созидаемой національной промышленности въ десятидесятныхъ годахъ такой дѣятель, какъ Витте, былъ прямо необходимъ. Витте не былъ однимъ изъ тѣхъ геніевъ, которые благодаря своей моральной силѣ ведутъ за собою своихъ современниковъ къ новымъ высокимъ цѣлямъ, но онъ былъ энергичнымъ строителемъ и очень умѣлымъ администраторомъ. Онъ превосходилъ всѣхъ своихъ коллегъ смѣлостью, энергіей и—неразборчивостью въ средствахъ; онъ имѣлъ много враговъ и завистниковъ, но ни одного конкурента. Что его направленіе окрашивало всю государственную жизнь,—обусловливалось отчасти всѣмъ ходомъ развитія, на который государство вступило уже задолго до Витте и безъ его содѣйствія.

Крупно-капиталистическая промышленность и централистскія бюрократическія тенденціи укоренились въ экономической жизни уже до того, какъ Витте принялъ на себя высшее руководство ими. Тѣснѣе сплетая отдѣльныя нити, министръ финансовъ полагалъ, что онъ содѣйствуетъ какъ увеличенію государственныхъ доходовъ, такъ и поднятію народнаго благосостоянія. Расширеніе государственнаго хозяйства путемъ превращенія желѣзныхъ дорогъ въ государственныя и введенія винной монополіи должны были усилить государственную власть и экономически освободить ее отъ недоста-

---

[1]) «Новое время» очень справедливо замѣтило въ статьѣ, посвященной оцѣнкѣ дѣятельности Витте: «По существу дѣла финансовая политика Витте слишкомъ поглащала всю русскую политику, которая была поставлена въ тѣснѣйшую зависимость отъ матеріальныхъ условій. Онъ былъ не столько министромъ финансовъ, сколько первымъ министромъ. Благодаря своимъ исключительнымъ способностямъ онъ оказывалъ вліяніе на всѣ стороны государственной жизни. Онъ увлекался самъ и увлекалъ за собою русскую жизнь, и притомъ въ направленіи, которое было ему желательно, которое ему, по его убѣжденію, казалось лучшимъ... Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Онъ дѣлалъ много, и ошибки были поэтому неизбѣжны.

точно устойчивой налоговой опоры; покровительство крупной промышленности должно было пробудить и укрѣпить экономическія силы населенія и поднять страну на высоту самоудовлетворяющагося экономическаго единства.

Ставка была достаточно высока, чтобы оправдать и смѣлую игру. Что игра оказалась на-половину проигранной,—въ этомъ лишь въ незначительной мѣрѣ была вина банкомета. Условія времени и человѣческія слабости не мало содѣйствовали тому, что очерченная нами система была замѣтно поколеблена. Разразившійся въ 1899 г. промышленный кризисъ находился въ связи съ общимъ затишьемъ на міровомъ рынкѣ. Увеличеніе дефицитовъ по эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ въ значительной мѣрѣ обусловливалось дороговизною постройки и легкомысленнымъ расходованіемъ ихъ капиталовъ; ухудшеніе платежнаго баланса было вызвано неурожаями и недостатками торговой организаціи; общее финансовое положеніе, наконецъ, приняло неблагопріятное направленія вслѣдствіе непроизводительныхъ расходовъ на «Дальнемъ Востокѣ».

Но только что указанные неблагопріятные моменты только обострили промышленный кризисъ, охватившій Россію къ концу управленія финансами Витте, основу же этому кризису положило—вопреки мнѣнію самого г. Витте—то обстоятельство, что онъ продолжалъ принятую Вышнеградскимъ односторонне-фискальную «систему» покровительства индустріи. Мы имѣемъ въ виду не «индустріальную» систему; послѣдняя, какъ совокупность государственныхъ мѣропріятій, направленныхъ на развитіе и поднятіе промышленнаго производства, была при Витте по меньшей мѣрѣ столь же умѣстна и цѣлесообразна, какъ въ восьмидесятыхъ годахъ, когда обнаружилась невозможность основывать народное хозяйство главнымъ образомъ на сельскомъ хозяйствѣ. Но совершенное игнорированіе того преимущественно аграрнаго характера, который Россія сохранила по настоящій день, несмотря на всѣ тенденціи къ ея индустріализаціи, явилось выраженіемъ индустріально-политической системы, покоившейся на ложныхъ принципахъ.

Къ этому присоединилось еще преувеличенное представленіе о силахъ націи. Матеріальная и культурная отсталость огромной массы населенія, унаслѣдованная отъ прежняго времени, не была достаточно принята во вниманіе. Производство и сбытъ были разсчитаны на совершенно здоровый хозяйственный организмъ съ самодѣятельными органами и способностью приспособляться съ новымъ условіямъ; но—какъ это обнаруживалось все яснѣе—слабость и незрѣлость хозяйственной жизни ставили почти непреодолимыя препятствія на пути къ прогрессивному развитію. Безсиліе и оскудѣніе земледѣльческаго населенія нельзя было уничтожить никакими искусственными возбуждающими средствами.

Когда непрочность основныхъ устоевъ смѣло стремящейся впередъ хозяйственной политики стала ясной, Витте не замедлилъ придти на помощь упавшему сельскому хозяйству цѣлой серіей «малыхъ» средствъ, но поверхностное леченіе не могло исцѣлить болѣе глу-

боко коренящуюся болѣзнь. Стали проявляться также опасныя послѣдствія искусственно взвинченнаго движенія впередъ. Авторъ не имѣлъ больше полной власти надъ своимъ собственнымъ твореніемъ. Чтобы не признать нѣкотораго фіаско господствовавшей до тѣхъ поръ экономической политики и не усилить и безъ того уже обнаруживавшійся упадокъ духа въ рядахъ единственно пригодныхъ носителей этой политики, приходилось прибавлять все новыя звенья къ длиной цѣпи государственныхъ мѣропріятіи, чтобы поддерживать видимость промышленнаго и торгово-политическаго «расцвѣта». Пріобщеніе Сибири къ экономической и культурной жизни страны въ связи съ постройкою Сибирской желѣзной дороги, оккупація Манджуріи съ цѣлью введенія ея въ сферу русскихъ экономическихъ интересовъ, основаніе и финансированіе новыхъ поселеній на побережьи Тихаго океана,—все это были предпріятія и проекты, которые сами по себѣ, безъ сомнѣнія, не были лишены основательности но по обстоятельствамъ времени явились уже послѣдней ставкой экономической «системы», потерявшей подъ собою почву.

На бывшаго министра финансовъ Витте падаетъ не малая доля отвѣтственности за то, что эта эволюція привела въ окончательномъ результатѣ къ такому опасному пути. Убѣжденіе въ томъ, что экономическій прогрессъ въ концѣ концовъ, несмотря на всѣ препятствія, будетъ торжествовать побѣду и что его личнаго вліянія и власти будетъ достаточно для осуществленія этого дѣла, до послѣдняго момента поддерживало Витте въ его предначертаніяхъ. Чтобы вполнѣ уяснить себѣ это, необходимо принять во вниманіе особенности русской жизни. Въ Россіи талантливый государственный дѣятель въ извѣстной мѣрѣ предоставленъ самому себѣ; за нимъ стоитъ не замкнутая партія съ опредѣленными цѣлями и программой, а покорная бюрократія, поверхностная же публицистическая критика даже въ самой слабой степени не можетъ замѣнить серьезнаго критическаго обсужденія правительственныхъ мѣръ обществомъ и печатью въ условіяхъ парламентарной жизни. Вслѣдствіе этого у одаренныхъ дѣятелей нерѣдко является излишнее самомнѣніе и безграничная вѣра въ самого себя и собственную непогрѣшимость. Пусть это будетъ ослѣпленіемъ; но если только соотвѣтственныя мѣропріятія увѣнчались успѣхомъ, слава ихъ автора обезпечена.

Внѣшне блестящими успѣхами экономическая политика Витте не была обдѣлена; но имъ неизбѣжно должно было не доставать прочности, такъ какъ эта политика не имѣла корней въ народной жизни, а покоилась исключительно на зыбкой почвѣ крупно-капиталистической индустріи. Увеличеніе благосостоянія верхнихъ слоевъ общества почти не коснулось косной массы крестьянскаго населенія. Витте, очевидно, убѣдился въ этомъ—въ засѣданіи государственнаго совѣта 30 декабря 1902 г. онъ самъ призналъ, что экономическое положеніе количественно преобладающихъ классовъ населенія клонится къ упадку. Экономическій кризисъ въ концѣ вѣка явился печальнымъ завершеніемъ «системы Витте», а «упадокъ центра» полностью вскрылъ

ея слабыя стороны. Теперь начинаютъ уже призывать къ борьбѣ съ упадкомъ сельскаго хозяйства; начинается ликвидація покровительствуемаго государствомъ грюндерства, а вскорѣ замедляется и темпъ желѣзнодорожнаго строительства. Еще раньше, чѣмъ страна успѣла отравиться отъ кризиса, война на Дальнемъ Востокѣ уготовила Россіи новое испытаніе. Что послѣдуетъ за этимъ,—покажетъ будущее. Витте не несетъ уже болѣе отвѣтственности за финансовую политику правительства. Въ августѣ 1903 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета министровъ.

Выше мы пытались охарактеризовать цѣли индустріальной системы, теперь мы остановимся на примѣненіи ея въ практической экономической жизни. Широкіе планы возрожденія народнаго хозяйства путемъ интенсивнаго использованія движимаго капитала для промышленныхъ предпріятій, естественно, нуждались, для того, чтобы они могли пустить корни, въ болѣе или менѣе воспріимчивой почвѣ. Изолированная Россія даже при геніальномъ руководительствѣ ея народнымъ хозяйствомъ не смогла бы въ теченіе немногихъ лѣтъ исключительно своими силами расширить индустріальное производство до такихъ размѣровъ, какихъ оно достигло въ дѣйствительности. Для этого были необходимы живыя сношенія съ міровымъ рынкомъ и близкое соприкосновеніе съ міровымъ хозяйствомъ. По этому поводу мы находимъ слѣдующія указанія въ одномъ полу-оффиціальномъ русскомъ источникѣ, относящемся къ октябрю 1899 года;

„Рядъ новыхъ изобрѣтеній въ области электричества и электро-химіи и быстрое, вслѣдствіе все усиливающейся связи науки съ практикою, примѣненіе новыхъ научныхъ выводовъ для цѣлей промышленной техники даютъ сильный толчокъ къ увеличенію производительности капитала и естественно привлекаютъ въ промышленность свободныя средства. Все большее распространеніе знаній въ широкихъ слояхъ населенія, спеціализація этихъ знаній и ихъ чисто утилитарная формулировка явно содѣйствуютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и все большей производительности труда, создавая такимъ образомъ всѣ элементы для роста народнаго производства. Всего сильнѣе это явленіе наблюдается въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ мы видимъ также и высшій расцвѣтъ промышленной дѣятельности. Этотъ расцвѣтъ и ясная картина его причинъ должны были найти отголосокъ и въ другихъ странахъ, и почти повсюду видно стремленіе пойти по тому же пути, и почти повсюду, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, обнаруживаются тѣ же послѣдствія“.

Необходимо, далѣе, имѣть въ виду огромный ростъ мірового сообщенія, въ видахъ содѣйствія которому съ лихорадочной энергіей производилась постройка желѣзныхъ дорогъ, проводились каналы и пути сообщенія, вводились новыя пароходныя линіи и т. д. Россія какъ въ развитіи крупной промышленности, такъ и въ расширеніи своей желѣзнодорожной сѣти по меньшей мѣрѣ не отставала отъ

другихъ государствъ; постройка сибирской дороги была такимъ предпріятіемъ, которое по своимъ размѣрамъ и стоимости даже оставляла въ тѣни всѣ другія аналогичныя предпріятія того времени. Въ предшествовавшій періодъ промышленнаго затишья свободный капиталъ наиболѣе богатыхъ деньгами государствъ не находилъ у себя на родинѣ достаточнаго приложенія и, привлеченный блестящими видами на будущее, искалъ помѣщенія въ разнаго рода отдаленныхъ, частью экзотическихъ предпріятіяхъ, изъ которыхъ его уже нельзя было взять обратно, когда затѣмъ на соотвѣтственныхъ денежныхъ рынкахъ наступила заминка вслѣдствіе извѣстныхъ политическихъ и экономическихъ международныхъ событій. Еще объ одномъ моментѣ нужно упомянуть. Во время широкаго предложенія капитала, ищущаго выгоднаго помѣщенія, самые крупные заемщики, (государство, общины, банки) понизили—какъ это всегда дѣлается въ такихъ случаяхъ—размѣры процентовъ по своимъ займамъ посредствомъ конверсіонныхъ и кредитныхъ операцій. Это побуждало капиталы, доходность которыхъ такимъ образомъ уменьшилась, искать лучшаго, болѣе выгоднаго помѣщенія. Свободныя денежныя средства отливали поэтому почти исключительно въ промышленность. Индустрія и денежный рынокъ дѣйствовали на руку другъ другу. Первая обѣщала капиталистамъ золотыя горы, причемъ она могла ссылаться на выплаченные въ предшествовавшіе годы высокіе дивиденды, а капиталисты—даже тѣ изъ нихъ, свободные капиталы которыхъ еще висѣли въ воздухѣ—считали лучшимъ обезпеченіемъ своего матеріальнаго будущаго помѣщеніе всѣхъ своихъ финансовыхъ рессурсовъ въ индустріальныя предпріятія.

Индустрія выросла при этихъ благопріятныхъ условіяхъ для выгоднаго развитія производства, и изъ новыхъ предпріятій большая часть дѣйствительно представляла серьезную цѣнность. Въ объяснительной запискѣ къ своей послѣдней государственной росписи министра финансовъ Витте (на 1902 годъ) указываются, въ общемъ, слѣдующія причины быстраго роста промышленности въ девяностыхъ годахъ. Послѣдовательное осуществленіе системы высокихъ покровительственныхъ пошлинъ и увеличеніе спроса какъ со стороны населенія, такъ и казны (для надобностей желѣзныхъ дорогъ и т. д.) пробудили духъ промышленной предпріимчивости; имѣющіяся въ изобиліи въ самой странѣ денежныя средства и притокъ иностраннаго капитала, разсчитывавшаго именно въ сферѣ индустріи на особенно высокіе дивиденды, дали возможность приступить къ расширенію старыхъ и учрежденію новыхъ промышленныхъ предпріятій. Такъ какъ существовала широкая потребность въ фабрикатахъ, которую приходилось удовлетворять импортомъ изъ-за границы, то было бы несправедливо утверждать, что эти предпріятія въ извѣстной мѣрѣ устраивались «на авось». Но многія вновь организованныя предпріятія съ самаго начала страдали значительнымъ недостаткомъ денежныхъ средствъ. Онѣ нерѣдко призывались къ жизни съ незначительнымъ капиталомъ. Предприниматели исчисляли расходы по постройкѣ, быть можетъ

запасались еще нѣкоторыми средствами для веденія дѣла на первыхъ порахъ, а затѣмъ уже разсчитывали добыть дальнѣйшія средства посредствомъ выпуска новыхъ акцій или облигацій. Но уже во время самой постройки, по обыкновенію, возникали проекты какихъ либо непредвидѣнныхъ видоизмѣненій или расширенія предпріятія, и это поглощало остатокъ находившагося въ распоряженіи капитала, такъ что фабрики, начинавшія производство, иногда уже въ первый годъ своего существованія оказывались лишенными средствъ къ продолженію дѣла. Если они находились при этомъ въ связи съ крупными богатыми банками, трудности успѣшно превозмогались. Но за цѣлымъ рядомъ новыхъ заводовъ стояли болѣе мелкія кредитныя учрежденія, которыя охотно финансировали эти предпріятія, чтобы сорвать при этомъ значительный «кушъ», но оказывались безсильными, когда обнаруживалась надобность въ дальнѣйшихъ «воспособленіяхъ», а дѣло на первыхъ порахъ прибылей не давало. Но и такимъ предпріятіямъ нельзя a priori отказать въ жизнеспособности. То обстоятельство, что ихъ организмъ былъ слишкомъ слабо снабженъ денежными нервами, еще не умаляло ихъ права на существованіе. Они были разсчитаны на то, что темпъ экономическаго роста Россіи еще надолго останется неизмѣннымъ; они упали при первомъ ударѣ, вызванномъ вздорожаніемъ кредита и сжатіемъ денежнаго рынка, такъ какъ они были слишкомъ «тонко» организованы въ отношеніи самаго nervus rerum.

Но рядомъ съ солидными предпріятіями имѣлись и предпріятія весьма сомнительнаго характера; спекулянты воспользовались развитіемъ индустріальнаго производства и охватившею широкую публику страстью къ предпринимательству для беззастѣнчивой эксплоатаціи своихъ жертвъ. «Основывали» предпріятія исключительно для грюндерской наживы. При этомъ не задавались вопросомъ, надолго ли хватитъ сбыта для усиленнаго предложенія и откуда возьмутся капиталы для веденія предпріятія хотя бы на первыхъ порахъ. Хозяйничали весьма легкомысленно,—съ тѣмъ именно легкомысліемъ, которое обнаруживается всегда и повсюду, когда предпринимателей охватываетъ необузданная грюндерская горячка [1]).

---

[1]) *Афанасьевъ*, Денежный кризисъ (1900), стр. 29, даетъ слѣдующую картину грюндерства: «Можно установить слѣдующую схему грюндерскаго предпріятія. Нѣсколько лицъ имѣли въ своемъ распоряженіи капиталъ въ 200 тыс. руб. Но для учрежденія фабрики имъ нужно имѣть полъ-милліона. И вотъ прежде всего составляется проектъ устава и представляется къ утвержденію. Послѣднее дается съ условіемъ, что общество можетъ начать свою дѣятельность, какъ только основной капиталъ будетъ внесенъ въ государственный банкъ. Предприниматели обращаются вслѣдствіе этого къ какому либо банку и берутъ у него въ ссуду на одинъ день недостающіе имъ 300.000 рублей, которые вносятся въ государственный банкъ. Основной капиталъ имѣется такимъ образомъ на лицо. Утвержденіе устава получается по телеграфу. Учредители созываютъ теперь «общее собраніе», выбираютъ „дирекцію" и послѣдняя уполномочивается взять «основной капиталъ» изъ государственнаго банка. Эта операція производится, и ссудившій предпріятіе банкъ получаетъ свою ссуду обратно. Владѣльцы акцій—это все тѣ же учредители—получаютъ теперь въ любомъ

Учрежденіе новыхъ и расширеніе уже существующихъ *акціонерныхъ компаній* сдѣлалось тогда своего рода спортомъ. За десятилѣтіе 1889—1899 гг., было учреждено 677 новыхъ обществъ съ основнымъ капиталомъ въ 825 мил. руб., а прежде основанныя общества увеличили за это время свой основной капиталъ съ 757 до 912 мил. руб. Въ частности въ горной промышленности учредительный капиталъ возросъ съ 86 до 406 мил. руб., причемъ спеціально въ желѣзной индустріи капиталъ увеличился съ 28 до 250 мил. руб.

Вслѣдъ за горной промышленностью идетъ текстильная индустрія, капиталы которой возросли съ 198 до 346 мил. руб. Усиленный притокъ капиталовъ коснулся и другихъ отраслей промышленности (химическая индустрія, керамика, лѣсное дѣло). Въ какихъ размѣрахъ подвигалось развитіе крупной промышленности непосредственно до наступленія кризиса, видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Новыя акціонерныя предпріятія.	Число утвержденныхъ уставовъ.	Въ дѣйствительности основано: Число предпріятій.	Акціонерный капиталъ въ милліонахъ рублей.
Въ 1896 г.	130	93	126,7
1897 „	134	96	114,0
1898 „	153	128	148,2

При этомъ идетъ рѣчь только о такихъ предпріятіяхъ, управленіе которыхъ находится въ Россіи; но кромѣ того было еще основано иностранцами въ Россіи: въ 1896 г. 23, въ 1897 г. 19 и въ 1898 г. 24 предпріятія. Не введены, далѣе, въ разсчетъ весьма значительныя суммы, употребленныя въ эти годы грюндерства на увеличеніе основного капитала уже существующихъ предпріятій.

Индустріальная политика государства охотно шла на встрѣчу этому сосредоточенію капиталовъ, такъ какъ въ немъ усматривалось одно изъ средствъ къ болѣе быстрому достиженію великихъ финансово-политическихъ цѣлей «системы». «Золотая политика», какъ совокупность всѣхъ мѣропріятій къ разрѣшенію трудныхъ

банкѣ ссуды подъ свои акціи, допустимъ въ размѣрѣ 40%. Опять имѣются 200.000 рублей. Теперь заказываются за границею машины, скажемъ, для новаго сахарнаго завода; при этомъ предоставляется кредитъ въ 100.000 рублей. Но теперь можно уже продать и сахаръ будущаго производства; за 100.000 пудовъ сахара, по рублю за пудъ, получаютъ 100.000 рублей и выдаютъ авансомъ сельскимъ хозяевамъ въ счетъ поставки свекловицы. Такимъ образомъ съ 200.000 рублей пускается въ ходъ крупное предпріятіе, которое покоится на доступности кредита и ожиданіи, что продажа сахара съ избыткомъ покроетъ всѣ расходы. Иногда все идетъ гладко но какъ только кредитъ сокращается и банки становятся прижимистыми, крахъ уже стучится въ дверь». Изъ этого нетрудно видѣть, что подвиги грюндерства въ Россіи не оставляютъ желать ничего лучшаго.

*

финансово-политическихъ проблемъ, проводилась въ сферѣ индустріальной политики съ неменьшей послѣдовательностью, чѣмъ въ области политики торговой и таможенной[1]). Въ какой мѣрѣ финансовыя соображенія оказывали вліяніе на систему покровительства индустріи,—видно изъ слѣдующихъ цитатъ:

«Послѣ осуществленія валютной реформы необходимо было подумать о быстрыхъ и ощутительныхъ успѣхахъ въ промышленности, успѣхахъ, которые уже въ ближайшіе годы могли служить опорою валюты. Такого рода успѣховъ нельзя было ожидать отъ постепеннаго прилива свободныхъ капиталовъ въ индустрію. Требовались болѣе концентрированныя силы и «великія» средства, которыя совмѣстно направлялись на великія цѣли. Вслѣдствіе этого поощрялось образованіе акціонерныхъ обществъ, и чтобы подготовить почву для послѣднихъ, денежному рынку былъ данъ сильный толчокъ въ милліардной конверсіи 1894 г. Крупный капиталистъ, какъ и мелкій сберегатель неожиданно увидѣли себя поставленными передъ альтернативой: либо предпочесть четырехъ-процентный доходъ съ государственныхъ бумагъ, либо создать себѣ высшій доходъ посредствомъ пріобрѣтенія промышленныхъ бумагъ.[2])

Гурьевъ, бывшій секретарь ученаго комитета министерства финансовъ, подробнѣе развиваетъ ту же мысль и между прочимъ приходитъ къ заключенію, что обществу должна быть дана нѣкоторая «доза конверсіоннаго наркотика». Этимъ онъ хочетъ сказать, что конверсіи государственныхъ бумагъ должны пробудить духъ предпріимчивости и влить въ него большую энергію и стремленіе къ болѣе живой дѣятельности. Такимъ путемъ уменьшеніе размѣра процентовъ могло бы оказать неоцѣнимыя услуги экономическому благосостоянію всей страны[3]).

Въ интересахъ справедливости слѣдуетъ отмѣтить, что финансовое управленіе неоднократно пыталось предостеречь публику противъ вовлеченія ея на этотъ опасный путь. Оно предостерегало мелкихъ капиталистовъ отъ спекуляцій фондами, о дѣйствительной цѣнности которыхъ въ данное время, не говоря уже о будущемъ, довѣрчивые покупатели не имѣли никакого представленія. Нельзя поэтому упрекать правительство, что предостереженіе послѣдовало тогда, когда было уже поздно. Тѣ самыя промышленныя бумаги, на которыхъ русскій частный капиталъ потерялъ въ 1900 и 1901 г. очень много сотенъ тысячъ рублей, неоднократно доводились въ предшествующіе семь или восемь лѣтъ до безумной цѣны, чтобы затѣмъ черезъ одну ночь потерпѣть страшное паденіе. Несмотря на то спекуляція не унималасъ, а капиталисты ничему не научились.

---

[1]) О вліяніи Золотой политики на торговый балансъ и таможенную политику гл. 32 и 46.
[2]) Швanебахъ, стр. 198.
[3]) «Нов. Время» отъ 16 октября 1895 г.

Все же съ правительства нельзя снять доли отвѣтственности за эксцессы этого періода грюндерства. Оно слишкомъ долго относилось къ этому явленію безучастно, такъ какъ «все направленіе» соотвѣтствовало его собственнымъ желаніямъ; оно слишкомъ поздно выступило противъ опаснаго теченія, хотя безъ сомнѣнія располагало для этого болѣе нежели достаточными средствами воздѣйствія. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда послѣ реорганизаціи банковаго дѣла въ Россіи и учрежденія цѣлаго ряда частныхъ торговыхъ банковъ выпущенныя послѣдними акціи усердно «вздувались» спекулянтами, министръ финансовъ Рейтернъ безусловно отклонялъ всѣ новыя ходатайства объ утвержденіи проектируемыхъ акціонерныхъ банковъ и такимъ образомъ почти совершенно задавилъ спекуляцію. Что въ девятидесятыхъ годахъ не прибѣгли къ такому способу дѣйствій,—объясняется съ компетентной стороны въ томъ смыслѣ, что желали избѣгнуть какого бы то ни было стѣсненія учредительской дѣятельности, чтобы не мѣшать дѣловому оживленію и привлеченію иностранныхъ капиталовъ[1]). Предпочитали отъ времени до времени охлаждать спекулятивный пылъ, но въ то же время каждый разъ настойчиво указывалось, что промышленность здорова и процвѣтаетъ. Это согласовалось съ фактами постольку, что за время съ 1893 до 1899 г. промышленныя цѣнности потерпѣли на биржахъ нѣкоторое паденіе, не умаливъ при этомъ «расцвѣта», такъ какъ благопріятныя условія производства вызывались другими причинами, не зависѣвшими отъ биржевого оборота. Только кризисъ, разразившійся въ 1899 г., привелъ индустрію въ затруднительное положеніе, такъ какъ устои ея, благодаря которымъ она прежде сравнительно легко переживала критическія коньюнктуры, тѣмъ временемъ поколебались. Или быть можетъ періодически повторявшіеся менѣе значительные биржевые кризисы до 1898 г. были лишь предвѣстниками катастрофы, для наступленія которой еще должно было «созрѣть» соотвѣтственное положеніе дѣлъ. На промышленномъ кризисѣ, впрочемъ, мы еще остановимся ниже (гл. 50).

Глава XLIX

Развитіе промышленности въ цифрахъ.—Недостатки промышленной статистики.—Ростъ индустріи съ 1887 до 1897 г.—Къ иллюстраціи промышленнаго прогресса.—Число фабричныхъ рабочихъ и исчисленіе стоимости производства.—Распредѣленіе всего производства между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ.—Чему учитъ статистика потребленія?

Русская промышленная статистика—область весьма ненадежная, еще никогда не подвергавшаяся основательной разработкѣ. Департаментъ торговли и мануфактуры въ министерствѣ финансовъ производитъ черезъ посредство губернаторовъ опросъ промышлен-

---

[1]) Шванебахъ, стр. 203.

никовъ и такимъ путемъ собираетъ кое-какія данныя о фабрикахъ и заводахъ; далѣе изъ данныхъ собираемыхъ податными учрежденіями, можно выяснить число промышленныхъ заведеній и ихъ приблизительный годовый оборотъ; наконецъ, болѣе или менѣе удовлетворительную промышленную статистику даютъ ученный горный комитетъ относительно горной промышленности и главное управленіе неокладныхъ сборовъ—о производствахъ, обложенныхъ акцизомъ. Но цифры, исходящія изъ разныхъ, отнюдь не согласованныхъ между собою и не организованныхъ единообразно источниковъ, въ большинствѣ случаевъ не точны и не надежны. Въ центральной инстанціи цифры не подвергаются достаточной провѣркѣ и контролю и—что всего важнѣе—матеріалъ не разрабатывается здѣсь согласно съ принципами современной промышленной статистики. Даже въ отношеніи самаго опредѣленія понятій и группировки отдѣльныхъ отраслей индустріи между различными органами нѣтъ согласія и единства; а что касается публикуемыхъ для всеобщаго свѣдѣнія оффиціальныхъ данныхъ, то ихъ недостаточность признана всѣми. Въ прежнее время даже въ оффиціальныхъ изданіяхъ нерѣдко жаловались на господствующій въ русской фабричной статистикѣ «хаосъ». Въ новѣйшее время кое что стало лучше, но отнюдь еще не можетъ быть признано хорошимъ [1]).

Статистическія данныя о ростѣ промышленности въ важнѣйшій періодъ ея развитія, т. е. приблизительно съ середины восьмидесятыхъ годовъ до наступленія кризиса (1897 г.) собраны въ изданномъ министерствомъ финансовъ трудѣ [2]). Что и эти данныя страдаютъ весьма существенными недостатками, прямо признается въ самомъ оффиціальномъ сборникѣ, но при этомъ въ видѣ утѣшенія оговаривается, что если даже абсолютныя цифры и не безусловно неоспоримы, то въ относительныхъ цифрахъ отражается по крайней мѣрѣ тенденція развитія. Изъ этого труда мы заимствуемъ нижеслѣдующую таблицу [3]).

---

[1]) Одинъ изъ экономистовъ новѣйшаго времени, Владиміръ Ильинъ (см. прим. 1 на стр. 86), стр. 358—370, утверждаетъ, что всѣ сравнительныя данныя о фабричной индустріи должны быть признаваемы ненадежными, пока не будетъ доказано противное. Онъ утверждаетъ, что прежде тысячи незначительныхъ заведеній съ нѣсколькими только рабочими неправильно заносились въ рубрику фабрикъ. Съ другой стороны отъ времени до времени дюжина и болѣе домашне-кустарныхъ мастерскихъ какой либо деревни отмѣчались какъ одна «фабрика». На недостатки промышленной статистики жалуется также Туганъ Барановскій (см. прим. на стр. 12), стр. 428 и др. Кому приходилось работать съ этими данными, тотъ безъ сомнѣнія признаетъ всю справедливость этихъ жалобъ.

[2]) Цифровыя данныя о фабричной промышленности въ Россіи въ 1897 г. (Спб. 1900).

[3]) Болѣе новой детальной разработки всего оффиціальнаго статистическаго матеріала, къ сожалѣнію, не имѣется. Позднѣе опубликованныя обработки матеріала либо даютъ только отдѣльные отрывки изъ всей области индустріи или же имѣютъ какое-либо специальное назначеніе. Изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ вновь публикуются, въ послѣднее время, послѣ продолжительнаго перерыва, „обзоры“; но послѣдніе

Ростъ промышленности съ 1887 до 1897 г.

Отрасли промышленности.	Число фабрикъ.			Цѣнность производства (въ миллiонахъ рублей).			Число рабочихъ (въ тысячахъ).		
	1887	1893	1897	1887	1893	1897	1887	1893	1897
Обработка:									
Тканей	2.847	3.025	4.449	463,0	621,9	946,3	399,2	479,9	642,5
Пищевыхъ продуктовъ	14.508	13.607	16.512	375,3	399,7	648,1	205,2	216,8	255,3
Животныхъ продуктовъ	4.425	3.350	4.238	79,5	78,4	132,1	38,9	44,2	64,4
Лѣсныхъ матерiаловъ	1.093	1.191	2.357	25,7	38,9	102,9	30,7	39,9	86,3
Бумажная индустрiя	242	343	532	21,0	27,5	45,5	19,5	33,8	46,2
Химическая индустрiя	588	683	769	21,5	39,6	59,6	21,1	28,4	35,3
Керамическiя производства	2.380	2.031	3.413	29,0	34,5	82,6	67,3	75,5	143,3
Горная промышленность	2.656	3.482	3.412	156,0	249,2	393,7	390,9	461,4	544,3
Изготовленiе металлическихъ издѣлiй	1.377	1.822	2.412	112,6	171,1	310,6	103,3	132,0	214,3
Разные другiе производства	772	799	935	50,8	74,2	117,8	41,9	52,9	66,2
Всего	30.888	30.333	39.029	1.334,5	1.735,0	2.839,1	1.318,0	1.582,0	2.098,2

изъ изданныхъ отчетовъ фабричной инспекцiи—за 1902 годъ—совершенно непригодны для статистическихъ цѣлей уже по тому одному, что далеко не всѣ промышленныя заведенiя подчинены надзору инспекцiи. Такъ въ 1902 г. этотъ надзоръ простирался только на 17.000 промышленныхъ предприятiй, занимавшихъ до 1,7 мил. рабочихъ. Въ томъ же году 1.207 заведенiй были вновь изъяты изъ надзора инспекцiи по распоряженiю высшей власти. По содержанiю „обзоры" не удовлетворяютъ даже самымъ скромнымъ требованiямъ промышленной статистики. — Болѣе подробныя оффицiальныя свѣдѣнiя даются объ отрасляхъ промышленности, обложенныхъ акцизомъ (сахаръ, керосинъ, спиртъ и т. д.). О металлургической промышленности постоянное бюро горнопромышленниковъ собираетъ и публикуетъ подробныя данныя, которые нерѣдко кладутся въ основу и оффицiальныхъ публикацiй. Изъ спецiальныхъ трудовъ одинъ озаглавленъ: „Матерiалы къ статистикѣ хлопчатобумажной промышленности въ Россiи". Издано министерствомъ финансовъ (Спб. 1901). Тѣмъ же министерствомъ изданъ, въ виду переговоровъ о торговыхъ конвенцiяхъ, краткiй сборникъ, озаглавленный: „Статистическiя таблицы къ фабричной промышленности съ 1892 до 1900 г." (Спб. 1901).

Изъ приведенныхъ выше цифръ можно вычитать немногое. Въ окончательномъ результатѣ выясняется для періода времени съ 1887 до 1897 г. увеличеніе числа фабрикъ на 26,3%, стоимости производства на 112,8% и числа рабочихъ на 59,2%. Если принять во вниманіе огромное расширеніе за это время территоріи государства, значительное увеличеніе народонаселенія и нѣкоторыя другія обстоятельства, то эти цифровыя данныя лишь въ ограниченной мѣрѣ могутъ удовлетворить тѣхъ, кто считаетъ желательнымъ возможно быструю индустріализацію Россіи. Но все же нельзя отрицать, что за разсматриваемое десятилѣтіе индустріальный посѣвъ пышно разросся, причемъ производительность увеличивалась быстрѣе, чѣмъ число предпріятій и рабочихъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что произошла извѣстная концентрація производства и расширилось примѣненіе механическихъ силъ вмѣсто человѣческаго труда. Далѣе, изъ этихъ цифръ видно, какъ располагаются одна за другою отдѣльныя группы индустріи по ихъ важности, измѣряемой указанными внѣшними признаками. Обработка тканей стояла въ 1897 г. въ процентномъ отношеніи впереди всѣхъ отраслей промышленности, какъ въ отношеніи стоимости производства (33%), такъ и числа занятыхъ въ ней рабочихъ (30,6%). Горная промышленность занимала по числу рабочихъ (25,9%) второе мѣсто, но по стоимости производства (13,9%) уступала обработкѣ пищевыхъ продуктовъ (22,8%). Къ послѣдней категоріи принадлежатъ, между прочимъ, предпріятія по изготовленію молочныхъ продуктовъ, мукомольныя мельницы, консервныя фабрики и т. д. Внимательный наблюдатель замѣтитъ, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности обнаружился въ 1893 г. повидимому упадокъ числа зарегистрированныхъ предпріятій. Эти измѣненія объясняются, однако, не дѣйствительнымъ измѣненіемъ условій производства, а недостовѣрностью статистическаго матеріала.

Въ суммарныхъ цифрахъ *прогрессъ промышленности*, во всякомъ случаѣ, не проявляется рѣзко. Для характеристики промышленнаго роста одинъ изъ оффиціальныхъ сборниковъ даетъ длинный рядъ детальныхъ выкладокъ. Мы заимствуемъ изъ нихъ нѣкоторыя данныя [1]).

1. Добыча золота возросла съ 34840 клгр. стоимостью въ 40,4 милл. руб. въ 1887 г. до 38182 клгр. стоимостью 43,0 милл. руб. (въ 1897 г.). Увеличеніе добычи, безъ сомнѣнія, незначительное, но можно ожидать, что принятыя правительствомъ мѣры, каковы, напр., безпошлинный ввозъ необходимыхъ для промывки золота машинъ, уменьшеніе обременявшихъ золотопромышленность сборовъ и дозволеніе торговли золотомъ въ слиткахъ—будутъ имѣть благопріятные результаты.

---

[1]) «Россія въ концѣ 19 вѣка». Издано министерствомъ финансовъ по случаю всемірной выставки въ Парижѣ въ 1900 г. (Спб. 1900 г.), стр. 250—256.

2. Добыча серебра увеличилась въ теченіе десяти лѣтъ почти на цѣлую четверть своего прежняго размѣра. Условія производства и сбыта бѣлаго металла такъ исключительно неблагопріятны, что для поощренія внутренней серебряной промышленности было признано цѣлесообразнымъ установить ввозную пошлину на иностранное серебро. Введенная въ 1899 г. пошлина на серебро въ размѣрѣ 7 р. 33 коп. съ килограмма, т. е. приблизительно 20% стоимости металла, должна служить защитою русскаго серебра въ борьбѣ съ иностранной конкурренціей.

3. Цѣнность добытой мѣди возросла съ 3,5 до 4,6 милл. руб. И здѣсь, такимъ образомъ, прогрессъ весьма незначительный. Упадокъ мѣдной промышленности объясняютъ ложнымъ будто бы направленіемъ таможенно-тарифной политики въ прежнее время. Горныя подати почти втрое превышали пошлину на мѣдь. Часть внутреннихъ рудниковъ должна была вслѣдствіе этого пріостановить производство. Только со времени установленія высокихъ пошлинъ на мѣдь (въ 1884 и 1886 г.) русское производство опять стало подниматься.

4. Блестящихъ успѣховъ достигла угольная промышленность. Стоимость производства составила здѣсь въ 1887 г. 13,8 милл. руб., въ 1897 г. 38,9 и въ 1898 г. 44,7 милл. руб. Такъ какъ, несмотря на то, до 25% внутренняго спроса на уголь все еще покрывались импортомъ изъ за-границы, то этой отрасли производства предстоитъ еще великое будущее.

5. Желѣзо и сталь, керосинъ и нефтяные остатки равнымъ образомъ достигли такихъ размѣровъ производства, которые превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Рядомъ съ углемъ они и являются собственно носителями промышленнаго расцвѣта.

6. Фабрики для обработки хлопка увеличили въ теченіе 10 лѣтъ (1887—1897 г.) стоимость своихъ продуктовъ съ 231,7 до 430,2 милл. руб. Русская хлопчатобумажная промышленность весьма значительно подвинулась впередъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. Она во всѣхъ направленіяхъ ограничила и частью совершенно подавила импортъ иностранныхъ текстильныхъ издѣлій; при существующихъ высокихъ ввозныхъ пошлинахъ могутъ надолго сохранить свой импортъ только высокіе номера пряжи, тонкія ткани и модныя матеріи. Русская текстильная индустрія не только снабжаетъ болѣе простыми издѣліями всю имперію, но, при помощи значительныхъ экспортныхъ премій, успѣшно развиваетъ и вывозъ своихъ продуктовъ. Совершенствуя технику производства, она шагъ за шагомъ вытѣсняла иностранныя издѣлія; она сумѣла упрочить внутреннее производство особыхъ сортовъ пряжи для изготовленія болѣе тяжелыхъ хлопчатобумажныхъ издѣлій, серьезно конкуррируетъ съ англичанами въ снабженіи рынка продуктами ниточнаго производства и стремится также подражать западно-европейскимъ образцамъ въ фабри-

каціи суконъ и тканей новыхъ рисунковъ. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду привилегированное положеніе Россіи въ отношеніи снабженія ея средне-азіатскимъ хлопкомъ.

7. Развивалась также обработка льна и шерсти. Стоимость производства фабрикъ, обрабатывающихъ ленъ, увеличилась съ 30,6 до 42,5 милл. руб. Въ производствѣ болѣе дешевыхъ продуктовъ льняная промышленность въ настоящее время уже всецѣло завладѣла внутреннимъ рынкомъ и стремится, путемъ усовершенствованія техники производства, вытѣснить и болѣе тонкіе иностранные товары. Въ производствѣ шерстяныхъ матерій Россія, повидимому, еще не въ состояніи во всѣхъ отношеніяхъ побѣдить за-границу; но и здѣсь дѣло успѣшно подвигается впередъ. Шелковая индустрія удвоила свое производство (въ 1887 г.—14,5 милл. руб., въ 1897 г.—29,5 милл. руб.).

8. Въ химической индустріи стоимость продуктовъ увеличилась съ 21,5 до 59,6 милл. руб., причемъ этотъ ростъ коснулся главнымъ образомъ химическихъ и красильныхъ веществъ. Вплоть до восьмидесятыхъ годовъ изготовленіе двухъ такихъ важныхъ основныхъ продуктовъ какъ сода и хлорная известь едва начиналась. Въ девятидесятыхъ годахъ русская химическая промышленность уже была въ состояніи сама производить 75 и 50% всего огромнаго внутренняго спроса на соду и известь. Аналогичныхъ успѣховъ достигло производство и нѣкоторыхъ другихъ химическихъ продуктовъ.

9. Сахарная промышленность увеличила свою производительность съ 50 до 78 милл. руб. Это, быть можетъ, немного, но производство успѣшно совершенствовалось здѣсь и въ техническомъ отношеніи и сумѣло приспособиться къ требованіямъ потребителей. Время, когда Россія потребляла иностранный сахаръ, уже давно миновало; теперь сахарозаводчики озабочены главнымъ образомъ тѣмъ, какъ бы съ выгодою использовать свое избыточное производство.

10. Наконецъ, машиннодѣлательная промышленность развивалась болѣе количественно, нежели качественно. Въ отношеніи нѣкоторыхъ фабрикатовъ, напр. въ производствѣ котловъ, Россія давно стоитъ на одинаковомъ уровнѣ со своими иностранными учителями, въ другихъ отрасляхъ, напр. въ постройкѣ паровыхъ машинъ, она еще нуждается въ чужой помощи. Въ сферѣ машинъ для обработки металла и дерева Россіи придется еще кое-чему поучиться, въ особенности точности отдѣлки. И здѣсь, однако, обнаруживается стремленіе вытѣснить иностранные фабрикаты. Ограниченность внутренняго сбыта затрудняетъ постройку машинъ для спеціальныхъ цѣлей. Увеличеніе стоимости производства съ 50 до 142 милл. руб. доказываетъ прогрессъ машиностроенія.

Эта «иллюстрація» промышленнаго прогресса, съ оффиціальной русской стороны переданная самой широкой гласности черезъ по-

средство всемірной парижской выставки, пополняется весьма поучительными данными за время до 1899 г. въ одномъ—также исходящемъ отъ министерства финансовъ—трудѣ, въ которомъ проводится сравнительная паралель между Россіей и другими государствами. Здѣсь мы между прочимъ, читаемъ [1]).

Въ хлопчатобумажной промышленности увеличеніе числа веретенъ составило за десятилѣтіе съ 1889 до 1899 г. въ Англіи 3,8 %, въ Сѣверной Америкѣ 25,6 %, на всемъ европейскомъ континентѣ 33,3 %, въ Россіи же 76,2 %. Хлопчатобумажное производство Россіи составляло въ 1890 г. 4 % міроваго производства, въ 1899 г. оно уже возросло до 6 %. Въ то же время каменноугольное производство возросло съ 367 милл. пуд. до 849 милл. пуд., т. е. на 131 %. Хотя абсолютная цифра производительности Россіи стоитъ далеко позади другихъ государствъ, но въ отношеніи прироста мы въ разсматриваемое десятилѣтіе превзошли всѣ другія государства. То же самое относится къ металлургической промышленности. Увеличеніе производства чугуна составило въ Англіи 18 %, во Франціи 31 %, въ Бельгіи 32 %, въ Сѣверной Америкѣ 50 %, въ Германіи 72 % въ Россіи въ круглой цифрѣ 190 %. Въ 1889 г. Россія съ ея производствомъ въ 56,7 милл. пуд. чугуна стояла на седьмомъ мѣстѣ, въ 1899 г. съ 163,2 милл. пуд. уже на четвертомъ мѣстѣ. Ростъ нефтяной промышленности былъ настолько исключительнымъ, что даже Америка, единственный конкуррентъ Россіи въ этой области, едва заслуживаетъ упоминанія. Въ Сѣверной Америкѣ производство увеличилось съ 359 милл. пуд. до 391 милл. пуд., т. е. на 9 %; въ Россіи оно за то же время возросло съ 226 милл. пуд. до 525 мил. пуд., т. е. на 132 %. Къ началу десятилѣтія Россія доставляла 38,7 % всего производства обѣихъ странъ, а къ концу періода 57,3 %.

Какъ ни критически отнестись къ приведеннымъ выше оффиціальнымъ даннымъ, нельзя не вынести убѣжденія, что главныя отрасли руской промышленности менѣе чѣмъ въ 25 лѣтъ чрезвычайно расширились количественно. Приверженцы возможно быстрой индустріализаціи Россіи полагаютъ даже, что на основаніи этихъ цифръ они въ правѣ считать обезпеченными ихъ самые смѣлые надежды. Эти ожиданія выражены въ оффціальномъ трудѣ въ положеніи: «Россія можетъ и должна сдѣлать себя совершенно независимой отъ иностранныхъ рынковъ во всемъ, что необходимо для ея существованія [2]). Въ существѣ это тоже воззрѣніе, которое уже ко времени всемірной выставки въ Чикаго (1883 г.) было формулировано, какъ хозяйственно-политическій символъ вѣры, слѣдующимъ образомъ: [3])

---

[1]) *Брантъ*, Торговый и промышленный кризисъ, въ Западной Европѣ и въ Россіи 1900—1902 г. (Спб. 1904 г.), т. II, стр. 14—21.

[2]) Россія въ концѣ 19 вѣка(См. прим. на стр. 248), стр. 237.

[3]) *Менделѣевъ*. Промышленность и торговля Россіи (см. прим. на стр. 13), стр. 13—18. Тотъ же авторъ детально обосновалъ свой промышленный эн-

«Россія, надѣленная огромной площадью плодородной почвы, которая безъ особенныхъ напряженій можетъ прокормить население, благопріятствуемая климатическими условіями для произведенія разнообразнѣйшихъ продуктовъ растительнаго и животнаго царства, обладая богатѣйшими, еще едва только затронутыми залежами рудъ и камней, Россія, страна, которая благодаря полному единству воли и хотѣнія между царемъ и народомъ наслаждается миромъ и благосостояніемъ и съ юношескимъ одушевленіемъ стремится къ плодамъ просвѣщенія,—для Россіи настало теперь время, когда она съ усиленнымъ напряженіемъ должна развивать зародыши своей промышленности.»

Трудности, съ которыми приходится бороться промышленноси со времени разразившагося въ 1899 г, кризиса, способны значительно умѣрить этотъ оптимизмъ. Суммарныя абсолютныя цифры вообще не могутъ дать вѣрной картины роста промышленности, если онѣ не сопоставляются съ цифрами народонаселенія. Естественный приростъ населенія за 10 лѣтъ на 20 милліоновъ душъ и безъ какого бы то ни было «расцвѣта» влечетъ за собой увеличеніе потребленія и соотвѣтственное расширеніе производства. На этомъ мы еще остановимся ниже (ср. стр. 260). А что касается мнимаго превосходства передъ другими государствами, то необходомо имѣть въ виду, что русская промышленность въ послѣднюю четверть истекшаго столѣтія впервые собрала свои силы и, такъ сказать, расправила свои крылья. Она старалась пустить корни въ новыхъ областяхъ труда, которыя она до тѣхъ поръ уступала преимущественно иностранной конкуренціи; она была въ томъ счастливомъ положеніи, что могла въ своей собственной странѣ «открывать» новые рынки для сбыта на которыхъ прежде существовалъ лишь ограниченный спросъ на индустріальныя издѣлія; наконецъ, расширеніе ея произошло въ такое время, которое характеризуется расцвѣтомъ всѣхъ хозяйственныхъ отношеній послѣ продолжительнаго затишья. Принимая въ соображеніе всѣ эти исключительно благопріятныя условія, нельзя безъ всякихъ дальнѣйшихъ оговорокъ противуставлять быстро расширяющееся индустріалное производство Россіи правильно и равномѣрно прогрессирующему промышленному развитію въ другихъ странахъ. Значительная часть русской индустріи только вступала тогда на тотъ путь,который уже гораздо раньше былъ съ успѣхомъ пройденъ однородными отраслями производства въ другихъ государствахъ. Первый посѣвъ на почвѣ, долго остававшейся подъ паромъ, или даже только впервые вспахиваемой, естественно приноситъ болѣе обильные плоды, чѣмъ на давно культивируемой землѣ,которая уже продолжительное время эксплоатировалась, и производительность которой должна быть постепенно повышаема путемъ усиленнаго труда.

тузіазмъ также въ его послѣднихъ «Сокровенныхъ мысляхъ» (Спб. 1904), стр. 142—204 и др.

Для Россіи—оставляя въ сторонѣ сравненіе съ другими государствами— указанный выше ростъ промышленности долженъ бы быть признанъ весьма значительнымъ успѣхомъ, если бы иллюстрирующіе его факты при критическомъ къ нимъ отншоеніи не вызывали цѣлый рядъ сомнѣній. Послѣдніе касаются главнымъ образомъ *увеличенія числа фабричныхъ рабочихъ*, какъ признака благопріятнаго экономическаго развитія, и *исчисленія стоимости производства*. Мы должны поэтому попытаться выяснить дѣйствительное положеніе дѣла въ обоихъ этихъ направленіяхъ.

Какъ велико *число фабричныхъ рабочихъ*, — объ этомъ мнѣнія русскихъ ученыхъ значительно расходятся, такъ какъ правильность оффиціальныхъ цифръ съ полнымъ основаніемъ подвергается сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе приходится, за отсутствіемъ лучшаго матеріала, довольствоваться этими цифрами, пока не будетъ успѣшно произведена планомѣрно организованная промышленная перепись. Но таковая, по крайней мѣрѣ, въ предвидимомъ будущемъ, представляется мало вѣроятной. Туганъ-Барановскій сдѣлалъ попытку привести къ единству цифры, добываемыя явно неоднороднымъ способомъ, напримѣръ, министерствомъ финансовъ и горнымъ департаментомъ. Онъ приходитъ къ заключенію, что число фабричныхъ рабочихъ увеличивается ежегодно приблизительно на $5^1/_2\%$. Сообразно этому онъ насчитываетъ для 1901 года въ круглой цифрѣ 3 милліона индустріальныхъ рабочихъ.[1]) А отсюда онъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что крупная индустрія даетъ занятія относительно большему числу лицъ, чѣмъ требовалось бы по процентному приросту населенія (по Туганъ-Барановскому только $1{,}35\%$ ежегодно).

Сдѣланныя русскими изслѣдователями съ научной основательностью попытки въ извѣстной мѣрѣ «установить», несмотря на отсутствіе статистическихъ данныхъ, естественно колеблющееся изъ года въ годъ число промышленныхъ рабочихъ—имѣютъ особое значеніе въ той полемикѣ, которая ведется между послѣдователями разныхъ хозяйственно-политическихъ школъ и направленій. Медленный или быстрый ростъ этого числа признается приверженцами, какъ и противниками крупно—капиталистическаго развитія пробнымъ камнемъ успѣховъ или безплодности «капитализма» на русскій почвѣ. Въ то время, какъ антикапиталистически настроенные «народники» утверждаютъ, что крупная промышленность развивается крайне медленно и во всякомъ случаѣ не въ состояніи даже занять и обезпечить ежегодный нормальный приростъ населенія въ Россіи,—ихъ «марксистскіе» противники возражаютъ, что они приходятъ къ завѣдомо неправильнымъ выводамъ, оперируя совершенно ложными цифрами. Ибо въ дѣйствительности число фабричныхъ рабочихъ возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ народо-населеніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ русскій

---

[1]) *Туганъ-Барановскій*, стр. 404.—Въ другихъ источникахъ даются цифры то болѣе низкія(напр., у *Ильина* , стр. 395—398 и401—407),частью болѣе высокія, напр., въ изданномъ департаментомъ торговли трудѣ: *Блау* Торговля и промышленность Россіи (Спб. 1899), стр. 262.

капитализмъ, какъ полагаетъ Тугнъ-Барановскій, успѣшно и даже очень успѣшно исполняетъ «свою миссію».

Этотъ ученый споръ о числѣ фабричныхъ рабочихъ представляется намъ въ значительной мѣрѣ доктринерскимъ. Если принять за основаніе, даже самое благопріятное исчисленіе мы неоспоримо должны признать слѣдующихъ два факта: I) при народонаселеніи въ 130 милліоновъ въ индустріи заняты самое большее 3 милліона, включая фабричныхъ работницъ и несовершеннолѣтнихъ рабочихъ, стало быть, менѣе 3%; и 2) изъ ежегоднаго прироста населенія—до двухъ милліоновъ душъ[1])—индустрія занимаетъ не болѣе 100000 въ годъ, т. е. около 5%. Если имѣть въ виду эти оба факта, успѣхи процесса индустріализаціи представляются въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ когда принимаются во вниманіе исключительно абсолютныя цифры роста индустріальнаго производства. Какъ бы высоко мы не исчисляли количество лицъ, находящихъ источникъ своего существованія въ индустріальномъ трудѣ—допустимъ, напримѣръ, что отъ каждаго промышленнаго рабочаго зависятъ еще четыре лица—все же преобладаніе земледѣльческаго населенія остается огромнымъ. Нѣтъ надобности указывать, что изъ этого вытекаетъ цѣлый рядъ другихъ послѣдствій. Прежде всего очевидно, что при столь слабомъ увеличеніи числа фабричныхъ рабочихъ, Россія еще долго не можетъ разсчитывать сбывать излишки своего сельскохозяйственнаго производства внутри страны, вмѣсто того, чтобы ихъ экспортировать[2]).

Вторымъ вызывавшимъ оживленную полемику пунктомъ промышленной статистики являются оффиціальныя данныя о *размѣрахъ стоимости производства* (ср.табл. на стр. 247). Послѣдняя возросла съ 1887 до 1897 г. на 1505 милліоновъ рублей (=112, 8%); въ среднемъ за годъ это означаетъ увеличеніе производительности почти на 150 мил. руб. Какъ мѣрило эффективной производительности эти цифры во всякомъ случаѣ не пригодны, такъ какъ онѣ представляютъ рыночную стоимость индустріальнаго производства со включеніемъ переработаннаго сырья и всѣхъ продуктовъ промежуточныхъ стадій производственнаго процесса. Очевидно, что статистика обрабатывающей промышленности должна придти къ искусственно преувеличеннымъ итогамъ, если вмѣсто того, чтобы статистически выяснить созданную процессомъ переработки прибавочную стоимость, она постоянно включаетъ въ расчетъ предшествующія фазы обработки, т. е., напримѣръ, съ одной стороны, исчисляетъ стоимость добытаго чугуна и угля, а съ другой стороны, напримѣръ, въ отношеніи машиностроительныхъ предпріятій не исключаетъ эту стоимость изъ цифръ производства, а вторично вводитъ ее въ расчетъ. То же самое повторяется, когда продукты пряденія высту-

---

[1]) «Россія въ концѣ 19 вѣка», стр. 58. Ср. также таблицу на стр. 260 и цифры народонаселенія на стр. 259.

[2]) Бирюковичъ (Вѣстн. Европы 1901, кн. 3, стр. 326 сл.) утверждаетъ, что ежегодный приростъ числа фабричныхъ рабочихъ связанъ съ увеличеніемъ потребленія хлѣба приблизительно на 30 мил. пуд., между тѣмъ какъ ежегодный экспортъ составляетъ отъ 400 до 500 мил. пуд.

паютъ въ ткачествѣ въ видѣ вновь созданныхъ мѣновыхъ цѣнностей [1]). Въ русской экономической литературѣ многократно указывалось на ошибочность такого способа исчисленія стоимости производства, но, насколько мы могли замѣтить, оффиціальные источники все же не замѣняютъ его другимъ, болѣе соотвѣтственнымъ дѣйствительному положенію дѣлъ пріемомъ. Вслѣдствіе этого ростъ индустріи выражается, правда, въ весьма внушительныхъ рядахъ цифрахъ, но блескъ этотъ отчасти мнимый [2]).

Отсутствіе надлежащей промышленной статистики легко приводитъ къ переоцѣнкѣ значенія индустріальной системы и необоснованному умаленію сельскаго хозяйства,—со всѣми вытекающими изъ такой постановки вопроса неправильными выводами. Симптомомъ такого рода неправильной квалификаціи основныхъ элементовъ русскаго народнаго хозяйства является, на нашъ взглядъ, слѣдующее указаніе министра финансовъ Витте въ его государственной росписи на 1897: «Все годовое производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ представляетъ цѣнность не свыше полутора милліарда рублей въ то время, какъ ежегодное производство нашей горной и фабричной промышленности превышаетъ два милліарда рублей». Здѣсь выражена такимъ образомъ вѣра въ уже совершившееся перемѣщеніе силъ русскаго народнаго хозяйства въ смыслѣ преоблада-

---

[1]) Къ какимъ неестественно преувеличеннымъ цифрамъ приводитъ этотъ методъ,—показываетъ на одномъ весьма поучительномъ примѣрѣ Arndt, Ein schutzzöllnerisches Bechenexempel aus Bussland («Nation», I. 1901, № 38), а также въ статьѣ «zum Adschluss eines neuen deutschrussischen Handelsvertrages», Schriften», des Vereins für Socialpolitik XCII, стр. 37 слѣд.).— При этомъ методѣ не только повторяются одни и те же цѣнности производства при отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности, послѣдовательно перерабатывающихъ тотъ же продуктъ, но въ активъ индустріальнаго производства вводится и стоимость такихъ сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ, которые взяты главнымъ образомъ изъ земледѣлія. Напримѣръ, производительность мукомольнаго дѣла составила въ 1898 г. 175 мил. руб., изъ которыхъ, однако, 85% приходится на стоимость матеріала, такъ что добавочную стоимость индустріальнаго производства составили только 15%. Въ общей стоимости текстильной промышленности (до 500 мил. руб) на прибавочную стоимость падаетъ только около 70 мил. руб. Вся индустрія—по вычисленіямъ нѣкоторыхъ авторовъ—создаетъ только на 500 мил. руб. новыхъ цѣнностей (за вычетомъ стоимости сырья), такъ что каждый рабочій даетъ только на 500 руб. «прибавочной стоимости». Въ соединенныхъ Штатахъ интенсивность и производительность труда втрое больше (Николай-онъ, стр. 483).

[2]) Впрочемъ, въ издаваемомъ министерствомъ финансовъ «Обзорѣ» (см. прим. 2 на стр. 246) прямо оговаривается, что цѣнность производства исчислена по продажной стоимости фабрикатовъ, причемъ стоимость переработаннаго сырья и полуфабрикатовъ не исключена. Вслѣдствіе этого экономическое значеніе цифръ производства представляется преувеличеннымъ, особенно въ такихъ отрасляхъ индустріи, которыя являются только послѣднимъ звеномъ въ цѣпи различныхъ переработокъ матеріала.—Создать правильную промышленную статистику, дѣйствительно, дѣло нелегкое и не всѣмъ доступное. Нападки такихъ «странныхъ» экономистовъ, какъ Шарановъ или дословно повторяющаго его мысли Рорбаха не заслуживаютъ при такихъ обстоятельствахъ серьезнаго вниманія.

нія индустріи [1]). Но какова въ дѣйствительности цѣнность производства, съ одной стороны, индустріи, а съ другой стороны—сельскаго хозяйства? На этотъ вопросъ мы постараемся отвѣтить, опираясь на одного—на нашъ, взглядъ, весьма осторожнаго—изслѣдователя [2]).

Цѣнность всего русскаго производства можетъ быть установлена, при отсутствіи многихъ необходимыхъ статистическихъ данныхъ, только приблизительно. Величайшія трудности представляетъ прежде всего выясненіе стоимости продуктовъ сельскаго хозяйства. Результаты урожаевъ главнѣйшихъ хлѣбныхъ злаковъ, а также пеньки, льна, картофеля и табака, правда, приводятся, но ихъ можно считать только условно правильными, особенно если въ расчетъ вводятся также окраины и внѣ—европейскія владѣнія Россіи. Еще большими пробѣлами страдаетъ статистика скотоводства; цифры доходности молочнаго хозяйства, птицеводства и огородничества представляются сплошь весьма сомнительными. Такъ какъ продажныя цѣны на мѣстахъ производства и на рынкахъ сбыта весьма существенно разнятся, то нельзя кромѣ того совершенно упускать изъ виду и расходы по транспорту. Съ этими оговорками мы воспроизводимъ слѣдующія русскія данныя.

Результаты общей производительности въ Россіи.

Годы.	Сельское хозяйство.	Индустрія.	Стоимость производства средствъ сообщенія.	Всего.
	(Въ милліонахъ рублей).			
1883.	2.981	1.167	272	4.420
1887.	2.996	1.363	300	4.659
1892.	2 908	1·731	354	4.993
1897.	3.003	2.963	526	6.492
1901.	3.394	3.950	700	8.044

[1]) Бирюковичъ, значительно преувеличивая, замѣчаетъ по этому поводу: «Если это такъ, то сельское населеніе изъ произведенныхъ полутора милліардовъ кормится само, оплачиваетъ таварный импортъ и покупаетъ больше чѣмъ на 2 милліарда промышленныхъ продуктовъ, такъ какъ значительнаго сбыта другимъ классамъ населенія, напр., промышленнымъ рабочимъ, не существуетъ» (В. Евр. 1901 г., III).

[2]) Табурно, стр. 56.

Какъ ни спорны эти цифры, изъ нихъ видно, по крайней мѣрѣ одно—что цѣнности, создаваемыя индустріей, возрастаютъ быстрѣе, чѣмъ производительность сельскаго хозяйства, хотя послѣднее представляетъ главнѣйшій источникъ существованія для 80% населенія; процентный ростъ выражается въ индустріи въ цифрѣ 225%. а въ сельскомъ хозяйствѣ только 13%. Въ 1901 г. индустрія, видимо, получила преобладаніе надъ сельскимъ хозяйствомъ, но, независимо отъ многихъ другихъ соображеній, слѣдуетъ имѣть въ виду, что взятые отъ сельскаго хозяйства сырые матеріалы (ленъ, кожа, шерсть и т. д.), поскольку они подвергаются индустріальной переработкѣ, введены въ стоимость продуктовъ промышленнаго производства. Но все же весьма замѣчательно, какъ быстро промышленность сравнялась съ сельскимъ хозяйствомъ. Тотъ же авторъ, вычисленія котораго мы приняли здѣсь на вѣру, указываетъ, что за двадцатилѣтіе 1882—1901 г. производительность въ Россіи возросла на каждую душу населенія съ 44,1 до 58,9 рублей. Въ 1892 г. производительность составила, впрочемъ, только 42,3 рубля, такъ какъ неурожайные 1885 и 1891 гг. нанесли тяжелый ударъ хозяйственной жизни страны.

Указанныя цифры страдаютъ, однако, существеннымъ дефектомъ, источникомъ котораго является такъ называемая статистика производительности. Если допустить, что стоимость сырья, топлива и т. д., вошедшая въ счетъ индустріальнаго производства, составляетъ три четверти продажной цѣны фабрикатовъ), то для индустріи остается только одинъ милліардъ, а съ прибавленіемъ также и мелкихъ предпріятій, около полутора милліарда эффективной цѣнности производства, стало быть только половина цѣнности капитализованнаго труда сельскаго хозяйства и домашней индустріи. Тѣмъ не менѣе индустрія можетъ гордиться своей болѣе интенсивной производительностью, такъ какъ съ не болѣе чѣмъ пятью милліонами рабочихъ она создала цѣлую треть общей цѣнности производства ($4^1/_2$ милліарда), въ то время какъ для двухъ другихъ третей сельское хозяйство и домашняя индустрія пользовались трудомъ 40 милліоновъ людей. Такому различію министръ финансовъ въ правѣ былъ придать большое значеніе.

Изъ сказаннаго выше видно, что въ виду недостатковъ русской промышленной статистики она не можетъ дать надлежащаго представленія о ростѣ крупной промышленности, главнымъ образомъ

[1]) Такую цифру принимаетъ инженеръ Савинъ въ докладѣ читанномъ въ русскомъ обществѣ технологовъ 17 января 1904 года.

потому, что стоимость производства представляетъ собою искусственное нагроможденіе цифръ. Если мы, тѣмъ не менѣе, хотимъ точнѣе выяснить успѣхи промышленности, мы должны вычислить размѣры производства по количеству добытаго или переработаннаго сырья и перевести абсолютныя цифры на относительныя—на каждую душу населенія; мы должны, другими словами, привлечь и *статистику потребленія*. Но и здѣсь необходимо, впрочемъ, сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Статистическое выясненіе массовогс потребленія важнѣйшихъ продуктовъ встрѣчаетъ трудности, которыя оправдываютъ здѣсь нѣкоторое недовѣріе къ сравнительнымъ цифровымъ даннымъ. Но именно въ Россіи тѣ до крайности скудныя цифры, которыя даетъ оффиціальная статистика потребленія, постоянно используются для выясненія и оцѣнки самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и утвержденій, и притомъ почти безъ критики этихъ цифръ: цифрами потребленія стараются доказать то чрезвычайный ростъ русской промышленности, то благопріятное развитіе финансовъ, то ростъ народнаго достоянія или поднятія общаго благосостоянія. Общія соображенія и указанныя спеціальныя особенности русской дѣйствительности заставляютъ поэтому относиться съ особою осторожностью къ указанному цифровому матеріалу.

Скептикъ долженъ принять во вниманіе, между прочимъ, слѣдующее: 1, ростъ потребленія такихъ благъ, которыя служатъ къ непосредственному удовлетворенію человѣческой потребности нерѣдко не ставится въ связь съ дѣйствительнымъ числомъ настоящихъ потребителей (иностранцы въ Берлинѣ, въ Швейцаріи! Недостовѣрность цифръ народонаселенія въ Россіи!).

2. Паденіе цѣнъ на опредѣленныя категоріи товаровъ (жизненные припасы!) нерѣдко влечетъ за собою увеличеніе потребленія, въ то время какъ расходуемыя потребителями денежныя суммы не возростаютъ. 3. Измѣненія ввозныхъ пошлинъ, жизненныхъ привычекъ, вкусовъ, потребностей, а также благосостоянія незначительнаго меньшинства часто оказываютъ такое вліяніе, что дѣйствительныя причины колебанія цифръ потребленія въ ту или иную сторону могутъ быть выяснены только при тщательномъ анализѣ деталей явленія (напр., увеличеніе потребленія хлопка вслѣдствіе того, что выходитъ изъ употребленія шерстяная одежда; расширеніе спроса на пиво, обусловленное тѣмъ, что законодательство ограничиваетъ потребленіе вина и т. д.) [1]).

Всѣ вытекающія отсюда ошибки имѣютъ сугубое значеніе въ отношеніи Россіи, такъ какъ основныя цифры для исчисленія потребленія недостовѣрны и недостаточны и такъ какъ, сверхъ того, при значительности населенія и небольшія ошибки выростаютъ въ

---

[1]) Lexis, Die volkswirtschaftliche Konsumtion (Schönbergs Handbuch, 4 Aufl., I, S. 795). Kurt Apelt, Die Consumtion der wichtidsten Kulturländer in den letzten Jahrzehnten, (Berlin 1899), S. 1—18.

крупныя погрѣшности. Ибо оба важнѣйшихъ основанія всѣхъ вычисленій, промышленная статистика и цыфры населенія, очень ненадежны [1]). Промышленной переписи не производилось вовсе, а первая всеобщая перепись 28 января 1897 г.—по тѣмъ пріемамъ, по которымъ она производилась и по способу обработки цифръ—можетъ удовлетворить развѣ только самыя скромныя требованія [2]). Такъ, весьма недостаточны уже данныя о естественномъ приростѣ населенія въ Россіи, т. е. превышеніи рожденій надъ смертными случаями. Эти данныя публикуетъ ежегодно медицинскій департаментъ, и изъ нихъ видно, что въ 1886—1891 гг. ежегодный приростъ составлялъ около 1 $^1/_2$ милліоновъ. Для голоднаго 1892 года превышеніе рожденій исчислено только въ цифрѣ $^1/_2$ милліона. Но затѣмъ цифра возростаетъ, и уже въ 1897 г. родилось на 2,1 милліона людей больше, чѣмъ умерло. Въ общемъ правильнымъ должно быть признано предположеніе, что населеніе Россіи увеличивается ежегодно на 2 милліона. По этому разсчету населеніе имперіи, включая Финляндію, должно было составить къ началу 1905 г. 145 мил. людей.

Нѣтъ надобности указывать, какое значеніе имѣютъ такія цифры прироста для статистики потребленія. Увеличеніе населенія на 20 милліоновъ въ теченіе 10 лѣтъ въ огромныхъ размѣрахъ расширяетъ потребленіе; но нижеслѣдующія цифры показываютъ, что потребленіе значительно возросло не только по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ, но и относительно, по сравненію съ ростомъ населенія [3]).

---

[1]) О промышленной статистикѣ мы уже говорили. Дальнѣйшія указанія ср. Головинъ, Финансовая политика Россіи (Лейпцигъ 1900), стр. 66 слл.

[2]) Мы не можемъ доказывать здѣсь этого подробно. Ограничимся однимъ примѣромъ. Изъ 126,4 милліоновъ населенія, исчисленнаго по переписи 1897 г. (кромѣ Финляндіи), 16 милліоновъ живутъ, по даннымъ переписи, въ 865 городахъ («Городское населеніе по переписи 28 января 1897 г.», изд. центр. статист. комитета, 1892, т. 2). Эта цифра рѣшительно невѣрна, ибо изданный тѣмъ же комитетомъ въ предшествовавшемъ 1896 г. оффиціальный сборникъ насчитываетъ 945 городовъ, исключая притомъ болѣе мелкія поселенія городского характера, число которыхъ по болѣе старымъ даннымъ другого, также оффиціальнаго, источника должно составить не менѣе нѣсколькихъ сотенъ. Фактически, изданіе статистическаго комитета упустило изъ виду города съ 10000, 15000 и даже 25000 жителей. (Ср. „Россія въ настоящемъ и прошломъ" стр. 81, „Ежегодники м-ва финансовъ" и т. д.). Возраженія могло бы вызвать и включеніе населенія Хивы и Бухары въ число жителей имперіи. Упоминаемъ объ этомъ только мимоходомъ.

[3]) По изданнымъ м-вомъ финансовъ „Статистическимъ таблицамъ къ фабричной промышленности 1892—1900 г.".

*

Было потреблено (исключая Финляндіи).

Г О Д Ы.	Населеніе въ милліонахъ.	Каменный уголь.		Чугунъ.		Желѣзо и сталь.		Хлопчатобумажныя издѣлія.	
		Милл. пуд.	На 1 жителя въ пудахъ.	Милл. пуд.	На 1 жителя въ пудахъ.	Милл. пуд.	На 1 жителя въ пудахъ.	Милл. пуд.	На 1 жителя въ пудахъ.
1892 .	119,4	511,3	4,28	69,1	0,58	64,6	0,54	9,2	3,16
1896 .	124,8	692,8	5,55	103,5	0,81	112,2	0,90	12,1	3,88
1899 .	129,9	1086,3	8,31	171,4	1,32	126,2	0,97	13,8	4,24
1900 .	131,7	1224,3	8,53	179,9	1,36	130,9	0,99	14,3	4,32

Цифры эти спорны и самымъ оживленнымъ образомъ оспаривались,—тѣмъ болѣе, что министръ финансовъ многократно дѣлалъ попытки доказать при помощи этихъ цифръ, что народное благосостояніе и покупательная способность населенія постоянно прогрессируютъ. Это доказательство никого не убѣдило, такъ какъ средства къ тому были негодныя. Увеличеніе потребленія, правда, значительнѣе, чѣмъ приростъ населенія; единственный правильный отсюда выводъ, что соотвѣтственныхъ продуктовъ потребляется въ общемъ больше чѣмъ прежде, но участвуютъ ли въ этомъ расширеніи потребленія въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ широкія массы населенія,—должно оставаться открытымъ вопросомъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ даны болѣе убѣдительныя доказательства, чѣмъ какія давались до сихъ поръ. Прежде всего главнѣйшими потребителями угля, желѣза и стали являются желѣзныя дороги и крупная промышленность, такъ что расширеніе «народнаго потребленія», вѣроятно, имѣло при этомъ мѣсто лишь въ незначительныхъ размѣрахъ. Не признаютъ оппоненты и цифръ, касающихся потребленія хлопчатобумажныхъ издѣлій, уже по тому одному, что фабричныя издѣлія только теперь медленно, крайне медленно вытѣсняютъ въ низшихъ классахъ населенія продукты собственнаго домашняго изготовленія, и такимъ образомъ не пробуждаютъ новыхъ потребностей, а только перемѣшаютъ процессъ потребленія [1]). Аналогичные аргументы противупоставляются и

[1]) „Народное Хоз." 1902 г. кн. I, стр. 136 слл.

оффиціальнымъ увѣреніямъ о «симптомахъ благосостоянія» въ отношеніи другихъ продуктовъ, предназначенныхъ для непосредственнаго потребленія. Нельзя также отрицать, что такіе продукты какъ сахаръ и керосинъ и теперь еще являются для массы населенія недосягаемой роскошью. Если поэтому статистика потребленія констатируетъ въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе значительный прогрессъ, то это доказываетъ только, что изъ огромной забитой массы почти лишеннаго потребностей населенія постепенно отдѣляется верхній слой, жизненныя привычки котораго выходятъ за предѣлы минимума потребностей нищенствущаго населенія.

Къ цифрамъ оффиціальной статистики потребленія мы относимся съ тѣмъ же довѣріемъ, съ какимъ мы отнеслись бы ко всякой статистикѣ, основы которой представляются намъ несвободными отъ возраженій и частности которой мы не въ состояніи провѣрить. Изъ приведенныхъ рядовъ цифръ можно сдѣлать всякіе выводы, для нашихъ цѣлей достаточно констатировать, что промышленность только медленно расширяетъ свой внутренній сбытъ. Дѣло идетъ впередъ, но далеко не въ томъ ускоренномъ темпѣ, какъ можно было бы думать по абсолютнымъ цифрамъ «расцвѣта». Констатируя этотъ статистическій фактъ, мы признаемъ правильнымъ то воззрѣніе, что до сихъ поръ успѣхи русской фабричной индустріи нельзя цѣнить слишкомъ высоко. Это слѣдуетъ предоставить тѣмъ, кто для опредѣленныхъ цѣлей охотно затемняютъ красивыми словами такіе факты, которые не соотвѣтствуютъ ихъ желаніямъ и надеждамъ. Увеличенія уровня народнаго благосостоянія русская статистика потребленія не обнаруживаетъ, но цифры несомнѣнно доказываютъ наличность движенія впередъ, тѣмъ болѣе замѣчательнаго, что покупательная способность низшихъ слоевъ сельскаго населенія скорѣе падаетъ, нежели повышается. Но если промышленность даже только беретъ на себя обезпеченіе индустріальными продуктами ежегоднаго прироста населенія почти въ 2 милліона душъ, она исполняетъ полезную для русскаго народнаго хозяйства работу и исключаетъ для иностранной конкурренціи возможность вновь пріобрѣсти потерянный рынокъ. Этимъ, конечно, отнюдь не рѣшается еще вопросъ, совмѣстимы ли безусловно съ интересами всего народа тѣ огромныя жертвы, которыхъ требуетъ постепенная индустріализація страны.

ГЛАВА L.

Причины и теченіе прежнихъ промышленныхъ кризисовъ.—Биржевой и промышленный кризисъ 1898—1903 г.—Заключеніе комитета министровъ по поводу кризиса.—Признаки ослабленія кризиса въ 1903 г.: банковая атмосфера и положеніе крупной индустріи.—Кризисъ и война.—Кризисъ въ оффиціальномъ изображеніи.—Ликвидація грюндерства.

Когда промышленность развивается въ слишкомъ ускоренномъ темпѣ ей всегда грозятъ опасные удары. Какъ бы ни были въ общемъ благопріятны условія производства и сбыта, индустрія не об-

наруживаетъ въ такихъ случаяхъ достаточно трезваго отношенія къ условіямъ рынка, нерѣдко также и доброй воли приспособляться къ существующимъ обстоятельствамъ. Стремленіе къ наживѣ привлекаетъ многочисленные элементы, руководимые исключительно спекулятивными соображеніями; своей выгоды они ищутъ не въ нормальной эксплоатаціи промышленныхъ предпріятій, а во всякаго рода грюндерскихъ финансовыхъ махинаціяхъ.

Заслуживаетъ упоминанія слѣдующее обстоятельство. Въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ русская промышленность три раза переживала періоды чрезвычайнаго подъема, и въ двухъ случаяхъ этотъ подъемъ обнаружился непосредственно послѣ тяжкихъ, связанныхъ съ огромными жертвами войнъ (1856 и 1878 г.). Это оживленіе промышленной дѣятельности продолжалось, правда, въ обоихъ случаяхъ не болѣе трехъ-четырехъ лѣтъ. Русскій писатель Безобразовъ [1]) слѣдующимъ образомъ изображаетъ торговлю и промышленность послѣ крымской кампаніи (1854—1856 г.):

«Это оживленіе началось еще до заключенія мира и проявилось чрезвычайнымъ усиленіемъ фабричной дѣятельности, преимущественно въ сѣверной промышленной полосѣ, необычайной бойкостью оборотовъ на всѣхъ внутреннихъ ярмаркахъ, быстрымъ увеличеніемъ сбыта какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ мануфактурныхъ товаровъ. Внутри Россіи это движеніе достигло своего апогея въ 1855 и 1856 году... То было золотое время... Но вскорѣ послѣ того послѣдовала другая эпоха, съ совершенно противоположными признаками, время застоя, придавшаго положенію дѣлъ съ 1858—1859 г. характеръ кризиса... Тогдашнее крушеніе акціонерныхъ обществъ намъ нѣтъ надобности изображать—оно общеизвѣстно». Расцвѣтъ коснулся такимъ образомъ прежде всего текстильной индустріи и притомъ въ ея важнѣйшемъ раіонѣ, и здѣсь же кризисъ обнаружилъ свое наиболѣе опустошительное дѣйствіе.

Второй періодъ расцвѣта съ послѣдующимъ тяжелымъ кризисомъ относится къ концу шестидесятыхъ и началу семидесятыхъ годовъ, причемъ явно обнаружилась связь этого явленія съ желѣзнодорожнымъ строительствомъ, производившимся тогда съ лихорадочной поспѣшностью. «Всякое слишкомъ быстрое развитіе желѣзнодорожнаго строительства вездѣ вызывалъ кризисы, независимо даже отъ политическихъ обстоятельствъ. У насъ же, въ странѣ крайне медленнаго экономическаго развитія, онъ представлялъ нѣчто въ родѣ «золотого дождя», какой явился въ Германіи пятью милліардами франковъ французской контрибуціи. Вѣдь основной капиталъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ—1544 мил. кред. руб.—также не далекъ до 5 милліардовъ франковъ. Сокращеніе строительства повліяло и у насъ на возникновеніе чего то въ родѣ краха» [2]) Промышленность и рука объ руку съ нею спекуляція проявили въ 1870—1872 г.. чрезвычайно интенсивную дѣятельность, которая послѣ двухъ неурожайныхъ

---

[1]) Цитировано у Туганъ-Барановскаго, стр. 392.
[2]) Туганъ-Барановскій, стр. 396.

годовъ (1872 и 1873) при общемъ дѣловомъ затишьѣ вызвала кризисъ, всего болѣе отразившійся на текстильной индустріи.

Въ *третій разъ* промышленность, видимо, стала блестяще развиваться непосредственно послѣ окончанія турецкой войны (въ 1878 г.). «Говорили что война, обогатила Россію и что сильное оживленіе всѣхъ производительныхъ силъ создастъ новую эру для торговли и промышленности» [1]). Послѣ предшествовавшаго періода продолжительнаго затишья стремленіе впередъ было понятно даже и въ томъ случаѣ, если бы широкій выпускъ кредитныхъ билетовъ для военныхъ цѣлей не создалъ вѣры въ продолжительный внутренній хозяйственный подъемъ. Грюндерская горячка вышла, однако, далеко за предѣлы нормальной потребности, прежде всего и на этотъ разъ въ хлопчато-бумажной индустріи, которая сверхъ уже имѣющихся $3^1/_2$ мил. веретенъ должна была дать работу еще милліону новыхъ веретенъ.

Реакція противъ этихъ излишествъ индустріальнаго производства не заставила себя долго ждать. Но наступившее теперь дѣловое затишье и застой въ промышленности уже черезъ нѣсколько лѣтъ вновь смѣнились оживленіемъ. «Ростъ чугуннаго производства явился симптомомъ новой промышленной эры, наступившей съ второй половины восьмидесятыхъ годовъ». Этотъ новый и внѣшне наиболѣе блестящій періодъ русской промышленности длился цѣлое десятилѣтіе (1887—1897), пока возводившееся все выше и выше промышленное зданіе не стало давать трещины. Изъ этихъ подъемовъ и затѣмъ паденія внизъ промышленности въ прежнее время можно сдѣлать два заслуживающихъ вниманія вывода: экономическія явленія въ Россіи, поскольку они имѣли общій характеръ, всегда шли параллельно съ аналогичными явленіями на міровыхъ рынкахъ, и промышленные кризисы въ Россіи всегда отражались наиболѣе чувствительно на текстильной индустріи [2]). Но кризисъ, разразившійся къ концу вѣка, коснулся главнымъ образомъ металлургической промышленности. И въ этомъ казалось бы побочномъ обстоятельствѣ характерно отразилось перемѣщеніе силъ, совершившееся съ восьмидесятыхъ годовъ въ строѣ русской крупной промышленности.

Данныя объ англійскихъ кризисахъ показываютъ, что цѣны на желѣзо двигаются параллельно съ оживленіемъ промышленности; они растутъ вмѣстѣ съ этимъ оживленіемъ и падаютъ, когда начинаетъ преобладать обратное теченіе [3]). Эта зависимость объясняется тѣмъ, что желѣзо служитъ важнѣйшимъ матеріаломъ для изготовленія машинъ, инструментовъ, рельсовъ, судовъ и т. д. Изъ спроса на же-

---

[1]) В. В., Финансовая политика и промышленность (Вѣстн. Европы, 1904, кн. 6, стр. 615).

[2]) Нѣкоторыя детальныя указанія въ теоріи кризисовъ у Туганъ-Барановскаго, стр. 386 и др. Того же автора «Очерки по теоріи и исторіи торговыхъ кризисовъ въ Англіи».

[3]) Туганъ-Барановскій, Очерки, стр. 235.

лѣзо и уровня желѣзныхъ цѣнъ можно заключать о количествѣ вновь созданнаго постояннаго капитала. Если цѣны на желѣзо высокія, значитъ существуетъ большой спросъ, если же они, напротивъ того, падаютъ—то производство постояннаго капитала замедлилось. Характерна также тѣсная связь между новѣйшими кризисами и желѣзнодорожнымъ строительствомъ. Форсированная постройка желѣзныхъ дорогъ въ Россіи закончилась кризисомъ, наиболѣе замѣтнымъ проявленіемъ котораго явился упадокъ цѣнъ на желѣзо. Продолженіе желѣзнодорожнаго строительства и положеніе желѣзодѣлательной индустріи будутъ такимъ образомъ имѣть существенное значеніе для дальнѣйшаго теченія русскаго промышленнаго кризиса.

Къ концу восьмидесятыхъ годовъ русская промышленость косвенно поощрялась—независимо отъ всѣхъ другихъ содѣйствовавшихъ расширенію производства моментовъ—непрекращавшимся желѣзнодорожнымъ строительствомъ. Послѣднее вызывало мобилизацію капиталовъ въ размѣрахъ, до тѣхъ поръ небывалыхъ. Обращеніе денегъ стало болѣе подвижнымъ чемъ когда-либо прежде, и денежный рынокъ испытывалъ чрезвычайное оживленіе. Широко развивавшіеся съ семидесятыхъ годовъ акціонерные торговые банки явились естественными резервуарами для свободныхъ капиталовъ [1]). Банки взяли индустрію подъ свое покровительство не только, чтобы извлекать посредническую прибыль изъ финансированія промышленныхъ предпріятій, но и для того, чтобы непосредственнымъ участіемъ въ предпріятіяхъ получить свою долю отъ ожидавшихся отъ этихъ предпріятій крупныхъ дивидендовъ. Широкая же публика охотно шла на буксирѣ кредитныхъ учрежденій въ этомъ увлеченіи биржевой игрой съ промышленными цѣнностями. Акціи банковъ и промышленныя бумаги уже въ 1894—95 г. были вздуты до такой высоты, что реакція была неизбѣжна. Незначительнаго толчка было достаточно для крушенія многихъ предпріятій, построенныхъ на пескѣ. Банки начали испытывать нѣкоторое стѣсненіе и, въ свою очередь, стали производить давленіе на свою спекулирующую кліентуру. На этотъ разъ, однако, кризисъ сопровождался сравнительно незначительными жертвами. Уже въ 1896 г. опять возобладало повышательное теченіе, съ усиленной энергіей вовлекавшее въ игру склонные къ спекуляціи элементы. Денежный рынокъ оправился отъ испыанныхъ ударовъ и тѣмъ легче могъ строить новые воздушные замки, что иностранный капиталъ теперь какъ и прежде, смотрѣлъ на русскую промышленность какъ на золотое дно. Если въ 1894 и 1895 г. объектами повышательной спекуляціи являлись прежде всего металлургическія цѣнности и банковыя акціи, то въ 1896—1898 г. биржа удѣляла главное вниманіе нефтянымъ ценностямъ. Чрезмѣрное повышеніе курса этихъ послѣднихъ въ періодъ времени съ 1896 до конца 1898 г. оправдывалось чрезвычайнымъ увеличеніемъ цѣнъ на продукты нефтяной промыш-

[1]) О развитіи торговыхъ банковъ см. выше, стр. 200.

ленности, которая обусловливалась все расширявшимся примѣненіемъ ихъ фабриками и желѣзными дорогами въ качествѣ топлива [1]).

Во второй половинѣ 1898 г. наступила, по извѣстнымъ причинамъ, заминка на западно—европейскихъ денежныхъ рынкахъ. Обще—политическое положеніе становилось неспокойнымъ (война Соединенныхъ Штатовъ съ Испаніей. острый конфликтъ между Англіей и Франціей по поводу Фашоды), въ Сѣверной Америкѣ ощущалась огромная потребность въ деньгахъ, крупные государственные банки стали повышать свой дисконтный процентъ—признакъ того, что спросъ на ссудный капиталъ былъ особенно напряженнымъ, и банки старались сократить свою кліентуру, дѣлая кредитъ болѣе дорогимъ.

Въ 1899 году обнаружились еще болѣе угрожающіе признаки. Отливъ весьма значительныхъ капиталовъ на дальній востокъ, въ Азію, Африку и Австралію, совпавшій съ почти безпредѣльной потребностью въ деньгахъ со стороны усиленно развивавшейся индустріи Запада, привели денежные рынки въ почти стѣсненное положеніе, выразившееся въ сокращеніи сбыта, паденіи курса многихъ цѣнностей, а также сильныхъ колебаніяхъ дисконта. Это сокращеніе западно-европейскихъ денежныхъ рынковъ должно было отразиться и на Россіи, но пока все еще казалось, что кризисъ не задѣнетъ ее глубоко. Курсъ русской четырехпроцентной государственной ренты упалъ лѣтомъ 1899 г. (по сравненію съ высшимъ ея курсомъ въ мартѣ 1898 г.) только на $2^1/_4\%$, а дисконтъ трехмѣсячныхъ векселей повысился до $5^1/_2$ и шестимѣсячныхъ векселей до $6^1/_2\%$,—стало быть, въ такихъ размѣрахъ, которые не давали повода къ серьезнымъ опасеніямъ.

Тѣмъ не менѣе, финансовое управленіе опубликовало осенью 1899 г., въ видахъ успокоенія общества, слѣдующее оффиціальное заявленіе. Угнетенное состояніе европейскихъ рынковъ не можетъ не отразиться и на Россіи. Но

«*Общее положеніе промышленныхъ предпріятій вполнѣ удовлетворительное. Промышленность, обезпеченная все возростающимъ спросомъ и защищенная противъ иностранной конкуренціи таможенной оградой, переживаетъ періодъ чрезвычайнаго развитія. Урожай, главная основа платежной и покупательной способности населенія, въ общемъ удовлетворителенъ. При существующихъ благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы могъ какъ-нибудь возникнуть общій торговый и промышленный кризисъ*".

Нѣсколько недѣль спустя послѣ этого заявленія петербургская биржа переживала свой «черный день». 23 сентября 1899 г. Петербургъ подалъ всѣмъ русскимъ биржамъ сигналъ къ ужасающему пониженію курса всѣхъ почти ходкихъ фондовыхъ цѣнностей. Министерство финансовъ выступило по поводу этого неожиданнаго «случая» съ подробнымъ объясненіемъ. Эту «биржевую панику или вѣрнѣе спекуляцію à la baisse» 23 сентября оно называетъ пре-

---

[1]) Цифровыя доказательства у Брандта, т. II, стр. 49.

ступнымъ посягательствомъ со стороны биржи и полагало возможнымъ даже теперь еще рѣшительно отрицать наличность промышленнаго кризиса. Ибо послѣдовавшее непосредственно за паденіемъ возстановленіе нормальнаго курса соотвѣтственныхъ цѣнностей достаточно доказываетъ, что крахъ былъ вызванъ въ значительной мѣрѣ недобросовѣстной спекуляціей [1]).

Биржевая спекуляція, естественно, сыграла здѣсь свою роль—соотвѣтствующую самому ея существу,—но крахъ не былъ дѣломъ ея рукъ, а явился неизбѣжнымъ спутникомъ давно уже надвигающагося кризиса. И въ позднѣйшихъ заявленіяхъ правительство оставалось вѣрнымъ своему взгляду, что главную причину кризиса слѣдуетъ искать въ условіяхъ міроваго хозяйства. Поскольку нельзя было не признать ошибокъ и грѣховъ собственнаго народнаго хозяйства, отвѣтственность за нихъ возлагалась на немногихъ легкомысленныхъ грюндеровъ и неумѣлыхъ предпринимателей, биржевыхъ аферистовъ и падкіе на наживу банки [2]).

Ходъ дѣла въ слѣдующемъ 1900 г. ни въ какой мѣрѣ не оправдалъ этого афишированнаго оптимизма. Промышленность и денежный рынокъ находились въ подавленномъ состояніи, которое еще усуглублялось цѣлымъ рядомъ новыхъ краховъ. Кризисъ распространялся все шире и угрожалъ самымъ устоямъ народнаго и государственнаго хозяйства. Это долженъ былъ признать и министръ финансовъ въ своемъ отчетѣ за 1900 годъ. Золотой запасъ страны, постоянно увеличивавшійся въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ и только въ 1899 г. упавшій на 24_6 мил. руб., въ 1900 г. уменьшился еще на 74_1 мил. руб., важнѣйшая государственная бумага, четырехпроцентная рента, стоившая къ началу 1898 г. $102^1/_4$, упала осенью 1900 года до $96^1/_3$.

Эти неблагопріятные признаки дали министру финансовъ поводъ вновь остановиться на оцѣнкѣ общаго положенія дѣлъ, причемъ «оскудѣніе денежнаго рынка» и «вздорожаніе кредита» въ Россіи объяснялись застоемъ на иностранныхъ денежныхъ рынкахъ [3]). Здѣсь мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее:

„*Еще недавно къ намъ обильно приливали иностранные капиталы, привлекаемые высокимъ размѣромъ роста не только для долгосрочнаго помѣщенія, но и для кратковременнаго использованія. Теперь этотъ притокъ значительно ослабѣлъ, такъ какъ вслѣдствіе менѣе значительной разницы въ размѣрѣ процента между Западной Европой и Россіей перенесеніе денежныхъ средствъ съ Запада въ Россію не является уже столь выгоднымъ какъ прежде. По той же причинѣ вновь вернулась также за границу часть перекочевавшихъ въ Россію на болѣе короткіе сроки капиталовъ. Далѣе, серьезное значеніе для внутренняго денежнаго рынка имѣли необходимые внѣ предѣловъ*

---

[1]) Торгово промышленная газета, 1899, № 216 и 209.

[2]) Вѣстн. фин. 1899, № 43; Государств. роспись на 1900 г.

[3]) Государственная роспись на 1901 г.

государства огромные расходы. Издержки по постройкѣ Восточно-Китайской желѣзной дороги, усиленные расходы для нуждъ кораблестроенія и для содержанія флота на Тихомъ океанѣ, расходы по управленію и защитѣ на Квантунскомъ полуостровѣ, персидскій заемъ и въ новѣйшее время расходъ для военныхъ дѣйствій въ Китаѣ,—все это требовало огромныхъ средствъ. Затѣмъ мы должны были израсходовать значительныя суммы за-границей, чтобы снабдить всѣмъ необходимымъ для производсшва нашу промышленность, съ непредвидѣнной силой стремящуюся впередъ. Наконецъ, неурожаи послѣднихъ годовъ оказали весьма неблагопріятное вліяніе, уменьшивъ вывозъ и ухудшивъ торговый балансъ. Всѣмъ этимъ объясняется усиленный отливъ золота!" „*Несмотря на то*—продолжаетъ авторъ росписи—*не слѣдуетъ предаваться никакимъ опасеніямъ. Какъ только европейскіе рынки вновь придутъ въ равновѣсіе, окончится напряженное состояніе и въ Россіи; тогда прекратятся и аттаки на золотой запасъ. Но если бы вопреки ожиданіямъ количество золота въ Россіи продолжало уменьшаться то золотой запасъ все же остается еще достаточно значительнымъ, чтобы можно было спокойно взирать на будущее*".

Это оффиціальное успокоеніе не могло произвести должнаго впечатлѣнія въ виду той печальной истины, что сбереженіе тысячъ мелкихъ собственниковъ черезъ одну ночь уменьшились въ своей стоимости на половину и даже болѣе. Но русская націоналистическая пресса считала какъ бы своей заслугой передъ отечествомъ взваливать вину за этотъ застой въ промышленной жизни на «иностранныхъ искателей золота». Съ другой стороны и потерпѣвшіе капиталисты, преимущественно французы и бельгійцы, не оставались въ долгу и въ литературной полемикѣ высказали не мало горькихъ истинъ по адресу господствующей въ Россіи «системы», обѣщавшей имъ золотыя горы. Но именно эти «предприниматели, пока они вели самую беззастѣнчивую игру со своими акціями на биржахъ Парижа и Брюсселя и извлекали огромные дивиденды изъ своихъ русскихъ предпріятій, никогда не отдавали себѣ отчета, по какому скользкому пути они шли въ Россію. Опытъ, впрочемъ, показалъ, что грюндерство современныхъ рыцарей наживы развивалось въ Россіи въ томъ же направленіи, какъ и повсюду [1]).

За непомѣрнымъ повышеніемъ курса русскихъ промышленныхъ бумагъ въ 1896—1898 г. *должна* была послѣдовать реакція. Послѣдняя наступила бы и независимо отъ международныхъ осложненій, такъ какъ не существуетъ такого искуственнаго повышенія, которое не разрѣшилось бы въ концѣ концовъ самымъ рѣзкимъ паденіемъ. Но русское финансовое управленіе виновно въ крахѣ въ той мѣрѣ, поскольку оно въ годы «расцвѣта» слишкомъ пассивно

---

[1]) Ср. *Карскій*, Кризисы въ Россіи (Neue Zeit, 1901—02, № 21). Много матеріала о кризисѣ у *Мигулина*, Денежная реформа и промышленный кризисъ 1893—1902 г., (Харьковъ 1902), стр. 236—324.

относилось къ все усиливавшемуся грюндерству. Впрочемъ, министръ финансовъ Витте принялъ свои мѣры уже въ концѣ 1898 г., когда проявились предвѣстники охватывающаго Западную Европу денежнаго кризиса. Онъ правильно понялъ, что болѣзненныя явленія на международномъ денежномъ рынкѣ могутъ создать значительныя трудности для его финансовыхъ проектовъ на ближайшее будущее и поэтому поспѣшилъ своевременно провести на иностранныхъ денежныхъ рынкахъ конверсію русскихъ займовъ и реализацію цѣлаго ряда займовъ желѣзо-дорожныхъ. Для предотвращенія наиболѣе тяжелыхъ потерь министръ финансовъ пустилъ затѣмъ въ ходъ всѣ рычаги своего финансоваго могущества. Въ 1899 г., когда кризисъ уже разразился, началась эта борьба государственныхъ финансовыхъ силъ за ихъ участіе во все сокращающихся золотыхъ запасахъ. По примѣру крупныхъ центральныхъ банковъ Англіи, Германіи и Франціи русскій государственный банкъ также повысилъ свои дисконтныя ставки; далѣе, въ видахъ улучшенія условій денежнаго рынка, государственному банку было предписано оказывать широкую поддержку частнымъ банкамъ. Но, несмотря на то, жалобы на слишкомъ безучастное отношеніе финансоваго управленія къ послѣдствіямъ кризиса не прекращались, причемъ отвѣтственность за всѣ испытываемыя стѣсненія взваливалась въ особенности на недавно лишь осуществленную валютную реформу,— и Витте счелъ поэтому своевременнымъ исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе на всестороннюю повѣрку его финансовой политики комитетомъ министровъ. Послѣднему пришлось такимъ образомъ, высказаться по поводу кризиса, и сужденія его по этому поводу заслуживаютъ того, чтобы вкратцѣ на нихъ остановиться [1].

Комитетъ министровъ не призналъ положенія дѣлъ вызывающимъ опасенія, такъ какъ промышленные кризисы обычно повторяются періодически и въ другихъ государствахъ. Кризисъ слѣдуетъ объяснить перенапряженіемъ силъ промышленности. Промышленное развитіе прогрессировало въ Россіи быть можетъ еще интенсивнѣе и быстрѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ. Такъ напримѣръ, капиталъ акціонерныхъ обществъ (не считая желѣзнодорожныхъ компаній) увеличился въ Россіи за время съ 1889 до 1894 г. на 1150 милліоновъ рублей; съ ноября 1894 до 1897 года было учреждено новыхъ акціонерныхъ обществъ съ капиталомъ въ 606 милліоновъ рублей, въ 1898 г.—съ 256, а въ первые девять мѣсяцевъ 1899 г. съ 300 милліонами рублей; такимъ образомъ, въ теченіе пяти лѣтъ было помѣщено въ промышленныя предпріятія болѣе милліарда, не считая желѣзныхъ дорогъ, банковъ и иностранныхъ компаній. Далѣе, за пятилѣтіе съ 1894 г. было построено 14000 верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ и концессіонировано 9000 верстъ, на которыя израсходовано 1120 милліоновъ рублей, т. е. почти $^2/_3$ стоимости всѣхъ дорогъ, сооруженныхъ въ предшествующіе 50 лѣтъ. Въ 1895 г. было выпущено ипотечныхъ бумагъ на 1535 и въ 1899 г. уже

[1] *Мигулинъ*, стр. 254.

2120 милліоновъ рублей; съ 1894 г. общая сумма выпущенныхъ городскихъ облигацій составила $47^1/_2$ и промышленныхъ облигацій—129 милліоновъ рублей. Плохіе урожаи послѣднихъ лѣтъ не соотвѣтствовали успѣхамъ индустріи,—они, напротивъ того, уменьшали покупательную способность населенія и экспортъ. Но главной причиной обнаружившихся на русскомъ денежномъ рынкѣ осложненій является вздорожаніе международнаго капитала. По сравненію съ этимъ зломъ всѣ другія причины имѣютъ лишь маловажное значеніе.

Въ 1902 г. острый періодъ кризиса—по крайней мѣрѣ по мнѣнію оффиціальныхъ сферъ—уже миновалъ; основаніемъ такого заключенія служили большее оживленіе денежнаго рынка и отсутствіе новыхъ потрясеній въ сферѣ промышленности [1]). Такіе переходные періоды спокойствія и собиранія силъ—продолжаетъ оффиціозный органъ министерства—чрезвычайно важны, такъ какъ въ такіе періоды пережившія кризисъ промышленныя предпріятія обычно прилагаютъ удвоенную энергію къ усовершенствованію техники производства и вообще къ его удешевленію. Этотъ процессъ выздоровленія послѣ перенесенной болѣзни является введеніемъ къ новому развитію силъ. Что въ дѣйствительности наступила *перемѣна къ лучшему*,—обнаружилось яснѣе изъ нѣкоторыхъ явленій 1903 года [2]). Ослабленіе кризиса проявилось въ двоякомъ направленіи:

1. *Банковая атмосфера*, въ которой и которою денежный рынокъ главнымъ образомъ питается, *значительно прояснилась*. Капиталы опять стали болѣе широко приливать въ торговые банки и искали также помѣщенія въ солидныхъ банковыхъ цѣнностяхъ. Банки получили вслѣдствіе этого большую свободу движенія и не были вынуждены какъ прежде искать опоры въ государственномъ банкѣ. При этомъ дисконтный процентъ, повысившійся во время спекуляціи до $7^0/_0$, вновь упалъ до $4/2^0/_0$. Спросъ на солидныя бумаги повысилъ курсъ государственныхъ и частныхъ фондовъ, а вновь окрѣпшее довѣріе со стороны широкой публики значительно улучшило также курсъ промышленныхъ цѣнностей [3]).

---

[1]) Вѣстн. финансовъ, 1903 г., № 1 и 2.

[2]) Всѣ приводимыя ниже данныя взяты изъ изданнаго по порученію м-ва финансовъ труда *Брандта*, Торговый и промышленный кризисъ въ Западной Европѣ и въ Россіи въ 1900—1902 г., (2 тома, Спб. 1904).

[3]) Оживленіе денежнаго рынка въ 1902 и 1903 г. проявилось какъ уже замѣчено, между прочимъ, въ курсѣ цѣнныхъ бумагъ; четырехпроцентная государственная рента, важнѣйшая изъ фондовыхъ цѣнностей, повысилась съ 96 (въ 1901 г.) до 99 (1903 г.); въ то же время существенно улучшились также разнаго рода фонды, помѣщенные за-границею. Повышательная тенденція распространилась также на закладные листы земельныхъ банковъ, далѣе на промышленныя цѣнности болѣе старыхъ и солидныхъ предпріятій и банковыя акціи. Что торговые банки дѣйствительно уже пережили періодъ застоя, видно было также изъ того, что въ 1903 г. большинство изъ нихъ опять оказалось въ состояніи выплатить дивидендъ. И это несмотря на то, что ссудный процентъ сдѣлался значительно болѣе умѣреннымъ по сравненію съ предшествовавшимъ періодомъ повышательной спекуляціи 1894—1898 г. Банки могли такимъ образомъ выгодно работать и отказавшись отъ чрезмѣрныхъ спекулятивныхъ прибылей прежнихъ годовъ.

2. *Крупная промышленность опять стала развивать болѣе усиленную дѣятельность и имѣла достаточный сбытъ.* Южно-русская металлургическая промышленность, правда, еще въ 1902 г. должна была значительно сократить производство чугуна, но зато сбытъ ея—при использованіи старыхъ запасовъ—достигъ такихъ размѣровъ, какихъ онъ до тѣхъ поръ никогда не имѣлъ. Хотя это расширеніе сбыта выразилось исключительно въ усиленномъ экспортѣ за границу, но все же это означало шагъ впередъ—этимъ путемъ она освобождалась отъ давившаго ее мертваго запаса издѣлій. Характерно для этого оживленія желѣзнаго дѣла было то, что расширеніе сбыта коснулось только такихъ желѣзныхъ издѣлій, которыя требовались, главнымъ образомъ, мелкими потребителями. Такое перемѣщеніе сбыта обнаружилось также—поскольку можно судить изъ имѣющихся точныхъ цифръ—въ 1903 и 1904 г. Признаки наступающаго поворота къ нормальнымъ отношеніямъ совпали, такимъ образомъ, съ измѣненіемъ потребленія, которое, съ точки зрѣнія интересовъ желѣзной индустріи, можно было только привѣтствовать. Желѣзныя дороги и крупная промышленность, главнѣйшіе до тѣхъ поръ потребители продуктовъ горной промышленности, начали отступать на задній планъ передъ широкой и тѣмъ болѣе надежной массой мелкихъ потребителей. Въ то же время повысились и цѣны на желѣзо, что, впрочемъ, было совершенно естественно въ виду предшествовавшаго упадка цѣнъ. Въ общемъ же металлургическая промышленность должна была довольствоваться тѣмъ, что къ ней опять стали притекать заказы, обѣщавшіе умѣренную выгоду, такъ какъ возвратъ къ взвинченнымъ цѣнамъ до кризиса долженъ быть признанъ, по крайней мѣрѣ въ предвидимомъ будущемъ невозможнымъ. Для *каменноугольной* и *нефтяной* промышленности такъ же, какъ и для желѣзодѣлательной, 1903 годъ былъ сравнительно благопріятнымъ—можно было, по крайней мѣрѣ, ожидать, что наиболѣе тяжелый періодъ кризиса теперь уже миновалъ. Разразившійся на денежномъ рынкѣ уже въ 1899 г. кризисъ потерялъ свою остроту уже въ 1902 г.; промышленный же кризисъ лишь въ 1901 г. обострившійся до степени всеобщаго бѣдствія, сталъ, видимо, ослабѣвать для важнѣйшихъ отраслей индустріи въ 1903 г. Процессъ выздоровленія начался, но отнюдь не былъ еще обезпеченъ; дальнѣйшее нормальное развитіе было прервано войною въ февралѣ 1904 г.

И по окончаніи войны потребуется еще много лѣтъ, чтобы можно было съ достовѣрностью судить, благополучно ли пережила индустрія и въ какомъ направленіи отразились на ней кризисъ и война. Насколько можно судить по имѣющимся до сихъ поръ даннымъ, 1904 годъ принесъ горной промышленности обильные заказы и, видимо, значительныя прибыли. Но это само по себѣ мало убѣдительно, если принять во вниманіе тотъ фактъ, что во время войны именно желѣзная индустрія нерѣдко развиваетъ чрезвычайно интенсивную дѣятельность. И еще по окончаніи войны производство, въ виду необходимости возобновить использованные запасы, обычно уклоняется на время отъ нормальнаго направленія. Даже если бы

благопріятныя условія 1903 года продолжали безпрепятственно обнаруживать свое дѣйствіе и не были бы нарушены войною, все же кризисъ самъ по себѣ долженъ былъ бы измѣнить характеръ индустріальнаго производства. Теперь невозможенъ болѣе «широкій размахъ» медоваго мѣсяца грюндерства; мѣсто легкомысленной спекуляціи должно теперь занять зрѣлое размышленіе, смѣлое предпринимательство должно замѣниться серьезнымъ трудомъ. Упроченіе производства и обезпеченіе сбыта сталкиваются съ препятствіями, которыя не легко преодолѣть. Виды на будущее должны сдѣлаться болѣе трезвыми, расчеты болѣе осторожными, притязанія на прибыли болѣе умѣренными. Прочнымъ и только временно затемненнымъ войною результатомъ кризиса является именно *неизбѣжность переоцѣнки всего индустріальнаго строя.*

Въ изданномъ по инициативѣ министерства финансовъ трудѣ о кризисѣ [1]) *Брандтъ* пытается, пользуясь обильнымъ цифровымъ матеріаломъ, доказать, что кредитный и промышленный кризисъ въ Россіи въ 1898—1903 г. имѣлъ такой же характеръ, какъ и то подавленное экономическое состояніе, которое обнаружилось къ концу вѣка въ государствахъ Западной Европы. Авторъ явно задается цѣлью противодѣйствовать широко распространенному возрѣнію, что русская промышленность страдаетъ хроническимъ дефектомъ, который, разъ обнаружившись, неизбѣжно осуждаетъ индустрію на продолжительное безсиліе. Но при всемъ своемъ оптимизмѣ самъ Брандтъ допускаетъ, что кризисъ вскрылъ въ Россіи такія слабыя стороны хозяйственной организаціи, которыя отнюдь нельзя признать уже отпавшими потому только, что благополучно пережитъ острый періодъ кризиса. Такъ какъ рѣшительный внѣшній толчокъ къ нарушенію нормальнаго хода экономической жизни разныхъ государствъ исходилъ отъ мірового рынка, то попытки установить параллельность явленій кризиса совершенно естественны. Но за этими предѣлами въ каждой странѣ характеръ и продолжительность кризиса опредѣляются еще особыми «національными» моментами. И при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ возникнуть вопросъ, не повліяли ли на теченіе кризиса именно эти побочныя причины неизмѣримо сильнѣе, чѣмъ общія условія его возникновенія. Если бы промышленный кризисъ въ Россіи можно было подвести подъ обычный шаблонъ «перепроизводства», «увлеченія спекуляціей», «заминки на денежномъ рынкѣ» и т. д., то можно было бы ожидать что въ Россіи, какъ и въ другихъ одновременно потрясенныхъ кризисомъ государствахъ, нѣсколькихъ лѣтъ болѣе ограниченнаго расширенія производства и возстановленія нормальныхъ кредитныхъ отношеній должно оказаться достаточнымъ для того, чтобы привести въ нормальное равновѣсіе производство товаровъ и ихъ потребленіе, спросъ и предложеніе. Въ Россіи, правда, проявились въ 1903 г., какъ уже упомянуто выше, несомнѣнные признаки перемѣны къ лучшему, но поворотъ къ удовлетво-

---

[1]) Ср. стр. 251, прим. I.

рительнымъ нормальнымъ отношеніямъ еще только начинался, когда народное хозяйство вновь было потрясено разразившейся въ восточной Азіи войною. И если это новое испытаніе и не должно неизбѣжно повлечь за собою реакцію, то все же вліяніе войны на промышленную жизнь такъ многообразно и глубоко, что въ процессѣ оздоровленія должно наступить по меньшей мѣрѣ затишье.

Боннскій профессоръ Dietzel опредѣляетъ кризисы какъ «тяжелое потрясеніе народнаго хозяйства, которое является слѣдствіемъ дурного руководительства производительными силами націи, капиталомъ и трудомъ въ широкомъ смыслѣ». Дитцель палагалъ доказаннымъ, что въ Германіи такого неумѣлаго руководителяства не было въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ. «Здѣсь не тратились значительные капиталы на непроизводительныя цѣли, здѣсь была только усиленная, слишкомъ дорого стоющая погоня за новыми мѣстами, въ которыхъ, однако, эти капиталы въ будущемъ не останутся втуне, а будутъ развивать свою дѣятельность и приносить доходъ». Поэтому, полагаетъ Дитцель, кризисъ въ Германіи былъ только періодомъ экономическаго отлива, за которымъ послѣдовалъ приливъ. Этимъ сравненіемъ теченія кризиса съ морскимъ приливомъ и отливомъ очень охотно пользовались въ русскихъ оффиціальныхъ заявленіяхъ, чтобы выставить катастрофу «естественной» реакціей послѣ предшествовавшаго «расцвѣта». Но цѣлый рядъ фактовъ показываетъ, что въ Россіи кризисъ иллюстрируется именно указанными Дитцелемъ критеріями—дурнымъ управленіемъ національными производительными силами и расточеніемъ капитала на непроизводительныя предпріятія. Для Россіи разразившійся кризисъ былъ поэтому неизмѣримо тяжелѣе, чѣмъ—тѣмъ временемъ уже благополучно закончившійся—кризисъ въ Германіи. Въ Россіи индустрія съ вновь возникающими коньюнктурами не сможетъ уже безъ потрясеній вновь подняться до прежней высоты, ей придется во многихъ отношеніяхъ предварительно реорганизовать самыя условія ея существованія и произвести переоцѣнку ея силъ. Прежде чѣмъ вернуться къ лучшему состоянію, русская промышленность должна будетъ войти въ нормальное русло. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что въ Россіи, какъ и въ Германіи, стѣсненное положеніе индустріи вызвано главнымъ образомъ, неблагопріятными условіями труда. Но въ то время, какъ въ Германіи промышленное производство базируетъ на крѣпкихъ и прочныхъ устояхъ, испытаніе основъ русской индустріи показало, что она не обладаетъ достаточной сопротивляемостью противъ какихъ бы то ни было болѣе или менѣе сильныхъ ударовъ извнѣ.

Но почему кризисъ, выросшій и поддерживаемый общими условіями міроваго хозяйства, особенно тяжело отразился и вызвалъ такое глубокое потрясеніе русской промышленности,—становится понятнымъ, если принять во вниманіе, что многіе заводы возникли или были расширены въ періодъ необузданнаго грюндерства и спекуляціи. Вмѣстѣ съ кризисомъ наступилъ моментъ искупленія за всѣ грѣхи и ошибки прошлаго. Предприниматели допустили весьма опасныя

заблужденія при самомъ созданіи основныхъ и эксплоатаціонныхъ капиталовъ, при исчисленіи издержекъ производства и оцѣнкѣ видовъ на сбытъ,—причемъ въ существѣ безразлично, находились ли печальные результаты внѣ предѣловъ возможнаго предвидѣнія или же были вызваны легкомысленнымъ оптимизмомъ. Отъ болѣе старыхъ промышленныхъ государствъ Россію отличала та огромная разница, что у ея молодой еще не окрѣпшей индустріи не было достаточно сильнаго оплота, чтобы ослабить ударъ, и не было запасныхъ силъ, при помощи которыхъ она могла бы вновь подняться. Крупныя предпріятія базировали, главнымъ образомъ, на иностранномъ капиталѣ, и этотъ капиталъ сдѣлался очень осторожнымъ и недоступнымъ, когда вслѣдствіе неблагопріятныхъ коньюнктуръ сверхъ ожиданія не оказалось предположенныхъ крупныхъ дивидентовъ, и биржевая расцѣнка предпріятій упала на 50 и болѣе процентовъ. Далѣе, издержки производства были разсчитаны на такія продажныя цѣны, которыя не могли удержаться надолго; послѣднія постепенно были взвинчены до такой высоты, что усиленное паденіе рыночныхъ цѣнъ не могло уже компенсироваться ограниченіемъ расходовъ производства. Наконецъ, сбытъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности покоился почти исключительно на зыбкой почвѣ казенныхъ заказовъ, такъ что когда послѣдніе временно пріостанавливались или сокращались, соотвѣтственныя предпріятія оказывались уже на порогѣ крушенія. Ко всему этому присоединилось еще, что промышленный крахъ совпалъ съ длящимся кризисомъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Зло значительно обострялось еще очевиднымъ упадкомъ народнаго благосостоянія.

При указанныхъ условіяхъ кризисъ нашелъ въ Россіи особенно хорошо подготовленную почву для своего распространенія. Здѣсь дѣло шло не болѣе и не менѣе какъ о «*ликвидаціи грюндерства*».

Раздѣлъ десятый.

Прошлое и будущее. Общія замѣчанія.

ГЛАВА LI.

Индустріализація стремится къ національзаціи насажденнаго извнѣ индустріализма при помощи иностраннаго капитала.—Развитіе и гипертрофія индустріальной системы.

Болѣе нежели столѣтнія усилія русскаго правительства повести Россію впередъ по пути къ индустріализаціи сопровождались вплоть до середины 19 вѣка лишь сравнительно скромными частными успѣхами. Только около этого времени индустріальная политика государства начинаетъ послѣдовательно стремиться къ опредѣленной цѣли и въ дѣйствительности приводитъ къ тому результату, что индустріальные ростки, вновь насажденные по западно-европейскимъ

образцамъ, пустили глубокіе корни на русской почвѣ. Если бы намъ пришлось вкратцѣ формулировать тенденціи развитія русской промышленности съ семидесятыхъ приблизительно годовъ истекшаго столѣтія до настоящаго времени, то мы охарактеризовали бы ихъ какъ *стремленіе къ національизаціи импортированнаго индустріализма при помощи импортированнаго же капитализма.* Другими словами: русская промышленная политика стремилась въ теченіе 19 вѣка приспособить къ существующимъ условіямъ и пробуждающимся потребностямъ собственной страны импортированный съ Запада въ Россію и насажденный здѣсь частно-капиталистическій индустріализмъ—національизировать его. Способы и пріемы, при помощи которыхъ это совершилось, отражаютъ въ себѣ не только перемѣну индустріальной политики государства, но и общій ходъ развитія русскаго народнаго хозяйства.

Индустріализація, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, сдѣлалась для Россіи неизбѣжной съ того момента, какъ стали разрушаться замкнутыя домашнія хозяйства крѣпостного періода. Это произошло, какъ уже извѣстно нашимъ читателямъ, гораздо раньше, чѣмъ совершилось формальное освобожденіе крестьянъ въ силу законодательнаго акта 1861 года. Какъ ни безпритязателенъ былъ жизненный обиходъ даже богатыхъ и знатныхъ «баръ»—землевладѣльцевъ, нѣкоторую часть потребностей домашняго хозяйства приходилось удовлетворять внѣ предѣловъ домашняго ремесленнаго производства собственныхъ крѣпостныхъ. Съ другой стороны, выгоды самихъ душевладѣльцевъ побуждали ихъ использовать трудъ особо искусныхъ крѣпостныхъ не только для собственныхъ нуждъ, но и какъ товаръ для внѣшняго рынка. Такимъ образомъ, потребности господъ и предложеніе крѣпостныхъ создали для промышленной жизни новые пути, поведшіе къ образованію особыхъ ремесленныхъ промысловъ. Это расширеніе сельскаго домашне—промышленнаго и городского мелко—ремесленнаго труда было также однимъ изъ элементовъ начинающагося процесса индустріализаціи, но для насъ оно не существенно уже по тому одному, что домашняя индустрія вслѣдствіе ея отсталыхъ методовъ производства и ограниченной способности сбыта не принимала участія въ дальнѣйшемъ развитіи индустріи, а до настоящаго дня осталась на сравнительно низшей ступени развитія. Собственно крупная индустрія обязана своимъ развитіемъ, главнымъ образомъ, промышленному капитализму Запада.

Зачатки индустріи, заимствованные изъ-за границы въ совершенно почти готовомъ видѣ, восходятъ ко времени Петра Великаго и даже къ еще болѣе раннимъ періодамъ. Эти промышленныя предпріятія для надобностей государства, двора и другихъ узко ограниченныхъ спеціальныхъ цѣлей, предвѣстники систематическаго покровительства индустріи, являлись тогда въ условіяхъ русской жизни во всѣхъ отношеніяхъ экзотическими растеніями, пересаженными на первобытную дикую почву велѣніемъ абсолютистской власти. Индустріализація въ тѣсномъ смыслѣ, съ которую только намъ и придется имѣть дѣло впослѣдствіи, зарождается лишь съ того момента,

когда можно было приступить въ болѣе широкихъ размѣрахъ къ переработкѣ внутренняго сырья.

При безспорномъ преобладаніи земледѣлія и отсутствіи потребностей у широкихъ массъ населенія индустрія естественно обратилась прежде всего къ переработкѣ сырыхъ матеріаловъ сельскаго хозяйства. Селскохозяйственные побочные промыслы, какъ мукомольное дѣло, винокуреніе и т. д., были хорошо развиты уже въ то время, когда горная промышленность до такой степени отсутствовала еще въ Европейской Россіи, что министръ финансовъ Канкринъ (1823—1844 г.), возражая противъ введенія желѣзныхъ дорогъ, могъ указывать на то, что онѣ должны съ теченіемъ времени поглотить всѣ лѣса, такъ какъ Россія не имѣетъ собственнаго угля! Рядомъ съ этимъ существовала, преимущественно въ сферѣ московскаго торговаго капитала, «патріархальная мануфактура», которая, пользуясь сперва внутреннимъ сырьемъ (шерсть, ленъ), а затѣмъ иностраннымъ хлопкомъ, вырабатывала простыя ткани для массоваго потребленія, поскольку послѣднее не покрывалось уже болѣе домашнимъ производствомъ. Періодъ роста желѣзной индустріи могъ начаться лишь послѣ того, какъ осуществилась уже мобилизація труда—путемъ отмѣны крѣпостного права—и мобилизація капитала вслѣдствіе расширенія торговаго оборота и реформъ въ кредитномъ дѣлѣ, и когда усилился спросъ на желѣзо вслѣдствіе все расширявшагося желѣзнодорожнаго строительства.

Постепенный переходъ нѣкоторой части земледѣльческаго населенія къ промышленному труду, покровительство сельскохозяйственнымъ побочнымъ промысламъ, основаніе мануфактуръ и фабрикъ для изготовленія важныхъ предметовъ потребленія широкихъ слоевъ населенія (пищевые продукты, одежда), и, наконецъ, начавшаяся добыча внутреннихъ сырыхъ матеріаловъ внѣ сельскохозяйственнаго промысла,—всѣ эти моменты индустріальнаго воспитанія не являютъ еще, однако, никакихъ особыхъ признаковъ своеобразнаго развитія. Необходимо было, такимъ образомъ, вліяніе еще другихъ факторовъ, чтобы къ Россіи былъ приложимъ терминъ «импортированный индустріализмъ». Условіемъ послѣдняго является именно, чтобы была организована промышленность, заимствующая изъ-за границы главнѣйшія свои основы въ формѣ капитала и труда, промышленность, которая обязана своимъ развитіемъ и расцвѣтомъ прежде всего такимъ «импортированнымъ» устоямъ. Всѣ эти условія проявились въ Россіи въ столь ярко выраженныхъ фактахъ, что индустріализмъ нигдѣ не носитъ въ такой мѣрѣ отпечатокъ своего «чужеземнаго» происхожденія или по крайней мѣрѣ имѣлъ этотъ характеръ въ то время, когда крупная индустрія акклиматизировалась на русской почвѣ во всеоружіи западноевропейскаго капитализма. Болѣе широкое развитіе этой новой эры модернизированнаго крупнаго производства можно въ общемъ отнести ко времени «умѣреннаго протекціонизма» (1850—1877 г.) или, какъ его называютъ нѣкоторые, «фритредерства», хотя для текстильной индустріи это началось уже двадцатью пятью годами ранѣе.

*

Обѣ главныя отрасли современнаго крупно капиталистическаго производства въ Россіи, текстильная индустрія и горная промышленность, никогда не могли отречься отъ своего иностраннаго происхожденія. Достаточно въ этомъ отношеніи отмѣтить ту рѣзкую противоположность, которая обнаружилась между этими «новыми» выходцами съ Запада и традиціонными индустріальными предпріятіями Востока. Какъ текстильная, такъ и новая металлургическая промышленность обосновались первоначально въ сѣверо-западныхъ областяхъ по близости сухопутной границы, чтобы быть возможно ближе къ своимъ западно европейскимъ источникамъ, и черезъ короткое время вступили уже въ ожесточенную борьбу съ національнымъ традиціоннымъ производствомъ. Въ непримиримомъ соперничествѣ между *Москвою*, около которой групировалась патріархальная текстильная мануфактура, и *Лодзью*, этимъ новымъ русскимъ Манчестеромъ въ Привисляньи, наиболѣе ярко проявились отличительные признаки, обусловливавшіе противуположность между постепенно выросшимъ на національной русской почвѣ старымъ индустріализмомъ и индустріализмомъ импортированнымъ. Желѣзодѣлательная индустрія, пользовавшаяся съ середины пятидесятыхъ до восьмидесятыхъ годовъ привилегіей безпошленнаго ввоза сырья и многихъ вспомогательныхъ матеріаловъ, также сосредоточилась по сосѣдству съ западной сухопутной границей, стало быть далеко отъ южнорусскихъ залежей желѣза и угля и еще дальше отъ существовавшей на Уралѣ уже полтораста лѣтъ старорусской желѣзодѣлательной промышленности. Польскія такъ называемыя перерабатывающія предпріятія изготовляли для русскихъ желѣзныхъ дорогъ фабрикаты изъ импортированныхъ полу-фабрикатовъ, вопреки, стало быть, тому мнимо-нормальному принципу развитія, въ силу котораго индустріализація государствъ, добывающихъ сырье, должна начинаться съ изготовленія полу-фабрикатовъ, переходъ же къ назначеннымъ для непосредственнаго потребленія болѣе сложенымъ продуктамъ долженъ совершиться лишь впослѣдствіи. Постепенно началась затѣмъ эксплоатація южнорусскихъ минеральныхъ богатствъ, и путь къ этому былъ проложенъ все тѣмъ-же импортированнымъ капитализмомъ[1]).

Національзація промышленности сдѣлала такимъ образомъ важный шагъ впередъ, такъ какъ самую прочную основу крупно-капиталистическаго производства составляли теперь добыча и переработка сырья. Индустріализація требовала, впрочемъ, еще и теперь, въ виду бѣдности страны собственными капиталами, самой широкой финансовой поддержки со стороны иностранцевъ но стремленіе къ національзаціи импортированнаго индустріализма обнаружилось уже въ восьмидесятыхъ годахъ и осталось по настоящій день однимъ изъ лейтъ—мотивовъ промышленной политики государства. Покровительственная таможенная политика систематически развивалась

---

[1]) По вопросу о пошлинахъ на желѣзо ср. гл. 28 и 33, объ особомъ таможеный-политическомъ положеніи Польши стр. 69—71; польскіе перерабатывающіе заводы упомянуты на стр. 134 и др.

какъ весьма дѣйствительное средство поощренія внутренняго индустріальнаго производства[1]) и съ необыкновенной настойчивостью и при помощи самыхъ рѣшительныхъ средствъ стремилась освободить внутренніе рынки отъ иностраннаго импорта. Иностранному капиталу, призванному также оказывать весьма важныя услуги и финансовой политикѣ, охотно раскрываютъ всѣ двери, такъ какъ онъ является необходимымъ двигателемъ промышленнаго прогресса, но за этимъ единственнымъ исключеніемъ всѣ иностранные провенансы, которые могли бы нарушить національный характеръ индустріи, встрѣчаются крайне неблагосклонно. Мы не можемъ здѣсь детально останавливаться на многочисленныхъ доказательствахъ этой тенденціи къ національизаціи. Въ области торговой и таможенной политики плоды ея явно обнаруживаются въ систематическомъ устраненіи индустріальныхъ продуктовъ другихъ государствъ въ интересахъ отечественнаго производства. Но кое какія рѣшительныя мѣры приняты и противъ импорта труда и интеллигенціи, какъ напр. запрещеніе пріобрѣтенія земельной собственности внѣ городовъ иностранцами не только по близости сухопутной границы, но и въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, недопущеніе иностранныхъ техниковъ и рабочихъ на польскіе заводы и мн. др. вплоть до направленнаго противъ иностранцевъ закрытія всей береговой полосы приморскихъ провинцій на Дальнемъ Востокѣ, а равно прилежащихъ острововъ (Сахалинъ!) для частной нефтяной индустріи и золотопромышленности (указъ 17 іюля 1901 г.).

Выше мы пытались выяснить существо русскаго индустріализма, теперь мы обратимся къ *развитію и обоснованію процесса индустріализаціи*. Русскій индустріализмъ даетъ, по нашему мнѣнію, наглядное опроверженіе фритредерской теоріи о гармоніи интересовъ между аграрными и промышленными государствами на основѣ раздѣленія труда. Примѣръ Россіи ясно показываетъ, какъ государство, несмотря на огромное преобладаніе его земледѣльческаго населенія и на безусловную необходимость для него широкаго вывоза сельскохозяйственныхъ продуктовъ, все же можетъ систематически тормозить импортъ индустріальныхъ продуктовъ, такъ какъ оно признаетъ выгодной индустріализацію собственной страны и намѣрено поощрять ее самыми рѣшительными средствами. Фритредерамъ нельзя сдѣлать даже той уступки, будто въ государствахъ, добывающихъ сырье, процессъ индустріализаціи прогрессируетъ лишь крайне медленно и ввозъ фабрикатовъ, какъ показываетъ опытъ, несмотря на то скорѣе возрастаетъ, нежели падаетъ,—о чемъ свидѣтельствуетъ товарообмѣнъ между Англіей и Германіей. Ни одинъ изъ этихъ аргументовъ не оправдывается въ примѣненіи къ Россіи. Напротивъ того,—успѣхи индустріализаціи въ Россіи слѣдуетъ признать поражающими, если принять во вниманіе, что важнѣйшее изъ того, что

---

[1]) Ср. гл. 33.

достигнуто, выросло менѣе, нежели въ 25 лѣтъ. Чтобы правильно оцѣнить этотъ успѣхъ, нельзя, конечно, стоять на той наивной точкѣ зрѣнія, что для оцѣнки промышленнаго прогресса рѣшающее значеніе имѣютъ «прежде всего цифры» народнаго потребленія»; необходимо установить измѣненія въ цифрахъ производства, напримѣръ русской горной промышленности, [1]) и уже соотвѣтственно этимъ даннымъ выяснить, какъ велики потери, понесенныя иностраннымъ импортомъ.

За фритредерскую конструкцію и стало быть *противъ* насъ видимо говорятъ, правда, цифры русскаго импорта въ девятидесятыхъ годахъ, отнюдь не обнаруживающія сокращенія сбыта иностранныхъ продуктовъ въ Россію. Но указанный періодъ (1893—1898 г.) характеризуется господствомъ промышленнаго грюндерства и желѣзнодорожнымъ строительствомъ, потребности котораго не могли быть удовлетворены внутренней добычей желѣза и угля, какъ бы интенсивно она ни возрастала, такъ что на помощь долженъ былъ придти усиленный ввозъ изъ за-границы [2]). Кромѣ того отъ самаго характера спроса зависѣло, что возросталъ спеціально импортъ машинъ. Когда разразился промышленный кризисъ (1899 г.), существенно измѣнились также размѣры и характеръ импорта, и только будущее можетъ отвѣтить на вопросъ, въ какомъ направленіи пойдетъ товарообмѣнъ Европы съ Россіей послѣ того, какъ будутъ уже преодолѣны тяжелыя послѣдствія войны и кризиса.

Столь же ошибоченъ и другой аргументъ фритредеровъ, что отсталыя земледѣльческія государства, какъ Россія, долго должны довольствоваться экспортомъ пищевыхъ продуктовъ, взамѣнъ которыхъ они получаютъ индустріальныя издѣлія. Если Россія вслѣдствіе недостаточнаго развитія своего народнаго хозяйства еще и въ настоящее время вынуждена вывозить главнымъ образомъ рожь, то нигдѣ это не воспринимается такъ болѣзненно какъ въ самой Россіи, и нѣтъ недостатка въ самыхъ настойчивыхъ усиліяхъ измѣнить это положеніе дѣла. Достиженіе Россіей лучшихъ результатовъ въ переработкѣ ея сельско-хозяйственнаго сырья, по американскому образцу, въ пищевые продукты (мука, мясо и т. д.) и дальнѣйшее развитіе индустріальной эксплоатаціи ея сырья—это только вопросъ времени. Успѣхи въ указанномъ направленіи обнаруживаются все замѣтнѣе съ каждымъ десятилѣтіемъ. А чего Россія не въ состояніи дать собственными силами, въ томъ ей охотно поможетъ иммигрирующій капиталъ, уже теперь сильно заинтерисованный въ организаціи экспорта мяса и масла (Данія, Англія).

Вопреки всѣмъ фритредерскимъ соображеніямъ о благодѣтельности международнаго раздѣленія труда, Россія будетъ, такимъ образомъ, продолжать свой путь къ индустріализаціи и не уклонится отъ этого основного направленія всей ея хозяйственной политики вслѣдствіе заманчивыхъ предложеній со стороны другихъ

---

[1]) Ср. стр. 221.
[2]) Ср. цифровыя данныя на стр. 222.

государствъ уменьшить аграрныя пошлины взамѣнъ уменьшенія русскихъ пошлинъ на промышленныя издѣлія,—развѣ если бы такая перемѣна была для нея связана съ столь значительными матеріальными выгодами, чтобы изъ-за нихъ стоило пожертвовать цѣлой частью собственнаго народнаго хозяйства. Только въ этомъ весьма мало правдоподобномъ случаѣ отвѣтственные руководители русской экономической политики, вѣроятно, осуществили бы реально свои фритредерскія наклонности, которыя они отъ времени до времени выражаютъ какъ свое теоретическое убѣжденіе. Такая платоническая приверженность къ свободной торговлѣ въ Россіи фактически имѣется и подтверждаетъ извѣстное положеніе, что интенсивная потребность въ экспортѣ пролагаетъ путь либеральной таможенной политикѣ. Но для Россіи *сокращеніе ввоза* по меньшей мѣрѣ такъ же важно, какъ *поощреніе экспорта*: и то и другое въ интересахъ *финансовой политики государства*, для которой неблагопріятный торговый балансъ служитъ основнымъ источникомъ всѣхъ золъ,—но также въ интересахъ *индустріализма*, для котораго, съ одной стороны, *экспортъ* аграрныхъ продуктовъ является необходимымъ жизненнымъ элементомъ, такъ какъ приливъ денегъ усиливаетъ покупательную способность сельскаго населенія, и для котораго, съ другой стороны, *свободный импортъ* былъ бы, вѣроятно, смертельнымъ ударомъ, такъ какъ онъ не въ состояніи выдержать—по крайней мѣрѣ, въ предвидимомъ будущемъ—ни чѣмъ не стѣсненную иностранную конкуренцію [1]).

«Фатальная метаморфоза» постепенной индустріализаціи, которую мы наблюдаемъ въ другихъ добывающихъ сырье государствахъ, неизбѣжна и для Россіи, но процессъ потери Россіей характера аграрнаго государства будетъ идти здѣсь еще гораздо медленнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, такъ какъ всѣ условія для расширенія индустріальнаго производства дѣйствовали у нашего восточнаго сосѣда неизмѣримо слабѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ. Для Россіи стремленіе къ расширенію ея индустріи, болѣе интенсивно проявляющееся съ середины истекшаго столѣтія, было равнозначуще съ стремленіемъ къ болѣе высокой ступени развитія. Здоровый экономическій эгоизмъ не могъ не протестовать противъ

---

[1]) «Было ошибкою фритредерской теоріи признавать естественнымъ раздѣленіе труда между индустріальнымъ государствомъ и аграрнымъ государствомъ. Оно было соціальное, преходящее. Ибо всякое государство сильнѣйшимъ образомъ заинтересовано въ томъ, чтобы сдѣлаться индустріальнымъ государствомъ». Такъ говоритъ соціалистъ *Каутскій*. «Какъ вѣрно то, что государства, добывающія сырье, будутъ теперь индустріализироваться, такъ, съ другой стороны, вѣрно то, что метаморфоза, которая вслѣдствіе этого наступитъ въ индустріальныхъ государствахъ, не можетъ проявиться съ быстротою молніи на безоблачномъ небѣ или «электрическаго удара» или въ семимильныхъ сапогахъ. Если это вообще произойдетъ, то только постепенно, въ теченіе десятилѣтій, сократится экспортъ фабрикатовъ и pari passu, тѣмъ же медленнымъ шагомъ, импортъ сырья». Такъ говоритъ фритредеръ, профессоръ *Дитцель*. Мы ничего не можемъ прибавить къ обоимъ этимъ сужденіямъ.

того, что добытый народнымъ трудомъ хлѣбъ въ неизмѣримыхъ количествахъ отливалъ на новыхъ удобныхъ рельсовыхъ путяхъ за границу и тамъ продавался по ничтожнымъ цѣнамъ, нерѣдко далеко не покрывавшимъ даже собственныхъ издержекъ крестьянина—производителя, чтобы изъ скудной выручки скоплять сотни милліоновъ, которыми долженъ былъ оплачиваться заграницею спросъ Россіи на сырье, машины и желѣзнодорожные матеріалы. И все это, несмотря на то, что въ нѣдрахъ Россіи необходимыя естественныя богатства имѣлись въ избыткѣ и въ странѣ ощущался значитильный желѣзный голодъ. Если бы Россія была отдаленной колоніальной страной, эксплоатація сокрытыхъ въ ея нѣдрахъ сокровищъ составила бы прямую обязанность международнаго подвижнаго капитала. Тѣмъ сильнѣе должна была себя чувствовать обязанною Россія не оставлять втунѣ богатствъ, которыми такъ щедро наградила ее природа. Уже одного этого момента совершенно достаточно, чтобы обосновать нѣкоторое моральное принужденіе къ индустріализаціи. Въ то же время проявлялось и стремленіе къ господству. Послѣднее обусловливается многосторонностью источниковъ народнаго благосостоянія, постепеннымъ обогащеніемъ страны, независимымъ положеніемъ въ отношеніи къ другимъ государствамъ и многими другими элементами, прямо или косвенно достижимыми по пути къ индустріализаціи. Чѣмъ долѣе Россія медлила признать и для себя неизбѣжнымъ направленіе, предуказанное для всѣхъ государствъ, добывающихъ сырье, тѣмъ невыносимѣе должна была становиться цѣпь, связывавшая русское народное хозяйство съ міровымъ рынкомъ. Противуестественно такое положеніе, при которомъ страна должна жертвовать продуктами своей почвы, стало быть въ извѣстной мѣрѣ частью самой своей почвы, чтобы кормить промышленное населеніе другихъ государствъ, индустріальные продукты которыхъ сбываются затѣмъ ей съ высокой прибылью. Если собственное населеніе можетъ посвятить себя этому труду и внутреннія условія производства складываются благопріятно, то оставаться на стадіи государства только добывающаго сырье, или даже исключительно земледѣльческой страны—значило бы приносить въ жертву свои собственные экономическіе интересы. Когда въ семидесятыхъ годахъ хлѣбныя цѣны стали клониться на міровомъ рынкѣ къ упадку, для Россіи оставалась только двѣ альтернативы: либо примириться съ все большей эксплоатаціей ея иностранными государствами, вымѣнивая по ничтожнымъ цѣнамъ продукты своей почвы на чужой трудъ, или же стремиться къ интенсивному индустріальному использованію внутреннихъ производительныхъ силъ, т. е. спуститься въ свои собственныя нѣдра, извлекать оттуда сырье для индустріализаціи, съ выгодою эксплоатировать его и сохранить для себя самой ту прибыль, который прежде отливалъ заграницу.

Что вначалѣ было естественно, превратилось вскорѣ въ искуственно привитую потребность. И здѣсь обнаружили свое вліяніе международныя отношенія. Какъ прежде элементы, подавлявшіе

русское народное хозяйство, исходили изъ международнаго *хлѣбнаго рынка*, такъ теперь источникомъ ихъ являлся *денежный рынокъ*. Съ теченіемъ времени Россія, не безъ собственной вины, попала въ такую финансовую зависимость отъ другихъ государствъ, что обязанности ея по уплатѣ процентовъ достигли подавляющихъ размѣровъ. Такъ какъ это ухудшало платежный балансъ, то средствъ къ облегченію тяжести этой «дани загранпцѣ» искали, между прочимъ, въ систематическомъ воздѣйствіи на торговый балансъ; превышеніе экспорта надъ импортомъ должно было компенсировать платежи, а потому ввозъ надо было по возможности сокращать. Этой цѣли служили въ восьмидесятыхъ годахъ таможенная политика, руководимая исключительно фискальными и финансово-политическими соображеніями, и покровительство индустріализму, не считавшееся достаточно съ размѣрами текущаго потребленія. Индустріализмъ былъ тогда важнымъ элементомъ той золотой политики, которою характеризуется «система Вышнеградскаго». Усиленныя попеченія объ индустріальномъ производствѣ сдѣлались государственной необходимостью, вытекшею изъ соображеній народно-хозяйственныхъ и финансово-политическихъ, національныхъ и фискальныхъ,—но струну натянули слишкомъ сильно, не считаясь въ достаточной мѣрѣ съ реальными условіями дѣйствительности [1]).

Императоръ Александръ III (1881—1894 г.) во все свое царствованіе «съ рѣшительностью, не оставлявшей мѣста для сомнѣній», представлялъ идею воспитанія національной индустріи [2]). Послѣ смерти императора министръ финансовъ *Витте* (въ объяснительной запискѣ къ государственной росписи на 1895 г.) называлъ одною изъ славнѣйшихъ страницъ истекшаго царствованія промышленный расцвѣтъ подъ защитою твердой покровительственной политики. Три года спустя (къ росписи на 1897 г.) министръ финансовъ вновь подвергъ критическому анализу индустріализмъ, покровительствуемый экономической политикой государства, причемъ онъ приходитъ къ слѣдующему заключенію:

«*Обнаружившіеся до сихъ поръ результаты вполнѣ оправдываютъ эту экономическую систему. Правда, намъ придется пройти еще длинный путь, пока мы будемъ имѣть вполнѣ окрѣпшую и широко развитую національную промышленность,— промышленность, которая равномѣрно удовлетворяетъ всѣ отрасли народнаго хозяйства. Но нельзя сомнѣваться, что послѣ того какъ правительство въ теченіе продолжительнаго времени съ непреклонной строгостью и послѣдовательностью придерживалось покровительственной таможенной системы, преждевременное существенное ослабленіе послѣдней было бы*

---

[1]) Обоснованіе изложенныхъ здѣсь вкратцѣ идей дано въ предшествующихъ главахъ.

[2]) Ср. стр. 132. О ростѣ промышленности съ 1877 до 1897 г.; ср. стр. 221, и съ 1887 до 1897 г. стр. 247.

ошибкой. Послѣдствіями были бы сильныя потрясенія хозяйственнаго организма страны».

Еще три года спустя (къ росписи на 1900 годъ), когда промышленный кризисъ обнаружился уже съ полной силой, *Витте* вновь высказался весьма энергично въ пользу покровительственной системы въ интересахъ индустріи съ указаніемъ, что со связанными съ системой матеріальными жертвами всѣхъ потребителей и экономическими осложненіями для заинтересованныхъ промышленниковъ слѣдуетъ мириться въ виду конечной цѣли. Это принципіальное признаніе индустріализма не можетъ, однако, оправдать государственной индустріальной политики, предоставлявшей почти полную свободу сомнительному грюндерству и даже косвенно покровительствовавшей ему посредствомъ казенныхъ заказовъ и нѣкоторыхъ другихъ мѣропріятій. Эта «щедрость» финансоваго управленія въ отношеніи новыхъ индустріальныхъ предпріятій имѣла свое болѣе глубокое основаніе въ финансово-политическихъ соображеніяхъ. Торговый балансъ получилъ—именно вслѣдствіе промышленнаго грюндерства, вызвавшаго усиленный спросъ на иностранныя машины, вспомогательные матеріалы и т. д.—неблагопріятный характеръ. Это вызывало возможность значительнаго отлива золота для выравненія платежнаго баланса и грозило опасностью золотому запасу. Новыя предпріятія были при такихъ обстоятельствахъ весьма полезны, какъ средство привлеченія иностранныхъ капиталовъ, импортъ которыхъ шелъ на пользу золотому балансу. Словомъ, импортированный индустріализмъ, базирующій на иностраныхъ капиталахъ, иностранныхъ предпринимателяхъ и иностранныхъ машинахъ, достигъ полнаго расцвѣта въ девятидесятые годы, національная же окраска придавалась ему тѣмъ, что ему послѣдовательно навязывали употребленіе внутренняго сырья. Но чѣмъ болѣе промышленность теряла связь съ потребностями внутреннаго потребленія, такъ какъ тенденція ея къ расширенію зависѣла отъ побочныхъ причинъ, тѣмъ больше становилась вѣроятность опаснаго крушенія. Таковое и не заставило себя ждать [1]).

Въ отношеніи нѣкоторыхъ промышленныхъ предпріятій, съ самаго начала нуждавшихся въ помощи совершенно поколебавшихся съ наступленіемъ критическаго времени, финансовое управленіе такъ усиленно стало прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ воспособленія со стороны государственнаго банка, что русскіе финансовые политики начали выражать по этому поводу серьезныя опасенія [2]). Ибо государственный банкъ, носитель всей денежной организаціи государства, вовлекался, вслѣдствіе возложеннаго на

---

[1]) Объ индустріальной политикѣ и грюндерствѣ девятидесятыхъ годовъ ср. стр. 241 и сл., о кризисѣ 1893—1908 и его послѣдствіяхъ ср. гл. 50.

[2]) *Левъ Бухъ*, Государственный банкъ и денежная реформа («Народное хозяйство», 1901, кн. 10). По отчету государственнаго банка «ссуды промышленникамъ» возросли въ теченіе двухъ лѣтъ (1899—1900) съ 8, 7, до 38,₈ мил. руб.; однако, субсидированіе нуждающихся въ помощи промышленныхъ предпріятій отнюдь не исчерпывается этими «ссудами».

него финансированія павшихъ предпріятій, въ такія операціи, которыя не соотвѣтствовали самому существу этого учрежденія [1]). Къ концу вѣка индустріализмъ достигъ, такимъ образомъ, того пункта, когда представлялось уже умѣстнымъ сократить грюндерское усердіе. Это являлось уже, однако, излишнимъ потому, что начинающійся кризисъ и безъ того ослабилъ духъ предпріимчивости. Дальнѣйшее развитіе было прервано войною.

ГЛАВА LII.

Противъ индустріализма.—Россія осталась аграрнымъ государствомъ.— Свободная торговля и покровительственная пошлина.— Воспитательныя пошлины для индустріи.—Фритредерскія наклонности правительства.— Направленіе курса хозяйственной политики государства.—Отношеніе промышленниковъ и сельскихъ хозяевъ къ протекціонизму.

Въ предшествующей главѣ мы старались выяснить необходимость, цѣль и направленіе постепенной индустріализаціи Россіи. Противъ болѣе широкаго насажденія въ Россіи промышленнаго труда заслуживющія вниманія возраженія такъ же мало возможны, какъ напримѣръ противъ проведенія желѣзныхъ дорогъ. Земледѣльческая Россія должна была въ интересахъ своего экономическаго развитія стремиться перейти на стадію государства, обрабатывающаго сырье, а затѣмъ и подняться на первыя ступени государства индустріальнаго. Это не въ малой мѣрѣ служило и интересамъ аграрнаго хозяйства, болѣе широкое использованіе продуктовъ котораго зависѣло не только отъ удобныхъ путей сообщенія, но и отъ развитія обрабатывающей сырье индустріи, не говоря уже о томъ, что занятое въ промышленности населеніе являлось также потребителемъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Со стороны сознательныхъ элементовъ населенія мы почти не встрѣчаемъ поэтому возраждній противъ *индустріализаціи*, какъ таковой. Но тѣмъ настойчивѣе проявляется въ широкихъ кругахъ общества недовольство экспансивной хозяйственной политикой съ ея одностороннимъ поощреніемъ индустріализма за счетъ другихъ отраслей народнаго труда. Оппозиціонная критика указываетъ, что правительство въ теченіе 25 лѣтъ съ излишней щедростью покровительствовало промышленности въ то время, какъ сельскому хозяйству удѣлялось слишкомъ мало вниманія. Этотъ упрекъ справедливъ

---

[1]) Банкъ не ограничивается выдачею ссудъ и предоставленіемъ кредита; нерѣдко въ субсидируемыя казною предпріятія назначается для контроля надъ управленіемъ кто либо изъ высшихъ чиновниковъ. Это вызываетъ разнаго рода осложненія. «Въ настоящее время подъ казеннымъ управленіемъ находится столько частныхъ предпріятій, что если объединить ихъ всѣ вмѣстѣ, безъ труда можно было бы составить цѣлый департаментъ или даже «министерство государственнаго управленія частными предпріятіями“ («Народное хозяйство» 1903, I, стр. 185).

и перечисляетъ только факты содѣйствующіе къ тому, что экономическія отношенія Россіи, взятыя во всей ихъ совокупности, быстро приблизились къ кризису. Медаль, на показной сторонѣ которой красуется промышленный расцвѣтъ 1881—1900 г., имѣетъ и оборотную сторону—тяжелыя послѣдствія пренебреженія интересами сельскаго хозяйства.

Упадокъ сельскаго хозяйства нельзя, однако, ставить въ непосредственную связь съ излишествами индустріальной системы; и тотъ, и другой моментъ имѣли свои особыя причины, но увлеченіе индустріализмомъ несомнѣнно возлагало на сельское хозяйство такія жертвы, которыя оно тѣмъ менѣе въ состояніи было нести, что ему и безъ того проходилось бороться съ множествомъ неблагопріятныхъ явленій въ сферѣ экономической жизни. Враждебное отношеніе къ промышленной политикѣ государства приняло поэтому съ теченіемъ времени наиболѣе интенсивныя формы въ средѣ представителей аграрныхъ интересовъ. Это недовольство индустріализмомъ вызывалось въ не малой мѣрѣ завистливымъ эгоизмомъ омрачавшимъ ясность сужденія особенно у аграрныхъ политиковъ, терпѣвшихъ неудачи въ собственныхъ хозяйствахъ; чѣмъ рѣзче проявлялся контрастъ между успѣхами промышленности и застоемъ въ сельскомъ хозяйствѣ, тѣмъ естественнѣе была мысль, что оживленіе въ одномъ направленіи вызываетъ упадокъ въ другомъ. «Деревенская нужда кормитъ фабрику». Другими словами: значительное большинство тѣхъ, кто вообще въ состояніи критически отнестись къ экономическимъ проблемамъ, далеко отъ того, чтобы строить принципіальную противоположность между индустріей и сельскимъ хозяйствомъ; его нападки направлены только противъ того, что государство, съ материнскою заботливостью поощряя индустрію, является злой мачехой для сельскаго хозяйства, на долю котораго достается весь трудъ и всѣ тяготы существованія. Могло бы показаться страннымъ, что приходится останавливаться на такихъ самоочевидныхъ истинахъ, но даже въ органахъ болѣе серьезной публицистики широко распространено воззрѣніе о рѣзко выраженномъ антагонизмѣ между обоими главными носителями народнаго хозяйства. Часто дѣлаютъ выводы изъ русскихъ статей выясняющихъ тотъ ущербъ для сельскаго хозяйства, съ которымъ связаны излишества покровительственной системы, будто авторы враждебно относятся къ протекціонизму или даже къ индустріализму. Но кто отвергаетъ перекормленіе, все же не проповѣдываетъ еще голодъ.

Несмотря на всѣ усилія индустріализировать ее, Россія по настоящій день осталась аграрнымъ государствомъ! Это основное положеніе дастъ намъ ключъ къ пониманію отрицательнаго отношенія къ промышленному энтузіазму девятидесятыхъ годовъ и къ излишествамъ протекціонизма со середины восмидесятыхъ годовъ. Совершенно преобладающій аграрный характеръ государства требуетъ—съ разматриваемой точки зрѣнія,—чтобы важнѣйшей задачей его экономической политики признавалась охрана сельскаго хозяйства отъ всякаго посягательства на его интересы. Изъ этого общаго

положенія дѣлается затѣмъ практическій выводъ, что промышленности должно быть оказываемо покровительство и защита лишь постольку, поскольку это не создаетъ препятствій для развитія сельскаго хозяйства. Но исполнить такое требованіе даже только приблизительно—значило бы нанести смертельный ударъ большинству промышленныхъ предпріятій; и совершенно понятно, что правительство никогда не можетъ принять такой программы, если только оно разсматриваетъ народное хозяйство какъ единое цѣлое и ставитъ интересы всего общества — возможно большую производительность труда и возможно интенсивный ростъ благосостоянія — выше матеріальныхъ выгодъ отдѣльныхъ лицъ, классовъ населенія и профессіональныхъ группъ. Государство должно только въ своей экономической политикѣ нелицепріятно взвѣшивать всѣ разнообразные интересы и найти равнодѣйствующую въ томъ направленіи, чтобы сельское хозяйство, сохраняя свое преобладаніе, не лишало въ то же время индустрію необходимыхъ для ея развитія жизненныхъ элементовъ.

Правильно опредѣлить эту равнодѣйствующую, такова для Россіи проблема, которая для Германіи выражается въ вызывавшемъ весьма оживленные споры вопросѣ: аграрное или индустріальное государство? Для Россіи вопросъ представляется празднымъ, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она представляетъ собою государство аграрное, только поверхностно затронутое индустріальной культурой, но этимъ отнюдь не предрѣшается еще необходимость вести ея практическую хозяйственную политику по рецепту теоретиковъ свободной торговли. Покровительство индустріи, столь успѣшно прогрессирующей въ Россіи, также является обязанностью государства въ его хозяйственной политикѣ. Это вызываетъ коллизіи интересовъ, разрѣшеніе которыхъ встрѣчаетъ тѣмъ большія трудности, что здѣсь примѣшиваются также важныя финансово-политическія и фискальныя соображенія. Шаблонныя формулы и школьныя истины, вродѣ напримѣръ того, что аграрныя государства должны склоняться къ свободной торговлѣ и т. д.,—отнюдь не рѣшаютъ еще вопроса, и еще менѣе рѣшаетъ его то положеніе, которое создалось въ Россіи, гдѣ индустрія защищена самыми высокими пошлинами, а сельскому хозяйству предоставляется приспособиться къ вытекающимъ отсюда послѣдствіямъ,—если это окажется ему по силамъ.

Изложенное здѣсь вкратцѣ взаимоотношеніе между индустріальной системой и аграрной политикой приводитъ насъ къ дилеммѣ: *свободная торговля и протекціонизмъ.* Ибо ультра-протекціонистская таможенная политика справедливо признавалась однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ поддержанію искусственно взрощенной индустріи; но съ другой стороны она поглощала часть доходности сельскохозяйственныхъ промысловъ, удорожая индустріальные продукты, въ томъ числѣ и необходимыя для сельскихъ хозяевъ орудія производства и предметы потребленія. Выясненію причинъ, почему Россія съ восьмидесятыхъ годовъ такъ интенсивно развивала свою протекціонистскую политику, мы посвятили уже

много мѣста. Достаточно поэтому напомнить какъ вовлеченіе народно-хозяйственныхъ интересовъ Россіи въ водоворотъ мірового хозяйства создало отношеніе зависимости, постепенно выросшее до размѣровъ трудно переносимаго бремени. Для предотвращенія хронической эксплоатаціи русскаго народнаго богатства иностраннымъ капиталомъ, представлялась неизбѣжной широкая индустріализація, чтобы Россія могла сохранить для себя ту рабочую прибыль, которую она теряла вслѣдствіе товарообмѣна съ за-границей (сырье на фабрикаты!). Такъ какъ, однако, сама Россія была слишкомъ бѣдна и слишкомъ незрѣла для того, чтобы быть въ состояніи собственными силами создать крупную индустрію, то пришлось широко раскрыть двери для импортированнаго индустріализма. Прибыли, которыя получали прежде иностранцы отъ переработки сырья, оставались теперь въ собственной странѣ, но эту національзацію труда послѣдняя должна была оплатить дорогой цѣной; она должна была возвести высокую таможенную стѣну, чтобы выравнить мало производительный индустріальный трудъ въ Россіи съ трудомъ въ капиталистически болѣе высоко организованныхъ государствахъ. Подъ защитою высокихъ пошлинъ выросла затѣмъ обширная индустрія, но въ теченіе одного поколѣнія—періодъ ея развитія длится еще пока не дольше!—она не сумѣла еще сбросить съ себя отпечатокъ юношеской незрѣлости.

Покровительственная пошлина должна была, какъ утверждаютъ всегда въ такихъ случаяхъ, *имѣть* для индустріи *воспитательное значеніе*! министръ финансовъ Витте, руководитель экономической политики въ девятидесятыхъ годахъ, неоднократно признавалъ это воспитательное воздѣйствіе главной цѣлью протекціонизма. [1]) Таможенно-покровительственная педагогика, однако, до сихъ поръ достигла своей цѣли лишь отчасти; промышленность взрощена, но ту огромную плату, которую должно было внести за ея «воспитаніе» все населеніе, потребляющее индустріальные продукты, она пока только начала возвращать очень небольшими взносами. Другими словами: промышленность до настоящаго дня высказываетъ мало склонности удешевить продажныя цѣны своихъ продуктовъ настолько, чтобы спросъ на нихъ могъ проникнуть во все расширяющіеся круги потребителей. Раздаются постоянныя жалобы, что на-

[1]) Укажемъ на рѣчь, произнесенную Витте въ мартѣ 1899 г. въ комиссіи по хлѣбной торговлѣ. Въ этой рѣчи развиваются слѣдующія мысли. Сельское хозяйство есть основа народнаго хозяйства. Для его укрѣпленія имѣетъ особую важность развитіе внутренняго рынка и расширеніе промышленнаго производства. Покровительственная пошлина временно необходима какъ воспитательная мѣра; слѣдуетъ поэтому мириться съ тѣмъ тяжелымъ бременемъ, которое представляетъ вздорожаніе всѣхъ продуктовъ, но надо стремиться возможно скорѣе пройти этотъ школьный періодъ. Пока послѣдній длится, невозможно будетъ также отказаться отъ привлеченія и использованія иностранныхъ капиталовъ.—Окончательной цѣлью покровительственной системы выставляется удешевленіе индустріальныхъ продуктовъ внутренняго происхожденія вслѣдствіе конкуренціи между собой промышленныхъ предпріятій.

примѣръ, русская металлургическая промышленность, несмотря на весьма значительный упадокъ цѣнъ на желѣзныя издѣлія на міровомъ рынкѣ, до начала кризиса (1899 г.) старалась въ общемъ только нормировать свои цѣны такимъ образомъ, чтобы иностранные продукты не могли проникнуть на русскіе рынки; всѣ выгоды, которыя можно было извлечь изъ высокаго таможеннаго обложенія импорта, использовались такимъ образомъ полностью, независимо отъ сокращенія собственныхъ издержекъ производства [1]).

Финансовое управленіе многократно выражало свое недовольство тѣмъ, что несмотря на всѣ огромныя жертвы, понесенныя въ интересахъ крупной промышленнисти, послѣдняя вплоть до наступленія кризиса въ 1899 г. не уменьшала значительно цѣнъ на свои продукты; но заинтересованнымъ предпринимателямъ казалось, надо думать, едва ли не страннымъ требовать отказа отъ прибылей, когда ничто къ этому не вынуждаетъ. Кромѣ того не слѣдуетъ преувеличивать доходность промышленныхъ предпріятій въ Россіи— не всѣ они и не всегда приносятъ «жирные дивиденды». Такъ какъ колебанія въ условіяхъ производства и сбыта въ Россіи неизмѣримо значительнѣе чѣмъ въ другихъ государствахъ, и нерѣдко наступаютъ непредвидѣнно, то и гарантія противъ потери капитала должна быть соотвѣтственно болѣе надежной. Протекціонизмъ, конечно, не можетъ считаться со всѣми неблагопріятными коньюнктурами, но при высокомъ уровнѣ таможенно-тарифныхъ ставокъ цѣны естественно установляются въ соотвѣтствіи съ производительностью наиболѣе слабыхъ и наименѣе доходныхъ предпріятій. Рядомъ со многими другими и этотъ моментъ дѣлаетъ невозможнымъ интенсивное паденіе цѣнъ на индустріальные продукты.

Мы указывали уже на то, что призванный къ воспитанію промышленности протекціонизмъ не могъ бы обнаружить своего дѣйствія, еслибы капиталистическая прибыль, обусловленная высотою индустріальныхъ пошлинъ, не являлась для ищущаго выгоднаго помѣщенія международнаго капитала заманчивой настолько, чтобы онъ принялъ на себя эту воспитательную функцію въ Россіи. Это также было однимъ изъ моментовъ, обусловившихъ широкое развитіе покровительственной политики. Воспитатели, призванные издалека, по большей части дороже своихъ мѣстныхъ, хотя то, что они даютъ, нерѣдко не соотвѣтствуетъ въ достаточной мѣрѣ особымъ условіямъ окружающей ихъ среды. Иностранный капиталъ, какъ мы видѣли, въ существѣ выполнилъ свою воспитательную задачу удовлетворительно, но въ то же время онъ несомнѣнно несетъ часть отвѣтственности за то, что индустріальное производство Россіи испытало къ концу вѣка затрудненія, съ которыми оно только

---

[1]) Ср. въ частности для желѣзнодѣлательной промышленности: *Радцигъ* Желѣзная промышленность всего міра. Производство, потребленіе, цѣны (Спб. 1900).—Объ общемъ вздорожаніи предметовъ потребленія тотъ же авторъ даетъ обильный матеріалъ въ своемъ трудѣ „Финансовая политика Россіи въ 1887 г.». (Спб. 1903 г.) Ратцигъ стоитъ на фритредерской точкѣ зрѣнія.

очень медленно сможетъ справиться. Мы должны обо всемъ этомъ упомянуть здѣсь, такъ какъ ошибки прошлаго даютъ намъ ключъ къ предвидѣнію вѣроятной эволюціи въ будущемъ.

Проблема воспитанія промышленности въ Россіи, казалось, была весьма соотвѣтственной задачей для международнаго капитала, стремящагося къ все большему расширенію поля своей дѣятельности. Естественныя условія того, что надо было создать, были даны въ видѣ огромныхъ природныхъ богатствъ страны, и золотые плоды труда висѣли не слишкомъ высоко, такъ какъ одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ производства, рабочія руки, имѣлись въ изобиліи, въ виду неблагопріятнаго положенія сельскаго хозяйства; сбытъ же представлялся обезпеченнымъ потребленіемъ размѣръ коего показали списки ввоза. Такимъ образомъ, все обстояло благополучно. Жертвы, которыя должно было нести въ интересахъ этого «воспитанія» населеніе, правда, оказывались для послѣдняго весьма тягостными. Но это мало озабочивало щедро покровительствуемыхъ капиталистическихъ воспитателей, пока крупная индустрія давала обильные плоды подъ благодѣтельной защитой усиленнаго протекціонизма. Но съ наступленіемъ кризиса явственно обнаружилось, какъ чуждъ былъ этотъ импортированный индустріализмъ народному потребленію и какъ ограничено и непрочно было развитіе промышленности, разсчитанное только на казенные заказы. Кризисъ ощутительно доказалъ—чего до тѣхъ поръ въ сознаніи видимаго усиленія индустріи не уяснили или не хотѣли уяснить себѣ—что крупная промышленность, насажденная по рецепту капиталистической доктрины, только поверхностно приспособилась къ своеобразному характеру хозяйственнаго организма націи. Созрѣвшая индустрія должна была пріучить народныя массы, привыкшія къ крайне скудному жизненному обиходу, къ потребленію индустріальныхъ продуктовъ, но не сумѣла справиться съ этой задачей, отчасти быть можетъ, вслѣдствіе своей отчужденности отъ условій національной жизни; чтобы удовлетворять потребностямъ народнаго потребленія, индустріи придется поэтому въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ «переучиваться».

Трудно думать, чтобы ошибки прошлаго и затрудненія, испытываемыя теперь, ничему не научили отвѣтственныхъ дѣятелей экономической политики Россіи, которые, вѣроятно, сумѣютъ соотвѣтственно примѣнить на практикѣ пріобрѣтенный опытъ.

Но разъ признано, что воспитаніе промышленности оказалось отчасти неудачнымъ, то самъ собою долженъ возникнуть вопросъ, не является ли существенной причиной этого неуспѣха важнѣйшее изъ примѣнныхъ воспитательныхъ средствъ—суровый протекціонизмъ. И если на этотъ вопросъ придется отвѣтить утвердительно, то должна возникнуть мысль о необходимости отказаться отъ прежней покровительственной системы, по крайней мѣрѣ въ отдѣльныхъ частяхъ ея. И въ дѣйствительности вопросъ о *перемѣнѣ правительственнаго курса въ направленіи болѣе либеральной таможенной политики* былъ выдвинутъ на очередь въ началѣ подго-

товительныхъ работъ къ русско-германскому торговому договору 1904 г.,—особенно подъ давленіемъ промышленнаго кризиса [1]).

Неправильно, однако, утвержденіе фритредеровъ, будто Россія серьезно имѣла въ виду перейти къ болѣе умѣренной таможенной политикѣ и не сдѣлала этого только вслѣдствіе повышенія Германіей ея аграрныхъ пошлинъ,—отнюдь нѣтъ, облегчить ввозъ иностранныхъ фабрикатовъ никогда не хотѣли, а считали только возможнымъ отчасти ослабить покровительство, чтобы такимъ образомъ вызвать, въ интересахъ потребителей, нѣкоторое понпженіе внутреннихъ цѣнъ на индустріальные продукты. Предполагалось, конечно, что и при такомъ удешевленіи фабрикатовъ доходность индустріальныхъ предпріятій все еще останется достаточно высокой и промышленность отнюдь не будетъ сколько-нибудь существенно стѣснена иностранной конкуренціей.

Только въ *этомъ* направленіи обнаруживается, повидимому, въ новѣйшее время перемѣна во взглядахъ русскаго правительства на тѣ функціи, которыя призванъ выполнить протекціонизмъ. Министръ финансовъ Витте неоднократно выражалъ такіе взгляды о значеніи и цѣнности покровительственной таможенной политики, которые съ точки зрѣнія радикальнаго протекціонизма должны быть признаны прямо еретическими. Когда, напримѣръ, на съѣздъ представителей торговли и промышленности въ Нижнемъ-Новгородѣ (1896 г.) при обсужденіи господствующей въ Россіи хозяйственно-политической системы обнаружилась такая разница во взглядахъ между приверженцами свободной торговли и протекціонистами, что соглашеніе было недостижимо и въ концѣ концовъ были вынесены двѣ совершенно противоположныя резолюціи,—министръ финансовъ высказалъ въ своей программной рѣчи воззрѣніе, клонившееся къ строгому осужденію покровительственной политики. Что при этомъ случаѣ Витте обращался преимущественно къ другимъ государствамъ и что въ теченіе послѣдующихъ десяти лѣтъ онъ не счелъ нужнымъ примѣнить на практикѣ въ своей собственной странѣ свои фритредерскія воззрѣнія,—достаточно характеризуетъ цѣну его «свободной торговли». Послѣдняя признается, очевидно, умѣстной только тогда, когда внутренняя индустрія уже безусловно способна одержать верхъ надъ иностранной конкуренціей.

Въ отношеніи индустріи, изготовляющей тяжелые продукты покровительственная система въ общемъ уже закончила свою миссію; теперь промышленность уже сама должна заботиться объ упроченіи своего производства и о расширеніи своего сбыта среди массы населенія. Съ этой точки зрѣнія министръ финансовъ могъ указать желѣзопромышленникамъ, ходатайствовавшимъ о матеріальной поддержкѣ по случаю кризиса, что государство сдѣлало для промышленности болѣе нежели достаточно; необходимо думать скорѣе объ уменьшеніи, чѣмъ объ усиленіи покровительства. Въ глазахъ правительства кризисъ въ извѣстной мѣрѣ даже полезенъ, ибо онъ

---

[1]) Ср. раздѣлъ «На пути къ новому торговому договору, гл. 56, А.

привелъ къ тому, что издавна являлось конечной цѣлью покровительственной политики: удешевленію индустріальныхъ продуктовъ.

По мнѣнію правительства, протекціонизмъ былъ умѣстенъ до тѣхъ поръ, пока представлялось необходимымъ оградить русское производство отъ иностранной конкуренціи и держать цѣны на высокомъ уровнѣ. Подъ защитою высокихъ таможенныхъ пошлинъ разныя отрасли производства настолько выросли, по крайней мѣрѣ въ ширь, что въ отношеніи продуктовъ массового потребленія иностранная промышленность могла бы одержать надъ ними верхъ только при особо благопріятныхъ условіяхъ производства. Время, когда Россія должна была ввозить изъ за-границы уголь и чугунъ потому, что ея собственная горная и желѣзодѣлательная промышленность еще не были достаточно развиты, миновало уже навсегда; русская промышленность вполнѣ способна теперь сама покрывать въ общемъ внутренній спросъ на предметы широкаго потребленія такъ что иностранный импортъ имѣетъ только дополнительное значеніе (ввозъ угля въ Остзейскія провинціи!) или же носитъ спеціальный характеръ (машины!). Находятся, впрочемъ, и такіе оригинальные авторы, которые полагаютъ возможнымъ считать всю индустрію «тепличной культурой».

Но обезпеченный благодаря протекціонистской политикѣ высокій уровень товарныхъ цѣнъ сдѣлался съ теченіемъ времени весьма существеннымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему прогрессу. Теперь задача сводится къ тому, чтобы расширить внутреннее потребленіе; весьма цѣлесообразнымъ средствомъ къ достиженію этой цѣли было бы удешевленіе индустріальныхъ продуктовъ. Такъ какъ, однако, нельзя ожидать, что крупная промышленность сама по собственной инниціативѣ уменьшитъ свои требованія, то необходимо произвести внѣшнее давленіе на рыночныя цѣны. Чтобы такое паденіе цѣнъ могло быть достигнуто въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ только благодя конкуренціи отечественныхъ заводовъ между собою,—представляется мало правдоподобнымъ, пока не исчерпанъ совершенно внутренній спросъ на промышленные продукты. Для опредѣленныхъ отраслей промышленности этотъ моментъ теперь уже наступилъ, частью вслѣдствіе перепроизводства, частью вслѣдствіе неожиданно наступившаго сокращенія потребленія. Это значительно облегчило задачу правительства, такъ какъ удешевленіе рыночныхъ цѣнъ, въ частности желѣзной индустріи вслѣдствіе подавленнаго экономическаго положенія освобождаетъ его отъ необходимости примѣнить единственно дѣйствительное при извѣстныхъ условіяхъ средство произвести давленіе—*уменьшеніе ввозныхъ пошлинъ*!

Съ теоретической точки зрѣнія въ отношеніи русскаго правительства къ протекціонизму все же произошла перемѣна фронта. Покровительственная пошлина—изъ такихъ соображеній правительство теперь исходитъ—исполнила свою воспитательную задачу по отношенію къ крупной промышленности,—теперь послѣдняя сама должна принять на себя дальнѣйшую индусріализацію страны; ближайшей задачею будущаго является уже не созданіе крупной индустріи какъ

таковой, а дѣйствительное приспособленіе ея къ потребностямъ рынка. До сихъ поръ жертвы, связанныя съ воспитаніемъ крупной промышленности, падали исключительно на потребителей, теперь всѣ траты въ цѣляхъ широкаго развитія индустріальной системы должны быть возложены на немногочисленную группу тѣхъ, кто пользуется плодами этого развитія. Значеніе промышленности этимъ не умаляется, но ей настойчиво внушаютъ, чтобы она болѣе, чѣмъ до сихъ поръ, считалась съ «нормальной» цѣлью своего существованія,—въ томъ смыслѣ, что она должна направлять свою дѣятельность прежде всего на широкое удовлетвореніе хозяйственныхъ потребностей націи и уже затѣмъ на возможно лучшее использованіе капитала; международный капиталъ долженъ болѣе чѣмъ до сихъ поръ подчиняться національному рынку.

Эти тенденціи не проявляются, впрочемъ, на практикѣ съ такой категоричностью,—напротивъ того, вслѣдствіе многихъ противудѣйствующихъ вліяній онѣ въ извѣстной мѣрѣ представляются лишенными реальной почвы; но все же таковъ въ общемъ болѣе глубокій, внутренній смыслъ политики государства въ отношеніи къ промышленности. Если министръ финансовъ даетъ понять съѣзду желѣзопромышленниковъ, что возможность уменьшенія покровительственныхъ пошлинъ отнюдь не исключена, то онъ при этомъ имѣетъ въ виду прежде всего соотвѣтственное воздѣйствіе на цѣны; если бы оказалось возможнымъ достичь уменьшенія рыночныхъ цѣнъ, не подвергая себя при этомъ опасности дать въ извѣстной мѣрѣ доступъ въ Россію иностранной конкуренціи вслѣдствіе уменьшенія тарифныхъ ставокъ—тѣмъ лучше. Для правительства главное—это полезный эффектъ; тѣ пути и способы, которыми будетъ достигнуто уменьшеніе цѣнъ въ интересахъ большаго сближенія индусріи съ населеніемъ и его потребностями,—все менѣе озабочиваютъ правительство; откажется ли капиталъ отъ части своихъ дивидендовъ, или удастся уменьшить расходы по управленію, или же сократятся издержки производства вслѣдствіе техническихъ усовершенствованій или даже за счетъ рабочей платы,—все это признается дѣломъ самой промышленности, пріобрѣтающимъ общее значеніе только въ виду своей конечной цѣли. Правительство подало населенію благой примѣръ, уменьшивъ, насколько это только оказывалось возможнымъ, цѣны по своимъ казеннымъ заказамъ,—къ вящему огорченію заинтересованныхъ промышленниковъ.

Облегчить тяготѣющія на потребителяхъ индустріальныхъ продуктовъ «воспитательныя» жертвы, не отказываясь въ то же время отъ высокихъ покровительственныхъ пошлинъ,—таковъ въ настоящее время руководящій мотивъ русской экономической политики; въ интересахъ сельскаго хозяйства хотятъ удешевить индустріальные продукты, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаютъ необходимымъ высокое обложеніе, пока не будетъ достигнута полная увѣренность въ томъ, что «взрощенная» съ такими усиліями внутренняя индустрія въ состояніи успѣшно бороться съ иностранной конкуренціей. Протекціонизмъ пріобрѣтаетъ значеніе «охранительной» системы; онъ долженъ

*

конечно, служитъ защитою промышленности, но въ то же время и «охранять» отъ слишкомъ интенсивнаго импорта и слишкомъ значительнаго уменьшенія государственнаго таможеннаго дохода. Практическіе результаты такой таможенной политики прекрасно иллюстрируются узаконеніями о нормировкѣ сахарнаго производства. Потребители должны быть защищены отъ чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ сахарозаводчиками, поэтому примѣняется сложная система мѣръ для урегулированія цѣнъ; какъ только послѣднія переходятъ за максимальный предѣлъ, правительство въ правѣ по своему усмотрѣнію ввозить иностранный сахаръ, чтобы вызвать соотвѣтственное паденіе цѣнъ. Но въ то же время высокія ввозныя пошлины на сахаръ остаются въ силѣ, чтобы иностранный импортъ не могъ воспользоваться этимъ положеніемъ дѣла въ своихъ интересахъ. А чтобы съ другой стороны не нанести серьезнаго ущерба промышленности, ей гарантируются продажныя цѣны опредѣленной высоты, и это достигается тѣмъ, что самое производство детально регулируется государствомъ. Импортъ держатъ, такимъ образомъ, въ запасѣ какъ средство устрашенія для повышателей цѣнъ. Еще одинъ примѣръ изъ новѣйшей практики характеризуетъ эти своеобразныя покровительственныя тенденціи. Правительство нерѣдко обязываетъ теперь городскія управленія при сдачѣ заказовъ на городскія сооруженія (электрическія центральныя станціи, трамваи и т. д.) отдавать предпочтеченіе внутреннимъ заводамъ; дѣлать свои заказы за границей они въ правѣ только въ томъ случаѣ, если соотвѣтственные предметы вовсе не изготовляются въ Россіи или если цѣны русскихъ заводчиковъ превышаютъ иностранныя вмѣстѣ съ ввозной пошлиной [1]). Такимъ способомъ русская промышленность вынуждается при назначеніи цѣнъ сообразоваться съ требованіями иностранныхъ предпринимателей; финансовое управленіе, очевидно, убѣждено, что русская промышленность въ состояніи это сдѣлать, если предпріятія будутъ вестись достаточно экономно.

Черты того же таможенно—политическаго направленія проявляются въ цѣломъ рядѣ постановленій русско-германскаго торговаго договора 1904 г.; сюда относится, напримѣръ, сохраненіе прежнихъ высокихъ договорныхъ пошлинъ даже для такихъ предметовъ импорта, которые, судя по имѣющимся даннымъ торговой статистики, едва ли нуждаются въ усиленной защитѣ; уменьшеніе нѣкоторыхъ тарифныхъ ставокъ—гдѣ это признано неопаснымъ—въ видахъ удешевленія потребленія (напримѣръ, для болѣе грубыхъ сортовъ пряжи и тяжелыхъ шерстяныхъ тканей); увеличеніе тарифныхъ ставокъ для продуктовъ, импортъ которыхъ все еще значителенъ, хотя внутренняя индустрія уже давно могла бы вытѣснить здѣсь иностранную конкуренцію (напр., для чугунныхъ издѣлій); систематическое

---

[1]) Такое условіе содержится въ разрѣшеніи петербургскаго городского займа въ 30 мил. руб., предназначеннаго на замѣну въ городскихъ желѣзныхъ дорогахъ конной тяги электрическою. То же условіе введено и въ займы городовъ Риги и Москвы, заключенныхъ для той же цѣли.

усиленіе таможенной защиты для такихъ спеціальныхъ промышленныхъ продуктовъ, внутреннее производство которыхъ имѣется въ виду особо поощрять (напр. вспомогательные и промежуточные продукты химической индустріи, болѣе тонкія текстильныя издѣлія и мн. др.). Правительство хочетъ такимъ образомъ во всякомъ случаѣ сохранить въ своихъ рукахъ свое протекціонистское оружіе въ отношеніи иностраннаго импорта. Эту возможность оно обезпечило за собою и новымъ торговымъ договоромъ. [1])

Едва ли можетъ, при указанныхъ, данныхъ подлежать сомнѣнію, *какое направленіе приметъ въ будущемъ экономическая политика государства.* Индустріализація будетъ продолжаться съ неослабѣвающей энергіей, но система защитительныхъ и покровительственныхъ государственныхъ мѣропріятій въ отношеніи индустріи приметъ нѣсколько иной характеръ, сообразно съ измѣнившимися обстоятельствами. Центръ тяжести покровительства индустрріи придется переместить съ производства на сбытъ, и покровительственная пошлина получитъ, такимъ образомъ, второстепенное значеніе по сравненію съ расширеніемъ сферъ сбыта. Необходимость такого перемѣщенія государственнаго покровительства подтверждается и цифрами производства. Напримѣръ, производство чугуна составляло (въ милліоновъ пудовъ):

въ 1900	году—	117,5	въ 1903	году—	149,1
» 1901	»	177,7	» 1904	»	180,0
» 1902	»	156,5			

Но полная производительная способность русскихъ заводовъ составляетъ 291, мил. пуд. въ годъ; размѣръ производства, такимъ образомъ, значительно превысилъ спросъ [2]).

Такое же несоотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ существуетъ и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ текстильной промышленности. Внутренній рынокъ уже не въ состояніи болѣе поглотить все производство болѣе простыхъ хлопчатобумажныхъ фабрикатовъ, и поэтому приходилось всякими мѣрами поощрять вывозъ ихъ на Востокъ. Въ сферѣ желѣзной индустріи о болѣе или менѣе широкомъ и постоянномъ экспортѣ за границу не приходится и думать; вслѣдствіе этого необходимо расширить внутренній рынокъ, и это представляется вполнѣ возможнымъ, такъ какъ потребленіе желѣза въ Россіи на душу населенія въ отдаленной мѣрѣ не достигло въ настоящее время цифръ потребленія въ прогрессивныхъ странахъ. Чтобы обезпечить за русскою промышленностью внутренній рынокъ, необходимо, далѣе, принимать мѣры къ дальнѣйшему сокращенію импорта въ Россію—въ настоящее время все еще значительнаго—чугуна и желѣзныхъ издѣлій. Двумя ближайшими цѣлями индустріальной политики государства являются, такимъ образомъ, *укрѣпленіе внутренняго рынка и ограниченіе заказовъ за границею.* Покро-

---

[1]) Анализъ новаго русско—германскаго торговаго договора ср. гл. 56.,
[2]) Вѣстн. торг. и промышл., 1904 № 127.

вительственныя пошлины имѣютъ здѣсь только второстепенное значеніе, такъ какъ ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи онѣ до сихъ поръ не дали рѣшительныхъ результатовъ. Къ рѣшенію задачи приходится поэтому подойти съ другой стороны: индустрія должна «пойти въ, народъ», и казенные, какъ и коммунальные заказы за границею должны быть стѣснены болѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Практика послѣднихъ лѣтъ уже показала, какъ сложится въ деталяхъ такого рода программа поощренія промышленности; строгія указанія всѣмъ вѣдомствамъ выписывать иностранные продукты только въ случаяхъ особо настоятельной необходимости, многократныя напоминанія мѣстнымъ земскимъ органамъ озаботиться расширеніемъ потребленія желѣза въ низшихъ слояхъ населенія и въ случаѣ надобности безусловно предпочитать сельскохозяйственныя орудія внутренняго производства, предоставленіе, наконецъ, кредитовъ спеціально для пріобрѣтенія сельско—хозяйственныхъ машинъ и многія другія аналогичныя мѣропріятія отражаютъ въ себѣ тенденціи указанной выше программы. Стремясь при помощи средствъ обезпечить индустріи болѣе широкій сбытъ ея продуктовъ, государственная власть исходитъ изъ предположенія, что промышленники и съ своей стороны будутъ помѣрѣ силъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, что они приспособятъ, напримѣръ, свое производство къ условіямъ внутренняго рынка, что они умѣрятъ свои продажныя цѣны и будутъ довольствоваться менѣе значительной прибылью.

Для лучшаго осуществленія этихъ намѣреній финансовое управленіе имѣло даже въ виду разрѣшить промышленникамъ объединяться въ союзы, хотя послѣ печальнаго опыта съ синдикатомъ сахарозаводчиковъ правительство весьма неблагосклонно относится къ проектамъ новыхъ картелей предпринимателей.

Намъ предстоитъ теперь заняться вопросомъ—какъ отнеслись къ указаннымъ принципамъ экономической политики государства, предрѣшающимъ не только настоящее, но и будущее русской промышленности, обѣ главнѣйшія изъ заинтересованныхъ профессіональныхъ группъ, *промышленники и сельскія хозяева.* Для первыхъ новый курсъ означаетъ отказъ отъ матеріальной помощи государства въ обычномъ прежде размѣрѣ, въ сельскохозяйственныхъ же кругахъ попрежнему будетъ преобладать представленіе, что повышеніе цѣнъ вслѣдствіе господствовавшаго до тѣхъ поръ протекціонизма имъ и въ будущемъ придется выносить на своихъ плечахъ. Представители промышленности, безъ сомнѣнія, хорошо понимаютъ, что еслибы поднялся общій уровень народнаго благосостоянія, это обусловило бы расширеніе внутренняго рынка, изъ котораго промышленность можетъ извлечь немалую выгоду. Они обнаруживаютъ поэтому склонность рѣшиться на этотъ—по своимъ результатамъ всеже сомнительный—опытъ, и нѣкоторымъ умень-

шеніемъ рыночныхъ цѣнъ на индустріальные продукты пойти на встрѣчу потребностямъ болѣе широкаго круга потребителей. При этомъ они, конечно, отнюдь не имѣютъ въ виду отказаться отъ ставшихъ для нихъ обычными высокихъ дивидендовъ, а разсчитываютъ, что меньшая прибыль по отдѣльнымъ сдѣлкамъ сторицею окупится вслѣдствіе расширенія сбыта. «Большой оборотъ, небольшая прибыль! Масса должна это принести съ собою!» Результатъ сомнителенъ, однако, потому, что трудно предвидѣть, въ какой мѣрѣ предложеніе по болѣе дешевымъ цѣнамъ способно расширить потребленіе среди низшихъ слоевъ населенія съ ихъ почти нищенскимъ существованіемъ. Тѣмъ охотнѣе промышленность ухватилась за мысль создать новую опору для своихъ матеріальныхъ интересовъ въ видѣ прочной организаціи предпринимательскихъ картелей. Въ частности южно-русскіе горнопромышленники именно въ такой картельной организаціи усмотрѣли весьма удобное средство для того, чтобы бороться съ паденіемъ цѣнъ, обусловленнымъ переполненіемъ внутреннихъ рынковъ и чтобы нормировать производство и регулировать сбытъ; они разсчитывали при помощи картелей переложить на потребителей тѣ жертвы, которыя быть можетъ возложитъ на нихъ государство въ интересахъ индустріализаціи страны. Министръ финансовъ рѣзко осудилъ такого рода разсчеты—организацію на формѣ синдикатовъ, картелей и т. д. онъ будетъ терпѣть лишь въ томъ случаѣ, если при этомъ будетъ исключена всякая мысль о повышеніи цѣнъ. Въ послѣдніе годы русскіе и польскіе желѣзодѣлательные заводы, а также цѣлый рядъ другихъ однородныхъ предпріятій объединились въ картельныя организаціи. Излишне говорить о томъ въ какой мѣрѣ осуществима при этомъ ахрана интересовъ предпринимателей *безъ* одновременнаго возложенія новыхъ жертвъ, въ видѣ повышенія цѣнъ, на потребителей ихъ продуктовъ. Но едва ли правдоподобно, чтобы именно на русской почвѣ эти союзы поставили себѣ главнѣйшей своей цѣлью служить общему благу.

Что касается *сельскаго хозяйства*, что мы указывали уже выше (стр. 284), что его интересы отнюдь не находятся въ рѣзкой противоположности къ индустріализму, и еще менѣе можно ожидать отъ него принципіальнаго осужденія покровительственной системы. Среди болѣе просвѣщенныхъ представителей сельскохозяйственнаго промысла уже давно укоренилось убѣжденіе, что экономическое процвѣтаніе страны зависитъ отъ расширенія промышленнаго капитализма, что земледѣліе не въ состояніи занять и прокормить ежегодный приростъ населенія въ два миліона душъ, что только путемъ прогрессирующей индустріализаціи возможно постепенное расширеніе внутренняго рынка для сельскохозяйственныхъ продуктовъ, что аграрный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ отмѣною нѣкоторыхъ пошлинъ, закрытіемъ нѣсколькихъ фабрикъ или удешевленніемъ желѣза. Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что тѣ русскіе аграріи, которые способны сознательно отнестись къ экономическимъ вопросамъ теоретичесскаго характера, почти всѣ принадле-

жатъ къ классу крупныхъ землевладѣльцевъ и поэтому лично весьма заинтересованны въ сохраненіи индустріальной системы, обезпечивающей существованіе побочныхъ предпріятій при болѣе крупныхъ хозяйствахъ, а также тѣхъ отраслей промышленности, которыя базируютъ на сельскохозяйственныхъ культурахъ (сахаръ, табакъ, шерстяная и льняная промышленность). Только практика суроваго протекціонизма, связаннаго для широкой массы потребителей съ огромными жертвами («воспитательныя пошлины»), вызвала возраженія и со стороны аграрныхъ круговъ. Требованія ихъ, чтобы экономическая политика государства во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ считалась прежде всего съ интересами земледѣлія какъ коренного устоя экономической жизни націи—нельзя не признать безусловно правильнымъ для страны, гдѣ 85% населенія находитъ источникъ своего существованія въ сельскомъ хозяйствѣ. Что правительство упустило это изъ виду,—послужило для Россіи источникомъ самыхъ тяжелыхъ потрясеній. Безъ сомнѣнія, ни протэкціонистская политика, ни индустріализація не вызвали сельскохозяйственнаго кризиса для борьбы съ которымъ напрягаются всѣ силы; но доведеніе принциповъ, самихъ по себѣ правильныхъ, до односторонняго предпочтенія незначительнаго меньшинства за счетъ всѣхъ - имѣетъ всѣ признаки прямой несправедливости.

Впрочемъ, русскіе сельскіе хозяева, какъ и всѣ другіе крупные экономическіе классы, всегда руководились въ своемъ способѣ дѣйствій прежде всего собственными экономическими выгодами; въ восьмидесятыхъ годахъ они усердно выступали въ защиту усилившагося тогда протекціонисткаго теченія, такъ какъ они разсчитывали, что распространеніе въ странѣ промышленнаго труда расширитъ сбытъ ихъ собственныхъ продуктовъ. Только въ новѣйшее время фритредерскія тенденціи вновь пріобрѣтаютъ, повидимому, большее сочуствіе въ аграрномъ лагерѣ, такъ какъ индустрія лишь въ незначительной мѣрѣ оправдала аграрныя надежды, и притомъ возлагаетъ на сельское хозяйство бремя, тѣмъ болѣе тяжелое и ощутительное, что доходность земледѣльческаго хозайства и безъ того значительно умалена вслѣдствіе сельскохозяйственнаго кризиса.

Если такимъ образомъ русскіе сельскіе хозяева съ нѣкоторою настойчивостью возвращаются время отъ времени къ фритредерскимъ идеямъ, то безъ сомнѣнія не потому, что они руководятся теоріями Адама Смита или Давида Рикардо, а только потому, что этимъ путемъ они разсчитываютъ всего лучше охранить свои матеріальные интересы. Оппозиція направлена противъ политики, которая одорожаетъ для сельскаго хозяйства его орудія производства (машины, удобрительныя средства), увеличиваетъ издержки повседневнаго обихода и затрудняетъ экспортъ избыточныхъ продуктовъ сельскохозяйственаго труда.

Но приверженность русскихъ сельскохозяйственныхъ круговъ къ установленію болѣе облегченнаго и болѣе свободнаго товарообмѣна съ за-границею тотчасъ же отпадаетъ, какъ только обнаруживается даже лишь возможность того, что доходность собственнаго

хозяйстава уменьшится вслѣдствіе проникновенія въ Россію какихъ, либо иностранныхъ продуктовъ. Въ рядахъ крупныхъ землевладѣльцевъ склонность къ политикѣ исключительно «аграрныхъ» интересовъ развита во всякомъ случаѣ не менѣе сильно, чѣмъ въ другихъ государствахъ, и проявляется временами въ прямо враждебныхъ по отношеніи ко всему иностранному и достаточно наивныхъ проектахъ, - когда, напримѣръ, правительству серьезно предлагаютъ вновь «изгнать» всѣ иммигрировавшіе въ Россію» иностранные капиталы и дозволить иностранцамъ только эксплотацію курортовъ, минеральныхъ водъ и—купаній [1]).

Въ оживленной полемикѣ по вопросу о расширеніи или, наоборотъ, суженіи таможеннаго покровительства сельское хозяйство, насколько намъ извѣстно, въ новѣйшее время вообще еще не было выслушано. Правительство уклонялось испрашивать заключенія аграрныхъ круговъ,—вѣроятно, потому, что не могло подлежать сомнѣнію , что отвѣты получатся въ пользу удешевленія предметовъ импорта. А выслушивать такія указанія считалось излишнимъ, такъ какъ съ самаго начала было установлено, что протекціонистская система не должна быть поколеблена. Суровость этого воспитательнаго періода предполагали возможнымъ смягчить для сельскаго хозяйства другимъ путемъ, прежде всего путемъ отказа отъ примѣненія такъ наз. героическихъ средствъ для возвышенія индустріализма.

ГЛАВА LIII.

О домашней промышленности.—Вытѣсненіе ея крупной индустріей.—Ея значеніе и положеніе въ настоящемъ и виды на будущее.—Политика правительства въ отношеніи домашней индустріи.—Отхожіе промыслы.

Хозяйственно-политическая эволюція, характеризующаяся особымъ и постояннымъ попеченіемъ со стороны правительственныхъ властей объ интересахъ частно-капиталистической крупной промышленности, прошла мимо національной домашней индустріи (кустаря), не сдѣлавъ попытки влить въ нее молодыя силы или даже только укрѣпить ее. Домашняя промышленность оставалась во второй половинѣ истекшаго столѣтія въ томъ же положеніи пасынка, которое она занимала и прежде, но съ тѣмъ существеннымъ отличеніемъ, что теперь развитіе ея затруднялось не только пренебреженіемъ къ ея интересамъ и даже полнымъ ихъ игнорированіемъ, но и естественныя условія существованія значительно измѣнились для нея къ худшему. Какъ на Западѣ ремесло, такъ на Востокѣ кустарь все болѣе вытѣснялся фабрично-индустріальной техникой. Тѣ времена, когда русскіе экономисты полагали возможнымъ предсказывать крестьян-

---

[1]) Глинка, Къ вопросу объ улучшеніи положенія помѣстнаго дворянства въ связи съ господствующей экономической и финансовой политикой. Могилевъ, 1899 г.).

ской домашней индустріи несомнѣнную побѣду въ борьбѣ съ фабрикой,—давно миновали. Распространеніе машинъ, широкое предложеніе свободныхъ рабочихъ рукъ, возможность лучшаго использованія всѣхъ условій производства въ фабричной организаціи,—сократили сферу дѣятельности и сбыта для домашней промышленности и сдѣлали безплодными нѣкоторыя домашне-индустріальныя области труда.

Всего лучше кустарь удержался тамъ, гдѣ производитель удобно и дешево можетъ доставать необходимый ему для переработки матеріалъ, и гдѣ притомъ уже изготовленныя издѣлія находятъ легкій и широкій сбытъ въ средѣ непритязательныхъ низшихъ слоевъ населенія. Рядомъ съ тѣмъ кустари и теперь еще, правда, поставляютъ отъ времени довремени на рынокъ и продукты высшаго качества, въ томъ числѣ даже такіе, которые изготовляются ими изъ купленнаго иностраннаго сырья, но въ виду обнаруживающейся повсюду тенденціи къ упадку этотъ видъ домашняго производства не имѣетъ прочнаго значенія, какъ и, напримѣръ, искуственно подерживаемое ручное ткачество въ Силезіи или плетеніе кружевъ въ области Рудныхъ горъ.

Фабричная индустрія является той могущественной соперницей, которая, быть можетъ, медленно, но неуклонно ведетъ къ «декапитализаціи» домашней индустріи. Если послѣдняя, несмотря на то, и въ настоящее время даетъ трудъ и заработокъ милліонамъ людей, то отсюда отнюдь нельзя заключать о конституціональной устойчивости національно-русскихъ формъ мелкаго производства. Крупная индустрія вообще еще не проникла до болѣе глубокихъ слоевъ народнаго потребленія и поэтому предоставляетъ пока домашней промышленности удовлетвореніе потребностей болѣе широкаго спроса, но только до тѣхъ поръ, пока она найдетъ для себя выгоднымъ взять и эти сферы труда въ свои руки. Конечно, кустарное производство въ сокращенныхъ размѣрахъ сохранится и тогда, когда фабричная промышленность Россіи достигнетъ той же ступени развитія, какъ и въ западной Европѣ, но виды на его расширеніе и прогрессивное движеніе впередъ едва ли больше, чѣмъ, напримѣръ, для нашего ремесла. Съ экономической и соціальной точки зрѣнія не придется въ общемъ пожалѣть объ исчезновеніи домашняго индустріальнаго труда, ибо кустарь уже и въ настоящее время лишь очень рѣдко соотвѣтствуетъ обычнымъ представленіямъ объ особой цѣнности «самостоятельнаго пропитанія» посредствомъ домашняго труда; мелко-капиталистическое предпринимательство въ его наименѣе симпатичныхъ формахъ настолько овладѣло кустаремъ, что представляется весьма сомнительнымъ, не достался ли лучшій жребій на долю фабричнаго рабочаго, ищущаго заработка въ крупно-капиталистической казармѣ, чѣмъ на долю тѣхъ жалости достойныхъ людей, которые суждены снискивать свое скудное пропитаніе въ зависимости отъ крестьянскаго «работодателя» и по порученію ростовщика-посредника.

Этимъ указаніемъ на капиталистическую зависимость и соціальную малоцѣнность кустарнаго труда мы не имѣли, однако, въ виду примкнуть къ лагерю тѣхъ авторовъ, которые разсматриваютъ домаш-

нюю производительность какъ отжившія формы производства и полагаютъ, что, чѣмъ скорѣе они будутъ принесены въ жертву на алтарь крупной промышленности, тѣмъ лучше. Но необходимо отмѣтить, что русскій кустарь ни въ какомъ отношеніи не являетъ признаковъ прогрессивнаго своеобразія, которое давало бы право надѣяться на будущее его развитіе при медленномъ вытѣсненіи имъ фабричнаго производства. Только національное пристрастіе могло усмотрѣть въ современномъ укладѣ кустарнаго труда въ Россіи задатки будущаго «возрожденія» мелкаго производства въ національной формѣ.

Дѣлающіяся въ новѣйшее время попытки привить товарищескіе принципы артели крестьянской домашней и сельской индустріи также окажутся въ окончательномъ результатѣ построенными на пескѣ, ибо, какъ показываетъ опытъ, производства на корпоративныхъ началахъ процвѣтаетъ только тамъ, гдѣ самое производство несложно и гдѣ, далѣе, между участниками не существуетъ значительныхъ различій ни въ отношеніи ихъ искусности и другихъ личныхъ свойствъ необходимыхъ для общаго предпріятія, ни въ отношеніи роли ихъ въ этомъ предпріятіи. Въ виду традиціонныхъ привычекъ населенія можно, при наличности соотвѣтственныхъ стимуловъ, вводить и въ новые промыслы принципы артельной организаціи, но лишь постольку, поскольку союзъ построенъ на простомъ и однородномъ трудѣ. Но, если подлежащій исполненію трудъ обусловленъ личными особенностями и способностями участниковъ, выходящими за предѣлы нѣкотораго минимальнаго умѣнья, корпоративная форма оказывается непримѣнимой. Исключенія не могутъ опровергнуть этого общаго правила.

Фактически и въ большинствѣ домашне-индустріальныхъ отраслей труда артели мало распространены. Исаевъ справедливо указываетъ, что какъ только домашняя индустрія теряетъ свой чистый типъ, и промышленное заведеніе объединяетъ не только членовъ семьи, но и работниковъ, привлеченныхъ къ общему труду извнѣ, мы имѣемъ уже обыкновенное капиталистическое предпріятіе съ наемными рабочими. Занимаетъ ли такая уже выродившаяся домашне-кустарная мастерская 10, 5 или даже только 3 рабочихъ,—безразлично, она во всякомъ случаѣ уже относится къ типу частно-капиталистическихъ предпріятій. Если же мы обратимся къ сферѣ крупнаго производства или даже только средняго,—гдѣ промышленное заведеніе имѣетъ десять и болѣе рабочихъ, то здѣсь мы уже нигдѣ не находимъ артели. Отсутствіе ихъ въ бумагопрядильныхъ и машиностроительныхъ мастерскихъ понятно, но страннымъ могъ бы показаться тотъ фактъ, что среди десятковъ и сотенъ тысячъ кустарей-кожевенниковъ, кузнецовъ, слесарей, столяровъ—артели встрѣчаются только въ видѣ исключеній. Въ этихъ ремеслахъ нѣтъ сложной техники, характеризующей крупное производство; пріобрѣтеніе сырья и сбытъ издѣлій не связаны ни съ какими трудностями и тѣмъ не менѣе артельное начало къ нимъ не прививается. Причиною служитъ то обстоятельство, что при исчезновеніи семейнаго

производства, замѣнѣ его другою формою мелкое предпріятіе съ наемными рабочими всегда обладаетъ большею подвижностью, гибкостью и приспособляемостью, чѣмъ предпріятіе артельное. Какъ бы ни были просты эти промыслы, они все же значительно сложнѣе чѣмъ охота, ловля рыбы, переноска тяжестей, дающія наибольшее число артелей. Кустарямъ столярнаго или слесарнаго ремесла не легко найти пригодный образецъ для образованія артели; необходимъ нѣкоторый процессъ мысли, чтобы выработать основы товарищескаго единенія. Къ этому присоединается еще отсутствіе средствъ и разныя другія побочныя и мѣстныя условія, препятствующія организаціи артелей. Всякій кустарь, которому удается сберечь нѣсколько сотъ рублей, предпочтетъ устроить собственную мастерскую съ наемными рабочими, чѣмъ поддержать артельное производство съ его коллективно-хозяйственными тенденціями. Принципъ ровнаго права для всѣхъ и въ этихъ сферахъ низшаго ремесленнаго производства сохраняетъ неограниченное примѣненіе лишь до тѣхъ поръ, пока еще не совершилась матеріальная дифференціація между членами товарищества.

Мы говорили до сихъ поръ о томъ общемъ направленіи, которое согласно установленнымъ опытомъ принципамъ капиталистической эволюціи, грозитъ народной домашней индустріи медленнымъ оскудѣніемъ или по крайней мѣрѣ неизбѣжной технической отсталостью по сравненію съ крупной промышленностью. Такова, на нашъ взглядъ тенденція этой эволюціи; но мы охотно допускаемъ, что послѣдняя находится еще въ своей начальной стадіи, и могутъ пройти еще десятилѣтія, пока процессъ превращенія проявится болѣе рѣзко, чѣмъ до сихъ поръ. Живучесть мелкихъ формъ производства именно въ Россіи неизмѣримо больше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, такъ какъ онѣ имѣютъ чрезвычайно сильную опору въ сельскомъ хозяйствѣ; ибо сельская домашняя индустрія составляетъ только побочный промыселъ крестьянскаго населенія и будетъ сохранена послѣднимъ даже при самыхъ плачевныхъ условіяхъ производства, чтобы имѣть дополнительный заработокъ. Подобно тому какъ земледѣліе, несмотря на всѣ усилія къ индустріализаціи страны, сдѣланныя правительствомъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, и теперь еще сохранило огромное преобладаніе по сравненію съ насажденной крупной индустріей, такъ и домашняя промышленность, несмотря на развитіе капитализма и городского ремесла, можетъ продолжать существовать въ тѣсной связи съ сельскимъ хозяйствомъ, а при правильномъ и заботливомъ уходѣ, быть можетъ, даже пустить новые ростки. Живучесть отнюдь не гарантируетъ, однако, жизнеспособности, и благодѣтельность сохраненія русской домашней промышленности можетъ и въ будущемъ вызывать тѣ же сомнѣнія, которыя высказываются въ отношеніи нѣмецкаго домашняго труда.

Организаторы всероссійскаго съѣзда дѣятелей кустарной промышленности (1902 г.) утверждаютъ въ своихъ изданныхъ по случаю съѣзда трудахъ, что основы русской домашней промышленности стоятъ въ рѣзко выраженномъ противорѣчіи къ такъ называемой

капиталистической эволюціи[1]); они указываютъ, между прочимъ, что даже въ Московской губерніи, этомъ центрѣ крупной индустріи, кустарная промышленность все еще занимаетъ въ $4^1/_2$ раза больше рабочихъ, чѣмъ фабрики, что, далѣе, спеціализація промышленныхъ профессій и классовъ путемъ примѣненія машиннаго труда и раздѣленія отдѣльныхъ стадій производства встрѣчаетъ величайшія трудности вслѣдствіе общаго негородскаго характера большинства поселеній и проложительности безработнаго зимняго времени; но они вынуждены допустить также, что тамъ, гдѣ домашней индустріи приходится выдерживать конкуренцію, она въ состояніи сохранить свою позицію только благодаря тому, что довольствуется минимальнымъ вознагражденіемъ за трудъ.[2])

Но какая бы судьба ни ожидала кустарную промышленность въ текущемъ, когда индустріализація Россіи сдѣлаетъ дальнѣйшіе болѣе или менѣе значительные успѣхи, — въ настоящее время она представляетъ еще одинъ изъ важныхъ устоевъ народнаго хозяйства уже по тому одному, что она обнимаетъ огромный кругъ производителей. Въ теченіе продолжительной зимней безработицы она занимаетъ отъ 7 до 8 милліоновъ работниковъ, которымъ даетъ до полумилліарда рублей чистаго заработка. Въ спискѣ кустарныхъ издѣлій едва ли отсутствуъ хоть одинъ изъ тѣхъ продуктовъ, которыхъ требуетъ слабо дифференцированное потребленіе широкой массы русскаго населенія, прежде всего населенія сельскаго. Но и внѣ этихъ предѣловъ кустарнымъ способомъ изготовляются разнаго рода предметы роскоши и даже доброкачественные физическіе инструменты.

Несмотря на разнообразіе издѣлій, ихъ можно въ общемъ раздѣлить на 5 большихъ группъ, именно обработка дерева, волокнистыхъ веществъ, животныхъ продуктовъ, металловъ и минераловъ и, наконецъ, разнаго сырья. Не только сельское населеніе, но и городскіе жители обнаруживаютъ постоянный спросъ на разнаго рода деревянныя издѣлія, и обширнѣйшей изъ группъ является поэтому о б р а б о т к а д е р е в а. Сюда относится, напримѣръ, изготовленіе колесъ, которыхъ производится ежегодно около пяти милліоновъ стоимостью до 20 милл. руб. Мебельщики работаютъ преимущественно для

---

[1]) Такъ какъ кустарная промышленность должна дать крестьянину только дополнительный заработокъ, то онъ можетъ довольствоваться такимъ вознагражденіемъ за свой трудъ, которое не достигаетъ даже минимальной заработной платы фабричнаго рабочаго. Кустарь выработываетъ въ теченіе одной трети года приблизительно столько, сколько ему необходимо для существованія въ теченіе двухъ третей года; двѣ трети своего годового труда онъ можетъ поэтому посвятить такимъ занятіямъ, которыя помогаютъ ему поддерживать существованіе въ теченіе послѣдней трети... «Дневной заработокъ» кустарей нерѣдко не превышаетъ 5—10 копѣекъ, т. е. 11—22 нѣмецкихъ пфениговъ («Обзоръ» стр. 8 и др.)...

[2]) Обзоръ кустарныхъ ремеслъ въ Россіи. По порученію м-ва земледѣлія обработано П о н о м а р е в ы м ъ и Т и м и р я з е в ы м ъ, (Спб. 1902), стр. 1 слл.

сельскаго населенія, но изготовляютъ и лучшій товаръ для городского потребленія. Плетеніе корзинъ, изготовленіе ложекъ и плетеніе циновокъ, распространенное въ частности на сѣверо-востокѣ, представляютъ простѣйшія формы обработки дерева. Въ группѣ кустарныхъ промысловъ, перерабатывающихъ в о л о к н и с т ы я   в е щ е с т в а, *мы встрѣчаемъ льняное ткачество, достигшее высокаго расцвѣта уже въ 13 столѣтіи и пользующееся заслуженной извѣстностью и на заграничныхъ рынкахъ. Центрами льняного ткачества, распространеннаго, впрочемъ, по всей Россіи, являются губерніи ярославская и костромская, гдѣ кустари обрабатываютъ пряжу, получаемую ими съ фабрикъ. Чистый доходъ отъ ткачества составляетъ до 30 милл. руб. въ годъ. Какъ центръ кустарной обработки пеньки, фигурировалъ на выставкѣ Нижній Новгородъ. Въ сферѣ хлопчатобумажнаго ткачества обнаруживаются зачатки перехода къ домашнему крупному производству, такъ какъ ткачи работаютъ здѣсь почти исключительно на крупныхъ фабрикантовъ. Въ губерніяхъ московской и владимірской на тысячахъ крестьянскихъ дворовъ выдѣлывается плюшъ, бархатъ и шелкъ; въ этихъ же губерніяхъ изготовляются наиболѣе цѣнныя кружева.*

Изъ животныхъ продуктовъ обрабатываются кожи, мѣха, рога и щетина. Въ вятской и пермской губерніи процвѣтаетъ кожевенное дѣло. Въ тверской и курской губерніи развиты въ широкихъ размѣрахъ изготовленіе обуви, но кустари потеряли здѣсь свою самостоятельность, работая почти исключительно на крупныя предпріятія. Скорняжество распространено по всей Россіи, рогъ же и щетина обрабатываются преимущественно въ вологодской губерніи. Обработка минераловъ ограничивается горшечнымъ производствомъ составляющимъ очень важную отрасль кустарнаго труда, такъ какъ на глиняныя издѣлія всегда существуетъ большой спросъ. Металлическія индустрія распадается на нѣсколько отраслей. Очень распространена ковка гвоздей, хотя ручной гвоздь постепенно вытѣсняется проволочнымъ. Изготовленіе ножей и замковъ распространено въ частности въ Нижегородской губерніи. Упоминанія заслуживаютъ, далѣе, самовары, серпы, всякій галатерейный и желѣзный товаръ и сельскохозяйственныя машины, изготовляемыя въ губерніяхъ смоленской и курской. Къ группѣ разныхъ промысловъ относится: сосредоточивающееся въ губерніяхъ курской и владимірской иконописное дѣло, изготовленіе гармоникъ, (губерніи тульская, московская, вятскаая и др.), дѣтскихъ игрушекъ (московская губернія), а также термометровъ, барометровъ, воздушныхъ насосовъ и другихъ физическихъ инструментозъ (московская губернія).

Степень развитія кустарной промышленности въ данномъ раіонѣ зависитъ прежде всего отъ большей или меньшей доходности сельскохозяйственнаго промысла; важное значеніе, имѣютъ кромѣ того, близость рынковъ и состояніе средствъ сообщенія. Какъ сильно

эти факты вліяютъ на домашнюю индустрію, видно изъ географическаго распредѣленія разныхъ отраслей кустарной промышленности. Всего сильнѣе развивается кустарная промышленность въ полосѣ, расположенной внѣ черноземнаго раіона и притомъ заключающей въ себѣ такіе значительные рынки, какъ обѣ столицы, Нижній-Новгородъ и другіе крупные города; въ то же время этотъ раіонъ обладаетъ весьма широкой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, рѣкъ и каналовъ. Напротивъ того, въ черноземной полосѣ кустарная промышленность развита весьма слабо, такъ какъ обильные урожаи покрываютъ потребности населенія, исключая, конечно, неурожайные годы. Но чѣмъ чаще послѣдніе выпадаютъ на долю крестьянскаго населенія опредѣленнаго раіона и чѣмъ менѣе земледѣліе вообще способно прокормить соотвѣтственное населеніе, тѣмъ лучше приготовлена почва для широкаго насажденія домашняго промышленнаго труда. Это весьма важный соціально-экономическій фактъ; видимое расширеніе кустарной промышленности въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи пріобрѣтаетъ въ виду этого весьма печальную окраску, такъ какъ эти поиски кустарныхъ занятій нерѣдко означаютъ только то, что хлѣбопашество перестало приносить даже скудные доходы прежняго времени, и что нужда гонитъ крестьянъ въ домашнюю промышленность. *Такое* соціально-политическое «развитіе» способно вызвать скорѣе печальныя размышленія, нежели разумныя надежды.

На упомянутомъ уже петербургскомъ съѣздѣ было установлено, что чистый заработокъ кустаря измѣряется въ среднемъ 50—70 р. въ годъ; въ опредѣленныхъ спеціальныхъ отрасляхъ, напримѣръ, иконописи, изготовленіи мебели, обуви и т. д., заработокъ повышается до 125—200 рублей въ годъ. Менѣе всего вырабатываютъ ткачихи и вязальщицы кружевъ, годовой заработокъ которыхъ колеблется между 12 и 20 рублями. Эти столь мало блестящіе результаты тяжелаго труда объясняются тѣмъ, что указаннымъ категоріямъ работницъ приходится выдерживать борьбу, съ одной стороны съ подавляющей ихъ конкуренціей крупныхъ предпріятій, а съ другой стороны—съ посредниками, противъ эксплоатаціи которыхъ они совершенно безоружны, такъ какъ только отъ нихъ они могутъ получить необходимый оборотный капиталъ. Нельзя не сочувствовать поэтому стремленію поддержать этихъ беззащитныхъ работницъ предоставленіемъ имъ мелкаго кредита. Организація дешеваго кредита и другія мѣропріятія новѣйшаго времени, направленныя на поднятіе кустарной промышленности, безъ сомнѣнія, могутъ задержать упадокъ кустаря, но едва ли надолго.

Общія и спеціальныя причины подавленнаго состоянія русской кустарной промышленности будутъ продолжать обнаруживать свое дѣйствіе даже, если пробудившееся сознаніе ея высокаго хозяйственнаго значенія вызоветъ серьезныя попытки оказать ей дѣятельную помощь. Прежде всего вопросъ о денежныхъ средствахъ и здѣсь будетъ тормозить всякія полезныя начинанія. Тѣ результаты, которыхъ можно достигнуть при наличности нѣкоторой склонности къ

самопожертвованію и незначительныхъ капиталовъ, можно сравнить съ частичкою орнамента, которою хотѣли бы украсить и придать новый видъ фасаду огромнаго зданія. Сколько, напримѣръ, трудностей придется преодолѣть, пока кредитъ для кустарей дастъ заслуживающіе вниманія результаты, — можно видѣть изъ опыта перваго кустарнаго банка, учрежденнаго около 10 лѣтъ тому назадъ пермскимъ земствомъ [1]). Утвержденіе устава банка, представленнаго учредителями, потребовало въ петербургскихъ канцеляріяхъ предварительнаго пятилѣтняло обсужденія. Снабженный земствомъ сравнительно значительными средствами, банкъ развилъ успѣшную дѣятельность въ направленіи, предположенномъ его учредителями, но все же въ окончательномъ результатѣ только ничтожная часть русскихъ кустарей извлекла изъ банка хотя бы минимальную пользу. Изъ 12500 кустарныхъ семей пермской губерніи въ среднемъ за годъ только около 2000 получили изъ банка ссуду, т. е каждая семья можетъ прибѣгнуть къ помощи банка только разъ въ теченіе 5—6 лѣтъ. И это имѣетъ свое значеніе; но для удовлетворенія всѣхъ нуждающихся въ кредитѣ русскихъ кустарей потребовались бы—если бы имъ захотѣли оказать серьезную поддержку—такія огромныя суммы, которыя могли бы заставить призадуматься и центральное правительство.

Будущее кустаря заключается—какъ бы это ни было непріятно для «народниковъ»—въ его европеизаціи. Съ теченіемъ времени, когда капиталистическое производство начнетъ завоевывать и тѣ земледѣльческіе раіоны, которые теперь едва только затронуты индустріализмомъ, кустарь долженъ будетъ сбросить съ себя именно тѣ свои характеристическія особенности, которыя въ глазахъ русскихъ націоналистовъ составляютъ наиболѣе цѣнныя отличительныя черты его. Этотъ процессъ превращенія долженъ пойти въ двоякомъ направленіи:

1. Кустарь не сможетъ болѣе изготовлять дешевые продукты массового потребленія для отдаленныхъ рынковъ, а долженъ будетъ спеціализироваться, локализировать свой трудъ и технически усовершенствовать его. Въ массовомъ изготовленіи предметовъ повседневнаго потребленія невозможна серьезная конкуренція съ фабричными предпріятіями, гдѣ примѣненіе машинъ сберегаетъ трудъ, уменьшаетъ издержки производства и въ результатѣ даетъ за болѣе дешевую цѣну лучшій товаръ. Но и снабженіе болѣе отдаленныхъ рынковъ не доступно для кустаря уже въ силу его экономической слабости. Удовлетвореніе спроса на мелко-ремесленныя издѣлія на ближайшихъ рынкахъ, сельское ремесло, спеціализація на опредѣленныхъ продуктахъ ручного труда, требующихъ особой искусности, быть можетъ, даже изготовленіе предметовъ художественной промышленности,—таковы тѣ области, въ которыхъ кустарь—по аналогіи съ многообразными формами мелкаго производства, извѣстными западной Европѣ—можетъ развить плодотвор-

---

[1]) «Кустарный банкъ въ Перми съ 1894 до 1901 года» (Пермь, 1902).

ную и экономически благодарную дѣятельность. Но такое возрожденіе кустаря совершится не на основѣ традиціонныхъ русскихъ артельныхъ началъ, а будетъ все болѣе склоняться къ капиталистическому способу производства, причемъ, естественно, не исключена и возможность того, что разнообразныя корпоративныя формы западной Европы, по образцу Райфейзеновскихъ и Шульце-Деличевскихъ, найдутъ доступъ и въ русской сельской индустріи.

2. Кустарная промышленность должна будетъ, въ интересахъ болѣе плодотворнаго своего развитія, стремиться къ постепенной эмансипаціи отъ сельскаго хозяйства. Промышленный трудъ потребуетъ «всего человѣка», а что касается земледѣльческаго промысла, то само собою понятно, что при переходѣ къ болѣе раціональному и интенсивному хозяйству оно не сможетъ довольствоваться рабочими, которые суть на половину батраки и на половину промышленники. Эта дифференціація ремесла и земледѣлія была бы выгодна для обѣихъ сторонъ и ускорила бы соціальное разслоеніе населенія. И въ этомъ Россія только слѣдовала бы примѣру болѣе прогрессивныхъ странъ. Такъ, напримѣръ, въ сороковыхъ годахъ во многихъ мѣстностяхъ Германіи значительная часть фабричныхъ и горнопромышленныхъ рабочихъ занимались въ свободное время земледѣльческимъ трудомъ, а съ другой стороны, сельскіе батраки и крестьяне нерѣдко поступали на зимніе мѣсяцы на фабрики. Но чѣмъ болѣе совершенствовалась земледѣльческая культура подъ вліяніемъ необходимости увеличить доходность сельскаго хозяйства, тѣмъ быстрѣе исчезали эти отсталыя формы полу-обезпечивающаго труда, и связь между земледѣліемъ и сельской промышленностью разрушилась. И въ Россіи, со времени отмѣны крѣпостного права, повсюду замѣчается выдѣленіе промышленнаго труда въ самостоятельную профессію; кустарная промышленность пойдетъ по тому же пути и тѣмъ быстрѣе достигнетъ замѣтныхъ результатовъ, чѣмъ сильнѣе проникнетъ въ сельскую индустрію промышленный капитализмъ.

Указанная метаморфоза становится очевидной для всякаго, кто вспомнитъ превращеніе такихъ крупныхъ промысловъ, какъ пивовареніе, винокуреніе, сахаровареніе и т. д., изъ придатковъ къ сельскому хозяйству въ крупныя промышленныя предпріятія и притомъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени, въ 30 лѣтъ. Неправильно утвержденіе, будто спеціально въ Россіи этотъ ходъ эволюціи тормозится климатическими, правовыми, соціальными и другими особыми условіями. И на русской почвѣ указанная перемѣна уже совершилась тамъ, гдѣ классъ интеллигентныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ сумѣлъ воспользоваться въ своихъ интересахъ «естественнымъ теченіемъ дѣлъ». Въ то время, какъ особое совѣщаніе о нуждахъ сельскаго хозяйства изыскиваетъ способы къ поднятію кустарной промышленности, профессіональное

представительство сельскихъ хозяевъ въ Лифляндіи дало на соответствующій вопросъ совѣщанія слѣдующій отвѣтъ: [1])

Кустарная промышленность въ Лифляндіи не развита, такъ какъ земледѣліе всецѣло занимаетъ сельское населеніе, а часть населенія, къ нему не склонная, находитъ источникъ своего существованія въ свободныхъ профессіяхъ, въ ремеслѣ, городскомъ и сельскомъ, въ промышленности. Тѣмъ не менѣе и въ Лифляндіи побочныя домашнія занятія земледѣльческаго сельскаго населенія не лишены всякаго значенія; они заслуживаютъ вниманія именно въ смыслѣ сохраненія унаслѣдованной многосторонности въ рукодѣльныхъ искусствахъ прежняго, менѣе подвижнаго, времени,—причемъ значеніе имѣютъ здѣсь не столько хозяйствeнные, сколько моральные и естетическіе моменты. Здѣсь не спрашиваютъ, что дешевле,—предметъ, купленный или изготовленный собственными руками; здѣсь вступаютъ въ свои права чувство удовлетворенія собственнымъ трудомъ и болѣе тонкій, выработанный жизью родного народа, вкусъ. Въ этомъ смыслѣ особенно цѣнно попеченіе о женскомъ домашнемъ и семейномъ трудѣ. Кое что дѣлается въ этомъ отношеніи въ Лифляндіи путемъ выставокъ, устраиваемыхъ ферейнами, и на почвѣ церковно-приходского общенія“.

Обратимся, однако, отъ видовъ на будущее сельскихъ побочныхъ промысловъ къ кустарной промышленности, которая долго еще будетъ представлять для сельскаго населенія коренной Россіи хотя и мало доходный, но все же необходимый источникъ пропитанія. Къ сожалѣнію, государственная власть въ теченіе многихъ десятилѣтій относилась съ полнымъ пренебреженіемъ къ этой важной отрасли народнаго труда, какъ и вообще къ мелкой промышленности, и тѣмъ замедлила неизбѣжную индустріализацію страны снизу вверхъ. Такое игнорированіе кустарной промышленности, которая худо ли хорошо ли, но кормитъ восемь милліоновъ душъ, естественно, встрѣтило суровое осужденіе въ народно-хозяйственной литературѣ,—тѣмъ болѣе, что въ то самое время фабричная индустрія съ ея менѣе, чѣмъ двумя милліонами рабочихъ, поощрялась съ чрезмѣрнымъ усердіемъ. Только съ тѣхъ поръ, какъ попеченіе о нуждахъ кустарной промышленности перешло къ министерству земледѣлія (въ 1888 г.), въ кустарно-промышленной политикѣ государства обнаруживается перемѣна къ лучшему. Съ тѣхъ поръ кое-что сдѣлано для поднятія кустарной промышленности путемъ распространенія полезныхъ знаній, техническихъ указаній, передачи кустарямъ казенныхъ и коммунальныхъ заказовъ, облегченія сбыта, въ новѣйшее время также путемъ организаціи болѣе дешеваго мелкаго кредита. Но все это и теперь еще только первыя живительныя капли, упавшія на засохшую вслѣдствіе продолжительнаго пре-

---

[1]) Программные пункты особаго совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства, предложенные на обсужденіе мѣстнымъ комитетамъ. Изд. имп. лифл. общеполезнаго и экономическаго общества, Дерптъ, 1902 (на русс. и нѣм. яз.), стр. 53.

небреженія ниву. При этомъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что при современномъ состояніи промышленнаго труда въ Россіи для кустаря могли бы быть открыты, при цѣлесообразной организаціи дѣла, новыя широкія сферы дѣятельности. Множество такихъ указаній мы находимъ въ весьма многочисленныхъ изданіяхъ разныхъ правительственныхъ учрежденій о положеніи кустарной промышленности и о мѣропріятіяхъ, необходимыхъ для ея поддержанія. Слишкомъ медленно и въ слишкомъ скудныхъ размѣрахъ проявляется давно признанное необходимымъ активное содѣйствіе кустарю.

А между тѣмъ суровая нужда гонитъ изъ родныхъ деревень все большія массы кустарей, пополняющихъ кадры „бродячаго“рабочаго населенія. „Бѣгство отъ земли“ является единственнымъ исходомъ для многихъ тысячъ людей, которымъ при измѣнившихся условіяхъ, ни земледѣліе, ни домашній трудъ не гарантируютъ уже и минимальныхъ средствъ къ существованію. Этотъ притокъ рабочихъ рукъ изъ деревень на фабрику, безъ сомнѣнія, весьма полезенъ послѣдней; быть можетъ, именно это явленіе имѣлъ въ виду официальный источникъ, называя кустарную промышленность „естественнымъ базисомъ для развитія здоровой индустріи.“ И въ дѣйствительности кустарная промышленность является лучшей поставщицей рабочихъ рукъ въ такихъ отрасляхъ индустріи, которыя не создали еще себѣ прочнаго и осѣдлаго кадра рабочихъ.

Въ то время какъ крестьянскіе элементы, занятые прежде, главнымъ образомъ, земледѣльческими работами, ищутъ и на отходѣ“ постояннаго или временнаго заработка преимущественно въ сельскохозяйственныхъ промыслахъ и притомъ мало пригодны для другихъ работъ кромѣ чисто механическихъ и требующихъ лишь нѣкоторой суммы физической силы,—рабочіе оказавшіеся излишними въ кустарной промышленности, предпочитаютъ фабричную казарму и жизнь городского пролетарія.

Какъ велико число этихъ отхожихъ рабочихъ во всей Россіи,— поддается только приблизительному опредѣленію; какъ у перелетныхъ птицъ цифры перекочевывающихъ съ мѣста на мѣста рабочхъ мѣняются изъ года въ годъ; они появляются и вновь изчезаютъ то какъ одиночки, то цѣлыми толпами, то въ огромныхъ массахъ. Только съ развитіемъ русской статистики населенія и прежде всего съ проведеніемъ нѣсколькихъ планомѣрныхъ всеобщихъ переписей можно будетъ подвергнуть систематической обработкѣ матеріалъ, собранный о бродячемъ рабочемъ населеніи въ огромномъ множествѣ отдѣльныхъ изслѣдованій и мѣстныхъ наблюденій. Нѣкоторое представленіе о размѣрахъ интересующаго насъ явленія могутъ дать цифры выбранныхъ рабочими паспортовъ; по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, таковыхъ было выдано въ Европейской Россіи за одинъ только 1884 годъ 4,7 милліона. Число бродячихъ рабочихъ надо поэтому опредѣлить по меньшей мѣрѣ въ 5—6 милліоновъ, и изъ нихъ, по вычисленіямъ русскихъ авторовъ, около 3 милліоновъ такихъ, которые прежде принадлежали не къ сельскохозяйственнымъ рабочимъ. Съ

тѣхъ поръ мобилизація сельскихъ рабочихъ, безъ сомнѣнія, еще значительно усилилась, что видно уже изъ увеличенія числа выбранныхъ паспортовъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Взгляды русскихъ ученыхъ на свѣтлыя и теневыя стороны этого могучаго рабочаго потока въ правовомъ и народнохозяйственномъ отношеніи такъ же рѣзко расходятся между собою, какъ, напримѣръ, въ Германіи по вопросу о свободѣ передвиженія, бѣгствѣ изъ деревни, эмиграціи и т. д. Національно-русская партія, съ точки зрѣнія которой фабрика является своего рода пожирающимъ народное состояніе молохомъ, оттѣняетъ то моральное одичаніе и физическое вырожденіе крестьянскаго населенія, которое связано съ отхожими промыслами; противники же ихъ выдвигаютъ на первый планъ прогрессивные моменты, обусловленные соприкосновеніемъ съ внѣшнимъ міромъ. Они считаютъ доказаннымъ, что высшая рабочая плата, которую завоевываютъ себѣ отхожіе рабочіе, благопріятно отражается и на положеніи рабочихъ, остающихся на мѣстахъ.

„Рабочая плата въ промышленности выше и содѣйствуетъ пробужденію въ средѣ крестьянства новыхъ потребностей (напр. чай, сапоги, часы и т. д.); она повышаетъ общій уровень потребностей, что, въ свою очередь, вызываетъ повышеніе рабочей платы“. [1]) Въ связи съ отхожими промыслами нерѣдко культурные нравы и привычки, просвѣщеніе и сознаніе собственнаго достоинства проникаютъ въ такія мѣстности, жители которыхъ прежде выдѣлялись только своимъ крайнимъ невѣжествомъ и отсталостью. „Крестьянинъ зарабатывающій свой хлѣбъ внѣ своей деревни, чувствуетъ себя свободнѣе, въ извѣстной мѣрѣ равноправнымъ съ лицами другихъ сословій, и потому подрастающія крестьянскія поколѣнія съ все усиливающейся настойчивостью стремятся въ городъ!“—такъ пишетъ одинъ изъ земскихъ корреспондентовъ. Этотъ психологическій моментъ вѣрнѣе относится, впрочемъ, къ субъективному кругу идей референта, нежели къ сферѣ фактическихъ чувствованій русскаго крестьянина. Послѣдній стремится прежде всего уйти изъ такихъ условій, при которыхъ онъ „ни голоденъ, ни сытъ,“ и пользуется поэтому всякимъ поводомъ измѣнить свое тягостное положеніе, даже когда это грозитъ ему еще болѣе интенсивнымъ голоданіемъ. „Надежда сдѣлаться половымъ, прикащикомъ, слугою—представляется болѣе заманчивою, чѣмъ бѣдственное положеніе крестьянина, обремененнаго непосильными податями“. Городъ и фабрика оказываютъ на крестьянина такое же магическое дѣйствіе, какое открытыя гдѣ либо на краю свѣта золотыя розсыпи оказываютъ на всѣ безпочвенные элементы, готовые какою угодно цѣною купить себѣ „счастье,“ и нерѣдко ставятъ при этомъ на карту все свое существованіе, такъ какъ, чтобы ни случилось съ ними, имъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ терять нечего, и поэтому они могутъ возлагать какія угодно надежды на будущее.

---

[1]) Такія и аналогичныя указанія весьма часты въ земскихъ статистическихъ изданіяхъ и другихъ источникахъ.

ГЛАВА LIV.

Нѣкоторыя характеристическія черты товарной торговли въ XIX вѣкѣ.— Хлѣбъ, въ частности пшеница, главная основа экспортной торговли.— Упадокъ экспорта пшеницы вслѣдствіе «дезорганизаціи» хлѣбной торговли.—Организація торговли какъ программа будущаго.

Для развитія внѣшней торговли Россіи въ 19 вѣкѣ могъ бы показаться характернымъ тотъ фактъ, что за время съ 1801 до 1900 г. вывозъ увеличился въ 9 разъ, а ввозъ въ $11^1/_2$ разъ. [1]) Отсюда можно было бы вывести заключеніе, что, несмотря на всѣ усилія оградить Россію отъ иностраннаго импорта, зависимость ея отъ границы все же увеличивается. Но такой выводъ былъ бы ошибоченъ, такъ какъ хозяйственныя отношенія имперіи въ началѣ истекшаго столѣтія уже въ силу господствовавшей тогда запретительной таможенной политики мало пригодны для сравненія съ условіями импорта къ концу вѣка. Оживленіе внѣшней торговли относится ко второй половинѣ столѣтія, примѣрно, къ періоду 1861—1876 гг. Затишье въ сферѣ внѣшней торговли падаетъ на начало столѣтія и частью, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касается ввоза, на 1876—1890 гг. Въ началѣ столѣтія торговыя сношенія Россіи съ другими государствами были еще незначительны и шатки, не говоря уже о томъ, что въ періоды ожесточенныхъ войнъ торговля замирала. Расцвѣтъ внѣшней торговли въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ былъ вызванъ возрожденіемъ государства послѣ неудачной крымской войны и начавшимся тогда чрезвычайнымъ оживленіемъ промышленности. Послѣ восточной войны (1878 г.) импортъ систематически затрудняется высокими таможенными пошлинами, и въ то же время усиленно поощряется вывозъ. Въ девятидесятыхъ годахъ торговля находится подъ благопріятнымъ воздѣйствіемъ спроса на міровомъ рынкѣ и грюндерскаго періода внутри имперіи, пока къ концу вѣка неурожаи и промышленный кризисъ вновь значительно низводятъ цифры оборота. Въ первые годы текущаго столѣтія вывозъ вновь оживился, импортъ же оставался подавленнымъ вслѣдствіе сократившагося спроса на иностранные продукты для индустріальныхъ цѣлей и для надобностей желѣзныхъ дорогъ.

Въ сферѣ внѣшней торговли слѣдуетъ различать оборотъ черезъ границу европейскую, азіатскую и внутреннюю таможенную границу между имперіей и Финляндіей. Въ началѣ 19 вѣка, когда только часть Финляндіи и Кавказа входили въ составъ Россійской имперіи и средне-азіатскія области еще не были присоединены, отношеніе товарообмѣна черезъ европейскую и черезъ азіатскую границу было совершенно такое же, какъ теперь, именно какъ 90 : 10. Финляндія, торговля которой съ Россіей послѣ ея присоединенія (въ 1809 г.) была первоначально весьма незначительна

---

[1]) Ср. цифры для 1801—1900 гг. на стр. 135 и для 1900—1903 гг. стр. 165.

(въ 1823 г. только 0,4% всего оборота русской внѣшней торговли), съ теченіемъ времени увеличила свое участіе до 4%.

Въ оффиціальной русской статистикѣ торговли съ 1802 г. товарообмѣнъ раздѣляется на 4 большія группы, относительное участіе которыхъ въ внѣшней торговлѣ иллюстрируется слѣдующей таблицей: [1])

	Вывозъ.		Ввозъ.	
	Въ среднемъ за время			
	съ 1802 до 1804 г.	съ 1896 до 1898 г.	съ 1802 до 1804 г.	съ 1896 до 1898 г.
Жизненные припасы	19,4%	58,2%	39,0%	17,3%
Сырье и полуфабрикаты	70,1 „	35,5 „	24,0 „	52,7 „
Живой скотъ	2,1 „	2,3 „	1,8 „	0,6 „
Фабрикаты	8,4 „	4,0 „	35,2 „	29,4 „
Всего	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Главнѣйшіе выводы изъ этихъ данныхъ слѣдующіе: увеличеніе экспорта жизненныхъ припасовъ вслѣдствіе развитія сельскохозяйственнаго промысла и усилившагося участія его въ снабженіи мірового рынка, а также расширеніе ввоза сырья и полуфабрикатовъ за счетъ фабрикатовъ и жизненныхъ припасовъ вслѣдствіе прогрессирующей индустріализаціи страны. Чтобы дать нашимъ читателямъ хотя бы краткій обзоръ эволюціи товарной торговли, мы сопоставляемъ ниже цифры стоимости вывоза и ввоза для нѣкоторыхъ особо важныхъ предметовъ русской торговли:

I.

Вывозъ.	1802 г.	1900 г.	Ввозъ.	1802 г.	1900 г.
	(милл. рубл.).			(милл. рубл.).	
Хлѣбъ въ зернѣ и мука	13,2	306,4	Хлопчатобумажныя издѣлія	8,8	6,0
Лѣсъ	1,7	58,2	Соль	2,0	—
Ленъ	6,9	43,8	Сахаръ	6,7	—
Сѣмена	3,0	37,9			
Живой скотъ	1,7	18,2			

II.

Нефть	—	46,2	Каменный уголь	—	42,2
Яйца и масло	—	44,7	Металлическія издѣлія, кромѣ ма-		
Сахаръ	—	25,2			

[1]) По изданному министерствомъ финансовъ сборнику (*Покровскій*, I, стр. XXXVI).

Масляные продукты	—	15,5	шинъ	—	30,6
Хлопчатобумажныя издѣлія	—	11,7	Шерстяные товары	—	23,2
Кожа и шерсть	—	12,9	Бумажные товары	—	9,7
			Необработ. желѣзо	—	9,1
			Кожа	—	14,3

III.

Пенька и пеньковыя издѣлія	15,6	10,2	Хлопокъ	1,4	68,0
Кожа, обработанная	2,8	0,7	Чай	2,2	47,2
Мѣдь, сталь, желѣзо	5,6	0,5	Металлы, необработанные	0,8	37,0
Поташъ	1,2	0,2	Рыба	0,8	15,6
Сало	11,6	—	Фрукты, ягоды	1,7	14,6
			Шелкъ и шерсть	12,9	25,7
			Спиртные напитки	3,5	12,9

Что даетъ намъ предшествующая таблица?

А) Въ графѣ *вывозъ* мы видимъ въ I группѣ такіе продукты, которые въ значительныхъ массахъ вывозились уже за 100 лѣтъ передъ тѣмъ и экспортъ которыхъ въ теченіе столѣтія продолжалъ развиваться; II группа содержитъ предметы, вывозъ которыхъ теперь занимаетъ видное мѣсто, между тѣмъ какъ 100 лѣтъ тому назадъ объ экспортѣ ихъ не было и рѣчи; наконецъ, III группа обнимаетъ продукты, всецѣло или въ значительной мѣрѣ потерявшіе свой экспортный характеръ. Б) что касается *ввоза*, то въ I группѣ мы находимъ нѣсколько продуктовъ, значеніе которыхъ для импорта уменьшилось или вовсе упало, во II группѣ—вновь появившіеся предметы импорта и въ III группѣ—такіе продукты, стоимость импорта которыхъ возросла въ огромной степени.

Распредѣленіе вывоза и ввоза въ отношеніи *путей транспорта* подвергалось въ теченіе столѣтія самымъ разнообразнымъ колебаніямъ. Въ 1802—1804 г. морскимъ путемъ было транспортировано 88% и сухимъ путемъ 12% всѣхъ продуктовъ; въ серединѣ 19 вѣка сухопутный транспортъ достигъ 17%, къ концу вѣка (1896—1898 г.) 27%, въ 1899 г. 53¼%, что объясняется расширеніемъ желѣзнодорожной сѣти во вторую половину истекшаго столѣтія. Въ началѣ 19 вѣка въ русскіе торговые порты прибыло 3780 судовъ вмѣстимостью въ 581754 тонны, а изъ Россіи ушло 3750 судовъ съ тоннажемъ въ 585400 т., что составило 46% всего экспорта. Разница объясняется тѣмъ, что изъ Россіи вывозились товары, которые при сравнительно небольшой цѣнности обладали значительнымъ вѣсомъ и объемомъ. Въ серединѣ 19 вѣка число прибывшихъ въ Россію судовъ достигло 6780, а общая ихъ вмѣстимость 1254000 тоннъ. Постоянно возростая, число прибывшихъ судовъ достигло въ восьмидесятыхъ годахъ 15000, а съ этого времени начинаетъ падать, но вмѣстимость ихъ непрерывно увеличивалась, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Годы	Количество судовъ.	Вмѣстимость.
1870	14.150	3.678,000 тоннъ.
1880	15.357	5.420,000 „
1890	11.045	7.250,000 „
1900	10.647	8.679,000 „

Съ начала и до конца вѣка число прибывшихъ въ Россію изъ за границы судовъ увеличилось втрое, а ихъ вмѣстимость—въ пятнадцать разъ. Въ первую, какъ и во вторую половину столѣтія порты Балтійскаго моря имѣли наибольшее число судовъ, но по тонажу судоходство по Балтійскому морю начало отставать отъ судоходства по Азовскому и Черному морю.

Въ общемъ оборотѣ міровой торговли внѣшняя торговля Россіи составляетъ по своей стоимости только около 3,5%, хотя абсолютная цифра ея внѣшней торговли возросла въ теченіе ста лѣтъ (1800—1899) съ 107 до 1343 милліон. руб. [1]) Если принять во вниманіе относительныя цифры, то процентное участіе Россіи даже нѣсколько уменьшилось вслѣдствіе торговыхъ успѣховъ другихъ государствъ.

По даннымъ русской оффиціальной статистики въ степени участія другихъ государствъ въ русской внѣшней торговлѣ произошла значительная перемѣна, состоящая въ томъ, что Германія, занимавшая 50 лѣтъ тому назадъ второе мѣсто, превзошла русско-англійскую торговлю и заняла первое мѣсто. Процентное участіе въ русской внѣшней торговлѣ важнѣйшихъ государствъ явствуетъ изъ слѣдующей таблицы:

	Въ среднемъ въ 1846—1848 гг.			Въ 1896—1898 гг.		
	Вывозъ.	Ввозъ.	Общій оборотъ.	Вывозъ.	Ввозъ.	Общій оборотъ.
Англія	37,0%	29,2%	33,6%	21,1%	18,8%	20,0%
Германія	8,0 „	15,7 „	11,4 „	25,1 „	32,4 „	28,4 „
Франція	10,4 „	9,2 „	9,8 „	8,9 „	4,3 „	6,8 „
Китай	6,1 „	7,6 „	6,7 „	0,8 „	6,9 „	3,5 „
Голландія	5,1 „	7,4 „	6,1 „	10,7 „	1,2 „	6,4 „
Данія	10,6 „	0,3 „	6,0 „	1,3 „	0,5 „	1,0 „
Австрія	4,1 „	3,3 „	3,7 „	5,2 „	3,7 „	4,5 „
Италія	5,1 „	3,0 „	4,2 „	5,7 „	1,7 „	3,9 „
Соединенные Штаты	1,6 „	4,9 „	3,1 „	0,3 „	9,3 „	4,4 „

Товарообмѣнъ между Россіей и Германіей по даннымъ германской торговой статистики представляется гораздо болѣе выгоднымъ для Россіи, чѣмъ по цифрамъ русской статистики, по той причинѣ, что русскій хлѣбъ, вывозимый въ Германію черезъ другія государства (Голландію, Бельгію), не причисляется русскою статистикою къ экспорту въ Германію. Покровскій приводитъ слѣдующія сравнительныя данныя о товарообмѣнѣ:

	По русской статистикѣ.		По нѣмецкой статистикѣ.	
	Вывозъ изъ Россіи въ Германію.	Ввозъ изъ Германіи въ Россію.	Ввозъ изъ Россіи въ Германію	Вывозъ изъ Германіи въ Россію.
	(въ милліонахъ рублей).		(въ милліонахъ рублей).	
1885—1888	133,6	116,0	165,2	72,9
1889—1892	176,7	111,7	238,1	104,8
1893	129,9	99,1	163,6	85,5
1894—1897	172,4	172,9	284,2	133,3
1898	179,4	202,2	336,3	203,9
1899	163,6	230,9	324,8	183,6

[1]) Покровскій, стр. XXXVIII.

Какъ ни велика разница данныхъ въ торговыхъ статистикахъ, обнаруживаемая сопоставленіемъ ихъ, дѣло все же не въ этихъ отклоненіяхъ, а въ томъ вытекающемъ изъ данныхъ русской статистики выводѣ, что съ половины 90-хъ годовъ германско-русскій торговый балансъ сталъ заключаться не въ пользу Россіи. Если это дѣйствительно фактъ, то Россія могла бы считать себя обязанной еще усилить для ввоза изъ Германіи безъ того уже тяжелое бремя таможенныхъ налоговъ. Но даже въ русскихъ оффиціальныхъ сферахъ признается бо́льшая достовѣрность за нѣмецкой торговой статистикой. Авторъ сборника министерства финансовъ справедливо указываетъ на то, что ежегодно въ теченіе ряда лѣтъ повторяющійся значительный отливъ золота изъ Германіи въ Россію побуждаетъ къ заключенію, что этотъ драгоцѣнный металлъ назначенъ на уплату платежныхъ обязательствъ Германіи, вытекающихъ изъ торговаго баланса съ Россіей. [1])

Среди русскихъ вывозныхъ товаровъ съѣстные припасы, какъ выше указано, составляютъ болѣе половины (58%) всей суммы вывоза, но и эта высокая цифра не можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ для выясненія выдающагося значенія сельскохозяйственнаго производства въ экспортѣ. Если причислить вывозъ продуктовъ лѣсного дѣла, охоты и рыболовства, то получится въ среднемъ изъ многихъ годовъ вывозъ въ 85% для продуктовъ сельскохозяйственнаго промысла, такъ что только 15% остаются для всѣхъ другихъ экспортныхъ товаровъ. Что касается отдѣльныхъ статей сельскохозяйственнаго вывоза, то, понятно, преобладающее значеніе имѣетъ хлѣбъ, достигающій почти половины всего экспорта. Изъ главныхъ сортовъ хлѣба занимаетъ, какъ и раньше, пшеница первое мѣсто, что явствуетъ изъ слѣдующей таблицы: [2])

---

[1]) Несомнѣнно не въ пользу Россіи заключается въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ торговый балансъ съ Китаемъ и Соединенными Штатами. Среднія балансовыя цифры за 1896—1898 гг. слѣдующія (въ милліонахъ рублей):

	Вывозъ.	Ввозъ.
Германія	179,6	190,7
Англія	150,6	110,3
Франція	63,5	25,1
Голландія	76,8	7,2
Данія	9,4	3,2
Турція	13,9	6,4
Китай	5,8	40,3
Италія	40,8	10,2
Австрія	37,1	22,0
Соединенные Штаты	2,4	51,6
Испанія и Португалія	5,6	4,1
Швеція и Норвегія	12,9	9,3
Другія государства	117,6	105,7
Всего	716,0	589,1

[2]) «Вѣстникъ торговли и промышленности», 1904 г., № 97.

Экспортъ хлѣба изъ Россіи:

Хозяйственный годъ съ 1 Августа по 31 Іюля.	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Кукуруза.	Общее количество	Стоимость въ милл. руб.	Средняя цѣна за пудъ въ коп.
	Количество въ милліонахъ пудовъ.							
1894/95	221	83	70	113	28	515	207	58
1895/96	206	71	56	77	9	419	264	63
1896/97	188	61	64	68	7	388	280	72
1897/98	210	75	26	83	26	420	384	91
1898/99	107	44	20	97	23	291	216	74
1899/1900	98	72	65	44	14	293	227	77
1900/01	123	80	76	55	10	344	263	76
1901/02	137	70	59	81	62	399	311	78
1902/03	223	99	79	122	27	550	426	77
1903/04	240	61	31	141	27	500	375	75
Въ среднемъ за 10 лѣтъ	175	72	55	87	23	412	304	74

Для болѣе полной оцѣнки значенія пшеницы, какъ важнѣйшей статьи русской экспортной торговли, мы желали бы отмѣтить еще слѣдующее. Болѣе чѣмъ половина чистаго сбора пшеницы (т. е. за вычетомъ на посѣвъ) уходитъ за границу. Въ 70-хъ годахъ экспортъ возрастаетъ скачками и за счетъ внутренняго потребленія. Въ первой половинѣ этого десятилѣтія экспортъ пшеницы составлялъ только 40% чистаго сбора, а во второй половинѣ онъ повысился до 56%, другими словами: экспортъ повысился на 20% въ то время, какъ чистый сборъ уменьшился на 14%. Въ среднемъ оставалось въ странѣ для собственнаго потребленія въ 1871—1875 гг. 136 милл. пудовъ, въ теченіе 1875—1880 гг. только 87 милл. пудовъ, что составляетъ уменьшеніе потребленія на 36 со ста. Въ восьмидесятыхъ годахъ производство и вывозъ еще повысились; но если производство пшеницы вслѣдствіе неурожаевъ въ отдѣльныхъ годахъ значительно отстало отъ среднихъ сборовъ, то это повліяло гораздо сильнѣе на внутреннее потребленіе, чѣмъ на вывозъ. Изъ средняго чистаго сбора за пятилѣтіе 1883/84—1887/88 (287 милл. пудовъ) было продано за границу 133 милл. пудовъ (=41%), такъ что въ странѣ оставались 154 милліона пудовъ; въ слѣдующемъ періодѣ 1888/89—1892/93 сборъ пшеницы понизился до 266 милл. пудовъ, экспортъ же поднялся до 153 милл. пудовъ (= 57,6%), такъ что внутреннее потребленіе должно было довольствоваться 113 милліонами пудовъ (=23%). Въ хозяйственномъ году 1889/90 отправлено за границу даже 4/5 чистаго сбора (=80%). Приведенныя здѣсь отношенія хлѣбнаго рынка въ общемъ остались тѣми же и въ 90-хъ годахъ. Собрано было круглымъ счетомъ 300—500 милл. пудовъ, вывозъ составлялъ 200—250 милл. пудовъ и внутреннее потребленіе колебалось между 90 и 300 милл. пудовъ, слѣдовательно, размѣръ внутренняго потребленія зависитъ вполнѣ отъ экспорта и соотвѣтствуетъ количеству зерна, оставленному въ странѣ. [1])

[1]) Для иллюстраціи приводимъ соотвѣтственныя цифры для 50 губерній Европейской Россіи (Покровскій, стр. 17):

Изъ всего мірового спроса на пшеницу Россія покрываетъ около одной третьей, а въ годы меньшаго экспорта даже только одну четвертую часть, но эти массы вывозимаго хлѣба имѣютъ для Россіи огромное значеніе. Этотъ экспортъ является одною изъ коренныхъ основъ и однимъ изъ самыхъ обильныхъ финансовыхъ источниковъ всего народнаго хозяйства; уменьшеніе, напримѣръ, цѣны на пшеницу на 1% означаетъ сокращеніе ежегоднаго національнаго дохода на $1^1/_2$ мил. руб. То обстоятельство, что вч девятидесятыхъ годахъ именно этотъ важнѣйшій предметъ русскаго экспорта испытывалъ на міровомъ рынкѣ стѣсненное положеніе, нанесло экономическому развитію страны, быть можетъ, болѣе сильный ударъ, чѣмъ «подавленное состояніе» крупной промышленности. *Обезцѣненіе пшеницы на міровомъ рынкѣ*, которое началось уже въ семидесятыхъ годахъ, *все прогрессировало*, и *русскій экспортъ пшеницы сокращался*,—таковы были два основныхъ факта, всего болѣе озабочивавшихъ отвѣтственныхъ руководителей экономической политики. [1])

Сокращеніе экспорта пшеницы, этой важнѣйшей опоры активнаго торговаго баланса, и то обстоятельство, что Великобританія, главнѣйшій потребитель русской пшеницы, стала все охотнѣе обращаться къ Соединеннымъ Штатамъ, самому опасному сопернику Россіи, произвели настолько удручающее впечатлѣніе, что съ усиленною энергіей приступлено было къ выясненію условій хлѣбнаго экспорта въ Сѣверной Америкѣ. [2])

Въ среднемъ за время:	1883/84-1887/88 г.	1888/89-1892/93 г.	1893/94-1897/98 г.
Было собрано	287,4 мил. пуд.	266,3 мил. пуд.	417,8 мил. пуд.
„ „ вывезено	132,6 „ „	153,5 „ „	215 8 „ „
Отношеніе экспорта къ урожаю	46,1%	57,6%	51,9%
Оставалось для внутренняго потребленія	154,8 мил. пуд.	112,8 мил. пуд.	202,0 мил. пуд.

Цифры потребленія дѣлаются, впрочемъ, значительно болѣе благопріятными, если въ разсчетъ вводится также производство пшеницы и въ другихъ частяхъ Имперіи, прежде всего на сѣверномъ Кавказѣ. Но всѣ такого рода вычисленія основаны на очень недостовѣрныхъ данныхъ.

[1]) Упадокъ русскаго экспорта пшеницы за время 1894-95 гг. до 1902—03 гг. видно изъ таблицы на стр. 314. Среднія годовыя цѣны на пшеницу въ Англіи исчислены въ русскихъ оффиціальныхъ источникахъ въ слѣдующихъ размѣрахъ. За пудъ платили въ среднемъ по пятилѣтіямъ:

1866—1870	194,19 коп.	1886—1890	111.76 коп.
1871—1875	194,47 „	1891—1895	99,31 „
1876—1880	168,99 „	1896—1900	101,98 „
1881—1885	142,60 „	1901	95,76 „

[2]) *Касперовъ*, цѣны на пшеницу на міровомъ рынкѣ. Издано департаментомъ торговли министерства финансовъ, Спб. 1905. Въ импортѣ пшеницы въ Англію участвовали (въ процентахъ):

	Соединенные Штаты.	Россія.	Всѣ другія государства.
Съ 1868 до 1870 гг.	31,5	35,2	33,3
„ 1871 „ 1875 „	39,8	23,5	36,7

Съ конца шестидесятыхъ годовъ и до конца вѣка импортъ пшеницы въ Англію увеличился приблизительно на 56,7 мил. англійскихъ центнеровъ; изъ этого количества на долю Соединенныхъ Штатовъ приходится 45 мил. центн,. т. е. львиная доля почти въ 80%. Особенно неблагопріятнымъ для русскаго экспорта было то обстоятельство, что импортъ русской пшеницы въ Англію возросталъ сильнѣе только въ такіе годы, въ которые подвозъ пшеницы изъ-за океанскихъ государствъ почему-либо оказывался меньше, чѣмъ въ предшествующее время. Урожай и предложеніе со стороны Россіи оказывали сравнительно незначительное вліяніе на сбытъ. На англійскомъ пшеничномъ рынкѣ Россія являлась въ извѣстной мѣрѣ только замѣстительницей Соединенныхъ Штатовъ, вступавшей на мѣсто послѣднихъ только тогда, когда Штаты, по своимъ особымъ соображеніямъ, сокращали свой экспортъ.

Причины упадка экспорта русской пшеницы въ Англію трудно изложить въ нѣсколькихъ словахъ. Изъ частнаго опроса [1] *представителей пшеничной торговли въ Англіи мы узнаемъ только, что экспортъ и поставки изъ Россіи страдаютъ самыми разнообразными дефектами. Но изъ полученныхъ отвѣтовъ видно также, что англійскіе торговцы и промышленники очень хорошо сознаютъ, какую сильную позицію они занимаютъ въ отношеніи русскихъ производителей и посредниковъ и что они самымъ безцеремоннымъ образомъ пользуются своимъ экономическимъ превосходствомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы русская пшеница доставалась имъ по возможно низкимъ цѣнамъ.*

Новыя изслѣдованія подтверждаютъ въ общемъ тотъ неоднократно констатированный уже и офиціальными источниками фактъ, что упадокъ русскаго хлѣбнаго экспорта обусловленъ въ значительной мѣрѣ недостатками и несовершенствомъ организаціи самой хлѣбной торговли въ Россіи. Съ 1902 г. видимо наступило, впрочемъ, оживленіе въ русскомъ хлѣбномъ экспортѣ, но оно вызвано исключительно благопріятными урожаями и поэтому не гарантируетъ продолжительнаго успѣха. Пока что остается несомнѣннымъ фактъ, что безсистемность хлѣбнаго экспорта и дезорганизація русской хлѣбной торговли значительно затрудняютъ на міровомъ рынкѣ сбытъ русскаго зерна и даже представляются для послѣдняго болѣе опасными, чѣмъ всѣ другіе неблагопріятные моменты. Въ то время, какъ условія сбыта хлѣба на міровомъ рынкѣ—размѣръ спроса,

	Соединенные Штаты.	Россія.	Всѣ другія государства.
Съ 1876 до 1880 гг. . .	53,4	12,6	34,0
„ 1881 „ 1885 „ . .	53,5	11,6	34,9
„ 1886 „ 1890 „ . .	48,2	18,6	33,2
„ 1891 „ 1895 „ . .	52,5	14,3	33,2

[1]) *Гольдштейнъ*, Анкета о причинахъ упадка импорта пшеницы изъ Россіи въ Англію, а равно о мѣропріятіяхъ къ поднятію этого экспорта („Русск. Эконом. Обозрѣніе“ 1903 г., стр. 1—26).

уровень хлѣбныхъ цѣнъ, мѣры противъ импорта со стороны отдѣльныхъ государствъ и т. д.—дѣйствуютъ одинаково въ отношеніи всѣхъ государствъ, экспортирующихъ хлѣбъ, экспортъ изъ Россіи особо затрудняется еще *отсталостью организаціи ея хлѣбной торговли.* Результаты урожая и хлѣбной цѣны на міровомъ рынкѣ оказываютъ, конечно, свое вліяніе и на русскіе хлѣбные рынки, но внутреннія торговыя отношенія усиливаютъ это воздѣйствіе, когда въ немъ обнаруживается понижательная тенденція, и ослабляютъ его, когда оно складывается благопріятно.

По мнѣнію русскихъ экспортныхъ политиковъ, затрудненія для русскаго хлѣбнаго экспорта, исходящія отъ мірового рынка, были бы легко преодолимы, такъ какъ міровой рынокъ нуждается въ подвозѣ зерна и охотно платилъ бы за него даже высокія цѣны, еслибы конкурренты не мѣшали другъ другу,—но собственное внутреннее неустройство прямо противодѣйствуетъ выгодному сбыту за-границу. Было бы чрезвычайно важно установить правильность этого взгляда въ особенности въ виду хлѣбныхъ пошлинъ тѣхъ государствъ, которыя импортируютъ хлѣбъ. Міровой рынокъ имѣетъ въ дѣйствительности для русскаго сельскаго хозяйства меньшее значеніе, чѣмъ это принято думать. Такъ, въ заявленіяхъ министерства финансовъ неоднократно указывается, что движеніе русскихъ цѣнъ на рожь и овесъ совершенно не зависитъ отъ мірового рынка, такъ какъ экспортъ этихъ злаковъ, по сравненію съ ихъ производствомъ въ Россіи, слишкомъ незначителенъ для того, чтобы онъ могъ оказывать рѣшающее вліяніе на цѣны. По офиціальнымъ даннымъ, изъ общаго урожая хлѣбовъ за время съ 1890 до 1899 г. въ среднемъ вывозилось: пшеницы 35,8%, ячменя 29,7% и кукурузы 62,7%, а ржи только 4,9% и *овса* только 8,5%. Поэтому русскія цѣны для ржи и овса обычно колеблются почти совершенно независимо отъ состоянія цѣнъ на міровомъ рынкѣ, между тѣмъ какъ для пшеницы, ячменя и кукурузы цѣны внутреннія и иностранныя идутъ настолько паралельно другъ другу, что причинная зависимость между тѣми и другими несомнѣнна. Но колебанія хлѣбныхъ цѣнъ на русскихъ рынкахъ болѣе значительны, чѣмъ на міровомъ рынкѣ, и нерѣдко совершенно не отражаютъ на себѣ повышательныхъ тенденцій. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вліяютъ еще результатъ урожая и цѣлый рядъ другихъ моментовъ. [1])

«Въ Россіи—въ противоположность Соединеннымъ Штатамъ—вообще не существуетъ *хлѣбной торговли*, которая регулировалась

---

[1]) Такъ, въ періодъ времени 1890—1899 гг., цѣны на русскихъ рынкахъ колебались въ предѣлахъ отъ 78,5 до 132,5 (= 55), за-границею же только отъ 85,9 до 128,7 (= 42,8). Въ Россіи паденіе цѣнъ въ 1894 г. составило 21,6%, а за-границею только 11,6%. И обратно, въ 1897 и 1898 гг. русскія хлѣбныя цѣны поднялись на 14,4 и 19,6%, а на иностранныхъ рынкахъ только на 8 и 11,6%. (Всѣ цифры по „Указателю хлѣбныхъ цѣнъ для главныхъ рынковъ Россіи и за-границы съ 1890 до 1899 гг.", изд. м-ства финансовъ, Спб. 1900 г.). Мы не можемъ здѣсь подробно остановиться на весьма богатомъ матеріалѣ, изъ году въ годъ обрабатываемомъ въ этихъ указателяхъ.

бы соотвѣтственно видамъ на сбытъ и условіямъ рынка, а производится собственно только *ликвидація урожая*, едва только онъ собранъ, съ лихорадочной поспѣшностью и по какимъ бы то ни было цѣнамъ». Въ этомъ положеніи правильно выражено рѣзкое различіе между обоими конкурентами на міровомъ хлѣбномъ рынкѣ и слабость русской позиціи. Такія же жалобы, въ которыхъ въ извѣстной мѣрѣ суммируется длинный рядъ неустройствъ и дефектовъ, уже пятнадцать лѣтъ высказывались во всѣхъ многочисленныхъ комиссіяхъ и совѣщаніяхъ, созывавшихся для «упорядоченія» хлѣбной торговли; несмотря на принятыя съ тѣхъ поръ государствомъ мѣры къ поднятію хлѣбной торговли, эти жалобы и по настоящій день являются исходнымъ пунктомъ для реорганизаціи вывозной торговли. «Основная причина нашей отсталости на міровомъ рынкѣ и упадка нашей хлѣбной торговли заключается въ недостаткахъ нашей организаціи». Этотъ вглядъ красной нитью проходитъ черезъ всю—весьма обширную—*записку*, выработанную въ 1902 г. особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, статсъ-секретаря Витте, и подлежащую нынѣ детальному обсужденію. [1]) Изъ этой записки, представляющей программу будущихъ мѣропріятій въ отношеніи важнѣйшихъ предметовъ русскаго экспорта, мы заимствуемъ нѣсколько положеній, которыя должны дать отвѣтъ на вопросъ: «что теряетъ русская хлѣбная торговля вслѣдствіе своей дезорганизаціи»? Въ запискѣ мы читаемъ:

„*Наша хлѣбная торговля имѣетъ въ настоящее время въ общемъ пассивный характеръ. Наши сдѣлки съ иностранными государствами состоятъ собственно въ исполненіи данныхъ намъ порученій. Рѣшающее значеніе имѣютъ для насъ хлѣбныя цѣны въ Нью-Іоркѣ, въ которыхъ выражаются наши собственные неурожаи, еще раньше, чѣмъ мы сами въ состояніи ввести ихъ въ наши разсчеты. Но даже и эти котировки приходятъ къ намъ поздно, такъ что нашъ хлѣбный экспортеръ обычно вынужденъ дать иностранному покупателю рѣшительный отвѣтъ, еще не зная нью-іоркскихъ цѣнъ. Мы стараемся приспособить наше зерно къ поставленнымъ за-границею требованіямъ, мы портимъ, фальсифицируемъ его только для того, чтобы создать требуемое за-границею среднее качество. За лучшее качество мы не получаемъ, при современныхъ условіяхъ нашей вывозной торговли, никакихъ бонификацій, такъ что мы вынуждены,—вмѣсто того, чтобы поддержать нашу собственную производственную марку, для чего мы не имѣемъ необходимаго авторитета,—портить качество и цѣны нашего зерна. И не только это одно. Даже, если мы всецѣло подчиняемся чужимъ требованіямъ и условіямъ, насъ все же постоянно караютъ: значитель-*

[1]) „Значеніе организаціи хлѣбной торговли, задачи, которыя она призвана выполнять и мѣропріятія къ постепенному проведенію ея въ Россіи". стр. 84 слл.

ная часть нашего зерна не принимается за-границею безъ арбитража, и мы должны вслѣдствіе этого почти постоянно дѣлать скидки съ цѣны. Оттого, что хлѣбная торговля не имѣетъ внутри государства никакой организаціи, а за-границею— соотвѣтственнаго представительства, мы ежегодно теряемъ много милліоновъ на бонификаціяхъ, комиссіонныхъ куртажахъ и т. д... Хлѣботорговцы не терпятъ отъ этого ущерба, такъ какъ вся ихъ іерархія, начиная съ экспортера и вплоть до крестьянскаго скупщика, получаетъ свою посредническую прибыль. Они умѣютъ использовать всѣ преимущества, покупаютъ дешево, фальсифицируютъ, быстро оборачиваютъ свой капиталъ и во всякомъ случаѣ остаются въ барышѣ. Но главную выгоду извлекаютъ торговцы и покупатели за-границей, они одни могутъ использовать всѣ коньюнктуры, умѣютъ извлечь выгоду изъ результатовъ русскаго урожая за счетъ производителей. Благопріятныя коньюнктуры проходятъ мимо насъ самихъ почти безслѣдно: въ годы хорошихъ урожаевъ мы не умѣемъ сохранить запасы для худшихъ годовъ; все наше зерно мы выбрасываемъ на рынокъ; въ послѣдніе годы мы хотя и дѣлаемъ усилія къ нѣкоторому воздержанію, но отъ разумнаго использованія коньюнктуры, а тѣмъ болѣе отъ упорядоченнаго господства надъ нею мы еще очень далеки... Теряющею стороной всегда является производитель хлѣба; на него перелагаются всѣ расходы посреднической торговли и всѣ неудачи экспортера; сельское хозяйство теряетъ такимъ образомъ милліоны, эти милліоны мы должны вернуть земледѣлію и здоровой торговлѣ".

На эти жалобы возможенъ—какъ это подробно доказывается въ упомянутой запискѣ—только *одинъ* отвѣтъ: *организація торговли*. Этимъ дана великая задача, но относительно пути къ ея разрѣшенію существуютъ два противоположныя теченія. На одной сторонѣ всѣ надежды въ дѣлѣ урегулированія хлѣбной торговли возлагаются единственно только на дѣятельное вмѣшательство государства, начиная съ всесторонняго государственнаго руководства хлѣбной торговлей и вплоть до хлѣбной монополіи съ надзоромъ государства надъ экспортомъ. Въ качествѣ средствъ указываютъ: планомѣрную систему элеваторовъ, построенныхъ за счетъ государства и имъ управляемыхъ; государственную классификацію и инспекцію поступающаго на элеваторы хлѣба; контроль надъ экспортомъ зерна при полномъ запрещеніи вывоза хлѣба, содержащаго примѣсей свыше опредѣленной процентной ставки, или же съ уголовной угрозой для экспортера, вывозящаго такого рода хлѣбъ; наконецъ, контроль надъ дѣятельностью биржъ вплоть до выработки правилъ для хлѣбной торговли подъ надзоромъ правительственныхъ чиновниковъ. Защитниками этой программы являются преимущественно *производители хлѣба*. Они указываютъ на то, что хлѣбная торговля затрогиваетъ самые разнообразные и широкіе интересы всего населенія и самаго государства и что, далѣе, главная масса производителей хлѣба—мелкіе землевладѣльцы и крестьяне—

настолько мало знакомы съ самыми элементарными методами таксаціи и классификаціи товара, такъ безпомощны, что ихъ ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ оставить на произволъ своекорыстныхъ интересовъ частной торговли; технику и организацію хлѣбной торговли государство должно либо взять на себя, либо, по крайней мѣрѣ контролировать. Другая сторона—*хлѣботорговцы*—усматриваютъ, напротивъ того, въ этой политикѣ большую опасность, новыя трудности для хлѣбной торговли. По ихъ мнѣнію, организація хлѣбной торговли должна быть дѣломъ частной предпріимчивости, которая требуетъ только живой поддержки и такихъ мѣръ помощи со стороны государства, которыя безусловно необходимы и могутъ быть осуществлены только государственной властью. Внѣ этихъ предѣловъ хлѣбная торговля нуждается только въ полной свободѣ. И эта группа признаетъ чрезвычайную важность планомѣрно, съ опредѣленной послѣдовательностью проведенной системы элеваторовъ, постепеннаго введенія классификаціи, установленія собственной марки для каждаго урожая, но признаетъ все это дѣломъ частной инціативы, которое для своего осуществленія нуждается только въ извѣстной поддержкѣ правительства. Весьма большое значеніе придаетъ эта группа правовому урегулированію хлѣбной торговли, юрисдикціи корпорацій хлѣботорговцевъ и введнію торговли на срокъ.

Государственной власти приходится такимъ образомъ выбирать между обоими направленіями, чтобы приблизиться къ цѣли—реорганизаціи хлѣбной торговли, и она сдѣлала этотъ выборъ, со всею рѣшительностью заявивъ, что торговля хлѣбомъ должна быть по возможности освобождена отъ всякой бюрократической регламентаціи и выработка соотвѣтственныхъ мѣръ должна быть предоставлена имѣющей быть учрежденной организаціи всѣхъ заинтересованныхъ круговъ. Эта организація, на которую возлагается такимъ образомъ задача огромной важности, должна установить правильное соотношеніе между ходомъ внутренней и міровой торговли, между производствомъ и запасами въ собственной странѣ, не оставляя притомъ безъ вниманія соотвѣтственныя цифры и въ другихъ государствахъ, она должна принять на себя въ непосредственной связи съ хлѣбными биржами какъ руководство дѣломъ снабженія хлѣбомъ, такъ и защиту интересовъ русскаго хлѣба на иностранныхъ рынкахъ, должна свести другъ съ другомъ хлѣботорговцевъ и сельскихъ хозяевъ и объединить ихъ для совмѣстной охраны ихъ интересовъ на соотвѣтственныхъ съѣздахъ, словомъ—она должна, при энергичномъ содѣйствіи государственной власти, привести въ движеніе всѣ средства, чтобы обезпечить русской хлѣбной торговлѣ блестящее будущее. Этотъ широкій проектъ министерства финансовъ обосновывается въ «запискѣ» (стр. 54 сл.) слѣдующими соображеніями.

„*Только такого рода организація можетъ поставить хлѣбную торговлю въ такія условія, которыя соотвѣтствуютъ интересамъ страны и обезпечиваютъ возможно полное осуществленіе, всегда совершающагося въ живомъ хлѣбномъ дѣлѣ, движенія впередъ; это движеніе впередъ столь же выгодно для хлѣботор-*

говцевъ, какъ и для производителей, обоюдные интересы которыхъ при правильной постановкѣ хлѣбной торговли гораздо тѣснѣе связаны между собою, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Эти принципы, правильные для всякой торговли, имѣютъ совершенно исключительное значеніе для хлѣбной торговли, особенно крупной по своимъ размѣрамъ, международной по своему существу и имѣющей передъ собою сложную задачу снабженія собственной страны и всего міра. Это та область, гдѣ самое незначительное, неосторожное чужое давленіе можетъ повлечь за собою тяжелыя послѣдствія и огромныя потери, гдѣ всякая регламентація, исходящая отъ сферъ, не связанныхъ непосредственно съ этой торговлей, не заинтересованныхъ въ ней, можетъ дѣйствовать прямо губительно, и притомъ не только на самую хлѣбную торговлю, но въ окончательномъ счетѣ и на производителей хлѣба. И если именно производители обычно готовы усматривать все свое спасеніе въ регламентаціи хлѣбной торговли, во вмѣшательствѣ государственной власти и даже болѣе того — въ государственной монополіи, то это не больше и не меньше, какъ опасное недоразумѣніе, основанное отчасти на историческихъ заблужденіяхъ. Исторія не повторяется, и нѣмецкіе аграріи, требующіе вмѣшательства государства, чтобы обезпечить имъ высокую ренту за счетъ всѣхъ другихъ классовъ населенія, стоятъ въ прямомъ противорѣчіи со справедливостью и историческимъ ходомъ событій и осуждены поэтому на окончательное крушеніе всѣхъ ихъ усилій, даже если бы временно ихъ притязанія нашли полную поддержку. Совершенно иначе обстоитъ дѣло, когда производители хлѣба хотятъ занять по праву принадлежащее имъ положеніе въ общей организаціи хлѣбной торговли страны; это положеніе для нихъ уготовлено, это участіе вызывается необходимостью, и такого рода движеніе уже начинается въ той самой Германіи, въ которой аграріи такъ настойчиво стремятся къ огосударствленію хлѣбной торговли. Организація хлѣбной торговли только тогда даетъ ожидаемые отъ нея результаты, когда она отразитъ въ себѣ всѣ связанные съ нею интересы, обезпечитъ ихъ и будетъ имъ служить; но для этого необходимо, чтобы она была создана самими заинтересованными въ ней группами, предварительно объединившимися между собою; затѣмъ организація должна имѣть достаточный просторъ для развитія, для постояннаго и быстраго приспособленія къ новымъ, неизбѣжно возникающимъ потребностямъ. Другими словами—хлѣбная торговля есть живой, въ высочайшей степени подвижный и воспріимчивый организмъ, который безусловно долженъ самъ себя регулировать, который ни по своему существу, ни по способамъ и средствамъ своего проявленія не можетъ быть объектомъ вліянія громоздкаго правительственнаго аппарата, предметомъ административныхъ мѣропріятій".

Для проведенія этого широко задуманнаго проекта оздоровленія

хлѣбной торговли, созданнаго по американскому образцу, офиціальная записка указываетъ рядъ мѣропріятій, которыя должны быть осуществлены въ первую очередь; таковыми признаются: коренное улучшеніе почтоваго и телеграфнаго дѣла, реорганизація всей статистики урожаевъ и торговли, планомѣрное расширеніе желѣзнодорожной сѣти, увеличеніе подвижного состава и сооруженіе многочисленныхъ подъѣздныхъ путей, урегулированіе рѣкъ и устройство торговыхъ портовъ, учрежденіе новыхъ хлѣбныхъ биржъ, основаніе сельско-хозяйственныхъ союзовъ и организація съѣздовъ хлѣботорговцевъ. Къ осуществленію нѣкоторыхъ пунктовъ этой программы уже приступлено. Для насъ здѣсь важны не столько детали, сколько основной вопросъ. можно ли ожидать отъ новой организаціи значительнаго оживленія русскаго хлѣбнаго экспорта? По нашему глубокому убѣжденію, этого ни въ какомъ направленіи ожидать нельзя. Хлѣбная торговля на помочахъ у биржъ, которыя прямо призываются къ объединенію ея и руководству ею, еще болѣе, чѣмъ теперь, будетъ служить ареною для спекуляціи; убытки же падутъ на тѣхъ, чьи интересы должна будто бы защищать предполагаемая организація: на производителей хлѣба. Тѣмъ не менѣе не невозможно, что русскія хлѣбныя биржи, поставленныя на стражѣ интересовъ хлѣботорговли, сумѣютъ лучше, чѣмъ до сихъ поръ, слѣдовать и приспособляться къ коньюнктурамъ міроваго рынка. Для государствъ, импортирующихъ хлѣбъ, какъ Германія, едва ли можно ожидать отъ этого благопріятныхъ послѣдствій; тѣмъ цѣлесообразнѣе—въ частности для насъ, нѣмцевъ—своевременное повышеніе хлѣбныхъ пошлинъ, усиленная защита противъ аггресивныхъ попытокъ организованныхъ русскихъ хлѣботорговцевъ.

Правительство разсчитываетъ, посредствомъ «всеобъемлющей» организаціи хлѣбной торговли, приблизиться къ своей цѣли—освобожденію отъ давленія міроваго рынка. Предоставляя торговому сословію руководящую роль въ борьбѣ съ тенденціей міроваго рынка къ пониженію хлѣбныхъ цѣнъ и другими неблагопріятными для хлѣбной торговли осложненіями, оно призываетъ наиболѣе энергичные, но въ то же время наименѣе разборчивые въ средствахъ элементы къ разрѣшенію задачи, трудности которой до сихъ поръ не могли быть преодолѣны при помощи разнаго рода средствъ государственнаго содѣйствія. Самопомощь заинтересованныхъ въ хлѣбной торговлѣ также не сможетъ ни открыть русскому хлѣбу болѣе широкій доступъ на иностранные рынки, ни поднять внутреннія цѣны на хлѣбъ; пассивное сопротивленіе «дезорганизаціи» окажется сильнѣе попытокъ къ оздоровленію хлѣботорговли. Такъ смотрятъ на вопросъ объ организаціи даже въ ближайше заинтересованныхъ кругахъ. Рижскій биржевой комитетъ, напримѣръ, привѣтствуетъ съ особой симпатіей, что «впервые руководящими сферами выставленъ принципъ полной свободы хлѣбной торговли, принципъ невмѣшательства государства», но высказываетъ при этомъ весьма критическое отношеніе къ существующимъ порядкамъ и весьма скептическій взглядъ на будущее. Какъ бы ни были же-

лательны предположенныя мѣропріятія — разсуждаетъ комитетъ, — но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что достиженіе ихъ потребовало бы огромныхъ средствъ и было бы поэтому достижимо лишь черезъ много десятковъ лѣтъ. Представлялось бы поэтому болѣе цѣлесообразнымъ принять сперва мѣры противъ непорядковъ въ одной опредѣленной области, именно въ сферѣ желѣзнодорожнаго дѣла. Ибо: [1])

„Пока желѣзныя дороги не въ состояніи исполнять свою задачу, т. е. быстро и аккуратно доставлять имѣющіеся и въ частности принятые уже грузы,—до тѣхъ поръ никакая помощь для хлѣбной торговли немыслима. Совершенно безцѣльно обсуждать мѣропріятія къ поднятію отраслей торговли, для производства которой не имѣется самаго элементарнаго предварительнаго условія, каковымъ слѣдуетъ признать возможность быстрой и аккуратной доставки товара. Пока хлѣбная торговля, вслѣдствіе ненадежнаго транспорта товаровъ, остается азартнымъ дѣломъ, слѣдуетъ считаться только съ тѣмъ, что всѣ солидные элементы все болѣе и болѣе устраняются отъ хлѣбнаго дѣла и уступаютъ мѣсто тѣмъ элементамъ, которымъ нечего терять: ни капитала, ни имени и общественнаго уваженія“.

Несмотря на такія сомнѣнія въ идеѣ организаціи хлѣбной торговли склонны усматривать важнѣйшее средство къ ея усовершенствованію. При помощи систематически развитой организаціи разсчитываютъ достигнуть гораздо большаго, чѣмъ простого улучшенія хлѣбнаго экспорта; весьма недостаточно развитая еще — какъ это правильно признаютъ—внутренняя торговля должна болѣе приспособиться къ потребностямъ крупной торговли, экспортъ долженъ освободиться отъ вліянія случайностей міроваго рынка, въ сферѣ импорта посредничество иностранныхъ агентуръ должно быть замѣнено непосредственнымъ полученіемъ товара, повсюду должны быть устранены не необходимые посредники, такъ чтобы ихъ прибыли доставались непосредственнымъ участникамъ товарообмѣна и т. д. Такимъ способомъ надѣются обезпечить Россіи болѣе значительное и болѣе прибыльное участіе въ снабженіи міроваго рынка и болѣе выгодное удовлетвореніе потребностей ея импорта. Словомъ, крѣпкимъ и организованнымъ союзамъ приписываютъ способность преодолѣть тѣ трудности, съ которыми русской торговлѣ, въ виду ея отсталости, приходится теперь бороться во всѣхъ направленіяхъ. Какого высокаго напряженія достигаютъ надежды на благодѣтельное вліяніе этой организаціи,—можно видѣть изъ слѣдующихъ замѣчаній офиціальнаго источника, изданнаго министерствомъ финансовъ по случаю всемірной выставки въ Парижѣ (1900 г.). Въ главѣ о хлѣбной торговлѣ мы читаемъ здѣсь: [2])

---

[1]) Rigaer Handelsarchiv, 1903, I, стр. 278 слл.

[2]) „Россія въ концѣ 19 вѣка“, стр. 691. Соотвѣтственный раздѣлъ переведенъ и на нѣмецкій языкъ: *Maxim Blumenay*, Russlands Landwirtschaft und Getreidehandel, München, 1901, s. 72.

„Мы не наводняемъ уже болѣе Западную Европу хлѣбомъ, экономическій разсчетъ начинаетъ проявлять свою силу и у насъ. Безъ сомнѣнія, Россіи еще много остается сдѣлать въ этомъ отношеніи; но уже теперь можно сказать, что приближается время, когда Россія сдѣлается равноцѣннымъ союзникомъ Америки въ смыслѣ осторожнаго отношенія къ международной цѣнѣ хлѣба. Но совмѣстныхъ усилій обѣихъ этихъ великихъ державъ—поставщицъ міровoго рынка—будетъ совершенно достаточно, чтобы обезпечить Западной Европѣ мало колеблющіяся, устойчивыя хлѣбныя цѣны. Чтобы эти послѣднія не падали слишкомъ низко и не поднимались слишкомъ высоко,—въ этомъ заключается общій интересъ всего современнаго человѣчества. Усовершенствованіе міровой торговли—гораздо болѣе вѣрный путь къ достиженію этой цѣли, чѣмъ установленіе хлѣбныхъ пошлинъ, которыя только мѣшаютъ правильному примѣненію экономическаго разсчета, и на этомъ пути Россія именно къ концу истекшаго столѣтія быстро подвигалась впередъ“.

Россія и Америка какъ диктаторы міровoго хлѣбнаго рынка! Хорошо, что Германія въ извѣстной мѣрѣ обезпечила свой національный хлѣбный рынокъ раньше, чѣмъ обнаружилась эта новая тенденція къ экономическому господству.

ГЛАВА LV.

Сто лѣтъ русской торговой и таможенной политики.—Параллелизмъ таможенно-политическаго развитія Россіи и Пруссіи-Германіи.

До восемнадцатаго столѣтія Россія была для торговыхъ государствъ Европы какъ бы отдаленной колоніей въ товарообмѣнѣ съ которой предпріимчивые и отважные купцы и торговыя компаніи старались пріобрѣтать ея естественныя богатства и произведенія ея почвы. Царское правительство покровительствовало этому торговому обороту, такъ какъ онъ служилъ къ удовлетворенію потребности въ предметахъ военнаго снаряженія и придворной роскоши и былъ полезенъ нуждавшемуся въ деньгахъ государству. Народно-хозяйственные интересы совершенно отступали при этомъ на задній планъ,—внѣшняя торговля признавалась только однимъ изъ верховныхъ правъ царской власти; абсолютизмъ могъ поэтому совершенно произвольно пользоваться ею для политическихъ цѣлей.

Еще въ первой четверти девятнадцатаго вѣка, при имп. Александрѣ I (1801—1825 г.), торговая политика Россіи опредѣлялась преимущественно многообразными и измѣнчивыми политическими комбинаціями, была непостоянна и ненадежна какъ эти послѣднія и представляла собою хаотическое смѣшеніе фискальныхъ, меркантилистическихъ и протекціонистскихъ началъ. Съ одной стороны представляли самыя широкія привилегіи и особыя преимущества въ сферѣ торговли тѣмъ государствамъ, съ которыми Россія въ

данный моментъ была тѣснѣе связана въ силу политическихъ договоровъ или личныхъ симпатій властителей, съ другой стороны старались, путемъ стѣсненія торговли, вредить и экономически тѣмъ государствамъ, которыя были въ политическомъ отношеніи враждебны Россіи или тайно помогали ея противникамъ. Торговая политика была полна противорѣчій и еще въ другомъ отношеніи. Рука объ руку съ усиліями пріобрѣсти благосклонность великихъ торговыхъ державъ шелъ таможенно политическій произволъ, тормозившій всякое меркатильное развитіе; ввозъ важнѣйшихъ продуктовъ дѣлали прямо невозможнымъ путемъ запретительныхъ мѣропріятій, а экспортъ стѣсняли высокими вывозными пошлинами.

Столь противорѣчивое отношеніе къ внѣшней торговлѣ можно объяснить только своеобразной, проникнутой фискализмомъ, политикой государственнаго попеченія о «благосостояніи» народа. Огромная масса обремененнаго повинностями населенія, еще прозябавшая на самомъ низкомъ уровнѣ культурныхъ потребностей, не должна была привыкать къ употребленію иностранныхъ продуктовъ,—предполагалось, что они выходятъ далеко за предѣлы матеріальныхъ условій жизни и той сферы потребностей населенія, которая соотвѣтствуетъ его соціальному положенію. Правительство думало, что оно дѣйствуетъ въ интересахъ общаго благосостоянія, прямо запрещая *ввозъ* такъ называемыхъ предметовъ роскоши и облагая чрезвычайно высокими пошлинами всѣ другіе иностранные продукты. Существенную роль играли, однако, при этомъ и меркантилистическія соображенія. Что касается, съ другой стороны, *экспорта*, то хотя принципіально за нимъ признавали нѣкоторое значеніе, но чувствовали себя въ положеніи монополистовъ. Въ Россіи знали, что иностранные торговцы умѣютъ цѣнить дешевизну русскихъ продуктовъ и не остановятся передъ кое-какими трудностями экспорта. Въ виду этихъ преимуществъ на сторонѣ русскаго сбыта, вывозныя пошлины, долгое время замѣнявшія также торговое обложеніе, должны были по крайней мѣрѣ обогащать казну. Таможенный аппаратъ долженъ былъ не только вредить внѣшнимъ врагамъ Россіи, но и содѣйствовать побѣдѣ надъ внутреннимъ врагомъ—постоянною нуждою въ деньгахъ.

Фритредерское теченіе на западѣ Европы, исходившее отъ Англіи, въ извѣстной мѣрѣ отразилось въ первыя десятилѣтія 19 вѣка и въ Россіи; но эти первые всходы должны были погибнуть въ бурную эпоху войнъ съ Наполеономъ. Подъ вліяніемъ политическихъ событій только немногіе изъ этихъ ростковъ могли созрѣть на экономической почвѣ.

Съ 1807 г. таможенное законодательство становится крайне непостояннымъ; въ теченіе неполныхъ десяти лѣтъ таможенный тарифъ четыре раза былъ полностью переработанъ: таможенная политика переходитъ отъ запретительной системы къ умѣренному протекціонизму и затѣмъ опять къ высокимъ покровительственнымъ пошлинамъ; столь же непостоянна и непослѣдовательна была таможенная политика и на окраинахъ (въ Польшѣ, Финляндіи, Грузіи).

Въ первую половину своего царствованія имп. Александръ I строилъ широкіе, частью фантастическіе планы о расширеніи торговыхъ сношеній страны. Россія должна была сдѣлаться огромнымъ мостомъ для торговли Европы со всѣмъ Востокомъ. Такъ какъ внутренняя производительность страны была еще незначительна и потому могла дать для этого товарообмѣна лишь весьма немногое, то черезъ Россію должны были быть проложены самыя широкіе пути для иностранной транзитной торговли. Но отсутствіе путей сообщенія, незрѣлость населенія и неспособность бюрократіи не дали осуществиться этимъ намѣреніямъ.

Періодъ колебаній между запретительной системой и таможенно-политическимъ либерализмомъ закончился таможеннымъ тарифомъ 1822 г., установившимъ почти на тридцать лѣтъ (1822—1850 г.) торгово-политическій курсъ, который, несмотря на многочисленныя уклоненія въ деталяхъ, въ существѣ порывалъ съ запретительными тенденціями лишь постольку, поскольку это представлялось необходимымъ въ интересахъ отечественнаго народнаго хозяйства.

Одинъ изъ наиболѣе характерныхъ признаковъ этого *второго періода*, совпадающаго со второю четвертью истекшаго столѣтія, заключается именно въ томъ, что торговая и таможенная политика стремится приспособиться къ факторамъ экономической жизни, а не къ соображеніямъ высшей политики. Система голыхъ запрещеній, рѣзко проявляющаяся еще въ таможенномъ тарифѣ 1822 года, постепенно переходитъ въ «охранительную» систему. Правительство отказалось отъ запретительныхъ излишествъ прошлаго, но, несмотря на то, отчасти оставило въ силѣ прежнія ограниченія импорта, чтобы въ видахъ сохраненія активнаго торговаго баланса предотвратить слишкомъ широкій импортъ и чтобы, далѣе, охранить первобытный народный организмъ отъ слишкомъ широкаго ознакомленія съ условіями жизни и потребностями западнаго европейца. Эта основанная на «моральныхъ» началахъ таможенная политика начинаетъ, однако, считаться и съ задачею воспитанія отечественной индустріи. Съ постепеннымъ и все прогрессирующимъ упадкомъ старой мануфактуры, базировавшей главнымъ образомъ на принудительномъ крѣпостномъ трудѣ, все болѣе распространялась современная фабричная индустрія, основанная на свободномъ вольнонаемномъ трудѣ; производительность ея была первоначально весьма недостаточна въ количественномъ и еще болѣе въ качественномъ отношеніи, и она ощущала сильную потребность въ защитѣ противъ иностранной конкуренціи.

Для того, чтобы сдѣлать ее жизнеспособной и достаточно вооруженной для борьбы, необходимы были, конечно, не только таможенная защита, но и быть можетъ еще въ большей мѣрѣ—достаточное снабженіе индустріальнаго производства необходимыми для него сырьемъ и вспомогательными матеріалами. Но именно въ этомъ направленіи зараждающаяся индустрія оставалась вплоть до восьмидесятыхъ годовъ въ полной почти зависимости отъ иностраннаго импорта. Но таможенная политика начала считаться съ тѣмъ, что

было необходимо для индустріи, чтобы выйти изъ ея состоянія безпомощности, соотвѣтственно регулировались и таможенно-тарифныя ставки, и уже въ одномъ этомъ заключался значительный шагъ впередъ по сравненію съ прошлымъ. Теперь стремились уже не только защищать и охранять, но и—воспитывать.

Пробужденіе новаго торгово-политическаго духа отразилось также въ сороковыхъ годахъ на *сельскомъ хозяйствѣ* и *торговлѣ*. Соотвѣтственные стимулы исходили при этомъ главнымъ образомъ изъ условій мірового хозяйства.

Вслѣдствіе проведенія первыхъ желѣзныхъ дорогъ Россія оказалась болѣе тѣсно связанной съ міровымъ рынкомъ, обнаруживавшимъ замѣтное вліяніе на торговые интересы и аграрное хозяйство всей страны. Это вынуждало выйти изъ прежняго пассивнаго состоянія. Прежде довольствовались тѣми неправильными и случайными выгодами, которыя давала пассивная торговля, производимая преимущественно иностранцами; теперь, съ все возрастающимъ значеніемъ экспорта сельскохозяйственныхъ продуктовъ, которымъ рельсовые пути открыли широкій и удобный путь за границу, необходимо было проявить въ отношеніи внѣшней торговли болѣе активную дѣятельность. Зерно, отливавшее изъ Россіи на Западъ, встрѣчало тамъ на рынкѣ опаснаго соперника въ видѣ заокеанскаго хлѣба. Вывозная торговля не могла уже, какъ это дѣлалось при прадѣдахъ, спокойно и беззаботно ждать спроса, который появится самъ собою; приходилось принимать мѣры къ сохраненію и укрѣпленію ея положенія на міровомъ рынкѣ. Это создавало новыя обязанности и большую отвѣтственность; необходимо было проявить самостоятельную инипіативу, чтобы не оказаться совершенно вытѣсненными. При такихъ условіяхъ вывозныя пошлины на продукты сельскаго хозяйства являлись тяжелымъ бременемъ и, несмотря на ихъ фискальное значеніе, они должны были пасть. Если они и не были отмѣнены тотчасъ же и полностью, то все же эта отмѣна была уже предрѣшена самымъ фактомъ вовлеченія Россіи въ круговоротъ мірового хозяйства.

Министръ финансовъ Канкринъ (1823—1844 г.) не считался въ должной мѣрѣ съ измѣнившимися условіями внѣшней торговли и неизбѣжными послѣдствіями этой перемѣны, такъ какъ вліяніе своей ультра - протекціонисткой системы онъ сравнивалъ съ результатами еще болѣе старой, прямо запретительной таможенной политики и легко могъ придти къ заключенію, что сравненіе выходитъ въ пользу его собственной хозяйственно-политической «системы». Но какъ только Канкринъ ушелъ съ своего поста руководителя народнымъ хозяйствомъ, обнаружилась могущественная оппозиція противъ политики суроваго протекціонизма и постепенно изчезли послѣдніе остатки вывозныхъ пошлинъ. Россія, настойчиво стремившаяся къ пробужденію своихъ внутреннихъ производительныхъ силъ, нуждалась для этого въ либеральной торговой системѣ.

Характеръ *третьяго* періода торговой и таможенной политики, также обнимающаго около четверти вѣка, былъ предрѣшенъ уже

указанными тенденціями къ все усиливающемуся покровительству внутренней промышленности. Индустрія, перерабатывающая сырые продукты—которая не сумѣла выйти изъ своего младенческаго состоянія, несмотря на самую усиленную таможенную защиту противъ иностранной конкуренціи—должна была теперь оживиться вслѣдствіе открытія доступа иностранному сырью. Таможенный тарифъ 1851 г. ввелъ первыя дѣйствительныя облегченія для импорта желѣза, а послѣдующіе таможенно-тарифные законодательные акты до 1880 г. разрѣшали машиностроительнымъ и другимъ металлургическимъ предпріятіямъ безпошлинный ввозъ желѣза, машинныхъ частей и т. д. Вслѣдствіе этого расцвѣли такъ называемые перерабатывающіе заводы, и товарный импортъ получилъ существенно другой характеръ. «Фритредерскія» тенденціи этого періода, безъ сомнѣнія, задержали развитіе національной индустріи именно въ томъ направленіи, которое имѣло наибольшее значеніе, такъ какъ желѣзныя дороги, широко развившіяся при помощи иностраннаго матеріала, вызвали интенсивный и все возраставшій желѣзный «голодъ». Для удовлетворенія его представлялось необходимымъ усиленно содѣйствовать созданію и развитію южно-русской горной промышленности, для процвѣтанія которой имѣлись на лицо всѣ необходимыя условія производства и сбыта. Къ этому присоединилось еще, что ростъ внѣшней задолженности государства дѣлалъ настоятельно необходимымъ значительное улучшеніе торговаго баланса, такъ какъ въ противномъ случаѣ «дань иностраннымъ государствамъ» грозила серьезной опасностью внутреннему золотому запасу. Изъ этихъ и другихъ соображеній покровительственнаго и финансово-политическаго характера вытекла необходимость положить конецъ фритредерскимъ начинаніямъ этого третьяго періода торговой и таможенной политики.

Съ введеніемъ золотой пошлины (въ 1877 г.) начинается поворотъ таможенной политики къ высокому таможенному обложенію. Въ особенности въ восьмидесятыхъ годахъ таможенная защита все усиливается, чтобы широко развить и націонализировать промышленность, основанную на эксплоатаціи внутреннихъ природныхъ богатствъ. Одновременно съ тѣмъ чрезмѣрно форсируется хлѣбный экспортъ. Въ этомъ *четвертомъ* періодѣ (1877—1891 гг.) торговля находится подъ знакомъ меркантилистическаго фискализма, для котораго огромное преобладаніе экспорта равносильно процвѣтанію народнаго хозяйства. Это—эпоха «системы Вышнеградскаго», стремившейся главнымъ образомъ къ скопленію возможно болѣе значительнаго золотого запаса въ видахъ подготовки валютной реформы («золотая политика») и пользовавшейся для этой цѣли также и вывозною торговлей.

Торговая политика *новѣйшаго времени*, руководимая министромъ финансовъ Витте (1892—1903 гг.), характеризуется отказомъ отъ строго проводившагося до тѣхъ поръ принципа таможенно-тарифной автономіи; эта тенденція выразилась въ заключеніи торговой конвенціи съ Франціей (1893 г.), русско-германскаго

торговаго договора 1894 г. и послѣдующихъ договоровъ съ другими державами. Таможенная политика отказалась отъ чуждой критики переоцѣнки значенія балансовыхъ цифръ и стремилась приспособиться къ экономическимъ условіямъ производства. *Экспортъ*, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ золотой валюты, продолжаетъ, правда, энергично поощряться, но безъ примѣненія мѣръ искусственнаго форсированія хлѣбной торговли. Тѣмъ большія прилагались усилія къ спеціализаціи предметовъ экспорта, упорядоченію торговаго оборота и созданію торговой организаціи, къ поддержанію отдѣльныхъ отраслей экспорта и ознакомленію съ рынками сбыта. Въ отношеніи *ввоза*, отчасти связаннаго таможенно-тарифными ставками торговыхъ договоровъ, какъ и прежде, шли рука объ руку покровительственныя, фискальныя и финансово-политическія соображенія. Въ теченіе всего періода съ 1877 г. и до настоящаго времени продолжали съ непоколебимой убѣжденностью развивать и усиливать таможенное покровительство, несмотря на нѣкоторыя видимо непослѣдовательныя уклоненія отъ системы.

Сравнивая *развитіе таможенной политики въ Россіи* въ теченіе XIX вѣка съ таможенной политикой сосѣдней *Пруссіи—Германіи*, мы встрѣчаемъ здѣсь поражающій параллелизмъ явленій въ эволюціи обоихъ сосѣднихъ государствъ. Мы указывали уже, какъ теченія и теоріи, господствовавшія въ первую половину вѣка въ Западной Европѣ, находили свое отраженіе и въ Россіи (ср. гл. 12). Многія родственныя черты можно прослѣдить и впослѣдствіи по ту и по сю сторону границы. Это относится въ частности къ «фритредерскому» періоду съ середины вѣка до конца семидесятыхъ годовъ. Впрочемъ, Россія и тогда шла самостоятельнымъ путемъ, нельзя даже утверждать, чтобы умѣренный протекціонизмъ пятидесятыхъ годовъ явился въ Россіи результатомъ подражанія сосѣду. Такъ, несомнѣненъ фактъ, что уже въ 1845 г. англійское правительство, по иниціативѣ извѣстнаго ея государственнаго дѣятеля и апостола свободной торговли Роберта Пиля, сдѣлало въ Петербургѣ представленіе объ уменьшеніи ввозныхъ пошлинъ для опредѣленныхъ продуктовъ англійскаго экспорта, и это предложеніе было принято благосклонно и передано министру финансовъ для обсужденія. Если въ Пруссіи проповѣдникомъ свободной торговли явился иммигрантъ-англичанинъ Prince-Smith, то и въ Россіи во главѣ движенія стоялъ также иностранецъ, Тенгоборскій. Но это все частности; мы должны имѣть въ виду только господствовавшія руководящія идеи.

Какъ обстояло дѣло въ *Германіи*? Протекціонизмъ достигъ здѣсь высшаго своего развитія къ 1848 году, и затѣмъ намѣчается уже поворотъ къ принципамъ большей свободы торговли. Все сильнѣе проявляющееся фритредерское теченіе находитъ сперва приверженцевъ въ средѣ теоретиковъ, которые только постепенно сумѣли объединить вокругъ себя для совмѣстной дѣятельности своихъ единомышленниковъ на конгрессѣ нѣмецкихъ сельскихъ хозяевъ. Рядомъ съ торговлей тогда, какъ извѣстно, энергично

выступило противъ покровительственной политики и сельское хозяйство. Живительное дѣйствіе этой эпохи нѣмецкаго «фритредерства» на всю хозяйственную жизнь страны многократно выяснялось уже въ литературѣ вопроса. Но одновременно съ оживленіемъ выростала и старая противоположность между свободной торговлей и покровительственной пошлиной. Развивающаяся внутренняя индустрія, сильно стѣсненная массовымъ импортомъ иностранныхъ индустріальныхъ продуктовъ, рѣзко сталкивалась въ своихъ интересахъ съ интересами торговли. Вокругъ старыхъ лозунговъ группировались партіи въ народѣ, какъ и въ правительствахъ. Въ окончательномъ результатѣ побѣду одержалъ принципъ защиты національнаго труда и внутренняго рынка. [1])

Въ Россіи, какъ и въ Германіи, уже въ шестидесятыхъ годахъ раздавались многочисленныя жалобы на нарушеніе интересовъ отечественной промышленности слишкомъ широкимъ поощреніемъ ввозной торговли. Возвратъ къ крайнему покровительству былъ уже только вопросомъ времени.

Въ то самое время, когда Россія въ своемъ таможенномъ тарифѣ 1868 г.—по выраженію ультра-протекціонистовъ—«хоронила» свою промышленность, таможенный союзъ, руководимый Дельбрюкомъ, былъ настолько проникнутъ «страстью къ свободной торговлѣ», что прусское правительство считало нужнымъ умѣрить эти фритредерскія тенденціи на основѣ принциповъ реальной политики. Рядомъ съ ганзейскими городами и сельскіе хозяева восточной Германіи стояли тогда въ первыхъ рядахъ въ своихъ мечтаніяхъ о полной свободѣ торговли, которой должны были быть принесены въ жертву и послѣдніе остатки протекціонизма—желѣзныя пошлины. [2])

Въ нѣмецкой экономической литературѣ нерѣдко высказывается упрекъ, что только протекціонистское теченіе, проложившее себѣ пути въ Германіи въ концѣ семидесятыхъ годовъ, послужило и для другихъ государствъ поводомъ открыто порвать съ принципами свободной торговли. Это утвержденіе противорѣчитъ историческимъ фактамъ. Во Франціи возвратъ къ протекціонизму былъ подготовленъ уже вскорѣ послѣ паденія Наполеона III. Въ союзѣ нижне-

---

[1]) Исторія свидѣтельствуетъ, что политическіе мотивы оказывали на торговую и экономическую политику Пруссіи до заключенія торговаго договора съ Франціей (1862 г.) болѣе сильное вліяніе, чѣмъ народно хозяйственныя соображенія. Созданный конституціей германскаго союза дуализмъ обусловилъ борьбу между Пруссіей и Австро-Венгріей за политическое преобладаніе. Возрождающаяся великая держава, Пруссія, стремилась къ гегемоніи въ союзѣ и старалась въ сферѣ экономической жизни совершенно исключить Австро-Венгрію, гдѣ это только оказывалось возможнымъ. Это повело за собою ожесточенную борьбу за образованіе германскаго таможеннаго союза.

[2]) „Дельбрюкъ, какъ и большинство депутатовъ разсматривалъ теоріи классической политической экономіи, какъ непререкаемыя истины. Свобода индивида во всѣхъ направленіяхъ была ихъ идеаломъ; и поэтому постоянной цѣлью ихъ являлась полная свобода какъ въ проявленіи личныхъ силъ, такъ и въ удовлетвореніи потребностей общества“ (*Zimmermann*, Die Handelspolitik des Deutschen Reiches, 2 изд. 1901, стр. 221).

австрійскихъ промышленниковъ уже къ концу 1874 г. указывалось на необходимость болѣе интенсивной защиты внутренней индустріи въ ея борьбѣ съ иностранной конкуренціей. Конгрессъ австрійскихъ сельскихъ хозяевъ высказался уже въ началѣ 1875 г. за расторженіе существующихъ торговыхъ договоровъ. А съ другой стороны, и извѣстный венгерскій экономистъ д-ръ Matlekovits не отрицаетъ, что въ Германіи въ 1875 г. не было еще и слѣда тѣхъ протекціонистскихъ тенденцій, которыя проявились въ тарифѣ 1879 г. [1])

Въ Австріи протекціонистское теченіе уже въ 1875 г. настолько усилилось, что правительство оказалось вынужденнымъ еще въ декабрѣ того же года предложить пересмотръ договора 1868 г. съ Германіей. Бисмаркъ сумѣлъ помѣшать осуществленію этого проекта, но хорошо понималъ, что всякая перемѣна въ отношеніяхъ съ Австріей неизбѣжно будетъ связана съ значительнымъ повышеніемъ пошлинъ противной стороною. Онъ воздержался поэтому провести полную отмѣну пошлинъ на желѣзо, рѣшенную въ 1873 г. и предположенную къ осуществленію къ 1 января 1877 г.; онъ не хотѣлъ «заранѣе пожертвовать въ интересахъ Австріи лучшимъ своимъ оружіемъ, ничего не получая взамѣнъ». Но въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ уступить настояніямъ всего министерства и рейхстага: 1 января 1877 г. были отмѣнены въ Германіи послѣднія пошлины на желѣзо, свобода торговли одержала блестящую побѣду. И это произошло почти въ то самое время, когда «фритредерская» Россія введеніемъ золотой пошлины удорожила свой импортъ на 30%. Уже 1 декабря 1876 г. рейхстагу пришлось заняться интерпелляціей депутата Рихтера о томъ, что намѣренъ предпринять имперскій канцлеръ для защиты нѣмецкой индустріи въ виду повышенія русскихъ пошлинъ? Утвержденіе, будто Германская имперія подала другимъ государствамъ «дурной» примѣръ въ вопросѣ о протекціонизмѣ, падаетъ уже въ силу одного этого обстоятельства. [2])

Движеніе противъ «всеисцѣляющей» фритредерской догмы возникло, правда, въ Германіи уже за много лѣтъ раньше, прежде всего въ отдѣльныхъ заинтересованныхъ кругахъ, но еще не окрѣпло настолько, чтобы своевременно предотвратить послѣдній ударъ доктринеровъ свободной торговли. Особенно оживленную агитацію вели представители нѣмецкой желѣзной индустріи, которая могла чрезвычайно широко развивать свое производство вслѣдствіе

---

[1]) *Mat'ekovits*, Die Zollpolitik der österreichisch-ungarischen Monarchie und des Deutschen Reiches seit 1868, Leipzig 1891. Ср. также „Deutsche Industrie" (теперь „Deutsche Industrie-Zeitung") 1894, № I и II.

[2]) „Когда реформа къ 1 января 1877 г. была доведена до конца, всѣ сырые матеріалы и желѣзо получили безпошлинный доступъ, въ то время какъ текстильныя производства, опредѣленныя отрасли химической индустріи и т. д. еще долго пользовались весьма умѣренной таможенной защитой". (*Lotze*, Die Ideen der deutschen Handelspolitik von 1860 bis 1891, (Leipzig, 1892), стр. 86).

постройки многочисленныхъ желѣзныхъ дорогъ. Одинъ весьма умѣренный протекціонистъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ тогдашнее положеніе:

„Чѣмъ могущественнѣе становилась Германская Имперія, тѣмъ менѣе она слѣдовала примѣру другихъ государствъ—употреблять свою силу на прямое усиленіе своего экспорта и вліянія, тѣмъ незначительнѣе были ея успѣхи въ торгово-политической сферѣ! Она сидѣла, сложа руки, самымъ либеральнымъ образомъ открыла свои границы для другихъ государствъ и ожидала всего отъ дѣйствія теоріи и политики свободной торговли. Рабски подражали примѣру Англіи, не уяснивъ себѣ огромныхъ географическихъ и хозяйственныхъ различій между обоими государствами. Совершенно забывали, что бѣдная страна съ двумя только міровыми портами, гдѣ уголь копаютъ на большой глубинѣ, далеко отъ рѣкъ и моря, а желѣзная руда частью импортируется еще извнѣ, не можетъ быть приравнена къ такому государству, гдѣ и желѣзо, и уголь добываются въ непосредственной близости моря, гдѣ множество лучшихъ портовъ привлекаетъ торговлю изъ всѣхъ частей міра и гдѣ капиталистъ почти уже не знаетъ, куда ему помѣстить свои деньги“. [1])

Далѣе, одинъ ученый, рѣшительно примыкающій къ фритредерскимъ воззрѣніямъ, замѣчаетъ по поводу «измѣнившагося пре-преобладающаго настроенія:»

„Методъ, общее воззрѣніе, способъ аргументаціи нѣмецкихъ школьныхъ фритредеровъ представляли вѣрную копію съ англійскаго. Въ Англіи теорія совершенно совпадала съ интересами экспортирующей индустріи. Въ Германіи, напротивъ того, она была: чѣмъ болѣе дѣломъ вѣры, тѣмъ нетерпимѣе во всѣхъ сферахъ. На основѣ принципа laisser faire рѣшались не только проблемы торговой политики, но и рабочій вопросъ, вопросы промышленности, аграрные“. [2])

Даже «чистый» фритредеръ вынужденъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе:

„Одинъ важный моментъ поддержалъ движеніе въ Германіи. Тотъ фактъ, что въ другихъ странахъ идея свободной торговли не только не дѣлала никакихъ успѣховъ, но прямо регрессировала, что въ частности сосѣднія съ Германіей государства,-Австро-Венгрія и Россія, а также Франція, вернулись къ болѣе интенсивному протекціонизму; могла ли Германія, отрѣзанная отъ этихъ высоко важныхъ, естественныхъ сферъ ея сбыта, сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ для могущественной англійской и бельгійской промышленности, которыя—чѣмъ болѣе странъ переходили къ таможенной защитѣ—тѣмъ настойчивѣе стали бы искать сбыта, не затрудненнаго таможенной

---

[1]) *Zimmermann*, Handelspolitik des Deutschen Reichs, стр. 230.
[2]) *Lotze*, Die Ideen der deutschen Handelspolitik von 1860 bis 1891, стр. 120.

стѣной! При такихъ условіяхъ необходимо было озаботиться по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы сохранить за отечественной индустріей собственный рынокъ!". [1])

Несмотря на то, рѣшительный переходъ къ новому порядку совершался крайне медленно, какъ это можно видѣть и изъ перваго полу - офиціальнаго заявленія о предположенной таможенной реформѣ (въ «Provinzial-Korrespondenz» отъ 10 апрѣля 1878 г.).

„*Какъ въ сферѣ налоговой политики, такъ и въ таможенной политикѣ имперіи намѣренія канцлера направлены на то, чтобы таможенные вопросы разрѣшались не на основѣ теоретическихъ конструкцій и догмъ, а согласно требованіямъ фактическаго положенія вещей и въ соотвѣтствіи съ дѣйствительными потребностями народа. Наша торговая политика въ самой широкой мѣрѣ санкціонируетъ принципъ свободной торговли, и преимущества послѣдней сами по себѣ не могутъ подлежать сомнѣнію, поскольку при этомъ сохраняется взаимность между народами,—безъ взаимности свобода торговли вредитъ тѣмъ, кто склоненъ „благородно" принести себя въ жертву принципу. Если такая точка зрѣнія получитъ господство въ финансовой политикѣ Германской имперіи, то дѣло коснется прежде всего повышенія такъ называемыхъ финансовыхъ пошлинъ; поскольку при этомъ окажется возможнымъ, путемъ пересмотра таможеннаго тарифа, содѣйствовать защитѣ отечественной индустріи, финансовая политика не отступитъ отъ этого изъ приверженности къ теоріи и изъ боязни передъ торгово-политическими шаблонными формулами*".

Указанные здѣсь руководящіе принципы предстоящаго пересмотра тарифа еще въ августѣ того же года были одобрены всѣми германскими министрами финансовъ, собравшимися для совмѣстнаго обсужденія вопроса въ Гейдельбергѣ. Быстро послѣдовавшія другъ за другомъ событія, превратившія таможенно-политическій переворотъ въ совершившійся фактъ, слишкомъ извѣстны для того, чтобы подробно на нихъ останавливаться [2]). Быть можетъ, и агитація примкнувшихъ тѣмъ временемъ къ протекціонизму представителей промышленности и сельскаго хозяйства, а также хозяйственно-политическія воззрѣнія имперскаго канцлера и послужили послѣднимъ толчкомъ при пересмотрѣ тарифа въ 1879 г., но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что вызвавшіе реформу факторы въ значительной мѣрѣ обусловливались направленіемъ торговой политики иностранныхъ государствъ, въ которыхъ получили преобладаніе протекціонистскія тенденціи. Въ заявленіяхъ какъ промышленниковъ, такъ и аграріевъ многократно повторяется мысль, что Германская имперія не должна выступать «безоружной» въ борьбѣ съ

---

[1]) *Gothein*, Der deutsche Aussenhandel, т. I, стр. 65.

[2]) Исчерпывающія данныя у *Lotze, Zimmermann'a, v. Poschinger'a* („Dokumente zur Geschichte der Wirtschaftspolitik in Preussen und im Deutschen Reiche").

иностранной коркуренціей. И самъ имперскій канцлеръ кн. Бисмаркъ, мотивируя въ рейхстагѣ происшедшую перемѣну системы, многократно указывалъ въ своихъ рѣчахъ 1876 и 1878 г. на экономическую политику Австріи и Россіи, которыя принудили его къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ въ отношеніи импорта изъ этихъ государствъ, чтобы не оказаться обойденнымъ, а по мѣрѣ возможности побудить ихъ умѣрить ихъ протекціонистскія тенденціи. Равнымъ образомъ и мотивы къ таможенному тарифу 1879 г. отмѣчаютъ тяжкій ущербъ для германской промышленности, вызванный повышеніемъ пошлинъ въ Россіи, Австріи, Италіи, Франціи и Сѣв. Америкѣ. Пошлины аграрныя, на лѣсные матеріалы и на скотъ имперскій канцлеръ прямо назвалъ «оружіемъ», которое онъ вынужденъ былъ ввести въ свою таможенную программу, чтобы бороться противъ усиленнаго протекціонизма Россіи и Австріи. Если безпристрастно разсмотрѣть торгово-политическія отношенія въ европейскихъ государствахъ въ серединѣ семидесятыхъ годовъ, то надо будетъ сказать, что въ германскомъ таможенномъ тарифѣ 1879 г. только отразилась та протекціонистская волна, которая уже задолго передъ тѣмъ высоко поднялась, напримѣръ, во Франціи, приступившей въ 1875 г. къ пересмотру тарифа, въ Австро-Венгріи и Италіи, выработавшихъ въ 1878 г. свои протекціонистскіе тарифы.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ средней Европѣ начинается новый торгово-политическій періодъ, который характеризуется дальнѣйшимъ развитіемъ таможенной автономіи и подготовительными работами къ торговымъ договорамъ позднѣйшаго времени. Инициатива принадлежала и здѣсь другимъ государствамъ, за которыми Германія только слѣдовала. Такъ, Италія ввела въ серединѣ 1887 г. новый повышенный таможенный тарифъ, Австро-Венгрія усилила свою таможенную защиту при пересмотрахъ тарифа въ 1882 и 1887 г., Швейцарія подготовляла переходъ отъ свободной торговли къ протекціонизму, а Франція значительно повысила свои пошлины въ тарифѣ 1892 г. Въ *Россіи* строгій протекціонизмъ уже получилъ въ восьмидесятыхъ годахъ полное господство. «Націонализація» крупной промышленности составляла въ то время у нашего восточнаго сосѣда тему, изъ-за которой было пролито много чернилъ. [1])

Германская имперія, послѣ важной реформы 1879 г., лишь весьма умѣренно слѣдовала за другими государствами съ ихъ усиленнымъ протекціонизмомъ. Во всякомъ случаѣ, нѣмецкій таможенный тарифъ 1879 г., какъ это признаютъ и его противники фритредерскаго лагеря, являлся по сравненію съ возведенными въ другихъ странахъ таможенными стѣнами—отрокомъ Давидомъ рядомъ съ Голіафомъ. Германія и впослѣдствіи сохранила свои умѣ-

---

[1]) Центръ литературной полемики составлялъ вопросъ о пошлинахъ на желѣзо. Ср. гл. 28.—О тенденціяхъ протекціонистскаго теченія вообще и въ частности о пошлинахъ на желѣзо ср. гл. 29 и 33.

ренныя тарифныя ставки. Измѣненіе пошлинъ въ 1881 г. (мука, виноградныя ягоды, сукно) было произведено въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Повышеніе пошлинъ на лѣсные матеріалы было отклонено рейхстагомъ въ 1883 г. Нѣмецкая тарифная новелла 1885 г. также была весьма сдержанной по сравненію съ рѣшительными мѣрами другихъ государствъ. Наконецъ, новелла 1887 г., послѣдній шагъ передъ торговыми договорами, хотя и повысила хлѣбныя пошлины, но должна была быть признана недостаточной, если принять во вниманіе, что съ этимъ тарифомъ было приступлено къ переговорамъ о торговыхъ конвенціяхъ, и если, далѣе, сравнить его съ усиленнымъ вооруженіемъ другихъ государствъ.

Германія имѣла въ то время, какъ это подтверждается многочисленными заявленіями заинтересованныхъ въ экспортѣ круговъ, вполнѣ достаточный поводъ къ недовольству русской таможенной политикой. При повышеніи нѣмецкихъ хлѣбныхъ пошлинъ надо было поэтому считаться съ необходимостью создать противовѣсъ таможенно-политическимъ мѣропріятіямъ Россіи. По крайней мѣрѣ, изъ указаній Барона Маршала при обсужденіи русско-германскаго торговаго договора видно, что «и пяти-марковая пошлина 1887 года была только реакціей противъ повышенія въ 1887 году русскихъ пошлинъ, въ частности пошлинъ на желѣзо, а также дифференціальныхъ пошлинъ на желѣзо и уголь. Если теперь мы уменьшимъ эту пошлину, то только тогда, когда Россія съ своей стороны сдѣлаетъ уступки». [1])

Германской имперіи не удавалось до 1894 года заключить торгово-политическое соглашеніе съ Россіей, хотя съ большинствомъ другихъ государствъ она уже состояла въ договорныхъ отношеніяхъ съ 1879 года. Фиксація тарифныхъ ставокъ не была, правда, санкціонирована этими соглашеніями, но ими гарантировалось, по крайней мѣрѣ, наибольшее благопріятствованіе. Въ нашихъ отношеніяхъ къ Россіи мы не могли считать себя даже наиболѣе благопріятствуемой державой послѣ того, какъ русскія дифференціальныя пошлины оттѣснили нѣмецкій импортъ на задній планъ. Товарный экспортъ Германіи въ Россію включая Финляндію, который еще въ 1880 г. выразился въ суммѣ 215 мил. марокъ, упалъ вслѣдствіе этого уже въ 1887 г. до 124 мил. мар. Хотя въ ближайшіе годы экспортъ оживился вслѣдствіе болѣе высокаго курса бумажнаго рубля, но это обстоятельство послужило поводомъ къ новому повышенію пошлинъ, вызвавшему дальнѣйшее сокращеніе нѣмецкаго сбыта. [2]) Въ этомъ смыслѣ мы можемъ съ удовлетвореніемъ признать, что торговый договоръ 1894 г. былъ «актомъ спасенія».

---

[1]) Протоколы рейхстага, годъ 1894, 57 засѣданіе.

[2]) На закрытіе автономнымъ русскимъ таможеннымъ законодательствомъ русскаго рынка для чужихъ индустріальныхъ продуктовъ жалуется также объяснительная записка къ договору о торговлѣ и мореплаваніи между Германской имперіей и Россіей (Druckschriften des Reichstags, neunte Legislaturperiode II Session 1893—94, № 190).

ГЛАВА LVI.

А. На пути къ новому русско-германскому торговому договору.—Оцѣнка тарифнаго договора 1894 г.—Стремленіе Россіи къ тарифной автономіи и простому благопріятствованію.—Необходимость отказа отъ тарифной автономіи.—Общій таможенный тарифъ 13 января 1903 г.

Русское правительство, какъ мы видѣли уже выше (гл. 35), встрѣтило заключеніе русско-германскаго торговаго договора 29 января (10 февраля) 1894 г. съ чувствомъ явнаго удовлетворенія, какъ мирный исходъ недружелюбно-напряженнаго состоянія. Но какъ ни благопріятны были испрошенныя заключенія объ условіяхъ договора, рѣшительная оцѣнка послѣдняго не была возможна въ началѣ его дѣйствія. Для сужденія о договорѣ мало существенны были также отдѣльныя осложненія и недоразумѣнія, которыя, какъ тоже упомянуто уже нами, отъ времени до времени возникали за время дѣйствія договора при его истолкованіи. Договоръ во всей совокупности его опредѣленій могъ быть оцѣненъ по достоинству только ex post facto, когда договорный срокъ уже истекалъ.

Достаточно извѣстно, какая широкая и страстная агитація велась противъ русско-германскаго договора 1894 г. въ *Германіи*, когда былъ поставленъ на очередь вопросъ о возобновленіи соглашенія. На тѣхъ упрекахъ, которые дѣлались по адресу договора нѣмецкими аграріями и частью промышленниковъ, намъ не приходится здѣсь останавливаться, такъ какъ задача наша ограничивается анализомъ *русской* хозяйственной жизни. Замѣтимъ, однако, что большинство націи, судя по ея законодательному представительству, несомнѣнно признало справедливость этихъ упрековъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ новый германскій таможенный тарифъ 25 декабря 1902 г. не могъ бы получить законодательной санкціи.

Въ виду приготовленій, которыя дѣлались другими государствами, русское финансовое управленіе не могло, конечно, оставаться празднымъ къ тому времени, когда истекалъ срокъ дѣйствія старыхъ договоровъ. Заявленіе министерства, относящееся къ ноябрю 1901 г. сообщаетъ, что министерство финансовъ серьезно озабочено судьбою будущихъ торговыхъ соглашеній; были собраны необходимыя свѣдѣнія о положеніи отечественной промышленности и организовались по мѣрѣ надобности спеціальныя изслѣдованія отдѣльныхъ отраслей индустріи; тщательно выяснились, далѣе, характеръ и значеніе внѣшней торговли и соотвѣтствіе дѣйствующаго таможеннаго тарифа потребностямъ народнаго хозяйства.

При такомъ пересмотрѣ не могло не обнаружиться цѣлаго ряда стремленій и пожеланій, до сихъ поръ остававшихся невыполненными. Но что касается стараго договора какъ цѣлаго, то и послѣ критической его оцѣнки финансовое управленіе, повидимому, пришло къ убѣжденію, что онъ принесъ народному хозяйству весьма значительныя выгоды. Въ одномъ полу-оффиціальномъ заявленіи ор-

гана министерства финансовъ особо отмѣчается, какъ благодѣтельное послѣдствіе договора, увеличеніе русскаго хлѣбнаго экспорта въ Германію въ девятидесятыхъ годахъ; это весьма благопріятно отразилось на активности торговаго баланса. [1])

Чтобы выяснить вопросъ, которое изъ обоихъ договаривающихся государствъ извлекло изъ торговаго договора большую выгоду, министерскій органъ сопоставляетъ цифры стоимости взаимнаго импорта въ германско-русскомъ товарообмѣнѣ. Какъ извѣстно, цифры нѣмецкой и русской торговой статистики значительно разнятся между собою. Вѣстникъ финансовъ» допускаетъ, что цифры *экспорта* не могутъ дать такой вѣрной картины товарообмѣна, какъ статистика *импорта*, другими словами—что для нѣмецко-русскаго торговаго баланса *нѣмецкая* статистика даетъ болѣе надежный масштабъ, поскольку дѣло касается *импорта* въ Германію.

На основаніи этихъ данныхъ германско-русскій товарный балансъ представляется въ слѣдующемъ видѣ (въ милліонахъ рублей):

Годы.	Ввозъ въ Германію.	Ввозъ въ Россію.	Разница въ пользу Россіи.
1894 . . .	251,8	143	+108,8
1895 . . .	263,3	175,6	+ 87,7
1896 . . .	293,8	190,2	+103,6
1897 . . .	327,9	179,9	+148
1898 . . .	340,9	202,2	+138,7
1899 . . .	324,8	230,9	+ 93,9
1900 . . .	331,7	216,9	+114,8
1901 . . .	331,7	211	+120,7
1902 . . .	358,2	208	+150,2

Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, торговый балансъ между Германіей и Россіей складывался подъ дѣйствіемъ договора чрезвычайно благопріятно для Россіи. Германія—читаемъ мы далѣе въ оффиціозномъ заявленіи—занимала по даннымъ русской статистики первое мѣсто во внѣшней торговлѣ Россіи; по германской статистикѣ русскій импортъ въ Германію стоитъ на второмъ мѣстѣ (послѣ Соед. Штатовъ). Общая стоимость импортированныхъ въ Германію русскихъ продуктовъ, подходящихъ подъ дѣйствіе конвенціоннаго тарифа, составила: въ 1894 г. 100,5 мил. руб., въ 1895 г. 139,9 мил. руб., въ 1896 году 160,7 милл. руб., въ 1897 году 168,3 милл. руб., въ 1898 г. 194,4 мил. руб., въ 1899 г. 131,1 и въ 1900 г. 152,3 милліона рублей. Изъ указанныхъ суммъ четыре главныхъ вида зерна могли составить около половины. Сократился импортъ русской *пшеницы*, не только въ Германію, но и въ Англію, мѣсто которыхъ заняли Италія и Франція. Русская же *рожь* сохранила свое преобладаніе въ Германіи за все время дѣйствія торговаго договора.

Изъ цифръ товарнаго баланса цитированный органъ полагаетъ возможнымъ вывести заключеніе, что договоръ содѣйствовалъ *эк-*

[1]) Вѣстн. фин. 1904 г., № 34.

спорту изъ Россіи, *ввозъ* же, напротивъ того, онъ расширилъ только умѣренно. Въ частности русская, хлѣбная торговля извлекла выгоду изъ того, что германскія пошлины на хлѣбъ были уменьшены въ 1894 г., именно для пшеницы и ржи (въ русскихъ деньгахъ) на 17,67 коп. зол. съ пуда, что по сравненію съ общимъ тарифомъ, было равносильно уменьшенію на 7,63 коп; далѣе для овса на 14,14 коп., (т. е. уменьшеніе на 6,10 коп.), для ячменя на 10,10 коп. (т. е. на 1,28 коп. меньше чѣмъ по общему германскому таможенному тарифу). Не столь благопріятно—читаемъ мы далѣе—положеніе Германіи, гдѣ выгоды, извлекаемыя аграріями изъ хлѣбныхъ пошлинъ, уравновѣшиваются обремененіемъ всѣхъ остальныхъ классовъ населенія болѣе высокими цѣнами на хлѣбъ.

Если приведенныя указанія на большую выгодность договора для России сдѣлано искренне, то это могло бы служить аргументомъ въ пользу права Германіи повысить ея хлѣбныя пошлины. Теперь, впрочемъ,—когда Россія уже согласилась въ новомъ торговомъ договорѣ на повышеніе пошлинъ на хлѣбъ—такой аргументъ является, конечно, излишнимъ.

Въ виду твердой рѣшимости германскаго правительства дать стѣсненному сельскому хозяйству болѣе сильную таможенную защиту, не могло съ самаго начала подлежать сомнѣнію, что новое соглашеніе существенно видоизмѣнитъ договоръ 1894 г. Русскому правительству оставалось только рѣшить желательна ли вообще при такихъ условіяхъ фиксація таможенно-тарифныхъ ставокъ.

Какъ извѣстно, Россія во всѣхъ торговыхъ договорахъ, заключенныхъ съ иностранными государствами до 1893 г., сохраняла за собою свободу тарификаціи и въ 1893 г. только неохотно пошла на соглашеніе о высотѣ таможенно-тарифныхъ ставокъ. Такъ какъ заранѣе была исключена возможность того, чтобы новое соглашеніе было создано по образцу прежняго договора 1894 г., то для Россіи могло представиться желательнымъ построить новый договоръ съ Германіей исключительно на основѣ наибольшаго благопріятствованія и такимъ образомъ сохранить за собою полную свободу въ тарификаціи ввозныхъ пошлинъ. Намъ неизвѣстно, было ли когда либо сдѣлано въ Берлинѣ положительное предложеніе въ этомъ духѣ, но въ органѣ министерства финансовъ было въ свое время прямо выражено намѣреніе министерства вернуться къ тарифной автономіи, если возобновленіе торговаго договора 1894 г. окажется недостижимымъ. По этому поводу министерскій органъ дѣлаетъ слѣдующія указанія. Какъ бы высоко ни цѣнить развитіе торговыхъ сношеній съ иностранными государствами, но все-же во всѣхъ экономическихъ мѣропріятіяхъ необходимо прежде всего считаться съ собственными національными интересами. Этому принципу должна будетъ слѣдовать и Россія. Еслибы поэтому былъ санкціонированъ новый германскій таможенный тарифъ, основанный на началѣ «національнаго эгоизма», то Россія можетъ въ своемъ тарифѣ сообразоваться только съ потребностями собственной промышленности. При этихъ условіяхъ и новый торговый договоръ не могъ бы

связывать тарифной свободы договаривающихся сторонъ, а долженъ былъ бы ограничиться взаимнымъ предоставленіемъ правъ наибольшаго благопріятствованія. [1])

Указанное заявленіе отнюдь не являлось «угрозою», оно только выражало излюбленный принципъ русской торговой политики — тарифную автономію. Особая приверженность именно Россіи, по сравненію съ другими государствами, къ принципу таможенно-политической свободы объясняется разными практическими соображеніями. Для русскаго фиска ввозная торговля издавна являлась тою скалою, изъ которой Аароновъ жезлъ, именуемый таможеннымъ департаментомъ, могъ бы во всякое время по волшебству извлекать новые золотые источники. При такомъ положеніи дѣла неохотно допускаютъ вмѣшательство другого государства, и чѣмъ правдоподобнѣе возможность, что именно въ пошлинахъ будутъ искать средства для пополненія казны, тѣмъ болѣзненнѣе воспринимается закрытіе доступа къ этому золотому руднику. [2])

Для государствъ съ многочисленными фискальными пошлинами тарифная свобода, не ограниченная никакими международными обязательствами, гораздо важнѣе поэтому, чѣмъ для такихъ государствъ, которыя по общему правилу рѣшаются на повышеніе своихъ таможенныхъ ставокъ только въ силу тщательно взвѣшенныхъ протекціонистскихъ соображеній.

Съ другой стороны для Россіи, вывозящей главнымъ образомъ пищевые продукты и сырье, таможенно-тарифная автономія противной стороны менѣе опасна въ смыслѣ возможнаго воздѣйствія на ея экспортъ, чѣмъ при преобладаніи экспорта индустріальнаго. Связываетъ ли, напримѣръ, иностранное государство по договору свои пошлины на хлѣбъ и сырые продукты или же остается въ этой сферѣ автономнымъ, — по общему правилу это лишено значенія для импорта въ соотвѣтственную страну продуктовъ, необходимыхъ для народнаго продовольствія или индустріальнаго производства, такъ какъ импортъ не прекратится до тѣхъ поръ, пока спросъ не будетъ покрытъ полностью. Гораздо менѣе благопріятно такое положеніе для государствъ, экспортъ которыхъ, какъ въ Германіи, состоитъ преимущественно изъ индустріальныхъ продуктовъ. Экспортирующая индустрія сильнѣе испытываетъ на себѣ повышеніе пошлинъ на иностранныхъ рынкахъ, чѣмъ, напримѣръ, хлѣбный экспортъ, расширеніе или сокращеніе котораго обусловливается, кромѣ таможенной политики, многими другими факторами. Для индустріальнаго экспорта является, далѣе, условіемъ первостепенной важности, чтобы таможенныя ставки

---

[1]) Вѣстн. фин. отъ 25 ноября 1901 г.

[2]) И во время дѣйствія торговаго договора 1894 г. Россія значительно усилила свое таможенное обложеніе установленіемъ такъ называемыхъ китайскихъ пошлинъ для покрытія издержекъ похода противъ боксеровъ въ 1900 г. (ср. выше, стр. 169). Выборъ продуктовъ, подлежащихъ дополнительному обложенію, былъ, конечно, ограниченъ тарифными условіями торговаго договора. При извѣстныхъ условіяхъ такая несвобода дѣйствій можетъ быть весьма неудобной.

*

не подлежали произвольному измѣненію и оставались фиксированными въ теченіе болѣе или менѣе продолжительныхъ періодовъ времени. Такимъ образомъ, размѣры и характеръ экспорта играютъ значительную роль при разрѣшеніи вопроса: тарифная автономія или торговый договоръ? Отсюда понятно, почему стремленіе къ таможенно-тарифной автономіи проявляется въ Россіи сильнѣе, а склонность къ заключенію торговыхъ договоровъ съ тарифными соглашеніями — значительно слабѣе, по крайней мѣрѣ въ теоріи, чѣмъ въ другихъ государствахъ.

Въ 1894 г. Россіи пришлось отказаться отъ національнаго абсолютизма въ сферѣ таможенной политики въ интересахъ своихъ международныхъ торговыхъ отношеній; при подготовкѣ новаго торговаго соглашенія съ Германіей она также не могла не видѣть, что возобновленіе договорныхъ отношеній предполагаетъ фиксацію опредѣленнаго числа таможенно-тарифныхъ ставокъ. Тарифная автономія цѣнна въ концѣ-концовъ только какъ дополненіе *къ наибольшему благопріятствованію*. Безъ этой гарантіи равноправности со всѣми другими государствами въ вопросѣ о таможенномъ обложеніи важнѣйшихъ продуктовъ ея вывоза Россіи грозила бы опасность быть вытѣсненной изъ рынковъ ея конкуррентами. Въ интересахъ таможенно-тарифнаго равенства необходимо было пожертвовать тарифною автономіею, и даже болѣе того — необходимо было пойти на тарифныя уступки.

Въ сферѣ своихъ торговыхъ интересовъ Россія связана преимущественно съ средне-европейскими торговыми государствами; и она не могла поэтому не примкнуть къ той системѣ договоровъ, которою эти государства предопредѣлили основное направленіе своей новѣйшей торговой политики. Торговый договоръ безъ наибольшаго благопріятствованія не имѣлъ для Россіи никакой цѣны, а равноправіе съ другими государствами не было достижимо безъ тарифныхъ соглашеній,—этимъ было предрѣшено направленіе будущаго торговаго договора. Съ сознаніемъ этой необходимости Россія приступила къ подготовительнымъ работамъ.

Результатомъ организованныхъ министерствомъ финансовъ изслѣдованій и опросовъ явился *общій таможенный тарифъ 13 января 1903 г.*; послѣдній содержитъ въ себѣ нѣкоторыя настолько высокія ставки, что нетрудно было видѣть ихъ назначеніе — служить для компенсаціи при предстоящихъ переговорахъ по поводу возобновленія русско-германскаго торговаго соглашенія. [1]) Даже въ одномъ оффиціальномъ заявленіи по поводу новаго тарифа указывается, что введенныя въ тарифъ ставки должны служить базисомъ для могущихъ потребоваться уступокъ при заключеніи будущихъ торговыхъ

---

[1]) И въ дѣйствительности русско-германскій торговый договоръ 1904 г. понизилъ эти „пошлины на случай уступокъ“, которыя сама русская публицистика признавала въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ „преувеличенными“. Дифференцированіе импорта черезъ сухопутную и морскую границу для цѣлаго ряда продуктовъ также было введено уже съ самаго начала какъ объектъ для будущей компенсаціи.

договоровъ. [1]) Но вмѣстѣ съ тѣмъ при выработкѣ тарифа были приняты во вниманіе и тѣ требованія новой классификаціи и большей спеціализаціи товарнаго тарифа, а также увеличеніе тарифныхъ ставокъ, которыя остались невыполненными въ 1894 г. или обнаружились во время дѣйствія договора. Нельзя отрицать, что создавая такой генеральный тарифъ, который не долженъ былъ сразу вступить въ силу и изъ котораго, путемъ уничтоженія отдѣльныхъ его статей, долженъ былъ произойти конвенціонный тарифъ, Россія только послѣдовала примѣру, данному Германіей. Но неправильнымъ представляется намъ многократно высказывавшееся въ нѣмецкой публицистикѣ утвержденіе, будто Россія только вслѣдствіе измѣненій въ германскомъ таможенномъ тарифѣ оказалась вынужденной вновь повысить и свои таможенныя ставки. Если бы въ виду общихъ тенденцій русской таможенной политики съ 1894 г. и могло въ этомъ отношеніи возникнуть нѣкоторое сомнѣніе, то оно категорически опровергается цѣлымъ рядомъ статей, посвященныхъ органомъ министерства финансовъ осенью 1904 г. исторіи происхожденія новаго русско-германскаго торговаго договора. [2]) Здѣсь детально указывается для каждой изъ главныхъ группъ предметовъ русскаго импорта, какимъ исправленіямъ слѣдовало бы подвергнуть тарифныя ставки, чтобы ихъ можно было признать соотвѣтствующими настоятельнымъ потребностямъ національной индустріи. Если сравнить эти указанія съ тарифными ставками русскаго конвенціоннаго тарифа при русско-германскомъ торговомъ договорѣ 1904 г. то нельзя не придти къ убѣжденію, что повышеніе пошлинъ было предпринято Россіей съ ясно сознаннымъ разсчетомъ. Во всякомъ случаѣ Россіи нельзя отказать въ томъ, что къ разрѣшенію тарифнаго вопроса она приступила съ такимъ же серьезнымъ намѣреніемъ усилить защиту національнаго труда, какъ и Германская имперія. Полагаемъ, что русское правительство было бы первымъ, которое не захотѣло бы признать правильнымъ такое разсужденіе: послѣ того, какъ Германія первая начала «взвинчивать» свои пошлины, оно повысило свои тарифныя ставки исключительно съ цѣлью «возстановить нарушенное равенство» или даже побить главный «козырь» противника. Перомъ договаривающихся какъ на русской, такъ и на германской сторонѣ водилъ безусловно правомѣрный «національный эгоизмъ». Не находя пути къ желательной для нея тарифной автономіи рядомъ съ наибольшимъ благопріятствованіемъ, Россія выработала свою тарифную систему такъ, какъ это казалось ей наиболѣе соотвѣтствующимъ индустріальнымъ условіямъ страны. Можно признать такое отношеніе къ дѣлу нежелательнымъ или ошибочнымъ, но этимъ не умаляется серьезность намѣреній русскаго правительства и наличность у него твердыхъ хозяйственно-политическихъ принциповъ.

---

[1]) Вѣстн. фин. 1903 г., № 3.
[2]) Вѣстн. фин. 1904 г., №№ 32, 34 и 36.

В. Торговый договоръ 15 (28) іюля 1904 г.—Характеристика русскаго договорнаго тарифа.—Принципъ солидарности и равенства.—Значеніе договора для Россіи и для нѣмецкой экспортной индустріи.—Положеніе русской промышленности вообще и въ частности машиностроительной индустріи.—Эмигрирующій капиталъ.

Заключенный 15 (28) іюля 1904 г. дополнительный договоръ къ русско-германскому договору о торговлѣ и мореплаваніи отъ 29 января (10 февраля, 1894 г. былъ внесенъ въ рейхстагъ 1 февраля 1905 года. О намѣреніяхъ, которыми руководилось *германское имперское правительство* при выработкѣ новаго таможеннаго тарифа и достигнутыхъ при его помощи измѣненіяхъ въ прежнемъ договорѣ,—намъ нѣтъ надобности здѣсь останавливаться. Увеличеніе нѣмецкихъ ввозныхъ пошлинъ на русскіе сельскохозяйственные продукты преслѣдовало прежде всего ту важную цѣль, чтобы зависимость Германіи отъ заграницы въ дѣлѣ обезпеченія ея хлѣбомъ не сдѣлалась больше, чѣмъ она была до тѣхъ поръ, несмотря на ростъ народонаселенія и расширеніе его потребностей. Въ виду того обстоятельства, что международныя торговыя сношенія Германіи базируютъ, главнымъ образомъ, на ея собственномъ производствѣ, которое находитъ 4/5 своего естественнаго сбыта въ предѣлахъ страны, и что это производство является кореннымъ устоемъ экономической жизни Германіи,—представлялось неизбѣжнымъ дать болѣе прочную основу сельскохозяйственному промыслу, до тѣхъ поръ недостаточно защищенному, даже если бы это грозило нѣкоторыми затрудненіями для экспорта за-границу нѣмецкихъ фабрикатовъ. Германія проявила — заслуживавшій отъ времени до времени одобреніе и съ русской стороны—«здоровый національный эгоизмъ», не причинивъ тѣмъ существеннаго ущерба международнымъ торговымъ отношеніямъ; Германія дала своему отечественному сельскому хозяйству болѣе широкую защиту, но въ то же время старалась достигнуть возможно благопріятныхъ тарифныхъ условій въ своихъ договорахъ съ другими государствами и для индустріи, ищущей сбыта за предѣлами собственной страны.

Русское правительство съ нѣкоторой нерѣшительностью приступило къ переговорамъ о пересмотрѣ прежняго соглашенія, такъ какъ не подлежало никакому сомнѣнію, что теперь нельзя будетъ достигнуть такихъ уступокъ, какъ десять лѣтъ тому назадъ. [1]) Уже во время предварительныхъ переговоровъ оно не могло не убѣдиться, что какъ возобновленіе прежняго договора безъ существенныхъ въ немъ улучшеній, такъ и простое соглашеніе о наибольшемъ благопріятствованіи съ сохраненіемъ полной тарифной свободы представляется весьма малоправдоподобнымъ. Какъ свидѣтельствуетъ одно полуоффиціозное заявленіе, русскіе уполномоченные употребили тогда всѣ старанія, чтобы достигнуть отмѣны установленныхъ германскимъ таможеннымъ тарифомъ минимальныхъ пошлинъ на хлѣбъ, но эти

---

[1]) Вѣстн. фин. 1905 г., № 3, стр. 78.

усилія остались безрезультатными. Россія была даже склонна взамѣнъ отказа отъ повышенныхъ хлѣбныхъ пошлинъ сдѣлать съ своей стороны нѣкоторыя уступки,—при условіи, конечно, что это не будетъ связано съ существеннымъ нарушеніемъ ея протекціонистской системы. Въ виду неуступчивости германскихъ уполномоченныхъ, она въ концѣ-концовъ согласилась на повышеніе нѣмецкихъ аграрныхъ пошлинъ, но тѣмъ настойчивѣе защищала свой генеральный таможенный тарифъ отъ 13 января 1903 г. [1]), выработанный въ цѣляхъ усиленной защиты русской промышленности. Русское правительство явно слѣдовало при этомъ своей основной программѣ: предоставлять «льготы» въ видѣ уменьшенія индустріальныхъ пошлинъ лишь въ той мѣрѣ, поскольку этимъ путемъ можно достигнуть существенныхъ облегченій для экспорта ея сельскохозяйственныхъ продуктовъ. [2]) Такъ какъ именно *этого* условія Германія принять не могла, то Россія, съ своей стороны, прибѣгла къ значительному повышенію многихъ тарифныхъ ставокъ на индустріальные продукты; это повышеніе пошлинъ относится, впрочемъ, исключительно къ дѣйствующимъ теперь ставкамъ договорнаго тарифа 29 января (10 февраля) 1894 г., но въ дѣйствительности даже эти повышенныя ставки представляются умѣренными по сравненію съ автономнымъ таможеннымъ тарифомъ 13 января 1903 г., который до сихъ поръ еще не введенъ въ дѣйствіе, но безъ сомнѣнія будетъ примѣняться ко всѣмъ другимъ государствамъ, которыя не заключатъ съ Россіей договорныхъ соглашеній.

Русскій тарифъ ввозныхъ пошлинъ при дополнительномъ договорѣ отъ 28 (15) іюля 1904 г. не обнаруживаетъ даже въ самой слабой мѣрѣ фритредерскихъ тенденцій. Онъ разсчитанъ единственно и исключительно на поощреніе русской промышленности и стремится, путемъ лучшей категоризаціи и болѣе детальной спеціализаціи предметовъ импорта, охватить и такіе продукты иностранной промышленности, которые прежде могли ускользнуть отъ усиленнаго обложенія вслѣдствіе слишкомъ широкой формулировки общихъ группъ импортируемыхъ продуктовъ. Этотъ результатъ не умаляется и вслѣдствіе уменьшенія нѣкоторыхъ тарифныхъ ставокъ ниже того уровня, на которомъ находятся дѣйствующія теперь таможенныя ставки; большая часть этихъ уменьшенныхъ пошлинъ (напримѣръ, для отдѣльныхъ сортовъ рыбы, художественныхъ столярныхъ и токарныхъ товаровъ и т. д.) относятся къ продуктамъ, играющимъ въ русскомъ импортѣ совершенно второстепенную роль; а для тѣхъ предметовъ (напримѣръ, грубая шерстяная пряжа и тяжелыя шерстяныя ткани), которые имѣютъ существенное значеніе спеціально для германской вывозной торговли, Россія полагала возможнымъ сдѣлать нѣкоторыя уступки, такъ какъ внутреннее производство соотвѣтственныхъ продуктовъ уже настолько окрѣпло, что оно и при ослабленной таможенной защитѣ сможетъ успѣшно бороться съ иностранной конкурен-

---

[1]) О таможенномъ тарифѣ 1903 г. ср. стр. 310.
[2]) Вѣстн. фин. 1901 г., № 47.

ціей. Эти уступки составляютъ такимъ образомъ только внѣшнее проявленіе мнимо-либеральной таможенной политики, но общая тенденція послѣдней сводится теперь, какъ и прежде, къ суровому протекціонизму. [1])

Вопросъ о томъ, насколько русскія ввозныя пошлины соотвѣтствуютъ по своимъ размѣрамъ общимъ принципамъ планомѣрной покровительственной политики,—могъ бы представиться празднымъ. Протекціонисты, и теперь еще штудирующіе труды Фридриха Листа, быть можетъ вспомнятъ о теоріи—никогда не повышать пошлину до такихъ размѣровъ, которые противорѣчатъ уже принципу промышленнаго воспитанія, такъ какъ въ противномъ случаѣ производителю, безъ всякаго съ его стороны труда, гарантируется внутренній рынокъ и такимъ образомъ отпадаетъ всякій стимулъ къ техническимъ улучшеніямъ и къ напряженному проявленію всѣхъ имѣющихся въ его распоряженіи силъ. Но для Россіи эти принципы таможенной экономики имѣютъ меньшее значеніе, такъ какъ промышленныя пошлины въ существѣ уже закончили здѣсь свою воспитательную задачу и въ настоящее время признаны скорѣе къ осуществленію функцій «охранительной системы»; послѣдняя—какъ мы неоднократно уже указывали—сводится къ формулѣ «охранить» отъ слишкомъ широкаго импорта и слишкомъ малаго поступленія таможеннаго дохода. [2]) Въ видѣ уклоненія отъ этой системы, дѣйствительно «воспитательное» воздѣйствіе ожидается для такихъ отраслей промышленности, которыя до сихъ поръ не пустили еще достаточно глубокихъ корней на русской почвѣ и поэтому теперь впервые должны быть «воспитаны» въ широкихъ размѣрахъ подъ защитою высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Индустріализація страны получитъ, такимъ образомъ, новые, болѣе сильные импульсы; «система солидарности протекціонистскихъ интересовъ» (какъ называетъ проф. Лексисъ торговую политику новѣйшаго времени) получитъ въ Россіи свое завершеніе. Эту систему, правда, неизмѣримо легче примѣнить въ такой странѣ, какъ Россія, чѣмъ въ государствахъ, которыя, въ виду своего оживленнаго экспорта, лишь съ большою осторожностью могутъ усиливать свое таможенное обложеніе. Если, напримѣръ, въ Германіи правительство въ борьбѣ между овцеводами и шерстяными промышленниками становится на сторону послѣднихъ, хотя этимъ нарушается «солидарность», то Россія можетъ въ аналогичномъ случаѣ безъ колебаній установитъ пошлину на шерсть, такъ какъ вызванное этимъ вздорожаніе сырья можетъ быть компенсировано шерстяными промышленниками путемъ соотвѣтственнаго повышенія цѣнъ на шерстяные фабрикаты, также достаточно защищенные противъ иностранной конкуренціи,—причемъ имъ не грозитъ опасность, что это можетъ быть связано съ ущербомъ для сбыта. Нѣмецкая шерстяная промышленность работаетъ въ значительной мѣрѣ для экспорта и въ своихъ издержкахъ производства не должна по-

[1]) Ср. гл. 52, въ частности стр. 288 и сл.
[2]) Ср. стр. 292 и другія мѣста.

этому выходить изъ опредѣленныхъ тѣсныхъ границъ; въ Россіи, напротивъ того, шерстяная промышленность снабжаетъ главнымъ образомъ внутренній рынокъ, который по необходимости долженъ мириться и съ болѣе высокими цѣнами, поскольку онъ не хочетъ или не можетъ отказаться отъ употребленія этихъ фабрикатовъ; государство, само потребляющее почти все свое производство, въ значительно меньшей мѣрѣ вынуждено считаться съ требованіями производителей, заинтересованныхъ въ экспортѣ. Взвѣсить вытекающія отсюда выгодныя и невыгодныя послѣдствія можно только въ связи съ общими условіями всего народнаго хозяйства соотвѣтственныхъ странъ.

Рядомъ съ указаннымъ *принципомъ солидарности* русская таможенная политика выставила въ новѣйшемъ фазисѣ своего развитія еще *принципъ равенства.* Въ своемъ заявленіи по поводу заключеннаго русско-германскаго дополнительнаго договора министерство финансовъ даетъ слѣдующія указанія. Необходимымъ предварительнымъ условіемъ новаго соглашенія являлось сохраненіе равновѣсія экономическихъ отношеній, установившихся въ товарообмѣнѣ между обоими государствами на основѣ торговаго договора 1894 г. Если, такимъ образомъ, тщательное выясненіе вопроса показало, что вслѣдствіе повышенія нѣмецкихъ тарифныхъ ставокъ пошлины съ русскаго зерна, ввозимаго въ Германію, дадутъ приблизительно на 14,8 милл. руб. больше, чѣмъ прежде, то представляется послѣдовательнымъ, чтобы Германія соотвѣтственно уменьшила свои тарифныя требованія въ отношеніи другихъ предметовъ ея импорта изъ Россіи; и если такимъ путемъ нарушенное равновѣсіе не возстановлено, то оно должно быть достигнуто путемъ повышенія русскихъ таможенныхъ ставокъ до соотвѣтственнаго размѣра. [1]) Другими словами: вслѣдствіе пониженія пошлинъ на кормовой ячмень, минеральныя масла, дерево и т. д. Германія облегчила падающее на предметы русскаго импорта таможенное бремя приблизительно на 3,3 мил. руб.; чтобы выравнить всю сумму новаго обложенія ея хлѣба, Россія должна поэтому увеличить свои пошлины приблизительно еще на 11,5 мил. руб. И это было сдѣлано въ болѣе, нежели широкихъ размѣрахъ, такъ какъ изъ 184 тарифныхъ ставокъ новаго договорнаго тарифа только немногіе продукты, и при томъ все маловажные, сохранили свое прежнее обложеніе. Принципъ равенства осуществленъ, такимъ образомъ, полностью.—Нѣтъ надобности останавливаться на томъ, какъ много возраженій можно бы противупоставить такому арифметическому выравненію; въ концѣ концовъ источникъ соображеній, послужившихъ поводомъ къ тому или иному повышенію пошлинъ, имѣетъ второстепенное значеніе по сравненію съ свершившимся фактомъ.

Гораздо важнѣе, чѣмъ это исчисленіе будущихъ торговыхъ оборотовъ, вопросъ о томъ, *каковъ вліяніе* долженъ оказать новый русско-германскій договоръ на экономическое благосостояніе обоихъ контр-

---

[1]) Вѣстн. фин. 1905 г., № 3, стр. 79.

агентовъ. Изъ длиннаго ряда важныхъ въ этомъ отношеніи факторовъ первое мѣсто занимаетъ для *Россіи* сохраненіе ея хлѣбнаго экспорта въ прежнихъ размѣрахъ, для *Германіи* — удержаніе ея прежняго сбыта индустріальныхъ продуктовъ. Русскій министръ финансовъ пришелъ, на основаніи организованныхъ уже изслѣдованій, къ убѣжденію, что сбытъ русскаго хлѣба въ Германію во всякомъ случаѣ не уменьшится, такъ какъ нѣмецкое сельское хозяйство не въ состояніи покрыть спроса, обусловленнаго ростомъ народонаселенія, и что хлѣбныя пошлины падутъ всею своею тяжестью на нѣмецкихъ потребителей. Въ существѣ это воззрѣніе слѣдуетъ признать правильнымъ, по крайней мѣрѣ для ближайшаго времени; но въ отношеніи хлѣбныхъ пошлинъ правильное рѣшеніе потребовало бы предварительно выясненія многихъ другихъ вопросовъ, на которыхъ мы здѣсь останавливаться не будемъ, такъ какъ положительнаго результата трудно здѣсь достигнуть вслѣдствіе недостовѣрности и колебаній въ соотвѣтственномъ цифровомъ матеріалѣ.

Русскій министръ финансовъ и въ другихъ отношеніяхъ ожидаетъ отъ торговаго договора благопріятныхъ послѣдствій, въ частности отъ расширенія нуждающейся въ защитѣ отечественной промышленности, которая даетъ населенію новые источники заработка и съ тѣмъ вмѣстѣ вытѣснитъ иностранные продукты съ внутренняго рынка и усилитъ покупательную способность потребителей для продуктовъ отечественнаго производства. Насколько этимъ надеждамъ суждено осуществиться,—трудно опредѣлить, какъ нельзя заранѣе предусмотрѣть размѣры будущаго хлѣбнаго импорта изъ Россіи въ Германію.

Нѣмецкая экспортная индустрія не безъ опасеній смотритъ на будущее, поскольку она находитъ свой сбытъ въ Россіи, и это совершенно понятно. Намъ казалось бы, однако, что опасенія должны существенно умалиться, если безпристрастно взвѣсить общее положеніе дѣла. Естественнымъ условіемъ всякаго экспортнаго индустріализма является наличность широкаго спроса на противоположной сторонѣ. Въ Россіи же, когда война и кризисъ отойдутъ уже въ прошлое, *спросъ на индустіральные продукты* возраститъ въ огромныхъ размѣрахъ, и притомъ тѣмъ быстрѣе и интенсивнѣе, чѣмъ сильнѣе и радикальнѣе будутъ тѣ средства, которыя употребитъ государство въ своей хозяйственной политикѣ въ интересахъ поднятія народнаго благосостоянія. Поскольку этотъ будущій спросъ вообще будетъ прикрываться импортомъ изъ за-границы, Германія несомнѣнно сохранитъ преимущественное положеніе. Это явится неизбѣжнымъ результатомъ созданныхъ торговымъ договоромъ болѣе тѣсныхъ сосѣдскихъ отношеній, не говоря уже о доброкачественности и дешевизнѣ продуктовъ германской промышленности. Съ этой точки зрѣнія нѣмецкая промышленность можетъ вполнѣ разсчитывать не только сохранить свое преобладаніе, но и расширить его.

Затѣмъ нашъ экспортъ будетъ зависѣть отъ *развитія русской промышленности*, преимущества которой основаны на богатствѣ

страны сырьемъ, необходимымъ для индустріи, производящей тяжелые продукты, и на низкой рабочей платѣ при продолжительномъ рабочемъ времени. Поскольку эти элементы производства имѣютъ рѣшающее значеніе въ промышленной конкуренціи, представлялось бы цѣлесообразнымъ разсчитывать на возможно низкій экспортъ, и во всякомъ случаѣ не надѣяться сохранить его на долго и съ большою выгодою. Какъ мы неоднократно указывали выше, Россія, уже въ силу своей внѣшней задолженности, должна, чтобы поддержать равновѣсіе своего золотого баланса, стремиться ускорить свой переходъ изъ стадіи государства аграрнаго и добывающаго сырье на болѣе высокія ступени индустріализма; уклониться отъ этого пути ее не заставятъ ни фритредерскія теоріи, ни обусловленныя торговыми договорами дружественныя отношенія, ни, наконецъ, пожеланія и требованія ея сельскохозяйственныхъ круговъ. Въ отношеніи опредѣленныхъ продуктовъ массоваго потребленія русскій рынокъ потерянъ для иностраннаго импорта уже задолго до заключенія новаго договора. Профессоръ Поле (Pohle) полагаетъ, что съ предстоящимъ развитіемъ и оживленіемъ промышленности въ другихъ странахъ Германія должна потерять свои внѣшніе рынки не только для металлическихъ фабрикатовъ и въ частности желѣзныхъ издѣлій, но и для дешевыхъ тканей и одежды, позументовъ и другихъ продуктовъ текстильной индустріи, стеклянныхъ, глиняныхъ и фаянсовыхъ издѣлій, дѣтскихъ игрушекъ, предметовъ украшенія, издѣлій изъ бумаги, дерева и кожи. [1]) Мы смотримъ на будущее отнюдь не такъ пессимистически, а что касается въ частности русскаго рынка, то емкость его специально въ отношеніи указанныхъ продуктовъ должна, на нашъ взглядъ, скорѣе расшириться, нежели сократиться. Ибо техническія усовершенствованія и измѣненія вкуса имѣютъ для этихъ продуктовъ столь рѣшающее значеніе какъ въ отношеніи ихъ качества, такъ и въ отношеніи формы, и требованія моды, всегда столь измѣнчивой, играютъ здѣсь такую большую роль, что индустріально отсталыя государства, какъ Россія, еще долго не откажутся отъ импорта ихъ изъ-за границы, какъ бы ввозная пошлина ни была высока.

Общія указанія и доброжелательные совѣты, какъ сохранить и по возможности расширить нѣмецкій сбытъ въ Россію, мало помогутъ нашей промышленности. Мы не будемъ поэтому останавливаться здѣсь на многосложномъ вопросѣ о специализаціи нашей индустріи, о пользѣ цѣлесообразно развитой торговой организаціи и детальнаго изученія русскихъ рынковъ. Все, что можно было бы сказать въ этомъ отношеніи, можно формулировать въ одномъ положеніи: самыя *широкія и энергичныя мѣры къ сохраненію русскаго рынка.* При помощи этой формулы нерѣдко можно будетъ преодолѣть и усиленныя таможенныя препятствія, и это тѣмъ болѣе правдоподобно, что условія производства въ самой русской промышленности въ настоящее время неблагопріятны, а въ буду-

[1]) *Pohle*, Deutschland am Scheidewege, Leipzig 1901, стр. 130.

щемъ ей предстоятъ еще большія затрудненія (кризисъ, недостатокъ кредита, рабочій вопросъ!). Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ этихъ трудностяхъ, приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ заключенія биржевого комитета города Риги по поводу торгового договора 1904 г. [1]).

„*Изъ многочисленныхъ условій, тормозящихъ развитіе и надлежащее процвѣтаніе нашей промышленности, укажемъ прежде всего на отсутствіе у насъ дѣльнаго, обладающаго общей и технической подготовкой кадра рабочихъ, такъ что съ одной стороны даже для простыхъ фабричныхъ работъ приходится употреблять самъ по себѣ болѣе многочисленный рабочій персоналъ, съ другой стороны для болѣе сложныхъ машинъ и работъ должны быть привлекаемы дорого оплачиваемые рабочіе изъ-за границы или же опредѣленныя работы должны быть передаваемы техникамъ съ большими окладами, въ то время, какъ заграницею такія же работы могутъ быть исполняемы простыми, но технически подготовленными рабочими. Дальнѣйшимъ препятствіемъ къ развитію нашей промышленности является недостатокъ упорядоченнаго промышленнаго кредита. Наконецъ, на нашей индустріи тяжело отражается еще то обстоятельство, что значительную часть своего сырья ей приходится получать изъ-за границы, потому что эти сырые продукты вообще не могутъ быть добываемы въ Россіи или производство ихъ представляется еще настолько отсталымъ, что въ предвидимомъ будущемъ нельзя разсчитывать на его развитіе, или, наконецъ, потому что центры производства этого сырья настолько удалены отъ промышленныхъ центровъ, что при недостаткѣ удобныхъ внутреннихъ водяныхъ путей использованіе этого сырья невозможно. Всѣ эти обстоятельства неопровержимо доказываютъ, что для того, чтобы быть въ состояніи бороться съ иностранной конкуренціей и успѣшно развиваться, наша промышленность еще въ теченіе многихъ поколѣній будетъ нуждаться въ особой защитѣ, которую ей можетъ дать только государство*“.

Какъ извѣстно, нѣмецкую экспортную промышленность всего болѣе озабочиваетъ повышеніе русскихъ пошлинъ на машины. Представляется поэтому умѣстнымъ указать что именно *машиностроительной промышленности*, несмотря на ея значительные успѣхи, приходится въ Россіи бороться съ значительными трудностями какъ въ самомъ производствѣ, такъ и въ сферѣ сбыта. Такъ напримѣръ для наиболѣе развитой машиностроительной индустріи балтійскаго раіона, въ частности въ портовыхъ городахъ, эти трудности состоятъ прежде всего въ томъ, что машиностроительныя предпріятія слишкомъ удалены какъ отъ мѣста добычи сырья, металловъ и угля, такъ и отъ естественныхъ сферъ сбыта для значительной части ихъ фабрикатовъ. Сырые матеріалы либо должны

[1]) Rigaer Handelsarchiv, 1903, I, стр. 301.

быть импортируемы изъ-за границы и при этомъ оплачиваются высокими ввозными пошлинами,—или же онп получаются съ внутреннихъ заводовъ, и тогда на нихъ падаетъ высокая стоимость транспорта по желѣзнымъ дорогамъ и замѣтно отражается недостаточное еще развитіе горной и желѣзной промышленности на югѣ и внутри имперіи, выражающееся въ значительныхъ колебаніяхъ цѣнъ, неравномѣрной производительности и т. д. Къ этому присоединяется еще совершенно недостаточная провозоспособность желѣзныхъ дорогъ. Столь же неблагопріятны условія сбыта, на которомъ тяжело отражаются неустойчивость покупательной способности населенія, недостатокъ желѣзнодорожныхъ сообщеній, а больше всего—конкуренція съ заводами внутренней Россіи и иностранными, ближе расположенными къ мѣстамъ производства сырья. Въ упомянутой уже запискѣ рижскаго биржевого комитета министру финансовъ мы находимъ по этому поводу слѣдующія указанія.

„*Если заграницею машиностроеніе находится въ несравненно лучшихъ условіяхъ уже въ отношеніи снабженія ея сырьемъ вслѣдствіе чрезвычайнаго развитія средствъ сообщенія—желѣзныхъ дорогъ и внутреннихъ водныхъ путей—удобнаго и дешеваго кредита, вслѣдствіе наличности болѣе умѣлаго и интеллигентнаго рабочаго персонала и т. д., то оно имѣетъ еще и неоцѣнимое преимущество, что оно можетъ работать для всего міроваго рынка и всегда находить тамъ выгодный сбытъ для своихъ издѣлій. Наша промышленность, напротивъ того, ограничена единственно и исключительно сбытомъ внутри имперіи и потому находится въ полной зависимости отъ господствующихъ здѣсь коньюнктуръ, подверженныхъ постояннымъ колебаніямъ и по большей части обусловленнымъ результатами урожая. Этимъ и объясняется, что наша промышленность почти всегда колеблется между двумя крайностями—недостаткомъ сбыта и обусловленнымъ тѣмъ перепроизводствомъ съ одной стороны, а съ другой стороны—періодически проявляющимся чрезмѣрнымъ спросомъ и вызванною этимъ недостаточною производительностью*“.

Если принять въ соображеніе всѣ указанные выше моменты, необходимо придти къ убѣжденію, что сальдо торговаго договора не неблагопріятно для Германіи. Германская имперія оплатила лучшую защиту своего сельскаго хозяйства такою цѣной, которая—если ввести въ разсчетъ всѣ дѣйствующіе на обѣихъ сторонахъ факторы—не можетъ быть признана слишкомъ высокой. Быть можетъ, ростъ нашего экспорта въ будущемъ нѣсколько замедлится, но, повидимому, это и безъ того грозитъ экспортному индустріализму какъ неизбѣжный результатъ экономическаго имперіализма крупныхъ міровыхъ державъ. Тѣмъ болѣе цѣненъ тотъ сбытъ, который теперь открывается для нашихъ товаровъ на Востокѣ вплоть до побережья Тихаго океана. Нѣмецкая промышленность—мы въ этомъ увѣрены—сумѣетъ приспособится къ новымъ условіямъ, сумѣетъ побѣдить и то препятствіе, которое опаснѣе

самыхъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ и опрокидываетъ всѣ разсчеты—*эмигрирующій въ Россію* для индустріальныхъ цѣлей *капиталъ*. Противъ *этого* соперника былъ бы безсиленъ и самый совершенный торговый договоръ.

Въ нѣсколькихъ словахъ мы должны остановиться еще въ заключеніе на *финляндскомъ вопросѣ*. [1]) Въ нотѣ, присоединенной къ русско германскому торговому договору 1894 г., русское правительство изъявило свое намѣреніе постепенно распространить на Великое княжество русскій таможенный тарифъ, съ уничтоженіемъ внутренней таможенной границы. Но затѣмъ это намѣреніе было, повидимому, оставлено, ибо въ дополнительномъ протоколѣ къ новому торговому договору (стр. 3) мы читаемъ:

„*Императорское русское правительство, прежде чѣмъ приступить къ присоединенію таможенной области Великаго княжества Финляндіи къ таможенной области Россійской имперіи, сообщитъ свое соотвѣтственное рѣшеніе германскому правительству по крайней мѣрѣ за два года ранѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ Императорское русское правительство заявляетъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, это присоединеніе будетъ произведено только постепенно, черезъ достаточно продолжительные промежутки времени*“.

Такимъ образомъ, таможенно-тарифное уравненіе Великаго княжества съ имперіей пока еще не послѣдуетъ даже и по истеченіи срока «привилегіи Таммерфорса» (конецъ 1905 года).

ГЛАВА LVII.

Заключительныя замѣчанія.—Упадокъ или переходная стадія?—Пессимизмъ и оптимизмъ; промышленность и сельское хозяйство.—Россія—страна ограниченныхъ возможностей.—Основные моменты эволюціи.—Укрѣпленіе внутренняго рынка путемъ расширенія потребленія.—Аграрный кризисъ: „малоземелье“ и налоги.—Преобразованіе хозяйственной жизни.

Продолжительность періодовъ прогрессивнаго развитія не одинакова у отдѣльныхъ націй; движеніе впередъ совершается не въ равномѣрномъ темпѣ и не безъ значительныхъ препятствій; въ опредѣленные моменты оно становится чрезвычайно интенсивнымъ, а затѣмъ временно пріостанавливается, съ невидимой силой сдерживаемое неопредѣлимыми въ данный моментъ противодѣйствующими факторами. Успѣхъ не всегда замѣтенъ для насъ, современниковъ, вслѣдствіе ограниченности нашего кругозора, и мы нѣрѣдко видимъ опасный застой въ томъ, что въ дѣйствительности есть только собираніе силъ для новаго, могучаго роста. Безъ сомнѣнія, застой и слабость отнюдь не всегда существуютъ только въ воображеніи близорукихъ наблюдателей; иногда это естествен-

---

[1]) Ср. гл. 41, стр. 187.

ныя формы проявленія конституціональнаго заболѣванія хозяйственнаго организма и глубокихъ нарушеній нормальнаго процесса развитія.

Сдѣланныя общія указанія пріобрѣтаютъ непосредственно практическое значеніе, если примѣнить ихъ къ русскому народному хозяйству нашего времени. Ибо здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: какъ слѣдуетъ квалифицировать, при безпристрастномъ анализѣ, оба наиболѣе очевидные признака подавленности русской экономической жизни, «упадокъ сельскаго хозяйства» и «промышленный кризисъ»: какъ выступающіе наружу симптомы постепенно надвигающагося *упадка* производительныхъ силъ націи, или же какъ *временный болѣзненный наростъ* на самомъ по себѣ здоровомъ хозяйственномъ организмѣ? То обстоятельство, что приходится вообще отвѣчать на такой вопросъ, можетъ показаться страннымъ, и это въ дѣйствительности было бы излишне, если бы въ Западной Европѣ не существовало достаточно близорукихъ людей—и въ числѣ ихъ даже публицисты не безъ имени,—которые съ полною серьезностью полагаютъ возможнымъ утверждать, что самая способность Россіи къ экономическому развитію дошла до того пункта, съ котораго уже трудно предвидѣть дальнѣйшій прогрессивный ростъ. Если бы это было правильно, затишье, какъ показываетъ опытъ, должно было бы вызвать и регрессъ, и такъ какъ движеніе вспять отъ достигнутой уже стадіи экономическаго развитія было бы равносильно возврату къ пережитой некультурности,—это было бы уже началомъ конца.

Но откуда этотъ пессимизмъ именно въ отношеніи Россіи? Очевидно онъ объясняется тѣмъ, что къ эволюціи русскаго хозяйства прилагается несоотвѣтственный масштабъ; экономическое положеніе Россіи оцѣниваютъ съ точки зрѣнія уже вполнѣ созрѣвшихъ и сложившихся западно-европейскихъ отношеній и сравниваютъ результаты ея народнаго труда съ неизмѣримо болѣе быстрымъ движеніемъ впередъ нашихъ современныхъ индустріальныхъ государствъ, вмѣсто того чтобы искать опорныхъ пунктовъ для сравненія исключительно на славянской почвѣ. Судить объ отсталости и слабости русской экономической жизни слѣдуетъ только, имѣя въ виду ея прошлое; современной Россіи слѣдуетъ противоставлять для сравненія, напримѣръ, Германію такою, какою она была пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И при этомъ условіи мы наткнемся на кое какія непонятныя явленія, но съ другой стороны мы найдемъ во многихъ отношеніяхъ несомнѣнныя преимущества на сторонѣ Россіи по сравненію съ германскими государствами середины истекшаго столѣтія; и мы убѣдимся тогда, что эпоха капиталистической и технической эволюціи произвела глубокій переворотъ въ условіяхъ русскаго производства. На высотахъ народной жизни уже начинаетъ свѣтать, въ то время какъ внизу, въ ея долинахъ, еще облачно и свѣтъ борется съ тьмою. Понятно поэтому, что сами русскіе, пользуясь инымъ критеріемъ, нежели западно-европейцы, усматриваютъ прогрессивное развитіе тамъ, гдѣ многіе западные

наблюдатели, съ ихъ точки зрѣнія, видятъ только упадокъ и отсталость.

Когда говорятъ объ «упадкѣ», то слѣдуетъ имѣть въ виду главнымъ образомъ *земледѣліе*, а «отсталость» можетъ относиться только къ состоянію *промышленной жизни*. Въ обоихъ направленіяхъ пессимизмъ находитъ опору въ видимо непререкаемыхъ общепризнанныхъ фактахъ, но этихъ фактовъ не слѣдуетъ обобщать. Вѣрно то, что обнищаніе крестьянскаго населенія въ опредѣленныхъ частяхъ внутренней Россіи растетъ въ ужасающихъ размѣрахъ, но невѣрно, будто такое опасное безсиліе охватило весь сельскохозяйственный промыселъ. Аграрный кризисъ, обусловленный тѣми же неблагопріятными моментами, что въ Западной Европѣ, подавляетъ, правда, производительность *всей* культивируемой земли, но доходность земледѣлія падаетъ, вслѣдствіе нераціональныхъ методовъ хозяйства и другихъ причинъ, только въ *опредѣленныхъ частяхъ* сельскохозяйственной Россіи; какъ бы ни были обширны эти части и если даже они охватываютъ самыя плодородныя нѣкогда области имперіи,—оскудѣніе ихъ нельзя признать доказательствомъ общаго упадка «сельскаго хозяйства». Если мы примемъ во вниманіе, что на окраинахъ, въ Прибалтійскихъ провинціяхъ, въ Финляндіи и частью въ Царствѣ Польскомъ сельскохозяйственная культура нерѣдко не отстаетъ отъ нѣмецкой, что и въ коренной Россіи болѣе крупныя хозяйства успѣшно улучшаютъ и интенсифицируютъ свое производство, что, наконецъ, даже въ способахъ веденія крестьянскаго хозяйства, мѣстами даже при господствѣ общиннаго землевладѣнія, несомнѣнны существенные успѣхи,—то регрессивныя тенденціи всего сельскохозяйственнаго промысла мы сможемъ признать только съ значительною оговоркой. Если, далѣе, въ основу нашего сужденія мы положимъ цифры русскаго хлѣбнаго экспорта, все расширяющееся примѣненіе мелioративнаго кредита, чрезвычайное развитіе импорта сельскохозяйственныхъ машинъ и искусственныхъ удобрительныхъ средствъ и мн. др., то уже изъ этихъ внѣшнихъ признаковъ мы должны будемъ заключить, что рядомъ съ обнищаніемъ долженъ существовать и прогрессъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Если, наконецъ, сравнить современное сельское хозяйство съ тѣмъ «дикимъ», хищническимъ хозяйствомъ, которое еще тридцать лѣтъ тому назадъ почти безраздѣльно господствовало въ русскомъ земледѣліи, то наличность за послѣднее время перемѣны къ лучшему едва ли можетъ подлежать спору.

Вторая область, въ которой нѣкоторые авторы открыли едва ли не «крушеніе» народнохозяйственныхъ силъ, это — сфера *промышленности*. Дѣйствительно, положеніе многихъ индустріальныхъ предпріятій, переживающихъ еще послѣдствія кризиса, весьма неблагопріятно и виды на будущее плачевны, но и здѣсь слѣдуетъ избѣгать слишкомъ широкихъ обобщеній. Во многихъ случаяхъ переоцѣнка капиталистическихъ предпріятій будетъ неизбѣжна, и ликвидація грюндерства совершенно опрокинетъ не одинъ кар-

точный домикъ; но то, что уцѣлѣетъ послѣ этого «разсчета», тѣмъ спокойнѣе и обезпеченнѣе сможетъ продолжать свою работу. Въ Западной Европѣ теоретизируютъ объ опустошительномъ дѣйствіи разразившагося кризиса, упуская при этомъ изъ виду то, что сумѣло прочно сохраниться, не смотря на всѣ потрясенія. Соображеніе о томъ, что русская промышленность держится только казенными заказами, также не можетъ устранить того факта, что въ государствѣ съ 150 милліоннымъ населеніемъ долженъ существовать огромный спросъ на индустріальные продукты, и если въ Россіи есть милліоны людей, для которыхъ фабрика въ настоящее время является еще только мѣстомъ безрадостнаго труда, то все же нельзя не предвидѣть повышенія уровня жизненныхъ потребностей и расширенія спроса и въ этихъ косныхъ массахъ. Можно быть различнаго мнѣнія объ отсталости русской промышленности въ качественномъ отношеніи, но количественные ея успѣхи неоспоримы. Записка, предложенная германскому рейхстагу при русско-германскомъ торговомъ договорѣ 1904 г., также признаетъ успѣшный ростъ русской промышленности, указывая по поводу разныхъ тарифныхъ ставокъ, что на болѣе широкій экспортъ нѣмецкихъ фабрикатовъ въ Росію нельзя уже разсчитывать; мотивы ссылаются при этомъ на высоту соотвѣтственныхъ русскихъ таможенныхъ пошлинъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ подтверждаютъ, что вытѣсненіе иностранныхъ издѣлій съ русскаго рынка тѣсно связано съ укрѣпленіемъ внутренней индустріи. Можно возразить, что эта промышленность въ значительной мѣрѣ создана искусственно, что она базируетъ на высокихъ покровительственныхъ пошлинахъ, иностранныхъ капиталахъ, значительной дороговизнѣ ея продуктовъ, казенныхъ заказахъ и тому подобныхъ средствахъ внѣшняго поощренія,—съ интересующей насъ здѣсь точки зрѣнія всѣ такія возраженія не уважительны; рѣшающее значеніе имѣетъ только вопросъ—пустила ли промышленность такіе глубокіе корни на русской почвѣ, чтобы можно было считать вполнѣ обезпеченнымъ ея дальнѣйшій ростъ и процвѣтаніе. Нашъ отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ изъ предшествующаго. Изъ потрясеній послѣднихъ лѣтъ промышленность выйдетъ оздоровленной и окрѣпшей: оздоровленной потому, что кризисъ смететъ много дутыхъ, гнилыхъ предпріятій, и окрѣпшей—вслѣдствіе сознанія, что производство должно прежде всего разсчитывать на сбытъ въ широкихъ слояхъ населенія.

И въ отношеніи *сельскаго хозяйства* мы въ правѣ ожидать, что оно—хотя бы очень медленно и со всякаго рода препятствіями—сумѣетъ преодолѣть всѣ трудности критическаго времени. Земля и рабочія руки имѣются въ Россіи въ такомъ изобиліи и такъ дешевы, взаимоотношеніе между условіями производства и рынками для сбыта складываются такъ благопріятно, что нужно было бы чрезвычайное стеченіе тяжелыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, исключительная неспособность руководящихъ властей и безнадежная некультурность населенія, чтобы сельское хозяйство могло оставаться въ томъ состояніи «оскудѣнія», въ какомъ оно находится

теперь на значительномъ пространствѣ имперіи. Безъ сомнѣнія, желательный переворотъ въ аграрно-политическомъ отношеніи можетъ встрѣтить множество препятствій, но существененъ только одинъ вопросъ—имѣются ли въ русскомъ народномъ хозяйствѣ тѣ условія, при помощи которыхъ упавшее сельское хозяйство могло бы подняться. И въ этомъ отношеніи едва ли возможны собственно какія бы то ни было сомнѣнія. Съ тѣмъ вмѣстѣ обезоруживается пессимизмъ, рисующій мрачную картину будущаго на основѣ неустройствъ текущаго момента.

Чтобы съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ судить о будущемъ, необходимо оглянуться въ прошлое. Со времени отмѣны крѣпостного права (въ 1861 г.) не прошло еще и полу-столѣтія, бо̀льшая свобода передвиженія предоставлена освобожденнымъ крестьянамъ только съ отмѣною подушной подати (въ 1887 г.), круговая порука уничтожена только нѣсколько лѣтъ тому назадъ, общинное землевладѣніе по необходимости сохранено еще по настоящій день, — уже одни эти препятствія по пути сельскохозяйственнаго прогресса должны заставить насъ съ особою осторожностью судить о возможномъ будущемъ русскаго земледѣлія. Много ли дало и въ другихъ государствахъ первое поколѣніе освобожденнаго отъ тяжкаго рабства крестьянства? Только имѣя это въ виду, мы можемъ правильно оцѣнить аграрныя условія въ Россіи; то поколѣніе, которое будетъ жить *послѣ насъ*, и здѣсь измѣнитъ многое, хотя далеко еще не все къ лучшему. Эволюція народнаго хозяйства измѣряется не годами, а поколѣніями.

Въ оцѣнкѣ русскаго народнаго хозяйства, мы имѣемъ, однако, дѣло не съ одними *пессимистами*,—есть и *оптимисты*; необходимо посвятить нѣсколько словъ и этимъ послѣднимъ. Въ то время, какъ однимъ будущее представляется въ весьма мрачномъ видѣ, другіе—главнымъ образомъ русскіе патріоты—все видятъ въ чрезвычайно розовомъ свѣтѣ; для однихъ опредѣленные симптомы болѣзненной слабости отдѣльныхъ частей хозяйственнаго организма являются признакомъ общей неустойчивости всего народнаго хозяйства, другіе—усматриваютъ въ многообразныхъ проявленіяхъ хозяйственнаго роста гарантію могучаго расцвѣта, который будто бы только временно задерживается всякаго рода побочными затрудненіями. И тѣ и другіе грѣшатъ односторонностью и слишкомъ широкими обобщеніями. Мы, конечно, не можемъ раздѣлить несбыточныхъ надеждъ фанатиковъ русскаго индустріализма, предвидящихъ въ близкомъ будущемъ превращеніе Россіи въ индустріальное государство, [1]) или энтузіастовъ экспорта въ родѣ Менделѣева, которые черезъ самое непродолжительное время хотятъ «освѣтить» всю Европу русскимъ ке-

---

[1]) „Судя по огромному росту фабричной дѣятельности до сихъ поръ, уже не можетъ быть далеко то время, когда внутренній спросъ полностью будетъ покрываться отечественными же продуктами; жертвы, которыя мы несемъ теперь, безъ сомнѣнія, во сто кратъ окупятся тогда". („Россія въ концѣ XIX вѣка", оффиціальное изданіе по случаю всемірной парижской выставки 1900 г., стр. 239).

роспномъ и «отапливать» ее русскимъ углемъ,—но какія чрезмѣрно смѣлыя ожиданія возлагались, напримѣръ, и на Западѣ на окончаніе «мірового пути» къ Тикому океану! Какъ мало исполнилось изъ тѣхъ мечтаній, которымъ предавались въ петербургскихъ кабинетахъ, и какъ безконечно далеки мы теперь отъ осуществленія нашихъ опасеній, что баснословно дешевые сельско-хозяйственные продукты Сибири могутъ широкимъ потокомъ разлиться по всей Западной Европѣ!

Въ такихъ вопросахъ надо раньше все взвѣсить, а потомъ уже судить. Возможность къ этому безусловно имѣется, ибо Россія не представляетъ уже теперь собою неизслѣдованную отдаленную страну, внутрь которой могли бы проникать только немногіе отважные путешественники; русскіе—не заражены китайскою враждебностью ко всему чужому, и даже самые отдаленныя и негостепріимныя области не изолированы отъ внѣшняго міра, а доступны научному европейскому изслѣдованію такъ же, какъ и господству русскаго чиновничества. Если, несмотря на то, значительныя части этого сосѣдняго намъ государства и теперь еще являются terra incognita, то это можно объяснить огромными размѣрами русской территоріи, своеобразіемъ экономическихъ условій, культурною отсталостью низшихъ классовъ населенія и т. д. Но зная только отрывки изъ всей совокупности русскихъ хозяйственныхъ явленій и кладя эти отрывочныя свѣдѣнія въ основу нашихъ сужденій, мы, западно-европейцы, нерѣдко приходимъ къ неправильнымъ и одностороннимъ выводамъ. Въ силу этого и экономическое развитіе Россіи представляется намъ, то подвигающимся впередъ гигантскими шагами, то какъ бы застывшимъ на опредѣленномъ пунктѣ, съ котораго возможенъ уже только регрессъ.

Если свести во-едино главнѣйшія данныя, установленныя нами въ этой книгѣ, то можно вкратцѣ охарактеризовать экономическое положеніе Россіи къ концу вѣка—если не считать послѣдствій разразившейся тѣмъ временемъ войны—слѣдующимъ образомъ. Промышленность и сельское хозяйство переживаютъ теперь критическій моментъ и должны выйти изъ этого тупика прежде, чѣмъ они смогутъ продолжать свой путь къ высшимъ цѣлямъ; сколько времени это потребуетъ и не приведетъ ли и новое движеніе впередъ въ непроходимыя дебри, изъ которыхъ опять придется искать какого либо выхода,—этого никто предсказать не можетъ, такъ какъ эволюція русскаго хозяйства обусловлена слишкомъ многими факторами, не поддающимися заранѣе точному опредѣленію. Говоря о возможномъ будущемъ народнохозяйственнаго развитія Россіи, мы не выйдемъ изъ сферы предположеній и вѣроятностей, ибо мы не знаемъ: сможетъ ли сельское хозяйство внутреннихъ губерній подняться до болѣе или менѣе плодотворной производительности, преодолѣетъ ли промышленность, въ теченіе короткаго времени, всѣ потрясенія кризиса и притомъ въ такой мѣрѣ, чтобы она могла успѣшно развиваться при измѣнившихся условіяхъ производства и сбыта, будетъ ли, далѣе, внѣшняя торговля содѣйствовать улучше-

нію баланса, окажутся ли финансовыя силы государства достаточными для удовлетворенія настоятельныхъ экономическихъ нуждъ. Будущее развитіе зависитъ, конечно, еще отъ цѣлаго ряда причинъ, совершенно непредвидимыхъ. Но если считаться съ тѣмъ, чему насъ учитъ прошлое, то мы должны сказать, что слишкомъ широкихъ надеждъ строить не слѣдуетъ, ибо Россія все же—страна съ ограниченными перспективами.

Мы не имѣемъ, такимъ образомъ, достаточно прочныхъ данныхъ, чтобы судить о томъ сколько времени пройдетъ, пока русское сельское хозяйство выйдетъ изъ частичнаго застоя, которымъ оно характеризуется въ настоящее время, и пока закончится подавленное состояніе, въ какомъ находятся многія промышленныя предпріятія вслѣдствіе войны и кризиса; но все же можно установить главные этапы будущаго развитія.

Экономическая политика по прежнему будетъ стремиться къ возможному поощренію промышленности, а также къ освобожденію сельскаго хозяйства изъ его подавленнаго состоянія. Cum grano salis къ Россіи примѣнимо положеніе «все хорошее приходитъ сверху», и съ этой точки зрѣнія можно, пожалуй, предвидѣть такой ходъ дѣлъ: промышленность не будетъ пользоваться такимъ исключительнымъ благоволеніемъ какъ прежде, и сельское хозяйство будетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поставлено лучше, чѣмъ до сихъ поръ. Такой программой предрѣшаются и средства поощренія: ни одна изъ болѣе важныхъ мѣръ къ широкому распространенію индустріализма не будетъ оставлена, но въ то же время будетъ удѣлено больше вниманія сельскому хозяйству, прежде остававшемуся во многихъ отношеніяхъ въ пренебреженіи. Протекціонизмъ въ наиболѣе интенсивныхъ его формахъ безусловно сохранитъ полную силу,—какъ это подтверждается и русско-германскимъ торговымъ договоромъ $^{15}/_{28}$ іюля 1904 г.,—но съ другой стороны будутъ стремиться къ удешевленію индустріальныхъ продуктовъ въ интересахъ сельскихъ потребителей. Въ какой мѣрѣ удастся съ успѣхомъ провести такую программу одновременной поддержки *обѣихъ* заинтересованныхъ профессіональныхъ группъ, промышленниковъ и сельскихъ хозяевъ,—предвидѣть трудно; въ случаѣ коллизіи интересовъ на задній планъ отступитъ по всѣмъ вѣроятіямъ сельское хозяйство, какъ неизмѣримо болѣе слабая сторона.

Въ общемъ въ руководящихъ кругахъ нынѣ никакихъ сомнѣній и разногласій въ томъ, что было бы чрезвычайно важно тѣснѣе сблизить другъ съ другомъ промышленность и сельское хозяйство и крѣпче связать ихъ взаимностью матеріальныхъ интересовъ. Такой двойственный союзъ не только послужилъ бы къ процвѣтанію всего народнаго хозяйства, но и содѣйствовалъ бы высшимъ финансовымъ и хозяйственно-потитическимъ цѣлямъ государства, какъ бы, напримѣръ, увеличеніе внутренняго потребленія, ограниченіе хлѣбнаго экспорта, расширеніе внутренняго рынка, независимость отъ иностранныхъ рынковъ и т. д. Нѣтъ надобности доказывать цифрами всю благодѣтельность такой метаморфозы потре-

бленія, которая съ одной стороны обусловливала бы возможность потребленія русскаго хлѣба самимъ населеніемъ, вмѣсто того чтобы вывозить его за границу, а съ другой стороны открыла бы для промышленности соотвѣтственный сбытъ внутри страны. Разрѣшеніе проблемы въ желательномъ направленіи возможно, конечно, только путемъ усиленія потребительной способности широкихъ народныхъ массъ. Это приводитъ насъ къ вопросу о внутреннемъ рынкѣ.

Что *могъ бы дать внутренній рынокъ* въ Россіи при развитой покупательной способности населенія и чего онъ въ дѣйствительности *не* даетъ,—явствуетъ изъ любой цифры статистики народнаго потребленія. Здѣсь обнаруживается такое рѣзкое различіе по сравненію съ цифрами потребленія въ другихъ государствахъ, которое гораздо болѣе убѣдительно, чѣмъ многія другія явленія, иллюстрируетъ отсталость русской экономической жизни. Потребленіе важнѣйшихъ предметовъ жизненнаго и хозяйственнаго обихода сплошь держится въ Россіи на относительно самомъ низкомъ уровнѣ. Такъ, напримѣръ, чаю—этого національнаго русскаго напитка —потребляется въ Россіи только 0,8 фунт. на душу населенія въ годъ, въ то время какъ Голландія потребляетъ 1,5, а Англія 6,7 фунт. [1]). Потребленіе кофе въ Россіи чрезвычайно незначительно, именно только 0,12 фунт. на душу (въ Финляндіи 7,7 фунт.), въ то время какъ въ Бельгіи потребленіе достигаетъ 9,7, въ Германіи 6 и во Франціи 4,7 фунт. По количеству потребляемаго сахара Россія (9,7 фунт.) стоитъ, правда, впереди Италіи (5,7 фунт.), но за то значительно уступаетъ другимъ государствамъ, напримѣръ Франціи (28,1 фунт.), Германіи (25,8 фунт.), Швеціи (37,1). Соединеннымъ Штатамъ (72), Швейцаріи (42,9) и Англіи (90,9 фунт.). Даже незначительное расширеніе спроса на такіе предметы потребленія означаетъ многомилліонную выгоду для народнаго благосостоянія. Каждая копѣйка, на которую 150 милліоновъ жителей въ состояніи ежедневно увеличить свое потребленіе, даетъ въ результатѣ за годъ огромную сумму въ 547 милліоновъ рублей.

Приведенныя нами немногія цифры потребленія относятся, впрочемъ, къ такимъ благамъ, отъ которыхъ могло бы и отказаться населеніе, остающееся еще на уровнѣ самыхъ элементарныхъ жизненныхъ потребностей и привычекъ; притомъ это все (кромѣ сахара) колоніальные товары, расширеніе потребленія которыхъ не увеличиваетъ внутренняго производства. но именно поэтому здѣсь цѣнны сравнительныя цифры; ибо онѣ показываютъ, какіе важные фискальные интересы связаны съ этимъ вопросомъ потребленія; пошлина на чай и сахарный акцизъ представляютъ весьма значительные источники государственнаго дохода, такъ что и съ этой точки зрѣнія расширеніе внутренняго рынка должно весьма озабочивать правительство.

---

[1]) Цифры потребленія относятся всѣ, кромѣ особо указанныхъ, къ 1897 году и взяты нами изъ оффиціальнаго сборника *Покровскаго*, стр. 77 (для чая). стр. 79 (кофе), стр. 95 (сахаръ) и т. д.

Такимъ образомъ, промышленность и фискъ оба въ сильной мѣрѣ заинтересованы въ расширеніи потребленія, и тѣмъ не менѣе имъ никакъ не удается увеличить емкость внутренняго рынка свыше самаго скромнаго уровня, такъ какъ примѣняемыя поверхностныя средства не достигаютъ жизненнаго нерва всякаго удовлетворенія потребностей, покупательной способности рабочихъ массъ. Для другихъ государствъ, быть можетъ, вѣрно положеніе высказанное уже Фридрихомъ Листомъ, что процвѣтаніе внутренняго рынка обусловлено высокой оплатой труда промышленныхъ рабочихъ; но въ Россіи главнымъ кадромъ потребителей—и плательщиковъ налоговъ—можетъ явиться только земледѣльческое крестьянское населеніе.

Финансовыя нужды и тѣ трудности, которыя встрѣчаетъ на своемъ пути промышленность, могутъ быть преодолѣны только тогда, когда улучшится матеріальное положеніе крестьянъ. Но пока до 85% населенія живетъ въ самыхъ бѣдственныхъ условіяхъ и значительная часть этихъ «аграріевъ» не можетъ подняться надъ самымъ минимальнымъ уровнемъ потребностей, какой только мыслимъ,—до тѣхъ поръ финансовые источники и факторы производства съ ихъ тенденціей къ расширенію базируютъ на весьма шаткой почвѣ.

Русское народное хозяйство, получившее нѣкоторый просторъ для свободнаго проявленія своихъ силъ только съ отмѣною крѣпостного права, должно было въ теченіе одного человѣческаго поколѣнія пройти тотъ путь развитія, для котораго другимъ государствамъ понадобилось цѣлое столѣтіе; при помощи самыхъ интенсивныхъ средствъ воздѣйствія было воздвигнуто народно-хозяйхозяйственное зданіе, весьма внушительное по внѣшнему виду, но лишенное достаточно прочныхъ устоевъ. Аграрному государству едва еще по силамъ возложенное на него финансовое бремя для цѣлей политическаго могущества и расширенія индустріализма, а покупательная способность сельскаго крестьянскаго населенія, какъ и способность его нести налоговое бремя, дошли уже, повидимому, до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Страна слишкомъ бѣдна для возрастающихъ въ слишкомъ сильной прогрессіи требованій фиска, и слишкомъ бѣдна для широкихъ запросовъ избалованной крупной индустріи. «Упадокъ сельскаго хозяйства» съ цѣлымъ рядомъ сопутствующихъ ему неблагопріятныхъ явленій является въ окончательномъ счетѣ только послѣднимъ результатомъ хозяйственной системы, вынужденной въ интересахъ обще-государственныхъ увеличивать свои матеріальныя требованія, хотя большинство крестьянскихъ хозяйствъ не въ состояніи выработать «чистый доходъ» въ капиталистическомъ смыслѣ. [1]) При такихъ условіяхъ внутренній рынокъ останется слабымъ и непрочнымъ до тѣхъ поръ, пока не удастся существенно поднять уровень народнаго благосостоянія. Послѣднее же предполагаетъ значительное увеличеніе доходности

---

[1]) О матеріальномъ положеніи крестьянства, ср. стр. 222.

крестьянскаго хозяйства, что въ свою очередь тѣсно связано съ общимъ улучшеніемъ условій всего сельскаго хозяйства. Успѣшное разрѣшеніе этой проблемы государствомъ равносильно исканію философскаго камня, и его усердно ищутъ уже нѣсколько лѣтъ комитеты для выясненія и борьбы съ нуждами сельскаго хозяйства, изложившіе результаты своихъ трудовъ въ огромномъ матеріалѣ; трудно, однако, предсказать, удастся ли достигнуть по предположенному пути болѣе или менѣе замѣтныхъ результатовъ, по крайней мѣрѣ въ предвидимомъ будущемъ.

Сельскохозяйственный кризисъ глубоко отражается на всемъ народномъ хозяйствѣ, и мы должны поэтому остановиться въ нѣсколькихъ словахъ на *аграрномъ вопросѣ*, хотя онъ и выходитъ за предѣлы нашей задачи. «Малоземеліе» и налоговое обремененіе, обычно признаваемые главнѣйшими причинами кризиса, въ дѣйствительности играли лишь второстепенную роль въ обостреніи этого кризиса. О «малоземеліи» вообще можетъ быть рѣчь лишь постольку, поскольку остаются въ силѣ широко распространенные теперь устарѣвшіе и некультурные методы хозяйства (трехпольная система, общинное землевладѣніе съ передѣлами земли, экстенсивное, хищническое хозяйство); рядомъ съ обычными жалобами на недостатокъ земли у русскихъ крестьянъ наблюдается фактъ постояннаго расширенія земельной площади, остающейся необработанною, а въ то же время крестьянскій земельный банкъ съ большими жертвами пріобрѣтаетъ имѣнія и разбиваетъ ихъ на мелкіе участки, чтобы увеличить площадь крестьянскаго землевладѣнія. Недостатокъ ощущается не въ землѣ вообще, а въ такой землѣ, которая сохранила бы нѣкоторую производительность послѣ предшествовавшей хищнической ея эксплоатаціи.

Въ какой мѣрѣ, далѣе, обоснованы жалобы на обременительность налоговаго обложенія русскихъ крестьянъ? Въ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности многократно высказывалось пожеланіе объ уменьшеніи косвенныхъ налоговъ и облегченіи выкупныхъ платежей. Налоговое обремененіе—такъ полагали комитеты—является, въ связи съ культурной отсталостью хозяйства и недостаткомъ образованности, главнѣйшей причиной упадка крестьянскихъ хозяйствъ, который наблюдается рѣзче всего въ центрѣ и на востокѣ. Печальная картина обнищанія крестьянства внутреннихъ губерній, которую даютъ заключенія свѣдущихъ круговъ, только немного проясняется сдѣланнымъ министерствомъ финансовъ и повидимому достовѣрнымъ разсчетомъ падающихъ на крестьянъ платежей; по этому подсчету прямые налоги государственные, мірскіе и земскіе составляютъ только 2 р. 20 к. съ крестьянской души. Для хозяйства, по общему правилу не окупающаго собственныхъ расходовъ, и такая сумма, безъ сомнѣнія, слишкомъ высока—мѣсто сборщика податей долженъ бы занять представитель общественнаго призрѣнія бѣдныхъ,—но причиною полнаго разоренія такая незначительная сумма служить не можетъ. Что касается затѣмъ такъ называемыхъ выкупныхъ платежей, то ихъ вообще нельзя причис-

лить къ налогамъ. Выкупныя суммы представляютъ собою проценты и амортизацію покупной цѣны за пріобрѣтенную крестьянами землю; эта покупная цѣна имъ частью выдана въ ссуду, частью отсрочена и должна быть окончательно погашена до 1956 года. Общая сумма ихъ составляетъ около 100 мил. руб. въ годъ, такъ что, по одному официальному разсчету, приходится около 1 р. 20 коп. на душу или 7 руб. 20 коп. на крестьянскій дворъ. И такіе платежи нельзя признать ни чрезмѣрными, ни разорительными. Тѣмъ не менѣе можно допустить, что выкупные платежи являются обременительными, особенно въ центрѣ и на востокѣ, и служатъ одною изъ причинъ того, что крестьянинъ, собравъ урожай, тотчасъ же продаетъ свой хлѣбъ по баснословно дешевымъ цѣнамъ, а затѣмъ отъ Рождества до ближайшаго урожая уже не столько кормится, сколько голодаетъ. Преждевременная и поспѣшная продажа хлѣба является, однако, главнымъ образомъ результатомъ не государственныхъ сборовъ, а частныхъ долговъ, которые крестьянинъ вынужденъ сдѣлать зимою. И если бы налоги были бы всѣ сразу отмѣнены, благосостояніе крестьянъ и въ самой отдаленной мѣрѣ не было бы гарантировано.

Главною причиною прогрессирующаго экономическаго упадка служатъ не налоги или выкупные платежи, а отсталость и нехозяйственность крестьянъ. Общей суммѣ налоговъ въ 3 р. 30 коп. противостоятъ добровольно уплачиваемые государству крестьяниномъ 4 р. въ годъ за потребляемые имъ спиртные напитки. [1]) Энергія крестьянъ въ этомъ направленіи даже не безполезна, такъ какъ потребленіе водки является однимъ изъ главныхъ носителей системы косвеннаго обложенія. Нельзя, конечно, признать нормальнымъ, что крестьянская семья, вырабатывающая въ годъ не болѣе 400 руб., вынуждена отдавать около $10^0/_0$ своего бюджета въ видѣ налоговъ на табакъ, керосинъ, сахаръ, вино, чай (пошлина на чай!) и т. д., но больше половины этихъ «косвенныхъ налоговъ» приходится на акцизъ съ питей. Усматривать главную причину крестьянскаго неустройства въ Россіи въ обременительности налоговъ—значитъ переоцѣнивать хозяйственныя качества русскаго крестьянина и всего экономическаго строя.

И при обсужденіи аграрнаго вопроса нельзя примѣнять критерія, въ основу котораго положены западно-европейскія формы развитія. Процессъ преобразованія въ аграрной сферѣ насчитываетъ въ Россіи лишь столько десятилѣтій, сколько потребовалось столѣтій для полнаго его осуществленія въ сосѣднихъ государствахъ Запада. Именно разрушеніе натуральнаго хозяйства пошло полъ-вѣка тому назадъ во внутреннихъ губерніяхъ Россіи болѣе интенсивнымъ ходомъ при такихъ условіяхъ, которыя въ Западной Европѣ начали исчезать уже при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Экономическая жизнь тогдашней Германіи съ ея бюрократическимъ всевластіемъ, тормозившимъ всякое хозяйственное развитіе, нашла

---

[1]) Доходъ съ винной монополіи составляетъ въ годъ 460 мил. руб. при 120 милліонномъ населеніи.

въ Россіи какъ бы своего двойника во второй половинѣ 19 вѣка. Въ Германіи вмѣстѣ съ 19 вѣкомъ отошли въ прошлое тѣ оковы, которые налагало на производительныя силы полицейское государство съ его всепроникающей опекой, — въ Россіи, если разсматривать весь ея хозяйственный организмъ какъ единое цѣлое, полицейское всемогущество и. бюрократическое «всевѣдѣніе» пышно расцвѣтаютъ еще въ 20 вѣкѣ. Какъ всей экономической жизни Россіи, такъ и ея крестьянскому населенію приходится теперь пережить процессъ развитія, давно уже отошедшій въ прошлое для Западной Европы. Дѣлать отвѣтственнымъ за обнищаніе крестьянства одинъ какой либо моментъ, напримѣръ, слишкомъ высокое податное обложеніе, было бы такъ же неправильно, какъ допустить, напримѣръ, что отмѣна общиннаго землевладѣнія могла бы въ короткое время существенно измѣнить теперешнее положеніе дѣлъ. Общинное землевладѣніе, неблагопріятныя стороны котораго, впрочемъ, по общему правилу преувеличиваются, естественно остается, конечно, элементомъ, тормозящимъ дальнѣйшее развитіе, какъ и налоговое бремя, базирующее на фиктивныхъ «чистыхъ» доходахъ». Но этимъ не исчерпывается существо дѣла, и отъ настоящаго нельзя прямо заключать о будущемъ.

Отдѣльные—признаны критическими или же благопріятными—моменты экономическаго развитія Россіи не даютъ намъ достаточно прочныхъ данныхъ для сужденія о томъ, что составляетъ самую сущность вопроса: являются ли отсталость и упадокъ только переходными стадіями на пути къ болѣе свѣтлому будущему. Какъ мы уже видѣли, главнѣйшимъ показателемъ этого лучшаго будущаго явилось бы укрѣпленіе внутренняго рынка, другими словами: поднятіе народнаго благосостоянія. И въ этомъ отношеніи наблюдается несомнѣнный прогрессъ, многократно формулированный министромъ финансовъ Витте въ слѣдующихъ двухъ фактахъ,—мы бы сказали «тезисахъ»: во-первыхъ, уровень благосостоянія населенія, разсматриваемаго какъ единое цѣлое, повышается, несмотря на отдѣльныя мѣстныя уклоненія, и, во-вторыхъ, отдѣльныя группы населенія, медленно, но неуклонно подымаются на болѣе высокія ступени матеріальнаго существованія.

Отъ недифференцированной косной массы отслаиваются болѣе сильные прогрессивные элементы, служащіе ферментомъ для новой соціальной конструкціи матеріально укрѣпленной жизни общества. Эта направляющаяся снизу вверхъ дифференціація населенія, хотя и имѣетъ всѣ признаки своего частно-капиталистическаго происхожденія, но все же въ этомъ соціальномъ разслоеніи заключается гарантія прогрессивнаго развитія. Одновременно съ тѣмъ, хозяйственная жизнь страны реорганизуется въ направленіи индустріализма, при чемъ сельскому хозяйству не остается, въ его собственныхъ интересахъ, другого выбора, какъ перейти къ болѣе интенсивнымъ формамъ производства на основѣ современныхъ методовъ хозяйства или же застыть въ своихъ традиціонныхъ формахъ, что было бы

равносильно неуклонному и все болѣе глубокому упадку. Новая Россія, получившая наиболѣе сильные и прочные импульсы своего развитія отъ западно-европейскаго капитализма, выростаетъ на развалинахъ хозяйственной организаціи, которая осуждена на вымираніе, такъ какъ она была построена на застывшихъ формахъ патріархальной семьи и натуральнаго хозяйства.